

LOMONOSOV MOSCOW STATE UNIVERSITY
Faculty of Economics
Faculty of Global Studies
Center for Population Studies

Proceedings International Conference
**DEMOGRAPHIC DEVELOPMENT:
CHALLENGES OF GLOBALIZATION**
The Seventh Valenteevskiye Chteniya

*dedicated to 90th anniversary of Professor
Dmitry Valentev and the 45th anniversary
of the Department of Population
of the Lomonosov Moscow State University*

15–17 November 2012, Moscow, Russia

*with the support and participation
of United Nations Population Fund (UNFPA) Office
in the Russian Federation, Fund for Supporting Children
in Challenging Situations, The Eurasia Heritage Foundation*

MOSCOW – 2012

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
имени М.В. ЛОМОНОСОВА

Экономический факультет
Факультет глобальных процессов
Центр по изучению проблем народонаселения

Материалы международной конференции
**ДЕМОГРАФИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ:
ВЫЗОВЫ ГЛОБАЛИЗАЦИИ**
Седьмые Валентеевские чтения

*посвященной 90-летию со дня рождения профессора
Д.И. Валентя и 45-летию со дня основания
кафедры народонаселения МГУ имени М.В. Ломоносова*

15–17 ноября 2012 г., Москва, Россия

*при поддержке и участии Московского представительства
Фонда ООН по народонаселению (ЮНФПА),
Фонда поддержки детей, находящихся в трудной
жизненной ситуации, Фонда «Наследие Евразии»*

МОСКВА – 2012

УДК 314
ББК 60.7
Д31

Д31 **Демографическое развитие: вызовы глобализации (Седьмые Валентеевские чтения):** Международная конференция: Москва, Россия, 15–17 ноября 2012 г.: Материалы / Под ред. В.А. Ионцева, Н.В. Зверевой, Г.Е. Ананьевой, В.П. Тышкевич. – М.: МАКС Пресс, 2012. – 696 с.
ISBN 978-5-317-04256-1

Сборник содержит доклады и тезисы российских и зарубежных исследователей в области демографической науки и образования, представленные на международную конференцию «Демографическое развитие: вызовы глобализации». Представленные материалы отражают современный уровень знаний в области демографической науки.

Публикуемые материалы представлены в авторской редакции, и соответственно авторы несут ответственность за их достоверность. С электронной версией материалов кафедры можно ознакомиться на сайте кафедры народонаселения экономического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова (www.demostudy.ru).

УДК 314
ББК 60.7

Demographic development: challenges of globalization (The Seventh Valenteevskiye Chteniya): International Conference: Moscow, Russia, 15–17 November 2012: Proceedings / Eds.: V. Iontsev, N. Zvereva, G. Ananeva, V. Tyshkevitch. – Moscow: MAKS Press, 2012. – 696 p.

The book presents a collection of papers and abstracts submitted by Russian and foreign researchers for the international conference «Demographic development: challenges of globalization». These materials reflected the contemporary level of knowledge and research in the field of demographical studies. All materials are published in author's versions; correspondingly the authors are responsible for their texts and data reliability. The authors' view may differ from those of the Editorial Board. Please refer for electronic version of the book on the web-site of the Department of Population www.demostudy.ru.

Данное издание публикуется при финансовой поддержке Фонда ООН по народонаселению, ЮНФПА. Мнение авторов не обязательно отражает точку зрения ЮНФПА

This publication was published with financial support of the United Nations Population Fund, UNFPA. Views expressed by authors do not necessarily reflect those of UNFPA

ISBN 978-5-317-04256-1

© Коллектив авторов, 2012

Организационный комитет

- Садовничий В.А.* – ректор МГУ (председатель оргкомитета);
Подольский В.Е. – проректор МГУ;
Колесов В.П. – декан экономического факультета МГУ (зам. председателя оргкомитета);
Ильин И.В. – и.о. декана факультета глобальных процессов МГУ (зам. председателя оргкомитета);
Ионцев В.А. – зав. кафедрой народонаселения экономического факультета МГУ (зам. председателя оргкомитета);
Ивахнюк И.В. – профессор кафедры народонаселения экономического факультета МГУ (ученый секретарь оргкомитета);
Абылгазиев И.И. – профессор, научный руководитель факультета глобальных процессов МГУ;
Нисанов Я.И. – научный сотрудник кафедры народонаселения экономического факультета МГУ (ответственный секретарь оргкомитета);
Бондарь М.Д. – зам. декана экономического факультета МГУ;
Елисеев А.Н. – зам. декана экономического факультета МГУ;
Тутов Л.А. – зам. декана экономического факультета МГУ;
Алешковский И.А. – зам. декана факультета глобальных процессов МГУ;
Ананьева Г.Е. – доцент кафедры народонаселения экономического факультета МГУ;
Архангельский В.Н. – зав. сектором Лаборатории экономики народонаселения и демографии экономического факультета МГУ;
Бобров А.Л. – профессор кафедры природопользования экономического факультета МГУ, зам. главного редактора «Вестника МГУ» (Серия «Экономика»);
Габдуллин Р.Р. – зам. декана факультета глобальных процессов МГУ;
Джанаева Н.Г. – старший научный сотрудник Лаборатории экономики народонаселения и демографии экономического факультета МГУ;
Елизаров В.В. – руководитель Центра по изучению проблем народонаселения экономического факультета МГУ;
Зверева Н.В. – профессор кафедры народонаселения экономического факультета МГУ;
Калабихина И.Е. – доцент кафедры народонаселения экономического факультета МГУ;
Калмыкова Н.М. – доцент кафедры народонаселения экономического факультета МГУ;
Магомедова А.Г. – доцент кафедры народонаселения экономического факультета МГУ;
Троцкая И.А. – старший научный сотрудник Лаборатории экономики народонаселения и демографии экономического факультета МГУ;
Тышкевич В.П. – доцент кафедры народонаселения экономического факультета МГУ.

Приветственное слово

Демографическое развитие современного мира приняло уникальный характер, обусловленный, в частности, все возрастающим влиянием современной глобализации.

Уникальность заключается в том, что посредством глобализации, что является одним из важнейших ее вызовов, происходит некая унификация демографического развития мира. Суть унификации сводится к тому, что мир постепенно принимает одинаковые, западные, стандарты демографического поведения: пропагандируется, особенно через СМИ и интернет, модель однополой семьи, семьи без детей (чайлдфри), однополые браки и т.п.

Происходит, в определенном смысле, деградация населения. Ответить на эти вызовы, как и показать пути выхода из условий кризиса, и призвана демографическая наука, которая, на наш взгляд, не совсем успевает за современными реалиями.

Одним из выходов из создавшейся ситуации является объединение усилий демографов всего мира. Этому способствуют различные международные конференции, одной из которых и являются Валентеевские чтения, проводимые регулярно с 1997 года.

На участие в Седьмых Валентеевских чтениях подали заявки ученые из более чем 20 стран, среди которых такие известные демографы как Пол Дементи, Филипп Фарг, Дэвид Коулмен, Янеш Малачич, Леонид Рыбаковский, Анатолий Вишневский, Сергей Щербов и многие другие.

В заключении Оргкомитет конференции хочет пожелать всем участникам Седьмых Валентеевских чтений плодотворной работы на конференции и дальнейших успехов в их научной и преподавательской работе.

Оргкомитет конференции

Приветственное слово Исполнительного Представителя ЮНФПА в Российской Федерации Лидии Бардаковой

Фонд ООН в области народонаселения, ЮНФПА, рад традиции поддержать проведение важного события в демографическом сообществе – международной конференции, посвященной памяти великого российского ученого Д.И. Валентея, внесшего неоценимый вклад в развитие демографической науки в нашей стране.

Тема, выбранная для VII Валентеевских чтений – «Демографическое развитие: вызовы глобализации» – актуальна как никогда. Ведь сегодня проблемы народонаселения выходят за рамки национальных границ. Мы являемся частью большого, взаимосвязанного сообщества, в котором действия, предпринятые в одной стране или регионе, могут непосредственно влиять на другие части мира.

Сейчас многие признают, что глобальный рост населения – это достижение. Люди на нашей планете стали жить дольше, улучшается их состояние здоровья. Но, в то же время, растущее население планеты рождает новые вызовы и подчеркивает чрезвычайную важность решения существующих проблем. Есть проблемы, которые могут и должны быть решены. В первую очередь – это сокращение бедности и неравенства на глобальном уровне.

В современном мире, каждый человек должен пользоваться равными правами. Содействие гендерному равенству, обеспечение качества охраны репродуктивного здоровья, необходимая поддержка родителям могут помочь странам ответить на современные демографические вызовы.

Инвестиции в репродуктивное здоровье являются на сегодня необходимостью для решения наиболее сложных глобальных проблем. Эти инвестиции должны повысить благосостояние и улучшить перспективы как для нынешнего, так и будущих поколений. Такие инвестиции укрепляют семьи и способствует экономическому росту, миру, справедливости и устойчивости.

По оценкам специалистов, сейчас на планете насчитывается 1,8 миллиарда подростков и молодых людей – это самое большое поколение в истории человечества. Энергичные и открытые для возможностей, предоставляемых новыми технологиями, молодые люди меняют политику и культуру и взгляд на профилактику ВИЧ. Их выбор будет определять наше общее будущее. Они нуждаются в большей поддержке, и они хотят свободы, возможности участия в общественной жизни, а также достойной жизни. Инвестирование в молодежь, охрану ее репродуктивного здоровья и гендерное равенство может помочь странам выйти на путь ускоренного экономического роста и равноправного развития.

Увеличение продолжительности жизни в сочетании с низким уровнем рождаемости во многих странах означает, что эти страны столкнутся с

проблемой старения населения. Мы должны заблаговременно планировать создание систем здравоохранения и социального обеспечения для престарелых как раз в то время, когда мы растим беспрецедентно многочисленное поколение молодежи.

Все вышеперечисленное представляет собой не только глобальные вызовы, но и новые возможности, одновременно являясь призывом к действию, поскольку для уменьшения неравенства и поиска путей обеспечения благополучия живущих сегодня людей – а также будущих поколений – требуются новое мышление и беспрецедентное глобальное сотрудничество.

И мы надеемся, что диалог ведущих ученых, собравшихся на VII Валентеевские чтения, сможет внести вклад в достижение того, чтобы в нашей стране и во всем мире каждая беременность была желанной, каждые роды безопасными и все молодые люди имели возможность реализовать свой потенциал. Мы не сомневаемся, что наши маленькие индивидуальные действия, помноженные на действия по всему миру, могут привести к значительным изменениям.

ПЛЕНАРНАЯ СЕССИЯ

*Зверева Н.В.,
Россия, Москва*

Научные идеи Д.И. Валентя и современная глобализация

Глобализация – процесс всемирной экономической, демографической, политической, культурной интеграции и унификации. Глобализация втягивает в тесное взаимодействие населений отдельных государств, национальных экономик, связанных друг с другом системой международного разделения труда, экономическими, социальными и политическими отношениями, международной миграцией. В результате глобализации мир становится более связанным, а население отдельных стран – более зависимым от отдельных субъектов процесса глобального взаимодействия. Взаимозависимость населений и стран приводит к тому, что многие демографические проблемы невозможно оценить, а значит, и решить на уровне отдельной страны: рушатся границы между «внутренним» и «внешним»: внутренние проблемы одной страны становятся проблемами всего мирового сообщества. Кроме того, возрастает количество проблем, общих, одинаковых для всех народов и государств.

Демографическая глобализация – это проявление общего, системного, глобализационного процесса в демографической сфере. Процесс глобализации оказывает все более существенное влияние и на внутренние демографические процессы, воспроизводство населения в той или иной стране. Начался этот процесс еще во второй половине прошлого века, что ярко проявилось в тенденциях демографического развития слаборазвитых бывших колониальных стран (демографическом взрыве, частично определяющем проблемы их социально – экономической отсталости). Демографическая глобализация сказывается на воспроизводстве населения как развитых, так и развивающихся стран, роли в нем миграции. Проблемы низкой рождаемости, внутренней и внешней миграции наряду с проблемой снижения смертности (особенно материнской и детской) в слаборазвитых странах, старения населения все более становятся в ряд важнейших глобальных проблем.

В настоящее время понятие «глобальный» в демографии рассматривается неоднозначно, а именно:

- как воспроизводство (рост, изменение структур) населения всей Земли без разделения на страны и регионы (единое население Земного шара);
- как одинаковые тенденции воспроизводства населения, отдельных демографических процессов в разных странах;

- как взаимное влияние различий в развитии, воспроизводстве и структурах населения в отдельных странах мира. Так, третий демографический переход в развитых странах мира во многом определяется сосуществованием и тесным взаимодействием с ними в глобальном мире стран, проходящих первый демографический переход. На последние третий демографический переход тоже оказывает воздействие через изменение численности и структуры их населения, изменение уровня жизни, качественных характеристик, демографическое поведение населения этих стран.

Глобализация открывает широкие возможности для человеческого развития, но в то же время для многих населений глобализация стала означать большую уязвимость к воздействию незнакомых и непредсказуемых внешних сил, которые становятся по степени своего воздействия внутренними. Эти силы могут вызвать экономико-демографическую нестабильность и социальные неурядицы, иногда с молниеносной скоростью, но при этом не зависят только от действий данного государства или его общественных институтов. Человечество еще не адаптировалось к этой новой реальности.

Современное мировое развитие подтверждает некоторые выводы, сделанные Д.И. Валентеем и его коллегами более трети века назад. Д.И. Валентей был одним из первых крупных ученых нашей страны, кто стоял у истоков комплексных исследований народонаселения, в центре которых была демография как самостоятельная наука, изучающая сложные общественно-естественные процессы. В настоящее время, в условиях глобализации, «комплексный подход» выходит на глобальный уровень (изучение взаимодействий населений разных стран представителями различных наук, координация исследований, источников данных и т.д.).

Во многом благодаря тому, что сам Д.И. Валентей был по образованию не демографом, целенаправленно использовал в своих исследованиях понятия других наук, он мог видеть дальше многих узких специалистов. Он формулировал гипотезы, которые на том этапе развития демографических исследований еще нельзя было проверить (в силу отсутствия реального социального заказа, за который он всегда бился, неразвитости демографических исследований, недоступной адекватной информационной базы, технических средств и т.д.). Он видел демографическую реальность далеко вперед, в частности, – только «первые признаки» обозначающихся проблем демографической глобализации. Он ставил слишком сложные для того времени задачи – системного изучения качества населения, его развития, как процесса, состоящего из взаимодействующих процессов (в центре которых – воспроизводство населения), влияния качества населения на его воспроизводство, системы закономерностей развития населения (включающей всеобщие, «глобальные» как сейчас бы сказали, так и специфические закономерности его развития и воспроизводства).

Важность комплексных, междисциплинарных исследований народонаселения, разработка их методологии и теории определяется в глобальном мире тесным характером взаимодействующих населений Земли, усложнением их «внутренне-внешних» отношений. Их значимость также обуславливается необходимостью объяснения закономерностей воспроизводства населения одной страны, но уже во взаимодействии с воспроизводством населения других стран, всего мира, прогнозирования тенденций воспроизводства населения страны и мира в целом, их роль в развитии мирового сообщества (и в экосистеме всей Земли).

Д.И. Валентей пытался решить задачу интеграции знаний о населении следующим образом. Им ставился вопрос о том, что же именно объединяет все проблемы и «аспекты» изучения народонаселения, на какой основе можно синтезировать результаты дисциплинарных исследований. Вопрос об этой объединяющей основе поставленный Д.И. Валентеем к середине 70-х гг., актуален, как никогда, в эпоху глобализации. Провозглашенный им проблемный подход к исследованию народонаселения, с самого начала требовал изучения системы связей, отношений как внутри воспроизводства населения региона или страны, так и между ним и населением других стран, обществом и природой с целью решения проблем развития населения и воспроизводства как его части. Решить эту задачу одна наука не могла. Последовательно реализуемый проблемный подход, приводил к необходимости использовать результаты исследований общественных и ряда естественных наук в изучении, как отдельных проблем народонаселения страны, так и проблем его воспроизводства в глобальном мире.

Еще один вывод, сделанный Д.И. Валентеем, имеющий особое значение в эпоху глобализации, состоит в том, что экономический рост представляет собой необходимое, но недостаточное условие развития населения. Он должен сочетаться с эффективной социальной политикой, с повышением уровня образования, улучшением охраны здоровья для всех, обеспечением равенства между мужчинами и женщинами и стартовых возможностей для нового поколения вне зависимости от страны проживания. Об этом он говорил и писал в 60–70-е гг. прошлого века, а именно в этом и состоят социально-демографические цели развития человечества уже нашего нового тысячелетия.

Глобальная демографическая проблема в современном мире имеет следующие наиболее важные аспекты («всеобщие проблемы развития народонаселения», по терминологии Д.И. Валентея):

- различия в темпах роста населения развитых и развивающихся стран (глобальные причины и последствия демографического взрыва), которые ведут к необходимости установления нового экономического и политического порядка, учитывающего растущую долю населения развивающихся стран в населении мира, их роль в миграции рабочей силы, увеличении глобального человеческого потенциала;

- разрыв в темпах развития и уровне жизни населения развитых и развивающихся стран, обусловленный демографическим взрывом;
- роль мировой миграции, создающей новые глобальные социально-экономические, политические, национальные, этнические, демографические и другие проблемы (или возможности), как для населения развитых, так и для населения развивающихся стран;
- проблема положения женщин в экономике, обществе, семье, т.е. проблема достижения гендерного равенства;
- проблема гарантий прав ребенка на образование, здравоохранение, достойный уровень жизни, защиту от насилия, обеспечение равных стартовых возможностей для молодого поколения вне зависимости от страны проживания;
- проблема сохранения национальной (или государственной) идентичности, изменения соотношения численности различных наций (или приверженцев различных религий как внутри стран, так и в мире в целом);
- проблема охраны, восстановления окружающей среды, как в развитых, так и в развивающихся странах;
- проблема старения населения, как отдельных стран, так и мира в целом.

Все указанные проблемы взаимосвязаны, поэтому они и составляют части единой глобальной проблемы народонаселения. О проблемах, связанных с демографическим взрывом, социально-экономическим положением населения развивающихся стран, положением детей и молодежи, женщин, ростом населения и экологией, как проблемах, для решения которых требуются объединенные усилия мирового сообщества, Д.И. Валентей говорил 40 лет назад.

Для Д.И. Валентей главным объектом внимания было не только воспроизводство населения само по себе, но и система его связей с социальным и экономическим развитием (обуславливающие его факторы, с одной стороны, и его социально-экономические последствия – с другой). «Ядром», центром внимания для него было воспроизводство населения. Однако определить причины возникновения проблем воспроизводства населения, оценить их последствия для всего мирового сообщества (различные аспекты глобальной социально-демографической проблемы в ее сегодняшнем понимании), степень их важности для развития в целом, обосновать необходимость и пути их решения, можно было, по его мнению, через включение этого «ядра» в более широкий спектр проблем, который и назывался проблемой развития населения.

С точки зрения экономико-демографического подхода, которого придерживался Д.И. Валентей, наибольшее внимание заслуживают проблемы закономерностей влияния социально-экономического развития на демографические процессы в определенные исторические периоды. Примени-

тельно к нашей теме это означает необходимость анализа взаимодействия социально-экономических и демографических процессов (не только описания последних, но и их объяснения в эпоху глобализации, что сейчас составляет гораздо более сложную задачу, чем в его время). И у нас, и за рубежом, в его время ставилась проблема оптимума населения (экономико-демографического оптимума, как на определенный момент времени, так и оптимального типа воспроизводства населения, как для одной страны, так и для мира в целом). Эта проблема до сих пор не решена, что сказывается на объяснении и предсказании обратного влияния воспроизводства населения на экономику, на социально-экономическую политику, на мировой социально-экономический и социально-политический порядок, поскольку население является важнейшим демографическим потенциалом развития глобальной экономики, экологических изменений, взаимоотношений между странами, определяющими как их перспективы, так и будущее Земли. В настоящее время воспроизводство и развитие населения одной страны все более становятся потенциалом экономического, социального, политического, национального и т.д. развития также и других стран мира. И это относится не только к развивающимся странам (эмиграции из них человеческого потенциала), но и к развитым («эмиграции» из них достижений медицины, здравоохранения, образования, культурных норм, отношений гендерного равенства, демографического поведения, духовной и поведенческой «вестернизации»).

Проведение демографической политики в развивающихся странах для решения общих проблем, связанных с демографическим взрывом, по мнению Д.И. Валентя, «требует комплексного подхода. Демографическая политика в развивающихся странах, по нашему мнению, должна быть проведена в два этапа, временная граница между которыми, разумеется, очень условна. На первом этапе необходимо выполнить комплекс мероприятий по созданию объективных предпосылок для социально – экономического регулирования демографических процессов на основе прогрессивных реформ в области здравоохранения, образования, женского равноправия и социального обеспечения. На втором этапе можно приступить к целенаправленной корректировке демографического поведения населения»¹.

Д.И. Валентей разделял понятия «тип воспроизводства населения» и «режим воспроизводства населения». Под «режимом» он понимал совокупность количественных индикаторов воспроизводства населения, а под «типом» – социально-экономические отношения (неотъемлемой частью которого было управление демографическими процессами), определяющие данный режим. В связи с этим он и критиковал концепцию демографического перехода, поскольку, по его мнению, она не учитывала специ-

¹ Проблемы народонаселения. Современная демографическая ситуация в развивающихся странах // Под ред. Д.И. Валентя и А.П. Судоплатова. – М., 1982, с. 19.

фику социально-экономических типов воспроизводства населения. Детальный анализ его точки зрения в применении к современному процессу глобализации позволяет представить следующую схему.

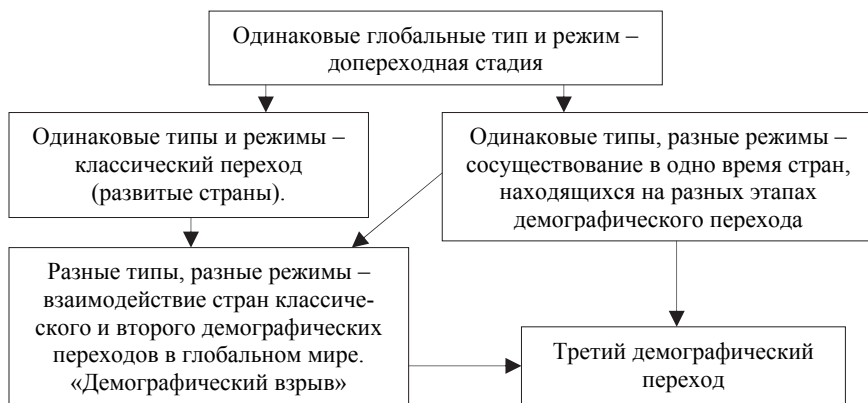

Рис. 1. Демографические переходы и глобализация

Возрастание вклада миграционного прироста в общий прирост населения в последние годы было характерно для многих развитых стран мира, вступивших в третий демографический переход. Абсолютная величина миграционного прироста населения развитых стран мира увеличилась с 3 миллионов человек в 1960–1965 годы до 17,4 миллиона человек в 2005–2010 годы, а значение коэффициента миграционного прироста – с 0,6 на 1000 человек постоянного населения в 1960–1965 годы до 2,9‰ в 2000–2005 годы и 2,7‰ в 2005–2010 годы.

Интенсивность миграционного прироста при реализации среднего варианта прогноза численности населения ООН в конце нашего века опустится до нулевой отметки во всех регионах, кроме Европы, в которой коэффициент миграционного прироста сократится с 2,56 на 1000 человек постоянного населения в 2000–2005 годы до 0,14 в 2095–2100 годы. Более резкое сокращение миграционного прироста будет наблюдаться в Северной Америке – до нуля в конце нашего века. Взаимодействие стран, находящихся в третьем и первом демографическом переходе, влияет на воспроизводство, численность, структуру, национальный состав населения не только развитых, но и развивающихся стран. Что будет с третьим демографическим переходом, когда первый демографический переход закончится во всех странах мира? Ответить на этот вопрос можно найти на основе комплексного подхода к воспроизводству населения как составной части его развития, на основе теории многоукладности (взаимодействия разных типов воспроизводства населения одной страны), о которой гово-

рил Д.И. Валентей (но уже не в одной стране, а в глобальном мире). Однако, по его мнению, сосуществование различных укладов и их взаимодействие закончится, но проблема состояла для него в том, чтобы ответить на вопрос, какой уклад станет всеобщим.

Развивая точку зрения Д.И. Валентей, глобальную демографическую проблему, как уже указывалось, нужно анализировать как единое целое. Основное в ней, по его мнению, влияние роста населения мира на экологию (проблема первого порядка). По его мнению, глобализация вызвала демографический взрыв, и в то же время сам он превратился в глобальную проблему. Население мира, как он считал, дифференцировано: соцстраны, развитые страны (капиталистические страны), развивающиеся страны. Эти группы стран находятся на разных этапах социально-экономического (формационного развития). Здесь, по его мнению, кроются корни различий воспроизводства населения этих стран (проблема второго порядка). Динамику численности человечества нельзя объяснить, прогнозировать без разделения на сосуществующие, находящиеся на разных стадиях социально-экономического развития населения, и главное – без анализа их взаимодействия (проблема третьего порядка). Если продолжить его идеи, то в будущем глобальном мире, динамику численности всего человечества нельзя будет объяснить вне анализа множества разнообразных индивидуальных поведений, поскольку он считал, что сохранится взаимодействие всеобщего и особенного (особенное не исчезнет но «перейдет» на индивидуальный уровень).

Что первично в глобальных проблемах: рост населения или возможности окружающей среды, технологический рост? Что первично: динамика численности населения и изменение его структур или социально-экономическая специфика стран (а внутри страны – социальных групп или социально-экономических укладов)? Ответить на этот вопрос однозначно, по его мнению, было нельзя, его надо изучать отдельно для стран, с разным уровнем развития технологии, социально-экономических отношений, воспроизводства населения, с разными социальными группами. В настоящее время эти различия становятся межстрановыми, взаимодействующими, влияющими на глобальный экономический, политический, социальный порядок.

Как уже упоминалось, Д.И. Валентей критически относился к теории демографического перехода как теории, отражающей общие, т.е. одинаковые (с теми или иными модификациями) эмпирические закономерности воспроизводства населения. Он считал, что за этими закономерностями стоят исторически меняющиеся взаимосвязи воспроизводства населения и социально-экономического развития. По его мнению, эта «общая концепция» демографического перехода при попытке его объяснения распадается на ряд концепций, объясняющих изменения отдельных демографических

процессов (прежде всего рождаемости) в населении стран, находящихся на разных стадиях социально-экономического развития, в социальных группах внутри стран, в специфических политических, национальных, институциональных и многих других социальных условиях. Иначе говоря, необходим анализ моделей взаимосвязи воспроизводства населения (его социальных групп) с социально-экономическим, культурно-историческим процессом, т.е. развития населения (а в современном мире – и взаимодействия этих моделей).

Для мира в целом такие всеобщие (одинаковые) модели могут быть только самыми общими (абстрактными, математическими, т.е. не теоретическими). Для одной страны они будут более содержательными, более полными и сложными. В пределах одной страны для различных классов и социальных групп, регионов также могут существовать свои собственные системы условий и факторов рождаемости, смертности, миграции. В будущем такие факторы, их иерархия могут быть специфическими и для разных людей и семей (процесс индивидуализации в глобальном мире в противовес идее «одинакового человечества»). Степень влияния, соотношение этих условий и факторов определяют демографическую ситуацию, воспроизводство населения в стране (ее регионах) или группе стран, демографическую стратегию классов и социальных групп, если условия и образ жизни их существенно различаются. Но самое главное здесь – идея о том, что за демографическими показателями (может быть, и одинаковыми), могут стоять специфические социально-экономические отношения. В настоящее время становится особенно ясно, что не учитывать эту специфику нельзя. Глобальные закономерности воспроизводства населения – это единство специфических закономерностей тесно взаимодействующих групп стран мира или отдельных его стран. Д.И. Валентей ставил также вопрос о том, как долго продлится это «разнообразие». Он считал, что когда-нибудь человечество все-таки придет к одинаковому для всех стран режиму воспроизводства населения (при сохранении различий демографического поведения), но когда именно, ответить не мог.

Специфика демографического взрыва в развивающихся странах состоит в том, что он представляет собой одну из важнейших глобальных проблем, на эту специфику и обращал внимание Д.И. Валентей. По его (и его единомышленников мнению) порождаемые современным демографическим взрывом «глобальные проблемы требуют комплексного решения, одним из аспектов которого является разработка демографической политики в целях социального прогресса. Высокие темпы роста населения в развивающихся странах в настоящее время оказывают долгосрочное воздействие на тенденции современного мирового развития. Их интенсивность вызвала к жизни в последние десятилетия XX в. ряд сложных про-

блем глобального характера...»². Д.И. Валентей и его коллеги считали: «Хотя пространственные рамки современного «демографического взрыва» обозначаются вполне четко границами развивающихся стран, он представляет собой не только местное или региональное, но одновременно и глобальное явление. В той или иной мере с «демографическим взрывом» связаны такие мировые проблемы, как необходимость значительного роста производительных сил человечества, снятие напряженности в обеспечении его сырьевыми ресурсами, энергией и продовольствием, поддержание экологического равновесия»³.

По мнению Д.И. Валентя, основная причина демографического взрыва – это взаимодействие развитых и развивающихся стран, различных социально-экономических укладов в развивающихся странах, что приводит к воспроизводству таких типов семьи, которая заинтересована в большом числе рождений при снижающейся смертности (основанной на использовании преимуществ глобализации), деятельность мирового сообщества (направившего свои усилия, прежде всего, на снижение смертности в развивающихся странах). Эта же деятельность направлена на решение проблем рождаемости в развивающихся странах (программы планирования семьи), повышение уровня образования женщин и детей.

Д.И. Валентей считал, что «процессы социального и территориального движения населения оказывают все более возрастающее воздействие на демографическое поведение людей, на формирование определенных репродуктивных установок семьи» (и не только в развитых, но и в развивающихся странах). Современная концепция третьего демографического перехода, исходя из анализа влияния международной миграции на численность и структуру населения развитых стран, должна (или уже это делает) детально проанализировать и влияние глобализации на демографическое поведение населения не только стран иммиграции, но и стран эмиграции. Д.И. Валентей также полагал: «если рассматривать тенденции роста населения в широкой исторической перспективе, то не трудно заметить, что режим воспроизводства населения и структура заболеваемости находятся в прямой зависимости не просто от социальных внешних факторов, а от характера их воздействия на демографическое поведение семей, всего общества в целом»⁴.

Д.И. Валентей пришел на первый взгляд к парадоксальному выводу о том, что степень самостоятельности и развития демографии определяется

² Проблемы народонаселения. Современная демографическая ситуация в развивающихся странах / Под ред. Д.И. Валентя и А.П. Судоплатова. – М., Прогресс, 1982, с. 3.

³ Там же, с. 10.

⁴ Проблемы народонаселения. О демографических проблемах стран Запада / Под ред. Д.И. Валентя и А.П. Судоплатова. – М., Прогресс, 1977, с. 9, 13; Система знаний о народонаселении / Под ред. Д.И. Валентя, 1976, с. 33.

степенью развития комплексного подхода к изучению демографических процессов, включенности в него многих наук. В настоящее время, в эпоху глобализации – это означает, что национальные исследования приобретают «синергетическую результативность» при тесной кооперации исследователей отдельных стран, унификации источников и разработке единых баз данных, при наличии международных научных программ.

Развивая взгляды Д.И. Валентя о специфических типах воспроизводства населения и разных социально-экономических укладах (или формациях), определяющих демографическое поведение, о взаимодействии этих типов воспроизводства населения (социальных групп), можно сказать, что в настоящее время проявлением (или этапом) глобализации может выступать регионализация. Регионы, входящие в состав того или иного государства, как и отдельные государства, оказывают все большее влияние на состояние системы международных социально-экономических, демографических и политических отношений. Одновременно усиливается влияние регионов и на внутреннюю социально-демографическую политику, а через нее – и на внешнюю. Регионализация становится характерной не только для федеративных государств, но и для унитарных. В Европейском союзе, например, развитие этого процесса привело к выработке концепции «Европы регионов». Были созданы Ассамблея европейских регионов и Комитет регионов, а сами регионы получили больше возможностей решать свои проблемы на международном уровне без непосредственного участия правительств своих государств.

Строной глобализации в настоящее время является увеличение значимости местных сообществ, концентрирующих в своих руках решение все большего количества проблем, и усиление значения локальной идентичности (наряду с идентичностью глобальной). В последнее время в мировом научном сообществе становится все более популярной концепция глобального общества (Global society), с точки зрения которой, все люди нашей планеты являются гражданами единого глобального общества. Воспроизводство и развитие населения регионов в этом глобальном обществе состоит из множества локальных сообществ отдельных стран мира (по терминологии Д.И. Валентя – из социально-экономических типов, обуславливающих режимы воспроизводства населения). «Разнообразие», как уже отмечалось, выходит на региональный (а затем и на индивидуальный уровень – вот почему такое внимание Д.И. Валентей уделял социолого-демографическим исследованиям демографического поведения).

Д.И. Валентей был одним из первых крупных ученых нашей страны, кто стоял у истоков исследований воспроизводства населения как составной части его развития. Он указывал на проблему развития народонаселения как наиболее общую, включающую в себя все другие его проблемы, выступающие как проблемы его воспроизводства, отдельных демографи-

ческих процессов, расселения, семьи, женщин, детей, отношений между поколениями, здоровья населения, его образования и т.д.⁵ Среди качественных характеристик им особо выделялись образование и здоровье (в настоящее время изучению продолжительности здоровой жизни как важной качественной характеристике не только продолжительности жизни, но и качества жизни населения исследователи начинают уделять большое внимание). Понятие «качество населения» непосредственно связывалось им с понятием «развитие населения».

Впервые теоретико-методологический анализ этого понятия был дан в работе «Система знаний о народонаселении» (1976), хотя ссылки на определенное понимание этого термина имелись в работах самого Д.И. Валентя или вышедших под его редакцией раньше. Это понятие было необходимо Д.И. Валентю для обозначения системы социально-экономических взаимодействий социально-экономического развития и воспроизводства населения, частью которого оно являлось. Введение этого понятия давало возможность через «развитие» выйти на объяснение закономерностей воспроизводства населения и отдельных демографических процессов, а также определить направления влияния демографических факторов на социально-экономическое развитие. Таким образом, им ставилась общая проблема развития народонаселения непосредственно в связи с его воспроизводством.

Сейчас, видимо, именно развитие населения (воспроизводство как часть этого развития) становится предметом озабоченности мирового сообщества, единой глобальной проблемой человечества, а смягчение его неравномерности, в т.ч. социально-экономического неравенства не только внутри страны между социальными группами, но и между странами, представляет собой важнейшую и актуальную глобальную проблему народонаселения. Хотя Д.И. Валентей придерживался широкой трактовки этого понятия, все равно сама ее постановка в нашей стране еще в 60-х гг. имеет большое значение и в настоящее время для исследований развития населения, развития человеческого потенциала, устойчивого глобального развития.

В рамках разрабатываемых ООН программ развития уже более 20 лет ежегодно публикуются отчеты о развитии человеческого потенциала (человеческом развитии). Был предложен и его измеритель – индекс развития человеческого потенциала (человеческого развития), включающий оценки продолжительности жизни, уровня образования и доходов населения. Постоянно совершенствуются его показатели и методики их расчета, в частности с учетом неравенства. Развитие человеческого потенциала определяется как процесс увеличения человеческих возможностей, состоящий в том, что человек должен прожить долгую и здоровую жизнь, быть образованным, иметь нормальный уровень жизни, что обеспечивается политиче-

⁵ См. Марксистско-ленинская теория народонаселения / Под ред. Д.И. Валентя. М., 1974.

ской свободой, правами человека, общественным уважением к личности. В докладах, выпускаемых в рамках Программы развития ООН (ПРООН), затрагиваются вопросы, отражающие различные аспекты глобальной демографической проблемы, непосредственно связанные с развитием человеческого потенциала стран мира.

Анализ «детерминант и последствий демографических тенденций», проводимый мировым сообществом уже 40 лет, в настоящее время становится изучением человеческого развития. Для демографии важно отметить следующее. Приходит всеобщее понимание важности анализа «развития человеческого потенциала» для анализа воспроизводства населения как составной части глобального развития человечества в целом⁶.

Определение проблем населения и его воспроизводства, как «проблем национальной важности» («национальной безопасности»), с одной стороны, и как важных глобальных проблем – с другой, попытки ответа на них в определенных исторических условиях – это крупнейшая научная заслуга ученого. Многие идеи, выдвинутые Д.И. Валентеем и его сотрудниками в 60–80-е гг., имеют значение в современном глобальном мире. Это: 1) комплексный подход к анализу закономерностей воспроизводства населения; 2) изучение воспроизводства населения в социально-экономическом контексте, акцент на качество и развитие населения, составной частью которого выступает и его воспроизводство; 3) взаимодействие (при сохранении) социально-экономической и национально исторической специфики стран, «укладов» социальных групп и глобализации; 4) обоснование активной социально-демографической политики для страны, мира в целом как части глобального управления развитием населения; 5) обоснование необходимости интеграции демографических переменных в стратегии развития, проблема динамического экономико-демографического оптимума; 6) расширение международного сотрудничества в области демографических исследований.

В заключение не могу не отметить то, что особое внимание уделял Д.И. Валентей разработке вопросов социально-демографической политики. Не случайно, первая монография Д.И. Валентея называлась «Проблемы народонаселения» (1961), а вторая его монография, вышедшая более 40 лет назад, называлась «Теория и политика народонаселения» (1967). Основные критерии остроты проблем социально-демографической политики, ждущих своего решения, по его мнению, определялись степенью соответствия численности, структуры, воспроизводства, размещения населения по территории стран, всего мира потребностям развития производства для обеспечения занятости, благосостояния и развития всех членов человеческого сообщества. Эти проблемы как никогда важны и в современном мире.

⁶ См., напр. Доклад о развитии человека. 2009. Преодоление барьеров: человеческая мобильность и развитие. ПРООН. – М., 2009.

Литература

1. Валентей Д.И. Проблемы народонаселения. – М., 1961.
2. Валентей Д.И. Теория и политика народонаселения. – М., 1967.
3. Вопросы марксистско-ленинской теории народонаселения / Под ред. Д.И. Валентя. – М., 1969.
4. Марксистско-ленинская теория народонаселения / Под ред. Д.И. Валентя. – М., 1974.
5. Кваша А.Я. Проблемы демографического оптимума. – М., 1974.
6. Система знаний о народонаселении / Под ред. Д.И. Валентя. – М., 1976 (второе изд. – М., 1991).
7. Вишневский А.Г. Воспроизводство населения и общество. История, современность, взгляд в будущее. – М., 1982.
8. Основы теории народонаселения / Под ред. Д.И. Валентя. – М., 1986.
9. Саградов А.А. Теория и методы изучения качества населения. – М., 1995.
10. Демография: современное состояние и перспективы развития научного знания / Под ред. Д.И. Валентя. – М., 1997.
11. Доклад о человеческом развитии. Преодоление барьеров: человеческая мобильность и развитие. ПРООН. – М., 2009.
12. Доклад о человеческом развитии. Устойчивое развитие и равенство возможностей: Лучшее будущее для всех. ПРООН. – М., 2011.
13. Доклад о развитии человеческого потенциала в Российской Федерации 2011. Модернизация и развитие человеческого потенциала. ПРООН. – М., 2011.

***Coleman D.A.,
United Kingdom, Oxford***

The ethnic transformation of European societies by immigration

The background

The populations of the developed countries are moving into an unknown world of few babies, longer lives, aged populations, diverse family structures and more immigrants. In many Western European countries the population growth of the first demographic transition in the 19th century made possible and in some ways drove a great outflow of emigrant population to destinations outside Europe. Some went to more sparsely populated areas in the Americas and Antipodes, also to settlement in North and Southern Africa and the East Indies. About 54 million Europeans crossed the Atlantic between 1815 and 1914, very likely delaying the onset of fertility transition in much of Europe by relieving its population pressure. Now, many of those populations which Europeans colonised are in the middle of their own demographic transitions. This mismatch of the timing of transition means that population pressure is now reversed.

Many people from origins previously rare or unknown in Europe and the English-speaking world have now settled in the developed world. The motivations and processes of migration flows from poor countries are very diverse, influenced by all kinds of social, economic and political changes, not the least policy in the receiving countries. The path of recent net flows into some European countries is consequently volatile (Figure 1). For example the peak year of flows into Germany in 1990 arose from a transient combination of forced migration from former Yugoslavia, inflows of *aussiedler* of German origin after the fall of the Iron Curtain and of asylum seekers before the reform of the German Basic Law. By 2004 it had become briefly negative.

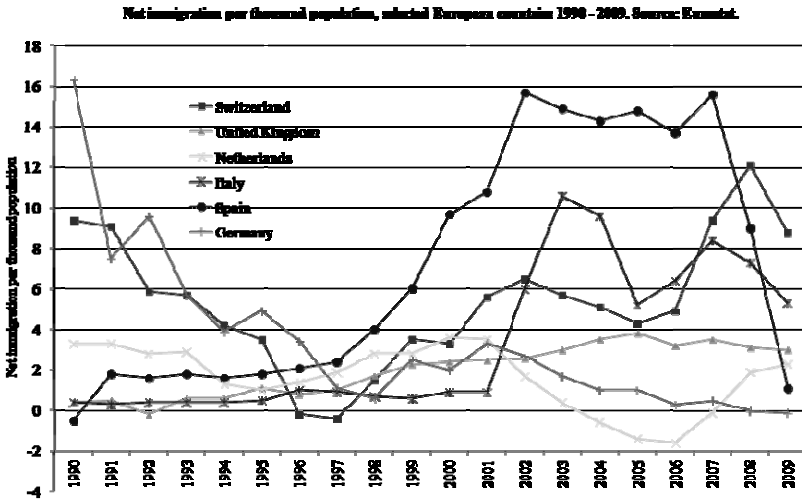

Figure 1. Net immigration per thousand population, selected European countries 1990–2009

Initially, much of that migration, especially to Germany and the Netherlands, was ‘guest-worker’ migration of relatively low – skilled migrants recruited, or entering, to work in factories and foundries and mills in the rapidly expanding European economies of the late 1950s and 1960s. To begin with most came from the poorer fringes of Southern Europe and North Africa; later from Croatia and Turkey. Little thought was given to the consequences. It was supposed, at least in Germany, that they would return when their contacts ended or when the economy periodically turned down. Some did. Many did not, even when the need for their low-skilled labour withered with the rust-belt industries in which many were employed. In the Western liberal economies, it became impossible to resist claims for family re-union in Europe, a complication not initially envisaged at all. Dependants and spouses, old and new, came to dominate migration

flows, augmented from the 1980s by the growth of asylum claiming and illegal inflows and over-staying. Table 1 below shows gross inflows to France in 2009 illustrating the percentage of migrants entering for diverse purposes. That is typical of a number of European countries. More recently, changes of government, in the UK 1997 – 2010, and in Sweden, and new labour needs, have renewed labour migration flows. Since 2010, however, the UK now has a more restrictive policy following a change of government. The huge increases in Spain, and to a lesser extent in Italy, reflect in part the statistical recognition (through regularisation) of very large inflows of illegal immigrants previously unrecorded. In the English-speaking countries overseas, whose governments adopt a more consistent policy in favour of managed migration, inflows have been more substantial and more regular since post-war restrictions were lifted, as in the US in 1965. Even then, the consequences were often unintended. Those who promoted the US 1965 Immigration Act claimed that they never expected, or intended, the very large inflows of family and dependants that have followed it (Graham 2004).

Table 1

France 2009. Percentage of migrants entering for diverse purposes

						Percent
	Student	Worker	Family	Other	All	by area
EEA	3	37	10	50	100	21
Non-Europe	26	5	50	19	100	79
All	21	11	42	25	100	100
Other' includes inactive, retired, refugee. Percent by purpose excludes minors, about 8% of total.						
Switzerland and Turkey omitted. 12% of total, mostly Turkey. Entry 39% for family reasons.						
Source: INED.						

The attitudes of elites, many longer rooted in a confident concept of national identity or worth, indifferent to religion, careless or ignorant of national history, tend to be open also to pluralistic ideas of nation and culture, favouring or at least tolerant of alien cultures and their values which previously would have been regarded as problematic or unacceptable. Open and uncertain attitudes to immigration, an inclination towards a multicultural not an assimilationist outcome for cultural diversity, collide with much more clear-cut and confidently held traditional attitudes in immigrant cultures from the developing world, especially among Muslims. Many from such societies remain untouched by 'progressive' attitudes and respond strongly and violently when they arise in their own communities – for example opposition to an arranged marriage.

The influence of migration on population dynamics in Western countries

In many of the countries of the developed world, international migration now dominates the dynamics of population. In some countries in recent years (Table 2) the volume of migration has approximated (Switzerland, Italy) or exceeded (Spain) the number of live births in each year and has been much greater than their natural increase. Some of the latter will be, in any case, births to immigrants.

Table 2

Selected Western countries					
Comparisons of live births, net immigration and natural increase 2010					
	Population	Live	Natural	Net	Net migration
	1st Jan 2010	births	increase	migration	as percent
		data in thousands			of births
Switzerland	7786	80	13	61	75
Belgium	10840	127	23	89	70
Norway	4858	61	17	42	69
Italy	60340	562	-7	312	55
Austria	8375	79	2	27	35
Denmark	5535	63	9	17	27
UK	62027	807	246	163	20
Germany	81802	678	-181	130	19
Spain	45989	485	107	60	12
France mét	62791	802	262	75	9
Greece	11305	115	6	-1	-1
Total of above	361648	3860	495	975	25
Australia	22696	293	149	176	60
Canada	34108	381	127	216	57
New Zealand	4370	64	35	10	16
United States	298363	4217	1840	844	20

Sources: Eurostat, Australian Bureau of Statistics, Statistics Canada, Statistics New Zealand, US Census Bureau, National Center for Health Statistics, US Dept of Homeland Security.

Note: US data refer to 2006, Australia, Canada and New Zealand to 2007. Net immigration data not available for US. Admission for permanent settlement in 2006 was 1,266,264. Figure reduced by 1/3 to 844,000 to allow for return emigration.

In many western European countries, population increase is thus driven primarily by international migration, not natural change (the difference between

births over deaths), In central and eastern Europe, the effects of very low birth rates and high mortality still predominate. Where natural increase has ceased (e.g. Germany, Greece, Italy) or become negative, net immigration has prevented, or slowed, population decline (Figure 2).

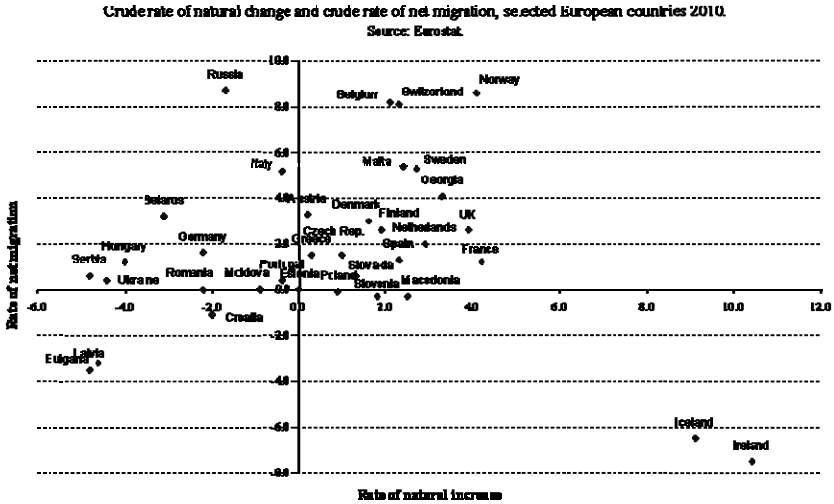

Figure 2. Rate of natural change and rate of net migration, selected European countries 2010

The future demographic effects of migration on developed countries

With the residual effects of population momentum running out of steam in most developed countries (Lutz et al. 2003), and in the absence of major increases in fertility, the impact of migration on population is very likely to increase further in the future (Table 3).

Table 3

European and other developed countries projected to 2060 with, and without, migration, ranked according to percent change with migration by 2060

European countries projected to 2060 with and without migration.						
Eurostat 2010 – based medium scenario and zero-migration variant.						
		population (millions)		percent change		
		with migration	without migration	with migration	without migration	
	2010	2060	2060	2060	2060	
Ireland	4.5	6.6	5.5	46.5	23.5	Ireland

Norway	4.9	6.6	5.2		35.6	7.2	Norway
UK	62.0	78.9	63.8		27.3	2.8	UK
Belgium	10.8	13.5	10.3		24.1	-5.3	Belgium
Sweden	9.3	11.5	9.3		23.4	-0.1	Sweden
Switzerland	7.8	9.3	6.5		19.6	-16.0	Switzerland
France	62.6	71.8	68.2		14.7	8.9	France
Spain	46.0	52.3	37.6		13.7	-18.3	Spain
Denmark	5.5	6.1	5.3		9.7	-4.7	Denmark
Italy	60.3	65.0	45.1		7.7	-25.3	Italy
Finland	5.4	5.7	5.0		7.3	-6.0	Finland
Austria	8.4	8.9	6.6		5.8	-21.7	Austria
Netherlands	16.6	17.1	15.7		3.0	-5.2	Netherlands
Slovenia	2.1	2.1	1.6		0.5	-20.0	Slovenia
Greece	11.3	11.3	8.9		-0.1	-21.3	Greece
Czech Republic	10.5	10.5	8.5		-0.4	-19.3	Czech Republic
Portugal	10.6	10.3	8.1		-3.5	-24.1	Portugal
Slovakia	5.4	5.1	4.6		-5.7	-16.0	Slovakia
Hungary	10.0	8.9	7.4		-11.5	-26.0	Hungary
Estonia	1.3	1.2	1.2		-12.7	-13.4	Estonia
Poland	38.2	32.7	31.6		-14.3	-17.3	Poland
Germany	81.7	66.4	58.1		-18.8	-28.9	Germany
Romania	21.5	17.3	16.7		-19.3	-22.3	Romania
Lithuania	3.3	2.7	2.8		-19.5	-15.9	Lithuania
Latvia	2.3	1.7	1.7		-25.8	-26.7	Latvia
Bulgaria	7.6	5.5	5.7		-26.9	-24.7	Bulgaria
Australia	20.4	34.0			66.6		Australia
Canada	33.7	52.6	30.6		56.1	-9.1	Canada
United States	313.2	439.0	323.0		40.2	3.1	United States
Note: populations under 1 million excluded.							
Australia 2006 - 2051, Canada 2010 - 2061, US 2010-2050.							
Canada zero immigration scenario does not exclude emigration.							
Source: Eurostat 2010-based projections, Australian Bureau of Statistics (2008),							
Statistics Canada, CANSIM table 052-0005 (2010), US Census Bureau (2008).							
http://estat.statcan.gc.ca/Results/OMNAFEF.CSV							

Sources: Eurostat and national statistical offices.

The Eurostat projections on which the table is based assume convergence in European demographic rates by 2150. Total fertility is assumed to converge slowly towards a value of 1.84, a process only partially achieved by 2060 (see <http://appsso.eurostat.ec.europa.eu/nui/setupModifyTableLayout.do>). By 2060, however, the level of migration is assumed in most cases to have fallen to between about 60 and 80% of its level in 2010 (see http://appsso.eurostat.ec.europa.eu/nui/show.do?dataset=proj_10c2150a&lang=en) and for emigration to have ceased from countries such as Bulgaria

On these assumptions, even with migration, fourteen out of the 26 European countries in Table 3 are projected to have lost population by 2060, by up to about a quarter of the 2010 level. All except Germany are in Southern or Eastern Europe. Most population growth is driven by migration. Without migration, only four European countries (Ireland, France, Norway and the United Kingdom) are projected to have higher populations in 2060 than in 2010. A few Central European countries, for example the Czech Republic and Slovenia, have attracted immigration enough to moderate what would otherwise be a large projected decline in numbers. In most of the others, emigration and immigration are more or less balanced. Countries such as Poland, Latvia, Bulgaria and Romania would lose between 14% and 25% of their population by 2060 with or without migration, thanks to their low birth rates and lack of positive demographic momentum.

In the latest UN 2010-based medium variant projections (United Nations 2011), which all include assumptions about migration, all the Eastern European countries except the Czech Republic lose population by 2050 – Russia by 12% and Ukraine by 21%, as do almost all the Balkan countries. The English-speaking countries overseas continue their headlong growth: Canada by 28%, US and New Zealand by 30%, Australia by 41% from 2010 to 2050.

With migration, the US population was projected to increase from 310.2 million in 2010 to 439.0 million in 2050. Without migration, the population would only have reached 323.0 million by 2050 and would have begun to decline. The direct and indirect effects of migration increased the projected population by 36% (US Census Bureau 2009 <http://www.census.gov/population/www/projections/2009comparisonfiles.html>). For Australia, the ABS series B projections of 2008 take the 2006 population of 20.4 million to 34.0 million in 2051, an increase of 66.5%. In Canada, the other great immigration country, the medium population projection from Statistics Canada (2010) assuming a TFR of 1.7, takes the population from 33.7 million in 2009 to 50.74 million in 2051, an increase of 50.6% (Statistics Canada 2010, table 17). Without immigration, the population of Canada in 2061 would be 9% smaller than in 2010 – reflecting the lower total fertility in Canada.

All East Asian developed countries are projected by the UN to have lost population by 2050. In Japan, migration is too slight to moderate that decline.

Until recently, net migration to Korea, Singapore and Taiwan had also been modest. While increasing in recent years, it would need to become very large to reverse the projection of decline in overall numbers.

Effects upon the ethnic composition of the population

As a consequence of these migration flows populations of immigrant origin in European countries have risen to proportions not seen before in recent historical times (Table 4). The proportion of foreign-background population in Germany is now 19%, and one in three of those aged under 5. In France, 23% of births are to immigrant women, in England and Wales 25% in 2009, and 25% to foreign women in Germany.

Table 4

	Foreign-origin population (various definitions) selected countries			year	
	percent of total population				
	All foreign background	Western background	Non-Western background		
Denmark	9.5	3.1	6.4	2009	Statistics Denmark 2009
Germany	18.7	7.7	11.3	2008	Statistisches Bundesamt 2010
Netherlands	19.6	8.8	10.8	2008	Garssen and de Coin 2009
Norway	10.6	3.8	6.8	2009	Brunborg pers comm 2010
Sweden	15.9	9.7	6.3	2002	Statistics Sweden 2003
Sweden	18.6			2009	Statistics Sweden 2009
England	15.2	3.5	11.7	2007	ONS 2009
Canada			13.4	2001	Belanger and Malenfant 2007
New Zealand			12.7	2001	Statistics New Zealand 2005
US			21.0	2010	US Census Bureau 2008

Note:

In Continental European projections, 'foreign background' populations comprise foreigners born abroad plus persons born in the host country with one or two foreign-born parents. Third generation regarded as 'native' (i.e. Danish etc).

'Western background' refers to origins in European countries and English-speaking world overseas. 'Non-Western' background refers to origins in developing world, or in low and medium Human Development Index countries.

UK: ethnic minorities. 'Western background' is 'Other White'. Germany: W/NW author's estimate.

Canada : data only for 'visible minorities' not including 'First Nations'.

New Zealand; 'European' and 'Maori' populations not counted as 'foreign origin'.

USA: White non-Hispanic, Black and Native American not counted as 'foreign origin'.

No comparable data exist for Central and Eastern European countries, although the 'nationality' category in Russian official statistics, analogous to ethnicity, allows estimates to be made. In most of those countries, international migration has been more modest, and was negligible before the fall of the communist regimes except with fraternal socialist countries. The situation in Russia is different; it has always had a highly diverse set of indigenous populations. These have been augmented more recently by inflows of persons from former republics of the Soviet Union. Although immigrant minorities are growing, diversity in some Central and Eastern European countries arises more from the growth of indigenous minorities through differential fertility, and the emigration

of the majority population. The most rapidly growing indigenous minority is the gypsy (Roma) population of between 6–8 million people in the Central and Eastern European countries (Liégeois 2008). Their fertility rate, little touched by the post-1990 downturn, can be double that of the population average, as in Hungary in the 1990s.

Because of its obvious policy importance, some national statistical offices have made formal projections of the future sizes and composition of the new populations (Coleman 2006). Others come from academic sources (Wohland and Rees 2010, Coleman 2010, Lebhart and Münz 2001) or from think-tanks. Most European countries do not have the long experience of significant racial diversity of the United States. Nonetheless the European countries are catching up fast with the US in terms of racial diversity. Projections are not available for all countries. France's constitution effectively forbids the collection of official statistics on ethnic origin, race or religion.

The projections from Continental Europe cannot employ the self-ascribed ethnic or racial categories familiar in the English-speaking world. Instead, projections are based upon the concept of 'foreign origin' or 'foreign background' constructed from register data on citizenship and birthplace. The national-origin categories are usually grouped into larger 'Western' And 'Non-Western- categories, or 'high, medium and low Human Development Index (HDI) countries'. Those populations are based on two generations (foreign immigrants, plus persons born locally but with one, or both, parents foreign immigrants). After the second generation, all persons of immigrant descent are assumed to become part of the indigenous population, and to be henceforth Dutch, Danish etc, and thus statistically invisible. Between one third and one half of the foreign origin populations in European countries around 2000 were themselves of 'Western', origin, mostly European. But the projected increases are mostly in the 'non-western' groups. Given the size, stability, segregation and self-sufficiency of some of those populations, reinforced by the immigration of new spouses and dependents, and the weak level of integration in the third generation may be optimistic.

Continued growth of those populations has increased their share of the national total and diminished that of the indigenous population, bringing with it the long-term prospect of its displacement as the majority. In theory any population with sub-replacement fertility, with a regular net inflow of population of different origin, must diminish as a proportion of the total, and eventually be replaced by the new population (Steinmann and Jaeger 2000), except for persons of mixed ancestry. These are likely to become numerous. Most Western countries have sub-replacement total fertility and positive immigration and therefore face that outcome unless birth or migration rates change. With replacement fertility, the indigenous population would persist, but continued migration would diminish its share of the total.

In the projections of the foreign-background population, fertility rates are generally assumed to converge towards the national average, with the locally-born exhibiting lower fertility than immigrants. Despite that, some projections (Statistics Sweden 2004) assume that fertility of the non-Western immigrants will remain higher. Net immigration is assumed to be constant in the long run, except for the projections for Norway where it is assumed to diminish over time (Statistics Norway 2010). Most projections except those of Wohland, Rees et al (2010) assume a uniformly falling mortality across all groups, for want of better information

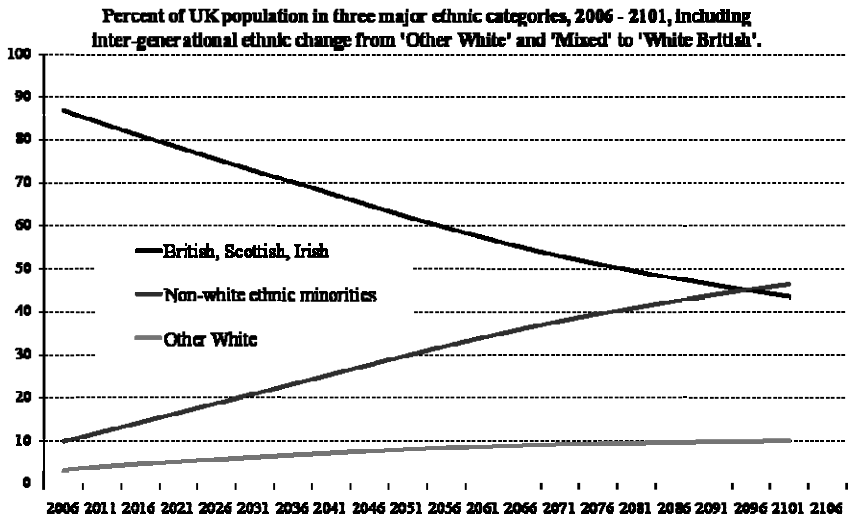

Figure 3. Projection of UK populations 2006–2051, combined into three major groups. Assumptions: overall fertility, constant migration, mortality as in GAD 2008-based Principal Projection.

Source: Coleman 2010

Projections for the United Kingdom from 2006–2081 are based on the ethnic population distributions in the 2001 census. They assume constant migration, near-convergent fertility and uniformly declining mortality across all groups. The twelve standard official ethnic categories are projected separately but presented here grouped into three major divisions; the ‘indigenous’ British, Scottish and Irish, the non-British white population, and the non-white ethnic minorities (Figure 4). Four variants assume different levels of migration. The standard projection assumes overall migration as in the ONS 2008-based Principal Projection. By 2051, non-white minorities would comprise 31% of the UK population, and the white non-British 10%. Persons of mixed origin comprise an increasing proportion of the total. These UK projections were constrained to the same overall

total fertility (1.84), net immigration (long-term 180,000) and mortality trends as the ONS 2008-based Principal Projection (ONS 2009). The overall projected population totals were correspondingly similar. Other variants lead to lower totals and lower proportions of ethnic minority population (Coleman 2010).

The Continental projections assumption that there is no ‘foreign-origin’ third generation, all of that is assumed to become part of the national population would lead to lower estimates of ‘ethnic’ change (Figure 4). In all the projections of foreign-origin population for European countries growth rates are roughly linear, although at different levels, with a similar slope. Projected linear growth continues, in most cases, unchanged up to the end of the projection periods. In the Dutch (e.g. Alders 2006) and Danish projections successive revisions have reduced the projected population of foreign origin following tightening of immigration and asylum rules.

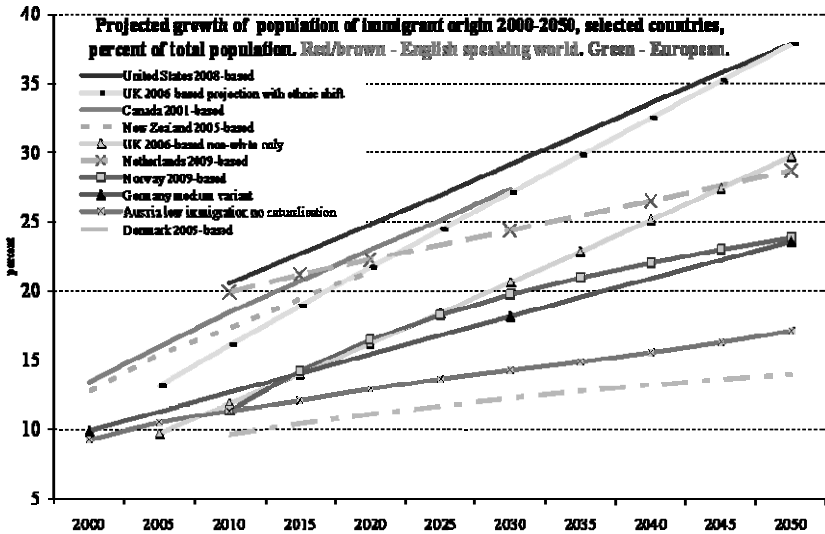

Figure 4. Comparison of results of European foreign-origin projections.

Sources: see Coleman 2006

Similar processes are in train throughout Western Europe. New measures of population reproduction incorporate the contribution of net migration as well as that of natural change. These permit an estimation of the immigrant contribution to future population sizes, enabling a ‘time to half-replacement’ (THR; Ediev et al. 2007) to be calculated: the number of years that will elapse for 50% of the population to be of post-2001 immigrant origin. Half-replacement times for Spain and Switzerland were about 45 years. Cyprus, Italy, and Malta about 50–80 years, slightly longer for Austria (between 65 and 90 years). The US is the

first major population in the modern world to have forecast officially a peaceful transfer in the dominant population group. The US 2008 projections expect that the formerly numerically dominant white non-Hispanic population will become a numerical minority in 2046 (US Census Bureau 2009).

The 50% benchmark has no special demographic significance, but it does have considerable psychological and political impact and attracts media attention. If total population is on the cusp of being majority ethnic, then a substantial majority will already have become so among schoolchildren and urbanites. At local level throughout Europe, transitions in the balance between indigenous and immigrant populations are becoming more common. At the bottom of the age-pyramid the position already looks transformed. In London (population 7 million) in 2007, 60 percent of all births were to foreign-born mothers (not the same as non-white ethnic minority), and in 24 out of 32 boroughs such births comprised more than half the total, in some cases over 70%. In Europe, major cities such as Rotterdam, Amsterdam, The Hague are on the edge of this transition.

The faces of the future?

So far ethnic groups have been discussed as though membership of them was unambiguous; whether defined bureaucratically by the register statistics of Continental European countries or by the individually self-ascribed racial or ethnic descriptions of the US and UK. Natural human inclinations are beginning to erode that neat picture. They may end up, in the very long run, destroying it altogether. That is because, if minority populations become more integrated into the educational system and the labour market and more dispersed geographically, the opportunities for sexual unions across ethnic or racial lines become more numerous. Adherence to patterns of arranged marriage, and strong preferences for marriages within closely defined religious, ethnic clan or kin lines keep inter-ethnic unions at a low level in (e.g.) Asians and Turks in Europe, especially Muslims, and some North African populations. But in general, more and more children are born with mixed parentage as time goes on. They may identify, or be identified, as members of either parental group. But many are content, or even anxious, to describe themselves as of mixed or multiple ancestry.

Responses

Initially politicians and public in the Western world were baffled to find an appropriate response to an apparently permanent mass immigration, increasingly driven by chain migration, that was not planned, intended or desired. Initial assumptions about inevitable assimilation have not been born out by events. In the 1980s, multicultural policies, proposing the formal recognition of cultural diversity as a permanent new feature of Western society, became formally established in some European countries (e.g. The Netherlands in 1980) or became

established gradually by default of any clear or strongly argued alternative as in the UK. There, it became pervasive in all aspects of central and local government activity, with specifically recognised ethnic groups enshrined in law and in official statistics.

More recently, statements, by (for example) the head of the Equalities Commission Trevor Phillips (Times 3 April 2004) and by the Prime Minister David Cameron at the Munich Security Conference, 4 February 2011, have distanced themselves from the multicultural ideal but its assumptions are deeply entrenched now in local government and other organisations, and law. Countries such as Germany, which for long maintained a *jus sanguinis* principle on citizenship, refused to acknowledge that they were, in practice, ‘countries of immigration’ until the 1990s. There also, the multicultural ideal has now been rejected forcefully as a failure by Chancellor Angela Merkel in a speech to a CDU rally in Potsdam on 17 October 2010.

The growing opposition to immigration among many European electorates has changed policy in some Western countries. The governments of the UK, France, Denmark and Netherlands have renewed attempts to limit immigration. But migration for poor countries is easier to permit, or to encourage, than to restrict, in liberal democracies (Freeman 1994). Economies can become distorted by it and dependent upon it, creating vested interests among employers, educational institutions and among the growing populations of immigrant origin themselves, to whom politicians increasingly need to appeal in order to assemble electoral majorities. It has been claimed that no US Presidential candidate can now support major restrictions on immigration because of the electoral influence of the Hispanic vote. As immigrant-origin populations grow, chain migration through arranged marriages and the inflow of dependants grow with them – the ‘cumulative causation’ described by Massey and Zenteno (1999). In Western Europe, governments have bound themselves to international conventions on asylum and human rights the scope of which tend to be widened further and further by activist judges in the European Court of Human Rights and, in the UK at least, by the domestic judiciary.

Countries with persistent low fertility and chain-migration connections with poor immigrant-sending countries with incomplete demographic transitions may find therefore find themselves in a one-way street to ethnic change. The consequences would be irreversible. How inevitable? Directly, and indirectly through births to immigrants, immigration is the main engine of ethnic change. It is widely assumed that immigration into Western Europe, the US and elsewhere will continue at a high level, despite the current recession (Dobson et al. 2009). But immigration can still go down as well as up, often directly or indirectly in response to measures to restrict it and the effect of policies has been underestimated (Hollifield 2000).

The larger that immigrant-origin communities become, and the more numerically dominant they become in local areas, the less those communities need to

adapt to local norms and use the national language except insofar as it is required to participate in the economic realm. Indeed they may change those local norms into their own, and local schools and facilities and labour market acquire and preserve an ethnic character. Foreign policy too is affected as immigrant lobbies press for favourable attitudes to causes of concern to their region of origin, not otherwise the concern of the country of settlement. Local politicians' chances of being re-elected may depend on their attitude towards controversies that strictly belong overseas: in the UK, for example, the status of Kashmir, of Punjab, Israel and Palestine, Kurdistan and other conflicts (Coleman 2009).

Some of the trends seen earlier in Western societies are now being re-played in East Asia. But Europe is not the global template for the future. Neither marriage, nor fertility, nor immigration seem likely merely to repeat European trends in a different setting to create a new-European clone. Although it seems inevitable that Asia and Europe will converge in some respects, their history and geography, their demography and their neighbours will keep them apart. The extreme level of ethnic transition in prospect for the Western developed world seems unlikely to be capable of being duplicated as an equivalently diverse society elsewhere (Coleman 2009).

References

1. Alders, Maarten (2006). Forecasting the population with a foreign background in the Netherlands. Joint Eurostat-UNECE Work Session on Demographic Projections, Vienna, 21–23 September 2005. Vienna, Statistics Netherlands Division for Social and Spatial Statistics Department for Statistical Analysis Voorburg.
2. Australian Bureau of Statistics (2008). Population Projections, Australia, 2006 to 2101. Canberra, Australian Bureau of Statistics. <http://www.abs.gov.au/Ausstats/abs@.nsf/mf/3222.0>.
3. Bélanger, A. and É. C. Malenfant (2005). Population projections of visible minority groups, Canada, provinces and regions: 2001–2017. Also published as: Ethnocultural diversity in Canada: Prospects for 2017, Canadian Social Trends 21 Winter 2005 , pp 4. Ottawa, Statistics Canada.
4. Coleman, D. A. (2006). "Immigration and ethnic change in low-fertility countries: a third demographic transition." *Population and Development Review* 32(3): 401–446.
5. Coleman, D. A. (2009). "Divergent patterns in the ethnic transformation of societies". *Population and Development Review* 35(3): 449–478.
6. Coleman, D.A. (2010) Projections of the ethnic minority populations of the United Kingdom 2006–2056. *Population and Development Review* 36, 3, 441–486.
7. Dobson, J., A. Latham, et al. (2009). On the move? Labour migration in times of recession. What can we learn from the past? London, Policy Network.

8. Ediev, Dalkhat, Coleman, David and Sergei Scherbov (2007). "Migration as a factor in Population Reproduction'." Research papers of the Vienna Institute of Demography (2007 no. 1.): 57.
9. Freeman, Gary. S. (1994). "Can Liberal States control Unwanted Migration?" *Annals of the American Association for Political and Social Sciences.* (534): 17–30.
10. Graham, O.L. (2004). *Unguarded Gates: a history of America's immigration crisis.* Lanham, MD., Rowman and Littlefield.
11. Hollifield, J.F. (2000). *The Politics of International Migration: How can we 'Bring the State back in'?* *Migration Theory: Talking Across Disciplines.* C. Brettell and J.F. Hollifield. London, Routledge: 137–185.
12. Lebhart, G. and R. Münz (2003). *Szenarien zur Bevölkerungsentwicklung in Österreich nach Staatsangehörigkeit.* Forschungsbericht Nr. 26. Vienna, Vienna Institute of Demography.
13. Liégeois, J.-P. (2008). *Roma in Europe.* Strasburg, Council of Europe.
14. Lutz, Wolfgang, Brian C. O'Neill, et al. (2003). "Europe's population at a turning point". *Science* 299(1991–1992).
15. Massey, Douglas and R. Zenteno (1999). "The Dynamics of Mass Migration". *Proceedings of the National Academy of Sciences* 96: 5328–5335.
16. ONS (2009). *2008-based National Population Projections.* London, Office for National Statistics.
17. ONS (2009). *Population Estimates by Ethnic Group: 2001 to 2007 Commentary.* London, Office for National Statistics.
18. Statistics Canada (2010). *Population Projections for Canada, Provinces and Territories 2009 to 2036.* Ottawa, Statistics Canada. <http://www.statcan.gc.ca/pub/91-520-x/91-520-x2010001-eng.pdf>.
19. Statistics Denmark, (2011). "Population projections 2011 for the country by age, sex origin and country of origin (2011-2050). FRDK111". Retrieved 12 December 2011, 2011, from <http://www.statbank.dk/statbank5a/default.asp?w=1024>.
20. Statistics New Zealand (2005). *National Ethnic Population Projections: 2001 (base) – 2021 Update.* Wellington, Statistics New Zealand.
21. Statistics Norway (2010). *Projection of immigrants and Norwegian-born to immigrant parents 2010–2060.* Oslo, Statistics Norway.
22. Statistics Sweden (2003). "Sveriges framtida befolkning 2003–2020 : svensk och utländsk bakgrund". *Demografiska rapporter 2003:5.* (Sweden's future population 2003-2020 – Swedes and foreign background).
23. Statistisches Bundesamt (2010). *Bevölkerung und Erwerbstätigkeit Bevölkerung mit Migrationshintergrund – Ergebnisse des Mikrozensus 2008 – Fachserie 1 Reihe 2.2 (Population with migration background – results from the microcensus 2008).* Wiesbaden, Statistisches Bundesamt.
24. Steinmann, G. and M. Jaeger (2000). "Immigration and Integration: Non-linear Dynamics of Minorities". *Journal of Mathematical Population Studies* 9(1): 65–82.
25. United Nations (2000). *Replacement Migration: is it a solution to declining and ageing populations?* New York, United Nations.

26. United Nations (2011). World Population Prospects: The 2010 Revision. New York, United Nations.

27. US Census Bureau (2008). United States Population Projections by Age, Sex, Race and Hispanic Origin: July 1, 2000–2050., US Bureau of the Census, Washington DC.

28. Wohland, Pia, Philip Rees, et al. (2010). Ethnic Population Projections for the UK and local areas, 2001–2051. Working Paper 10/12, School of Geography, University of Leeds. Leeds, School of Geography, University of Leeds.

***Рыбаковский Л.Л.,
Россия, Москва***

Демографическое развитие России в условиях глобализации

С получением Россией статуса независимого государства совпало наступление в стране депопуляции, вызванной сокращением рождаемости и ростом смертности. Уже в начале 90-х гг. число рождений стало на один млн. меньше, чем было в начале 80-х гг. Еще более катастрофичной стала динамика смертности населения. Все 80-е гг. XX столетия числа умерших в России не превышали 1.7 млн. человек, удерживаясь в среднем на отметке 1.5–1.6 млн. человек в год. Но затем начался неудержимый рост смертности. Число умерших в 1994 г. превысило уровень 1991 г. на 610 тыс. человек, а ожидаемая продолжительность жизни за пятилетие (1991–1995 гг.) сократилась почти на 4.6 года.

В результате такой динамики рождаемости и смертности в России сложился особый тип воспроизводства населения, названный нами в те годы, евроафриканским. При крайне высокой смертности, такой же, как в ряде африканских и части азиатских стран (Египте, Марокко, Индонезии, Вьетнаме и др.), рождаемость опустилась до уровня тех европейских стран (Греция, Италия, Испания), где он был и остается самым низким.

Движение России к демографической катастрофе продолжалось вплоть до середины первого десятилетия XXI века. Но со второй половины первого десятилетия XXI века началось последовательное улучшение демографической ситуации в России (табл. 1).

Происходившее улучшение демографической ситуации в последние шесть лет (2006–2011 гг.) связано с рядом обстоятельств, среди которых, прежде всего, проведение активной демографической политики и реализацией Национального приоритетного проекта «Здоровье». В целом за 2006–2011 гг. общее число сбереженных человеческих жизней относительно уровня 2005 г., несмотря на ухудшение возрастной структуры населения, в результате сокращения смертности превысило 1.5 млн.

Таблица 1

Показатели естественного движения населения России в 2006–2011 г.
(абсолютные показатели в тыс. человек)

Показатели	Г о д ы						
	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011
Число родившихся	1457	1480	1610	1714	1764	1790	1794
Число умерших	2304	2167	2080	2076	2014	2031	1925
Естественная убыль	-847	-687	-470	-362	-250	-241	-131
СКР*	1.287	1.296	1.406	1.494	1.537	1.59	(1.6)
ОПЖ**, лет	65.3	66.60	67.51	67.9	68.7	68.9	(70.3)
КД***	1.581	1.464	1.292	1.211	1.142	1.135	1.073

* суммарный коэффициент рождаемости

** ожидаемая продолжительность жизни

*** коэффициент депопуляции, представляющий отношение чисел смертности к числам рождаемости.

В результате снижения возрастных показателей смертности, в т.ч. и младенческой, продолжительность жизни в последние шесть лет выросла почти на 5 лет и превысила уровень 1986/1987 г. В 2011 г. достигнут самый высокий уровень продолжительности жизни за все послевоенные годы. Тем не менее, этот показатель продолжает оставаться ниже, чем в большинстве развитых стран, тогда как еще в середине 60-х гг. он в России был таким же. Так, в 1964/65 г. ожидаемая продолжительность жизни в России составляла 69.6 лет, тогда как во Франции – 67.2 года (1963 г.), в Италии – 67.9 лет (1964/67 гг.), в Канаде – 68.7 лет (1965/67 гг.) и в США – 67.2 года (1963 г.). Этот показатель по данным демографического департамента ООН в 2005–2010 гг. составлял в США – 79 лет, во Франции, Италии и Канаде – 81 год, тогда как в России – 66 лет. Отставание составило 13–15 лет. В 2011 г. ожидаемая продолжительность жизни в России достигла 70 лет и отставание заметно сократилось.

Столь же убедительные успехи достигнуты и в повышении рождаемости. В 2011 г. в стране детей родилось на 337 тыс. больше, чем в 2005 г. (на 23.1%). Суммарно в течение последних пяти лет (2007–2011 гг.) детей родилось почти на 1.3 млн. больше относительно уровня 2006 г., после которого начался подъем в этой демографической сфере. В 2010 г. суммарный коэффициент рождаемости превысил уровень 1992 г. Добавим, что в отличие от смертности рост рождаемости в 2007–2011 гг. происходил, как за счет действия новых мер демографической политики, так и вследствие увеличения численности лиц репродуктивных возрастов.

Достиженные успехи в повышении рождаемости и сокращении смертности, тем не менее, не изменили сущностный характер демографического развития, т.е. не создали условия для устойчивой восходящей демографической динамики и сокращения темпов снижения доли России в мировом населении. Все последние 50 лет, включая и те, в которые возрастала численность населения страны (в 1960 г. она была 119 млн. и в 1992 г. – 148 млн.) ее доля неуклонно снижалась в общей численности населения мира. Судя по многочисленным прогнозам, этот процесс продолжится, притом не только в связи с более быстрыми темпами роста населения стран Африки, Азии и Латинской Америки, но и в результате нисходящей демографической динамики в России (табл. 2).

Таблица 2

Численность населения мира и России с 1960 по 2050 г.

Годы	млн. человек		Доля России в мировом населении в %
	Россия	Все население земного шара	
1950	101	2508	4.03
1960	119	3080	3.86
1970	130	3728	3.49
1980	138	4417	3.12
1992	148	5479	2.70
2000	147	6051	2.21
2010	143	6908	2.07
2025	132* (145**)	8012*	1.65 (1.81)
2050	116*	9150*	1.27

*прогнозы ООН 2008 г.

**норматив Концепции демографической политики России до 2025 г.

Во второй половине XX века доля России в мировом населении уменьшилась в 1.82 раза. В соответствии с прогнозом ООН к 2050 г. она снизится еще до 1.27%, т.е. относительно уровня 2000 г. сократится в 1.74 раза. Вероятное уменьшение численности населения России и как следствие – снижение ее доли в мировом населении, во многом обусловлено тем, что в ближайшие десятилетия XXI века на демографическое развитие будет влиять, созданная в 80–90 годы прошлого столетия демографическая волна. В 1983–1987 гг. произошел рост чисел родившихся до 2.4–2.5 млн. в год, а затем, в 1996–2001 гг. эти числа резко упали до 1.2–1.3 млн., что определило на будущее динамику различных контингентов населения (табл. 3). Демографическая волна, ее впадина частично уже докатилась до нашего времени и в ближайшие годы станет существенно воздействовать на геополитическое, экономическое и социальное развитие России, на воспроизводство ее населения.

Таблица 3

Динамика основных контингентов населения России с 2005 по 2025 г.
(млн. человек, на начало года)

	2005*	2010**	2015	2020	2025
Все население	143.5	141.8	141.7	141.5	140.8
Население в трудоспособном возрасте	90.2	88.3	83.4	78.6	76.7
Женщины в репродуктивном возрасте	39.7	37.6	35.0	33.8	32.9
Лица старше трудоспособного возраста	29.2	30.7	33.6	36.6	38.2
Лица в возрасте 18 лет	2.6	1.8	1.3	1.3	1.5

* Численность населения Российской Федерации по полу и возрасту на 1 января 2005 г. (Статистический бюллетень), М., 2005, с. 15–17.

** Предположительная численность населения Российской Федерации до 2030 г. (Стат. Бюллетень), М., 2009, с. 7, 57.

Негативные последствия демографической волны наиболее существенно будут проявляться по следующим направлениям.

Первое. Изменение численности репродуктивных контингентов, а в них доли женщин разного возраста, непосредственно скажется уже в ближайшие годы на динамике чисел родившихся. Так в 2020 г. численность женщин репродуктивного возраста будет меньше нынешней примерно на 4 млн., а в 2025 г. – почти на 5 млн., причем все это сокращение придется на самый активный репродуктивный возраст. Женщин в возрасте 20–29 лет будет меньше на 30–40%. Для компенсации такого сокращения численности репродуктивных контингентов с тем, чтобы в 2020 г. родились 1.7 млн. детей, потребуется увеличение суммарного коэффициента рождаемости до 1.95. Иначе не будут достигнуты ориентиры, установленные Концепцией демографической политики России на период до 2025 г.

Помимо демографической волны на рождаемость будут влиять еще два фактора, один из которых постарение возрастной модели рождаемости, происходившее во все первое десятилетие XXI века. В 2000 г. средний возраст матери при рождении детей составлял 25.8 года, к 2005 г. возрос до 26.6 года и в 2010 г. достиг 27.6 года. В 2008 г. впервые в целом по России коэффициент рождаемости в возрастной группе 25–29 лет оказался на 1.3% выше, чем в возрасте 20–24 года. В 2009 г. уже у 44 субъектов РФ уровень рождаемости у 25–29-летних женщин был выше, чем у 20–24-летних, а в целом по России он превышал уровень 2008 г. на 3.8%. В Санкт-Петербурге в 2008 г. впервые коэффициент рождаемости в возрастной группе 30–34 года оказался больше, чем в возрасте 20–24 года. В 2009 г. такая ситуация стала и в Москве. В среднем по России в 2010 г. показатели рождаемости в группе 25–29 лет были выше, чем в группе 20–24 года уже на 8.5%.

Продолжение этого процесса будет сдерживать рост рождаемости, хотя, скорее всего до 2012–2015 гг., благодаря постарению возрастной модели числа родившихся будут колебаться. Дело в том, что в возраст 25–29 лет, характеризующиеся наиболее высокими показателями рождаемости (в 2010 г. – 96.2 на тысячу женщин в указанном возрасте, у лиц в возрасте 20–24 года этот показатель равен 88.7), будут вступать родившиеся в 1983–1987 гг. В результате численность женщин в возрасте 25–29 лет, увеличившись в 2012–2014 гг. относительно 2011 г., затем в 2015 г. немного сократится (на 1.3%). В этот же период численность женщин в возрасте 20–24 года снизится до 71.6%, но зато возрастет репродуктивный контингент в возрасте 30–34 года на 10.9%. В целом численность женщин в возрасте 15–49 лет в 2015 г. будет меньше, чем в 2011 г. на 5.2%. В это же время доля лиц в возрасте 20–24 года сократится с 15 до 11%, тогда как доля лиц в возрасте 25–29 лет увеличится с 16 до 17%, а удельный вес женщин в возрасте 30–34 года в эти годы возрастет на два процентных пункта и составит также 17%. Парадоксально, но регионы, у населения которых в этом возрасте наиболее высокие показатели рождаемости (пока Санкт-Петербург и Москва), окажутся в более выгодном положении, чем те, где самые высокие возрастные коэффициенты приходятся на 20–24 года.

В последующем комбинация демографической волны с постарением возрастной модели рождаемости будет вести к более интенсивному сокращению чисел родившихся. Чтобы это замедлить или даже избежать, нужно для тех лет, когда в возраст 25–29 лет будут вступать родившиеся в 1988–1992 гг. (их меньше относительно предыдущего пятилетия на 20%), увеличить среднегодовой суммарный коэффициент рождаемости примерно на $\frac{1}{4}$. Среднегодовая величина этого показателя должна составлять 1.89 (в 2007–2011 гг. была 1.525).

Другой фактор пока представляется в виде гипотезы. Суть его в том, что на сокращение чисел рождений может повлиять, происшедшее в 2007 г. резкое увеличение вторых рождений, явление, напоминающее «тайминговый сдвиг» начала 80-х гг. прошлого столетия. Существенный рост в 2007 г. вторых рождений, мог иметь разные причины: либо рождение вторых детей не связано с реализацией новых мер демографической политики, оно было бы и без них, введение новых мер, лишь ускорило реализацию репродуктивных планов; либо часть семей приняла решение родить, хотя это в их планы не входило раньше. Разные социологические обследования дают различные соотношения между этими альтернативами. Обследование «Семья и рождаемость», проведенное в 2009 г. в 30 регионах выявило, что в числе тех, у кого родился второй ребенок 70.8% респондентов не связывают это с реализацией новых мер демографической политики, тогда как 15.3% считают, что это лишь ускорило реализацию репродуктивных планов, и только 9.1% приняли решение родить, хотя это в их планы не вхо-

дано раньше. Обследованием 2010 г., (проведено Центром социального прогнозирования, охватившее 1000 респондентов), выявлены те же пропорции. Первой группе принадлежит 68.8% респондентов, ко второй – 9.4% и к третьей – только 3.1%. Те и другие данные говорят, что на долю «тайминга» пришлось заметно больше, чем на реальное стимулирование родить второго ребенка семьями, которые это не планировали. Следовательно, оба обследования говорят о том, что меньшая часть семей изменила свои репродуктивные планы относительно рождения второго ребенка, после введения новых мер демографической политики.

Второе. В России, начиная с 2008 г., происходит систематическое сокращение численности лиц трудоспособного возраста. Особенно существенно, свыше одного млн. в год, будет уменьшаться этот контингент населения, начиная с 2012 г., что продлится вплоть до 2019 г. Наибольшие потери придется на 2016 г. В течение 12 лет (2012–2023 гг.) вступать в трудоспособный возраст будет в среднем ежегодно по 1.3–1.5 млн. человек, тогда как выбывать из этого контингента – по 2.1–2.5 млн. К 2020 г. численность лиц в трудоспособном возрасте сократится на 9.7 млн. притом, что вся численность населения страны, по сути, не изменится. Согласно прогнозу Росстата к 2025 г. сокращение выразится цифрой в 11.6 млн. человек, а численность всего населения уменьшится при этом всего на один млн.

Из этого тупика возможны два выхода: либо продолжать привлекать в российскую экономику многомиллионные массы неквалифицированных трудовых мигрантов, либо интенсивно модернизировать экономику на инновационной основе. Ныне в экономике России заняты несколько млн. трудовых мигрантов. Сопоставление оценок, приводимых разными организациями и авторами, позволяет получить примерную динамику численности легальных трудовых мигрантов. В 1994 г. их в России было 129 тыс., в 2001 г. – 283.7 тыс., а в 2005 г. их насчитывалось 702.5 тыс. человек, В 2006 г. их стало 1014 тыс., в 2007 г. – 1717 тыс. и в 2008 г. – 2426 тыс. За десятилетие число легальных трудовых мигрантов возросло не менее, чем в 8–10 раз. Оценки численности нелегальных мигрантов, одновременно находящихся в России, различаются на порядок. В начале нового столетия оценки численности нелегальных мигрантов колебались от 1.5 до 15 млн. человек и в конце первого десятилетия они по разным прикидкам составляют от 3-х до 10-ти и более млн. Трудовые мигранты среди занятых в экономике составляют примерно 6–8%. Эта цифра вполне укладывается в ряд тех, которые в других странах. Так, в Швейцарии в числе занятого населения доля трудовых мигрантов составляет 17.3%, в Бельгии – 8.7%, в Австрии – 8.1%, во Франции – 7.2% и Германии – 5.5%.

Условия и механизмы привлечения, а тем более использования иностранных трудовых мигрантов, особенно их нелегальной составляющей, во много раз превышающей численность легальной, создают целый букет

проблем. Но все они, в т.ч. медико-санитарные и некоторые другие, являются мелочью по сравнению с влиянием этого явления на социально – экономическое и научно-техническое развитие России. Во-первых, широкое использование трудовых мигрантов на неквалифицированных работах и мизерная оплата их труда отдается бумерангом на оплате труда российских работников. Более того, последним становится не комфортно и по условиям труда и по их оплате работать в тех сферах, которые освоены трудовыми мигрантами. Во-вторых, предпринимателям более выгодно использовать дешевую рабочую силу, лишенную к тому же каких-либо прав, чем вкладывать средства в инновационные проекты. Высокая степень износа основного капитала, приобретение за рубежом подержанного оборудования, в т.ч. транспортных, включая авиационные, средств, участвовавшие аварии – лучшее тому доказательство.

Третье. В наступивший период произойдет также дальнейшее постарение населения, увеличение в нем доли лиц старше трудоспособного возраста. Согласно среднему варианту прогноза Росстата (выполнен в 2009 г.), к началу 2015 г. доля этой категории населения достигнет 23.7% по сравнению с 21.6% в 2010 г. К началу 2020 г. эта доля станет 25.9, а к 2025 г. – 27.2%. Увеличение в населении доли пожилых на фоне сокращения численности лиц трудоспособного возраста, не говоря уже о нарастании дефицита труда, повышении нагрузки на занятых в экономике и росте социальных издержек, непременно приведет к увеличению чисел умерших. Достаточно сказать, что смертность среди мужчин, которым 60 лет и больше в 3.5–3.7 выше, чем у мужчин в возрасте 45–59 лет. У женщин различия в смертности этих возрастных групп еще более существенны: у лиц в 60 лет и старше показатели выше в 7.5–8 раз по сравнению с группой в 45–59 лет.

Влияние постарения населения на общие показатели смертности может быть нивелировано лишь сокращением показателей смертности во всех, в т.ч. и в старших возрастах. Эта задача крайне сложная, учитывая те ориентиры, которые намечены Концепцией демографической политики РФ на период до 2025 г. Тот факт, что в течение 2006–2011 гг. ожидаемая продолжительность жизни возросла на 5 лет, не должен служить основанием для уверенности в том, что за 10 лет (2016–2025 гг.) этот показатель сравнительно легко будет повышен до 75 лет. Тем более, нельзя механически ориентироваться на западные страны, их уровень продолжительности жизни. Надо иметь в виду, что западноевропейские страны к такому уровню показателей ожидаемой продолжительности жизни шли более чем полвека, тогда как Россия от всех этих стран все эти годы катастрофически отставала (уровень продолжительности жизни в России, Франции, Великобритании, Германии, Швеции, Италии и т.д. в начале 60-х годов составлял 69–70 лет. В настоящее время этот показатель в России те же 70 лет, а в указанных странах – он не ниже 80 лет).

Помимо необходимости увеличения ожидаемой продолжительности жизни до 75 лет и связанного с этим сокращения отставания от западных стран с 10 лет до 5-ти, имеется и другая проблема. Суть ее в том, что возможное повышение в предстоящий период ожидаемой продолжительности жизни, в том числе и за счет вклада в это повышение сокращения смертности лиц пожилого возраста, будет вести к увеличению в населении доли этого контингента. Это неизбежно актуализирует уточнение возрастных границ пенсионного возраста. Искать мягкие варианты решения этой проблемы, учитывающие экономические, социальные и демографические аспекты, необходимо уже сегодня, чтобы не столкнуться с тем, с чем столкнулся ряд европейских стран.

В Советском Союзе, даже, несмотря на то, что ожидаемая продолжительность жизни в стране была примерно такой же, как и в европейских странах, пенсионный возраст был 55–60 лет, тогда как за рубежом он колебался от 60 до 70. Более того: в советское время была установлена пятилетняя разница в возрасте выхода на пенсию между мужчинами и женщинами, тогда как во многих странах такой разницы не было. Это одно из условий, которое надо учитывать, та норма, идущая от советских времен, ломать которую достаточно трудно. Конечно рано или поздно, но пенсионный возраст придется повышать, независимо от точек зрения ученых и политиков. Но можно просто повысить пенсионный возраст. А можно пойти по более гибкому пути: установить границы пенсионного обеспечения. Предположим, в 60 лет выплачивать 50% положенной пенсии, что будет стимулировать занятость пенсионеров. По достижении 65 лет выплачивать 75% пенсии, а с 70 лет получать полную пенсию. Не обязательно брать за основу именно эти цифры, это просто схема. Очевидно, можно и не повышать возраст выхода на пенсию, создав стимулы для большей занятости пенсионеров, связав трудовой стаж с размером пенсии. Это, кстати, позволит и более экономно использовать пенсионный фонд страны.

Естественно, нужно изменить отношение к женскому пенсионному обеспечению. Но здесь надо тоже идти особым путем, использовать пенсионную систему для стимулирования рождаемости: при рождении ребенка пенсионный возраст можно снижать. Допустим, для женщин пенсионный возраст установлен в 60 лет. Как только родился ребенок, автоматически пенсионный возраст снижается до 55. Родилось двое детей пенсионный возраст сокращается до 50 лет. Основная масса женщин – бездетные и одноклеточные, тех же, у кого двое–трое и больше детей, во много меньше. Поэтому за счет подъема пенсионного возраста для тех, кто не имеет детей, можно компенсировать сокращение пенсионного возраста тем, у кого 2–3 и более ребенка. Повышать пенсионный возраст можно в два этапа. При этом надо провести хорошую пиар-компанию и лишь тогда поднять размер пенсии. Скажем, одновременно с увеличением пенсионно-

го возраста, ввести прогрессивную шкалу налогообложения или увеличить размеры социальных отчислений, что увеличит доходы бюджета и даст возможность поднять размеры пенсий.

Четвертое. Демографическая динамика в наступившее пятнадцатилетие будет существенно влиять на геополитические возможности России, создавать большие ограничения в формировании контингентов для армии и других силовых структур, а также для комплектования учащихся высших учебных заведений. Ныне во всех силовых, включая и армию, структурах занято не менее 3-х млн. мужчин, находящихся в наиболее активных трудоспособных возрастах. Еще 5–7 лет назад эти структуры обладали значительным источником для пополнения своих рядов, поскольку в призывной возраст тогда вступали лица, родившиеся в «урожайные» 1986–1988 гг. В те годы среднегодовое число родившихся составляло 2445 тыс. человек, больше половины из которых были мужского пола. В 2010–2012 гг. призывной контингент формируют лица, родившиеся в 1993–1995 гг., когда их среднегодовое число составляло 1385 тыс., т.е. было на 43% меньше чем 5 лет назад (меньше на 1060 тыс. человек). В 2016–2018 гг. комплектацию силовых структур будут обеспечивать контингенты родившихся в 1998–2000 гг. Тогда среднегодовое число родившихся составляло 1255 тыс. или 51% к уровню 1986–1988 гг. (меньше почти на 1.2 млн.). В 2015 и 2020 годы призывной контингент будет вдвое меньше, чем был в 2005 г. Очевидно, что без более широкого использования контрактной формы в т.ч. и для иммигрантов из нового зарубежья, которым должно быть предоставлено льготное оформление гражданства, Россия, едва ли, обойдется. В нынешней геополитической ситуации, в условиях экономической и демографической слабости России, без радикального подъема престижа службы в армии, как это было в советское время, решение этой задачи не возможно. Необходимо помимо повышения денежного довольствия и обеспечения военнослужащих жильем, устранить все лазейки для уклонистов от срочной службы пока существует этот способ комплектования российской армии. В условиях социального неравенства не должно быть поводов для усиления социальной напряженности.

Пятое. На демографическую динамику будет весьма ощутимо влиять то, что за двадцать лет, истекших после развала Советского Союза, в образованных на постсоветском пространстве государствах существенно сократился миграционный потенциал для России. Из 25.3 млн. русских, оставшихся за пределами их исторической родины, одна часть вернулась в Россию (примерно 4-х млн. человек), другая часть (уроженцы смешанных браков в разных поколениях) сменила национальную принадлежность (их только в Украине – оказалось 1.8 млн. человек, а всего в государствах нового зарубежья – не менее 3-х млн.), третья часть – эмигрировала за пределы постсоветского пространства. В результате естественного движения

произошло обновление населения, его пополнили лица, родившиеся в последние 30 лет, в т.ч. и в 1991–2010 гг., и прошедшие социализацию в иных уже социальных условиях.

С учетом сказанного, по нашей оценке, в новом зарубежье осталось русских, а также других титульных для России народов, примерно 17–18 млн., но из них реальный миграционный потенциал ныне не превышает 5 млн. человек. Миграционный потенциал существенно сократился, если не иссяк полностью, в Беларуси и Украине. В Казахстане он минимизировался в связи с быстрым социально-экономическим развитием. В прибалтийских государствах он изначально был не велик. Остаточный миграционный потенциал из числа русских и других титульных для России народов сохранился пока в государствах Средней Азии. Миграционный потенциал при определенных условиях и соответствующих требованиях может также формироваться из коренного населения этих государств, в первую очередь из быстро растущего населения Узбекистана.

Для того, чтобы противостоять тем трудностям, с которыми столкнется страна в ближайшие 15 лет, необходимо своевременно разработать и начать осуществление ряда упреждающих мер. Причем надо иметь в виду, что достижение намеченных Концепцией пороговых значений рождаемости, смертности и соответственно миграции, будет зависеть не только от «силы» тех мер, которые будут реализовываться в стране, но и от времени их введения. В частности, при разработке и реализации новых мер демографической и миграционной политики, необходимо учитывать то, что созданная в 80–90-е годы демографическая волна, хотя и скажется в наибольшей степени на числе родившихся в двадцатые годы, тем не менее, её действие станет ощущаться уже с 2013–2015 гг. С этого времени пополнение наиболее активной в репродуктивном отношении группы будет происходить из лиц, родившихся в 1990 г. и позже. В 2020 г. в эту категорию населения будут вступать лица, родившиеся во второй половине 90-гг. Такое влияние демографической волны должно учитываться при проектировании вклада различных компонентов в демографическую динамику, во всяком случае, не надо откладывать на завтра (на 2015 г. и позже), то, что надо было делать уже вчера.

Сказанное выше относится также и к миграционному сальдо, необходимому как для компенсации естественной убыли, так и обеспечению заданных на 2015 и 2025 годы численностей населения. Сальдо миграции должно быть наибольшим в наступившее десятилетие, что связано в первую очередь с тем, что масштабы миграционного потенциала в новом зарубежье с годами становятся все меньше и меньше. К сожалению, в концепции государственной миграционной политики РФ на период до 2025 г., наконец то, принятой на 21 году существования российского государства, не учитывается специфика глобальных процессов, происходящих в мигра-

ционной сфере, в т.ч. и возможные изменения в миграционном потенциале стран нового зарубежья.

Новые меры в области повышения рождаемости, дальнейшего сокращения смертности и стимулирования притока мигрантов в Россию в качестве её будущих граждан, должны вводиться в течение ближайших 2–3 лет в определенной очередности по регионам в зависимости от уровня их демографического неблагополучия, причем объем вводимых стимулов должен нарастать для каждой группы регионов тоже в течение нескольких лет. Пик введения наиболее сильных мер должен приходиться на самые «провальные» годы, когда в возраст наибольшей фертильной активности будут входить женщины, родившиеся в конце 90-х гг.

Завершая, заметим, сможет ли страна противостоять тем демографическим трудностям, с которыми она столкнется уже в ближайшие годы, всецело зависит от тех усилий, которые предпримет государство, чтобы сделать реальностью намеченную цель: довести к 2025 г. численность населения России до 145 млн. человек. Следующая возможная цель – достичь 148–149 млн. человек. Такая, самая большая численность населения России, точнее – 148.6 млн. человек, была в начале 1993 г.

Демографический фактор уже в ближайшей перспективе может стать решающим для сохранения независимости государства, обладающего громадной территорией с колоссальными природными ресурсами, обеспечивающими его устойчивое экономическое развитие, что, в конечном счете, позволяет превратить Россию в страну с комфортными постоянно улучшающимися условиями жизни для ее населения.

СЕССИЯ 1

Демографическая наука и демографическое образование в условиях глобализации

**Рязанцев С.В., Письменная Е.Е.,
Россия, Москва**

Эмиграция российских ученых: «циркуляция» или «утечка» умов?

*Исследование проведено в рамках проекта
по гранту Президента Российской Федерации
для государственной поддержки молодых российских ученых
№ МД-2107.2011.6*

Эмиграция из России традиционно характеризовалась высокой долей людей с высшим образованием. Особенно масштабным этот процесс стал после распада СССР, когда российские ученые, врачи, преподаватели, программисты в поисках лучших условий труда и зарплаты эмигрировали в самые разные страны мира (прежде всего в США, Израиль, Западную Европу и др.). Многие развитые страны мира должны быть благодарны России за то, что она «подарила» им безвозмездно тысячи готовых ученых и высококвалифицированных специалистов, которые сформировали самую крупную в мире научную диаспору. Мы предлагаем следующее определение российской научной диаспоры – это ученые и высококвалифицированные специалисты (с образованием не ниже высшего), которые родились в России, заняты в сфере научных исследований или близких к ней высокотехнологичных отраслях, активно поддерживающие научные и деловые контакты со своими соотечественниками, проживающими за рубежом и коллегами, работающими в России. Под наше определение попадает примерно 100–150 тыс. человек, именно эту часть эмигрантов из России можно отнести к российской научной диаспоре. Эта оценка более значительна, чем приведенная С.Егеревым, который писал о максимальной численности диаспоры 20–30 тыс. человек [Егеров, 2002: 277]. Но наши оценки значительно ниже приводимых в прессе 800 тыс. или даже 1,5 млн. человек – ученых из России [Прусс, 2006: 1]. Скорее всего, последняя цифра имеет отношение к общим масштабам эмиграции, чем к российской научной диаспоре.

По официальным данным ежегодные масштабы эмиграции из России невелики. Так, например, в 2009 г. из России выехало всего 32,5 тыс. человек, в том числе в страны «дальнего зарубежья» – 12,1 тыс. человек. За небольшими абсолютными значениями, характеризующими эмиграцию из России в страны дальнего (старого) зарубежья, скрываются проблемы, свя-

занные с качественной структурой миграционного потока. Эмигрируют молодые, образованные, активные люди. Небольшие абсолютные цифры эмиграции связаны не столько с реальным сокращением выезда, сколько с возникновением новых форм эмиграции, которые просто не могут быть зафиксированы прежними инструментами миграционного учета. Известна масса случаев, когда наши граждане живут за рубежом, но при этом, не теряют российского гражданства и не выписываются из своего жилья в России.

С 1989 г. из России в страны дальнего зарубежья по официальным данным на постоянное место жительства выехало более 1,2 млн. человек. Основными странами выезда россиян на постоянное место жительства традиционно были и остаются Германия, Израиль и США. Среди новых направлений эмиграции российских граждан можно выделить страны Европы (Финляндию, Испанию, Великобританию и пр.), Канаду, Австралию, Новую Зеландию, Китай. В России действует множество фирм, оказывающих посреднические услуги по выезду за границу на постоянное место жительства, приобретению недвижимости и бизнеса за рубежом, получению вида на жительства и гражданства различных стран. Это в принципе свидетельствует о серьезном расширении форм и географии эмиграции из страны.

Качественный состав эмигрантов характеризуется значительной долей людей с высшим образованием. Каждый пятый эмигрант из России в постсоветский период имел высшее образование. Среди выбывших в Израиль – 30%, в США – более 40%, в Канаду – 60%. Исследования показывают, что у 40,5% иммигрантов, прибывших в Израиль из бывшего Советского Союза, общий срок обучения составляет 13 лет и более. При этом аналогичный уровень образования имеют лишь 24,2% израильтян [Метелев, 2006]. Аналогично, уровень образования российских эмигрантов в Австралию также достаточно высок. По российским данным среди эмигрантов в эту страну более 54% имели высшее образование. Это закономерный результат селективной миграционной политики Австралии, которая в первую очередь дает «зеленый свет» высококвалифицированным специалистам. Молодые и образованные специалисты, как правило, прибывают по приглашениям австралийских фирм и университетов, либо через балльную программу иммиграции, которая отдает приоритет ученым и высококвалифицированным специалистам.

В исследовании был проведен сравнительный анализ данных российской статистики с данными национальной статистики стран, принимающих российских эмигрантов. Зарубежные данные на порядок превышают сведения российских официальных статистических служб. Оказалось, что американские данные от 2 до 6 раз (в разные годы) превышают данные российские относительно численности эмигрантов из России. Данные по Германии в 2–3 раза выше, по Канаде в 3–6 раз выше, по Израилю в

5–6 раз выше, по Франции в 12–15 раз выше. Объясняется подобное расхождение тем, что статистика в России фиксирует легальный выезд на постоянное место жительства, в ней отсутствует учет эмиграции на основе временных трудовых контрактов, туристические поездки, самостоятельный поиск работы людьми через социальные контакты и т.д. В зарубежной статистике более четко фиксируется въезд мигрантов из России независимо от цели и формы.

Таким образом, эмиграционные потоки из России, фиксируемые российской официальной статистикой, нужно брать с существенной поправкой в сторону увеличения. По нашим расчетам, российские данные следует умножить, как минимум в 3–4 раза. В этой связи, реальные потери от «утечки умов» в страны «дальнего» зарубежья за период 2002–2010 гг. составляют от 750 тыс. до 1 млн. человек с высшим образованием, в том числе порядка 1,2–1,6 тыс. докторов и кандидатов наук. Это косвенно подтверждают экспертные оценки. Председатель профсоюзов Российской академии наук В. Калинушкин отметил, что с 1992 г. Россию покинули от 500 до 800 тыс. ученых. По оценкам ректора МГУ имени М.В.Ломоносова В.А. Садовниченко за 1990-е гг. Россия лишилась приблизительно 1/3 своего интеллектуального потенциала. Только из МГУ выехало около 20% всех профессоров и преподавателей [Аммосов, 2003].

Можно выделить шесть форм (каналов) эмиграции научных кадров из России. Первый канал – целенаправленная эмиграция ученых и высококвалифицированных специалистов на постоянное место жительства за границу с заблаговременным или последующим поиском работы. Данная форма эмиграции преобладала вначале 1990-х гг., хотя сохраняется и до настоящего времени в определенном размере. Интервью показывают, что некоторые специалисты целенаправленно ищут работодателя за рубежом, используя различные связи, контакты, Интернет, агентства по трудоустройству за рубежом и иммиграции. Приведем выдержки из двух интервью.

Второй канал – это трудовая эмиграция по временным контрактам, которые постепенно трансформируются в вид на жительство или гражданство принимающей страны. По примерным оценкам 70–80% работающих российских ученых за рубежом имеют временные контракты [Дежина, 2009: 22]. Как правило, люди в момент выезда не ставят «во главу угла» стремление остаться навсегда в стране проживания, а имеют целью поработать некоторое время, заработать денег и вернуться в ближайшем будущем на родину. Однако, обстоятельства и особенности работы подталкивают их к постоянному проживанию в принимающей стране.

Третий канал – это эмиграция через стажировки и постдокторские программы, которые имеют многие университеты мира для приема ведущих ученых и специалистов в определенных отраслях и направлениях исследований.

Четвертый канал – это эмиграция с преобладанием семейных причин, в том числе через заключение брака с гражданами принимающей страны, с

последующим трудоустройством в науке. В большинстве своем этот канал эмиграции более характерен для российских женщин.

Пятый канал – переход в науку из другой сферы, который произошел после эмиграции в принимающую страну. Это довольно сложный вариант эмиграции, поскольку «пробиться» в науку из другой сферы в чужой стране достаточно трудно, но возможно. Главный фактор успеха – свободное владение языком, наличия опыта и знаний, целеустремленность. Как показывает практика, да и отмечали неоднократно сами респонденты, именно выходцам из России и стран бывшего СССР, эти свойства характера более всего присущи.

Шестой канал – эмиграция молодых людей (студентов и аспирантов) через канал обучения и стажировки. Это новое, но уже весьма распространенное явление для России. Можно констатировать, что в России сформировалась особая модель «трамплинной эмиграции», когда молодые люди (студенты, аспиранты) специально поступают на учебу в те вузы, лаборатории и центры, которые имеют широкие контакты за рубежом, преследуя цель эмиграции в будущем. Причем это может быть обучение как внутри России, так и за рубежом. По данным ЮНЕСКО в 2002 г. около 25 тыс. российских студентов обучалось за границей. Около половины из них определенно решили остаться за границей, еще 20% хотели бы продолжить учебу после получения диплома, только 18% твердо настроены вернуться в Россию [Прусс, 2006: 1].

В научной литературе последних лет существует точка зрения, что процесс интенсивной миграции высококвалифицированных специалистов является мировой тенденцией, обусловленной глобализацией. Возник термин «циркуляция умов», который стал все более активно применяться в отношении эмиграции специалистов из России. «Циркуляция» умов подразумевает, что миграция высококвалифицированных специалистов и ученых происходит вслед за движением капитала и проектов, носит временный и возвратный характер. С точки зрения миграционной теории можно предполагать, что в этом случае преобладают факторы «притяжения» в странах приема, а отнюдь не факторы «выталкивания» в странах оттока. Конечно, классический пример представляет собой миграция ученых из стран Западной Европы в США. По данным исследований фонда «Открытая экономика» из Великобритании ежегодно на работу в США и другие страны выезжают 1,4 млн. людей с высшим образованием, из Германии – более 800 тыс. человек [Утечка..., 2012]. В этой ситуации вряд ли европейский ученый покидает свой университет и лабораторию по причине маленькой заработной платы на родине. Скорее всего, ее привлекает комплекс лучших условий в США (материальных, организационных, карьерных), которые проводят активную (а порой просто агрессивную) политику привлечения ведущих умов в свои центры, университеты и лаборатории.

Однако является ли эмиграция ученых свидетельством включенности России в международную «циркуляцию умов»? В ситуации с эмиграцией высококвалифицированных специалистов из России, стран СНГ, развивающихся стран, доминируют «выталкивающие» факторы на родине. Прежде всего, это низкая оплата труда, отсутствие достаточных средств и оборудования для исследований, не финансируются командировки, бюрократизм в расходовании средств грантов, плохие жилищные условия. Бюджет научных учреждений практически не включает затрат на научные исследования, только средства на зарплату и коммунальные платежи. Это подорвало материальную базу для проведения исследований. Средняя заработная плата ученого со стажем в России едва достигает 1 тыс. долларов [Перминова, 2004: 68].

Эмиграционный потенциал среди ученых и высококвалифицированных специалистов в России остается очень высоким. По примерным оценкам 200–250 тыс. программистов из России хотят эмигрировать из страны на работу за границу. Около 10% российских ученых ищут рабочее место за границей, 40% работают с зарубежными организациями и фондами, 20% ориентируются на временную трудовую эмиграцию за рубеж. Только 30% ученых в России не имеют эмиграционных настроений [Перминова, 2004: 68].

Проблема высококвалифицированной миграции приобретает глобальный характер. В конкурентной борьбе за лучшие умы в выигрыше остаются страны, которые привлекают специалистов и ученых высокой заработной платой и хорошими условиями труда. Прежде всего, это США, Австралия, Канада, Япония, страны Западной Европы. А в последнее время, к ним присоединяются Китай, Сингапур, страны Персидского залива. Если в большинстве социально ориентированных стран перемещение интеллектуалов за рубеж связано с повышением миграционной подвижности населения в условиях доминирования факторов «притяжения», то в России это обусловлено действием фактором «выталкивания» (прежде всего, низкой оплатой труда и отсутствием нормальных условий работы в науке). Вполне обоснованно считать этот процесс применительно к России именно «утечкой умов». Она имеет интенсивный характер, расширяющуюся географию, приобретает многообразные формы, носит ярко выраженный социально-экономический характер. Российская наука теряет не только отдельных ученых и высококвалифицированных специалистов, но и целые научные школы, исследовательские коллективы и перспективные направления в математике, физике и генетике и других направлениях наук. С горечью необходимо признать, что эмиграция ученых из России при нынешнем отношении государства к высококвалифицированным специалистам, скорее всего, будет носить безвозвратный характер.

Литература

1. Аммосов Ю. Калифорния ставит на нас// Эксперт. 2003. № 32. 1 сентября.
2. Дежина И. Никогда не говори «навсегда»// Поиск. 2009. 11 сентября.
3. Демографические перспективы России / Под ред. акад. Осипова Г.В. и проф. Рязанцева С.В. М.: ИСПИ РАН, 2008.
4. Егерев С. Диалоги с диаспорой // Отечественные записки. 2002. № 7.
5. Метелев С.Е. Международная трудовая миграция и развитие российской экономики. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2006.
6. Перминова Е. Рыночная гримаса на лице российской науки// ВВП. 2004. № 3. Июль.
7. Прусс И. Мозги утекают навсегда// Взгляд. 2006. 20 декабря.
8. Утечка мозгов // Википедия. Свободная энциклопедия. URL: http://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%A3%D1%82%D0%B5%D1%87%D0%BA%D0%B0_%D0%BC%D0%BE%D0%B7%D0%B3%D0%BE%D0%B2 (дата обращения: 13.06.2012).

***Соловьев А.К., Коржов М.А., Курманов А.М.,
Россия, г. Москва***

Влияние глобального демографического кризиса на пенсионную систему и экономику России

Для России, как и для всех стран мирового сообщества главным долгосрочным вызовом современности является глобальный демографический кризис, который имеет двойственный характер проявления: сокращение рождаемости, с одной стороны, и увеличение продолжительности жизни старших поколений, с другой.

Для России глобальный демографический кризис усугубляется объективными экономическими и социальными трудностями переходного периода, выразившимися в высоком уровне смертности и миграции, а также долгосрочными последствиями глобального финансово-экономического кризиса.

Во всех странах, имеющих зрелые системы социального страхования, государственная пенсионная политика строится на основе актуарного прогноза демографических процессов: прогноза численности пенсионеров, структуры занятого населения, макроэкономических показателей и др.

Актуарный прогноз демографического развития Российской Федерации на долгосрочную перспективу подтверждает тенденцию, прослеживаемую на практике. Следует отметить, что в России влияние глобального демографического кризиса осложняется национальными особенностями, которые обусловлены трудностями перехода к рыночной экономике и значительными социальными катаклизмами. Это связано с ухудшением условий труда, снижением уровня жизни населения, сокращением доступности к

услугам здравоохранения. Особенно негативно ситуация отразилась на мужчинах, став причиной значительного роста смертности мужчин в трудоспособном возрасте по сравнению с 1990 годом.

В 2010 г. продолжительность жизни мужчин в возрасте 60 лет составила 14 лет. Из мужчин, которым в настоящее время 20 лет, до 60 лет доживут лишь 60 % (т.е. умрут – 40%), а в течение последующих 5 лет из оставшихся 60-летних мужчин умрут еще 20 процентов. До 65-летнего возраста получения трудовой пенсии смогут дожить лишь 4 из 10, т.е. значительно меньше, чем установлено международно-принятыми нормами МОТ для всеобщих (национальных) пенсионных систем. Следовательно, большинство населения будет лишено права получения своего страхового возмещения, гарантированного Конституцией РФ и международными нормами. Лишь к середине 2030-х годов продолжительность жизни мужчин при рождении превысит 70 лет, а для мужчин в возрасте 60 лет достигнет величины 19 лет.

Менее критично положение с женским населением страны. Из числа нынешних 20-летних женщин до 60 лет доживут 85,6% (т.е. умрут 14,4%), и в течение последующих 5 лет из оставшихся 60-летних женщин умрут еще 7%. Продолжительность жизни женщин в возрасте 55 лет сейчас составляет 24 года, а к 2030 г. увеличится до 28 лет. Продолжительность жизни при рождении для женщин к середине 2030-х годов составит 80 лет.

В то же время демографический кризис повлечет значительное сокращение численности населения трудоспособного возраста. Если в 2010 г. доля лиц трудоспособного возраста составляла 61,9% численности населения России, то к середине 2030-х годов этот показатель снизится почти на 10 процентных пунктов и составит 52,3%.

Несмотря на то, что в период 2000–2010 гг. общий коэффициент рождаемости увеличился на 44,8% – с 8,7 на 1000 населения в 2000 г. до 12,6 в 2010 году, достигнуть уровня 1990 г. – 13,4, пока не удалось.

Ситуация с суммарным коэффициентом рождаемости, который характеризует средний уровень рождаемости одной женщиной репродуктивного возраста демонстрирует сохранение отставания от показателей конца 80-х годов прошлого столетия. В 2010 г. суммарный коэффициент рождаемости составил 1,59, а в 1990 г. он составлял 1,9. Однако, применительно к периоду 2000–2010 г. его рост составил 33%.

По сравнению с 2000 г. положительная динамика прослеживается и по показателю «ожидаемая продолжительность жизни при рождении». В 2010 г. увеличение по сравнению с 2000 г. составило 5,5%. При этом ожидаемая продолжительность жизни при рождении женщин практически достигла показателя 1990 г. – 74,3 года, в то время, как аналогичный показатель для мужчин ниже, по актуарным оценкам, уровня 1990 г. на 2,2%.

Все это приводит к старению населения, сокращению его численности, росту нагрузки пенсионерами на трудоспособное население, ограничивает

возможности социально-экономического развития страны, что не может, в свою очередь, не сказаться на пенсионной системе.

По самым оптимистичным актуарным оценкам, уже к середине 2030-х гг. численность получателей пенсии сравняется с числом работающих.

Демографическая составляющая является исходной для оценки перспектив развития пенсионной системы. Данные о численности и структуре населения являются базой для определения численности получателей пенсий и плательщиков взносов - двух ключевых элементов системы пенсионного страхования.

Проведенная в нашей стране радикальная пенсионная реформа была основана на долгосрочном демографическом прогнозе, учитывающем все негативные последствия глобального демографического кризиса, с одной стороны, и мероприятия государственной демографической политики, с другой. Демографическая ситуация в стране характеризуется крайне низкой продолжительностью жизни мужской части населения, низким уровнем рождаемости, не обеспечивающим простого воспроизводства населения, высоким уровнем смертности в трудоспособный период жизни граждан, неэффективным использованием миграционного потенциала и т.д. Это приводит к старению населения сокращению его численности, росту нагрузки на сокращающееся трудоспособное население со стороны пенсионеров, что все более серьезно ограничивает не только текущие, но и долгосрочные перспективы социально-экономического развития страны.

Несмотря на положительную динамику демографических факторов развития страны для устойчивого долгосрочного функционирования пенсионной системы на страховых принципах предусмотренных государственной демографической программой мер недостаточно. Финансово-экономическим следствием демографических рисков развития пенсионной системы в долгосрочной перспективе является рост нагрузки пенсионной системы на реальный сектор экономики и занятое население, с одной стороны, а также на федеральный бюджет страны, с другой.

Одновременно демографические риски старения населения приведут к резкому росту численности пенсионеров: к 2030 г. – на 17%, а к 2050 г. – на 32% относительно 2010 года.

В результате существенно сокращаются объемы поступления страховых взносов как главного финансового источника повышения размера пенсий и замедлятся темпы текущей индексации трудовой пенсии с 11,3% в 2012 г. до 6,6% в 2025 г., которая зависит от темпов роста доходов ПФР, приходящихся на одного пенсионера.

Следствием этого станет снижение темпов роста среднего размера трудовой пенсии: с 112% в 2011 г. до 106,5% – к 2020 г. и до 105% в долгосрочной перспективе.

Соотношение среднего размера трудовой пенсии по старости со средней заработной платой в экономике, достигшее 39,7% в результате рефор-

мы 2010 г., начнет снижаться и уже в 2020 г. сократится до 30%. Замедлит рост и соотношение среднего размера трудовой пенсии с прожиточным минимумом пенсионера: в 2020-е годы оно составит 170%, а рубеж 200% перешагнет в начале 40-х гг.

Соотношение с ПМП среднего размера трудовой пенсии по старости будет выше: в 2020 г. оно составит 175%, а в 2040 г. – 216%.

По причине замедления темпов индексации трудовых пенсий расходы на их выплату будут расти медленнее, чем доходы ПФР от страховых взносов. К 2020 г. расходы на страховую часть трудовой пенсии вырастут в 2,4 раза, а доходы – в 3 раза, в последующие годы тенденция опережающего роста доходов сохранится.

Для смягчения влияния демографического кризиса на пенсионную систему и экономику в целом принята государственная Концепция демографической политики Российской Федерации на период до 2025 года, в которой определены целевые ориентиры стабилизации демографической ситуации в стране.

Концепция предусматривает постепенное увеличение численности населения, повышение ожидаемой продолжительности жизни до 75 лет; увеличение в 1,5 раза по сравнению с 2006 годом суммарного коэффициента рождаемости и снижение в 1,6 раза уровня смертности. Также предусматривается обеспечить миграционный прирост на уровне более 300 тыс. человек ежегодно.

В результате, если до принятия Концепции, по прогнозу, число работающих должно было сравняться с числом получателей трудовых пенсий в середине 20-х гг., то исходя из последнего прогноза с учетом реализации концепции - в начале 30-х гг. Однако, актуарные расчеты на долгосрочную перспективу показывают, что меры, предусмотренные демографической программой, недостаточны для радикального улучшения устойчивости пенсионной системы.

Для решения накопившихся нерешенных проблем пенсионной системы в условиях демографического кризиса необходимо завершить ее реформирование и реализовать комплекс мер, направленных на усиление страховых механизмов, который предусматривает:

- регулирование тарифной политики – путем ежегодного установления тарифов страховых взносов и верхней границы дохода, на который они начисляются, на основе результатов актуарного оценивания в размере, достаточном для обеспечения финансовой устойчивости пенсионной системы;
- завершение переходного периода для работодателей в отдельных видах экономической деятельности, в который сохранялись пониженные тарифы страховых взносов на обязательное пенсионное страхование;

- участие застрахованных лиц в формировании пенсионных прав путем переноса части тарифа на заработную плату работников;
- совершенствование накопительной части трудовой пенсии путем предоставления застрахованным лицам права выбора дальнейшего способа формирования этой части пенсии;
- изменение пенсионной формулы на принципе эквивалентности: учет стажа, влияния демографии и макроэкономики, статистической ожидаемой продолжительности жизни;
- ограничение выплаты фиксированного базового размера пенсии работающим пенсионерам;
- реформирование в течение переходного периода не менее 15 лет – досрочных (льготных) пенсий;
- установление требований к продолжительности страхового стажа, необходимого для получения полной пенсии (в целях обеспечения коэффициента замещения);
- совершенствование механизмов индексации пенсии и расчетного пенсионного капитала;
- стимулирование продолжения трудовой деятельности после достижения общеустановленного пенсионного возраста без получения пенсии.

Совокупность перечисленных мер уже в первые годы их реализации позволит обеспечить соблюдение основных страховых принципов и в конечном итоге обеспечить и поддерживать долгосрочную финансовую устойчивость пенсионной системы.

В то же время пенсионная система заинтересована в опережающем росте таких экономических категорий, как производительность труда и заработная плата, что в условиях сокращения числа работающих позволит обеспечить необходимый объем страховых поступлений на выплату пенсий.

Кумсков Г.В.,

Кыргызская Республика, г. Бишкек

Особенности реализации миграционных процессов и их влияние на социально-экономическое и демографическое развитие Кыргызстана

Предпосылки и цели исследования: анализируются тенденции социально-экономического и демографического развития. Указывается на то, что происходящие в стране трансформационные процессы подтверждают наличие общих закономерностей трансформационного периода.

Население – основа и субъект общественного производства, важнейший фактор экономического роста. С ним связаны все аспекты экономиче-

ской деятельности общества. В такой роли население выступает, прежде всего, потому, что оно служит источником формирования совокупной рабочей силы. Население находится в постоянном движении, изменении, совершенствовании. Демографическое воспроизводство обеспечивает непрерывное возобновление поколений людей. Это возобновление населения, в том числе и его трудоспособной части, происходит путем миграционного и естественного движения. Следовательно, рождаемость, смертность, миграционные процессы, изменяя численность населения в трудоспособном возрасте, определяют динамику трудовых ресурсов.

В современных условиях миграционные процессы в значительной степени определяют интенсивность демографического развития отдельных территорий, к числу которых можно отнести и Кыргызскую Республику. Миграция населения выступает в данном случае важным фактором формирования численности и состава ее жителей. Это обусловлено большими масштабами и высокой интенсивностью миграционного движения в республике за последние годы.

В настоящее время население республики увеличивается исключительно за счет естественного прироста. Значение естественного прироста в пополнении численности населения республики в условиях ее суверенизации стало основополагающим. Доля населения в трудоспособном возрасте в общей численности населения увеличилась с 50,4% на конец 1991 г. до 61,1% – на конец 2010г.

На изменение численности населения Кыргызстана существенное влияние продолжает оказывать миграция. При этом увеличение численности населения страны обусловлено значительным преобладанием естественного прироста населения над миграционной убылью.

Интенсивные миграционные процессы, наблюдаемые в республике на протяжении ряда последних лет, существенно изменили структуру населения по ее национальному составу в сторону увеличения доли коренного населения, имеющего более высокие, особенно в сельской местности, показатели рождаемости, размера семей, числа детей в них. Данная ситуация обуславливает возникновение несоответствия между уровнем экономического и социально-демографического развития республики, т.е. несоответствия интенсивности осуществления демографических процессов объективным потребностям экономического развития.

Основным критерием разрешения указанных противоречий является принцип совпадения целей демографической политики с другими элементами социально-экономической стратегии развития государства, направленными, в конечном счете, на качественное совершенствование всех форм жизнедеятельности населения. Экономический рост должен рассматриваться не как цель, а как средство защиты жизненных возможностей настоящих и будущих поколений в условиях, обеспечивающих устойчивое их развитие и повышение благосостояния.

Следует отметить, что ситуация в области миграционного движения населения в различные периоды имела определенные тенденции и существенно менялась на протяжении нескольких десятилетий. Так, с конца 50-х гг. важным источником роста населения республики, наряду с естественным, был миграционный прирост. С 1970 г. республика стала терять население. Миграционная активность жителей Кыргызстана резко возросла в начале 90-х гг., а ее пик пришелся на 1993 г., когда из страны эмигрировали 143,6 тыс. человек. В этот период, впервые за послевоенные годы, было зафиксировано сокращение численности населения страны.

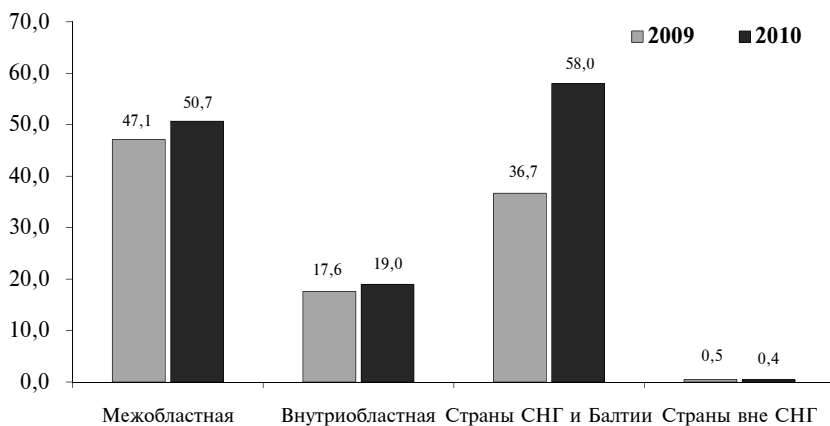

Рис. 1. Валовая миграция населения по потокам миграции в 2009–2010 гг. (тыс. человек)

Фактические данные современного состояния развития миграционных процессов показывают, что в 2010 г. миграционные изменения происходили в результате значительного усиления, как внутривосточных передвижений, так и миграции населения за пределы страны. Миграционный отток населения за пределы страны составил -50,6 тыс. чел. (-29,6 тыс. чел. – в 2009 г.), т.е. увеличился на 21,0 тыс. чел., или в 1,7 раза. По-прежнему, как и в предыдущие годы, в 2010г. основную долю эмигрантов (86%) составили лица трудоспособного возраста.

Анализ статистических данных позволяет сделать определенные выводы о том, что произошедшие за период перехода к рыночным отношениям изменения в политической, экономической и социальной сферах общественной жизни республики, связанные с реформами, чрезвычайно обострили проблему миграции населения.

Низкие стартовые экономические условия Кыргызской Республики поставили ее в неравное положение по сравнению с другими странами СНГ, такими как Россия, Казахстан, обладающими большим экономическим

потенциалом. Широкая сфера приложения труда в этих странах привлекает большие массы рабочей силы извне, в том числе из Кыргызстана.

Наряду с внешней миграцией в трансформационный период широкое развитие получили внутренние миграционные процессы. При этом миграционные потери отдельных территорий внутри страны обусловлены узостью сферы приложения труда, что, естественно, стимулирует отток населения в экономически развитые районы республики.

Миграция из сельских районов в города является преобладающей формой межобластного территориального перемещения населения. Этот процесс, прежде всего, коснулся г. Бишкек. В то же время численность населения малых городов, поселков городского типа, крупных сел за период сократилась, что обусловлено снижением объемов общественного производства, остановкой крупных и средних предприятий, значительным сокращением финансирования социальной сферы.

Внутренняя миграция в основном присуща коренному населению, которое устремляется в столицу в надежде на то, что здесь легче найти сферу приложения своего труда. При этом сельская местность республики теряет наиболее молодую, активную и образованную часть населения, изменяется ее социальная и профессионально-квалификационная структура.

На настоящий момент тенденции, характерные развитию внутренних миграционных процессов на протяжении последних лет, продолжают сохраняться. В 2010 г. объем валовой внутриобластной миграции составил 19,0 тыс. чел. (17,6 тыс. чел. – в 2009 г.), т.е. увеличился на 1,4 тыс. чел., или на 8%. Что касается межобластных потоков, то здесь, также произошло увеличение числа мигрантов (с 47,1 тыс. чел. – в 2009 г. до 50,7 тыс. чел. – в 2010 г.) на 3,6 тыс. чел., или на 8%.

Проведенный анализ сложившейся ситуации в области миграционного движения населения Кыргызстана позволяет констатировать, что эмиграционный потенциал еще не исчерпан. Наряду с этнической эмиграцией на первый план выходит экономическая, обусловленная снижением уровня жизни, неопределенностью жизненных перспектив, неэффективностью социальной защиты населения.

Эмиграционные процессы в Кыргызстане можно расценить как с позитивной, так и негативной стороны. Позитивная сторона заключается в определенном снятии напряжения на рынке труда, негативная – представлена выбытием значительной части квалифицированных работников, что ослабляет интеллектуальный и профессиональный потенциал республики.

Анализируя потоки трудовой миграции, представляется целесообразным определить предпосылки и перспективы вовлечения денежных переводов трудовых мигрантов в экономику страны. На настоящий момент в Кыргызстане в процессы внешней трудовой миграции вовлечено (в зависимости от различных оценок масштабов трудовых потоков) от 12 до 26% экономически активного населения.

Несомненно, что иностранная валюта, зарабатываемая гражданами за рубежом, играет позитивную роль в экономике страны - экспортере рабочей силы. Денежные переводы способствуют уменьшению бедности населения. Переводы мигрантов, проходя через банковский сектор, становятся важным источником иностранной валюты, позволяющим странам выезда импортировать жизненно необходимые товары или выплачивать внешние долги. При этом осознание возможностей, с помощью которых денежные переводы трудовых мигрантов оказывают влияние на социально-экономическое развитие стран выезда, все более увеличивается.

За последние десять лет трудовая миграция из Кыргызстана не только набрала силу, но и продемонстрировала устойчивость процесса даже на фоне мирового экономического кризиса. Проведенное ОБСЕ в 2009 г. исследование «Влияние мирового экономического кризиса на трудовую миграцию из Кыргызстана в Россию» показало, что, несмотря на проблемы, связанные с сокращением рабочих мест, ужесточением процедур легализации в странах приема и, как следствие, ухудшением положения мигрантов, в Кыргызстане отсутствует реальная альтернатива трудовой миграции. Даже в самый пик кризиса возврат мигрантов составил не более 10%. В настоящее время, очевидно, что на микроуровне возвращение мигрантов ухудшит материальное положение и качество жизни их семей, а на макро – приведет к росту безработицы в Кыргызстане, усилит давление на систему социальной защиты и пр.

Поскольку переводы в Кыргызстане составляют значительную долю ВВП (около 30%, что составляет около полутора миллиардов долларов США), правительство страны должно регулировать трудовые потоки, разрабатывая систему эффективного использования денежных переводов мигрантов в целях развития не только отдельных домохозяйств, но и национальной экономики в целом. Одной из мер стимулирования инвестиций для целей развития могла бы стать разработка мер по изменению соотношений между двумя основными типами переводов денег трудовыми мигрантами – официальным и неофициальным в сторону увеличения доли первого из них.

Важно то, что существующая экономическая ситуация в Кыргызской Республике стимулирует приток денежных переводов трудовых мигрантов в страну, однако при этом складывается ситуация, когда можно ожидать общего положительного воздействия на ВВП, но в меньшей степени, чем на частное потребление. При этом рост внутреннего производства потребительских товаров и услуг, спровоцированный переводами, может привести к некоторому росту занятости и в целом оказать положительное воздействие на социально-экономическое развитие страны.

Как свидетельствуют результаты обследования, проведенного ОБСЕ в 2008–2010 гг. реальных предпосылок и ближайших перспектив системного

вовлечения денежных переводов трудовых мигрантов в экономику Кыргызской Республики в качестве инвестиционного ресурса, потоки денежных переводов представляют собой важный инвестиционный потенциал, и поэтому денежные переводы необходимо аккумулировать банковским сектором, а привлеченные средства инвестировать в экономику.

Как показывают результаты обследования, большая часть денежных переводов тратится на текущее потребление в Ошской области, среднее значение доли расходов от денежных переводов составляет 63%, в Баткенской и Джалал-Абадской областях – 50%. В разрезе типа населенного пункта меньшая часть переводов тратится на текущие расходы в областных городах – 51%, в районных городах, ПГТ и в селах эта величина значительно не различается и составляет 58%.

Таблица 1

Сравнительные параметры денежных переводов трудовых мигрантов

Параметры денежных переводов	2008 г.	2009 г.	9 месяцев 2010 г.
Средний размер одного перевода, руб.	11 037	7 237	11 725
Медианный размер одного перевода, руб.	10 000	6 000	10 000

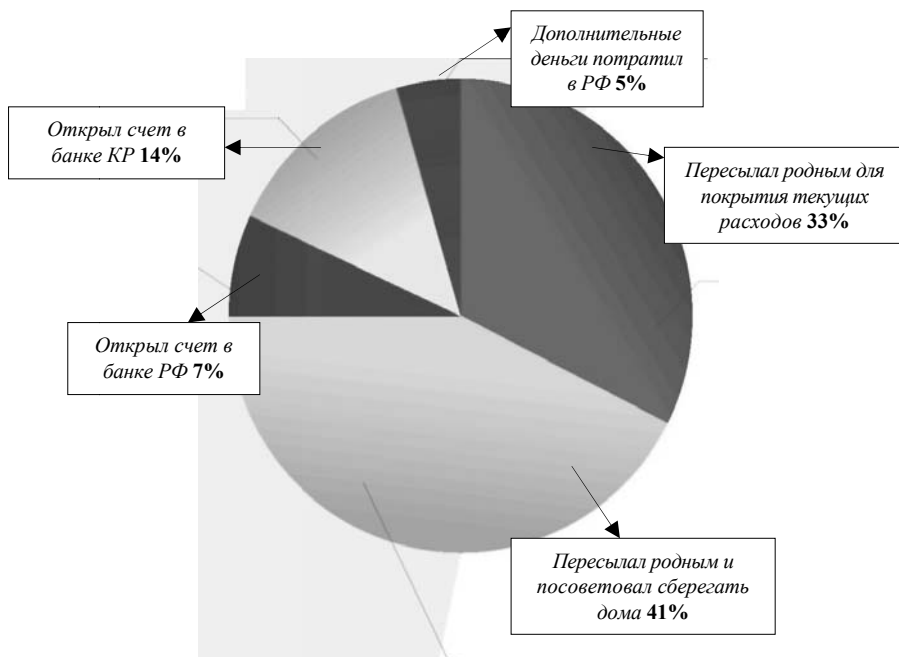

Рис. 2. Стратегия поведения мигрантов в случае увеличения дохода в 3 раза, % мигрантов-респондентов

В ходе анализ результатов опроса были обобщены мнения мигрантов по использованию банковских продуктов (см. рис. 2). Так, 21% мигрантов-респондентов готовы пользоваться банковской системой (7% – в России и 14% – в Кыргызстане), но 41% предпочитают сберегать деньги дома. 33% мигрантов ответили, что увеличили бы размеры текущих расходов. Это говорит о том, что уровень жизни этих домохозяйств пока еще очень низкий.

По данным Всемирного Банка на начало 2009 г., официальный объем денежных переводов мигрантов составил 400 млрд. долл. США, причем из них свыше 300 млрд. долл. США были переведены в развивающиеся страны. В силу этого обстоятельства, Всемирным саммитом ООН было признано существование тесной связи между трансграничной миграцией и экономическим развитием этих стран.

Все это позволяет сделать вывод о том, что, несмотря на действие ряда внешних факторов, ограничивающих трудовую миграцию, факторов, которые ее стимулируют, гораздо больше и влияние их более существенно. Поэтому на современном этапе можно констатировать, что трудовая миграция из Кыргызстана приобрела долгосрочный характер, а денежные переводы мигрантов стали стабильным фактором развития экономики страны.

Литература:

1. *Воздействие* мирового экономического кризиса на трудовую миграцию из Кыргызстана в Россию. ОБСЕ, АКТЕД Европейский Союз, 2009.

2. *Вынужденная* миграция: Научная серия: Международная миграция населения: Россия и современный мир / Гл. ред. В.А. Ионцев. – М.: МАКС Пресс, 2001. – Вып. 6. – 159 с.

3. *Дементи П.* Глобализация и международная миграция // Миграция и развитие: Доклады и статьи ведущих секций и докладчиков международной конференции «Миграция и развитие», Москва, 13–15 сентября 2007 г. / Сб. статей / Гл. ред. В.А. Ионцев. – М.: СП Мысль, Би-эль Принт, 2007. 255 с. (Научная серия «Международная миграция населения: Россия и современный мир». Выпуск 20).

4. *Ивахнюк И.В.* Евразийская миграционная система: теория и политика. – М.: МАКС Пресс, 2008. – 191 с.

5. *Ионцев В., Алешковский И.* Международная миграция, глобализация и развитие // Миграция и развитие: Доклады и статьи ведущих секций и докладчиков международной конференции «Миграция и развитие», Москва, 13–15 сентября 2007 г. / Сб. статей / Гл. ред. В.А. Ионцев. – М.: СП Мысль, Би-эль Принт, 2007. 255 с. (Научная серия «Международная миграция населения: Россия и современный мир». Выпуск 20).

6. *Кумсков Г.* Закономерности и особенности развития миграционных процессов в условиях рыночной трансформации экономики. – Бишкек: КРСУ, 2002. 250 с.

7. Кумсков Г. Тенденции развития миграционных процессов в Кыргызской республике и их влияние на изменение демографической ситуации. – Материалы международной конференции «Миграция и развитие»: Москва, 13–15 сентября 2007 г. / Под. ред. В.А.Ионцева. – М.: МГУ, СП Мысль, 2007. – 400 с. (Научная серия «Международная миграция населения: Россия и современный мир».).

8. *Народонаселение мира в 2011 году. Люди и возможности в мире с населением 7 миллиардов.* – Фонд Организации Объединенных наций в области народонаселения. – Нью-Йорк, 2011. – 132 с.

***Islamov S.I.,
Tajikistan***

Environmental degradation and migration of the population of the Republic of Tajikistan

Environmental degradation is one of the factor that force people to leave their home temporarily or permanently.

The study of migration due to environmental degradation will help to understand the situation and predict the possible sources of forced migration of population to take measures to prevent this process.

The problems of migration related to environmental degradation, has been little studied in the Republic of Tajikistan. Therefore, the Institute of demography of the Academy of Sciences of the Republic of Tajikistan in the 2009 survey was conducted among the population, which has changed his place of residence or wishes to do so due to degradation of the environment. The survey was carried out in places and the settling of migrants. Identified factors that played a crucial role in return migration and migrants' survival rate. The survey was conducted in areas where there is the greatest environmental degradation.

The study found that intensive migration is observed in areas where the more degraded the environment. For example, the share of migrants from Penjikent and Kanibadam areas account for 17% of total foreign labor migrant from 22 towns and districts of Sogd region. If the Penjikent district environmental problems often associated with debris flows and landslides, the Kanibadam area with soil degradation.. 20% population of Soughd living here.

The survey was conducted among experts of different levels involved, the environment and directly to environmental migrants.

It is stated that in the surveyed regions kinds of environmental degradation are different. Thus, in the Khatlon region 56.7% degradation of the environment falls on the soil salinity, in Sughd – 36.2%; salinity of drinking water in Sughd is 57.1%, lack of drinking water in the Khatlon region – 62.3%; desertification 100%, salt less – 85,7%, change in ambient temperature are most pronounced in

Khotlon area. In the districts of republican subordination 66.7% of environmental degradation is due to landslides.

From all the regions most vulnerable to environmental degradation Khatlon region – 52%. In Sogd it is – 27.6%, RRS – 18,5%, GBAO – 2%.

Proceedings of the survey showed that 28.6% of migrants Sughd and 41.8% of migrants the Khatlon region have changed their place of residence for reasons not related to environmental degradation.

Some of the respondents knew about the existence of different kinds of environmental degradation in the place of residence, continue to live in these places.

This is explained as follows: the presence of another source of income other than income from the land use of the site (55%), lack of desire to leave their home (34.2%), indicating that the surviving traditions continue to live in neighborhoods of their ancestors, the lack of opportunities to leave their place (8.6%), with the appearance of a possible 1.3% of households are willing to do it. All of the above factors act as control of migration.

Migration potential of the above regions remains high in the coming years we should expect greater migration activity of the population.

In general, the survey led to the following conclusions:

According to a survey of experts:

- Environmental degradation due to salinity and soil erosion, desertification, deforestation, increasing water table at the moment is not the main cause of population from the disposal of degraded areas of the country;

- The main factors hindering of migration are: the availability of other sources of income and livelihood (external, internal seasonal or temporary labor migration of family members), the reluctance to leave their ancestral place, lack of migration on their own because of the limited financial capacity of the family;

- All families surveyed are in a state of potential migrants;

- Local authorities should take measures to reduce adverse effects and unwanted migration flows;

- Lack of development of the market various types of insurance can not talk about his role in the development of population migration activity related to environmental degradation;

- lack of awareness about the different types of insurance on the one hand, on the other – the low income and lack of faith in the fact that in the event of a disaster it will be able to obtain the amount for which insured his house and property, hindering the development of the insurance market;

According to migrants:

- Environmental degradation, which is currently the cause of migration of the population, is connected mainly with natural disasters such as landslides, floods, mudslides, etc.

But it was wrong to explain the migration of people with natural disasters. As shown by a qualitative study of migration due to environmental degradation,

increased incidence of landslides are, to some extent the result of poor environmental education of the population and misuse of land on the one hand, and on the other side of housing in places where it is strictly prohibited at the output of mining rivers.

- A clear distinction between environmental migrants and non-environmental migrants is to allow housing in the first, in contrast to second;

- Forced migrants in most cases remained in contact with a former residence, where they do agricultural work on land allocated by the state to create farmer farms, which are a source of family income;

- Among migrants, displaced from the degraded areas, depending on the site of invasion and created the conditions there are three categories of migrants:

The first category-those that are generally satisfied with their place of invasion, although it would like to have more land for farming and grazing, which would graze cattle;

The second category is those who are not satisfied with their relocation from the lack of water for irrigation and some of the inconveniences associated with the infrastructure, but due to the fact that the situation in the estimates of output was even worse, are not going to come back and stay in the category of potential migrants;

The third category is those who were moved from one place to another degraded land and those who volunteered were relocated to this area

Some migrant families in the distant past (the 30s, the 70s of last century) for the development of fallow lands were forcibly relocated by the state in regions where climatic conditions are not suitable for their residence. As a result of the migrants have moderated, some in different ways have returned to their former places of residence, and only a small part of migrants adapt to new conditions;

According to a survey of non-migrants:

- Non-migrants living in degraded areas, according to the degree of being in a state of potential migrants, can be subdivided into the following groups:

- Continue to live in a place where there are clear signs of environmental degradation;

- Potential – migrants who are willing to move to a different location, but do not have the financial ability to implement it by themselves and hope for help from the state;

- Non-migrants who do not leave their home due to landslides, floods, mud flows, because their homes have suffered to a lesser extent;

- Non-migrants, who had the opportunity to leave their place of residence, but did not do it, although the state they were allocated plots of land and assisted in the construction of houses. Some families have sold the house built and lost a chance of getting re-landed.

In this way, the issue of environmental migration in Tajikistan remains complex, haphazard and poorly verifiable. It is necessary to take several additional economic, legal, educational and organizational measures in order to more effectively manage this process.

*Исламов С.И.,
Республика Таджикистан, г. Душанбе*

Деградация окружающей среды и миграция населения Республики Таджикистан

Деградация окружающей среды становится одним из факторов, вынуждающих людей покидать родные места на время или безвозвратно.

Изучение миграции из-за деградации окружающей среды поможет понять сложившуюся ситуацию и прогнозировать возможные очаги вынужденной миграции населения с целью принятия мер по предотвращению этого процесса.

В Республике Таджикистан проблема миграции населения, связанная с деградацией окружающей среды, изучена слабо. Поэтому Институтом демографии Академии наук Республики Таджикистан в 2009 г. было проведено обследование среди населения, которое изменило свое место жительства или желает это сделать по причине деградации окружающей среды. Опрос проводился в местах выхода и вселения мигрантов. Были определены факторы, сыгравшие решающую роль в возвратной миграции и приживаемости мигрантов. Опрос проводился в районах, где наблюдается наибольшая деградация окружающей среды.

В результате проведенного исследования выявлено, что интенсивная миграция населения наблюдается в тех районах, где в большей степени деградирована окружающая среда. Например, на долю мигрантов из Пенджикентского и Канибадамского районов приходится 17% от общего числа внешних трудовых мигрантов из 22 городов и районов Согдийской области. Если в Пенджикентском районе проблемы окружающей среды чаще всего связаны с селевыми потоками и оползнями, то в Канибадамском районе с деградацией почвы. В этих двух районах проживают 20% населения Согдийской области.

Опрос проводился среди экспертов разного уровня занимающихся, проблемами окружающей среды и непосредственно среди экологических мигрантов.

Установлено, что в обследованных регионах виды деградации окружающей среды различные. Так, в Хатлонской области 56,7% деградации окружающей среды приходится на засоление почвы, в Согдийской области

– 36,2%; засоленность питьевой воды в Согдийской области составляет 57,1%; отсутствие питьевой воды в Хатлонской области – 62,3%; опустынивание – 100%, обезлесование – 85,7%, изменение температуры окружающей среды наиболее выражены в Хатлонской области. В Районах республиканского подчинения 66,7% деградации окружающей среды происходит из-за оползней.

Из всех регионов республики наиболее подвержена деградации окружающей среды Хатлонская область – 52%. В Согдийской области она составляет – 27,6%, РРП – 18,5%, ГБАО – 2%.

Материалы опроса показали, что 28,6% мигрантов Согдийской области и 41,8% мигрантов Хатлонской области сменили место жительства по причине, не связанной с деградацией окружающей среды.

Часть опрошенных, зная о наличии различного рода деградации окружающей среды в месте проживания, продолжают жить в этих местах.

Это объясняется следующим: наличие иного источника существования, помимо дохода от использования земли своего участка (55%); отсутствие желания покинуть родные места (34,2%), что свидетельствует о сохранившейся традиции продолжения жизни в местах проживания своих предков; отсутствие возможности покинуть родные места (8,6%), при появлении такой возможности 1,3% домохозяйств готовы сделать это. Все вышеперечисленное выступает сдерживающим фактором миграции населения.

Миграционный потенциал вышеупомянутых регионов остаётся высоким и в ближайшие годы следует ожидать большей миграционной активности населения.

В целом проведенный опрос позволил сделать следующие выводы:

- по опросу экспертов:
 - деградация окружающей среды в результате засоления и эрозии почвы, опустынивания, вырубki лесов, повышения грунтовых вод в настоящий момент не является основной причиной выбытия населения из деградированных зон страны;
 - основными факторами, сдерживающими от миграции, являются: наличие других источников дохода и средств существования (внешняя, внутренняя сезонная или временная трудовая миграция членов семьи); нежелание покинуть родные места предков, отсутствие возможности миграции самостоятельно из-за ограниченности финансовых возможностей семьи;
 - все семьи опрошенных находятся в состоянии потенциальных мигрантов;
 - местные власти должны принять меры с целью снижения нежелательных последствий и нежелательных потоков миграции населения;
 - неразвитость рынка различных видов страхования не позволяет говорить о его роли в развитии миграционной активности населения, связанной с деградацией окружающей среды;

– недостаточная осведомленность населения о различных видах страхования с одной стороны, с другой – низкие доходы и неверие в то, что в случае стихийного бедствия оно сможет получить сумму, на которую застраховано его жилье и имущество, сдерживают развитие рынка страхования;

- по опросу мигрантов:

– деградация окружающей среды, которая является в настоящее время причиной миграции части населения, в основном связана со стихийными бедствиями, такими как оползни, наводнения, селевые потоки и т.д.

Однако было бы неправильным объяснить миграцию населения только стихийными бедствиями. Как показало качественное исследование миграции из-за деградации окружающей среды, участвовавшие случаи оползней являются, в некоторой степени результатом низкого экологического образования населения и неправильного использования земли с одной стороны, а с другой стороны строительства жилья в местах, где оно категорически запрещено: у выхода горных рек.

Явным различием между экологическими мигрантами и неэкологическими мигрантами является разрушение жилья у первых в отличие от вторых.

Вынужденные мигранты в большинстве случаев сохранили контакты с прежним местом жительства, где они ведут сельскохозяйственные работы на землях, выделенных государством для создания дехканских хозяйств, которые являются источником дохода их семей.

Среди мигрантов, переселенных из деградированных местностей, в зависимости от места вселения и созданных условий можно выделить три категории мигрантов:

– первая категория – те, которые в целом довольны местом своего вселения, хотя и хотели бы иметь больше земли для земледелия и пастбища, чтобы пасти скот;

– вторая категория – это те, которые не довольны своим переселением из-за отсутствия воды для орошения и некоторых неудобств, связанных с инфраструктурой, но ввиду того, что ситуация в местах выхода была еще хуже, не собираются возвращаться назад и остаются в категории потенциальных мигрантов;

– третья категория – это те, которые были переселены из одной деградированной местности в другую деградированную местность и те, которые добровольно были переселены в эту местность.

Некоторые семьи мигрантов в далеком прошлом (30-е, 70-е годы прошлого века) для освоения залежных земель были силой переселены государством в регионы, в которых природно-климатические условия не подходили для их проживания. В результате часть мигрантов умерли, часть различными путями вернулись в прежние места проживания и лишь небольшая часть мигрантов адаптировалась к новым условиям.

По опросу немигрантов:

- немигрантов, живущих в деградированной местности, по степени нахождения в состоянии потенциального мигранта, можно условно подразделить на следующие группы:
 - продолжающие жить в местности, где имеются явные признаки деградации окружающей среды;
 - потенциальные мигранты, которые готовы переселиться в другую местность, но не имеют финансовую возможность осуществить это самостоятельно и надеются на помощь со стороны государства;
 - немигранты, которые не покинули родные места в результате оползней, наводнения, селевых потоков, так как их дома пострадали в незначительной степени;
 - немигранты, которые имели возможность покинуть свои места проживания, но не сделали это, хотя государством им были выделены земельные участки и оказана помощь при строительстве домов. Некоторые семьи продали построенные дома и потеряли шанс на повторное получение земельных участков.

Таким образом, вопрос экологической миграции населения в Таджикистане остается сложным, бессистемным и слабо поддающимся контролю.

Необходимо принять ряд дополнительных экономических, правовых, воспитательных и организационных мер с целью более эффективного управления этим процессом.

***Ткаченко Л.Г.,
Украина, г. Киев***

Демографические маркеры пенсионного возраста

Старение населения является одним из главных глобальных трендов демографического развития в нынешнем столетии. Будучи результатом перехода к современному типу воспроизводства населения, для которого характерны регулируемая рождаемость и растущая продолжительность жизни, старение населения само по себе не должно расцениваться как негативный процесс. В то же время, прогрессирующее старение составляет серьезный вызов для современного общества, требуя реформирования экономических, социальных, политических структур; в особенности остро стоит необходимость пенсионной реформы.

Именно вследствие того, что старение населения носит объективный, долгосрочный и глобальный характер, в зарубежной практике пенсионных реформ все большее распространение получают меры по стимулированию более позднего выхода на пенсию, прежде всего путем повышения пенси-

онного возраста. Нине стандартный возраст, дающий право на получение пенсии по старости, в развитых странах составляет 65 лет, независимо от пола. Во многих странах уже приняты решения о дальнейшем повышении этой границы до 67 лет или даже выше [1–2]. Практически во всех постсоциалистических странах пенсионный возраст был повышен еще в конце 1980 – начале 1990-х гг. в рамках системных рыночных преобразований переходного периода, либо осуществляется сейчас [3]. Поскольку глобализация экономического и социального пространства обуславливают неизбежность конвергенции рынков труда и систем социального обеспечения, можно утверждать, что своевременное проведение пенсионной реформы, включая повышение пенсионного возраста, становится необходимым фактором поддержания национальной конкурентоспособности.

Среди стран Европы пенсионный возраст на «советском» уровне (60 лет для мужчин и 55 лет для женщин) остался только в Беларуси, Российской Федерации и Украине. Хотя в Украине с 1 октября 2011 года начато постепенное повышение пенсионного возраста для женщин до 60 лет (на полгода ежегодно; выравнивание границ пенсионного возраста женщин и мужчин планируется закончить в 2021 году), оппозиционные политики среди своих предвыборных обещаний чуть ли не первым называют возвращение «советской» границы пенсионного возраста. Подобные прецеденты в мире уже случались (последний пример – Франция), поэтому существуют вполне обоснованные опасения, что это может произойти и в Украине.

Примечательно, что главной причиной невозможности повышать пенсионный возраст в Украине, как и в Российской Федерации, обычно называют низкую продолжительность жизни (бытует мнение, что «у нас люди и так до пенсии еле доживают»). Не отрицая существенного отставания от развитых стран в успехах по преодолению смертности, автор на примере Украины берется доказать, что у нас уже сейчас есть все «демографические» основания для повышения пенсионного возраста, особенно для женщин. Аргументация базируется на данных Государственной службы статистики Украины и Пенсионного фонда Украины с использованием методов демографических таблиц и структурного анализа.

Во-первых, при определении границ пенсионного возраста ни в коем случае нельзя ориентироваться на показатель ожидаемой продолжительности жизни при рождении, который включает в себя все риски преждевременной смерти, в том числе во младенчестве. Каждый демографически грамотный человек знает, что при дожитии до начала следующего возрастного интервала общая ожидаемая продолжительность жизни увеличивается. Как показывают таблицы смертности, в Украине ожидаемая продолжительность жизни для новорожденных девочек составляет 75,5 лет (табл. 1). Но у женщин, доживших до 60 лет, впереди еще более 20 лет, то

есть общая продолжительность их жизни будет достигать в среднем 80,3 года. При этом вероятность для новорожденных девочек дожить до 60 лет составляет 87,1%. Для мужчин соответствующие показатели значительно ниже, но и они в подавляющем большинстве доживают до 60-летнего возраста, а «пенсионный» период жизни у них составляет в среднем 15,2 года.

Таблица 1

Некоторые показатели таблиц смертности населения Украины, 2009–2010 гг.

	Все население	Женщины	Мужчины
<i>Ожидаемая продолжительность жизни, лет:</i>			
при рождении	70,44	75,50	65,28
при достижении 60 лет	18,09	20,29	15,16
при достижении 65 лет	14,80	16,40	12,43
<i>Вероятность дожития для новорожденных, %:</i>			
до возраста 60 лет	77,4	87,1	67,6
до возраста 65 лет	69,8	81,9	57,3

Источник: Государственная служба статистики Украины

Следует также учесть, что в данном случае таблица смертности построена по методу условного поколения, и показатели ожидаемой продолжительности жизни дают интегральную оценку возрастного среза смертности современников. На самом деле каждая когорта новорожденных имеет собственную «историю», условия их жизни могут существенно отличаться от ранее рожденных поколений. Например, массовый характер высшего образования и более рациональный способ поведения теперешней молодежи дает все основания надеяться, что улучшение качества жизни даст возможность жить еще дольше, чем это «прогнозируют» табличные показатели. Оптимизма прибавляет наметившаяся в последние пять лет тенденция к снижению уровня смертности во всех без исключения возрастных группах.

То, что подавляющее большинство людей доживают до современных границ пенсионного возраста, и «пенсионный» период жизни довольно продолжительный, подтверждают данные Пенсионного фонда Украины. По состоянию на 1 января 2012 года, численность пенсионеров по возрасту составляла 10,4 млн. чел., или же 23% общей численности постоянного населения страны (то есть ныне каждый четвертый житель Украины – пенсионер по старости). Из вышеприведенной численности пенсионеров возраст 70 лет и старше имели 44% женщин (то есть пребывали на пенсии более 15 лет) и почти 42% мужчин (то есть пребывали на пенсии более 10 лет) (табл. 2).

Таблица 2

Возрастная структура пенсионеров по старости в Украине на 1 января 2012 гг.

	Женщины		Мужчины	
	тыс. чел.	%	тыс. чел.	%
Всего	7 156,8	100,0	3 267,3	100,0
в том числе в возрасте:				
до 60 лет	1 708,3	23,9	475,1	14,5
60–69 лет	2 297,6	32,1	1 430,7	43,8
70–79 лет	2 149,6	30,0	1 056,7	32,3
80 лет и старше	1 001,4	14,0	304,7	9,3

Источник: Пенсионный фонд Украины

Во-вторых, исходя из показателей вероятности дожития и ожидаемой продолжительности жизни (см. табл. 1), совершенно алогично оставлять более низкий пенсионный возраст для женщин. Как известно, 5-летняя разница в пенсионном возрасте женщин и мужчин появилась еще во времена Бисмарка, и имела «демографическую» подоплеку: в семье муж был старше жены в среднем на 5 лет, и при одинаковом пенсионном возрасте роль мужа как основного кормильца и главы семьи оказалась бы под угрозой. Современная модель семьи не предполагает большой разницы в возрасте супругов. Ныне средний лаг возраста брачующихся в Украине составляет лишь 2,6 года, и эта величина имеет тенденцию к дальнейшему сокращению [4, стр. 36].

В последнее время появились предложения в целях стимулирования рождаемости снижать пенсионный возраст для женщин в соответствии с числом рожденных детей [5]. Опыт Чешской Республики, где подобная практика существует с 1960-х гг., доказывает безрезультативность таких мер: суммарный коэффициент рождаемости в этой стране заметно ниже среднеевропейского. В то же время наиболее высокие показатели рождаемости стабильно демонстрируют страны Северной Европы – Дания, Исландия, Нидерланды, Норвегия, Швеция, Финляндия, где самый высокий уровень занятости среди женщин и пенсионный возраст одинаков для женщин и мужчин [6, стр. 28, 70].

В-третьих, при определении границ пенсионного возраста непременно нужно учитывать соотношение численности людей пенсионного и трудоспособного возраста, – именно этот демографический показатель наилучшим образом отображает влияние процесса старения населения на пенсионную систему. Как отмечал классик теории старения населения Э. Россет, при анализе биологических явлений началом старости следует считать возраст 60 лет, а при анализе экономических отношений – 65 лет, поскольку

ку начало биологической старости не означает полную утрату трудоспособности [7, стр. 114]. Несомненно, граница возраста, дающего право на получение пенсии по старости, относится к экономическим отношениям, поскольку непосредственно влияет на рынок труда и возможности трудоспособного населения обеспечивать потребности граждан, утративших трудоспособность в связи со старостью. Выбор в пользу низкого пенсионного возраста для пенсионеров означает долгую, но бедную старость, а для общества в целом – отказ от использования значительной части трудового потенциала, что в условиях депопуляции вынуждает экспортировать рабочую силу из менее развитых стран.

Выводы: 1) границы пенсионного возраста должны определяться на основе демографических показателей, поскольку они наиболее объективны и прогнозируемы; 2) демографическая ситуация в Украине не только позволяет, но и требует повышения пенсионного возраста; 3) на первом этапе необходимо выровнять пенсионный возраст для женщин и мужчин на уровне 60 лет, но уже сейчас целесообразно принять законодательное решение о перспективном повышении до 65 лет для теперешнего поколения 20-летних.

Литература

- [1] OECD Pensions Outlook 2012 / OECD. – Paris, 11 June 2012
- [2] Green Paper “Towards Adequate, Sustainable and Safe European Pension Systems” / European Commission. – Brussels, 7 July 2010.
- [3] Лидия Ткаченко. Проблемы реформирования пенсионных систем в странах бывшего СССР // *Spółeczno-ekonomiczne problemy gospodarowania w warunkach transformacji*. – Warszawa: Wydawnictwo Naukowe Mega-Plast, 2011. – С. 257–264.
- [4] Сім’я та сімейні відносини в Україні: сучасний стан і тенденції розвитку / Інститут демографії та соціальних досліджень НАН України, Український центр соціальних реформ, Фонд народонаселення ООН. – К.: ТОВ «Основа-Принт», 2009. – 248 с.
- [5] Осипов Г.В., Безвербный В.А. Демографические аспекты реформирования пенсионной системы в России // *Демографическое настоящее и будущее России и ее регионов: Материалы Всероссийской научно-практической конференции 30–31 мая 2012 года* / Под ред. Л.Л. Рыбаковского. – М.: Экон-информ, 2012. – С. 79–86.
- [6] Demography report 2010 – Older, more numerous and diverse Europeans / European Commission. – Luxembourg: Publications Office of the European Union, 2011. – 180 pp.
- [7] Эдвард Россет. Процесс старения населения: демографическое исследование / Пер. с польского Н.Н. Малютиной и Э.Н. Фарберовой под редакцией А.Г. Волкова. – М.: Издательство «Статистика», 1968. – 510 с.

**Злотников А.Г.,
Беларусь, г. Гомель**

Экстернальность и интрональность демографических процессов

Характер и содержание демографических процессов неоднозначны по своим последствиям. Неоднозначно и отражение одних и тех же демографических процессов (скажем, одного и того же уровня рождаемости) в разных социально-экономических условиях, различных странах или отдельных групп ученых. К примеру, в российской демографической науке существует их неоднозначная оценка учеными МГУ, ИСПИ РАН, с одной стороны, и ученых института демографии ВШЭ, с другой стороны. Эту их неоднозначную оценку ярко отразила дискуссия на страницах журнала «Общественные науки и современность» М.А. Клупта и А.Г. Вишневого в отношении концепции демографического перехода [1]. Неоднозначны и последствия мер демографической политики: с одной стороны, они не всегда приносят желаемые результаты для демографического развития, а с другой, они вызывают не всегда просчитанные последствия для недемографических – других социальных или экономических процессов. Также многие процессы в недемографической сфере сказываются и на демографических процессах.

В науке такая неоднозначность функционирования социальных институтов характеризуется социологической трактовкой их явных и латентных функций. Эту неоднозначность и одновременно многосторонность социальных процессов, в том числе и демографических можно отразить концепцией интрональности и экстернальности. Интрональность демографических процессов характеризуется собственно демографическими последствиями, вытекающими из их функционирования. Экстернальность – означает какие последствия для других социальных процессов порождены демографическими процессами, с одной стороны, а также какие демографические последствия вызывают недемографические (экономические, социальные, технологические, управленческие и иные) процессы, с другой.

Институциональный подход в социологии гласит о необходимости учета их явных и латентных функций. Так, Р. Мертон, раскрывая сущность теоретического социологического анализа, указывал на необходимость «изучения непреднамеренных последствий (к которым относятся и латентные функции) социальных обычаев, а не только изучения ожидаемых последствий (в том числе явных функций)». И именно это, по его мнению, составляет «заметный и главный вклад» функционального анализа, показывающему, что «социальная жизнь не так проста, как кажется сначала»

[2, с. 164, 166, 167]. И эти латентные функции – не менее значимы, чем явные функции, выявляя в этой взаимосвязи многогранность протекаемых процессов.

Это выявление явных и латентных взаимосвязей, многогранности последствий этих взаимосвязей и, как следствие – системность, важны при анализе не только социальных обычаев, но и других социальных процессов. Эту системность, сложность и многогранность взаимосвязей социальных процессов отражает представленный на рисунке социомурлат, схематически характеризующий структурно-логические связи социальных объектов [3]. На нем представлены, во-первых, видимые грани, позволяющие обнаружить и видимые взаимосвязи: а) социальных сфер, б) социальных институтов, в) социальных общностей, г) личности, д) общества и е) их взаимодействие. Эта схема предполагает наличие и невидимых граней тех же социальных сфер, социальных институтов, социальных общностей, личности и общества. А это значит, что, во-вторых, имеются и невидимые взаимосвязи человека и общества, общества и человека, их взаимопроникновения друг в друга. Это не просто отдельно общество и отдельно человек, это общество в восприятии человека и человек в социальном мире.

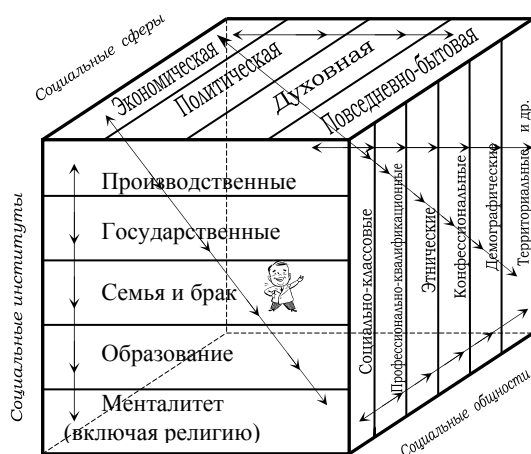

Рис. 1. **Социомурлат** – Структурно-логическая характеристика системности объекта социальной науки

Отсюда вытекает, что социальные процессы, включая и демографические, разворачиваются на ряде уровней – в более упрощенном варианте: на микроуровне, мезоуровне и макроуровне.

Эти видимые и невидимые взаимосвязи и отражают соответственно интрональные и экстернальные факторы. Проблема экстернальности и интрональности – это проблема латентных функций социальных институтов,

социальных явлений и процессов. И говоря о явных и латентных функциях, как неотъемлемого элемента теоретического анализа, Р. Мертон добавляет: «или их эквивалентов» [2, с. 183]. Понятия явных и латентных функций применяются для характеристики сложного характера функционирования социальных институтов. Анализ протекания, взаимодействия социальных процессов и явлений, требует эквивалента явных и латентных функций, которые и представляют экстерналинные и интрональные факторы.

Этот аспект в отечественной науке (социологии и демографии) является менее изученным, хотя исследователь в процессе анализа, интерпретации социальных явлений всегда в той или иной степени сталкивается с их многообразными последствиями. Экстерналинность тех или иных социальных процессов проявляется в других и на других социальных явлениях. Интрональные явления вызывают внутренние последующие, вторичные изменения социальных процессов или самодетерминированных этими социальными явлениями. Эти явления экстерналинного и интронального характера могут быть как позитивными, так и негативными.

Эту взаимосвязь, эту экстерналинность и интрональность процессов, их взаимосвязь с демографическими процессами рассмотрел Ч. Дарвин, анализируя озабоченность крестьян по поводу большого количества расплодившихся мышей на полях, угрожавших урожаю красного клевера по следующей цепочке: возможный урожай красного клевера зависит от численности шмелей, опыляющих этот вид клевера; численность шмелей зависит от количества полевых мышей, разоряющих их норы и гнезда; численность мышей – от проворства кошек, уничтожающих этих грызунов; количество кошек – от числа старых дев, проживающих в окрестных селах, которые в основном и держат кошек; а число старых дев зависит от войн, окончание которых приводит к увеличению числа мужчин, вернувшихся с войн, а значит, и возможному замужеству, т.е. каждое звено в этой цепи предполагает возможное изменение других звеньев [4, с. 374–375]. Мир и возвращение солдат к мирным делам с демографических позиций породили, как интрональные, так и экстерналинные последствия. В первом случае у девиц появилась возможность выйти замуж и заняться прямыми демографическими делами, т.е. замужество привело к реализации материнских социальных функций. В экстерналинном плане – девицы, которые ранее при дефиците мужского населения были «заняты» своими кошками, перестали уделять внимание разведению котом: потому и развелись мыши.

В демографическом развитии важны не только количественные аспекты, но и качественные. Происходит пересмотр как мужчинами, так и женщинами прежде всего их главных жизненных ценностей – семейных ценностей. Существует противоречие между желаниями и возможностями женщин по улучшению демографической ситуации, характеризующееся желанием иметь больше детей, чем имеется в их семьях, с одной стороны,

и намерением родить и самим фактом рождения, с другой стороны. Имеются проблемы и гендерных отношений в семейно-бытовой сфере. Среди собственно демографических факторов современной демографической ситуации основной становится тенденция перехода от двухдетной к однодетной семьи (в том и другом случае – малодетной семье). А это для будущего демографического развития страны ведет к существенным экстернальным и интрональным последствиям: экстернальным – внешним к демографическим явлениям, интрональным – для самих демографических явлений.

Демографическое поведение индивида не есть действие только одного человека, чтобы он о себе не представлял. Он встречает как действие, так и противодействие, сопротивление со стороны внешней среды, условий жизни, обычаев, традиций, интересов других людей. Действие экстернальных и интрональных факторов протекают в условиях конфликта, конфликта даже в условиях сотрудничества. Причем, эти конфликтные ситуации возникают на основе даже мельчайших разногласий, к примеру, даже просто на основе нечаянного взгляда.

В демографической науке, начиная с Т. Мальтуса, главной стала проблема последствий изменения численности населения – последствий явных или видимых. Экономисты до А. Смита рост мощи страны, нации связывали с увеличением роста численности населения. У Смита богатство страны связывается уже не с ростом численности населения, а с величиной населения, занятого производительным трудом. У Мальтуса – это проблема (несоответствия) темпов роста численности населения и производства продуктов питания. Это – явные последствия (функции) изменения в демографическом развитии. Но каждое явление вызывает и не всегда те последствия, которые рассчитывают получить. Причем, часто эти последствия еще более значимы, тем более, что они не всегда и просчитываются.

Выполненные на рубеже 1970-х гг. демографические прогнозы эти последствия связывают с пределами демографического развития и ростом антропогенной нагрузки на Планету – это также своеобразная экстернальность. Для Беларуси, столкнувшейся с середины 1990-х гг. с тенденцией уменьшения численности населения, в глобальном плане прежде всего стоит проблема национальной безопасности и места Беларуси в современном мире. Будущее демографических процессов заложено не только их современным состоянием, но и тем, какими были демографические тенденции в прошлом.

Именно в плане интрональных и экстернальных процессов рассматривал рост численности населения Т. Мальтус. В интрональном – это геометрический прирост численности населения; в экстернальном – эскалация ухудшения материального положения семей, а значит и роста бедности. Интрональный аспект вписывается в концепцию «демографических

волн», т.е. определенная тайминговая тенденция роста и падения уровня рождаемости является отражением предшествующего 20-ти (ныне уже 25-ти) летней рождаемости. А экстернальный аспект пронизывает современные демографические прогнозы, связывая с ростом нагрузки роста населения на экологию. В Беларуси, Украине и России этот экстернальный аспект вытекает из роста удельного веса пожилого населения и проявляется в озабоченности ростом нагрузки на трудоспособное население – кто же будет кормить увеличивающуюся численность пенсионеров. И не только в Беларуси, Украине и России. Она проявилась в повышении во многих странах возраста выхода на пенсию.

Концепция интрональности и экстернальности демографических процессов показывает и сложность решения демографической проблемы. Почти невозможно, даже используя модифицированные модели В.В. Лентьева балансовых расчетов («затраты–выпуск»), просчитать последствия изменения той или иной модели демографического развития. И то, что демографы в этой связи рассчитывают не один, а несколько вариантов демографического прогноза (в частности, в Беларуси Л.П. Шахотко представлено шесть различных сценариев демографического развития Беларуси [5]), также свидетельствует о роли экстернальности и интрональности демографических процессов. Дело в том, что при первом рассмотрении можно выявить только некоторые их ближайшие экстернальные последствия, а отдаленные их последствия – не всегда просчитываются.

Экстернальность и интрональность демографических процессов проявляется в том, что они, с одной стороны, являются результатом, а с другой, одновременно, – причиной ряда современных тенденций. В сочетании с явлениями общественной жизни они являются доминирующими, ибо во все времена давали оценку протекающим изменениям. Они отражают не только тенденции прошлого и настоящего, но и закладывают почву для будущих социально-экономических отношений и демографического развития. В силу определенной инертности сложившиеся структура населения и параметры его воспроизводства будут и в дальнейшем обуславливать направленность демографических процессов. В этой связи преодоление негативных демографических тенденций представляется сложным и длительным процессом. Его цель состоит в повышении качества населения, сохранении и воспроизводстве его жизненного и трудового потенциала. Важным аспектом является приспособление демографической политики к формирующемуся рыночному механизму.

В плане экстернальности и интрональности интересной представляется связь демографических тенденций и экономических моделей. Экстернальный характер демографического развития нашего народа прежних столетий способствовал формированию и упрочению коллективистских отношений. Западный тип демовоспроизводства и его правовая система (в ча-

стности, принцип наследования – майорат) способствовали формированию индивидуалистических социокультурных ценностей. Переход славянских народов постсоветского пространства к однодетной семье противостоит коллективистским социокультурным ценностям и логически ведет к воспитанию индивидуалистов, тому, на чем развивались рыночные ценности. Это значит, что новый, вестернизированный демографический тип в экстернальном плане в какой-то степени будет соответствовать рыночным социокультурным ценностям. В результате современные демографические тенденции восточно-славянского пространства оказывают влияние на изменение ментальных характеристик, а следовательно и на формирование человеческого капитала, соответствующего и способствующего рыночным отношениям в противовес анти-рыночным отношениям, еще доминировавшим в конце XX века.

К экстернальным последствиям изменившейся демографической ситуации в постсоветском обществе (и Беларуси тоже) относится и опасность изменения этнической структуры. Косово – яркий тому пример. Эта ситуация вполне реальна и для некоторых регионов России – Ставропольского и Краснодарского краям, где очень высок удельный вес (который к тому же постоянно растет) чеченцев и армян. В Беларуси в качестве экстернальности этнической особенности демографической ситуации в Гродненщине, где существенно высокий удельный вес в населении этнических поляков (прежде всего в Берестовицком и Вороновском районах, а также Лидском и Щушинском районах), можно отнести политические проблемы, связанные с деятельностью союза поляков в Беларуси, а также отношения Польши и Беларуси.

На рубеже XIX–XX вв. известный историк и экономист М.В. Довнар-Запольский в плане интрональных и экстернальных факторов объяснял причины белорусской «утечки мозгов» преобладанием в этнической структуре городского населения восточных губерний Беларуси евреев, а в западных – поляков и немцев [6, с. 126–137]. Именно этим по его мнению объясняется отток высокообразованных этнических белорусов из Беларуси, которым преобладающие в экономической сфере этносы в этих регионах ограничивали возможность реализовать свой творческий потенциал. Неудивительно, что на рубеже XIX–XX вв. вплоть до 1917 г. в городской местности белорусских губерний этнических белорусов проживало меньше, чем в Петрограде, Москве и Одессе.

В Беларуси за период между двумя последними переписями населения (1989–1999 гг.) наибольший этнический прирост приходится на армян (более чем в 2 раза). За период между двумя переписями (1999–2009 гг.) наибольший рост в численности населения Республики Беларусь пришелся на китайцев (в 21,9 раза), турок (осман) – в 13,4 раза, туркменов (в 2,9 раза), арабов (в 2,7 раза). Увеличилась численность вьетнамцев и других несла-

вянских этносов [7]. Экстернальные последствия этого роста проявляется в преобладании на рынках, как часто принято говорить, «лиц кавказской и среднеазиатской национальностей», т.е. представителей неславянских общностей.

Такой рынок, который часто отождествляется и с одним из важнейших направлений предпринимательства, в сегодняшних условиях служит возможностью обеспечения занятости населения. Но эта сфера предпринимательства характеризуется более высокой занятостью женщин. И здесь мы сталкиваемся с экстернальным фактором предпринимательства для демографического развития – женщины при выборе между детородной функцией и работой выбирают второе, ибо с позиций социальной защиты активное участие женщины в улучшении демографической ситуации лично для нее порождает ряд социальных рисков. Так, многие молодые матери, занятые в сфере частного предпринимательства, не всегда выдерживают сроки лечения своих детей, отправляя их в детсады, где из-за этих невылечившихся детей, заболевают другие.

Имеется и другая экстернальность занятости женщин в общественном производстве, которую Н. Луман характеризовал следующим образом: «сконцентрированная на школах и университетах система образования привела к значительному удлинению времени для молодежи. Молодежь уже давно могла бы вести производительную деятельность и вступать в брак вместо того, чтобы продолжать возиться с обучением в высших учебных заведениях ради улучшения исходной позиции на старте профессиональной карьеры ... Ожидания, предъявляемые к интимным отношениям (с паролем: *брак по любви*), завываются настолько, что, в конечном счете, чтобы решиться на них, оказываются необходимы особые мотивы, а в последующей семейной жизни возникает значительная потребность в терапии, так что дело часто доходит до разводов и новых поисков» [8, с. 234].

А вот интересный факт из российской действительности, который также ярко свидетельствует об экстернальных демографических последствиях. И который показывает неоднозначность принимаемых решений в одной какой-либо сфере, но имеющий последствия и к другим процессам и явлениям. В последние десятилетия в постсоветском обществе стремительно развивается автомобилизация. В целях уменьшения человеческих потерь от дорожно-транспортных происшествий в России обязательной стала перевозка несовершеннолетних детей в специальных креслах. И российская ГИБДД требует соблюдения этих требований ПДД. В результате в одном из российских городов суд обязал одного из таксистов обзавестись детским креслом, чего тот не выполнил. При повторной перевозке без детского кресла ребенка на него завели уголовное дело по статье «Хранение, сбыт и перевозка товаров, оказание услуг, не отвечающих требованиям безопасности».

С позиций трудовой деятельности и требований ГИБДД, вроде бы, ничего необычного и неоднозначного нет – закон есть закон. Но с позиций взаимосвязи социальных процессов требования ПДД тиражируют малолетность, т.е. входят в (формальные, не диалектические) противоречия с решением приоритетных для постсоветской славянской действительности демографических проблем. Массовое производство автомобилей также тиражирует малолетность – более чем 2 ребенка массовые автомобили (а большинство рядовых автолюбителей обзаводятся такими массовыми автомобилями) при соблюдении требований ПДД вместить не могут. А если добавить, что, как правило, мать при перевозке детей сидит рядом с ребенком, то реальная ситуация в этой малолетности ориентирована только на одного ребенка. А это означает, что интрональный характер требований ПДД, направленный на уменьшение потерь от дорожно-транспортных происшествий (в политике белорусских гаишников – «минус 100») имеет и экстернальные последствия для демографических процессов – и негативные. Они косвенно ведут к ориентации семей на малолетность.

В экономическом плане изменившиеся демографические тенденции ведут к переориентации деятельности отраслей экономики (в связи с меньшей рождаемостью – к сокращению производства детской одежды, детской обуви, которая в свою очередь при резком снижении объемов для покрытия доходов в ценовом выражении стремительно растет), подготовки кадров. Сегодня стоит проблема сокращения подготовки специалистов педагогов, детских врачей, занятости в детских дошкольных учреждениях, школах, вузов. И эти явления также характеризуют экстернальность демографических процессов.

Падение рождаемости, яма которой в Беларуси пришлась на период 1997–2002 гг., в 2020–2025 г. опять вызовет новое падение рождаемости, новую «демографическую яму». Это интрональный характер того падения рождаемости, которое пришлось на середину 1990-х гг. Но это падение уже начала порождать новые проблемы для высшей школы – прежде всего это проблемы комплектования контингента студентов. Эти проблемы, как минимум, в течение нынешнего десятилетия обострят еще больше проблемы комплектования контингента студентов. Это экстернальное проявление предыдущего снижения рождаемости.

Многие вузы Беларуси, России и Украины, решая сегодня проблемы комплектования контингента студентов, ориентируются на увеличение учебной миграции, т.е. привлечения иностранных студентов из стран постсоветского пространства. С позиций предшествующего демографического развития такая ориентация вузов представляет собой экстернальное явление. Но для самих вузов учебная миграция имеет интрональный характер. В свою очередь, для демографического развития Беларуси, России, Украины, а также и тех стран, откуда формируется контингент студентов вузов,

это вызывает экстернальные последствия. Многие такие студенты вступают в сексуальную связь с белорусскими студентками, появляются дети. В лучшем случае для этих белорусских студенток, они выходят за них замуж. Но в демографическом плане такие межнациональные браки (или внебрачная рождаемость от них) ведут к изменениям в национальной структуре Беларуси, демонстрируя новое качество экстернальности демографических процессов. Причем, что интересно, преимущественно в сексуальные (а в лучшем случае и брачные) отношения вступают, с одной стороны, мужчины из этих (учебных) мигрантов, а с другой стороны, женщины титульных (или славянских) наций. Но редко (а в вузах Беларуси таких фактов не выявлено), когда в эти отношения вступают, с одной стороны, женщины из (учебных) мигрантов и, с другой стороны, – мужчины представители титульных (или славянских) этносов. И такая односторонность во многих случаях порождает конфликтные ситуации. Наверное, поэтому отечественным вузам Министерство образования Республики Беларусь на майском совете ректоров нынешнего года рекомендовало не допускать превышения 10-ти процентного приема учебных мигрантов.

В свою очередь другие явления выполняют некую латентную функцию демографического развития. Так, снижение размеров занятости населения выполняет негативную экстернальную функцию в демографическом поведении молодежи. Так, численность населения трудоспособного возраста Беларуси по сравнению с 1990 г. занятость в экономике Беларуси уменьшилась почти на 485 тыс. чел. Более 410 тыс. составило уменьшение занятости в основной валообразующей отрасли экономики страны – промышленности. Значительно сократилась и занятость в сельском хозяйстве и на транспорте. А прирост потенциала в трудоспособном возрасте составил более 175 тыс. чел. Т.е. возникла проблема невостребованности экономикой трудового потенциала Беларуси, которая в отдельные периоды прошедшего 20-летия была проблемой для почти миллиона граждан Беларуси. И хотя с 2008 г. в Беларуси началось сокращение численности населения в трудоспособном возрасте, а со второй половины 1990-х гг. кризисные явления в экономике заменились некоторым оживлением, тем не менее показатель занятости населения Беларуси в 2010 г. почти на 15 процентных пункта ниже уровня 1990 г. В этой связи по нашим расчетам около 800 тыс. белорусов вовлечены в трудовую миграцию (около полумиллиона – на российском векторе, и около 300 тыс. – в западном векторе).

Интрональный характер этого вида миграции позволяет обеспечить этому белорусскому населению источники средств существования. Но эта трудовая миграция имеет и негативные экстернальные демографические последствия. Неудивительно, что именно в восточных (Витебской, Могилевской и Гомельской) областях Беларуси наибольший уровень трудовой миграции в российском направлении и также соответственно здесь высокий уровень внебрачной рождаемости.

К сожалению, это почти полумиллионная численность белорусского населения в России, как показывает исторический опыт, может в итоге на 2/3 превратиться в миграционные безвозвратные потери населения страны. Это одновременно и прямые демографические потери, так как значительная часть этих трудовых мигрантов (а это наиболее активная и в репродуктивном плане) вступают в незарегистрированный брак в России, что ведет к распаду семей в Беларуси, ограничению рождаемости и, как итог, наличию реальной потенциальной угрозы уменьшения численности населения Беларуси. Тем более, что проводимая в России миграционная политика рассматривает русскоязычное население в новых независимых постсоветских государствах, как важнейший демографический источник. И здесь национальные демографические интересы Беларуси и национальные интересы России не совпадают.

За последнее десятилетие сокращение численности населения Республики Беларусь выросло почти в 5 раз по сравнению с предшествующим десятилетием, в т.ч. за счет естественной убыли – в 3,8 раза, а счет миграционных потерь – в 8,8 раза. Если за период 1989–1998 гг. структура людских потерь Республики Беларусь за счет естественного и механического движения населения составляла соответственно 76,3 и 23,7%, то за период 1999–2008 гг. – 58,1 и 41,9%. Это свидетельствует о значительном влиянии и росте влияния на демографическое развитие Беларуси миграционных процессов. Перепись населения выявила, что Беларусь имеет постоянную миграционную убыль населения, а не прирост. И это экстернальный характер трудовой (сначала казавшейся временной) миграции на резкое ухудшение демографической ситуации в Республике Беларусь.

Новые демографические реалии породили еще не осознанные в обществе и проблемы интронального характера: роста трудовой нагрузки на трудоспособное население, эластичности основных демографически групп, изменения содержания миграционных процессов, качество демографического потенциала, взаимоотношения поколений и многое другое. Еще П. Сорокин, анализируя последствия войны, констатировал ухудшение качества демографического потенциала – войны уничтожили наиболее здоровое мужское население, а оставшиеся в живых уже давали менее здоровое потомство. Это – явный негативный экстернальный аспект демографического характера. Негативный же интрональный характер этого ухудшающегося качественного потенциала состоит в том, что родившийся первенец (а если он остается и единственным) окружен заботой системы здравоохранения, которая, выполняя благородную миссию сохранения здоровья, в тоже время сохраняет это низкое демографическое качество, которое с каждым последующим демографическим витком будет направлен на демовоспроизводство худшего качества демографического потенциала. Среди демографических экстернальных факторов последствий войны П. Сорокин выявил, что население «обабилось», т.е. в гендерной (половой) структуре существенно увеличился удельный вес женского населения.

Для значительного ряда регионов Беларуси с учетом их чернобыльской специфики этот аспект становится еще более негативным и в другом плане. Он для этих территорий несет значительно большие непредсказуемые (и прежде всего в демографическом плане) последствия, чем для других регионов Республики Беларусь. Это связано с оказываемой западными государствами гуманитарной помощью детям, проживающим на территориях, пострадавших от катастрофы на ЧАЭС. Регулярный выезд за постчернобыльский период в различные страны дальнего зарубежья для оздоровления, и знакомство этой белорусской молодежи с западной социальной действительностью является немаловажным социокультурным фактором, влияющим на социальное поведение нового поколения молодежи. С позиций перспектив демографического развития это «оздоровление» стало причиной, что после таких постоянных оздоровляющих поездок за рубеж, а также визита в Беларусь и иностранцев, принимающих детей с «чернобыльских» территорий, многие связывают свое демографическое будущее и трудовую деятельность с Западом. В результате в половозрастной структуре международной миграции в последние годы Беларусь столкнулась с отрицательным сальдо среди женского населения в возрастной группе 25–29 лет, т.е. связи с их оттоком уменьшения в стране потенциальных невест и матерей.

Здесь мы сталкиваемся с рядом последствий, во-первых, уменьшается демографический потенциал Беларуси, во-вторых, возрастает трудовая нагрузка на трудоспособное население, а значит – и на социальную сферу, и, в-третьих, перекачкой демографического потенциала (невест) на Запад. Последнее обстоятельство для демографических процессов Беларуси – интрональное явление, так как повлияет на обострение депопуляционных процессов. Для Запада, который также столкнулся с депопуляционными процессами, это уже экстернальное явление, который свою депопуляцию стремится преодолеть за счет других стран. К оттоку молодого трудового потенциала в западном направлении ведет и переход на болонскую систему организации высшей школы.

Это значит, что исследуя те или иные социально-экономические проблемы, необходимо учитывать – как акцент внимания на одних проблемах откликнется на других. Так, среди ученых, занимающихся гендерной тематикой, акцент делается на проблемах женского труда. Но акцентируя внимание на решении одной (и действительно важной) для женщин проблеме – улучшения условий их труда, по сути, мы имеем дело с уходом от решения демографических проблем. Так, в работе «Труда женщин и семья» автором делается вывод: «немаловажным обстоятельством является и то, что наряду с перераспределением домашнего труда между супругами активность отца-мужа в практическом уходе **за ребенком** (выделено нами – А.З.) все более возрастает» [6, с. 94]. Если осмыслить этот вывод, то оказывается, во-первых, труд женщин помимо перераспределения домашних

обязанностей между мужчиной и женой в семье, ведет к однодетной семье (уход **за ребенком**, а не за детьми). Во-вторых, это перераспределение обязанностей и активное вовлечение женщин в общественное производство оправдывает и возводит в «норму» эту малодетность. И в этом негативный экстернальный характер анализа гендерных демографических проблем.

Таким образом, анализ экстернальности и интрональности современных демографических процессов выявляет: а) значительные сложности и неоднозначность современных демографических процессов, изменений в семейных отношениях и ценностях; б) необходимость поиска в изменившихся условиях новых путей проведения активной демографической политики на всех уровнях. Анализ социальных явлений и процессов требует учета их сложной взаимосвязи. Эта взаимосвязь отражает один из основных принципов познания – принцип единства, диалектической взаимосвязи явлений, процессов, социальных систем. Эта взаимосвязь (взаимодействие) внутренне присуща социальной действительности. Естественно, наука отражает эту их многомерную взаимосвязь. Этот принцип проявляется в том, что демографическое развитие находится в теснейшей взаимосвязи и зависимости с социально-экономическими, политическими, культурными, экологическими явлениями, тем самым, характеризуя и отражая их органическое единство. С позиций демографического развития это их органическое единство, диалектика, взаимосвязь проявляется не только в национальных рамках, но и в глобальном масштабе, не только в самих демографических процессах, но и вне их. И в результате это их органическое единство, взаимосвязь представляют собой диалектику экстернальности и интрональности.

В научном плане в этой связи анализ процессов демографического развития исходит из необходимости постоянного расширения поля исследования, взаимосвязи демографических явлений и процессов с другими социальными явлениями и последствиями – фактора глобализации социально-экономических процессов, этноконфессиональных особенностей, взаимосвязи региональных и национальных демографических проблем в деле обеспечения национальной безопасности, экономического роста, устойчивого развития общества на макросоциологическом и микросоциологическом уровнях.

А это означает, что невозможно отделить демографические процессы от других социальных взаимосвязей: влияния рождаемости, смертности, миграции на другие стороны демографических процессов (интрональность), а также влияние рождаемости, смертности, миграции на другие социальные процессы и взаимосвязи, как и влияние этих других социальных процессов на демографические ориентации, в частности – на брачность, рождаемость, смертность, миграцию. И интерпретация демографических процессов концепцией диалектики экстернальности и интрональности означает согласованность экономических, политических и социальных теоретических по-

ложений, тесно связанных с совокупностью современной демографической реальности, государственной демографической политики и глобальными демографическими, социально-экономическими и социально-политическими явлениями и процессами.

Литература

1. Общественные науки и современность. – 2005. – № 2.
2. Мертон Р. Социальная теория и социальная структура. – М.: АСТ: АСТ МОСКВА: Хранитель, 2006.
3. Злотников А.Г. Системность социологического знания // Социология (г. Минск). – 2005. – № 3. – С. 18–25.
4. Парк Р. Экология человека // Теоретическая социология: Антология: в 2 ч. Ч. 1. – М.: Книжный дом «Университет», 2002. – С. 374–390.
5. Шахотько Л.П. Модель демографического развития Республики Беларусь / Л.П. Шахотько ; Нац. акад. наук Беларуси, Ин-т экономики. – Мн.: Беларус. навука, 2009.
6. Довнар-Запольский М.В., Шендрик Д.З. Исторические судьбы Верхнего Поднепровья и Белоруссии и культурные их успехи; Распределение населения Верхнего Поднепровья и Белоруссии по территории, его этнографический состав, быт и культура. // Россия. Полное географическое описание нашего Отечества. Настольная и дорожная книга для русских людей / Под ред. В.П. Семенова и под общим руководством П.П. Семенова и акад. В.И. Ламанского. Т. IX. Верхнее Поднепровье и Белоруссия. Составили: В.П. Семенов, М.В. Довнар-Запольский, Д.З. Шендрик, А.К. Кабанов, А.И. Сапунов. – Спб.: Изд. А.Ф. Девриена, 1905. – С. 55–227.
7. Национальный состав населения Республики Беларусь. Итоги переписи населения Республики Беларусь 2009 года /Статистический сборник. Том 1. – Мн.: Национальный статистический комитет Республики Беларусь, 2010.
8. Луман Н. Дифференциация / пер. с нем. Б. Скуратова. – М.: Логос, 2006.
9. Население Республики Беларусь. Статистический сборник. – Мн.: Национальный статистический комитет Республики Беларусь, 2011.
10. Юк З.М. Труд женщин и семья. – Мн.: Беларусь, 1975.

***Калабихина И.Е.,
Россия, г. Москва***

Демографическое образование в контексте интеграции в Болонский процесс

Россия уверенно идет по пути интеграции высшего образования в европейскую образовательную систему на основе реализации Болонских принципов. Как подобная практика может сказаться на развитии демографического образования. В предложенной таблице кратко представлены

положительные и отрицательные моменты (возможности и вызовы) реализации основных принципов Болонского процесса для демографического образования.

ВОЗМОЖНОСТИ	ВЫЗОВЫ И РИСКИ
<i>Две ступени высшего образования</i>	
<p>При условии открытия самостоятельной демографической магистерской программы данный принцип можно рассматривать как дополнительную возможность, поскольку демографические программы хорошо вписываются в формат магистратуры. Появляется возможность увеличить число слушателей, пришедших из смежных специальностей (не демографов по первой ступени образования)</p>	<p>Проблема набора на демографические программы, слабый спрос со стороны студентов, в частности, из-за узких и размытых возможностей трудоустройства. Проблема определения содержания экзаменов при высокой доле абитуриентов без демографической подготовки. Риск недобора студентов на программы, риск дополнительных затрат на поддержку набора студентов (государственную, международных организаций или другую спонсорскую поддержку)</p>
<i>Стандартизация процесса обучения и оценка качества образования</i>	
<p>Существует значительный международный опыт разработки стандартизованных демографических программ, применима единая система кредитов. Относительно небольшое число демографических кафедр и факультетов упрощает создание рейтинга и оценку уровня качества конкретного подразделения</p>	<p>Проблема выбора критериев стандартизации: разный вес кредитов и неодинаковая наполняемость кредитов в демографических программах, в частности, из-за разной институционализации демографических единиц – включены в экономические/социологические/статистические/географические факультеты или институты.</p> <p>Проблема выбора критериев оценки качества (критерий успеваемости студентов может снижать качество в условиях сложностей набора, критерий «окупаемости» программы неприемлем для демографических программ). Риск невозможности конвертации или предложения совместных дипломов</p>
<i>Образование в течение всей жизни, «персональный образовательный счет»</i>	
<p>Постоянное развитие человеческого капитала, стандартизация и гармонизация всех полученных знаний и профессиональных навыков в течение жизни, совер-</p>	<p>Риск снижение веса университетского образования и роли университетов в аттестации человека как высокопрофессионального работника, особенно в случае узкоспециального уникального</p>

шенствование сигналов на рынке труда. Позволяет ярче использовать выигрышную сторону демографического образования – междисциплинарный потенциал	демографического образования
<i>Межстрановые и межвузовские соглашения по трудоустройству выпускников</i>	
Наибольший выигрыш принесут специальностям с относительно узким и размытым сегментом рынком труда, в том числе специалистам-демографам	Риск ухода в работу «не по профессии» может вырастать
<i>Глобальные и региональные программы научных исследований</i>	
Позитивное влияние связано с необходимостью для демографического образования сливаться с демографическими исследованиями, взаимная подпитка важна в большей степени, чем в других образовательных программах	
<i>Усиление автономии университетов</i>	
Расширение возможностей для научных исследований и практических проектов, столь необходимых для демографического образования	Риск потери демографического подразделения по причине дополнительных затрат на поддержку
<i>Рост числа филиалов университета. Развитие дистанционного образования</i>	
Расширение возможностей введения в демографическое образование и ликвидацию демографической безграмотности	Риск падения качества образования в филиалах. Тезис «университет к подъезду» не работает без потери качества, так как невозможно перенести всю ресурсную базу, научные школы, отобранный состав преподавателей, сложившийся дух университета в филиалы, особенно для редкой демографической специальности. Даже в условиях развития дистанционного образования следует признавать ограниченность развития филиальной сети с точки зрения копирования того же качества образования, как и в базовом университете

**Калмыкова Н.М., Шпенев А.П.,
Россия, г. Москва**

Анализ истории событий как учебная дисциплина в программе подготовки магистров-демографов

Подготовка магистров-демографов в России осуществляется в Московском государственном университете с 1992 г., когда на экономическом факультете впервые в стране была создана магистратура, в рамках которой начала действовать специализация по демографии. В 2009 г. в Институте демографии НИУ-ВШЭ также была открыта магистерская программа по демографии. Учебные планы обеих программ содержат классический курс демографического анализа, являющийся традиционным базовым курсом в подготовке демографов. Тем не менее на протяжении как минимум последних 20 лет в научной среде ведутся дискуссии об изменении подходов к исследованию демографических процессов и, в частности, о необходимости дополнения курса демографического анализа другими курсами, в которых студентам предлагаются методы исследования, позволяющие преодолеть ограничения классического подхода.

Так, курс анализа истории событий (*event history analysis, analyse biographique*) присутствует в учебных планах многих зарубежных магистратур, выпускающих магистров-демографов. В России же даже нет устоявшегося названия для этого подхода. В контексте математического образования его часто называют «анализом данных типа времени жизни¹», что является неудачным, однако, устоявшимся на механико-математическом факультете МГУ переводом английского термина «*survival analysis*». В социальных исследованиях, проводимых, в частности, НИСП и НИУ ВШЭ, распространен термин «анализ наступления событий²», который также нельзя считать удачным: анализируются длительности пребывания в определенном состоянии до наступления изучаемых событий, а не собственно наступление событий. Более удачный термин «анализ длительностей (пребывания в определенном состоянии) до момента прекращения (состояния)³», являющийся переводом с уточнением английского термина «*duration analysis*», выглядит слишком громоздким. Использование терминов «биографический метод» и «биографический анализ» (калька с французского «*analyse biographique*») также нельзя признать удачным: в рус-

¹ Кокс Д.Р., Оукс Д. Анализ данных типа времени жизни. М., Финансы и статистика, 1988.

² Бурдяк А.Я. Применение метода «анализ наступления события (*event history analysis*)» с помощью пакета SPSS // Spero №6 (2007), с. 189–202.

³ Савинцева О. Анализ длительностей до момента прекращения. <http://www.nsu.ru/ef/tsy/ecmr/durat/savinc/savinc.htm>

ском языке эти термины уже закреплены за распространенными методами исследования в литературоведении и социологии, не имеющие к «analyse biographique» в демографии никакого отношения. Весьма удачными представляются термины «анализ последовательностей событий⁴» или близкий по значению и используемый в данной работе термин «анализ истории событий». Существуют также и другие варианты этого термина: анализ жизненных путей⁵, анализ индивидуальных биографий, анамнестический метод в демографии и т.д. Такое терминологическое разнообразие вызвано тем, что данным методом анализа в России пользуются, как правило, отдельные исследователи, лишь ограниченно общающиеся друг с другом, а переводчики иностранных статей и вовсе вынуждены изобретать перевод заново, не найдя необходимого термина в словаре. Целью данной статьи не является преодоление терминологической неразберихи, однако, указание на нее служит ярким примером неразвитости данного подхода в России.

Чтобы показать его необходимость, остановимся на принципиальных различиях классического демографического анализа и анализа истории событий.

Основной единицей изучения в рамках классического анализа является когорта, реальная или условная. Единственным критерием, относящим индивида к данной когорте, если считать изучаемую территорию экзогенно заданной, является критерий одновременности наступления исходного события. В дальнейшей истории когорты некоторые индивиды могут пережить события, не совместимые с дальнейшим изучением интересующего исследователя процесса, называемые часто «демографическими помехами». Как правило проблема демографических помех решается с помощью гипотезы однородности (гомогенности) изучаемой когорты: все индивиды считаются абсолютно идентичными, поэтому, например, смертность эмигрировавших за период наблюдения индивидов считается равной смертности оставшегося на данной территории населения, а при изучении мультистатусных процессов конкурирующие события рассматриваются как независимые.

Помимо этого, изучаемые демографические процессы считаются, как правило, детерминированными, хотя методы вычисления доверительных интервалов для них существуют в англоязычной литературе⁶. Такой подход приводит к тому, что индивидуальные различия внутри когорты ока-

⁴ Кокс Д., Льюис П. Статистический анализ последовательностей событий. – М.: Мир, 1969.

⁵ Блоссфельд Х.-П., Хьюинк И. Исследование жизненных путей в социальных науках: темы, концепции, методы и проблемы // Журнал социологии и социальной антропологии. 2006. № 1. С. 15–45.

⁶ См., например: Chiang C.L. The life tables and it's applications. – R.E. Krieger publishing Company, Malabar, Florida, 1984

зываются неуловимыми: поведенческие особенности населения остаются вне внимания исследователя, и все объяснения произошедших изменений сводятся к «гаданию на кофейной гуще», когда ученый вынужден додумывать причины изменения демографического поведения за индивидов. На деле население, как правило, гетерогенно, а различные типы событий конкурируют друг с другом не только в данный момент времени, но и на протяжении всей жизни индивида. В рамках классической парадигмы тот факт, что индивид пережил некоторое событие в возрасте x лет никак не может повлиять на события в возрасте $(x + t)$ лет. В этой связи все разговоры о селекции, отсроченных событиях и т.д. являются внешними к используемой методологии, и отсюда логично появление вопроса о валидности получаемых классическими методами результатов.

В 2007 г. на 25-м Международном демографическом конгрессе в Тере (Франция) Д. Табютэн (D. Tabutin) представил доклад «К какой демографии (к каким демографиям) мы движемся: преимущества, слабости и эволюция дисциплины на протяжении последних 50 лет», который был встречен с большим интересом в демографической среде и вызвал дискуссию, нашедшую отражение в крупнейших демографических журналах⁷. К сожалению, в русскоязычной демографической среде этот доклад не только не вызвал аналогичных дебатов, но и оказался практически полностью незамеченным. Тем не менее, выводы, которые можно сделать на основе представленных в обсуждении точек зрения, могут быть крайне полезными при формировании учебных программ для подготовки магистров-демографов.

Д. Табютэн отмечает, что «демографический анализ все еще остается ключевым элементом в наборе инструментов демографической науки: он хорошо адаптирован к классическим источникам данных и к измерению демографической динамики на агрегированном уровне... Но в настоящее время демография не останавливается на исследовании «чистого состояния». Она расширила поле своего действия, перейдя от макро-поперечного к микро-продольному анализу в поисках большего понимания процессов, разрабатывая или используя более сложные информационные системы⁸».

Отталкиваясь от этого тезиса Табютэна, можно утверждать, что подготовка магистров-демографов не должна ограничиваться привычными дисциплинами, которые годами находились в арсенале подготовки демографов. Появляется настоятельная необходимость введения в программу курсов, которые можно отнести к инструментальным, «техническим», но которые тем не менее играют важную роль в формировании исследовате-

⁷ Population (2007), vol. 62 n. 1

⁸ D. Tabutin Vers quelle(s) démographie(s)? Atouts, faiblesses et evolution de la discipline depuis 20 ans. // Population (2007), vol. 62 n. 1 Pp. 15–32

ля, способно анализировать большие массивы информации и работать с базами данных. Тем более что такие базы данных появляются и в России, достаточно упомянуть РидМиЖ, RLMS и другие лонгитюдные панельные исследования, позволяющие реконструировать индивидуальные жизненные пути. Однако заложенный в данные исследования потенциал оказывается практически нереализованным: весь анализ ограничивается несколькими описательными статистиками и агрегированными показателями⁹. А на таком уровне анализ оказывается не только неточным, он не дает возможность определять причины происходящих в населении процессов. Д. Табутэн по этому поводу говорит, что «долгое время демография рассматривалась как наука измерений, как чисто описательная дисциплина, которая не слишком заботилась об объяснении, да и не имела для этого специальных средств. В настоящее время она все больше поворачивается к попыткам понять индивидуальное и коллективное поведение¹⁰». Это еще раз подтверждает тезис о необходимости интеграции в исследование и преподавание новых методов.

Анализ истории событий, в отличие от классического демографического анализа, рассматривает не когорты, а индивидов. Предметом изучения выступает не число и частота событий в каждом временном/возрастном интервале, а длительность пребывания индивида в данном статусе. При таком подходе «демографические помехи» исчезают как потенциальная проблема: изучаемое население может и не быть гомогенным, а изучаемые события – независимыми. Однако смена парадигмы не приводит к полному исчезновению «помех», они формулируются теперь в другом виде. Этими помехами в анализе истории событий выступают цензурирование и усечение выборок.

Под цензурированием понимается невозможность исследователя точно установить время наступления событий. Выделяют три типа цензурирования. Индивид может перенести событие, которое интересует исследователя, до начала наблюдения (т.н. цензурирование слева). Например, включенные в изучение заболеваемости стенокардией индивиды могут быть уже больны до проведения медицинского обследования. Возможна и ситуация, когда изучаемое событие произошло в определенный интервал времени, но точно установить дату невозможно (цензурирование на интервале). Такая ситуация нередко встречается при периодических медицинских осмотрах, когда отрицательный результат в одном из исследований и

⁹ Исключений из этого правила мало, но они есть. См., например, Митрофанова Е. Браки, партнерства и рождаемость поколений россиян // Demoscope weekly № 477-478 (12–25 сентября 2011), <http://demoscope.ru/weekly/2011/0477/tema01.php>.

¹⁰ D. Tabutin, там же, с. 21.

положительный в следующем указывают на интервал, в котором произошло изучаемое событие, но не позволяют установить точное время его наступления. Однако наиболее частым типом цензурирования является цензурирование справа, когда индивид выбывает из исследования, так и не пережив изучаемое событие. Это может быть связано с переездом, смертью, отказом продолжать участие в исследовании, окончанием сроков исследования или наступлением события, несовместного с изучаемым.

Особенностью метода истории событий является то, что с помощью него эти проблемы удастся решить без потери информации. Конечно, статистическая эффективность получаемых оценок оказывается ниже, чем в случае с отсутствием цензурирования, но значительно выше, чем у любых оценок, полученных при исключении выбывших индивидов из анализа, распространенном в классических методах анализа.

Несколько сложнее обстоит дело с усечением выборки. Под усечением понимается невключение в исследование некоторых индивидов в зависимости от того, произошло ли с ними изучаемое событие. Исследование начинается с определенного момента времени, и в него попадают индивиды, которые живы к началу исследования. Умершие до начала исследования в выборку не попадают. Это так называемое усечение слева можно представить на демографической сетке, проведя вертикальную линию времени в дате начала исследования. Все события слева от этой линии не будут учтены в исследовании. Все индивиды, не дожившие до данной даты. Также окажутся вне исследования. Представим себе изучение смертности на основе данных онкологического регистра. Смертность в этом населении вряд ли будет такой же, как в генеральной совокупности, поскольку индивиды без новообразований никогда не попадут в это исследование.

Возможно также и усечение на интервале, когда индивид на какое-то время исчезает из-под наблюдения, а появляется лишь в зависимости от того, произошло с ним изучаемое событие. Изучение смертности населения методом периодических переписей страдает такой формой усечения: отличить смерть от эмиграции оказывается невозможным, если человек умер или эмигрировал в интервале между переписями, не оставив об этом никаких свидетельств. Особенно опасно усечение справа, когда все события, произошедшие после определенной даты, полностью игнорируются. Так, выводы о протогенетическом интервале через год после заключения брака на основе усреднения этого интервала для женщин, родивших ребенка в течение этого года, приводит к такой форме усечения: рассчитанный интервал будет меньше реального, поскольку неродившие до данного момента женщины полностью игнорируются, независимо от того, родят они в будущем или нет.

Хотя усечение и цензурирования похожи по своим проявлениям, они влекут за собой принципиально различные последствия. Цензурирование в анализе истории событий можно сравнить с «помехами» в классическом анализе, в то время как проблема усечения в рамках классического анализа формулируется как проблема репрезентативности выборки. Хотя в случае с усечением универсального решения нет, все же оно предстает менее проблематичным, чем отсутствие репрезентативности. В большом числе случаев удастся обойти эту проблему без существенной потери качества анализа.

За счет того, что изучаемому населению «позволено» быть гетерогенным, появляется возможность изучать индивидуальное поведение. Это особенно интересно в случае, если нас интересуют не только описательные статистики, но и объяснения демографических процессов, что значительно расширяет горизонт для анализа. Однако в настоящее время в отечественной практике подготовки демографов за отсутствием преподавателей, которые могут преподавать новые, современные методы анализа, мы либо вообще закрываем глаза на необходимость и наличие этих новых методов, либо подменяем их псевдосоциологическими инструментами, которым на профессиональном уровне магистров-демографов тоже обучают редко.

А ведь такой обширный методологический аппарат позволил бы значительно увеличить число возможных направлений исследований. Отметим некоторые из вопросов, на которые можно ответить с помощью метода истории событий, а не с помощью классического демографического анализа:

- Соответствует ли порядок заключения браков порядку рождений?
- Предпочитают ли в семье рождение мальчика рождению девочки?
- Как потеря родителей влияет на демографическое поведение сирот?
- Когда и почему снизилась рождаемость и смертность?
- Зависит ли рождаемость у поколения детей от рождаемости родительского поколения?
 - Зависит ли материнская смертность от числа рожденных матерью детей?
 - Снижает ли высокая рождаемость отсроченную ожидаемую продолжительность жизни после окончания репродуктивного периода?
 - Как связаны между собой заболеваемость и смертность для разных пар болезней и причин смерти?
 - Как зависит миграционная подвижность от различных демографических событий в прошлом? И наоборот, как зависят демографические события от миграционной истории индивида?

Обратим внимание на то, что большое число поставленных вопросов относятся к полю изучения исторической демографии. Это вызвано не

только тем, что наиболее интересные для исследователей процессы, как правило, растянуты во времени. С помощью метода истории событий можно изучать события и в рамках ограниченных временных интервалов, что особенно популярно для анализа лонгитюдных данных RLMS и РиД-МиЖ. Скорее это связано с тем, что в демографию из эпидемиологии и теории надежности этот метод пришел через историческую демографию, а потребность в нем была вызвана совсем другими недостатками классического метода чем те, о которых мы говорили ранее.

Для расчета большинства классических демографических показателей необходимо не только число произошедших событий, но и число человеко-лет, которое индивиды находились под риском наступления данного события. До начала проведения первых переписей населения данные метрических книг позволяют, как правило, установить число основных демографических событий, а вот данных о среднегодовой численности населения в большинстве случаев нет. При использовании методологии истории событий число человеко-лет жизни под риском наступления события также необходимо, однако рассчитывается оно по-другому. Так, в случае изучения смертности человек, проживший до возраста x лет, внес x лет в общий фонд «человеко-лет». Расчет вероятностей наступления того или иного события в таком случае происходит по методу Каплана-Майера, состоящего в том, что в каждом интервале число смертей относится к числу индивидов, для которых смерть на начало интервала еще не наступила (включая особые поправки для устранения цензурирования и усечения выборки). В этом еще одно достоинство данного метода: им можно пользоваться при недостатке информации, что особенно актуально для анализа демографических процессов в развивающихся странах¹¹.

Наконец, еще одним достоинством анализа истории событий является возможность изучения небольших населений. Для получения устойчивых оценок в классическом анализе необходимы выборки, содержащие как минимум несколько сотен индивидов, а построение таблиц смертности затруднительно даже для некоторых населенных пунктов. Анализ истории событий же обходится иногда десятками индивидов, что обуславливает его популярность в клинических исследованиях, когда исследуемая и контрольная группы не превышают 20–30 человек. В отличие от классического демографического анализа оценки, получаемые методом анализа истории событий, стохастичны и имеют определенные доверительные интервалы, поэтому малая численность выборки влечет за собой высокие стандартные ошибки, что эквивалентно проблеме неустойчивости оценок

¹¹ См., например, Clark, Samuel J., Collinson, Mark A., Kahn, Kathleen, Drullinger, Kyle and Tollman, Stephen M. (2007) 'Returning home to die: Circular labour migration and mortality in South Africa', *Scandinavian Journal of Public Health*, 35:3, 35–44.

в традиционных методах, но позволяет математизировать и операционализировать эту неустойчивость для целей анализа.

Логичным образом может возникнуть вопрос о том, почему длительности пребывания в определенных состояниях не изучать с помощью классических регрессионных методов, включая логистические регрессии. В зарубежной литературе часто ссылаются на проблемы, связанные с цензурованием выборок, однако, такой аргумент вряд ли можно считать убедительным в условиях существования моделей регрессий с цензурованием¹². Отличительной особенностью анализа длительностей является использование времени в качестве зависимой переменной, а оно редко бывает нормально распределенным, что является необходимой предпосылкой большинства регрессионных моделей. Конечно, асимптотическая теория в эконометрическом анализе достаточно развита и позволяет получать состоятельные и асимптотически несмещенные оценки даже при отклонениях от нормальности, но время часто предстает в дискретном виде с малым количеством принимаемых значений, а еще чаще распределено бимодально, а такие отклонения от нормальности непреодолимы с помощью классических асимптотических методов.

Таким образом, применение метода анализа истории событий позволяет значительно расширить потенциальные горизонты исследуемых процессов и событий. Этот метод позволяет обойти недостатки классического демографического анализа, вызванные предположением о гомогенности населения, независимости конкурирующих событий, детерминированности показателей и т.д. Это в свою очередь упрощает определение причин тех или иных демографических изменений, выводя анализ на поведенческий уровень. Однако применение этого метода в России сталкивается с недостаточной осведомленностью отечественных исследователей. Усложняется это еще и недостаточной математической подготовкой как исследователей, так и преподавателей. Но введение в стандарты обучения дисциплин, принятых в международных учебных программах, необходимо для поддержания конкурентоспособности отечественной образовательной системы, что особенно актуально в условиях проводимой унификации российских и европейских систем высшего образования. Поэтому изучение и использование данной методологии является не только модным атрибутом современной демографической науки, но и насущной необходимостью, обойти которую аргументами о сложности методологии невозможно без репутационного ущерба как со стороны конкурирующих учебных заведений, так и со стороны студентов, за которых программы подготовки магистров-демографов конкурируют между собой.

¹² Schnedler, Wendelin (2005). «Likelihood estimation for censored random vectors». *Econometric Reviews* 24 (2), 195–217.

**Кример Б. А.,
Украина, г. Киев**

Семейная политика в странах Европы и в Украине в современных условиях

Предпосылки и цели исследования. Семейная политика в той или иной степени существует во всех странах современной Европы. Последнее десятилетие характеризировалось как новыми целями семейной политики, так и новыми вызовами при ее реализации. Семейная политика, которая возникла и длительное время развивалась как реакция на кризис рождаемости, на современном этапе также находится под влиянием демографических тенденций, но уже в контексте роста рождаемости на протяжении последнего десятилетия. Изменение социально-экономических обстоятельств (в первую очередь речь идет об экономическом кризисе последних лет) также имеет значительное влияние на современную семейную политику стран Европы. Изучение опыта реализации семейной политики в новых условиях создает почву для формирования, реализации и последовательного совершенствования отечественной семейной политики.

Результаты исследования. Подъем рождаемости на протяжении последнего десятилетия в большинстве стран Европы имел следствием отодвижение пронаталистских ориентиров на второй план и выдвигание благосостояния семей с детьми в качестве первоочередной цели. Этому также способствовала невозможность напрямую привязать рост рождаемости к мерам семейной политики, поскольку большинство исследований говорят о незначительном влиянии ее инструментов на детородную активность.

Современные дискуссии о целях и направлениях семейной политики стран Европейского союза сводятся к тому, что основными указывается следующие три ориентира: 1) благосостояние детей, 2) гендерное равенство, 3) успешное сочетание занятости и семейной жизни¹. И только после этого указывается повышение рождаемости, как приоритет в некоторых странах.

Благосостояние детей страны ЕС рассматривает как средство помощи молодым поколениям для наиболее полного раскрытия их потенциала в будущем, как содействие максимальному их вкладу в экономическую и социальную жизнь общества. В первую очередь речь идет о преодолении

¹ Henning Lohmann, Frauke H. Peter, Tine Rostgaard, Katharina Spiess Towards a Framework for Assessing Family Policies in the EU // OECD Social, Employment and Migration Working Paper [Электронный ресурс] – N. 88, 03-Jun-2009. – Режим доступа: http://www.oecd-ilibrary.org/social-issues-migration-health/towards-a-framework-for-assessing-family-policies-in-the_eu_223883627348.

детской бедности. Несмотря на общее экономическое развитие, риск бедности для детей и семей с детьми является неизменно выше, чем для остального населения, что является несомненной проблемой.

Гендерное равенство является составляющей социальной и семейной политики многих стран уже длительное время. Предусматриваются недискриминационные возможности занятости, привлечение отца к уходу за ребенком, преодоление гендерных стереотипов в обществе. Недискриминация женщин (прежде всего матерей с детьми) на рынке труда является тем инструментом, который позволяет в определенной мере способствовать более полной реализации репродуктивных установок. По крайней мере, так этот вопрос рассматривается в политике Евросоюза

Третья цель – сочетание семьи и занятости, является ключевым моментом в борьбе с бедностью семей с детьми. Содействие занятости родителей в сочетании с материальной поддержкой и социальными услугами представляет собой комплексную систему преодоления детской бедности, обеспечение инвестиций в общественное и экономическое развитие в будущем. Показатели родительской интеграции на рынок труда могут одновременно служить показателями оценки материального положения их детей, а поэтому ведется борьба за сочетание семейной жизни и занятости. На современном этапе приоритетами в данном направлении является расширение гибкости отпусков, развитие системы социальных услуг по уходу за ребенком, обеспечение благоприятной организации рабочего времени и неполной занятости, материальная поддержка родителей в отпусках.

В Украине же пронаталистские цели до сих пор являются доминирующими, поскольку, несмотря на рост рождаемости, добиться естественного прироста населения в стране так и не удалось. Существуют также существенные различия в подходах к реализации семейной политики в Украине по сравнению с большинством стран Европы. Если в Европе политика постоянно эволюционирует, реагирует на неотложные нужды, использует положительный опыт других стран, становится все более индивидуально направленной нежели универсальной, то для семейной политики Украины характерными продолжают оставаться: узкий спектр применяемого инструментария, основной акцент на материальном содействии; весомые объемы содействия при его непродолжительности; большая зависимость от политической, чем от экономической ситуации.

Отличие от Украины прослеживается уже в стартовых условиях модернизации семейной политики. Если в европейских странах работающие родители обеспечивают достойное материальное положение семьи, а, следовательно, ведется борьба за возвращение родителей на рынок труда и оптимальное сочетание семьи и занятости, то Украина имеет другие реалии – работающий отец и даже оба работающих родителя в большинстве случаев не гарантируют материального благосостояния семьи и детей. Рождение

же второго ребенка часто опрокидывает родителей за грань бедности. Это условие в некоторой мере оправдывает акцент на материальной помощи и значительные гранты при рождении ребенка. Но, при этом, куда большее внимание должно уделяться вопросам содействия благосостоянию семей с детьми в более длительных периодах, чего сейчас не происходит.

Также в Украине, в меньшей степени, чем в Европе, реализуются детородные установки населения, что говорит о до сих пор существующих возможностях увеличения рождаемости. Исследования свидетельствуют, что материальное благосостояние и связанные с ним проблемы (например – жилищная) являются главными препятствиями в реализации детородных установок². Исходя из вышеизложенного, приоритетом семейной политики Украины должно стать содействие возможности обеспечения семьи и ребенка работающими родителями, и уже следующим этапом будет эффективное сочетание занятости и семейной жизни.

Следующим условием современности, которое имеет огромное влияние на социальную и семейную политики стран Европы последних лет, является экономический кризис. Рецессия 2008–2009 гг. имела значительное влияние на благосостояние семей в странах Европейского Союза. В отдельных странах ЕС кризисные явления в экономике варьировались по уровням сложности. Разными также оказались способность правительства реагировать на кризисные явления, а также принятые ответы новым вызовам.

Начиная с октября 2008 г., структурные изменения в семейной политике затронули все страны Европы. Первое, что бросается в глаза, несмотря на экономический кризис, большинство стран Евросоюза сообщает об увеличении уровня поддержки семей и семей с детьми. В наиболее пострадавших во время кризиса странах (Ирландия, Литва, Эстония) довольно существенно выросла доля затрат относительно семьи и детей, что говорит о понимании государством важности поддержки именно этой сферы. Речь идет как об увеличении номенклатуры инструментов семейной политики, так и о расширении уже существующих средств, росте доли в расходах бюджета на ранее введенные инструменты семейной политики (например, обеспечение ухода за детьми).

При этом немногие страны приняли меры, ориентированные на длительную поддержку семей – большинство мер поддержки временные, рассчитанные исключительно на преодоление кризисного периода. Относительно каждой отдельно взятой семьи фигурируют довольно незначительные денежные суммы, но при этом часть платежей и других инструментов поддержки семей имеет универсальный характер и относится к широкому кругу реципиентов. Широко используются неденежные инструменты материальной поддержки семей с детьми.

² Сім'я та сімейні відносини в Україні: сучасний стан і тенденції розвитку / [Е.М. Лібанова, С.Ю. Аксьонова, В.Г. Бялковська та ін.]. – К.: ТОВ «Основа-Принт», 2009. – 248 с

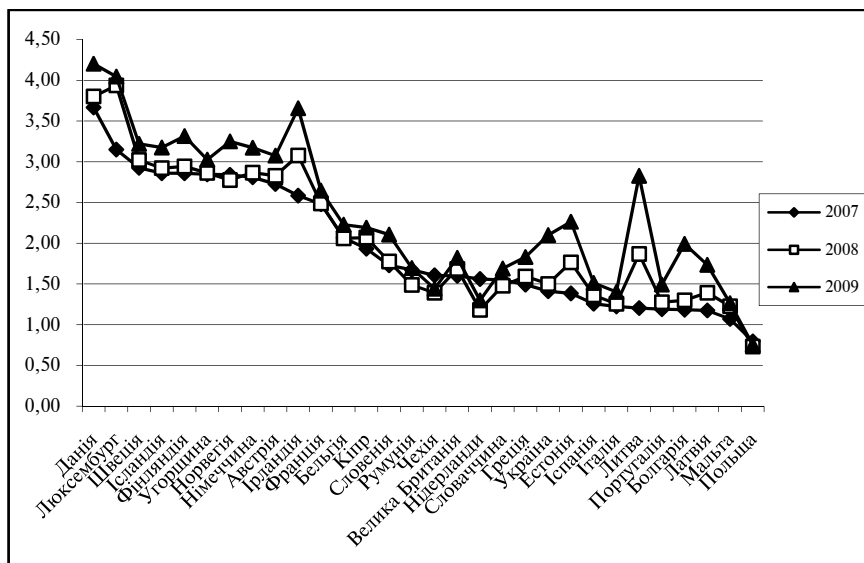

Рис. 1. Затраты на социальную политику относительно семей с детьми в государствах Европы в 2007–2009 гг. в % от ВВП

* Составлено по материалам: Eurostat; режим доступа: <http://epp.eurostat.ec.europa.eu>

В Украине в последние годы также имеет место наращивание объемов помощи семьям с детьми, но вызвано оно в первую очередь политическими потребностями, нежели целенаправленной реакцией на экономический кризис. При этом, какой либо оперативной деятельности, направленной именно на решение связанных с кризисом экономических проблем семей с детьми не происходило.

В целом, семейная политика является неотъемлемой составляющей устойчивого развития, эволюционирует в контексте исторической взаимосвязи демографического и социально-экономического развития. Наряду с пронаталистскими целями, ориентиром семейной политики должно стать обеспечение дальнейшего благополучия семей с детьми, поскольку это необходимая инвестиция в устойчивое развитие будущих поколений. Кроме того, дальнейшее благополучие детей является лучшей предпосылкой для наиболее полной реализации репродуктивных ориентаций населения и, следовательно, содействием росту рождаемости и преодолению кризисных демографических явлений. Именно поэтому существует необходимость более многогранного подхода к реализации семейной политики – расширения номенклатуры инструментов семейной политики, обеспечения длительной поддержки семей с детьми, переход к более индивидуально-ориентированным схемам содействия семьям с детьми, контроль за потребностями населения, оперативное содействие в преодолении последствий макроэкономических колебаний для семей с детьми.

**Ланченко Е.А.,
Украина, г. Киев**

Демографические процессы на селе и развитие высшего аграрного образования в Украине

Трансформация экономического развития Украины и других стран с коммунистическим прошлым к рыночным условиям хозяйствования привела к падению валового производства продукции, развитию инфляционных процессов, уменьшению доходов населения, их дифференциации в обществе и т.д. В большей степени это сказалось на социально-экономическом развитии и экологическом состоянии сельских территорий: ухудшились производственная база сельской экономики, социальная инфраструктура села, произошло разукрупнение сельскохозяйственного производства, увеличилась миграция трудоспособного сельского населения в направлении городов и за границу.

Целью исследования является установление тенденций основных демографических процессов в сельских поселениях Украины и главных факторов влияния на них, освещение направлений усовершенствования учебно-методического обеспечения национального высшего аграрного образования на примере Национального университета биоресурсов и природопользования Украины (далее – НУБиП Украины).

Источником аналитических данных являются официальные публикации Госкомстата Украины, а в основе методологии исследований положен диалектический метод познания, статистико-экономический метод, системный подход и др.

В конце XX – начале XXI в. численность сельского населения имеет тенденцию к уменьшению (табл. 1). В конце 2000 г. сельское население составляло в Украине на уровне 16 млн. чел., большинство из них были заняты в сельских видах деятельности (сельское хозяйство, лесное и охотничье хозяйства, рыболовство и рыбоводство). Однако за 11 лет количество крестьян уменьшилось на 1,7 млн. чел., или на 10,6 %, уменьшился и удельный их вес в структуре всего населения страны – на 1,3 процентного пункта. Если данная динамика сохранится и далее, то по данным корреляционного анализа ряда динамики ($y = 376,01 - 0,18x$, где y – численность сельского населения, млн. чел., x – соответствующий год ряда динамики 2000–2010 гг., коэффициент детерминации составляет 98 %) можно ожидать, что сельское население к 2025 г. уменьшится до уровня 11,5 млн. чел., в 2050 г. – 7 млн. чел.

Такие негативные демографические изменения на селе могут ухудшить состояние национальной безопасности страны – уменьшение производства продовольственной продукции, заселенность приграничных территорий,

увеличение эмиграции наиболее активной части сельского населения и иммиграции рабочей силы из слаборазвитых стран Азии и Африки и т.д.

Таблица 1

Сельское население Украины и его занятость в аграрных видах деятельности*

Год	Сельское население, млн. чел.	Удельный вес сельского населения в стране, %	Коэффициент естественного прироста сельского населения (на 1000 чел.)	Занятое население в сельском и лесохозяйственном хозяйстве, тыс. чел.	Наемные работники в сельском и лесохозяйственном хозяйстве, тыс. чел.
2000	16,0	32,6	9,2	4334,1	2752,8
2001	15,9	32,8	8,7	4117,4	2348,0
2002	15,7	32,7	9,0	4107,0	2101,1
2003	15,5	32,5	9,1	4079,1	1754,8
2004	15,3	32,3	9,3	3974,6	1613,8
2005	15,0	32,1	9,4	3986,3	1418,1
2006	14,8	31,9	10,3	3633,8	1295,3
2007	14,7	31,7	10,7	3468,1	1104,2
2008	14,5	31,5	11,6	3300,1	987,3
2009	14,5	31,4	11,9	3131,0	893,2
2010	14,3	31,3	11,9	3094,5	794,7

* Составлено за данными Госкомстата Украины.

Главными факторами влияния на негативные демографические процессы на селе можно считать недостаточный спрос на рабочую силу со стороны работодателей сельских видов бизнеса, недостаточное количество рабочих мест в других видах экономической деятельности. Основной сферой приложения труда крестьян сейчас, как и ранее, является сельское и лесохозяйственное хозяйство. В 2000 г. численность занятого населения в аграрных видах деятельности составляла 4,3 млн. чел., в том числе наемных работников насчитывалось 2,8 млн. чел. В динамике эти показатели имели тенденцию к уменьшению и к концу 2010 г. они составляли, соответственно, 3,1 млн. чел. и 795 тыс. чел.

Итак, главными причинами уменьшения сельского населения является ухудшение социально-трудовых отношений в сельском хозяйстве (уменьшение рабочих мест, низкий уровень оплаты труда, отказ товаропроизводителей общественного сектора аграрной экономики от трудоемких отраслей – овощеводства, плодоводства, виноградарства, скотоводства и т.д.). Положительным явлением демографии села является незначительное увеличение коэффициента естественного прироста сельского населения, но он

объясняется преимущественно социальными причинами – увеличилась рождаемость среди женщин, которые долгое время откладывали расширения своих семей.

Проведя отдельно корреляционный анализ влияния количества занятого населения и наемных работников в сельском и лесохозяйственном хозяйствах на численность сельского населения, установлены следующие уравнения прямолинейной зависимости: $y = 13667 + 0,93x$, где y – численность сельского населения, тыс. чел., x – наемные работники в сельском и лесохозяйственном хозяйствах, тыс. чел., коэффициент детерминации составляет 96 %; $y = 10245 + 1,3x$, где y – численность сельского населения, тыс. чел., x – занятое население в сельском и лесохозяйственном хозяйствах, тыс. чел., коэффициент детерминации составляет 89 %.

Учитывая социально-демографическое состояние в украинской деревне в начале XXI в., учеными было обращено внимание на обоснование концепции и разработке практических мер устойчивого развития сельских территорий, которое включает решение широкого круга вопросов. Их можно сгруппировать в четыре направления: 1) экономическое: развитие субъектов предпринимательской деятельности в сельских поселениях, диверсификация сельского бизнеса, кооперативное движение на селе, поддержка личных крестьянских и фермерских хозяйств; 2) социальное: развитие культурно-просветительской и жилищно-коммунальной сфер социальной инфраструктуры села, улучшение и усовершенствование социальной защиты сельского населения; 3) экологическое: формирование организационно-экономического механизма рационального природопользования земельными, водными и другими ресурсами сельских территорий, их рекреационным потенциалом, 4) управленческое: активизация самоорганизации сельских общин, улучшение деятельности депутатского корпуса, усовершенствование мотивации труда управленческого персонала в органах власти на местном уровне к повышению уровня жизни на селе – главного показателя результативности их трудовой деятельности.

Актуальность проблемных вопросов указанных научных исследований ученых обусловлено изменением системы управления развитием села с отраслевого на территориальный принцип. Ранее, в советское время, главная роль в развитии села принадлежала сельскохозяйственному предприятию – совхозу или колхозу, но в 90-х гг. XX в. этот принцип был изменен и последние трансформировавшись в частные структуры аграрного бизнеса занимаются, логично, преимущественно экономическими вопросами развития предприятия, а решение социальных вопросов развития села (образование, медицина, культура, бытовая и коммунальная сферы и т.д.) переданы в сферу управления сельских и поселковых советов.

В связи с этим в НУБиП Украины кафедрой аграрной социологии и развития села, сотрудником которой является автор, было разработано и

внедрено в учебные планы подготовки будущих экономистов и госслужащих системы АПК совершенно новые дисциплины: «Социально-экономическое развитие сельских территорий» (2005 г.), «Система самоуправления сельскими территориями» (2006 г.). Выданы соответствующие типовые учебные программы этих дисциплин (2010–2011 гг.) и учебное пособие с грифом Минобразования «Социально-экономическое развитие сельских территорий» (2011 г.), где раскрывается суть и концепция современного социально-экономического развития украинского села. Есть намерения и актуальность включения указанных дисциплин в учебные планы подготовки магистров агробиологического и технико-технологического направлений всех аграрных вузов страны, поскольку современный специалист-аграрий должен знать основы и механизм управления социально-экономическим развитием сельских территорий.

Кроме того, благодаря проведению ряду исследований по проблематике социально-экономического развития сельских территорий в НУ-БиП Украины в 2008 г. было открыто курсы повышения квалификации председателей сельских и поселковых советов, поскольку последние имеют недостаточный багаж знаний и опыта экономической, социальной, экологической и управленческой составляющей развития современного украинского села.

В настоящее время кафедра аграрной социологии и развития села НУ-БиП Украины, учитывая демографические и социально-экономические изменения современного развития экономической базы сельских территорий, разрабатывает новую магистерскую программу «Социально-трудовые отношения в АПК» для студентов – будущих экономистов. В рамках этой программы рассматриваются вопросы: функционирования рынка труда на государственном, региональном и локальном (сельском, поселковом) уровнях; развития социального партнерства между общинами, сельским бизнесом и органами местного самоуправления; формирования мотивационного механизма на предприятиях АПК и для субъектов управления социально-экономическим развитием сельских территорий и др.

***Орлов А. Ю.,
Россия, г. Нижний Новгород***

Идентификационное движение населения: демографическое осмысление и методика исследования

Современные процессы глобализации выдвигают ряд вопросов для науки, предметом исследования которых является народонаселение. Среди них немаловажным является вопрос об этнической глобализации, под ко-

торой понимается взаимная ассимиляция и этническая нивелировка. Есть ли возможность демографического подтверждения или опровержения этих процессов?

Наличие этнических различий – характерная черта существования и развития человеческого общества как в прошлом, так в наши дни. Подавляющее большинство политических и административных территориальных образований в современном мире были и остаются полиэтничными. Феномен полиэтничности населения является важным аспектом, обуславливающим дифференциацию демографических процессов.

Рассмотрение демографических процессов в их этнической дифференциации предполагает использование таких понятий как «этничность» и «этническая идентичность», описывающих принадлежность человека к той или иной этнической группе, фиксируемой демографической статистикой, и характеризующихся совокупностью обязательных специфических признаков.

Формирование и динамика этнодемографической структуры населения той или иной территории определяется кумулятивным эффектом не только основных этнодемографических процессов – естественного и механического движения населения, но и процессами этнической ассимиляции, переидентификации.

Поскольку эти процессы не меняют общей численности населения, они редко становятся объектом демографических исследований, оставаясь в исследовательском поле этнологии. Однако, если предмет изучения – этнический состав населения, то их исследование выходит на первый план. И тогда понятие «идентичность», заимствованное из психологии и культурной антропологии, предстает одной из исходных категорий, использование которой весьма эффективно.

Поскольку трансформация этнической идентичности представляет собой процесс, то в демографических исследованиях правомерно обозначить его как **идентификационное движение населения**, которое наряду с естественным и механическим движением, может прямо или косвенно фиксироваться статистикой.

В этнологии под ассимиляцией понимается процесс, приводящий к смене этнического самосознания, когда один из контактирующих этносов постепенно, в результате длительного общения усваивает культуру другого и перестает воспринимать себя прежним. Идентификационное движение имеет несколько иное смысловое наполнение и не полностью тождественно понятию «ассимиляция», поскольку это процесс этнодемографический, а не этнокультурный. Оно включает не столько смену самосознания, сколько смену этнической принадлежности, отражаемую статистикой, и эта смена может происходить по любым причинам, в том

числе и конъюнктурным. Кроме того, идентификационное движение включает в себя не только процессы ассимиляции, но и диаметрально противоположные – диссимиляции и образование новой, статистически фиксируемой, этнической общности.

Если рассматривать этнотерриториальную общность людей как демографическую систему, то естественное движение будет представлять системную связь, обеспечивающую самосохранение системы, механическое движение являться главной межсистемной связью, обозначающей открытость системы, а идентификационное движение обеспечивать внутрисистемную связь, внутренний обмен этнофорами между этническими общностями, приводя к усложнению или упрощению системы.

Акцент в этнодемографических исследованиях идентификационного движения следует ставить на нескольких аспектах. Во-первых, на объективной и направленной переидентификации коренного населения в условиях этнической череполосицы посредством межэтнических браков и выбора детьми, в таких браках рожденных, лишь одной этнической линии. Во-вторых, на субъективной и иногда возвратной переидентификации, совершаемой в зрелом возрасте, преимущественно в полиэтнической среде, и отражаемой в переписях населения, но, в реальности, не ведущей к смене этнического сознания. В-третьих, на долговременный процесс вживания иммигрантов и степень их этнического поглощения принимающим обществом.

Идентификационное движение является самым инертным и слабо изменяющимся во времени демографическим процессом. За исключением кратковременных конъюнктурных изменений, его направление в подавляющем большинстве случаев направлено от этнического меньшинства к этническому большинству.

При исследовании движения такого рода возникают некоторые трудности, связанные со сложностью численной фиксации, что не дает однозначной оценки процесса. Тонкость и деликатность самого факта смены этнической принадлежности затрудняет возможность регулярных статистических исследований и публикации результатов, например, в материалах переписей населения.

Для отражения уровня ассимиляции, прежде всего, следует сравнить значения уровня рождаемости (либо условного поколения, либо реально) с изменением численности данного этноса за определенный период времени. С большой долей вероятности можно сказать, что ассимиляция будет наличествовать, если рождаемость у этноса относительно высока, а население сокращается, либо растет в недостаточной мере.

Исходя из предположения о межнациональных браках как основных каналах ассимиляции, следует ввести численно зафиксированный уровень

межэтнической брачности, отражающий ее долю в общем количестве браков представителей данной национальности. Этнос с максимальным уровнем, при прочих равных условиях, будет больше склонен к поглощению другим этносом.

Логично предположить то, что при ассимиляции посредством межэтнической брачности и указания при рождении детей только одной национальности, более молодых представителей ассимилируемого этноса должно быть непропорционально меньше, чем более взрослых. Для подтверждения этого предположения необходим численный показатель возрастной структуры этноса.

В качестве дополнительных показателей следует привести степень владения родным языком и языком доминирующей национальности, поскольку, по мнению большинства этнологов, этнокультурная ассимиляция начинается с ассимиляции языковой.

Поддерживается мнение о неодинаковой скорости протекания этноассимиляционных процессов в городской и сельской среде, у населения с различным уровнем образования, и тогда для анализа необходимо знать долю городского и сельского населения, долю лиц с высшим образованием в общей численности этноса.

Кроме того, если рассматриваются иммигрантские группы, то немаловажными показателями будут выступать численный состав групп и длительность проживания в иноэтнической среде, поскольку сплоченные группы ассимилируются дольше и сложнее, чем отдельные индивиды.

Устоявшийся демографический термин «тип воспроизводства», маркирующий увеличение, сокращение или стабильность численности каждого последующего поколения, можно применить и к идентификационному движению. Тогда можно говорить о суженном типе воспроизводства этнической идентичности, если речь идет о народах с ассимиляционной убылью, нормальном типе, если этнос не склонен к устойчивой направленной ассимиляции, и расширенном типе, если рассматривается ассимилирующий этнос, прирастающий за счет включения в него новых поколений, рожденных в среде других народов.

При помощи рассмотренных косвенных показателей можно условно отнести каждый этнос к тому или иному типу воспроизводства этнической идентичности, определить степень интенсивности идентификационных процессов в полиэтничном регионе и их влияние на динамику этнодемографической структуры населения.

Идентификационное движение населения как теоретико-методологическую категорию целесообразно ввести в демографическую науку и демографическое образование в дополнение к устоявшимся категориям «естественное» и «миграционное движение населения».

**Понелене Реда,
Литва, г. Шауляй**

Развитие детской сопротивляемости к потребительской культуре в условиях глобализации

Предпосылки и цели исследования.

Цель доклада – проанализировать имеющийся у детей опыт потребления и наметить возможности развития детской сопротивляемости к потребительской культуре в условиях глобализации.

Понятия потребления и потребительства разграничиваются, поскольку потребление – использование товаров и услуг для удовлетворения потребностей человека, группы, общества. Потребительство понимается как:

- Преобладающая над другими ценностями жизни человека **абсолютизация материальных благ**, значения их обладанием, проявление овеществления (Leonavičius, 1993).

- **Философия**, побуждающая приобрести все больше вещей, чтобы почувствовать удовлетворение (Rumbo (2002) цит. Durning (1997/1999)).

- **Социальная и экономическая система**, основанная на все большем потреблении материальных благ и услуг.

Таким образом, разные авторы потребительство понимают как отражение отношений общества, в котором высшей ценностью становятся приобретение материальных благ и обладание ими. По этой причине понятия потребительства и материализма иногда употребляются как синонимы.

Дети являются новой большой группой потребителей, на которую все чаще ориентируются специалисты маркетинга и создатели рекламы. Детям продаются не только игрушки, но сладкие газированные напитки, туалетные принадлежности, косметика, видео фильмы и компьютерные игры со сценами насилия, персональные компьютеры, мобильные телефоны, телевизоры и т.д. Все это рекламируется детям с раннего возраста, независимо от зрелости ребенка и необходимой подготовки родителей, у которых нет возможности противостоять требованиям детей, так как родители часто слышат аргумент своих детей «...но ведь у всех других это есть...» (Линн, 2006).

Статистические данные.

Внимание специалистов маркетинга к будущему поколению потребителей – детям – не случайно:

- 1) реклама через второстепенную аудиторию – детей – поощряет покупать непосредственную аудиторию – родителей;
- 2) дети, благодаря имеющимся карманным деньгам, являются значимой покупательной силой;

3) дети являются будущими потребителями, с раннего возраста они лояльны к определенному знаку товара (Hill, 2011).

Представленные положения можно проиллюстрировать на следующих примерах:

- во Франции на большую половину покупок оказывают влияние дети, что в масштабах Франции составляет около 90 миллиардов евро за год (Лафосс, 2007);

- в США 4–12-летние дети ежегодно тратят 4 миллиарда долларов карманных денег и контролируют 15 миллиардов долларов, предназначенных для покупок (Молчанов, Сороченко, 2007);

- в Литве 86 % родителей чувствуют влияние своих 5–7-летних детей на покупку детских товаров;

- каждый второй 8–9-летний ребенок высказывает свое мнение о покупке родителей для них более дорогих товаров, и на решение почти 60% родителей оказало влияние высказанное мнение детей;

- решающее слово при ежедневных покупках продовольственных товаров в 35% семей остается за 8–9-летними детьми (Lukaitytė, 2011).

Таким образом, можно предположить, что развитие детской сопротивляемости к потребительской культуре – довольно новая область в науке Литвы; реклама, как элемент потребительской культуры, доходит до детей все чаще и является средством, побуждающим детей к участию в потребительской культуре.

Методология исследования и основные результаты.

Исследование проводилось в мае 2012 года. Этапы исследования:

1. Анализ рекламы, показываемой по самым популярным ТВ каналам Литвы (TV3 и LNK) в прайм–тайм, который помог раскрыть масштаб рекламы в Литве, ориентированной на детей.

2. Тематический рисунок детей дошкольного возраста (5–7 лет) «Ребенок в магазине», который помог раскрыть детский опыт потребления, проявления потребительства в ежедневных ситуациях.

3. Распознавание рекламы, выделение из другого содержания ТВ, когда принявшим участие в исследовании детям показывали на бумаге напечатанные 26 вставок из наиболее часто транслируемых реклам и просили их рассказать, что они видят на том или ином рисунке.

Согласно результатам исследования, в докладе будет представлена ситуация детской сопротивляемости к потребительской культуре, когда раскрывается, сколько дошкольного возраста детей сталкивались с потреблением и потребительством, что (реклама, ближайшая среда и др.) оказывает влияние на них и т.п. Обсуждаются проблемы способов решения детского потребительства в условиях глобализации. Обращаем внимание, что в данной статье окончательные результаты исследования не представлены, но представляются во время исследования выявленные тенден-

ции, которые выделяются в качестве примеров, иллюстрирующих теоретические рассуждения.

Пример. В 7 статье *Закона о рекламе* Литовской Республики указывается, что в рекламе запрещается «непосредственно приглашать детей оказывать влияние на родителей или других лиц, чтобы они купили им рекламируемые товары или услуги, а также непосредственно поощрять детей покупать товары или услуги, пользуясь их неопытностью и доверчивостью», но как можно оценить такие рекламные тексты, которые были отобраны во время анализа рекламы:

- «*Стань чемпионом по футболу. Собирай под этикетками находящиеся светящиеся наклейки и замени найденные в них коды на прекрасные призы. Выиграй телевизор с ЖК-экраном и поездку в Барселону на стадион Камп Ноу*» (ориентированная на детей реклама сока *Kubus*).

- «*Hot Wheels. Соревнуйся, выбрав модели Hot Wheels. Лети, мчись, будь первым. Сильное предложение настоящему гонщику. Покупай три модели Hot Wheels только за цену двух. Соревнуйся! Ищи в магазинах модели Hot Wheels*» (ориентированная на аудиторию мальчиков реклама автомобилей *Hot Wheels*).

С. Линн (США, 2010) предлагает родителям и общественности взять на себя инициативу, чтобы запретить подобную рекламу. Нам не удалось найти данных об исследованиях в Литве реклам, которые ориентированы на детей и могут на них оказать негативное влияние. Реальность такова, что дети продолжают просить у родителей покупать, а родители откликаются на эти просьбы и покупают. **Пример.** Во время исследования спрашивали: «*Просил ли ты купить то, что видел в рекламе?*». Ответы детей звучат так: «*Да. Когда увидела принцессу, очень хотела этой с крыльями или с палочкой – там нажимаешь и на крыльях бывает цветочек. И я очень хотела. Еще видела этих маленьких животных, их тоже очень хотела. Еще «Фанту» хотела*». Это лишь один из эпизодов, но следовало бы подумать над тем, что вместо того, чтобы позволять детям сидеть перед телевизором и смотреть все подряд (и рекламу), было бы значительно лучше занять их другой деятельностью, полезной для их физического и духовного развития.

Как дети и молодые люди раскодируют товарные знаки?

Среди детей и молодых людей актуальна погоня за торговыми знаками (англ. *brand*), которые как бы показывают экономический и социальный статус личности в обществе. Возможно для дошкольников это не так актуально, но они растут, а с возрастом станут лояльными к тому или другому бренду. Исследование показало, что и дети дошкольного возраста способны идентифицировать бренды, назвать их, сказать, чем торгует тот или

иной производитель. **Пример**, 6-летняя девочка, увидев вставку из рекламы стирального порошка (сам порошок не показывается), рассказывает: «*Это „Персил“.* Когда эта девочка случайно обрызгалась». Позже к «Персил» была отнесена реклама «Vanish», тоже как прекрасному чистящему средству: «*Здесь уже другой персил. Здесь был ковер. Говорит: „Отпылесосила ковер, но все равно плохой запах“.* А та раскрыла ковер и говорит: „Так еще не очистила“. Раскрыла и показала, что еще остались пятна и дала персил. И тогда все очистила». **Другой пример**. 6-летний мальчик в рисунке «Ребенок в магазине» изображает бутылку «Пепси» (на рисунке товарный знак как по форме, так и по цвету изображен довольно точно), 6-летняя девочка рисовала конфеты «Рута» (в городе, где проводилось исследование есть конфетная фабрика «Рута»), минеральную воду «Витаутас» (один из наиболее популярных брендов в Литве), напиток «Фанта», другая шестилетняя девочка – конфеты «Mars», «Snickers» и т.д.

Конечно, влияние рекламы не следует абсолютизировать. Реклама не является единственным фактором, который способствует потребительской культуре детей. Большое значение имеет влияние сверстников, родителей, педагогов, опыт самих детей (Jokubauskas, 2003). Это проявляется и во время нашего исследования. **Пример**. 7-летний мальчик рассказывал, что о желаемой приобрести игрушке он узнал от друга из детского сада: «*Мне сказал такой Симас. Потому что он еще раньше меня купил.*»

Обобщение

Замечания родителей, дискуссия о рекламах и программах может помочь ребенку научиться «правильно» понимать рекламу. **Пример**: когда спросили у 7-летней девочки, почему показывают рекламу разных вещей, она ответила: «*Чтобы люди поверили и купили бы их*». На уточняющий вопрос, можно ли верить рекламе, девочка ответила отрицательно: «*Нет, потому что это может быть некачественный предмет ... Однажды я купила по рекламе, а он у меня тут же сломался*».

Развитие детской сопротивляемости к потребительской культуре неотделимо от развития критического отношения к рекламе, как одному из элементов потребительской культуры.

В связи с тем, что специалисты по маркетингу обращают внимание на детей, как потенциальных потребителей, с раннего возраста, необходим процесс образования, ориентированный на решение данной проблемы, который в условиях современной глобализации становится все сложнее, так как потребительство становится в конечном результате неотъемлемой частью процессов глобализации.

**Ротова Р.С.,
Россия, г. Москва**

Актуальность развития экономики народонаселения

Экономика народонаселения представляет собой «молодое» направление в демографических исследованиях. Свое название и предмет изучения оно получило в 1985 г. в Демографическом энциклопедическом словаре (ДЭС) – первом на русском языке фундаментальном, энциклопедическом издании по демографии¹. Предметом исследования определены закономерности воздействия экономики (экономического фактора) на развитие народонаселения и обратного влияния развития народонаселения (демографического фактора) на экономику².

Первой предпосылкой междисциплинарного изучения связи населения с экономическими процессами стала идея, высказанная на грани XVIII–XIX вв. Мальтусом об опережающем (в геометрической прогрессии) росте населения по сравнению с отстающим (в арифметической прогрессии) ростом средств существования³. Суть его теории сводилась к влиянию населения на экономику.

Позднее, на грани XIX и XX вв. накопилось достаточно эмпирических данных об обусловленности уровня рождаемости и смертности социальными условиями. В начале XX в. выявленная зависимость нашла свое обобщение в теоретической концепции демографической революции, или демографического перехода. В ней сделан вывод о том, что, глубокие качественные изменения типов воспроизводства населения вызваны тремя крупными историческими этапами – обществом присваивающей экономики, аграрным и индустриальным, т.е. в конечном счете – социально-экономическими изменениями.

К середине XX в. в демографии оказалось разработано немало знаний об информации, методах анализа и выводах о связи отдельных демографи-

¹ Демографический энциклопедический словарь. М. «Советская энциклопедия». 1985 г. Термин «экономика населения» впервые был употреблен в 1920-х гг. С.А. Томилиным (см.Томилин С.А. Демография и социальная гигиена. М., 1973, с. 146).

² См. Демографический энциклопедический словарь, с 534. существу рост населения у него является результатом стремления людей к беспредельному (как и всей биологической социальными факторами как безбрачие, позднее вступление в брак, эпидемии, войны, голод и т.д. По

³ Как известно, по мальтузианской теории, рост населения только корректируется такими природными) размножению и предстает как независимая переменная. В течение всего XIX в. шла ожесточенная дискуссия, продолжавшаяся и в XX в., среди представителей многих научных дисциплин об антинаучном биологизаторском характере мальтузианской теории.

ческих процессов (рождаемости, смертности, брачности, миграции) с возрастной структурой. Постепенно демографы переходили к изучению связи с возрастно-половым составом населения и ее динамики не только отдельных демографических процессов, но и взаимосвязи между всеми демографическими, как бы «внутренними», процессами и структурами, определяющими численность и состав населения, т.е. исследованием воспроизводства населения в целом и перспективой его изменений. Но анализа демографического развития на основе лишь узкого подхода – взаимосвязей внутри воспроизводства населения было недостаточно. Исследования показывали увеличивающуюся роль «внешних» связей воспроизводства населения с широкой, и, прежде всего – социально-экономической системой общества.

Теоретическое и практическое значение данных исследований актуализировалось глобальными изменениями в социальном развитии всего мирового сообщества, которые начались с середины XX в. Мировое сообщество столкнулось с глобальными проблемами, вызванными, с одной стороны, демографическим взрывом – переходом от традиционного к современному типу воспроизводства населения во многих странах Азии, Америки, Африки⁴. Это требовало от правительств развивающихся стран и от всего мирового сообщества огромных материальных ресурсов для смягчения или предотвращения негативных последствий «взрыва».

С другой стороны, в развитых странах все больше проявлялось воздействие научно-технического, в первую очередь социально-экономического прогресса на демографическое поведение, переход к малодетной системе, сокращение темпов роста населения и как результат – на депопуляцию. Одновременно в них возрастала роль внутренней и внешней миграции в формировании численности и состава населения. Переход к малодетной семье усиливал негативное влияние демографического фактора

(уменьшение доли детских и трудоспособных возрастов, демографическое старение, изменение структуры причин смертности и т.д.) на социально-экономическую ситуацию, которая требовала правительственных мер по сохранению в этих странах простого или слегка расширенного воспроизводства населения. Глобализация как бы объединила во времени (во второй половине XX в.) и развела по территориям каждый из двух сторон экономико-демографической взаимосвязи – в развивающихся странах более сильное влияние населения на экономику и в развитых странах – преимущественное влияние экономики на население.

Под влиянием глобальных проблем с середины XX в. особенно быстро возрастала необходимость комплексного, междисциплинарного подхода к

⁴ Временно в развивающихся странах сложилась ситуация опережающего роста населения по сравнению с ростом средств жизни.

исследованию населения. Проблема изучения воспроизводства населения в целом как части всей экономической системы становится все более очевидной, тем более что первый шаг в этом направлении еще в первой половине XX в. сделали демографы-создатели теории демографической революции.

Д.И. Валентей, 90-летие которого отмечается в 2012 г., как основоположник в отечественной демографии междисциплинарного подхода к изучению населения и как главный редактор ДЭС (1985) взял на себя задачу начать оформление научного направления – экономику народонаселения в числе других новых направлений (социологии народонаселения, экологии народонаселения, географии населения). Он включил в словарь статью об экономике народонаселения.

В Демографическом энциклопедическом словаре (1985 г.) наряду со статьей об экономике народонаселения появилась статья об экономической демографии как новом разделе демографии, также изучающим взаимосвязь экономического развития и воспроизводства населения, но с уточнением более узкого предмета – влияние возрастно-половой структуры на процесс производства и потребления. Более широкая трактовка предмета экономической демографии сводится к «закономерностям взаимного влияния демографических факторов и социально-экономического развития в целом, взаимодействие экономики и воспроизводства населения» и к такому определению как «взаимозависимость типа, параметров воспроизводства населения и социально-экономического развития обуславливает необходимость оптимизации демографических процессов с помощью системы гос. мероприятий экономического, социального, правового и социально-психологического характера». Здесь недвусмысленно предполагается экономическое воздействие на демографические процессы.

Экономическая демография носит прикладной характер и является по сравнению с экономикой народонаселения более частной и конкретной дисциплиной. В качестве приемов анализа она использует возрастные экономические таблицы, экономико-демографические счета, математические экономико-демографические модели. Учитывая конкретный характер экономической демографии, она измеряет также и влияние экономики на население⁵.

Широкая трактовка экономической демографии противоречит смыслу и назначению экономической демографии, которые вкладывал Б.Ц. Урланис. Он отмечал, что эта часть демографии связывает такие демографические категории как пол и возраст, непосредственно с такими чисто экономическими категориями, как производство и потребление⁶. В отличие от

⁵ Демографический энциклопедический словарь. М., 1985. С. 535–536.

⁶ Б.Ц. Урланис. Народонаселение. Исследования, публицистика. М., 1976. С. 241.

Б.Ц. Урланиса в статье отсутствует четкая позиция в определении предмета экономической демографии, который оказывается тождественным экономике народонаселения. Такая нечеткость породила, на наш взгляд, последующее противоречивое отношение к экономике народонаселения.

Во второе издание Энциклопедического словаря «Народонаселение» (1994 г., гл. ред. Г.Г. Меликьян) статья по экономике народонаселения не была включена. В нем осталась только «экономическая демография». Это произошло, очевидно, ввиду указанной нечеткости ее предмета изучения и из-за убеждения руководителей второго издания Словаря, что экономика народонаселения относится к предмету не демографии, а экономики.

Отношение к становлению экономики народонаселения прослеживается по учебным пособиям для вузов, подготовленным в Центре по изучению проблем народонаселения. В 1991 г. вышло одно из последних под редакцией Д.И. Валентя учебное пособие «Система знаний о народонаселении», где «экономика народонаселения» включена в раздел новых научных направлений исследования народонаселения. В этом проявлялась широта научных взглядов Д.И. Валентя.

В последовавших за ним учебниках экономика народонаселения не упоминается как какое-либо направление исследований в демографии. В вышедшем в 1997 г. учебном пособии «Основы демографии» под ред. В.А. Ионцева, Б.А. Суслакова в разделе о методах демографического анализа даже не рассматривается метод анализа экономико-демографических связей. В другом учебном пособии «Демография: современное состояние и перспективы развития» под ред. Д.И. Валентя, изданном также в 1997 г., присутствует только экономическая демография, которая включена в раздел демографические факторы экономического развития, т.е. влияния населения на экономику. В учебнике «Введение в демографию» (2002 г.) под ред. В.А. Ионцева, А.А. Саградова экономическая демография входит в раздел научных направлений демографии. Одновременно в нем хорошо представлены разделы по теоретическим выводам и по методам анализа связи экономики и населения, но они не относятся к экономической демографии⁷.

Через три года после выхода «Введения в демографию» вышли учебное пособие А.А. Саградова «Экономическая демография» (2005 г.), а в 2007 г. – учебник «Экономика народонаселения». Появление этих изданий устранило ограниченность в подходе к предмету экономики народонаселения и позволяло более четко определить содержание и экономики народонаселения и экономической демографии. Но при этом экономика народонаселения отнесена к экономической науке.

⁷ В одном из последних пособий кафедры – М.Б. Денисенко, Н.М. Калмыковой «Демография» 2007 г. также отсутствует что-либо об экономической демографии и тем более об экономике народонаселения.

Экономическая демография имеет своим предметом «закономерности влияния демографического фактора на экономическое развитие» (обратное влияние) и методы его количественного измерения. О нацеленности пособия «Экономическая демография» на изучение методов измерения влияния демографического фактора на экономическое развитие можно судить по названию его глав:

Гл. 1. Предмет и метод экономической демографии. 1.1. Предмет экономической демографии, экономическая демография в системе демографических наук, основные разделы экономической демографии; 1.2. Демографический фактор экономического развития, формирование современного теоретического подхода; 1.3. Особенности применения математических, статистических и эконометрических методов анализа и интерпретации их результатов в экономической демографии.

Гл. 2. Экономика роста населения: одноконтурные модели. 2.1. Простейшие (основанные на парной корреляции) одноконтурные экономико-демографические модели; 2.2. Одноконтурные модели экономического роста, основанные на производственной функции; 2.3. Современные (основанные на множественной корреляции) одноконтурные экономико-демографические модели роста.

Гл. 3. Экономика роста населения: многоконтурные модели. 3.1. «Кризисные» многоконтурные модели; 3.2. Рекурсивные многоконтурные модели; 3.3. Современные компьютерные модели экономического развития.

Гл. 4. Экономика качества населения. 4.1. Влияние качественных характеристик населения на макроэкономические показатели; 4.2. Влияние качественных характеристик населения на величину текущего дохода; 4.3. Влияние качественных характеристик населения на величину пожизненного дохода.

Гл. 5. Экономика социально-демографических структур. 5.1. Возрастная структура населения как фактор, влияющий на величину производства и потребления; 5.2. Оценка численности социально-демографических групп на основе методов «функциональных прогнозов» и области их применения; 5.3. Социальные, возрастные, брачно-семейные и другие структуры населения как факторы величины и структуры потребительских расходов. Демографические аспекты сегментированного рынка; 5.4. Использование многомерных таблиц в экономико-демографическом анализе.

При всей положительной оценке «Экономической демографии», на наш взгляд, здесь содержится подтверждение необходимости изучения демографами не только обратного, но и прямого влияния экономики на население. Предмет «закономерности влияния демографического фактора на экономическое развитие» предполагает анализ динамики демографического фактора в неразрывной его связи с экономическим воспроизводст-

вом, в свою очередь формирующим через демографические процессы сам демографический фактор.

Кроме того, некоторая непоследовательность позиции автора просматривается из названий почти всех глав учебного пособия, которые начинаются со слова «экономика». Названия глав «Экономической демографии» не отражают различия между экономической демографией и экономикой народонаселения, так что из-за названий ее глав экономическую демографию можно отождествить с экономикой народонаселения и переадресовать экономической науке в качестве ее предмета изучения.

Разработка методов числового измерения одной из сторон (обратного влияния) экономико-демографической связи делает экономическую демографию составной частью экономики народонаселения. Демография прежде всего эмпирическая наука, выводы которой базируются на конкретных данных, поэтому экономика народонаселения помимо теоретической своей части предполагает также количественное измерение прямого влияния – экономики на население, а также всей их взаимосвязи (прямого и обратного влияния).

Главное значение пособия «Экономики народонаселения», на наш взгляд, в том, что в нем, как никогда до этого, воедино собрано много конкретных материалов и теоретических наработок. Об этом можно судить по содержанию, выраженному в оглавлении учебного пособия: гл. 1 Предмет и метод экономики народонаселения; гл. 2. Экономическая и демографическая информация в источниках данных о народонаселении; гл. 3. Экономическое развитие и динамика населения; 3.1. Экономические факторы рождаемости; 3.2. Экономические факторы смертности; гл. 4. Экономика семьи и домохозяйства; гл. 5. Гендерный фактор в экономических и демографических взаимосвязях; гл. 6. Миграция и урбанизация в экономическом развитии; гл. 7. Экономические аспекты политики народонаселения; Приложение – Демографические аспекты личного страхования⁸.

Учебник посвящен преимущественно обусловленности демографических процессов экономическим развитием как ведущей причине изменения демографических явлений. Для России внимание к этой тематике было продиктовано резким ухудшением социально-экономических показателей и последовавшим за этим значительным негативным изменением демографического развития. Все это подтверждалось многочисленными исследованиями, и не ответить на практические вызовы было невозможно, что и отразилось в содержании приведенных пособий.

Широта охвата экономических и демографических связей в «Экономике народонаселения», во-первых, намного превосходит предмет изучения экономической демографией и, во-вторых, не втискивается в рамки только

⁸ Экономика народонаселения. М., 2007. С. 661–667.

экономической науки. Учебное пособие написано исключительно демографами, а не экономистами. Но демографы отрицают свою причастность к экономике народонаселения, и одновременно сами разрабатывают ее проблемы. На данном этапе потребность у демографов в экономико-демографических знаниях и исследованиях по экономике народонаселения оказывается намного больше, чем у экономистов. Переадресация экономики народонаселения только экономической науке не ориентирует демографов на освоение демографами экономических знаний, которые необходимы, например, для более глубоких выводов о демографических закономерностях, о возможностях с помощью экономических мер регулировать демографические процессы.

Судьба становления экономики народонаселения во многом повторяет формирование самой демографии. В свое время демографию еще в середине 20 в. то признавали как теоретическую науку о закономерностях воспроизводства населения, то сводили ее роль к эмпирическому описанию воспроизводства (к статистике населения). Так и экономику народонаселения то рассматривают с позиции широкого подхода к социально-экономической обусловленности демографического развития, то пытаются ее ограничить лишь количественным описанием влияния социально-экономических факторов на население методами статистики.

В становлении экономики народонаселения, как и других новых направлений в отечественной демографии, значительную роль сыграл Д.И. Валентей с его научной позицией как историка и политэконома. Сейчас его принципы исследования народонаселения нашли признание у научного сообщества. Способность Валентея оценивать важность направления демографических исследований помогла ему утверждать с 60–70-х гг. такие новые подходы, как междисциплинарные исследования, «качество населения», воспроизводство населения в широком понимании, включающим воспроизводство не только возрастно-половой структуры, но и качественных структур, а также миграцию.

Междисциплинарный подход вызвал быстрое расширение числа сложных объектов исследования, среди которых и взаимосвязь демографических процессов с экономикой. Междисциплинарным исследованиям сложных объектов в XX – начале XXI в. способствуют в первую очередь современные математические методы анализа информации с помощью компьютерной техники. Важное значение имеют для рассматриваемой проблемы и достижения историков, которые первыми начали изучать сложные объекты на основе многостороннего междисциплинарного подхода⁹.

Опыт междисциплинарного анализа в исторической дисциплине показывает, что историки не перекадывают на представителей смежных дис-

⁹ Д.К. Шелестов. Демография: история и современность. – М., 1983. С. 249–250.

циplin задачи своего исследования. Они придерживаются принципа, при котором каждая дисциплина сама может и должна находить свои аспекты анализа общего объекта, опираясь на взаимное освоение методов и результатов соседних наук. Очевидно, именно такой подход обеспечил быстрое развитие исторической демографии, исторической географии, исторической медицины и т.д. и обогатил знания и историков, и представителей смежных дисциплин. Главное, чтобы это способствовало углублению знаний об изучаемом объекте. Такой подход, на наш взгляд необходим и к экономике народонаселения, которую должны развивать и экономическая дисциплина и демографическая как часть экономической.

Демографам известно становление исследования такого сложного междисциплинарного объекта как воспроизводство населения. В изучении смертности и воспроизводства населения участвуют медики, без которых демографы не способны вести изучение, например, смертности по причинам и эпидемиологического перехода как специального направления в демографии. Здесь и демографы и медики нашли свои аспекты анализа.

Показатели, характеризующие воспроизводство населения, постепенно складывались в систему, которая постоянно уточнялась. Как известно, теория воспроизводства населения в целом началась с изучения численности населения по отдельным странам и территориям, затем исследовалась смертность и ее связь с возрастнo-половой структурой населения, рождаемость также в ее связи с возрастной структурой, рождаемость в сопоставлении со смертностью (естественный прирост населения) и связи со смертностью, рождаемость в связи с брачностью. На основе взаимосвязи процессов естественного движения и возрастнo-половой структуры населения сформировалось научное представление о воспроизводстве населения, о смене его поколений. В последнее время демографы стали признавать миграцию в качестве элемента воспроизводства численности и состава населения.

Более высоким уровнем междисциплинарного исследования выступает выделение типов воспроизводства населения. По теории демографической революции, или демографического перехода типы воспроизводства населения обусловлены различными крупными историческими типами экономики (присваивающая, аграрная и индустриальная)¹⁰, последняя из них определялась как индустриальная экономика. Демографы посвятили большое внимание изучению народонаселения за последний период. Взаимосвязь воспроизводства населения с социально-экономическими процессами индустриального периода является еще более сложным объек-

¹⁰ Постиндустриальный период развития населения недостаточно обобщен в демографии и не имеет общепризнанных позиций. Он требует продолжения специального анализа и теоретических выводов.

том, в котором экономика и население находятся между собой в постоянной и динамичной связи.

Социально-экономические факторы, влияние которых на отдельные демографические процессы (смертность, рождаемость, брачность, миграция) и воспроизводство населения, выявили демографы, представляют систему взаимосвязанных показателей – расширение и совершенствование машинного производства, миграция из города в село и урбанизация, рост образовательного и культурного уровня населения, повышение профессионального уровня работников, включая женщин, занятость женщин в общественном производстве, быстрое развитие потребностей всего населения. В демографическом анализе и экономическая система и воспроизводство населения каждая в отдельности представляет сложный объект. Тем более таковым выступает взаимосвязь между ними. Дальнейшее изучение этой взаимосвязи, на наш взгляд, во многом определяет разработку важных теоретических проблем современной демографии.

Пример сотрудничества демографов с экономистами и другими «смежниками» можно проследить по исследованию качественных характеристик населения, в которые помимо возрастного состава входят образование, здоровье, профессиональная подготовка и другие показатели¹¹. Образование, профессиональная подготовка, семейно-брачное состояние, здоровье, территория проживания и др. используются как факторы рождаемости, смертности, брачности, миграции. Они отражают не только развитие человека, населения, но часто являются также одним из важных показателей социально-экономического развития общества. Смежные научные дисциплины с учетом своих задач также используют качественные характеристики.

Современный уровень исследований показывает вектор дальнейшего познания качества населения – это высокая степень интеграции разнородных компонентов, отражающая рациональное междисциплинарное сотрудничество. Эта интеграция выражена в индексе развития человеческого потенциала (ИРЧП), т.е. более сложном агрегированном показателе из четырех компонентов¹², в числе которых ожидаемая продолжительность жизни при рождении. Появление ИРЧП не отменяет значение прежних качественных характеристик, продолжающих играть свою роль в демографических исследованиях.

В экономике народонаселения вопросы ее изучения вполне возможно решить в соответствии с интересами и профессиональной готовностью исследователей. Например, теоретические выводы экономической науки о

¹¹ В свой анализ демография включает такие качественные структуры как социальные, возрастные, брачно-семейные и другие (см. Саградов А.А. Экономическая демография, с. 185).

¹² Ожидаемая продолжительность жизни при рождении, уровень грамотности взрослого населения, общая доля учащихся в школах и вузах и реальные доходы.

населении, человеке как главном факторе и цели общественного производства, об увеличении роли человека при интенсификации производства, социальные требования к технике и технологии, о воспроизводстве рабочей силы работника, о прожиточном минимуме, об интернационализации производительных сил и международной миграции рабочей силы и т.д. применяются в теоретическом и в конкретном анализе демографии. Обоснованием экономических показателей, методов их расчета как и расчетом числовых значений этих показателей занимаются экономисты, а демографы могут использовать готовые экономические показатели для своего анализа. Аналогичным образом, демографы предоставляют экономистам соответствующие демографические данные. История развития современных научных дисциплин показывает, что русло взаимопроникновения знаний и цели исследований на каждом этапе во многом определяет сама жизнь, и нет смысла воздвигать искусственные преграды на этом пути.

К концу XX – началу XXI вв. сложилось немало предпосылок для такого взаимодействия по ряду демографических проблем. После всеобщего увлечения социально-психологическим фактором рождаемости длительный опыт проведения демографической политики в западных странах показывает, что в основе мер воздействия на поведение человека, семьи лежат экономические меры, как определяющие в конечном счете интенсивность рождаемости. Демографическое поведение семьи, выступающее как социально-психологический фактор, предстает в данном случае как промежуточные детерминанты в области деторождения. Но это не отменяет его роли для более детального исследования намерений супругов на микроуровне.

К сожалению, еще слабо исследовано самосохранительное поведение на микроуровне. Но имеются основания считать, что затраты общества и самого населения на поддержание здоровья также остаются в конечном счете ведущим фактором. Поэтому исследование поведения семьи и отдельного человека должно опираться на социально-экономический анализ, на знания закономерностей развития потребления и потребностей. В этом случае исследователь может делать научно более обоснованные выводы о влиянии экономического и психологического факторов на рождаемость и смертность, а их в свою очередь - на воспроизводство населения в целом.

Изучение миграции как прежде всего социально-экономического процесса распределения трудовых ресурсов, связанного с наличием соответствующих рабочих мест и уровнем жизни, исследуется и экономикой и демографией. Каждая из них ведет анализ со своих позиций. Здесь демографы не переадресовывают только экономической дисциплине анализ социально-экономических факторов миграции, под влиянием которых изучается, например, влияние миграции на воспроизводство населения.

В настоящее время у экономики народонаселения имеется немало актуальных аспектов, имеющих теоретическое и практическое значение. Некоторые из них с середины XX в. хотя исследовались в мировой и отечественной науке, но в настоящее время их значение все больше возрастает.

Следует обратить особое внимание на быстро развивающиеся исследования влияния экономических мер демографической политики на рождаемость, на устойчивость семьи, на здоровье. Это направление требует не только количественного измерения эффективности экономических мер, но и серьезных теоретических разработок, которые пока сильно отстают от практических потребностей общества. Информация об эффективности демографической политики в развитых странах все настойчивее ставит вопрос обобщения ее результатов. Это направление является междисциплинарным, в первую очередь экономико-демографическим. Оно выступает одним из важных разделов экономики народонаселения, входящей в состав всей демографии.

К сожалению, в развитых странах неотложная задача повышения рождаемости обуславливает развитие этого направления по методу проб и ошибок. В то время как всестороннее изучение проблем демографической политики требует от демографов знаний о закономерностях развития социально-экономических потребностей семьи, человека, детей разных возрастов для научного обоснования мер демографической политики, обеспечивающих нормальное расширяющееся воспроизводство жизненных сил супругов, родителей, подрастающего поколения, в конечном счете – удовлетворение потребностей семьи. Для такого анализа нужна разработка системы соответствующих показателей в сотрудничестве с экономистами. В свою очередь экономистам требуется система демографических показателей о действенности государственной политики с учетом разносторонности мер, размера помощи каждой семье, общего объема экономических затрат.

Теоретически совершенно не разработанной остается проблема неодинаковой эффективности одних и тех же мер демографической политики в разные периоды длительного макроэкономического процесса. Каждый новый длительный цикл экономического воспроизводства, развертывающийся на основе новых научных достижений и технологий, состоит из стадий более благоприятных и менее благоприятных для роста благосостояния населения и отдельных его групп, что зависит от инвестиций в обновление оборудования, необходимости повышения профессионального уровня работников, производительности труда, роста заработной платы и т.д. Знания в этой области помогут демографам вести анализ микроуровня на фоне макроэкономических тенденций и точнее объяснять изменения демографического поведения населения, выявлять причины неодинаковой ре-

зультативности одних и тех же мер демографической политики в течение длительного макроэкономического процесса

Экономика народонаселения требует вести научные разработки при общем участии демографов и экономистов. Лучше самих демографов никто не может смоделировать на будущее, например, изменение демографического фактора (численность и состав населения), также как лучше самих экономистов никто не способен определить экономическую перспективу с учетом изменений в технологии производства и в демографическом факторе (предоставленном демографами). Такой способ взаимодействия смежных дисциплин значительно экономит время и силы исследователей. В целом, чтобы приблизить научные достижения демографов к современным практическим потребностям общества развитие экономики народонаселения превращается, на наш взгляд, в одно из актуальных направлений и демографической и экономической дисциплин. Для этого требуется не останавливаться на анализе только имеющихся данных и теоретических выводах смежных дисциплин. Нужно также обосновывать появление новой информации и методов ее анализа.

*Смильгене Ю.Р.,
Литва, г. Шяуляй*

Неформальное образование педагогов дошкольного воспитания в Литве – одна из возможностей обучения при демографических изменениях в условиях глобализации

Инфраструктура и человеческие ресурсы – это две области просвещения, на которых демографическая ситуация производит наибольшее влияние. В Литве в области инфраструктуры уже предприняты меры для преодоления демографического вызова – начата реформа сети учебных заведений. В области человечески ресурсов можно выделить такие сферы деятельности, обусловленные демографической ситуацией, как политика переквалификации учителей, создание инфобазы учителей, новая концепция подготовки педагогов, заказные исследования Министерства просвещения и науки (Mokytojų poreikių prognozės studija, 2006). Кроме того, интеграция Литвы в Европейский Союз предопределяет новый подход к образованию и к совокупности выдвигаемых перед педагогами требований. Политики в области образования подчеркивают необходимость повышать престиж работы педагога, на что огромное влияние оказывают компетентность и квалификация педагогов, требующие постоянного совершенствования и обновления. Компетентность постоянного совершенствования и образования становится неотъемлемой от ежедневной деятельности спе-

циалистов дошкольного образования. Кроме того, перманентное образование увеличивает экономическую конкурентоспособность и помогает сохранить рабочее место.

В настоящее время у педагогов дошкольных учреждений (и не только) Литвы есть возможность повышать свою квалификацию и стремиться к компетентности на трех уровнях: на формальном уровне (обучение происходит в образовательных и научных учреждениях); на неформальном – это учеба взрослых в институтах совершенствования квалификации; на ин-формальном, т.е. самообразование, как компонент саморазвития. Неформальное образование, направленное на удовлетворение индивидуальных, часто в рабочем порядке возникающих потребностей в учебе, является неизбежным элементом современного общества, который, как утверждает Неформальное образование взрослых прежде всего важно в качестве альтернативы формальному образованию лиц, которые стремятся лучше согласовать свою занятость на рынке труда или другую деятельность и потребности в непрерывном образовании.

Тем не менее на сегодняшний день оценка и признание достижений еще не укрепились в традициях зачета приобретения квалификации и компетентности учреждений дошкольного образования ни в Литве, ни в других странах Евросоюза, так как обучение/учеба, происходящие на рабочем месте или благодаря опыту, является сравнительно новым явлением, поэтому естественно сталкиваемся с *проблемой*, что до сих пор проведенные исследования больше исследуют мотивы неформального образования взрослых, проблемы оценки, признания, но область наиболее удобных форм учебы для педагогов дошкольных учебных учреждений и их влияние на развитие компетентности анализировалась не в полной мере.

Цель исследования – раскрыть необходимость и возможности неформального образования педагогов дошкольных учебных учреждений в условиях глобализации.

Методы: анализ источников научной литературы: обобщение, сравнение, анализ документов, анкетный опрос, статистический анализ данных.

Ситуация сети дошкольных учреждений Литвы

По словам Г. Пурванецкене (2005), наибольшее количество дошкольных учреждений в Литве было до восстановления независимости (до 1990 г.). С тех пор наблюдается тенденция снижения их количества (см. табл. 1 и 2). В 1989–1990 г. в Литве было 1808 дошкольных учебных заведений, а в 2011 г. их осталось всего 647 (Statistikos departamentas, 2011). Так что их количество снизилось в 3 раза.

Таблица 1

Город/ село	1992	1993	1994	1995	1996	1997	1998	1999	2000	2001
Число воспитанников	102659	78596	85492	90294	93793	96443	96887	96127	90087	89841
Число учебных заведений	113	811	748	741	729	724	719	713	714	699

Динамика количества детей, посещающих эти учреждения, совершенно другая: снижение количества детей началось еще в советские годы и продолжалось до 1993 г., когда был достигнут минимум. Позже количество детей стало увеличиваться (см. табл. 1 и 2). Причины, из-за которых снизилось количество детей, самые разнообразные: снижение деторождаемости, увеличение цен за услуги, идеология «возвращения женщины в семью», которая помогала скрыть корыстные экономические цели – приватизацию помещений детских садов.

Таблица 2

Город/ село	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011
Число воспитанников	90850	89469	88423	90021	90552	93044	95136	93660	94737	97929
Число учебных заведений	686	672	655	656	652	649	654	642	626	647

Снижение количества детей привело к снижению потребности в педагогическом персонале. В последнее десятилетие наблюдается небольшое колебание в количестве педагогов (см. табл. 3), но очевидна тенденция снижения количества педагогов дошкольных учреждений (Statistikos departamentas, 2011).

Таблица 3

Число педагогического персонала в тысячах

Год	2000	2005	2006	2007	2008	2009	2010
Число в тысячах	11,1	10,7	10,7	11,0	11,5	11,5	11,2

Обзор состояния сети дошкольных учреждений и потребности в их персонале показывает, что количество этих учреждений все уменьшается, что в последствии приводит к уменьшению потребности в персонале, а это в свою очередь приводит не только к конкуренции между институциями, но и между коллегами. Встает вопрос, как согласовать потребности обучающегося общества и ныне существующие возможности. Все аргументы указывают на то, что педагог, работающий в дошкольном учреждении, должен постоянно думать о том, как остаться инновативным, конкурентоспособным и привлекательным, т.е. постоянно совершенствовать себя. Результат этого – высокая квалификация, а один из способов ее достижения – перманентное образование.

Неформальное образование – в процессе перманентного образования – возможность образования педагогов дошкольных учебных учреждений

Восстановление независимости Литвы и ее интеграция в Европейский Союз предопределяет новую точку зрения на образование и на выдвигаемые перед педагогами дошкольного образования требования в целом. Это побуждает педагогов приостановиться и просмотреть, оценить, совершенствовать свою воспитательную работу, так как обучение и учеба неразрывно связаны с обновлением всей институции (Glickman, 2010). Следовательно, одной из важнейших задач педагога становится «научиться учиться» (Linkaitytė G., Širvaitytė V., 2000, p. 52). Все это может быть достигнуто только в соответствии с идеей парадигмы перманентного образования, что побуждает специалистов дошкольного образования к поискам наиболее удобных и предпочтительных для них форм учебы. Таким образом, мы узнали, какой способ учебы является/будет являться предпочтительным для специалистов, выполняющих работу воспитателя. Исследование показало, что для большинства педагогов дошкольного образования предпочтительным является единение всех возможных способов учебы (47,3 %) (см. рис. 1).

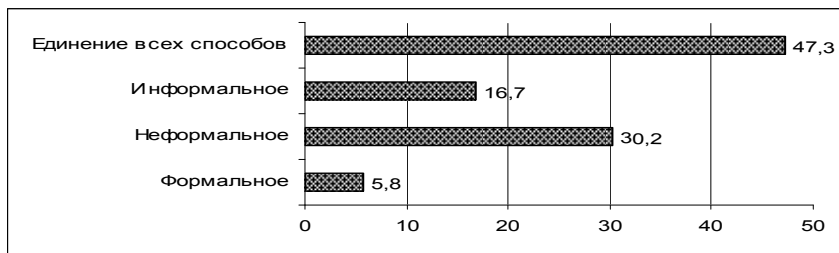

Рис. 1. Наиболее предпочтительный способ учебы педагогов дошкольного образования (точка зрения учителей; N=138)

Можно сделать вывод, что в настоящее время педагоги дошкольных учреждений (и не только) Литвы используют возможность совершенствовать свою квалификацию и стремятся достигать компетентности на всех трех уровнях: на формальном, неформальном и информальном. Формальное образование часто дополняется неформальным и информальным способами обучения расширенной компетенции, когда педагоги обмениваются опытом, осуществляя и отражая приобретенный формальным способом опыт.

Другая небольшая часть опрошенных (30,2%) выделила форму неформального образования. А. Фокене (2007) утверждает, что неформальное образование, ориентированное на удовлетворение индивидуальных, возникающих на рабочем месте потребностей, является неизбежным элементом современного общества. Эти результаты как бы подтверждают мысль Е. Янчяускаса (2009), что с методической и правовой–нормативной точки зрения неформальное образование определяется как возможность свободного выбора работника совершенствовать способности и знания в любой форме и в любом месте (с. 77). Хотя понятие неформального образования применяется широко, но в разной литературе и правовых актах находим несколько различающихся его определений.

В методике познания опыта неформального образования педагогов (2007, с. 18) утверждается, что «неформальное образование определяют: ориентация на специфические, индивидуальные цели образования и гибкость выбора методики обучения». Кроме того, в данных рекомендациях указываются и особенности, которые характеризуют неформальное образование: человек зачастую не знает о наличии у него той или иной компетенции; неформальное образование и самообразование происходит в различном контексте и компетенции приобретаются разными способами обучения. По словам Е. Янчяускаса (2009, с. 76), неформальное образование – «это специфический способ развития профессиональности». Он не формализован или структурирован. Неформальное образование выбирает сам работник. Поскольку, как утверждает Е. Юрашайте–Харбинсон (2007), неформальное образование начинается с поисков самого педагога способов, как решить возникшие профессиональные дилеммы, найти ответы на конкретные вопросы или изменить что-то в своей педагогической работе, то можно подчеркнуть, что *неформальное образование для педагогов, работающих в институции дошкольного образования, может стать приоритетом. Неформальное образование дает не только знания, но и практические навыки, так как педагог свободно выбирает ту область, в которой чувствует себя некомпетентным и хочет восполнить ее, а это чаще всего связано с конкретной ситуацией, сложившейся в сфере педагогической деятельности.*

Таким образом, можно предположить, что неформальное образование в институциях дошкольного образования для работающих педагогов является одной из наиболее удобных и наиболее легко доступных форм обучения, которая помогает приобрести новые оцениваемые компетенции или обновить уже имеющиеся. Считаю, что развитие возможностей совершенствования компетенций и способ неформального образования педагогов дошкольных учреждений, для единения с современными целями и задачами просвещения, позволили бы подготовить педагога работать в условиях общества знаний, гарантировать соответствующее качество образования.

Д. Бьернавольд (2000) утверждает, что неформальное образование все еще происходит в тени формального образования и сам по себе невидим, но используется систематически и у него есть потенциал выполнить важную роль в системе формального образования.

Выводы

Изменение политических и социальных условий в Литве раскрыло демографический дисбаланс. Это имеет сильное влияние на ситуацию в системе просвещения. Предпринимаются меры для преодоления кризиса в области инфраструктуры – начата реформа сети учебных заведений. В области человеческих ресурсов внимания требуют такие сферы деятельности, как новая концепция подготовки педагогов и переквалификация учителей, а также создание инфобазы учителей.

В настоящее время у педагогов, работающих в институциях дошкольного образования Литвы, есть возможность совершенствовать компетенции и повышать профессиональную квалификацию на трех уровнях: формальном (переквалификация, студии второй университетской ступени); неформальном (учеба взрослых в институтах совершенствования квалификации, на рабочем месте, на курсах, семинарах и т.д.); самостоятельном, т.е. самообразовательном как компоненте самовоспитания (самостоятельно диагностируются свои потребности в учебе, предвидятся цели, находятся необходимые источники, выбирается стратегия учебы и производится самооценка приобретенных знаний).

Поддержка идеи непрерывного образования способом неформального образования для педагогов дошкольных учреждений может стать приоритетом, поскольку она важна в следующих аспектах:

- 1) прежде всего, такая форма учебы помогает педагогу быстрее и качественнее адаптироваться в изменяющейся среде, участвовать в социальной жизни, конкурировать на рынке труда, качественно работать в своей институции;

2) педагогу доставляет радость самоусовершенствования и чувство внутреннего удовлетворения, так как сам педагог предвидит цели учебы в зависимости от того, какую область своей работы хочет совершенствовать. Сам выбирает такие способы учебы, которые более всего соответствуют уникальному стилю его учебы, кроме того, такой способ учебы предоставляет больше практических знаний и навыков;

3) в-третьих, неформальное образование педагога полезно и для воспитанника, поскольку знания, приобретенные по индивидуальной потребности, необходимости и личному интересу, являются более привлекательными и качественными, а это оказывает влияние и на восприятие учеником сути учебы, так как сам ребенок, участник учебного процесса, может организовать самообразование в близкой себе субкультуре.

Литература

1. Bjornavold J. (2000). Making learning vizable. Identification, assessment, and recognition of non-formal learning in Europe. Thessaloniki: CEDEFOP.

2. Fokienė A. (2007). Neformaliojo ir savaiminio mokymosi pasiekimų vertinimas profesijos mokytojų rengime: Poreikiai ir prielaidos. Profesinio rengimo tyrimai ir realijos. Nr.14. p. 36–50.

3. Glickman C.D. (2010). *Lyderystė mokymuisi: kaip padėti mokytojams sėkmingai dirbti*. Vilnius: UAB Sapnų sala.

4. Jančiauskas E. (2009). *Žmogiškųjų išteklių vadyba*. II knyga Sistema. Politika. Atranka. Profesionalumo ugdymas. Vilnius.

5. Jurašaitė–Harbinson E. (2007). Mokytojų mokymasis: individualūs neformaliojo profesinio mokymosi aspektai. Mokytojų ugdymas. Nr. 9, p. 44–60.

6. Linkaitytė G., Širvaitytė v. (2000). Nuolatinio mokymosi gebėjimai ir juos veikiančios sąlygos// Suaugusiųjų švietimas dabarčiai ir ateičiai. Kaunas: VDU. P. 52–57.

7. Neformalaus pedagogų mokymosi patirties pripažinimo metodika (2007). Mokytojų kompetencijos centras

8. Purvaneckienė G. (2005). Švietimo politika ir vadyba. *Švietimo politika ir ikimokyklinio bei priešmokyklinio ugdymo plėtra* // ACTA PAEDAGOGICA VILNENSIA. Vilnius, Nr. (15) p. 176–187.

9. Lietuvos statistikos departamento duomenys. <http://db1.stat.gov.lt/statbank/selectvarval/saveselections.asp?MainTable=M3110201&PLanguage=0&TableStyle=&Buttons=&PXSId=19771&IQY=&TC=&ST=ST&rvar0=&rvar1=&rvar2=&rvar3=&rvar4=&rvar5=&rvar6=&rvar7=&rvar8=&rvar9=&rvar10=&rvar11=&rvar12=&rvar13=&rvar14=>.

10. Lietuvos statistikos departamentas. http://www.stat.gov.lt/uploads/metrastis/1_LSM_2011_Lt.pdf.

11. Mokytojų poreikių prognozės studija (2006), http://www.smm.lt/svietimo_bukle/docs/tyrimai/ppp_2015_ataskaita.pdf.

**Сороко Е.Л.,
Россия, г. Москва**

Критерии качества демографических баз данных

Резюме

Информация, которую можно почерпнуть в базах данных демографических показателей, выполняет ряд важных функций. Это, прежде всего, «сырье» для выполнения расчетов других показателей, основа для анализа особенностей структуры и трендов отдельных демографических процессов и оценки демографической ситуации в том или ином регионе в целом. Сведения из этих баз данных могут быть использованы для обоснования мер семейной, демографической и социально-экономической политики, а также для иллюстраций в демографической публицистике. В рамках секции Конференции, посвященной образованию, необходимо отметить и ту неопределимую роль, которую играют демографические базы данных для студентов. Как и опытному исследователю, так и для начинающего изучать демографию, требуются наиболее достоверные, точные, свежие данные. Но не только! При стремительном росте различных источников информации о населении ориентироваться в них становится все сложнее и сложнее. Однако, каких-либо серьезных путеводителей по этим источникам, средствам их оценки, признакам отбора наиболее подходящих до сих пор не существует. Первые попытки решить указанную проблему были сделаны автором еще 10 лет назад на Международном конгрессе «Проблемы демографии и безопасности жизни» в Минске 14–15 ноября 2002 г. в докладе «Критерии качества демографической информации в интернете». Настоящий доклад может рассматриваться как развитие предложенных в нем подходов. Его целью является систематическое изложение основных признаков, критериев, которые необходимо принимать во внимание при принятии решения о выборе наиболее подходящего источника демографической информации. Наряду с такими давно известными, очевидными и лежащими «на поверхности» признаками, как свежесть, точность значения показателя, перечень территорий, временной горизонт и дружелюбность интерфейса пользователя, могут быть предложены и многие другие, достаточно важные критерии. Вполне естественно, многие из них являются универсальными, характерными для любых баз данных. Их использование не вызывает сомнения, и применяются они давно. Но, кроме них, есть и те, которые используются сравнительно редко. В докладе предлагается обсудить и обосновать необходимость применения таких критериев, как внутренняя непротиворечивость базы данных и научная

воспроизводимость демографических показателей. При подготовке доклада кроме демографического опыта был использован 12-летний «демоскопический» опыт подготовки автором раздела приложений демографического еженедельника Демоскоп Weekly.

***Сухинин С.А.,
Россия, г. Ростов-на-Дону***

Пропедевтика демографического анализа в школьной географии

В системе школьного географического образования важное место занимают знания о населении, которые учащиеся получают на всем протяжении изучения предмета, но в наиболее концентрированном виде – в курсах «Население и хозяйство России. 8–9 класс» и «Экономическая и социальная география мира. 10 класс». В процессе обучения у школьников формируется комплексный подход к рассмотрению населения, которое характеризуется как субъект экономической деятельности и общественных отношений. Усиление внимания в школьной географии к вопросам населения связано с тенденциями гуманизации, социологизации, экономизации её знаний. Глубокому изучению и осознанию особенностей населения как объекта изучения географии способствует применение для его рассмотрения элементов демографического анализа, основанных на применении системы демографо-статистических показателей.

Исследованию методики применения приемов демографического анализа в обучении географии в школе был посвящен ряд работ ученых методистов. Весомый вклад в эту область внесли Н.Н. Баранский, Л.М. Панчешникова, А.В. Даринский, В.П. Максаковский, В.А. Жучкевич, В.А. Щенев, Н.Н. Петрова, В.П. Дронов, В.Я. Ром и другие. В то же время анализ практики преподавания географии в общеобразовательных учебных заведениях вскрыл ряд недостатков в уровне усвоения школьниками сущности количественных показателей, применяемых при изучении населения, и овладения приемами работы с ними. Учащиеся имеют разрозненные знания о демографических показателях, затрудняются дать их определение и раскрыть сущность, неактивно оперируют ими для выявления и анализа закономерностей развития населения, отсутствует самоовладение приемами работы с количественными данными. Таким образом, мы наблюдаем противоречие между значимостью основ демографического анализа в обучении географии в школе и существующим уровнем знаний и умений учащихся в данной предметной области, что делает актуальной тему исследования, посвященного совершенствованию методики применения де-

мографо-статистических показателей при изучении населения в школьном курсе географии как пропедевтики элементов демографического анализа.

Для успешного применения демографических показателей при изучении населения в школьной географии, прежде всего необходимо разработать систему количественных характеризующих население. В основу данной системы нами были положены принципы взаимосвязи и взаимосогласованности демографических характеристик, выраженные в последовательности их применения при осуществлении комплексного анализа населения стран (регионов), а также вычислении показателей на общей методологической основе – как абсолютных, либо относительных статистических величин. При этом необходимо достичь сбалансированность использования абсолютных и относительных показателей при характеристике демографических процессов, что позволяет определить их уровень развития и динамику, выявить и охарактеризовать территориальные различия их проявления и тенденции изменения.

В итоге, система демографических показателей, характеризующих население, в школьной географии представлена нами в пяти блоках:

I. Показатели численности, динамики и размещения населения, которые характеризуют демографический потенциал региона (страны). Данный блок занимает центральное место в системе, поскольку его показатели закладывают необходимый минимум знаний учащихся о величине, пропорциях и динамике населения, на основе которого строится изучение населения. Он включает в себя такие показатели, как численность населения, абсолютный прирост численности населения, коэффициент роста и тем прироста численности населения, плотность населения как показатель, характеризующий неравномерность локализации жителей.

II. Показатели воспроизводства и миграций населения, как совокупности процессов изменяющих численность и состав населения, включают абсолютные (число родившихся, умерших, эмигрантов, иммигрантов, естественный прирост, сальдо миграции) и относительные (в форме соответствующих демографических коэффициентов) количественные характеристики соответствующих демографических явлений. Наряду с общими демографическими коэффициентами, в этот блок включены нами и доступные для восприятия школьников специальные коэффициенты – младенческой смертности и суммарный коэффициент рождаемости, позволяющие охарактеризовать особенности демографического развития стран и регионов мира.

III. Показатели изучения демографических структур населения – половой, возрастной и семейной. Они необходимы для раскрытия качественных различий населения и выражаются в абсолютном значении через численность определенной структурной группы, а в относительном – через ее долю в населении изучаемого региона. Кроме того возможно использова-

ние в школьной географии коэффициентов демографической нагрузки и коэффициентов старения населения, среднего возраста вступления в брак и среднего размера семьи, средней продолжительности жизни, имеющих существенное аналитическое значение.

IV. Показатели анализа трудовых ресурсов и занятости населения, характеризующие трудовой потенциал, структуру трудовых ресурсов и занятого населения. Их выражают в абсолютных и относительных (долевых) величинах, посредством которых определяют степень обеспеченности рассматриваемого региона трудовыми ресурсами, выявляют взаимосвязь с численностью населения и его воспроизводством. В качестве таковых используются численность населения в трудоспособном возрасте, старше и младше него, численность трудовых ресурсов, ЭАН, коэффициенты занятости, безработицы, экономической активности населения.

V. Показатели расселения населения, позволяющие рассмотреть территориальную организацию населения и географию населенных пунктов. На их основе выявляют опорный каркас расселения изучаемого региона, определяют специфику его образующих городских и сельских населенных пунктов, характеризуют масштабы, темпы и пространственные различия процесса урбанизации. Для этой цели используют число городских и сельских поселений, уровень урбанизации и долю сельского населения в стране, показатели анализа их динамики (абсолютный прирост, коэффициент роста и темп прироста).

В качестве приемов работы с демографическими данными в школьной географии обычно используется их сравнение и сопоставление между собой, анализ динамических рядов и картографических изображений. В то же время для активизации познавательной деятельности школьников и ознакомления их с основами демографического анализа на более осознанном уровне, нами предлагается система проектных заданий проблемно-поисковой направленности. В качестве примера приведем два из них, наиболее ярко, на наш взгляд, иллюстрирующие возможности активного применения основ демографического анализа в школьной географии:

Задание 1. На основе подготовленных данных о численности населения страны, числе родившихся и умерших (за XX в. по десятилетним промежуткам), рассчитайте общие коэффициенты рождаемости и смертности и постройте в одной системе координат графики их динамики, отметив естественный прирост как разницу между ними. Проанализируйте построенную модель демографического перехода, используя следующие указания и вопросы.

1. Опишите особенности динамики рождаемости, смертности и естественного прироста населения данной страны за исследуемый период времени. Как, исходя из тенденций демографического развития, изменилась численность населения?

2. Выявите, какие стадии демографического перехода прошла данная страна в своем развитии. Отметьте границы стадий в системе графиков.

3. Какие факторы и исторические события повлияли на динамику демографических процессов?

4. Какие меры демографической политики можно предложить развивать в этой стране, исходя из сложившейся демографической ситуации?

5. Предположите тенденции дальнейшего развития демографических процессов в ближайшем будущем (на 20–25 лет), основываясь на современной их величине.

Выполняя данное задание, учащиеся не только осваивают азы демографического анализа в виде расчета и сравнения демографических показателей, определения их трендов, но и могут проявить свое научное творчество, составив элементарный демографический прогноз, пусть пока еще не совсем научно обоснованный, но все же самостоятельный, тем самым стимулируется их активный творческий поиск и интерес к предмету, развивается научный кругозор, вносятся элементы научного поиска.

Задание 2. По приведенным демографическим данным (подготовленным преподавателем) постройте половозрастную пирамиду, выявите особенности соотношения полов по возрастным группам, объясните их. Определите, какому типу воспроизводства населения соответствует наблюдаемая возрастная структура населения (ответ обоснуйте), с какими факторами она связана? Предположите, как может измениться данная половозрастная пирамида через 20–25 лет, мысленно приподняв ее на возраст одного поколения. По исходным статистическим данным рассчитайте и проанализируйте коэффициенты демографической нагрузки населения и коэффициент старения населения. При расчете указанных показателей и определении типа возрастной структуры населения за границы трудоспособного возраста для облегчения расчетов необходимо принять интервал 15–60 лет как для мужчин, так и для женщин.

Стимулировать интерес учащихся к применению основ демографического анализа на уроках географии по изучению населения могут и специально подготовленные расчетные демографические задачи как одна из форм работы с демографо-статистическими показателями. Такие задачи нацелены на ознакомление школьников с методами расчета статистических показателей, характеризующих демографические явления, их анализа и интерпретации. При этом возможно выделить два принципиальных типа таких задач – прямой, связанный с расчетом относительных показателей, исходя из абсолютных величин, и обратный – перевод относительных данных в абсолютные.

Решение демографических задач заключается в проведении последовательных вычислительных операций, позволяющих учащимся получить из исходных данных отдельные количественные величины, которые служат

основой для аналитических сравнений, сопоставлений и выводов. Поэтому главным отличием демографических задач от других приемов работы с демографическими данными является их конструктивная направленность. Задачи требуют от учащихся не просто представить верный ответ, а посредством логических рассуждений и расчетов найти его, убедившись в правильности своих действий. Таким образом, применение демографических задач в качестве одного из приемов расчета и анализа статистических показателей имеет не только теоретические цели, такие, как закрепление знаний учащихся по географии населения, но и прикладные, практические, поскольку они позволяют расширить научный кругозор школьников, внося в процесс обучения элементы микроисследований.

Использование демографических задач в качестве одной из активных форм демографического анализа на уроках географии является не только средством закрепления знаний учащихся о населении, но и способствует развитию творческой мыслительной деятельности школьников, стимулирует их познавательную инициативу, существенно расширяет их знания, обогащает опыт самостоятельной деятельности, повышает привлекательность предмета и формирует первое знакомство с демографией как сложной, важной наукой.

***Frantsuz Yuri,
Russia, St. Petersburg***

Teaching Population Theories: A Multidisciplinary Approach

“Population Theories” course should be considered an important constitutive part of the demographic curriculum. Indeed, in evaluation and prognosis of all demographic processes such as fertility, nuptiality, mortality and migration one has to be guided by general assessment of the major laws, tendencies and scope conditions. Nowadays the population theories largely remain a fragmented field, with two most noticeable attempts to organize them under certain rubrics: first, the S. Greenhalgh’s “Anthropological Approaches to Fertility” (1994) and Van de Kaa’s “Anchored Narratives: the Story and findings of Half a Century of research into Determinants of Fertility” (1995).

The problem of teaching population theories lies in the very history and structure of the very population theories. Many of theories’ premises were imported (and then reworked according to the specifics of demography as a scientific discipline) from various fields of Social Science. For instance, both demographic transition theories, the first and the second ones are largely based on the assumptions of a modernization theory, with its major notions of unilinearity, universality, staged character of the development and progressive nature of the latter. Arguably, some variants of demographic transition theory also borrows

some functionalist notions such as the system's trait of reaching the state of homeostasis.

Likewise, the microeconomic theory of fertility incorporates the models of demand-supply and of elasticity. In its turn the cultural theory extensively uses the diffusion model while institutional theory utilizes path-dependency theory and a model of an "administrative man". It seems that linking existing population theories with the branches of Social Sciences from which they import general premises and methodological orientations in the process of teaching is beneficial. It allows for addressing the criticism that has already has been generated by these original approaches and to trace the developments in these fields so it could be applies to the refining of existing population theories.

Among the issues that currently generate a huge discussion in scientific community is whether demographic processes in the nowadays world are moving toward homogeneity, or they are rather taking the relatively autonomous paths. For analyzing this very issue the knowledge of modernization and institutional theories seem to be of great importance. Since the first one claims universality and commonality of processes while the second emphasizes rather unique path. Current discussion on that topic among demographic scholars has led to the emergence of the theoretical claim of the multiple modernity, the one that also merits inclusion in the "Population theories" course.

Other important discipline that merits inclusion in teaching population theories is the very theory construction. The latter provides tools for assessing the validity of each population theory from the standpoints of being coherent, logically unambiguous, having an ability to stand the empirical verification and other important traits. It also allows for analyzing theories from the standpoint of the way they were constructed, namely whether they are deductive, inductive or retroductive. Each of these types of theory construction implies various degree of verifiability and thus could be a subject of further validation and assessment. The development of population theories has demonstrated also the important of such trait as choosing the unit of analysis. As well known, studying fertility not only in European countries but also in the regions has led to the hypothesis of the significant impact on culture on demographic outcomes.

Finally, teaching population theories should include the issue of the possibility of their integration. This requires the approach suggested by J. Alexander: to analyze to what extent differences in theoretical explanations are attributable to studying phenomena in various scopes, and to what degree these differences appear due to competing explanations of the same phenomena. That allows for defining the areas of theories' compatibility as well as the areas of incompatibility. The issue of the possibility and technique for partial integration of various population theories include knowledge of epistemology that seems to be worth including into this course as well.

СЕССИЯ 2

Воспроизводство населения в условиях глобализации

Часть I. Естественное воспроизводство населения

***Эдиев Д.М.,
Австрия, г. Вена***

Новые подходы к оценке ожидаемой продолжительности жизни: продолжительность жизни в развитых странах может быть выше, чем принято считать

Традиционный подход к оцениванию ожидаемой продолжительности человеческой жизни восходит ко времени начала становления демографии как науки и был проработан в период, когда показатели смертности незначительно менялись во времени. В таких условиях, учитывая недоступность сведений об истинной предстоящей продолжительности жизни ныне живущего населения, неизвестные будущие показатели смертности заменялись современными показателями в аналогичных возрастных группах, на основе чего строились известные таблицы смертности и продолжительности жизни. Хотя такой подход вполне обоснован в условиях относительно постоянного возрастных коэффициентов смертности, он оказывается дискуссионным в условиях динамики смертности.

Обычно отмеченная выше проблема интерпретируется в смысле различий между когортными (продольными) и поперечными показателями продолжительности жизни. При этом считается, что традиционная таблица смертности адекватна, по крайней мере, текущим условиям смертности. Это, в частности, предполагает, что текущий показатель продолжительности жизни в точности соответствует продолжительности жизни новых когорт родившихся, при условии постоянства условий смертности в будущем. Помимо очевидных приложений в измерении текущих условий смертности и продолжительности жизни, отмеченные модельные предположения имеют большое значение в прогнозе смертности (в частности, в формулировании базового прогнозного сценария «без изменений»).

Однако, результаты моделирования смертности, меняющейся со временем, показывают, что базовые предположения традиционной теории нуждаются в пересмотре. Вкратце, причина неадекватности традиционного подхода заключается в подмене времени протекания между состояниями А и Б здоровья (уровня смертности) когорты разницей возраста, когда

одна когорта находится в состоянии А и возраста, когда *другая* когорта находится в состоянии Б. Между тем, разница значений возраста соответствует времени протекания тех или иных процессов только внутри одной и той же когорты или в условиях, когда все когорты оказываются в анализируемых состояниях в одном и том же возрасте. Такая картина не соответствует условиям здоровья и смертности меняющихся со временем, т.е. от когорты к когорте. В частности, в условиях падения показателей смертности, традиционные таблицы смертности завышают интенсивность протекания процессов старения, занижают показатели предполагаемой продолжительности жизни и, в целом, показывают картину протекания процессов смертности более «сжатую» во времени, чем если бы эта картина была составлена на основе протекания процессов старения в реальных когортах. Это, в частности, приводит к заниженным оценкам будущей ожидаемой продолжительности жизни в традиционных прогнозах смертности.

В нашей работе предлагается альтернативный метод расчета текущей ожидаемой продолжительности жизни и прогноза смертности, который лучше согласован с протеканием процесса смертности в реальных когортах. Новый метод, при этом, отражает текущие условия смертности и не опирается на данные о неизвестных будущих или прошлых когортных показателях смертности. Для развитых стран, наши оценки значительно (на 15 лет) превышают традиционные, что может иметь принципиальное значение для оценивания перспектив и последствий старения населения. Наши прогнозы будущей смертности так же более оптимистичны, чем традиционные экстраполяции возрастных показателей смертности, поскольку в нашей модели учитывается эффект «инерции смертности». Суть этого эффекта заключается в том, что в условиях снижающейся смертности, молодые поколения имеют лучшее здоровье, чем старшие поколения. В результате, даже если условия смертности прекратят меняться, молодые поколения в своих старших возрастах будут подвержены меньшему риску смерти, чем ныне живущие поколения в таком же старшем возрасте. В терминах традиционного показателя ожидаемой продолжительности жизни таблицы смертности, учет инерции смертности приводит к прогнозу на пять лет большей продолжительности жизни, чем в традиционном (ООН) прогнозе для развитых стран на 2050 год.

Литература

1. Ediev D.M. 2011. Life Expectancy in Developed Countries Is Higher Than Conventionally Estimated. Implications from Improved Measurement of Human Longevity. *Journal of Population Ageing* 4:5-32.
2. Ediev D.M. 2012. A Note on the Compression of Mortality. Paper presented at the 2012 annual meeting of the Population Association of America.

**Сафарова Г.Л., Сафарова А.А., Михайлова О.Н.,
Россия, г. Санкт-Петербург**

Современное состояние и перспективы старения населения России

Не вызывает сомнений, что процесс старения населения будет оказывать значительное влияние на развитие человечества в XXI веке. В мире растет понимание того, что построение общества, в котором все члены могут рассчитывать на долгую здоровую жизнь, является важнейшей задачей. Для России, где после распада СССР в 1991 г. пожилые люди неоднократно испытывали и испытывают потрясения, ухудшающие их здоровье и благополучие, вопросы старения населения весьма актуальны. Без ясного понимания тенденций динамики старения населения невозможна выработка адекватной социальной политики, предусматривающей создание эффективной системы социальной защиты пожилых людей.

Работа посвящена анализу современного состояния и перспектив развития процесса старения населения Российской Федерации с помощью традиционных и «перспективных» показателей. Рассмотрены динамика основных традиционных показателей старения населения России (доли пожилых (лиц в возрасте 60+), Prop. 60+), демографической нагрузки за счет пожилых (OADR), индекса старения, коэффициента поддержки родителей, а также среднего возраста населения) в 1990–2010 гг., гендерные и региональные различия значений показателей старения, будущие тенденции старения населения России до 2050 г. (на основе прогноза Отдела народонаселения Департамента экономических и социальных вопросов секретариата ООН (*World Population Prospects: The 2010 Revision*)).

По мере улучшения здоровья и увеличения ожидаемой продолжительности жизни (ОПЖ) усложняется задача измерения старения населения, поскольку меняется смысл числа прожитых лет. Недавно для оценки старения населения был предложен подход, основанный на учете продолжительности предстоящей жизни [4–6], и предложен ряд новых (перспективных, prospective) показателей. В работе произведены расчеты этих показателей для населения России с 1990 г., в т.ч. доли лиц в возрастных группах, имеющих ожидаемую продолжительность жизни 15 лет и меньше (Prop.RLE 15), перспективной демографической нагрузки за счет пожилых (POADR) и среднего числа предстоящих лет жизни населения (PARYL, единственный жизненный потенциал). Поскольку для расчета показателей Prop.RLE 15 и POADR необходимо знать возраст, при котором RLE = 15 лет, то исследована динамика этого возраста для населения России (мужского, женского

го, обоих полов). Заметим, что когда этот возраст равен 60-ти годам, значения Prop. 60+) и Prop.RLE 15 совпадают.

В сжатом виде традиционные и соответствующие им новые меры старения представлены в табл. 1:

Таблица 1

Традиционные меры старения населения и меры старения, учитывающие продолжительность предстоящей жизни (RLE)

<i>Традиционные меры старения населения</i>	<i>Меры старения, учитывающие продолжительность предстоящей жизни (RLE)</i>
Prop. 60+ (или Prop. 65 +) – доля лиц в возрасте 60 лет (или 65 лет) и старше	Prop. RLE 15 – доля лиц в возрастных группах, имеющих ожидаемую продолжительность жизни 15 лет и меньше
OADR (old-agedependencyratio) – демографическая нагрузка за счет пожилых – число лиц в возрасте 60+ (или 65+), приходящееся на сто лиц в трудоспособном возрасте (15 (или 20 лет) – 59 лет (или 64)	POADR (prospectiveold-agedependencyratio) – перспективная демографическая нагрузка за счет пожилых. POADR число лиц в возрастных группах, имеющих ОПЖ 15 лет и меньше, деленное на число лиц не моложе 20 (или 15) лет и имеющих ОПЖ больше 15 лет.
Средний возраст населения	PARYL – population average remaining years of life – взвешенное среднее возрастных значений ОПЖ, где весами являются доли лиц в каждом возрасте.

Расчеты основаны на данных [1-3].

Все рассмотренные традиционные показатели в целом за период возросли. Так, доля лиц в возрасте 60+ возросла с 15.8 % в 1990 до 17.7% в 2010 г., OADR – с 25.7 до 26.4 лиц в возрасте 60+ на 100 лиц в трудоспособном возрасте, индекс старения – с 68.4 до 117.7 пожилых на 100 детей, коэффициент поддержки родителей – с 3.5 до 4.5 лиц в возрасте 85+ на 100 лиц в возрасте 50-64 года. С 2006 доли пожилых (60+) и OADR (динамика которой сходна с изменениям удельного веса пожилых) растут монотонно. Наиболее быстрый и почти монотонный рост имел место для индекса старения. Средний возраст населения монотонно увеличился с 34.9 года в 1990 до 38.8 года в 2009 г.

Процесс старения населения в России характеризуется значительными региональными различиями (при этом наибольшие значения показателей старения населения зафиксированы в Центральном Федеральном округе, наименьшие – в Дальневосточном) и гендерным дисбалансом.

Произведенные расчеты свидетельствуют о том, что «перспективные» показатели растут медленнее своих традиционных аналогов. Более того, в

отличие от среднего возраста PARYL даже убывал, его рост наметился в середине первой декады нынешнего века и был связан с ростом ОПЖ.

Недавно был опубликован очередной прогноз Отдела народонаселения Департамента экономических и социальных вопросов секретариата ООН (*WorldPopulationProspects:The 2010 Revision*). В соответствии со средним вариантом расчетов, общая численность населения РФ может сократиться до 126.2 млн. чел., т.е. уменьшение составит около 12% численности населения в 2010 г. В то же время ожидается увеличение численности пожилых (60+) на 13.8 млн. чел. (к 2050 г. она может составить 39.3 млн. чел.).

Ожидается рост всех рассматриваемых показателей. Так, доля лиц в возрасте 60+ может к 2050 г. возрасти на 76.3% относительно значения в 2010 г. и достигнуть 32.1% общей численности населения. При этом старение населения будет ускоряться: если в 1990 – 2010 гг. рост доли пожилых составлял в среднем за период 0.6% в год, то в 2010 – 2050 гг. – 1.9% в среднем за год. Доля лиц в возрасте 80+ может достичь 6.0%, ее рост относительно значения в 2010 г. составит 2.1 раза. Индекс старения может возрасти на 55.6% и составить 184.5 пожилых на 100 детей, а демографическая нагрузка – в 2.3 раза и составить 60 пожилых на 100 лиц трудоспособного возраста.

В настоящее время Россия не относится к числу «старых» стран. Так, по данным [7], в 2007 г. Россия была на 44-ом месте по удельному весу пожилых (60+), на 34-ом – по медианному возрасту и на 30-ом по индексу старения среди 192 стран. Но процесс старения населения быстро прогрессирует, и показатели для России сближаются со значениями для других регионов Европы. Так, по данным [3], в 2010 г. доля лиц в возрасте 60+ в России (17.7%) была меньше, чем во всех регионах Европы и она отличалась от наибольшего значения (24.2%), наблюдавшегося в Западной Европе, на 36.7 процента. К 2050 Россия, для которой по среднему варианту прогноза ООН (*The 2010 Revision*) ожидается рост доли пожилых более, чем в полтора раза по сравнению с 2010 г. (до 31.2%), «опередит» Северную Европу (29.9%), а отклонение от наибольшего значения (37.7% для Южной Европы) сократится до 20.8 процента.

Результаты исследования свидетельствуют о неуклонном развитии процесса старения населения в России и сближении значений показателей старения для населений России и экономически развитых европейских стран. Это ведет к возникновению принципиально новой демографической ситуации, которая настоятельно требует углубленных исследований этого феномена для выработки адекватных мер демографической, социальной и экономической политики. При этом более медленный рост «перспективных» показателей по сравнению с традиционными дает основания не драматизировать излишне возможные последствия старения населения.

Литература

1. Центральная База Статистических Данных Росстата.
2. European Demographic Datasheet 2010. /www.populationeurope.org.
3. Population Division of the Department of Economic and Social Affairs of the United Nations Secretariat *World Population Prospects: The 2010 Revision*, <http://esa.un.org/unpd/wpp/index.htm>.
4. Sanderson W. and Scherbov S. A New Perspective on population Ageing/ European Demographic Research Papers. – 2005, N 3. – 32 p.
5. Sanderson W., Scherbov S. Rethinking Age and Ageing/ *Population Bulletin*. – vol.63, N 4. –December 2008.
6. Sanderson W., Scherbov S. Remeasuring Aging/ *Science* – vol. 329, 10 September 2010.
7. World Population Ageing 2007 // <http://www.un.org/esa/population/publications/WPA2007>.

***Прибыткова И.М.,
Украина, г. Киев***

Демографическое развитие Украины в условиях глобализации и неопределенности ее геополитического выбора

Переход к режиму суженного воспроизводства населения

В 1970-х гг. в Украине завершается процесс перестройки режима воспроизводства населения. Накопленный в возрастной структуре потенциал демографического роста благодаря более высокой рождаемости в предшествующий период близок к исчерпанию. По мере утраты этого потенциала естественный прирост населения Украины неуклонно сокращается и его переход в естественную убыль становится неизбежным. Это происходит в 1991 г. и совпадает по времени с распадом СССР и началом непопулярных рыночных реформ. И хотя эти реформы часто рассматриваются как главная причина потерь естественного прироста населения, в действительности же связь тенденций рождаемости с новой экономической политикой и политической конъюнктурой начала 1990-х носит скорее опосредованный характер и проявляется через влияние ухудшающегося качества жизни на репродуктивное поведение населения.

Кризисные явления в сфере воспроизводства населения имеют на самом деле более глубокие корни. Масштабы и темпы демографического старения как «снизу», так и «сверху» в современной Украине обусловлены длительными изменениями в характере воспроизводства населения. Переход к режиму суженного воспроизводства начался задолго до реформ, еще

в начале XX столетия. А кризис постпереходной рождаемости возник в Украине еще до распада СССР. Уже на рубеже 1960–1970-х неттокоэффициент воспроизводства населения опустился ниже единицы: оно перестало себя воспроизводить. К середине 1970-х демографический переход к современному типу воспроизводства населения был полностью завершен. Украина переступает порог демографической старости.

Вторая половина 1980-х и 1990-е гг. характеризуются в Украине беспрецедентным спадом рождаемости и ростом смертности. Среднегодовой темп снижения числа рождений составил в 1987–1999 гг. 5,37%, а среднегодовой темп прироста умерших достигает 2,07%. Таким образом, сокращение рождаемости происходит все же быстрее роста смертности, и вклад уменьшения числа рожденных в развитие депопуляции оказывается более весомым. А экономические трудности 1990-х повлияли на репродуктивное поведение населения, провоцируя отложенные браки и рождения детей до лучших времен.

Красноречивым свидетельством ухудшения демографической ситуации в Украине этого периода является динамика суммарного коэффициента рождаемости, который составлял в 1986 г. 2,06 ребенка, а в начале 2000 г. сократился до 1,11. Если в середине 1970-х гг. страна перешла к модели двухдетной семьи, то в конце 1990-х украинская семья становится однойдетной.

Численность жителей в стране достигает к концу 1992 г. 52244,1 тыс. С этого момента население Украины начинает уменьшаться. И если естественную убыль ее жителей в 1991–1993 гг. компенсировал миграционный прирост вновь прибывших из-за рубежа иммигрантов, составивший в общей сложности 486,1 тыс. человек, то с начала 1994 г. миграционные накопления лишь частично покрывают демографические потери страны. К 2000 г. миграционная ситуация в Украине постепенно улучшается, эта тенденция закрепляется в последующие годы. Снижается интенсивность миграционного обмена со странами СНГ и Балтии, размеры эмиграции за пределы бывшего СССР сокращаются. Снижение рождаемости и наметившийся еще во второй половине 1990-х годов рост продолжительности жизни сопровождаются дальнейшим постарением населения Украины. Отмечена также тенденция к снижению уровня младенческой смертности и рост внебрачной рождаемости. Однако динамика брутто- и неттокоэффициентов воспроизводства населения, суммарного коэффициента рождаемости, а также показателей Зундберга, характеризующих типы возрастной структуры, отражают кризисные явления в сфере воспроизводства населения Украины, которые приобрели особый размах с начала 1990-х гг.

Новые тенденции в развитии демографической ситуации

В новом тысячелетии демографическая ситуация в Украине постепенно улучшается. Среднегодовой темп прироста новорожденных достигает в 2000–2010 гг. 2,60%, а суммарный коэффициент рождаемости увеличивается до 1,460 в 2009–2010 гг. В сельской местности этот показатель еще выше и составляет 1,769 (в городе – 1,331). Рождаемость растет и в городах, и в сельской местности, хотя дети рождаются в селе чаще, чем в городе. Отметим, что более высокая интенсивность деторождений в сельской местности наблюдалась еще в середине 1990-х гг. Однако уровни и динамика показателей смертности свидетельствуют о более высокой интенсивности этого процесса в сельской местности, хотя в последнее время происходило снижение общих коэффициентов смертности сельских жителей с 20,5‰ в 2005 г. до 18,6‰ в 2010 г. В городе эта динамика имела более умеренный характер: здесь уровень смертности упал с 14,8‰ в 2005 г. до 13,7‰ в 2010 г. А рождаемость в украинском селе увеличилась с 8,7‰ в 2001 г. до 11,9‰ в 2010 г. В городе же динамика рождаемости выросла с 7,2‰ в 2001 г. до 10,4‰ в 2010 г.

В начале третьего тысячелетия динамика естественной убыли населения в Украине постепенно обретает новые черты. И хотя взаимодействие рождаемости и смертности по-прежнему генерирует процессы депопуляции, темпы ее развития в определенной степени замедляются. Если в 1990-х гг. абсолютные и относительные размеры естественного сокращения населения, в первую очередь в сельской местности, неизменно возрастали, то с 2005 г. они последовательно уменьшаются (табл. 1, 2).

Демографическая ситуация 2000-х гг. отмечена многими чертами и признаками стабилизации, несущими надежду на преодоление кризисного состояния в сфере воспроизводства населения, пережитого Украиной в конце XX столетия. Прежде всего назовем последовательное сокращение демографических потерь: ежегодное снижение общих размеров убыли населения и его естественной убыли; устойчивый рост рождаемости и стабилизацию смертности; трансформацию миграционных потерь в миграционный прирост населения. Упомянем также снижение почти вдвое числа аборт, сохранение на постоянном уровне доли детей и подростков в возрастной структуре населения в последние несколько лет, а также стабилизацию показателя числа пенсионеров в расчете на 1000 человек населения в тот же период времени. Коэффициенты брутто- и нетто-воспроизводства в 2006–2007 гг. увеличились соответственно до 0,640 и 0,625, вернувшись к уровню 1995–1996 гг. Однако следует помнить, что Украина стоит за чертой демографической старости и преодолеть ее можно лишь одним способом: если каждая женщина репродуктивного возраста родит трех-четырёх детей.

Таблица 1

**Динамика городского населения и источники его прироста (убыли)
в Украине, 1990–2010 гг.¹**

Годы	Городское население на начало года, тыс. чел.	Изменения за год				Городское население на конец года, тыс. чел.	Темпы роста (убыли) за год, %
		Общий рост (убыль), тыс. чел.	В том числе				
			Естественный прирост (убыль), тыс. чел.	Миграционный прирост (убыль), тыс. чел.	Административно- территориальные преобразования, тыс. чел.		
1990	34869,2	216,0	85,7	148,4	-18,1	35085,2	100,6
1991	35085,2	211,7	38,2	187,7	-14,2	35296,9	100,6
1992	35296,9	174,1	-14,1	209,5	-21,3	35471,0	100,5
1993	35471,0	-70,3	-75,6	10,8	-5,5	35400,7	99,8
1994	35400,7	-281,9	-122,3	-143,2	-16,4	35118,8	99,2
1995	35118,8	-350,9	-168,0	-170,9	-12,0	34767,9	99,0
1996	34767,9	-380,4	-169,7	-208,4	-2,3	34387,5	98,9
1997	34387,5	-339,3	-169,5	-170,0	0,2	34048,2	99,0
1998	34048,2	-346,1	-166,8	-172,8	-6,5	33702,1	99,0
1999	33702,1	-363,5	-200,6	-165,3	2,4	33338,6	98,9
2000	33338,6	-386,9	-219,1	-186,3	18,5	32951,7	98,8
2001	32951,7	-409,3	-213,1	-196,8	0,6	32574,4	98,8
2002	32574,4	-214,0	-205,5	-9,1	0,6	32328,4	99,2
2003	32328,4	-181,9	-193,6	7,8	3,9	32146,5	99,4
2004	32146,5	-137,1	-176,1	37,1	1,9	32009,3	99,6
2005	32009,3	-131,6	-187,3	55,7	-	31877,7	99,6
2006	31877,7	-100,3	-155,1	48,4	6,4	31774,4	99,7
2007	31777,4	-108,6	-152,2	43,6	-	31668,8	99,7
2008	31668,8	-81,6	-122,3	40,7	-	31587,2	99,7
2009	31587,2	-62,4	-92,8	29,9	0,5	31524,8	99,8
2010	31524,8	-83,2	-104,5	24,5	0,1	31441,6	99,7
2011	31441,6						
1.1.1990– 1.1.2010		-3344,3	-2679,8	-603,2	-61,3		

Тем временем население Украины продолжает уменьшаться. Оно сократилось с 49 429,8 тыс. чел. в начале 2000 г. до 45 633,6 тыс. к концу 2011 г. Общие потери населения страны составили за эти 12 лет

¹ Рассчитано автором по данным изданий Государственного комитета статистики Украины [1, с. 23–29]; [2, с. 20–21]; [3, с. 16]; [4, с. 21]; [5, с. 21]; [6, с. 23–22]; [7, с. 22]; [8, с. 22]; [9, с. 22].

3 796,2 тыс. жителей, а среднегодовой темп его снижения достиг в этот период – 0,65%.

Таблица 2

Динамика сельского населения и источники его прироста (убыли) в Украине, 1990–2010 гг.²

Годы	Сельское население на начало года, тыс. чел.	Изменения за год				Сельское население на конец года, тыс. чел.	Темпы роста (убыли) за год, %
		Общий прирост (убыль), тыс. чел.	В том числе				
			Естественный прирост (убыль), тыс. чел.	Миграционный прирост (убыль), тыс. чел.	Административно-территориальные преобразования, тыс. чел.		
1990	16969,3	-110,1	-58,1	-70,1	18,1	16859,2	99,4
1991	16859,2	-99,5	-77,3	-36,4	14,2	16759,7	99,4
1992	16759,7	13,4	-86,2	78,3	21,3	16773,1	100,1
1993	16773,1	-59,4	-108,6	43,7	5,5	16713,7	99,6
1994	16713,7	-104,1	-120,8	0,3	16,4	16609,6	99,4
1995	16609,6	-80,4	-131,7	39,3	12,0	16529,2	99,5
1996	16529,2	-98,3	-139,8	39,2	2,3	16430,9	99,4
1997	16430,9	-108,3	-142,1	34,0	-0,2	16322,6	99,3
1998	16322,6	-106,6	-133,9	20,8	6,5	16216,0	99,3
1999	16216,0	-124,8	-149,4	27,0	-2,4	16091,2	99,2
2000	16091,2	-119,7	-153,9	52,7	-18,5	15971,5	99,3
2001	15971,5	-112,4	-156,4	44,6	-0,6	15882,7	99,4
2002	15882,7	-184,0	-158,7	-24,7	-0,6	15675,1	98,7
2003	15675,1	-199,1	-163,2	-32,0	-3,9	15476,0	98,7
2004	15476,0	-204,5	-157,9	-44,8	-1,8	15271,5	98,7
2005	15271,5	-219,7	-168,6	-51,1	-	15051,8	98,6
2006	15051,8	-183,1	-142,6	-34,2	-6,3	14868,7	98,8
2007	14868,7	-164,8	-138,1	-26,7	-	14703,9	98,9
2008	14703,9	-147,4	-121,6	-25,8	-	14556,5	99,0
2009	14556,5	-118,4	-101,4	-16,5	-0,5	14438,2	99,2
2010	14438,2	-101,3	-96,0	-5,2	-0,1	14336,9	99,3
2011	14336,9						
1.1.1990–		-					
1.1.2010		2531,2	-2610,3	17,6	61,5		

² Рассчитано автором по данным изданий Государственного Комитета статистики Украины [1, с. 30–36]; [2, с. 22–23]; [3, с. 22]; [4, с. 22]; [5, с. 22]; [6, с. 23]; [7, с. 23]; [8, с. 23]; [9, с. 23].

Реконфигурация миграционных потоков в новом тысячелетии

Анализ миграционных событий в Украине в 2000-х годах свидетельствует о сокращении зарегистрированных перемещений населения страны, которые охватывают всех мигрантов независимо от направлений их передвижения, стран, регионов и типов поселений. Объем валовой миграции уменьшился с 1 553,8 тыс. человек в 2002 г. до 1 321, 7 тыс. человек в 2011 г. Распределение мигрантов по потокам указывает, что в стране по-прежнему доминируют внутрирегиональные перемещения людей, составлявшие в 2002 г. 57,9%, а в 2011 г. – 57,4% их общего объема. А основным типом миграционных потоков в Украине, как и ранее, остается перераспределение ее жителей между сельской местностью и городскими поселениями своего региона (области, территориальной автономии). Последовательно растет вклад межрегиональной миграции в общем объеме валовой миграции в Украине: размеры переселений жителей страны из одного ее региона в другой увеличились с 34,4% в 2002 г. до 39,1% в 2011 г. Однако вклад межгосударственных миграционных потоков, связывающих Украину со странами СНГ, Балтии и далекого зарубежья, в формирование общих размеров валовой миграции весьма невелик и продолжает уменьшаться: если относительные размеры внешней миграции достигали в 1999 г. 11,2%, 2000 г. – 9,4%, 2002 г. – 7,6%, то в 2011 г. они сократились до 3,5%. А общие размеры валовой межгосударственной миграции уменьшились в целом в 2002-2011 гг. в 2,6 раза: с 118,7 тыс. человек до 46,3 тыс. человек.

В 2005 г. в развитии миграционной ситуации в Украине наступает перелом. Впервые с начала 1990-х годов в стране регистрируется прирост населения за счет миграционного обмена со странами СНГ, а в 2006 г. миграционным донором Украины становятся и страны дальнего зарубежья. В последующие годы эта тенденция закрепляется. И хотя размеры миграционного прироста населения Украины невелики, сам факт реконфигурации потоков внешней миграции отражает ее превращение из страны происхождения эмигрантов в страну назначения для иммигрантов как из стран СНГ, так и дальнего зарубежья. В силу небольших размеров миграционного профицита контингенты прибывающих в страну извне переселенцев оказать серьезного влияния на рост ее демографического потенциала не могут. Вряд ли Украина сможет восстановить за счет иммиграции свое прежнее население, достигшее в начале 1990-х более 50 млн. человек.

Миграционная ситуация в Украине является сегодня стабильной. Страна достигла состояния нового миграционного равновесия, к которому она шла целых 20 лет. Завершен определенный этап трансформаций в этой сфере, однако их продолжение следует. Сегодня география миграционных перемещений населения сохраняет черты существовавшей еще в начале 1990-х годов пространственной структуры миграционных потоков в стра-

не, с одной стороны, а с другой – демонстрирует новые направления их развития в геополитическом пространстве. Сохранятся ли неизменными прежние порядки миграционной системы, сложившиеся еще в советский период, или развитие процессов глобализации будет сопровождаться их структурной перестройкой? Как повлияет на реконфигурацию миграционных потоков в Украине неопределенность ее геополитического выбора? Это вопросы, на которые пока не найдены ответы.

Потенциальная миграция в условиях глобальной рецессии: украинская версия

Оставят ли след процессы глобализации в миграционной истории страны? Мировой финансово-экономический кризис и геополитические потрясения последних лет, получившие развитие в конкретных условиях места и времени, породили множество коллизий и пертурбаций в экономической, политической и общественной жизни многих стран. Украина – не исключение.

Финансово-экономический кризис, начавшийся в 2008 г. в США, а затем охвативший страны Западной Европы (2008–2009), приобрел вскоре глобальные масштабы. Его влияние и последствия Украина ощутила в полной мере во всех сферах: банковской, экономической, социальной, и прежде всего – в сфере занятости. Наиболее уязвимыми группами на сегментированном рынке труда в период спада производства и замедления темпов экономического роста оказались малоквалифицированные работники, крестьяне, жители малых городов и поселков городского типа, молодежь с невысоким уровнем образования и незначительным трудовым стажем, женщины с малолетними детьми.

Послекризисный период так и не стал толчком к масштабной модернизации страны. На третьем году восстановительного роста национальной экономики ее докризисные параметры так и не были достигнуты в Украине. Темпы роста ВВП за минувший, 2011 год, почти не увеличились, достигнув в I квартале текущего года всего 2%, а рост выпуска промышленной продукции составил в январе–мае 2012 г. по сравнению с аналогичным периодом 2011 г. всего 0,7%. По расчетам экспертов темпы роста экономики к концу текущего года не превысят 2%. В докризисные годы этот показатель достигал 5%. До сих пор не проведены реальные экономические реформы, сохраняются невысокий уровень технологий, экспортная сырьевая ориентация, низкая производительность труда, не преодолена безработица.

Безработица и перспективы трудоустройства. По данным Государственной службы статистики Украины уровень безработицы населения страны в I квартале 2012 г., рассчитанный по материалам выборочных обследований,

дований экономической активности населения по методологии МОТ, составил 9,1% экономически активного населения трудоспособного возраста (в I квартале 2011 г. – 9,5%). Однако уровень зарегистрированной безработицы, рассчитанный на основе административных данных государственной службой занятости, намного ниже. Так, этот показатель достигал в I квартале 2012 г. 2,6% экономически активного населения (в соответствующий период 2011 г. – 2,9%). Общая численность зарегистрированных государственной службой занятости безработных составила в I квартале 2012 г. 524,8 тыс. чел., а годом ранее – 593,9 тыс. чел.

А теперь обратимся к данным социологического мониторинга Института социологии НАН Украины «Украинское общество, 1992–2012» (Табл. 3). На момент проведения социологического опроса (апрель 2012 г.) по свидетельству 16,4% респондентов они оказались не по своей воле безработными и пребывали в активном поиске рабочего места. В наибольшей степени пострадали от вынужденной незанятости сельские жители (20,1%) и обитатели городов с населением до 250 тыс. чел. (16,9%), несколько реже – жители больших городов с населением более 250 тыс. чел. (13,3%). Как всегда баловнями судьбы оказались киевляне: только 7,1% столичных жителей попали в западню вынужденной безработицы. Результаты исследования проблемы безработицы в ретроспективе, охватывающей последние три года, свидетельствуют, что 22,6% украинцев в течение этого периода вплоть до настоящего времени вынужденно теряли работу на срок 6 месяцев или дольше и оказывались де-факто безработными.

Таблица 3

Вынужденная незанятость и перспективы трудоустройства (2012, %)

Характеристики занятости и перспективы трудоустройства	Украина в целом	В том числе			
		Киев	Город с населением свыше 250 тыс. чел.	Город с населением менее 250 тыс. чел.	Сельская местность
Являетесь ли Вы в данное время вынужденным безработным и находитесь в поисках работы?					
Да	16,4	7,1	13,3	16,9	20,1
Нет	83,6	92,9	86,7	83,1	79,9
Были ли Вы безработным на протяжении 6 месяцев или дольше в течение последних трех лет и до настоящего времени?					
Да	22,6	29,7	20,1	19,8	25,8
Нет	77,4	70,3	79,9	80,2	74,2
Есть ли у Вас сейчас оплачиваемая работа?					
Да	40,0	64,3	50,4	45,7	25,6
Нет	60,0	35,7	49,6	54,3	74,4
Тяжело найти работу в моем населенном пункте					
По моей специальности и с достаточным заработком	83,6	76,1	78,2	89,0	85,7

Характеристики занятости и перспективы трудоустройства	Украина в целом	В том числе			
		Киев	Город с населением свыше 250 тыс. чел.	Город с населением менее 250 тыс. чел.	Сельская местность
По моей специальности без достаточного заработка	66,1	32,3	54,3	70,3	78,8
С достаточным заработком, но не по специальности	74,3	55,4	67,2	76,5	82,0
Любую работу	57,9	30,0	43,2	61,3	72,8
Если Вы безработный или Вам угрожает безработица, какой вариант выхода из этой ситуации Вы выберете?					
Пройду переподготовку для другой работы	40,8	43,0	48,6	45,0	29,9
Устроюсь на работу с неполным рабочим днем	30,5	41,9	34,7	29,7	25,3
Создам свой собственный бизнес	11,6	19,8	11,9	11,7	9,9
Буду искать работу за границей	11,1	8,1	10,8	12,7	10,8
У меня достаточно денег, в работе нет необходимости	1,2	2,3	1,4	1,0	1,0
Я бы наверняка не смог найти работу и остался бы безработным	18,7	8,1	10,7	16,3	29,9
Другое	5,6	5,8	6,9	3,6	5,7

Очень часто соотечественники сталкиваются с ограниченными возможностями выбора работы, а иногда не имеют его совсем. Распределение суждений респондентов относительно возможностей трудоустройства по месту жительства указывает на значительное неравенство условий выбора рабочего места на украинских рынках труда, прежде всего в сельской местности: с наибольшими трудностями крестьяне сталкиваются в поисках работы, соответствующей их квалификации и с достаточным заработком (85,7%). В 2010 г. их доля была ниже и составляла 85,1%, а в 2009 г. – 77,6%. Достаточно сложно получить сельскому жителю должность с достойной оплатой, хотя и не по специальности (82,0% против 81,5% в 2010 г.

и 54,0% в 2009 г.). Крестьяне, желающие сохранить квалификацию без достаточного заработка, также с трудом находят свою нишу на рынке труда (78,8% против 75,2% в 2010 г. и 68,1% в 2009 г.). И, наконец, 72,8% украинских крестьян убеждены, что найти любую работу по месту проживания сегодня тоже очень сложно (73,0% в 2010 г. и 54,2% – в 2009 г.).

Изменилась ситуация на рынках труда не только в сельской местности. Она заметно ухудшилась в Украине в целом. Так, 83,6% соотечественников уверены, что сегодня трудно найти работу с их квалификацией и достаточным заработком (74,1% в 2008 г.). А 66,1% считают, что трудно получить рабочее место, соответствующее их квалификации, хотя и без достаточного заработка (47,2% в 2008 г.). Почти три четверти украинцев (74,3%) придерживаются мнения, что трудно устроиться на работу в их населенном пункте с достойной оплатой, но не по специальности (60,1% в 2008 г.). И, наконец, 57,9% соотечественников утверждают, что устроиться на любую работу по их месту жительства – непростая задача (38,8% в 2008 г.).

Безусловно, перспективы трудоустройства столичных жителей заметно лучше, хотя и в столице найти работу по специальности и с достаточной оплатой стало труднее. Если сегодня об этом говорят 76,4% киевлян, то в 2010 г. такое мнение поддерживали лишь 71,0% столичных жителей. В остальных случаях трудоустроиться в Киеве сегодня не так уж сложно, как это было в 2010 г. (Прибыткова, 2010: с. 399).

В поисках работы или угрозы ее потерять большинство украинцев имеют определенный план действий. Чаще всего они рассчитывают на возможность повышения квалификации или профессиональную переподготовку (40,8%) либо трудоустройство на условиях неполного рабочего дня (30,5%). Другие планируют уйти в бизнес, учредив собственное дело (11,6%), а еще 11,1% соотечественников намерены искать работу за рубежом. Немало украинцев (18,7%) отчаялись найти какую-либо работу, полагая, что и в будущем останутся безработными. Следует заметить, что среди соискателей рабочего места есть люди, имеющие сбережения либо финансовую поддержку семьи и считающие, что могут безбедно прожить не работая. Но таких в Украине очень мало – всего 1,2%.

Миграционные установки и планы жителей Украины. Миграционные установки украинцев в течение 2000-х остаются без изменений. Как и ранее, лишь каждый пятый гражданин Украины хотел бы выехать за пределы своего населенного пункта (табл. 4). Однако соотечественники, имеющие опыт работы за границей, декларируют такое намерение чаще в сравнении с теми, кто за пределы Украины никогда не выезжал с трудовыми целями (29,6% против 19,2%). Наиболее часто хотели бы уехать из своего города или села трудовые мигранты, уже выезжавшие на заработки за рубеж трижды (61,1%). Мало изменилась и география потенциальных миграционных потоков из Украины. Как и в прежние времена, более половины

украинцев не собираются никуда переселяться. Однако соотечественники, уже работавшие в других странах, чаще заявляют о своем желании уехать либо в Россию, либо за пределы бывшего Советского Союза в отличие от сограждан, ранее не включенных в зарубежные трудовые практики (11,0% против 6,8%, и 18,1% против 7,6% соответственно).

Таблица 4

Миграционные установки и планы жителей Украины (2012, %)

Миграционные установки и планы	Все жители Украины	Имеющие опыт работы за границей	В том числе				Не имеющие опыта работы за границей
			Из них выезжали на временную работу в другие страны				
			1 раз	2 раза	3 раза	Больше чем 3 раза	
Хотели бы Вы уехать из населенного пункта, где Вы проживаете?							
Да, хотел бы	20,1	29,6	23,3	28,9	61,1	25,6	19,2
Тяжело сказать	20,5	25,2	28,3	18,4	16,7	30,8	20,1
Нет	59,4	45,2	48,3	52,6	22,2	43,6	60,7
Куда бы Вы хотели уехать?							
В другую местность Украины	10,8	13,5	10,0	13,2	22,2	15,4	10,5
В Россию	7,2	11,0	15,0	5,3	22,2	5,1	6,8
В другие республики	0,8	3,2	1,6	5,2	-	5,1	0,6
За границу бывшего СССР	8,5	18,1	16,7	21,0	16,7	17,9	7,6
Еще не знаю, куда	19,3	20,0	25,0	15,8	16,7	17,9	19,2
Никогда и никуда бы не уехал	53,4	34,2	31,7	39,5	22,2	38,5	55,2
Задумывались ли Вы серьезно об эмиграции на протяжении последних трех лет?							
Да	14,5	36,4	31,7	31,6	66,7	34,2	12,4
Нет	85,1	62,3	68,3	65,8	33,3	63,2	87,3
Другое	0,4	1,3	-	2,6	-	2,6	0,3
Собираетесь ли Вы в ближайший год уехать за границу на временные заработки?							
Да	5,4	24,7	18,3	18,4	38,9	34,2	3,6
Нет	94,6	75,3	81,7	81,6	61,1	65,8	96,4

В течение последних трех лет 14,5% граждан Украины серьезно задумывались об эмиграции. Позитивно оценивают эмиграционную перспективу 36,4% украинцев, имеющих опыт временной работы за рубежом. Од-

нако из числа сограждан, никогда в других странах не трудившихся, готовых уехать в эмиграцию волонтеров в 2,9 раза меньше – всего 12,4%. Как и в предыдущие годы, относительные размеры контингента украинцев, готовых к отъезду за пределы страны на временные заработки, остались практически на прежнем уровне – 5,4% (в 2004 г. – 5,7%; в 2005–2010 гг. – 6,1–6,3%). Заметим, что при этом каждый четвертый соотечественник, имеющий опыт работы за рубежом (24,7%), планирует поездку на заработки в другую страну, и только 3,6% сограждан, ранее никогда не покидавших пределы своей страны, выразили намерение испытать свои силы в течение текущего года на зарубежных рынках труда. Как правило, более устойчивые миграционные установки демонстрируют украинцы, уже выезжавшие за рубеж на временные заработки трижды или еще чаще: так, серьезно задумывались об эмиграции в течение трех последних лет 66,7 и 34,2% трудовых мигрантов соответственно, а искать работу за границей в ближайший год планировали 38,9 и 34,2% соответственно.

Временная трудовая деятельность за пределами Украины, как и в предыдущие годы, дает ее гражданам дополнительные возможности найти новые источники дохода и выжить в условиях затяжной глобальной рецессии, сопровождающейся массовой безработицей. Для решения этой проблемы целесообразно использовать как значительные капитальные вложения, так и хозяйственные меры и организационные ресурсы. Не менее актуальной остается проблема разделения полномочий и ответственности государства, региональных и городских властей и частного предпринимательства в сфере обеспечения прав граждан Украины на труд. Как и ранее остается нерешенным вопрос о создании системы эффективной социальной защиты работников.

В завершение заметим, что неблагоприятные внешние факторы и трудности европейской экономики не могут объяснить внутренние проблемы Украины. Страна по-прежнему на перепутье. Европейский Союз или Таможенный Союз – это на самом деле цивилизационный выбор, который определит, какой будет дальнейшая история Украины и кем станут сами украинцы. Какое влияние окажет геополитический выбор Украины на ее демографическое развитие, предвидеть сегодня крайне затруднительно.

Литература

1. Населення України, 2002: Демографічний щорічник (2003). Київ, Державний комітет статистики України.
2. Населення України, 2003: Демографічний щорічник (2004). Київ, Державний комітет статистики України.
3. Населення України, 2004: Демографічний щорічник (2005). Київ, Державний комітет статистики України.

4. Населення України, 2005: Демографічний щорічник (2006). Київ, Державний комітет статистики України.
5. Населення України, 2006: Демографічний щорічник (2007). Київ, Державний комітет статистики України.
6. Населення України, 2007: Демографічний щорічник (2008). Київ, Державний комітет статистики України.
7. Населення України, 2008: Демографічний щорічник (2009). Київ, Державний комітет статистики України.
8. Населення України, 2009: Демографічний щорічник (2010). Київ, Державний комітет статистики України.
9. Населення України, 2010: Демографічний щорічник (2011). Київ, Державний комітет статистики України.
10. Прибиткова І. (2010) Український селянин у просторі нерівних можливостей // Українське суспільство 1992-2010. Соціологічний моніторинг / За ред. д. ек. н. В. Ворони, д. соц. н. М. Шульги – Київ, Інститут соціології НАН України.

***Pribytkova I.,
Ukraine***

Demographic Development of the Ukraine Under Challenges of Globalization and Uncertainty of its Geopolitical Choice

Transition to the regime of narrowed reproduction of population

By the middle of the seventies the Ukraine completed the transition to the regime of narrowed reproduction of population. The potential of demographic growth, accumulated in the age structure due to more high births at the previous period, came to a close. At the same time the natural increase of population reduced steadily and its transition into decrease became inevitable. This transformation happened in 1991 and coincided with a collapse of the USSR and beginning of unpopular market reforms. And although these reforms are regarded as the main reason of losses of population, in fact the fertility tendencies were not closely connected with a new economical politics and political conjuncture in the beginning of nineties. The reduction of fertility had rather indirect character that was determined through the influence of deteriorative quality of life on reproductive behavior. The crisis phenomena in the sphere of population reproduction are in fact deeply rooted.

The late eighties and the nineties are characterized in Ukraine by unprecedented decrease of fertility and a rise in mortality. By the end of 1992 the population of Ukraine amounted to 52244,1 thousands of persons. Since then the number of inhabitants began to diminish. In 1991-1993 the natural losses of population were compensated by migration increase of new-comers/immigrants

from abroad that made up 486,1 thousands of persons. But in the beginning of 1994 migration acquisitions were able to cover demographic losses of Ukraine only partially. By 2000 migration situation in Ukraine gradually improved. This tendency become stable in the following years.

The intensity of migration exchange with CIS and Baltic countries began to reduce, the dimensions of emigration from Ukraine outside the former USSR became less. Lowering of fertility and growth of life expectancy at birth in the second half of nineties, were accompanied by further aging of population in Ukraine. There were observed at this time the decline in infant mortality (deaths during the first year per 1000 live births). And arise of births outside marriages. However the dynamics of total fertility rate (TFR) in Ukraine as well as the types of age structure by Sundberg reflected the crisis phenomena in the sphere of population reproduction in Ukraine that continually gained in scope from the beginning of 1990-ties.

New trends in the development of demographic situation

In 2000 the demographic situation began to improve, the dynamics of natural decrease of population in Ukraine assumed little by little a new traits. And though the interaction of fertility and mortality generated as before the processes of depopulation, the pace of its development became slower to a certain extent. If in 1990s the size of natural decrease, especially in the countryside, has invariably grown, since 2005 its dimensions and rates came less.

Demographic situation in Ukraine in 2000s is distinguished by many traits and signs of stabilization giving hopes to get over the crisis situation in the sphere of population reproduction, that Ukraine went through in the last decade of XX century. First of all it should be called the successive diminution of demographic losses: the reduction of total dimensions of decrease in population and its natural decrease from year to year; a stable growth of fertility and mortality stabilization; the transformation of migration losses into the migration increase of population. It should be mentioned as well the diminution of abortions almost twice as much, the maintenance of constant share of children and youth in the age structure of population during a few last years and the stabilization of pensioners number per 1000 mid-year population at the same period. Gross- and net-reproduction rates increased, having reached in 2006-2007 the values 0,640 and 0,625 respectively (0,557 and 0,544 in 1998-1999). It should be noted, however, that Ukraine has crossed the threshold of demographic old age and the only way to overcome it consists in fertility rising: if every woman of reproductive age will born three-four children.

Meanwhile the population of Ukraine is decreasing as before. The total losses of its inhabitants for the last twelve years numbers 3796,2 thousands persons and average annual rate of population reduction amounts to -0,65%.

Reconfiguration of migration flows in a new millennium

During 2000s Ukraine experienced the diversification of interstate migration flows. Already in 2005 Ukraine turned into the country admitting immigrants and its migration losses over 2004–2005 were compensated by former citizens from CIS countries. However, for the first time since 1990s the increase of the population due to migration exchange with the far abroad countries was recorded in 2006. Over the next years this tendency intensified. Even though the size of migration flows from abroad is small, the very fact shows the turning-point in the development of migration situation in Ukraine and its transformation from the country of emigrants into the country of destination for immigrants both from CIS and far abroad countries (Pribytkova, 2008: p. 58). But owing to the small size of migration increase the contingents of new-comers from outside are not able to influence perceptibly on the growth of its demographic potential. It is doubtful that Ukraine can renew due to immigration its former population, reached at the beginning of 1990s more than 52 millions of persons.

Migration situation is stable now. The country is in the position of the new migration balance. A certain stage of transformational changes in this sphere has been completed but it to be continued. Today the geography of migration flows in Ukraine is gradually turning into the spatial structure for migration movements of the country existing at the beginning of the 1990s, on the one hand, and on the other hand it is showing the new directions of its development in the geopolitical space.

Do the former orders of migration system shaped in Ukraine in the Soviet period, are still strong enough or advance of globalization will be accompanied by its structural transformation? Does the uncertainty of geopolitical choice of Ukraine influence the reconfiguration of migration flows? These are the questions without answers for the time being.

Potential migration under the challenges of Global recession: Ukrainian version

Will the globalization leave the traces in the migratory history of Ukraine? The world financial and economical crisis and geopolitical shocks of the last years have generated a great number of collisions and perturbations in the economics, political and social life of many countries. Ukraine is not an exception. Our country felt the influence and consequences of the global crisis in full measure in all spheres: banking, economics, social life, but first of all in the sphere of employment. The most vulnerable groups at the segmented labour market proved to be represented by low-skilled workers, inhabitants of countryside and small towns, youth of little education and slight labour experience, women with children under age.

After-crisis period did not become turning-point in the run of economic reforms in Ukraine: modernization on a national scale did not take place. Pre-crisis parameters of Ukrainian economics were not reached in the third year of its rehabilitation period. There are maintained not high level of technologies, an export raw materials orientation and low labour productivity. The share of unemployed is high as before (16,4% as of April 2012).

During the last three years 14,5% of adult Ukrainians have thought over emigration in all seriousness, 36,4% of grown-up citizens of country, earned abroad, appreciate the emigration perspective as positive. However, only 12,4% of inhabitants, earned at home, were ready to emigrate beyond the borders of Ukraine. As before the share of Ukrainians with migration attitudes for temporary work abroad does not change and run to 5,4% this year. Temporary labour activity abroad gives them a chance to find a new sources of incomes and survive under conditions of lingering global recession accompanied by mass unemployment.

It is appropriate to use both considerable investments and economical measures as well as organization resources for decision of this problem. Another actual task to be solved is a problem of responsibility division between state, regional and municipal authorities and private enterprise in the sphere of employment of population. The creation of reliable system for effective social defense of workers is one more unsettled question till now.

Часть II: Миграция населения

***Janez Malacic, Joze Sambt,
Ljubljana, Slovenia***

Modern Nature of Migration in Advanced Countries and Unemployment of Immigrants

Introduction

Below replacement fertility has been prevailing all over Europe and other developed countries in recent decades. It has been the main cause of unprecedented population and labor force aging in advanced countries as well as of the increasing number of countries with negative natural increase and overall population decrease. Demographers and other social scientists unanimously expect the prolongation of these trends in the future. Therefore, population projections for the developed countries made by various authors and established institutions like United Nations (UN) and European Union (EU) forecast further deterioration of the demographic situation in this part of the world. The continuation of population and labor force aging will not only threaten future economic and

social development but large scale population decline can lead European continent in the direction of diminishing economic and social importance in the globalized world.

Many demographers, economists and other social scientists together with some politicians see the solution for the European future demographic problems in increasing positive net international migrations with highly populated regions in less developed part of the world. Stable population theory shows us that below replacement fertility will not only make a space for large scale immigration but also will lead in the long run to the constant increase of the proportion of the immigrant population in the total population (Coleman, 2007, p. 12). If future fertility in Europe will not recover at least to the levels close to the replacement of generations then the demographic, political, ethnic, cultural and many other consequences will be tremendous.

The authors of this paper will only in limited part discuss the consequences caused by likely large scale future net immigration to Europe mentioned earlier. They will rather focus on the situation of recent third country immigrants in the labor market of the EU as well as on the unemployment rates of the inner EU international migrants. It is well known that international and other migration processes are mainly economically driven. Therefore, the magnitude, variability and quality of immigrants' employment and unemployment in EU will be crucial for their success and integration. Special attention will be devoted to the unemployment of immigrants and their lower economic activity because these two processes are somehow controversial in the framework of the outlined general demographic trends as well as with the modern nature of international migration. The EU countries with better statistical data will be analyzed more in detail and some special groups of countries will be formed in the analysis. Eurostat labor force survey data will be the main data source for the analysis. However, some other sources of data for particular countries will also play the role.

The structure of the paper is as follows. In the following section, we discuss the modern nature of migration in the framework of modern demographic regime. Next, we examine the nature of unemployment in modern capitalist society. Then, the unemployment of immigrants in advanced European countries is analyzed. The subsequent section will try to answer the question how to employ future immigrants in Europe and how to stabilize its unbalanced (future) demographic development. Finally, in the last section we summarize the main results and conclude.

Modern demographic regime and international migration

The modern demographic regime (MDR) is the result of very long historical and revolutionary development known as the demographic transition from high to low levels of mortality and fertility and caused by the process of moderniza-

tion. The demographic transition is well known process which has finished in the developed part of the world only. Broadly speaking, this was in the middle of the 20-th century. In the developing countries, the demographic transition is not completely over yet and, therefore, MDR has not established so far in these countries.

In spite of the fact that demographers have not developed good and general enough theory of the MDR yet (Coleman, 2005 and 2007; Malacic, 2007) it is possible to recognize several basic and important characteristics of the regime which are relevant for our discussion in this paper. The most important characteristic is well below replacement level of fertility all over the Europe that was quite unexpected by demographers and politicians at the end of the demographic transition. Notwithstanding the type of fertility measurement the European fertility is far too low for the replacement of generations. Low fertility is the main cause for unprecedented population and labor force aging. Additionally, low level of mortality accompanied by increasing longevity is caused by progress in health care and economic well-being. Many other features of the MDR are radical changes in family and societal structures, the complexity of the transitions between various stages in life cycle, numerous changes in economic and social systems, unprecedented development of technology and science, cultural changes, etc. Some other characteristics are less general and geographically more limited. Unprecedented increase of cohabitation, childbearing outside marriage, high divorce rates, lone parenthood and voluntary childlessness are more culturally determined and, therefore, more limited.

Our generalization of the MDR characteristics in previous paragraph has left almost no room for international migration. This can be explained in several ways. Demographers have been traditionally reluctant to include migration in their theoretical frameworks. In classical demographic analysis migration is almost completely absent (Chesnais, 2007). More recently, some authors have tried explicitly to incorporate international migration in their theoretical frameworks of the MDR. The most known example is van de Kaa's enrichment of the second demographic transition (SDT) theory with the international migration (van de Kaa, 2002 and 2004). Van de Kaa's generalization included all demographic processes natural as well as immigration and emigration into mutually connected system in which below replacement fertility is compensated with positive net international migration. Many critics in the literature including Malacic (2007) have rejected ambitious goals of the SDT and its enrichment with automatic compensation of too few births in developed countries with international migrants. Several discussions at international meetings and EAPS conferences together with the last one in Stockholm in 2012 have downgraded the importance of the SDT to the useful research concept.

Another explanation can be purely statistical or technical one. It is much easier to define and gather statistical data on natural demographic processes than on

international migration. Notwithstanding the ongoing harmonization of the statistics on international migration under the aegis of the United Nations and the EU (Thierry, 2008) the quality and comparability of international migration data is far short in comparison with fertility and mortality data. This can be said for official and regular international migration data and much worsen if we broaden the viewpoint with clandestine and illegal migrations.

The next explanation is political one. Recent advanced countries policies on fertility and migration differ very much. Social policies that may affect fertility are more clear and more widely understood but not necessarily very efficient. Policies on international migrations could be in principle much more efficient due to regulatory options modern nation state has on disposal as well as cheaper for taxpayers. However, in practice migration policies are far from democratically agreed in modern societies and defined comprehensively. Instead we can find confusion, political correctness and political manoeuvrings (Demeny, 2005).

It would be possible to find still other important demographers' difficulties with international migration in theory building as well as with practical problems solving or designing research questions. However, international migration in EU and in developed world in general recently has been gaining importance on pure magnitude, theoretical, research, investigative, statistical, methodological and political grounds. Therefore, demographers, economists and other social scientists should include different questions concerning international migration on research and theoretical agenda. Gathering knowledge on this ground and solving practical and theoretical problems will help us to develop and refine not only migration theory itself but also more comprehensive and refined demographic theory which would be able to find proper place for international migration.

The nature of unemployment in modern capitalist society

Unemployment in modern capitalist society is controversial and frequently not sufficiently enough understood economic phenomenon. Many working age people perceive unemployment as a negative labor market category which causes fear and insecurity. Past socialist and/or communist revolutions which administratively eliminated unemployment and ideologically propagated such achievement as the final goal of social development are more or less forgotten. Who, for instance, in today's Russia can still remember that Soviet leader Stalin declared officially in the third quarter of the year 1930 that Soviet Union at that time achieved a socialist stage of development with no unemployment (Saruhanov, 1981, 74)? In modern capitalist societies most people have realized that certain level of unemployment is *condition sine qua non* for this kind of economic and social system. In the economic literature it is called natural unemployment. Additionally, unemployment has much wider social and political importance. For example, we can see that politicians have been constantly trying to

reduce and diminish unemployment level on the one hand and wider political audience and electoral body permanently judge the efficiency of the governing on the basis of unemployment level on the other hand.

Wider social misunderstanding of the unemployment is mostly caused by the fact that economists deal with unemployment always in the connection with available jobs in the economy which are offered to potential workers for certain level of pay which is determined by the level of economic development, skills and productivity of workers, work effort, technology of production and many other factors. Ideally, very high pay would attract all working age (active) population in employment. However, such pay should have been much higher than real firms and other employers are able to offer and survive in competitive economic capitalist environment.

Many working age people are not satisfied with offered pay for specific jobs available in the economy. In fact, every individual worker has a reservation wage which is the minimum wage for the job the worker would be prepared to work at such a job. In the economy there are always jobs which do not provide high enough pay to match the reservation wages of numerous more or less skilled workers.

Economic and social controversies are also caused by unemployment measurement. In many European countries different unemployment definitions are widely used. In Slovenia, for example, three different definitions and consequently three different statistical data and statistical indicators have been used in the last decade. The population census in the year 2002 used very vague and subjective definition which was abandoned in couple of years after the census was conducted. But two other definitions have been widely used in spite of the fact that they have provided very different picture of unemployment level in the country. These two definitions are: unemployment register based definition and labor force survey based definition. Later one is also known as the definition which is internationally standardized in the International Labor Organization (ILO) and, therefore, the only one which is internationally comparable.

Outlined selected characteristics of the nature of unemployment in modern capitalist society will be used in the following sections of this paper. Together with the nature of the MDR they will serve as a toolkit for understanding the unemployment of immigrants in modern European societies.

Unemployment of immigrants in advanced European countries

According to general agreement between migration researchers from different social science disciplines work and employment of immigrants is the best indicator of their integration in a host society. The same position is held by many politicians as well as by many countries in the developed part of the world. It is also deeply embedded in a common immigration policy in the EU

especially because in a Europe with no internal borders and with increasing demand for immigrants' labor in an aging society larger positive net immigration is likely to be a permanent feature (European Commission, 2008).

Notwithstanding the importance of the labor market integration of immigrants in the employment strategy of the EU and in various other policy documents of the European Commission lack of access to the labor market has been identified as a very important barrier to integration. Statistical data from various sources and from practically all EU Member States show that immigrants tend to have lower economic activity and employment, lower-quality jobs and higher unemployment than EU member countries nationals. Immigrants have also more often jobs for which they are over-qualified. Combating discrimination in access to employment, education and training should advance from EU legislation and different political declarations and documents into everyday life. Equality of treatment for immigrants is very easy to test. In general, immigrants' labor market characteristics should be equal or very similar to the labor market characteristics of the corresponding segments of the EU nationals.

For the purpose of this paper it is necessary to discuss shortly a few definitional and data issues concerning immigrants and the nature and measurement of their labor market attachments especially unemployment. The definition of international migration is derived from international standard definition of the population, which is based on the category of usual residence with the reference period of one year (Malacic, 2006, 12). Consequently, international migration is defined as the change in usual residence of a person between two countries. In spite of the fact that international standard statistical definition of international migration is clear it is not easy to gather good, reliable, valid and internationally comparable statistical data on migrations. We can't go into all statistical details here but the broader international migration data problem is clearly visible in the case of the EU. In 2007, the directive on migration statistics in the EU passed European Parliament which defined common standards in migration statistics data collection effective by the beginning of the year 2009 (European Parliament, 2007). Notwithstanding, very clear demand for good and comparable international migration statistical data EU Member States still use four different types of tool for observing international migration: population registers, residence permit records, statistical surveys and more rarely population censuses (Thierry, 2008). It is more than evident that even in the institutionally bound EU comparable international migration statistical data is more a future goal than reality. The issue is still further complicated if we broaden our approach to the undocumented and illegal international migrations. For these phenomena the data collection is notoriously hard or even impossible by the definition and by the nature of the phenomena. Additionally, important new social developments contribute to the difficulties of the modern migration processes. People in modern societies are increasingly mobile and their life styles also don't comply with

the requests of the statistical standards. And last but not least migration itself is repeatable and reversible category which is highly dependent on economic conditions in both a country of emigration and the one of immigration. Therefore, European good wish for receiving permanent young and vital new citizens is far from guaranteed in the long run.

The complexity of the international migration definitional issues is the main reason for frequent use of deficient and crude migration statistical data in the literature. If we need additionally some other migrant specific data like migrants' labor market attachment data we face even bigger difficulties. The most crude international migration statistical data use the definition of life time migrant. This approach defines an international migrant on the basis of the difference between person's country of birth and her country of residence. Accordingly, international migrants are all individuals who reside in a country other than the one where they were born. The concept of life time migrants is of course deficient and incomplete. Neither all migrants nor all migrations are covered. Multiple migrations are not covered by the definition as well as migrants who died before recording and those who returned to the country of their birth are also missing in the data. However, the "foreign born" concept has some advantages in the comparison with nationally specific definitions of international migrants due to considerable differences in naturalization practices in different countries.

The detailed discussion and explanation of life time migrant concept in this paper is the consequence of availability of the international migrants' labor market attachment data in the EU. In this paper we will use Eurostat's Labor Force Survey (LFS) dataset (Eurostat, 2012). The dataset will be used in two different ways. First, Directorate General for Employment, Social Affairs and Equal Opportunities commissioned special calculations based on the Eurostat LFS dataset annual data for the year 2007. In these calculations life-time non-EU born or third country migrants were extracted from the EU LFS dataset for that particular year (Employment in Europe 2008, 43–109). Non EU-born concept of international migration in the EU will allow us more meaningful analysis and more comprehensive economic and labor market assessment of migration. Unfortunately, the LFS dataset has one important drawback of the country of birth approach. The dataset does not include the country of birth information for third country migrants in Bulgaria, Germany and Ireland. Consequently, the EU data are not complete and we will be unable to generalize our findings to the EU as a whole. Germany is missing most because it is the biggest country in the EU and one with high numbers of third country migrants especially from Turkey. Unfortunately, we don't have this kind of specially computed data for later years.

Therefore, our second approach is limited to the usual unemployment data tables in the Eurostat's dataset. These data are for the international migrants

inside the EU only. In fact, we have unemployment rates for the international migrants based on the country of birth and nationality. However, in a particular country these migrants are for the EU-27 countries except declaring country only. Two different migrants' unemployment rates have many drawbacks which have been already mentioned in this paper. But, on the other hand, they are available on the annual basis for the period 2007–2011.

Alternative datasets for the study of migrants' labor market attachments in the developed countries are rarely available. In most cases datasets are country specific, internationally and in the time perspective incomparable, based on country specific legislation especially on work of foreigners, frequently changing in scope and coverage and highly dependent on political manoeuvrings. In Slovenia, we have a good dataset on work of foreigners – third country nationals for the period 1992–2011. However, the law regulating the work of foreigners in the country has changed three times in this period, many other concepts have also changed and the data for unemployment of foreign workers has been available since 2003 only (Malacic, 2008). Another example, if we name only a few, is administrative panel for the entire population of recent immigrants to the Netherlands covering the period 1999–2007 and analyzed in the NORFACE research project on Migration in Europe (Bijwaard, G.E., Schluter, C. and Wahba, J., 2011).

Labor market attachments of the migrants' population on the other hand have many caveats of their own which cause difficulties in the analysis. The definitions of economic activity, employment and unemployment used for immigrant populations in labor force surveys are standard international statistical definitions. However, when we use the data for these categories and calculate basic economic indicators such as rates or ratios we have serious problems with nominators and denominators. Immigrant populations and especially economic immigrants are highly selective and, therefore, not really comparable with the native populations. For immigrants' unemployment rates the nominators are influenced by all factors which cause selectivity in migration processes as well as by factors which causes differences in immigrant and native unemployment. Regarding the denominators of the unemployment rates the difficulties are even bigger. The denominators are in fact corresponding active populations and practically aren't measurable in any sensible way for immigrants. Taking all these limitations into account it is necessary to stress that only very broad and preliminary results can be drawn from the analysis of economic attachments of immigrants and native populations as well as their unemployment.

The newest statistical data on the foreigners living in EU Member States show that in 2011 there were 33.3 million foreign citizens residing in the EU-27, which is 6.6 % of the total population. 20.5 million, 61.6 % or nearly two-thirds, were citizens of non-EU countries, while 12.8 million were citizens of other EU Member States. The population with a foreign background defined by the for-

eign born approach is even higher. In 2011, there were 48.9 million foreign born residents in the EU-27, 9.7 % of the total population. Out of these, 16.5 million, 33.7 %, were born in another EU Member State and 32.4 million were born outside the EU (Statistics in focus, 31/2012). Surprisingly, the nationality and foreign born approaches give us very similar structure on third country and another EU country foreign background of international immigrants in the EU-27.

Table 1 shows the third country migrants' population unemployment rates for EU-born and non-EU born migrants for selected groups of EU Member States for the year 2007. The data for non-EU born migrants were specially calculated on the basis of Eurostat EU LFS database. The calculation allowed the division of the non-EU born migrants in two groups according to the length of stay in the EU. In the first group are more integrated immigrants residing in the EU for more than 7 years. Less integrated immigrants residing in the EU for 7 years or less are in the second group. For the purpose of this paper we selected three groups of EU Member States on the basis of available data and similarity of migration and economic settings in particular parts of Europe. Finland, The Netherlands, Sweden and United Kingdom represent North – Western Europe, Greece, Italy, Portugal and Spain are in Southern European group and Czech Republic, Latvia, Lithuania and Slovenia form the 2004 Member States group. The last group represents the newly joined countries with deficient statistical data. Therefore, our selection was influenced by the data problem. Additionally, the data for EU* total and gender specific unemployment rates are included in Table 1. The label EU* refers to the aggregate of EU Member States excluding Bulgaria, Germany and Ireland.

In 2007, unemployment rates for the total non-EU born migrants were higher than for the EU-born migrants for all EU Member States included in Table 1. The differences between unemployment rates for the two groups of immigrants were the highest in the North-Western European group of countries. In Finland, the Netherlands, and Sweden the unemployment rates for non-EU born migrants were around three times higher than for those for the EU-born. In other two groups of countries these differences were smaller but still consistently higher than for non-EU born immigrants. On average, in the EU* the unemployment rate for EU-born migrants was 4.3 percentage points lower than for the non-EU born. Gender differences were higher for women than for men indicating better labor market situation for men.

For more integrated non-EU born migrants residing in the EU for more than 7 years the unemployment rates were consistently and considerably lower, with the exceptions of Greece, Spain and Czech Republic, than for more recent non-EU born migrants. This confirms well established fact in the economic research literature that integration of immigrants requires time and resources and that the economic and social position of immigrants have been improving with the length of stay in the receiving society (Chiswick, 2005, 3–27 and 98–126). The

differences between unemployment rates for more established and more recent non-EU born immigrants are lower in the South European group of countries due to specific international migration history in these countries. They have transformed from net emigration to net immigration countries much more recently than the North Western European group. The data are much less telling for the third group of countries, 2004 Member States group, due to the lack of recent migrants' unemployment data. Some countries in this group are also relatively small and LFS doesn't provide enough reliable and valid data due to small sample size.

Table 1

Third country migrants' population unemployment rates for EU-born and non-EU born migrants (in %) for selected groups of EU Member States, 2007

Country	EU-born	Non-EU born		
		Total	Resident> 7 years	Resident≤ 7years
North – Western Europe				
Finland (FI)	6.7	18.9	16.4	(24.6)
The Netherlands (NL)	3.1	8.7	8.1	14.1
Sweden (SE)	5.3	15.1	13.1	23.1
United Kingdom (UK)	4.9	8.7	7.8	10.2
Southern Europe				
Greece (EL)	8.2	8.6	8.7	8.2
Italy (IT)	6.0	7.9	6.6	10.1
Portugal (PT)	7.8	10.1	10.0	10.4
Spain (ES)	7.9	10.7	10.9	10.6
2004 Member States				
Czech Republic (CZ)	5.3	8.2	9.5	5.8
Latvia (LV)	5.9	6.6	6.7	...
Lithuania (LT)	4.2	(6.7)	(6.5)	...
Slovenia (SI)	4.7	5.9	5.7	...
EU*	6.6	10.9	10.0	12.8
EU* men	5.9	9.4	8.7	10.7
EU* women	7.3	12.9	11.7	15.4

Source: EU LFS annual data. Calculations based on Eurostat LFS database for Employment in Europe 2008. Note: EU* excludes Bulgaria, Germany and Ireland. '...' Data are not available. Data in brackets are uncertain due to small sample size.

In Figure 1 we present a scatter-plot and the correlation between unemployment rates of EU-born and Non-EU-born. Although the correlation is weak it indicates that countries with higher unemployment rates of EU-born individuals also have higher unemployment rates of Non-EU-born individuals. It also shows

that ‘North-Western Europe’ group of countries lie above the trend line, indicating they have above average unemployment rates for Non-EU-born relative to EU-born individuals.

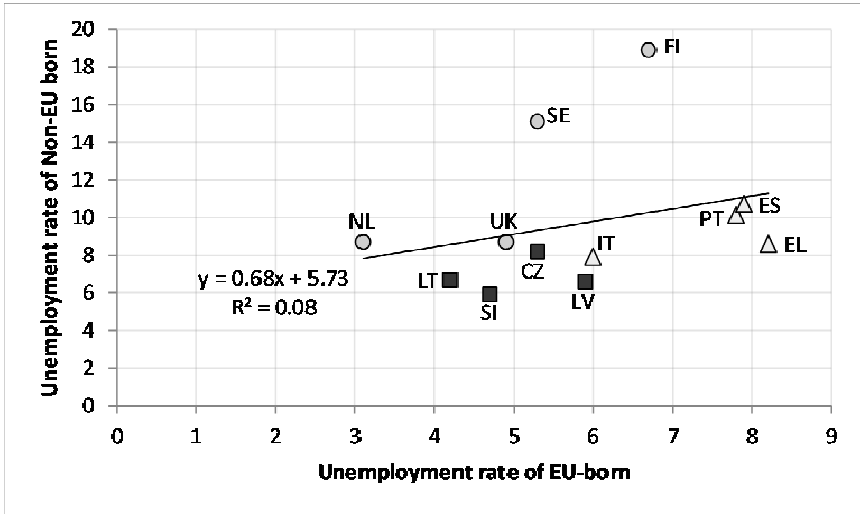

Figure 1. Correlation between unemployment rates of EU-born and Non-EU born

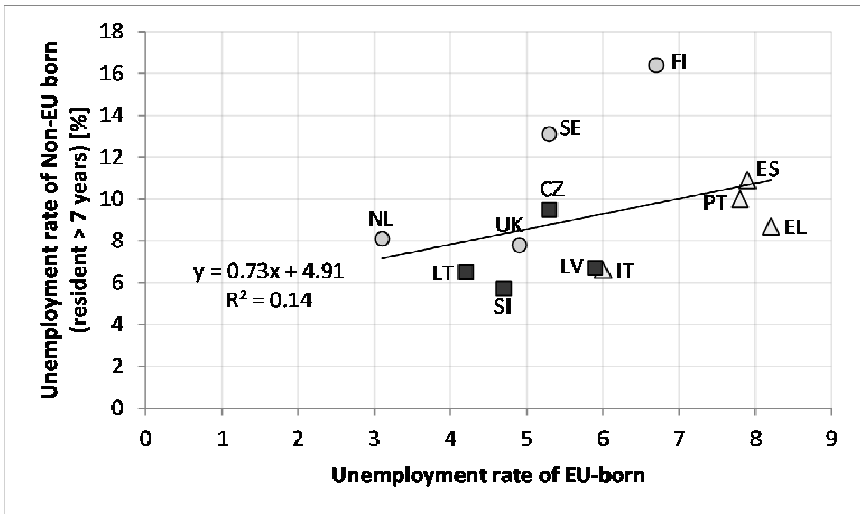

Figure 2. Correlation between unemployment rates of EU-born and more integrated Non-EU born (residing in the EU for more than 7 years)

In Figures 2 and 3 the correlation between unemployment rates of EU-born of Non-EU-born are decomposed to those more integrated immigrants (residing in the EU for more than 7 years) and less integrated immigrants (residing in the EU for 7 years or less). Whereas the correlation in the first case is again positive, in the second case it is negative or there is none. The explanation could be that high unemployment rates discourage new immigration to the country (compared to the countries with lower unemployment rates). However, we again warn that correlation is too weak for drawing any stronger conclusions.

Figure 3. Correlation between unemployment rates of EU-born and less integrated Non-EU born (residing in the EU for 7 years or less)

In contrast to the specially calculated part of the data in Table 1, Table 2 shows much more ordinary unemployment data. The annual total unemployment rates and immigrants' unemployment rates by country of birth and by nationality are shown for four groups of EU Member States for the period 2007–2011. The North Western and South European groups are unchanged, the 2004 Member States group has been enlarged with Hungary, whereas the fourth group of Central and West European countries has been added (as compared to Table 1). Austria, Belgium and France are the countries included in the new group. The immigrants' unemployment rates by country of birth as well as by nationality refer to the EU-27 countries except declaring country.

For the purpose of this paper the comparison between total unemployment rates and the two of the immigrants' unemployment rates is of crucial importance. However, the comparison is unfortunately descriptive only and very simple as well as influenced by many caveats mentioned earlier in this paper. Addi-

tionally, for the 2004 Member States group the immigrants' unemployment rates complete data are available only for Czech Republic and partial immigrants' unemployment data for Hungary. The data for Czech Republic show the biggest difference between the two different immigrants' unemployment rates. These differences have been very likely generated by the specificities of the establishing the Czech Republic as an independent state in the beginning of the 1990s. The Czech Republic data also reveal that nationality based immigrants' unemployment rates were lower and country of birth based immigrants' unemployment rates were higher than total unemployment rates in all five years covered by the data. It seems that incomplete Hungarian data shows the opposite situation than in the Czech Republic.

Table 2

Total unemployment rates (u) and immigrants' unemployment rates (in %) by country of birth (EU27 countries except declaring country) (CB) and nationality (EU27 countries except declaring country) (N) for selected groups of EU member countries, 2007–2011

Country	2007			2008			2009			2010			2011		
	CB	N	u	CB	N	u	CB	N	u	CB	N	u	CB	N	u
North Western Europe															
Finland	8.8	...	6.9	9.4	8.9	6.4	12.2	14.4	8.4	11.0	11.8	8.5	10.0	10.5	7.9
NL	4.1	3.6	3.2	4.1	4.3	2.7	4.5	4.6	3.4	5.6	5.4	4.5	5.6	5.6	4.4
Sweden	6.1	7.4	6.2	6.2	7.3	6.2	7.5	8.6	8.5	8.1	9.6	8.6	7.6	9.2	7.7
UK	5.4	5.9	5.4	4.7	5.0	5.7	5.5	6.2	5.7	6.6	6.8	7.9	6.7	7.0	8.2
Southern Europe															
Greece	8.6	7.2	8.4	8.5	7.4	7.8	12.6	11.6	9.6	13.7	12.9	12.7	15.6	13.3	17.9
Italy	7.9	7.4	6.2	8.3	7.6	6.8	11.0	11.0	7.9	10.9	10.7	8.5	11.6	11.8	8.5
Portugal	8.5	8.8	...	8.1	10.0	...	10.0	12.0	...	11.4	12.6	...	13.4
Spain	10.6	11.1	8.3	15.3	16.1	11.4	23.0	24.4	18.1	25.8	26.7	20.2	28.3	29.2	21.8
2004 Member States															
CZ	9.4	2.7	5.4	8.0	2.7	4.4	10.5	5.0	6.8	8.0	5.0	7.4	9.2	5.4	6.8
Latvia	6.1	7.7	27.0	...	17.5	19.0	15.6
LT	4.4	5.9	13.9	18.0	15.6
Slovenia	5.0	4.5	6.0	7.4	8.3
Hungary	7.4	6.9	...	7.9	9.4	11.4	10.1	6.8	...	11.2	8.9	...	11.0
Central and Western Europe															
Austria	6.2	6.6	4.5	5.5	5.7	3.9	6.7	6.8	4.9	6.2	6.2	4.5	6.4	6.6	6.4
Belgium	8.8	9.8	7.5	8.1	9.2	7.0	9.6	11.1	8.0	9.9	11.0	8.4	8.6	10.3	7.2
France	7.6	8.0	8.0	6.2	6.5	7.4	7.9	9.0	9.2	7.7	8.5	9.4	7.6	8.3	9.3

Source: Eurostat Statistic Database by themes, *Population and Social Conditions, Labour Market, Employment and unemployment LFS Series, Detailed annual Survey results, Total unemployment*. Approach: 30 July 2012. Note: '...' Data are not available. Country acronyms: NL – The Netherlands, UK – United Kingdom, CZ – Czech Republic, LT – Lithuania.

North West European group of countries shows the most consistent comparative unemployment picture. Both of the immigrants' unemployment rates in Finland, the Netherlands and Sweden are higher than total unemployment rates for these countries in all five years included in the analysis. United Kingdom is the exception in this group for the period 2008–2011. Total unemployment rates are higher than unemployment rates for both groups of immigrants.

In the South European group of countries the immigrants' unemployment rates data are partially missing for Portugal. The comparative picture for other three countries in the group is generally consistent with the overall European situation. In years 2007 and 2008 both immigrants' unemployment rates were higher than the total unemployment rate in all three countries except Greece. However, the most striking in this group is the exceptionally high increase of all three unemployment rates in Greece and Spain since the year 2009. According to the data in Table 2 Italy and Portugal suffered less. It is evident that economic crisis which started in the year 2008 damaged South European countries much more severely than other parts of Europe. Immigrants in the South European part of Europe have suffered even much more than native population so far.

The fourth group of countries in Table 2 is non-homogeneous too. Austria and Belgium share the similar comparative migrants' non-migrants' unemployment rates picture as it is prevailing on average in the EU*. However, the immigrants' labor market attachments in France have been better for immigrants since 2007 than in the most of other EU Member States and EU* on average. In France, nationality based immigrants' unemployment rates are more similar to the total unemployment rates than country of birth based immigrants' unemployment rates. This can be the consequence of the French assimilation oriented integration policy.

How to employ future immigrants in Europe and how to stabilize its unbalanced (future) demographic development?

Recent decades have shown several important new developments concerning demographic situation in Europe and its labor market consequences. The most striking demographic outcome since the major social and political transformations of the continent at the beginning of the 1990s has been diminishing natural population increase and considerable increase of the international migration. In 1985–2008, Europe (Russia included) and EU-27 recorded 96.0 and 66.0 per cent population growth due to migration respectively. The migration gains in the EU-27 between 1990 and 2009 were 21.6 million (Sobotka, 2009, 223–225). These data illustrate deeply unbalanced natural demographic development in Europe at present and the continuation of the demographic crisis in the future. Europe will very likely increasingly rely on immigration from other continents.

Large net migration gains will influence many facets of European society in the future. In this paper, we focus mainly on labor market consequences of such unprecedented immigration into Europe and in this section we discuss how to employ all these millions of immigrants.

The employment of immigrants in Europe has been complex process which frequently resulted in high unemployment as we have shown in the paper. In the literature some authors even discuss the employment penalization of immigrants in Western Europe (Reyneri and Fullin, 2011). The unemployment of immigrants is not the only one penalty but it is one of the most severe and important. Immigrants are frequently trapped in low productivity sectors of the economy, 3 D (dirty, difficult and dangerous) and poorly paid jobs. They can rely heavily on ethnic niches in the labor market which natives do not occupy. This kind of ethnic segregation is very helpful immediately after arrival in host country but can very quickly reinforce ethnic segregation and cause serious impediments for integration into the core labor market later.

However, from the viewpoint of the future employment of immigrants in Europe the most important are numerous impediments for immigrants' access to the jobs at the primary labor market – mostly to the skilled occupations. European immigrants have never been highly skilled and educated. Recent Organization for Economic Co-operation and Development (OECD) database shows far lower share of tertiary educated foreign – born immigrants relative to total employment in EU than in Australia, Canada and US. The EU figure, 2.1 %, is much lower than 9.7 % in Canada, 7.8 % in Australia and 4.5 % in the US (Employment in Europe 2008, 49). However, the low share of highly skilled and educated immigrants in Europe does not protect them from disadvantages in the labor market. Educated immigrants face imperfect transferability and certain devaluation of their human capital, language fluency problems, restricted recruitment practices (especially in public sector of the economy and in liberal occupations), impediments in the process of official recognition of a foreign degree and many bureaucratic and other difficulties.

Focusing on the initial question of this section it is necessary to stress that Europe in general and the EU in particular should attract much more highly skilled immigrants from overseas in the future. This should be a high priority for economic, demographic, social and other reasons. In a future knowledge-based economy in Europe there will be only limited room for less educated and unskilled immigrants who have dominated European immigration so far. Of course, native workers will avoid 3 D and other unpleasant jobs and will leave them to the immigrants. However, it is reasonable to expect that technological progress will further diminish the number of these jobs. The highly skilled immigrants will, therefore, be most wanted in all parts of the developed world. Global competition for talent in general and for talent of immigrants in particular has been severe in recent decades (Kuptsch and Pang, 2006). We can speak

even about a war for talent (Chambers et al., 1998). European countries have so far attracted far less talent than other parts of the developed world and, therefore, have been losing the war.

Notwithstanding the outcome of recent global competition for immigrants' talent it becomes obvious that Europe and other developed parts of the world will have to invest heavily in human capital of future immigrants. Developed countries can't expect that immigrants from the poor countries themselves or their native countries will have enough capital for investments in young people who will migrate into the developed countries. It will also be a great opportunity for the universities and other high schools in the developed world which can count on young people from poor countries who will replace missing young students in the developed countries due to far below replacement fertility for more than three decades already.

The second part of our question in the title of this section is far too ambitious for this paper. In future years Europe will need immigration for demographic reasons as well. However, the solution for the demographic crisis in Europe stemming from far below replacement fertility should have been found in recovering fertility to the levels close to the replacement of the generations. The immigration will help attenuate and spread the effects of recent demographic development over several decades in the future and thus it will help to buy some time. However, European countries should improve labor market conditions for immigrants in the future and diminish impediments and difficulties immigrants have faced so far in the European labor market.

Conclusion

Employment of immigrants is the best indicator of their integration in a host society. In EU, the labor market integration of immigrants is deeply embedded in a common immigration policy. Widely expected increasing demand for immigrants' labor in an aging society will cause larger positive net immigration in the future. However, EU policy documents and researchers have identified the lack of access to the labor market as a very important barrier to the integration of immigrants. Immigrants tend to have lower employment and higher unemployment than EU countries nationals.

In this paper the authors use Eurostat's LFS dataset for the analysis of the migrants' labor market attachments and especially of their unemployment. In spite of many statistical problems and very crude and incomplete data results confirm higher unemployment rates for immigrants than for natives in the countries with available data. The unemployment is generally higher for the non-EU born migrants than for the EU-born migrants. The differences between unemployment rates in different countries are considerable. More established immigrants have lower unemployment rates than less established and more recent

immigrants. Specific international migration history of particular country or a group of countries also play a role.

Large net migration gains will influence many features of European society in the future. The labor market consequences of recent and future unprecedented net immigration in Europe will be especially far reaching. Immigrants have been facing many impediments in the access to the labor market in a host society in general and to the skilled occupations in particular. Facing the future need for highly skilled immigrants in knowledge based economy Europe has to increase its efforts to attract much more educated immigrants. European countries should also increase investments in the human capital of future immigrants and educate them at the universities in Europe.

References

1. Bijwaard, G.E., Schluter, C. and Wahba, J. (2011) Does unemployment cause return migration? NORFACE MIGRATION Discussion Paper No. 2011 – 7, CPC and NIDI, Southampton and Den Hague.
2. Chambers, E. G., Foulton, M., Handfield-Jones, H., Hankin, S. M., & Michaels III, E. G. (1998). The war for talent. *McKinsey Quarterly*(3), 44–57.
3. Chesnais, J.C. (2007) La migration, levier de development. In: Iontsev, V., ed., (2007) *Migration and Development*. Scientific Series: International Migration of Population: Russia and the Contemporary World, Vol. 20, Faculty of Economics, Lomonosov Moscow State University, Moscow.
4. Chiswick, B.R. (2005) *The Economics of Immigration*. Selected papers of Barry R. Chiswick. Edward Elgar, Cheltenham, UK and Northampton, MA, USA.
5. Coleman, D. (2007) Immigration and Ethnic Change in Low – fertility Countries – a third demographic transition in progress? In: Iontsev, V., ed., (2007) *Migration and Development*. Scientific Series: International Migration of Population: Russia and the Contemporary World, Vol. 20, Faculty of Economics, Lomonosov Moscow State University, Moscow.
6. Coleman, D. (2005) Facing the 21st century: New developments, continuing problems. In: Macura, M., McDonald, A.L. and Haug, W., eds., *The New Demographic Regime*. Population Challenges and Policy Responses. UN, New York and Geneva.
7. Demeny, P. (2005) Policy challenges of Europe's demographic changes: from past perspectives to future prospects. In: Macura, M., McDonald, A.L. and Haug, W., eds., *The New Demographic Regime*. Population Challenges and Policy Responses. UN, New York and Geneva.
8. European Commission (2008) *Employment in Europe 2008*, Brussels.
9. European Parliament (2007) Directive on migration statistics and international protection of migrants in the EU, No. 862/2007, 11 July 2007.
10. Eurostat Statistic Database by themes, Population and Social Conditions, Labour Market, Employment and unemployment LFS Series, Detailed annual Survey results, Total unemployment. Approach: 30 July 2012.

11. Kuptsch, C. and Pang, E.F., eds. (2006) *Competing for Global Talent*, International Institute for Labour Studies, ILO, Geneva.
12. Malacic, J. (2008) Immigration and the Labour Market in Slovenia: from Immigrants of Citizens to the Employment of Foreigners. *Nase gospodarstvo*, 1 – 2/2008, Maribor (In Slovenian).
13. Malacic, J. (2007) The Role of Migration in Modern Demographic Regime. In: Iontsev, V., ed., (2007) *Migration and Development*. Scientific Series: International Migration of Population: Russia and the Contemporary World, Vol. 20, Faculty of Economics, Lomonosov Moscow State University, Moscow.
14. Malacic, J. (2006) *Demography. Theory, analysis, methods and models*. 6th edition, Faculty of Economics, University of Ljubljana, Ljubljana (In Slovenian).
15. Reyneri, E. and Fullin, G. (2011) Labour Market Penalties of New Immigrants in New and Old Receiving West European Countries. *International Migration*, Vol. 49 (1) February 2011, IOM, Geneva.
16. Saruhanov, E.R (1981) *Socialjno – ekonmičeskie problemy upravljenja rabočej siloj pri socializme*. Izdateljstvo Leningradskogo universiteta, Leningrad (In Russian).
17. Sobotka, T. (2009) Migration continent Europe. In: *Vienna Yearbook of Population Research 2009*, Vienna Institute of Demography, Austrian Academy of Sciences, Vienna.
18. *Statistics in focus*, 31/ 2012, Nearly two-thirds of the foreigners living in EU Member States are citizens of countries outside the EU-27, Eurostat, Luxembourg.
19. van de Kaa, D. (2004) Is the second demographic transition a useful research concept? In: *Vienna Yearbook of Population Research 2004*, VID, Austrian Academy of Science, Vienna.
20. van de Kaa, D. (2002) On international migration and the second demographic transition. In: Iontsev, V. et al, *World in the Mirror of International Migration*, Max Press, Moscow.
21. Thierry, X (2008) Towards a Harmonization of European Statistics on International Migration. *Population and Societies*, No. 442, INED, Paris.

**Петров В.И.,
Россия, г. Краснодар**

Этнические миграционные процессы в современной России

В 90-е гг. XX – начале XXI в. очень существенное влияние на формирование и течение инновационных процессов в российском обществе оказали миграции населения, обусловленные комплексом объективных и субъективных причин, имеющие ярко выраженный этнический характер и содержание. Научным сообществом отечественных и зарубежных ученых проделана огромная исследовательская работа позволяющая систематизи-

ровать наши представления в области этнических миграций [1]. Творческими усилиями отечественных этносоциологов, этнопсихологов создана концептуальная база, разработаны эффективные инструментальные средства для исследования новых, по своей сути, свойств самой миграции населения, разнообразия в причинах, течении, результатах и следствиях миграционных процессов. Однако, имеющиеся наблюдения, результаты, выводы вряд ли можно признать завершенными и достаточными в силу присущего российской действительности своеобразия и многообразия миграционных событий. Обнаруживается неполнота в социологическом анализе понятий, социальных, пространственно-временных причин, порождающих те или иные конкретные этнические миграционные процессы, их результатов и следствий для отдающих и принимающих обществ. Невысокой остается степень инструментальности имеющихся классификаций.

Содержание доклада направлено на поиск теоретических решений по дискуссионным вопросам в перечисленных выше предметных областях исследования этнических миграций.

Этничность как свойство и содержательная характеристика миграционных процессов. При рассмотрении тех или иных миграционных потоков, конечно же, возникает вопрос: имеет ли здесь место этничность как некая специфическая характеристика, придающая особенный вид и содержание миграционным процессам? Придавать ли значение этой характеристике, и если да, то каким смыслом она наполнена? Так, в энциклопедическом словаре «Народонаселение» для этого понятия приведены два существенно различающихся смысловых пояснения:

1. Этнические миграции определяются этническим представительством, то есть это миграции населения, в которых участвуют люди определенных этнических (национальных) принадлежностей.

2. Это такие миграции, где на первый план выступает роль этнического фактора [2].

На наш взгляд, в факте этничности и при определении тех или иных факторов как этнических необходимо различать в самой этничности ее индивидуальное и социально-групповое состояние. Этничность может определяться как личностное свойство постольку, поскольку находит свое существование и выражение в типических психофизиологических, психологических, социальных характеристиках индивидов, принадлежащих по своему родовому происхождению и социализационному развитию определенной этногруппе. В социально-групповом случае этничность существует как результат собирательности множества представлений, находящихся свое выражение в комплексе семантических самоопределений и определений индивидами, в частности, в виде идентичности, авто- и гетеростереотипов. Последние создаются и инструментально используются как коммуникативные маркеры, посредством которых этносы позиционируются в своих взаимодействиях и отношениях с другими группами. Маркеры могут

иметь устойчивый и преходящий характер, использоваться ситуативно и универсально.

Вместе с тем, этносы, как групповые общности, обладают надиндивидуальными, системными свойствами. В этом случае содержание идентичности, авто- и гетеростереотипов образовано (сконструировано) не столько для потребностей конкретной ситуации, возникающих в процессе и исчезающих всякий раз по окончании актов социального взаимодействия, сколько присущей данному этносу родовидовой определенностью его сущности, сложившейся в ходе длительной и уникальной истории его существования.

Отсюда понимание этнического фактора (факторов) складывается из тех свойств, что принадлежат этносу и его представителям как личностные и социально-групповые устойчивые константы и изменяющиеся сущности, адаптируемые к потребностям ситуации социального взаимодействия.

Еще один вопрос, осложняющий понимание этничности: насколько она гомогенна или гетерогенна в своей отнесенности к этногруппе и ее представителям [3]. Очевидно, что этничность, являясь интегральным свойством этногруппы, не представлена в одинаковой и равной степени во всех ее структурных элементах. Ее распределение и своеобразное присвоение, актуализация в сознании и активация в социальных практиках находится в корреляционной зависимости от социальной дифференциации и стратификации, общеполитической ситуации в обществе. Именно это взаимовлияние порождает феномены «плавающей», «навязанной» идентичности, ее видовые различия, проблему ее наличия и достижения «критической массы». То же самое можно сказать и об идентичности и стереотипах, распространенность которых и их влияние на производство действий в социальных практиках имеет, несомненно, селективный характер.

Факторные предпосылки этнизации миграционных процессов в современной России. В первую очередь, это кардинальные изменения в этносфере, которые выразились, в актуализации и наполнении новым содержанием этнических потребностей [4].

Во-вторых, это совокупность объективных факторов, влияющих на формирование потребностей в миграционном движении, мотивов и миграционных установок у человека, принадлежащего к определенному этносу, и приобретающих таким образом этнический смысл. Это ряд условий, приобретающих значение социального факта при конструировании этничности. К таковым относятся:

- природно-географические и климатические особенности, территории исторического проживания, ее экологическое состояние;
- социально-историческая специфика экономической и трудовой деятельности и производящей специализации, быта, социально-институциональной организации этноса;

- занятость и трудоизбыточность в конкретном регионе и среди представителей определенного этноса;
- развитость мигрантских сетей;
- политика отпускающих и принимающих государств (сообществ);
- возможности реагирования определенного этноса на конкретные и изменяющиеся запросы принимающего общества;
- миграционная история данного этноса.

В-третьих, это комплекс личностных и социально-групповых свойств этничности, влияющих на миграционное поведение. К ним относятся социальные и социально-психологические особенности личности потенциального мигранта, принадлежащего к определенному этносу, которые находят свое выражение в особенностях потребностно-мотивационной системы личности, системы интересов, установок и целей. На формирование потребности в миграционном движении, на миграционные намерения и поведение существенно влияют такие субъективные факторы, как:

- конкретные проявления этнической ментальности;
- особенности личности как носителя характерологических черт этноса;
- самоидентификация потенциального мигранта;
- этнические авто- и гетеростереотипы;
- чувство этнической родины.

Итак, этнические миграционные процессы (синонимы: процессы этнических миграций, этнические миграции) рассматриваются нами как серии социальных взаимодействий акторов, для которых характерна идентичность с выраженной этнической определенностью и происходящих под влиянием факторов, приобретающих этническое значение, ведущих к изменениям в социально-территориальном и социальном положении отдельных представителей и групп определенных этносов. Этнизация (этническое представительство и обусловленность этническими факторами) стала присущей в 1990-е гг. всем без исключения потокам мигрантов на пространстве бывшего СССР.

Конкретизация объективных и субъективных факторов по их воздействию на миграционное движение на пространстве бывшего СССР. Рассмотрим более детально объективные факторы, вызванные ими субъективные переживания и состояния, в совокупности, воздействующие на интенсификацию миграционного движения и направленность миграционных потоков на постсоветском пространстве.

Формирование некоторых из этих факторов относится к 60–70 гг. XX в. В этот период происходил ряд этносоциальных процессов: рост этнического самосознания, развитие национальной культуры, укрепление национальной интеллигенции, повышение роли национальных кадров в управлении, расширение и совершенствование профессиональной подготовки высококвалифицированных специалистов и квалифицированных рабочих

из состава автохтонного (титульного) местного населения. Специфика демографических процессов и традиционность в экономико-хозяйственной специализации вела к росту трудоизбыточности в ряде союзных республик. В период после распада СССР к этим факторам присоединились другие, а влияние их на формирование миграционных потоков усилилось.

Экологические катастрофы, обострение межнациональных отношений на исходе существования СССР и его последующий распад, изменения в международных отношениях, радикальные изменения в экономической и политической системах, нестабильность обстановки, внутренние межнациональные и межгосударственные конфликты, межэтнические столкновения и войны стали главными причинами образования интенсивных потоков, во многих случаях, вынужденной этнической миграции из стран «ближнего зарубежья». В самой Российской Федерации сепаратизм, терроризм и борьба с ними на Северном Кавказе, создали прямую угрозу жизни для населения различных национальностей и этнических групп, сопровождалась его массовым исходом за пределы опасных территорий.

Отсутствие гарантий безопасности, бытовой национализм и нетерпимость к не титульному населению, возрастающая межэтническая разобщенность, дискриминация по национальному признаку, расы, вероисповедания, языка, политических убеждений и принадлежности к определенной социальной группе стали весомыми выталкивающими факторами практически на всем постсоветском пространстве.

Кроме того, принятие во многом дискриминационных законов о гражданстве, форсированное закрепление в законах и на практике государственного статуса титульных языков с сознательным сокращением для русскоязычного населения времени овладения ими, дискриминация при оформлении на работу и приобретении жилья, ограничение прав в приватизации и предпринимательской деятельности, сложность получения образования на родном языке и сужение информационных связей с Россией, исламизация образа жизни в ряде среднеазиатских государств – все это создало крайне дискомфортные условия не только для русского и другого славянского, но, в более общем плане, для не титульного населения [5].

Этнизация миграционных потоков происходила и под влиянием идеологических факторов, среди которых центральное место занимает доктрина этнического национализма, суть которой заключается в идее увязывания государственности с этническим происхождением людей. Весьма сомнительная в гуманитарном плане и практически не реализуемая идея создания этнически чистого государства, тем не менее, оказалась весьма заманчивой для элит титульных национальностей, поскольку позволяет им обосновывать якобы правомерность их преимущественного доступа к власти и ресурсам. Широко используемые лозунги создания этнонациональных государств, громкие призывы к соотечественникам вернуться на свою «ис-

торическую родину», узко трактуемый национализм сформировали достаточно сильную мотивацию для перемещения людей на "свои" этнические территории, россиян – в Россию, а представителей титульных национальностей бывших союзных республик – в новые постсоветские государства [6].

В Российской Федерации действия политической элиты, ряда преобразованных национальных республик, направленные на обеспечение этнического превосходства и закрепление положения титульной нации, так трансформировали здесь политическую, экономическую и культурную действительность, что создано ощущение социального и психологического дискомфорта для не титульного населения и образовался миграционный обмен, в котором наряду с притоком в республики представителей титульной нации происходит выезд иноэтничного и, в первую очередь, русского населения.

Современные перемещения этнических мигрантов интенсифицируются также под влиянием явно выраженной экономической необходимости: из трудоизбыточных в труднедостаточные районы, из депрессивных регионов в регионы с благоприятной экономической конъюнктурой. В этих случаях факторами, стимулирующими этническую миграцию, становятся нищета и социально-экономическое бесправие, поиск более благоприятных условий для социальной самореализации личности (в более конкретных вариантах – трудовой и профессиональной), выгодность занятий бизнесом, обеспечение лучших перспектив для семьи, особенно, для детей.

Эти причины действуют особенно сильно в случаях трудовой миграции, поскольку на пространстве СНГ Россия является экономически и социально привлекательным обществом. В то же время она сама становится страной явно выраженной эмиграции из-за резких различий в уровне и качестве жизни с западными странами.

Объединение понятий «автохтонный» – «титульный» как инструмент анализа и классификации этнических миграционных процессов. Выше уже отмечалось, что на постсоветском пространстве особое значение приобрела потребность в статусной этнической принадлежности. Данная потребность актуализировалась под влиянием процессов суверенизации и повышения государственного статуса бывших республик СССР, национальных образований внутри России. В политическом смысле эти процессы были и остаются связанными с широким распространением определения «титульное население». Именно это понятие призвано стать маркером одного или нескольких этносов, которые по определению автохтонности или укорененности, в современной России, то есть, по некоей исторически сложившейся или политически и юридически сформулированной определенности (титульный этнос дает самоназвание политическому образованию на данной территории) обладают реальными или символическими правами на данную территорию и ее ресурсы, имеют преимущества в дос-

тупе к политической деятельности и управлению, в социально-культурном доминировании.

Что касается населения, обозначаемого понятием «автохтонное», то к нему относят тех, о ком неизвестно, как они появились, или же, когда и откуда они пришли на данную территорию. В этом случае смысл понятия «территория автохтонного проживания» применительно к тому или иному этносу синонимичен понятию «территория происхождения» этого этноса [19]. В других случаях понятием автохтонное обозначают население, проживавшее на данной территории до прихода других, до колонизации. Такая трактовка значения «автохтонное», в значительной степени, совпадает с тем смыслом, который вкладывают, когда население определяют как коренное.

«Автохтонный – титульный» совпадающие по смыслу понятия применительно к специфическим условиям миграционного движения, сложившимися на пространстве бывшего СССР в 1990-е гг. XX – начале XXI в. Объединение данных понятий создает новый инструмент для анализа (исследования) этнических миграционных процессов. Его использование заключается в опоре на выяснение роли групповой этнической идентичности в миграционном поведении людей. При этом принадлежность к группе определяется:

- «автохтонное население» – статусом этноса, определяемым этнической историей, регионом (ареалом) исторического выхода;
- «титульное население» – политическим статусом этноса на территории современного проживания (страны «дальнего» зарубежья, страны «ближнего» зарубежья, республики Российская Федерация).

Содержание понятий «репатриация», «реэмиграция», «возвращение»: в каких случаях, какое из них адекватно миграционным потокам. Один из спорных для миграционной проблематики вопросов – это применение терминов «репатриация» и «реэмиграция» к возвращению тех или иных этнических групп. Дискуссия вокруг этих понятий возникла в связи с необходимостью обозначения характера миграционного движения на постсоветском пространстве русских и другого славянского населения к местам исторического проживания.

Одну из интерпретаций содержания и соотношения данных понятий предлагают составители «Демографического понятийного словаря», подготовленного под редакцией проф. Л.Л. Рыбаковского. Они полагают, что термины «репатриация», «репатриант» используются применительно к конкретным случаям возвращения на историческую родину и в целом равнозначны терминам «реэмиграция», «реэмигрант». «Во всех случаях, – подчеркивают авторы словаря, – использование терминов реэмиграция и репатриация достаточно условно, и уж совсем не к месту их применение для характеристики миграции в Россию русскоговорящего населения из стран нового зарубежья,

которые еще недавно были частями единого государства. Это скорее вызванная политическими причинами, запоздавшая обратная миграция, хотя формально для государств нового зарубежья это теперь эмигранты или реиммигранты, а для России – реэмигранты или иммигранты» [8].

На наш взгляд, несмотря на близость явлений, описываемых понятиями «репатриация» и «реэмиграция», между ними существуют определенные смысловые различия. Так, в реэмиграции подчеркивается ее самостоятельный и добровольный характер, в то время как под репатриацией понимается возвращение в страну гражданства или происхождения, которое обычно осуществляется на основе международных договоров и может быть недобровольным.

В международной практике репатриация относится к долгосрочным программам государственной политики принимающей страны при решении проблем беженцев, в частности, их возвращения домой [9]. В многоязычном демографическом словаре отмечается, что «возвращение на родину именуется также репатриацией, но этот термин обычно применяется только в тех случаях, когда переезд лиц, задержанных или задерживающихся в чужой стране, организуется государственной властью» [10]. В данном случае речь идет о возвращении конкретных мигрантов, покинувших, в силу вынужденных обстоятельств, страну (территорию) своего постоянного проживания и вынужденно временно находящихся в другой стране (на другой территории). Страной, организующей репатриацию, может быть и страна приема, и страна возвращения.

Термин «возвращение» имеет более широкое смысловое значение в контексте этнических миграционных процессов. Согласно международной классификации «возвращающиеся этнические группы – это люди, которые допущены в страну, не являющуюся их собственной, благодаря их историческим, этническим или другим связям с этой страной, и которым немедленно предоставляется право постоянного проживания в этой стране, или которые, имея право на получение гражданства в этой стране, становятся её гражданами в течение короткого периода после их приема» [11].

Можно ли и в каком объеме применять эти понятия к миграционным процессам, развертывавшимся на пространстве бывшего СССР и внутри самой России в 1990-е годы?

С точки зрения использования термина «репатриация» к случаям выезда русских и иного славянского населения из стран СНГ и Балтии и въезда их в Россию, то был ли здесь фактор вынужденности, повлиявший на то, когда и как они оказались за рубежом? Можно ли говорить о вынужденности применительно к миграции русского населения в Среднюю Азию или Закавказье, когда они уже были включены в состав Российской империи, затем в союзные республики СССР, и в большинстве своем живущих здесь не в одном поколении? Очевидно, что нет.

В ином, а именно, положении вынужденных мигрантов оказались депортированные народы. Но и здесь есть свои различия. Например, для немцев Поволжья в Казахстане эта вынужденность существовала только по отношению к территории их постоянного проживания в России и никак не была вынужденной сама историческая миграция немцев. Вместе с тем возвращение немцев из стран СНГ было подкреплено разработанными в ФРГ специальными программами по приему въезжающих на свою историческую родину. Подобного рода программы в рамках алии были разработаны Израилем по приему евреев и Грецией для российских греков. В этой части миграционное движение этих этносов можно признать репатриацией.

Об иммиграции русских и иного славянского населения из стран СНГ в 1990-е гг. нельзя сказать, что она происходила в полном объеме на основе договоренностей, хотя попытки такого регулирования предпринимались неоднократно. В Российской Федерации были предприняты определенные действия программного характера по отношению к той части мигрантов из стран СНГ, которая была признана в соответствии с законами «О беженцах» и «О вынужденных переселенцах» беженцами и вынужденными переселенцами. В этой части этническую миграцию из стран СНГ и Балтии в Россию можно признать репатриацией.

Если использовать понятие реэмиграции, то ему не соответствует то, что миграционное движение этносов на постсоветском пространстве не во всех случаях носило добровольный характер. В значительной части случаев это было недобровольное переселение. Для остальной же, гораздо большей части иммигрантов из стран СНГ и Балтии в 1990-е гг. переселение в Россию стало результатом добровольного выбора, хотя и происходило в большей или меньшей степени под давлением резко обострившихся причин социально-экономического и социально-культурного характера. По отношению к этой части мигрантов их миграционное движение можно признать реэмиграцией.

Критерии группировки и классификация этнических миграционных процессов. В предлагаемой нами классификации этнических миграций в современной России мы исходим из необходимости использования в ее разработке критериев общего и специфического характера. В этой классификации учитываются так же особенности этнического представительства и пространственно-временная конкретика причин, воздействующих на поведение мигрантов, направленность и формы миграционного движения.

Общие критерии: пересечение государственной границы (внутренние и международные миграции), стационарность (временные, постоянные мигранты), форма движения (добровольные, вынужденные миграции), допуск на территорию и совпадение с целями пребывания, по определению принимающей стороны (трудовые и экономические, легальные, нелегальные мигранты).

Специфические критерии: характер и содержание влияния этнического фактора; принадлежность к автохтонной (титульной) нации. Одним из важнейших критериев этнических миграций являются то, что они совершаются относительно этнической родины (этнической территории).

Обобщая случаи, в которых определяющее значение принадлежит этническим факторам, представляется возможным выделить следующие виды миграций:

Реэмиграция (внешняя и внутренняя) русских и другого славянского населения. К этой группе относятся мигранты, добровольно, хотя в той или иной степени вынужденно (под действием «выдавливающих» этнических факторов), покинувшие места своего постоянного проживания в странах СНГ и Балтии, в субъектах РФ, не обращавшиеся за получением статуса вынужденного переселенца или не получившие такового после обращения в органы ФМС. Общий приток мигрантов в Россию из стран ближнего зарубежья в 1989–2002 г. составил около 11 млн. чел, миграционный прирост составил более 5 млн. чел. Доля русских в числе мигрантов – около 70%. Из Таджикистана и стран Закавказья выехало более половины русского населения. Из Киргизии, Туркмении и Узбекистана – более четверти. Казахстан потерял 19% русских, обеспечив 38,8% от общего числа тех, кто переехал в Россию за 1990–2001 гг., притом, что там в 1989 г. было сосредоточено 24,5% русского населения вне РСФСР. Азербайджан покинули порядка 250 тыс. русских. В целом более чем 25-ти миллионное русское население в неславянских постсоветских странах к началу 2002 г. сократилось на 23% [12].

Согласно переписи 1989 г., общая численность русских, проживающих на территориях национальных республик составляла 10,1 млн. чел., или 8,4% от всех русских в РФ. В 1990–е годы русские стали выезжать из всех российских республик, где тенденция их оттока была хронической уже на рубеже 1980–1990–х гг., а прирост русского населения в Татарстане и Башкортостане сменился миграционным оттоком. Причины здесь во многом те же, что и в случае с бывшими союзными республиками. В тройку лидеров самой неэффективной русской миграции (без учета Чеченской Республики и Республики Ингушетия) входят Дагестан, Саха (Якутия) и Тува. Например, в Дагестане, в 1959 г. русские составляли 20% населения. Начиная с 1970 г., их доля в составе населения стала снижаться: 1970 г. – 14,6%, 1979 г. – 11,1%, 1989 г. – 9,2%, 1998 г. – 6,5% [13].

Репатриация (внешняя и внутренняя) представителей русского и других этносов. В эту группу включаются вынужденные переселенцы и беженцы, признанные РФ в соответствующем статусе. В 1990–х годах вынужденные мигранты составляли пятую часть (21,2%) от всех мигрантов на территории России из бывших республик СССР. За 1992–2000 годы в Российской Федерации получили статус вынужденных переселенцев и беженцев

1612,4 тысячи человек из более 2 миллионов подавших соответствующие ходатайства. Из государств – участников СНГ и стран Балтии получили статус 1369 тыс. чел., а из регионов России (Чечня, Осетия и Дагестан) – 241,5 тыс. чел. В среднем за все годы доля русских составила 71 % (в 1995–1996 гг. их доля достигала 80%). Заметную долю в общем составе составляют осетины, татары, украинцы, чеченцы, ингуши [14].

Репатриация и реэмиграция автохтонных (титульных) этносов Российской Федерации из стран дальнего зарубежья, стран СНГ и Балтии не в свои национальные (титульные) государственные образования. Аналогичные первым двум видам потоки мигрантов, наполненные представителями других этносов. Например, вынужденные переселенцы и «добровольные» мигранты из числа татар, движущиеся не в места своего автохтонного или исторического проживания.

Этнические международные миграции, которые осуществляют реэмиграцию и возвращение автохтонных (титульных) этносов в свои национальные образования. Пример – выезд из России в страны СНГ и Балтии: латышей в Латвию, эстонцев в Эстонию, казахов в Казахстан и т.п. Въезд из стран СНГ и Балтии автохтонных (титульных) этносов РФ в свои титульные национальные образования. Въезд из дальнего зарубежья представителей титульных этносов, исторически проживающих на территории РФ (например, въезд косоваров из Сербии (Косово) в Адыгею). В Краснодарском крае с движением этносов реэмигрирующих в места своего исторического проживания связано значительное уменьшение в межпереписной период численности представителей автохтонных (титульных) этносов из стран СНГ и Балтии: белорусы – на 24,3%; киргизы на 85,1%; латыши – на 29,0%; литовцы – на 27,2%; молдаване – на 12,5%; эстонцы – на 28,8%; туркмены – на 30,3%; узбеки – на 24,3% [15].

Этнические внутрirosсийские миграции, которые осуществляют выезд из субъектов РФ и въезд автохтонных (титульных) этносов в свои национальные образования. Это, прежде всего, отмеченное выше движение русского населения из национальных республик, Возвратные миграции этого вида так же можно показать на материале данных о приросте/убыли населения по Краснодарскому краю. Здесь за период 1989–2002 гг. почти исключительно, по причине выезда в титульные этнообразования, произошло уменьшение численности в таких этногруппах как адыгейцы на 23,9%; коми – 24,9%; мордва – 28,8; удмурты – 22,9%; и представителей целого ряда других этносов [16].

Выезд из национальных республик и возвращение (внутренняя репатриация) автохтонных (титульных) этносов, вынужденно покинувших территорию этих республик в связи с военными действиями и межэтническими столкновениями. Например, движение чеченцев по отношению к Чечне, ингушей по отношению к Северной Осетии как граждан, «временно

покинувших» территорию этих республик. В 1999–2002 гг. места проживания на территории Чеченской республики, по данным государственной регистрации покинули 568,7 тыс. чел., из них в Ингушетию переместились 308,9 тыс. чел., преимущественно чеченцы [17].

Внутренняя миграция автохтонных (титульных) этносов из национальных субъектов РФ на постоянное место жительства в другие регионы. Например, чеченцев в Ростовскую область, народностей Дагестана в Ставропольский и Краснодарский края. Так, в Краснодарском крае за период 1989–2002 гг. произошел прирост численности осетин, чеченцев, ингушей более чем в 2,5 раза. Заметно изменение численности в этногруппах, принадлежащих по истокам своего автохтонного проживания к народам Дагестана: аварцы – 146,1%; кумыки – 155,4%; лезгины – 133,1%; табасараны – 182,1%; удины – 532,2% [18].

Иммиграция в Россию на постоянное место жительства представителей автохтонных (титульных) этносов из республик СНГ и стран Балтии, например, армян, азербайджанцев, грузин, таджиков, узбеков и др. В межпереписной период (1989–2002 гг.), в результате переселений в Россию, произошел существенный рост этнических диаспор азербайджанцев с 335,9 тыс. чел. до 621,8 тыс. чел. (+ 185%); армян с 532,4 тыс. чел. до 1130,5 тыс. чел. (+ 212%); грузин со 130,6 тыс. чел. до 170,9 тыс. чел. (+151,5%); таджиков с 38, 2 тыс. чел. до 120,1 тыс. чел. (+314,4%) [19].

Репатриация и реэмиграция по программе добровольного переселения российских соотечественников из ближнего и дальнего зарубежья. Указом президента РФ от 22 июня 2006 г. утверждена «Программа по оказанию содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом», рассчитанная на реализацию в 2006–2012 гг., обращенная к 30-ти миллионам соотечественников и предполагающая переселение 5–6 миллионов из них [20].

Репатриация в места исторического проживания этносов и этнических групп, подвергшихся депортациям в период 1938–1940-х гг. В рассматриваемый период времени эти потоки были не столь масштабны и интенсивны, как это происходило в 1970–1980 гг., но, все же, оставались значимыми для понимания этнических миграций.

Выезд из мест депортации и въезд не на территорию депортационного выезда этносов и этнических групп, подвергшихся депортациям в период 1938–1940-х гг. (например, турок–месхетинцев, курдов, хемшилов). Этот вид миграционных перемещений возник под влиянием резко выраженных сressoгенных факторов. В 1989 г. в Узбекистане проживало 106,3 тыс. из 207,5 тыс. турок–месхетинцев в СССР. С 23 мая по 8 июня 1989 г. в городах Фергана и Маргилан произошли массовые столкновения узбеков и таджиков с турками–месхетинцами, сопровождавшиеся насилием и погромами, в которых было убито более 100 чел., пострадали около тысячи,

разграблено и сожжено более 1000 домов. Массовый выезд турок–месхетинцев из Узбекистана превратился в бегство из мест выселения и стал прологом столь же массовой вынужденной миграции. Расселение беженцев происходило по всей территории СССР. Так, в начале 1990–х гг. в Краснодарском крае проживали 13580 турок–месхетинцев (из них только в Крымском районе более 8,5 тыс.), в областях: Белгородской – 3372, Воронежской – 2387, Курской – 1839, Волгоградской – 1560, Ростовской – 1447, Орловской – 635, Смоленской – 503 чел [21].

Международная иммиграция в Россию представителей автохтонных (титульных) этносов из стран дальнего зарубежья на постоянное место жительства. Например, сербов, китайцев, вьетнамцев, арабов, пуштунов и др. Так, представительство вьетнамцев среди населения России между переписями 1989–2002 гг. выросло с 2,1 тыс. чел. до 26,2 тыс. чел. (+ 1223,4 %); китайцев с 5,2 тыс. чел. до 34,6 тыс. чел. (+ 665,3%) [22].

Этнические (по представительству) трудовые миграции (международные и внутренние). В 2006 г. иностранная рабочая сила в Российскую Федерацию прибывала из 120 стран мира. Численность легальной составляющей – более 1 млн. чел. Объем нелегальной оценивается в 7–10 млн. чел. Среди бывших союзных республик, из которых в Россию направлены важнейшие потоки трудовой миграции, выделяются Украина, Таджикистан, Узбекистан, Молдавия, Армения, Азербайджан, Грузия. Из стран дальнего зарубежья самыми крупными экспортёрами иностранной рабочей силы выступают Китай, Турция, Вьетнам, КНДР и Югославия. Кроме того, на потребности российского рынка труда все больше ориентируются такие восточноевропейские страны, как Болгария, Румыния, Польша, а также соседняя Финляндия. Новые тенденции трудовой миграции в Россию связаны с расширением географии стран – экспортёров рабочей силы. На работу в Россию стали приезжать трудовые мигранты практически из всех европейских государств, стран Африки, Центральной и Южной Америки, Австралии [23].

Стационарная эмиграция представителей русского и других автохтонных (титульных) этносов из России в страны дальнего зарубежья. Валовая численность эмигрантов из России в 1990-е годы в этом направлении составила около 1 млн. чел. В 2000 г. русские составили 41,5% эмигрантов. В целом же за период 1993–2000 гг. из России выехали 222,8 тыс. русских [24].

Репатриация и реэмиграция евреев, немцев, греков на историческую родину в места автохтонного проживания этносов в странах дальнего зарубежья. В 1993–2000 гг. из России выехали 293,6 тыс. немцев, 83,2 тыс. евреев [25].

В отдельную группу этнических миграций попадает уже состоявшийся массовый выезд турок–месхетинцев в США. По данным профильного депар-

тамента Краснодарского края в 2005–2008 гг. по программе переселения в США из Краснодарского края выехали 11315 турок-месхетинцев [26].

Предлагаемая классификация охватывает широкий круг миграционных явлений и процессов, происходящих в современной России, но не претендует на завершенность и окончательность. Напротив, предполагает продолжение исследовательских действий в этом направлении. События, связанные с вторжением грузинских войск в Южную Осетию в августе 2008 г., их военные действия здесь, представляющие по содержанию этнические чистки, вызвали появление новой волны этнических беженцев в Россию. Несомненно, что и в дальнейшем те или иные проявления факторов этнического характера приведут к образованию других новых потоков этнических мигрантов.

Заключение

Итак, этнические миграционные процессы на пространстве бывшего СССР и внутри России возникают под влиянием специфических факторов, формируются из представителей этнических общностей и групп, объединяемых идентичной или сходной мотивацией и направляющихся в определенные общины места нового поселения.

Несмотря на существенное сокращение объема и интенсивности миграционных потоков миграционная проблематика продолжает оставаться в поле зрения ученых и практиков в силу целого ряда уже имевших место и новых обстоятельств. Среди них, на наш взгляд имеют чрезвычайно актуальное значение такие, как необходимость разработки политических стратегий поведения России в решении вопросов внешней и внутренней миграции, поиск оптимальных и эффективных правовых регуляторов иммиграции, особенно в части трудовой миграции, репатриация соотечественников, сокращение оттока из страны в группах интеллектуального, высококвалифицированного и демографически-активного населения.

Предлагаемая классификация призвана дать более четкие ориентиры для выработки политики и формирования институциональных регуляторов в области управления миграционным движением российского населения, приема различных категорий внешних мигрантов, регулирования эмиграционных процессов. Дифференциация миграционных потоков, образующихся под влиянием этнических факторов и имеющих те или иные следствия для отдающих и принимающих обществ, позволит выработать критерии и конкретные ожидания применительно к каждому из них. В свою очередь, это необходимо для разработки конкретных программ и проектов, адресованных, с учетом ее специфики, отдельным категориям мигрантов на всех этапах миграционного процесса. Это и пресловутые требования в иммигрантам, воплощенные, скажем, в балльные системы приема. Это и

программы адаптации и интеграции мигрантов в принимающих обществах. Это и программы обустройства условий в России для сокращения нежелательного оттока из нее своих граждан.

Есть и другой, не менее важный, аспект практического использования классификации. Он находится в плоскости коммуникации как непосредственно контактной межличностной и межгрупповой, так и посредством СМК. Совершенно очевидна необходимость перехода от вульгарного, по своей простоте, определения всех иных как «понаехали тут» к более адекватному представлению о сложном категориальном составе мигрантов, причинах их появления, целях и функциях, правах и обязанностях. Необходим безусловный отказ от журналистских неряшливо сработанных штампов, клеймящих и стигматизирующих всех без разбора определениями типа «гастарбайтеры», «желтая угроза» и т.д.

Необходимость продолжения внимательного изучения своеобразия и многообразия этнических миграций на пространстве бывшего СССР в конце XX – начале XXI вв., которые с течением времени становятся историей, актуализируется их воздействием на текущее состояние и ситуации взаимодействия мигрантов и местного населения, острой потребностью в выработке институциональных регуляторов, позволяющих сбалансировать интересы взаимодействующих сторон.

Продуктивное исследование свойств социальных феноменов в этой области зависит от последовательных научных действий, призванных объединить в познавательную систему комплекс теоретических конструкций, более валидно моделирующих реальную ситуацию, апробированных и новых методико-инструментальных средств корректно и по принципу дополнительности взаимоотносящихся друг с другом.

Литература

1. 35 лет исследований в области миграции в центре народонаселения (1967–2002 гг.): Аннотированный библиографический указатель / Сост. *И.В. Ивахнюк* / Гл. ред. *В.А. Ионцев*. М., 2002.; Миграции в трансформирующемся обществе: аннотированный библиографический указатель литературы, изданной в странах СНГ. 1992 – 1999 / Отв. ред. *Ж.А. Зайончковская*. М., 2000.
2. Народонаселение: Энциклопедический словарь / Гл. ред. *Г.Г. Меликьян*. М., 1994. С. 572.
3. *Арутюнян Ю.В.* О симптомах межэтнической интеграции в постсоветском обществе (на материалах социологического исследования в Москве) // Социол. исслед. 2007. № 7.
4. *Солдатова Г.У.* Психология межэтнической напряженности. М., 1998.
5. Новые явления в этнических миграциях России во второй пол. 90-х гг. М., 1999.
6. Борзунова Т.И., Макарова Л.В., Морозова Г.Ф. (1998). Республики России: этническая миграция и ее социальные последствия. М., 1998.

7. Итс Р.Ф. Введение в этнографию. Л., 1991. С. 56.
8. Демографический понятийный словарь / Под ред. проф. Л.Л. Рыбаковского. М., 2003. С. 256–257.
9. Каламанов В.А., Моисеенко В.М. и др. Управление миграционными процессами. М., 2002. С. 65.
10. Многоязычный демографический словарь. Русское издание. ООН. Нью-Йорк, 1964. С. 72.
11. Билсборроу Р.Е., Хьюго Грэм, Обераи А.С., Злотник Ханья. Статистика международной миграции: рекомендации по совершенствованию систем сбора данных. М., 1999. С. 35.
12. Борзунова Т.И., Макарова Л.В., Морозова Г.Ф. Республики России: этническая миграция и ее последствия. М., 1997. С. 22; Население России на рубеже XX–XXI веков: проблемы и перспективы / Под ред. В.А. Ионцева, А.А. Саградова. М., 2002. С. 258; Население России 2001: Девятый ежегодный демографический доклад / Под ред. А.Г. Вишневого. М., 2002. С. 143.
13. Мудуев Ш.С. Миграция и рынок труда в Дагестане // Трудовая миграция в СНГ: социальные и экономические эффекты / Отв. ред. Ж.А. Зайончковская. М., 2003. С. 215.
14. Воробьева О.Д. Вынужденная миграция в России // Современные проблемы миграции в России. М., 2003. С. 8–9; Население России 2001: Девятый ежегодный демографический доклад / Под ред. А.Г. Вишневого. М., 2002. С. 159.
15. Петров В.Н. Влияние миграций на этноструктурные изменения в Краснодарском крае // Власть и общество в Краснодарском крае: опыт истории и современность. 1906–2006 гг. (к 100-летию российского парламентаризма). Краснодар, 2006. С. 240.
16. Петров В.Н. Влияние миграций на этноструктурные изменения в Краснодарском крае // Власть и общество в Краснодарском крае: опыт истории и современность. 1906–2006 гг. (к 100-летию российского парламентаризма). Краснодар, 2006. С. 241.
17. Воробьева О.Д. Вынужденная миграция в России // Современные проблемы миграции в России. М., 2003. С. 12.
18. Петров В.Н. Влияние миграций на этноструктурные изменения в Краснодарском крае // Власть и общество в Краснодарском крае: опыт истории и современность. 1906–2006 гг. (к 100-летию российского парламентаризма). Краснодар, 2006. С. 240.
19. Степанов В.В., Тишков В.А. Россия в этническом измерении (по результатам переписи 2002 г.) // Социол. исслед. 2005, №9. С. 68.
20. Нормативно–правовая база и реализация Государственной программы по оказанию содействия добровольному переселению в Российскую федерацию соотечественников, проживающих за рубежом. Материалы Международного информационного форума «Интеграция соотечественников – 2007». М., 2007.
21. Петров В.Н. Иноэтничные мигранты и принимающее общество: особенности проблемного взаимодействия // Социол. исслед. 2005, №9. С. 76–77.

22. 30.

23. Миграция населения // Приложение к журналу «Миграция в России». Вып. 2: Трудовая миграция в России. М., 2001. С. 88; *Ивахнюк И.В.* Евразийская миграционная система: теории и политика // Миграция и развитие: доклады и статьи ведущих секций и докладчиков международной конференции «Миграция и развитие», Москва 13–15 сентября 2007 г. Сборник статей / гл. ред. В.А. Ионцев. М., 2007. С. 105.

24. Эмиграция и репатриация в России. В.А. Ионцев, Н.М. Лебедева, М.В. Назаров, А.В. Окоороков. М., 2001. С. 323.

25. Эмиграция и репатриация в России. В.А. Ионцев, Н.М. Лебедева, М.В. Назаров, А.В. Окоороков. М., 2001. С. 323.

***Красинец Е.С.,
Россия, г. Москва***

Трудовая миграция и миграционная политика в современной России¹

В настоящее время в Российской Федерации среди проблем миграционного движения населения все большее внимание привлекает поиск оптимальных подходов к привлечению и использованию иностранной рабочей силы с учетом перспектив демографического развития, необходимости устойчивого роста экономики, требований рынка труда, национальной безопасности, а также общемировых тенденций глобализации.

Регулирование трудовой миграции для согласования текущего и долгосрочного спроса на рабочую силу с ее предложением является одной из главных составляющих государственной миграционной политики. В условиях естественной убыли трудового потенциала важные задачи в этой сфере связаны прежде всего с определением перспективной потребности в количестве и качестве привлекаемых из других стран трудовых мигрантов.

При оценках реальной потребности экономики в чужих этносах недостаточно отталкиваться только от демографических прогнозов сокращения численности населения трудоспособного возраста. В связи с решением задачи ускоренного роста производительности труда и модернизации производства необходимо обеспечить большую скоординированность функционирования системы образования с динамикой спроса экономики на рабочую силу определенных профессий и квалификаций. Важно на перспективу также четко определиться с внутренними резервами увеличения трудового потенциала и возможностями дополнительных источников рабочей силы за счет решения проблем структурной безработицы, сокраще-

¹ Подготовлено при финансовой поддержке РГНФ, проект № 12-02-00231.

ния незанятости нуждающихся в работе, изменений в неформальной занятости граждан, легализации нелегальных трудовых мигрантов, активизации переселения соотечественников, повышения внутренней (в том числе трудовой) мобильности населения.

В целях компенсации складывающегося дефицита рабочей силы целесообразно вернуться к практике прогнозных балансовых разработок в сфере труда, определяющих в среднесрочной и долгосрочной перспективе потребность в трудовых мигрантах на российском рынке труда.

Для совершенствования процессов привлечения и использования иностранной рабочей силы многое необходимо сделать в правовой сфере регулирования трудовой миграции. Требуется внести такие изменения в миграционное законодательство и Трудовой кодекс Российской Федерации, которые на практике обеспечивали бы защиту национального рынка труда и приоритетное право россиян на занятие вакантных рабочих мест.

В условиях перехода экономики на инновационный путь развития крайне актуальной становится разработка процедур, которые поощряют въезд в Россию нужных для страны мигрантов и ограничивают доступ на отечественный рынок труда тех, в ком нет нужды. На передний план выходят мероприятия, способствующие диверсификации потоков трудовых мигрантов и приданию им различного статуса. Среди них особое значение имеют разработка и внедрение дифференцированные механизмов отбора, привлечения и использования иностранной рабочей силы.

Исходя из задач модернизации миграционной политики, стратегия управления трудовой миграцией должна сместить приоритеты в пользу реализации адресных мер по содействию постоянной и временной миграции в Россию лиц с высоким уровнем образования и квалификации, выдающимися способностями, предпринимателей, а также лиц, желающих инвестировать или организовать свой новый бизнес в стране. При осуществлении мер миграционной политики необходимо упрощать процедуры привлечения высококвалифицированных специалистов и квалифицированных работников по профессиям, востребованным на российском рынке труда. Одновременно должны быть установлены более жесткие административные и экономические барьеры на пути найма на работу трудовых мигрантов для выполнения малоквалифицированных и неквалифицированных работ.

В целях более эффективного регулирования рынка труда иностранных работников целесообразно передать функции выдачи им разрешений на трудовую деятельность из миграционной службы в службы занятости. Принципиальное значение для оптимизации использования иностранных работников имело бы внедрение механизмов регулирования численности и структуры привлекаемой рабочей силы из-за рубежа, основанных на оперативном рассмотрении заявлений на получение разрешения на работу трудовыми мигрантами в территориальных службах занятости.

Пристальное внимание в сфере миграции населения должно быть уделено дальнейшему наращиванию усилий по защите отечественного рынка труда от неконтролируемого притока иностранной рабочей силы. Поскольку нелегальная миграция тесно связана с функционированием теневого сектора экономики, политика в области регулирования незаконной миграции должна быть более тесно увязана с политикой в области противодействия теневой экономике. От принятия своевременных мер по противодействию незаконной миграции и занятости иностранных граждан во многом зависит позитивное влияние трудовой миграции на решение экономических задач и обеспечение безопасности страны. Эта система мер должна минимизировать негативные последствия латентной иммиграции и максимизировать экономические выгоды от использования иностранных работников для устойчивого развития российской экономики.

***Maksakova Lyudmila,
Uzbekistan, Tashkent***

Role of Emigration and Immigration in migration processes in Uzbekistan

Migration situation in a specific country is a result of intertwining processes of internal and external migration, which significantly impacts composition of country's population. Internal migratory processes result in re-balancing of population among regions, between urban and rural areas, among different urban municipalities and within rural areas. External migratory processes significantly influence the size of country's population and its social fabric including country's social structure by causing shifts in age-related, educational, and ethnical composition of the society.

From the perspective of the global economy migration processes link different countries and continents. Per the UN statistics, external migratory processes will encompass 200 million people in the XXI century. This means that 3.1% of the world's population will reside outside its countries of origin¹.

The main characteristic of the external migration is ratio of immigration inflow and emigration outflow. In Uzbekistan external migratory processes have been taking place for a long time. Over the last 150 years Uzbekistan has experienced influences of very diverse migratory processes with varying ratios of immigration inflow and emigration outflow. For a long time the population in Uzbekistan had grown due to substantial immigration, then later, the population decreased due to substantial emigration.

¹ International Migration 2009. United Nations. Department of Economic and Social Affairs. Population Division. New York, 2009.

The process of building a new independent nation and market economy significantly impacted the ratio and direction of the immigration and emigration flows.

Ratio Between Emigration Inflow and Immigration Outflow: As of recently, Uzbekistan has shown new trends in its migration processes. Immigration has significantly decreased. According to the official statistics, over the last few years the number of immigrants in Uzbekistan has been in the range of 5,000–8,000 people a year, as opposed to 70,000–90,000 during the Soviet times and 30,000–35,000 people in the mid 90-ties. Additionally, there used to be a lot more variability in immigrants' countries of origin than there is at present. In 1991, the last year of the USSR's existence, practically all Soviet republics were involved in emigration and immigration processes. All countries had immigrants from other Soviet republics, although Central Asia was the main immigration destination receiving 43.2% of the total number of immigrants within the Soviet Union. Russia and Ukraine also played a significant role as countries receiving substantial number of immigrants. Baltic and Caucasian republics were not significantly involved in immigration process.

This situation has noticeably changed during the years subsequent to the disintegration of the Soviet Union. Percent of immigrants from Russia remained fairly stable. The percentage of immigrants from Kazakhstan has doubled and percent of immigrants from all other ex-soviet republics has decreased, especially from other Central Asian neighboring countries.

These data clearly show an overall trend of significantly higher immigration from Kazakhstan and severance of migratory ties with a number of other post-Soviet countries.

Similar trends have developed in emigration processes. The number of emigrants from Uzbekistan has been on a steady decline and has decreased three times during the post-Soviet period. The most preferred destinations for Uzbek emigrants are Russia and Kazakhstan. Since 2000 Uzbekistan emigration's preferred destination has become Kazakhstan. Over the last few years Kazakhstan absorbed approximately 50% of Uzbek emigrants. Research shows that the main reasons behind this trend are geographic proximity, commonality between the two national psyches, and, to certain extent, religious similarities.

In summary, over the last two decades both immigration and emigration volumes in Uzbekistan have **significantly decreased. The difference between the number of immigrants and emigrants has become** a lot more substantial due to a decrease in the number of immigrants. External migration mainly takes place within the CIS region. Regardless of differences in numbers and trends of the migratory flows, the main migration partners for Uzbekistan remain Kazakhstan and Russia.

At the same time, emigration destinations for Uzbek citizens became a lot more diverse and now include many countries outside the CIS region. Emigra-

tion to these countries, however, is negligible and accounts for only 2–2.5% of the total emigration from Uzbekistan.

Net Migration: For Uzbekistan emigration outflow is significantly higher than immigration inflow, therefore the net migration is negative. Emigration trend started back in the 1970-ties and has been a consistent over the last 35 years. Lack of jobs and the rapid growth of labor force have been the main reasons behind this emigration trend.

The magnitude of emigration from Uzbekistan has changed throughout the years. During the Soviet times the number of emigrants ranged between 25,000–50,000 people per year. After the disintegration of the Soviet Union the number of emigrants each year varied substantially affecting the net migration. The peak of the emigration from Uzbekistan fell on 1989–1990 when the imminent collapse of the Soviet state was widely anticipated. At that time across the USSR the repatriation trend increased; Uzbekistan had a very high percentage of non-native population.

Currently Uzbekistan shows a negative net migration with all CIS countries with exception of Tajikistan from where 200-300 people move to Uzbekistan for permanent residence. Over the last couple of years the emigration from Uzbekistan has reduced which is a positive trend considering that Uzbekistan loses significant number of its qualified and educated people as a result of emigration. The analysis of the education level of both immigrants and emigrants shows that percentage of high-school or college graduates is significantly higher for emigrants than for immigrants. The most significant outflow of the qualified work force is from Tashkent and Ferghana region. Industry cross-section analysis of the Uzbek emigration shows that the most significant emigration outflow falls on heavy equipment manufacturing, education, healthcare, scientific research and performing and fine arts.

External migration is dominated by non-native population while native population usually migrates within the territory of Uzbekistan, however an increasing number of ethnic Uzbeks is emigrating. Per the official Uzbek statistics, presently 10% of emigrants are Uzbek compared to 6–7% of Uzbek in the beginning of the decade.

Migration Volume: New trends are reshaping migratory flows in Uzbekistan. The population tends to move more internally within the country than outside the country. In 1990 external migration accounted for more than a half of total migration volume (50.2% of migration volume was between the USSR republics and 7.6% of migration volume fell on foreign countries). Now the percent of external migration reduced to 30.8%. During the same period the volume of the internal migration has increase from 42.2% to 69.2%. Over the last ten years the ratio between external and internal migrations has stabilized towards a higher percentage of the external migration.

Over the last 20 years the overall volume of migration has decreased. In 1990 631,000 people (1.4% of the population) migrated within and outside the country, in 2000 – 208,000 people (0.8% of the population), and in 2009 - 190,000 people (or 0.7% of the population). Therefore, there is a clear trend towards reduced population mobility in Uzbekistan.

Population mobility is an important socio-economic indicator and has positive and negative aspects. Refugees and forced migrants phenomena are considered to be a negative aspect of the population mobility. However population mobility plays a very important role in society as it enables countries to solve important problems of labor force shortages and excesses, demand and supply of the qualified labor resources etc. And from individual perspective, every migrant can overcome his own unique socio-economic challenges of receiving an education, professional promotion, improving living standards etc. Population mobility in the modern society, however, is limited by cost of move, arranging accommodation and excessive red tape.

Changes in ethnic composition in immigration inflow and emigration outflow: Ethnic composition of migration has significantly changed over the years. Immediately following the collapse of the Soviet Union the repatriation of numerous ethnic minorities was a dominant trend of the emigration from Uzbekistan. Approximately half of the emigrants were Russians (45–48%), Tatars (16–17%), Ukrainians (5–6%), Jewish (5–9%) and Germans (2–3%). Currently the ethnic composition of the emigration is very different: Kazakhs are the largest ethnic group among emigrants (42% in 2008), Russians account for 24–25%, Tatars – 8–9%, Ukrainians – 2% and Jewish and Germans combined – less than 2%, Koreans – 3–4%.

Per the official Uzbek statistics, 98% of emigration takes place within the boundaries of the CIS. For the most part, the main emigration destination is Russia that absorbed more than 60% of the Uzbek emigrants during 1991–2010. 75% of these emigrants are ethnic repatriated Russians.

On the other hand, approximately one third of recent immigrants to Uzbekistan are ethnic Uzbeks. The rest are Russians (17–18%) and Kazakhs (20–21%).

Emigration has dramatically impacted the ethnic composition of the population in Uzbekistan. Over the last 20 years the number of ethnic Russians residing in Uzbekistan decreased 1.7 times. The number of other ethnic minorities including Ukrainians, Tatars, Jewish and Germans also significantly decreased. As a result, percentage of native Uzbek population in the ethnic composition of Uzbekistan increased from 73.5% to 85%.

Going forward, the main factor of the migration dynamics in Uzbekistan will be changes in mobility of the ethnic Uzbeks as the migratory potential of other ethnicities has been substantially exhausted.

**Максакова Л.П.,
Узбекистан, г. Ташкент**

Эмиграционные и иммиграционные потоки в современных миграционных процессах в Узбекистане

Внешние миграции населения в условиях глобализации. Миграционная ситуация в каждой стране складывается в результате переплетения всего комплекса миграционных процессов, как внутренних, так и внешних. Все они оказывают достаточно заметное воздействие на формирование и развитие населения. Результатом внутренних миграций является межрегиональное перераспределение населения по территории страны, в частности, между селом и городом, между городами различной величины, а также внутри сельской местности. Внешняя или межгосударственная миграция воздействует на количественный и качественный состав населения. С одной стороны, она влияет не только на размещение населения, но и на общую численность жителей страны, динамика которой главным образом зависит от естественного движения населения, но в определенной мере и от соотношения численности выбывших и прибывших. С другой стороны, внешняя миграция, вымывая определенные слои населения, оказывает влияние и на качественные параметры, в частности, на возрастную, национальный, образовательный состав населения в местах выхода и вселения. Поэтому значение ее достаточно велико.

В условиях глобализации миграционные процессы связывают и объединяют страны и континенты. По оценкам экспертов ООН, в XXI веке объем внешних миграций превышает 200 миллионов человек, это означает, что 3,1% населения мира живут за пределами своих стран происхождения¹.

Внешнюю миграцию населения характеризует соотношение иммиграционных и эмиграционных потоков, каждый из которых имеет свои особенности и свою динамику.

В Узбекистане внешние миграции населения имеют давнюю историю. За последние полтора века на территории республики прослеживались различные миграционные процессы, результаты которых определялись интенсивностью и соотношением иммиграционных и эмиграционных потоков. Длительное время республика пополнялась населением за счет миграции, затем наступил длительный период миграционного оттока.

В процессе создания независимого государства и рыночного реформирования экономики в миграции населения Узбекистана произошли значительные изменения, обусловленные огромными социально-экономиче-

¹ International Migration 2009. Unated Nations. Department of Economic and Social Affairs. Population Division. New York, 2009.

скими и политическими преобразованиями, трансформацией экономического развития. Изменения коснулись характера, объемов и структуры миграций, направленности миграционных потоков, их соотношений. Узбекистан пережил несколько миграционных волн. Сложное переплетение разнообразных факторов, различающихся силой влияния, а нередко и разнонаправленным воздействием, обусловило значительные количественные и качественные изменения в миграционных процессах и миграционной ситуации в республике.

В современном Узбекистане в развитии внешней миграции происходят достаточно заметные особенности, которые прослеживаются в динамике и иммиграционных, и эмиграционных потоков.

Соотношение иммиграционных и эмиграционных потоков миграции. В их развитии в Узбекистане прослеживаются новые тенденции. Прежде всего, следует отметить значительное уменьшение иммиграции. По данным Госкомитета по статистике, в последние годы численность прибывших в республику находится в пределах 5–8 тыс. человек в год, против 70–90 тыс. человек в советский период и 30–35 тыс. человек в середине 90-х гг., что значительно ниже, чем в начале 90-х гг. Причем, в прошлые годы территориальная структура иммиграционных потоков по странам выхода отличалась достаточным разнообразием (табл. 1).

Таблица 1

Структура иммиграционных потоков по странам выхода, в % к итогу

Страны выхода	1991 г.	2000 г.	2008 г.
Азербайджан	1,0	1,1	0,6
Армения	0,2	0,3	0,4
Беларусь	1,0	0,8	0,1
Грузия	0,2	0,4	-
Казахстан	17,2	18,8	35,8
Кыргызстан	11,8	6,1	5,8
Молдова	0,2	0,4	-
Россия	43,2	43,7	41,3
Таджикистан	9,9	10,1	10,2
Туркменистан	4,3	5,4	1,3
Украина	7,6	5,2	2,5
Страны Балтии	0,3	0,1	-
Зарубежные страны	3,1	7,6	2,0
Итого	100,0	100,0	100,0

Источник: Рассчитано по данным Госкомстата РУз.

В 1991 г. в иммиграционных процессах участвовали практически все бывшие союзные республики, и численность прибывших распределялась по всем участникам, несмотря на то, что доминирующие иммиграционные потоки и тогда приходились на Центральную Азию (43,2% от общего объ-

ема) и Россию. Достаточно значимым был показатель по Украине. Лишь участие стран Балтии и Закавказья в иммиграционных процессах было незначительным. Как видно из приведенных данных, в последующие годы ситуация заметно изменилась. Доля прибывших в Узбекистан на постоянное место жительства из России оставалась относительно стабильной, из Казахстана – выросла в 2 раза, по остальным странам – сократилась. Следует отметить заметное относительное уменьшение иммиграционных потоков из соседних республик Средней Азии – Туркменистана и Киргизии. Лишь с Таджикистаном иммиграция по удельным весам осталась на прежнем уровне. В целом по всем странам Центрально-азиатского региона общий объем иммиграции в настоящее время не превышает 2–3 тыс. человек в год.

Приведенные данные показывают, что общими тенденциями в динамике иммиграционных потоков является повышение роли Казахстана и свертывание миграционных связей с целым рядом постсоветских стран.

Аналогичные тенденции развиваются и в эмиграционных процессах. (табл. 2).

Таблица 2

Структура эмиграционных потоков по странам выхода, в % к итогу

Страны вселения	1991 г.	2000 г.	2008 г.
Азербайджан	1,9	0,2	0,1
Армения	0,3	0,1	-
Беларусь	0,8	0,6	0,3
Грузия	0,1	-	-
Казахстан	10,4	11,7	48,8
Кыргызстан	4,2	1,9	0,8
Молдова	0,1	0,1	-
Россия	39,4	72,3	44,7
Таджикистан	3,2	0,6	0,4
Туркменистан	2,0	0,7	0,1
Украина	20,0	4,2	2,6
Страны Балтии	0,1	0,1	-
Зарубежные страны	17,5	7,5	2,2
Итого	100,0	100,0	100,0

Источник: Рассчитано по данным Госкомстата РУз.

Численность выехавших из Узбекистана на постоянное место жительства также уменьшается. По расчетам, за постсоветский период она сократилась в 3 раза. Как видно из приведенных данных, наиболее предпочтительными странами вселения являются Россия и Казахстан. Причем, в новом веке происходит очевидная переориентация эмиграции на Казахстан. В последние годы на эту страну приходится около половины всех выехавших из Узбекистана. По мнению исследователей, основными причинами

относительного роста миграции в Казахстан являются территориальная близость, схожесть менталитета соседних народов, в определенной мере и мусульманский фактор.

Таким образом, за последние два десятилетия объем внешней миграции населения Узбекистана значительно сократился, и в иммиграционных, и в эмиграционных потоках. Причем, в последние годы разрыв между ними заметно увеличился, главным образом, за счет снижения интенсивности прибытия. Как видно из приведенных данных, внешние миграции происходят главным образом на территории СНГ. При всех различиях в величине и динамике миграционных потоков основными миграционными партнерами Узбекистана остаются Россия и Казахстан. В то же время орбита миграционных связей населения Узбекистана значительно расширилась, в нее включились многие европейские и заокеанские страны. Однако миграционные связи с зарубежными государствами составляют лишь небольшую часть внешней миграции населения Узбекистана. Объем этих потоков в последние годы значительно сократился, до 2% от общей численности. Главными из таких стран являются Израиль, Турция, Германия, Греция, США.

Сальдо миграции. В Узбекистане во внешних миграционных процессах эмиграция населения значительно превышает иммиграцию, в результате чего формируется отрицательное сальдо. Следует отметить, что миграционный отток населения из республики возник не в годы перестройки и не в современный период трансформации, а еще в середине 70-х годов прошлого века и является устойчивой тенденцией уже на протяжении более 35 лет. Он был обусловлен особенностями демографического и социально-экономического развития в различных регионах Советского Союза, быстрым ростом трудовых ресурсов республики при ограниченных возможностях обеспечения занятости, усилением демографического давления на трудовую сферу и другими факторами.

Величина миграционного оттока за этот период значительно менялась. В советский период она дифференцировалась в пределах 25–50 тыс. человек в год, в последующие годы изменялась скачкообразно, что отражалось на динамике величины отрицательного сальдо внешней миграции (График 1). Пик миграционного оттока населения из республики пришелся на 1989–1990 гг., когда уже ощущался возможный распад СССР, и началось интенсивное формирование репатриационных потоков миграции. По всей стране усилилось возвращение людей на свою историческую родину, а в Узбекистане доля пришлого населения, сформировавшаяся в результате миграционных процессов прошлых лет, была очень высокой.

В настоящее время практически со всеми государствами СНГ Узбекистан имеет отрицательное сальдо миграции. Исключением является лишь Таджикистан, дающий небольшой приток населения (в пределах 200–300 человек в год). В последние годы величина миграционного оттока зна-

чительно сократилась, что можно считать достаточно устойчивой тенденцией миграционной ситуации республики.

График 1

Источник: данные Госкомитета Республики Узбекистан по статистике.

Снижение миграционного оттока населения является для Узбекистана, несомненно, позитивной тенденцией, так как во внешних миграциях республика теряет не только определенную часть населения, но и немало своих квалифицированных кадров. Анализ динамики образовательной структуры миграции показывает, что в численности эмигрантов доля населения, имеющего среднее специальное и высшее образование, на 12–15 п.п. выше, чем у иммигрантов. Наибольший отток квалифицированных кадров происходит из города Ташкента, городов Ташкентской и Ферганской областей, а из отраслей экономики – машиностроение (особенно авиастроение и приборостроение), профессиональное образование, медицина, наука и культура.

Миграция титульного населения. Во внешних миграционных процессах в большей мере участвует пришлое население, а титульное население перемещается в основном в пределах республики. Участие его в межгосударственной миграции продолжает оставаться относительно небольшим, но в последние годы оно стало расти. По данным Госкомитета по статистике, в современных потоках эмиграции из Узбекистана доля титульного населения превышает 10% против 6–7% в начале века. Однако этот относительный рост обусловлен общим сокращением масштабов

эмиграции, а абсолютные величины выезда узбеков и каракалпаков за пределы республики увеличились незначительно.

Во внешних миграциях в основном участвует титульное население городов, причем, в конце 80 – начале 90-х гг. участие села было более значительным, чем сейчас. В начале 90-х гг. среди прибывшего в республику титульного населения определённую долю составили репатрианты. С обретением государственного суверенитета в Узбекистан возвратилась часть потомков людей, покинувших свою страну в годы революции, гражданской войны и в последующие периоды, а также часть узбеков и каракалпаков, живших ранее в других республиках на территории Советского Союза. К настоящему времени этот поток практически исчерпан.

По расчетам, в настоящее время во внешних миграциях эмиграционные потоки титульного населения заметно превышают иммиграционные. Узбекистан теряет часть своего титульного населения, как в обмене с государствами СНГ, так и с зарубежными странами. По своей величине этот миграционный отток невелик и в последние годы не имеет четко выраженной тенденции роста.

Таблица 3

Структура иммиграции и эмиграции в разрезе регионов Узбекистана, в % (2009 г.)

Регионы Узбекистана	Иммигранты	Доля мужчин в численности иммигрантов	Эмигранты	Доля мужчин в численности иммигрантов
Республика Узбекистан	100,0	45,1	100,0	46,5
Республика Каракалпакстан	17,3	47,4	31,5	71,5
Андижанская область	3,9	39,0	1,1	41,2
Бухарская область	1,6	49,0	2,6	51,3
Джизакская область	2,0	41,2	5,8	48,7
Кашкадарьинская область	22,0	37,1	2,3	45,0
Навоийская область	8,5	47,4	7,8	47,5
Наманганская область	0,6	57,5	0,9	51,2
Самаркандская область	4,9	42,4	3,0	47,8
Сурхандарьинская область	2,1	50,7	0,5	55,6
Сырдарьинская область	2,4	41,2	3,4	47,1
Ташкентская область	13,7	47,3	21,3	46,3
Ферганская область	8,3	58,6	2,6	45,3
Хорезмская область	0,9	51,7	1,7	50,7
Город Ташкент	11,8	44,7	15,5	46,2

Источник: Рассчитано по данным Госкомстата РУз.

Участие регионов республики во внешних миграциях населения.

Как видно из приведенных данных (табл. 3), регионы республики в разной степени участвуют во внешних миграциях. Большая доля населения, прибывшего в Узбекистан, в настоящее время приходится на Каракалпакстан, что обусловлено общим оживлением миграционных связей с Казахстаном, т.к. население Каракалпакстана в большей мере, чем других регионов республики, по этническим признакам, языку, национальному составу достаточно близко к Казахстану.

Эмиграционные процессы затрагивают главным образом территории с компактным проживанием не титульного населения, влияя не только на численность, но и на национальный состав населения этих территорий. Это, прежде всего, столичный регион (город Ташкент и Ташкентская область), на который в 90-х гг. приходилась половина (48,2%) всей эмиграции из Узбекистана. Вследствие миграционного оттока общая численность населения города Ташкента и области длительное время росло значительно медленнее, чем в других регионах республики. Так, за 1991–2000 гг. число жителей Ташкента и Ташкентской области увеличилось всего на 4,6%, в то время как в целом по республике – на 18,2%. В 2010 г. это соотношение составляло 1,3 и 1,7%.

В последние годы доля столичного региона в эмиграционных потоках несколько снизилась, за счет роста эмиграции из Республики Каракалпакстан в Казахстан, вызванной целым рядом факторов, в числе которых немалое значение имеют и экологические, связанные с ухудшением среды обитания на территориях, прилегающих к Аральскому морю. В 2009 г., например, на долю столичного региона приходилось 38,8%.

Валовой объем миграции. Новые тенденции в области миграции населения несколько изменили структуру миграционных потоков. В Узбекистане происходит относительный рост внутренних и сокращение внешних перемещений населения. По расчетам, в 1990 г. внешние миграции значительно превышали половину (50,2% межреспубликанские миграции и 7,6% зарубежные) валового объема, за эти годы доля их сократилась до 30,8 %. Внутриреспубликанские миграции за этот период увеличились с 42,2 до 69,2%. В 2000-х гг. соотношение внешних и внутриреспубликанских миграционных потоков относительно стабилизировалось (табл. 4), с небольшим перевесом внутренних миграций.

Таблица 4

Структура валового объема миграции населения Республики Узбекистан, в %

Миграционные потоки	2000 г.	2009 г.
Внутриреспубликанская миграция*	67,4	69,2
Страны СНГ и Балтии	30,1	30,3
Зарубежные страны	2,5	0,5
Итого	100,0	100,0

Источник: Рассчитано по данным Госкомстата РУз.

* С учетом только численности прибывших

Следует отметить, что за последние 20 лет значительно уменьшился общий валовой объем миграции населения Узбекистана: в 1990 г. он составлял 631 тыс. человек, в 2000 г. – 208 тыс. человек, в 2009 г. – 190 тыс. человек. Это означает, что в настоящее время ежегодно в миграционных процессах участвует около 200 тыс. человек или 0,7% всех жителей республики против 1,2–1,4% в начале 90-х гг. и 0,8% в 2000 г. Приведенные данные свидетельствуют о некотором снижении миграционной подвижности населения.

Миграционная подвижность, ее уровень и динамика всегда рассматривались как важные качественные характеристики населения. До тех пор, пока ни появились вынужденные миграции и беженцы, миграция рассматривалась в основном с позитивных позиций, как для общества, так и для каждого человека, вовлеченного в миграционные процессы. В обществе при посредстве миграции решались такие важные социально-экономические проблемы, как межотраслевые и межтерриториальные переливы рабочей силы, обеспечение развития экономики квалифицированными кадрами и др. А каждый человек, участвуя в миграции, решал свои конкретные проблемы, связанные с получением специальности, профессионального образования, продвижением в карьере, улучшением жилищных и других условий жизни.

Развитие миграционной подвижности в современных условиях сдерживается рядом факторов, в частности, удорожанием стоимости проезда, трудностями с получением или приобретением жилья на новом месте, административными барьерами и т.д. Переезд на новое место жительства даже в пределах республики требует немалых средств.

Изменение национального состава населения в эмиграционных иммиграционных и потоках. За последние 20 лет значительно изменился национальный состав внешних миграционных потоков. В первые годы после распада советской системы интенсивно происходили репатриационные процессы, поэтому преобладали этнические миграции. В начале 90-х гг. эмиграционные потоки характеризовались большим национальным разнообразием. Около половины выбывших из республики составляли русские – 45–48%, татары – 16–17%, украинцы – 5–6%, евреи – 5–9%, немцы – 2–3%. Кроме того, в пределах 1–2% были представители многих других национальностей.

В настоящее время эмиграция по национальному составу выглядит совершенно по-другому. В численности выбывших преобладают казахи (более 42% в 2008 г.), доля русских снизилась до 24–25%, татар – до 8–9%, украинцев – до 2%, немцы, евреи вместе составляют менее 2%, заметно возросла доля корейцев (3–4%). Несколько увеличилось участие титульного населения в эмиграционных процессах.

Национальный состав выбывшего населения по сути дела отражает основные территориальные направления эмиграции. По данным Госкомитета по статистике, основная часть эмиграции населения из Узбекистана происходит в пределах СНГ (97–98%). Наибольший поток ее направлен в Россию, которая за 1991–2010 гг. приняла более 60% общего объема эмиграции из республики, причем три четверти этого потока формировалось за счет этнических русских. По годам доля их различается, но тенденция преобладания русской эмиграции сохраняется неизменной в течение всего постсоветского периода. Представители других славянских национальностей занимают небольшой удельный вес, что соответствует их относительно невысокой доле в структуре общей численности населения республики, а следовательно, и их миграционному потенциалу.

В настоящее время в вопросах миграции населения из Узбекистана активно конкурирует с Россией Казахстан.

Среди титульного населения предпочтительными странами вселения являются США, Германия, Бельгия, Англия, ОАЭ. В этом ряду большое место занимает и Россия, главным образом, Москва, Санкт-Петербург, Калининград, города Поволжья. В основном это молодые и достаточно образованные люди средних слоёв, надеющиеся в большей мере реализовать свои жизненные планы в зарубежных странах.

За последние 20 лет изменился также национальный состав иммиграционного потока. По данным Госкомитета по статистике, в начале 90-х гг. в численности прибывших в республику преобладали узбеки (39–40%), русские (24–30%) и казахи (10–12%). Достаточно высокой была доля татар (6–8%), из остальных можно выделить и таджиков (2–4%), киргизов (1–1,6%) и корейцев (1,5–2%).

В современных иммиграционных потоках большое место также занимает титульное население: узбеки – 34%, каракалпаки – 0,5%, вместе они превышают треть численности прибывших. Сохраняет свои позиции и русское население, на русских приходится 17–18% общего объема иммиграции. Из соседних республик Центральной Азии наиболее значительной является доля казахов (20–21%), удельный вес таджиков сократился до 0,2–0,3%, а относительные величины иммиграции туркмен и киргизов – еще ниже. Однако следует отметить относительно небольшую величину прибытия, о чем было сказано выше, поэтому абсолютные значения иммиграции в национальном разрезе невелики.

В результате миграционного обмена населением с Центрально-азиатским регионом Узбекистан на протяжении длительного периода имеет общее отрицательное сальдо миграции. В 2008 г., например, оно составило 22,7 тыс. человек (2,9 тыс. прибывших и 25,6 тыс. выбывших). Положительное сальдо сохраняется только с Таджикистаном. Причем, среди прибывших из Таджикистана подавляющее большинство составляют этни-

ческие узбеки (в 2008 г., например, 81,1%), в то время как из Казахстана – в основном казахи, на долю узбеков в этом потоке приходится всего 15–16%.

Внешняя миграция, вымывая определенные слои населения, оказывает влияние на национальный состав жителей республики. За прошедшие 20 лет численность русских, живущих в республике, сократилась в 1,7 раза, значительно уменьшилась численность украинцев, татар, евреев, немцев, а также представителей других не титульных национальностей. Соответственно с этим возрастает доля титульного населения составляет абсолютное большинство жителей республики. По данным переписи 1989 г., численность узбеков здесь составляла 14 125 тыс. человек, каракалпаков – 421 тыс. человек, а доля – соответственно 71,4 и 2,1% (т.е. в целом – 73,5%). В Республике Каракалпакстан на долю жителей основной национальности (каракалпаков) приходилось 32,1%, узбеков – 32,8% (вместе – 64,9%). Приведенные данные свидетельствуют о достаточно большой компактности проживания титульного населения.

За прошедшие годы, в силу существенных различий как естественного, так и механического прироста населения различных национальностей, и численность, и доля титульного населения заметно возросли. На начало 2002 г. численность узбеков составляет 19 781,4 тыс. человек (по сравнению с 1989 г. рост в 1,4 раза), каракалпаков – 542,1 тыс. человек (1,3 раза), а удельный вес их соответственно 77,7 и 2,2% (вместе – 79,9%)². В 2003 г. удельный вес титульного населения составил 81,8%³, а по последнему учету превышает 80%.

Несмотря на растущие масштабы международной трудовой миграции, население республики, особенно коренных национальностей, предпочитает жить на своей исторической родине. По данным социологических опросов, в Россию, Казахстан и другие страны титульное население предпочитает выезжать не на постоянное место жительства, а на какой – то определённый период времени – на заработки.

На выезд из республики на постоянное место жительства настроена незначительная часть местных жителей. Это подтверждается результатами опроса общественного мнения, проведенного специалистами исследовательской службы Гэллала в 10 странах СНГ, Туркмении, которая является ассоциированным членом Содружества, и вышедшей из его состава Грузии. Исследованием было охвачено свыше 13,2 тысяч человек, более тысячи жителей в каждом из государств. По этим данным, навсегда хотели бы покинуть свою страну 13% населения СНГ, в т.ч. в Армении – 39%, Молдавии – 36%, Белоруссии – 20%, Казахстана – 15%, а из Узбекистана – лишь 6%⁴.

² Население Республики Узбекистан. 2001. Статистический сборник. Ташкент, 2002, с. 64.

³ Там же, с. 94.

⁴ <http://www.regnum.ru/news/fd-abroad/uzbek/1312031.html#ixzz0wI9Lw8Og>.

В перспективе на динамику миграционных процессов, формирование миграционного поведения и миграционных намерений большое влияние будут оказывать современные изменения геополитической ситуации, расширяющиеся международные связи Узбекистана, участвовавшие деловые и иные поездки населения в самые отдаленные страны земного шара и их относительная доступность и реальность. Развитие внешних миграций титульного населения в обозримом будущем будет определяться также социально-экономической ситуацией в самой республике, степенью продвижения в межгосударственном сотрудничестве в рамках СНГ и вхождения Узбекистана в мировую экономику.

В развитии миграционных процессов в перспективе решающее значение будут иметь изменения в миграционных намерениях и в миграционной подвижности титульного населения, т.к. миграционный потенциал многих этносов в значительной мере был исчерпан к концу 90-х гг.

Следует отметить, что миграция титульного населения будет находиться под достаточно ощутимым влиянием различных, а нередко и разнонаправленных факторов.

В частности, на миграционные намерения относительно России, видимо, будут влиять усиливающиеся языковые барьеры. Подрастающие новые поколения узбеков и каракалпаков, даже в городах, в основной массе уже не знают так хорошо русского язык, как прежде. Этот фактор уже сейчас начинает влиять на миграционные процессы, а в будущем его сдерживающее влияние возрастет из-за проблем свободного общения на постсоветском пространстве.

Одновременно с этим в республике действуют и усиливаются факторы, способствующие территориальной раздвижке миграционных процессов и расширению участия в них титульного населения. Современный Узбекистан активно включается в мировую экономику, выходит на мировые рынки, в частности, на международные рынки труда, в результате чего происходит активное привлечение национальных кадров на современные предприятия со сложным производством, на иностранные фирмы, расположенные на территории республики, использующие зарубежные формы повышения квалификации и профессионального обучения своих сотрудников.

В республике многократно возросло число молодых людей, овладевающих английским, турецким и другими иностранными языками.

Знание иностранных языков постепенно приобретает практическое значение. В настоящее время значительная часть национальной элиты, особенно молодежи, свободно владеет иностранными языками на уровне не только разговорного, но и делового, научного общения. Овладевают иностранными языками также очень многие молодые узбеки и каракалпаки из средних слоев населения. Этому в значительной степени способствует деятельность на территории Узбекистана международных фондов, наце-

ленных на оказание содействия молодежи в получении образования за рубежом (школьного, вузовского и поствузовского) и иностранных благотворительных организаций. Ежегодно сотни молодых людей, пройдя конкурсный отбор, выезжают на учебу в США, Англию, Германию, Австрию и другие страны. Само участие в конкурсе создает немалые стимулы для углубленного изучения иностранных языков.

Современные тенденции создают вполне реальные предпосылки для расширения миграционных связей с государствами дальнего зарубежья. Узбекистан все решительнее включается в мировое сообщество, расширяя экономическое и деловое партнерство с самыми разными государствами. Кроме того, достаточно большое число местной молодежи проходит стажировку за рубежом через совместные предприятия. Все это способствует территориальной раздвижке межгосударственных миграционных связей и повышению интенсивности участия в них населения титульных национальностей Узбекистана.

***Алимова У.,
Казахстан, г. Астана***

Problems of Analyzing Regional Differentiation of Mortality in Kazakhstan

According to the statistical reports the proportion of infectious and oncologic illnesses in the Republic Kazakhstan does not decrease. The main reason of such situation is laid not only in a deterioration of the general ecological conditions of residing of the population, but also in factors of social character. Mortality data for each oblast (region) are available by age group and gender through the period from independence. Although Kazakhstan is roughly 45% rural, here is a restriction of urban mortality because substantial underreporting of rural deaths is likely (Anderson and Silver, 1997).

Today, still high is a maternity and child mortality. According to the official reports, the infant mortality is amongst the highest in South-Kazakhstan (24.8), East-Kazakhstan (23.3), Atyrau area (21.9), and in cities of Almaty (21.8) and Aktobe (21.7). It is one of the consequences of the political and economic turmoil of the 1990s in Kazakhstan. According to the World Bank, following a decline in infant mortality rates from 50 per 1000 live births in 1980 to 42 per 1000 live births in 1990, infant mortality rates then rose to 56 per 1000 live births in 1995 and to 81 per 1000 live births in 2001. In general, infant mortality rates throughout the Central Asian countries, including Kazakhstan, have risen from Soviet-era levels, while rates in other formerly Soviet Union countries, including Russia, have fallen (Falkingham J. et al, 1997). In Kazakhstan, infant

mortality levels, both pre- and post-independence, have been relatively high, with Central Asia generally featuring the highest infant mortality rates during the Soviet-era period (worldbank.org, 2001). Furthermore, while the formerly Soviet Union nations in Eastern Europe and the Caucasus have improved their infant mortality statistics and the other Central Asian nations have kept levels of infant mortality roughly the same, Kazakhstan's infant mortality rates have increased rapidly (Jones E. and Grupp F. W., 1983). This is especially important in the case of perinatal mortality, as Becker et al. (1998) document for neighboring Kyrgyzstan and as Buckley (1998) discusses in the Central Asian context, thereby making life expectancy at birth estimates highly inaccurate.

Maternal mortality is very high in Mangystau (115.1), Atyrau (99.0), Kyzylorda (60.1), the South-Kazakhstan (55.6), Pavlodar regions (53.2) and in Astana city (48.2). For the West-Kazakhstan oblast this indicator in comparison with previous years has significantly increased (IIMP, 2008).

Table 1

Basic indicators of maternal and infant mortality in Kazakhstan, 2007 and 2008

	Child mortality per 1 000 livebirths		Maternal mortality per 100 000 livebirths	
	2007	2008	2007	2008
Republic of Kazakhstan	14.7	20.9	50.3	33.7
Akmola oblast	11.7	20.2	35.5	16.7
Aktobe oblast	12.9	21.7	27.4	25.3
Almaty oblast	10.1	15.2	31.2	32.6
Atyrau oblast	14.2	21.9	99	15.6
East-Kazakhstan oblast	16.0	23.3	55.6	16.6
Zhambyl oblast	16.5	21.1	40.6	30.4
West-Kazakstan oblast	14.9	18.0	21.0	93.9
Karagandy oblast	10.6	17.4	55.3	17.9
Kyzylorda oblast	19.7	20.4	60.1	68.2
Kostanay oblast	14.3	17.3	33.7	15.8
Mangystau oblast	19.6	20.6	115.1	82.3
Pavlodar oblast	10.6	20.8	53.2	15.0
North-Kazakhstan oblast	13.0	19.8	73.8	46.6
South-Kazakhstan oblast	17.2	24.8	55.6	34.4
Astana city	12.5	14.7	48.2	71.0
Almaty city	13.8	21.8	32.3	11.4

Source: Data of the IIMP, 2008

These extremely high indicators partly depend on the adoption of initial rules proposed by the WHO concerning the weight of newborns. Today, in Kazakhstan, as in the other countries throughout the world newborn with weight of 500 grams accepted as a live birth. Operative data on deaths of children below 5 years, taking into account a small weight of body for the period from 2007 to 2008 shows an overall increase of this indicator on 47,6 %, especially for South-

Kazakhstan oblast, Almaty oblast, the East-Kazakhstan oblast, Zhambyl, Karaganda, Atyrau, Pavlodar regions and Almaty city.

The analysis of morbidity of the population by infectious (including tuberculosis) and oncologic illnesses shows increase in the number of people that for the first time registered with such diagnosis. In 2007, 179 persons (per 100 000 people) were registered by malignant neoplasms and 1 391 persons with tuberculosis. Morbidity from tuberculosis is very high in Kyzylorda, Atyrau, Mangystau, North-Kazakhstan and Aktobe regions.

Diseases with malignant neoplasms are dominated in East-Kazakhstan, Ak-mola, Pavlodar, Kostanay, North-Kazakhstan oblasts, and in cities of Almaty and Astana.

According to the publication of the Institute of oncology and radiology of the Ministry on Health of RK, there are 18 medical institutions provided services of oncologic care from which 14 regional, 2 municipal (in Astana and Almaty cities), 2 national – in Almaty oblast and Semipalatinsk, the 19th is the named Institute of oncology and radiology (Ministry of Health, 2009).

This work mainly based on the data describing period from 1999 till 2008 because of its availability and comparability. In short, the data from the date of Independence till the end of the last century is of low quality and data for some years is absent or provide irrational and unreliable information. From the census taken part in 1999, data was scrutinized and counted back until 1996. But in spite of this an aggregated data of the West part of Kazakhstan is available only for the mentioned years onwards. Mid-year population was obtained from the data of the Agency of Statistics of the RK. Data is available up to age group of 85+.

Numbers of deaths for the Kazakhstan could also be retrieved from the HWO for the years 1981–2009. But data for 2 years – 1982 and 1983 is not available. Data is available in single age groups up to age 110. For Kazakhstan, numbers of deaths by causes of deaths could also be retrieved from WHO for the mentioned years. The Ministry on Health of Kazakhstan issued Order #551, February 1, 1996 “Concerning ICD–10 implementation in the Kazakh Republic” to ensure data comparability both at country and international level, and also to implement WHO recommendations. By this Order, ICD–10 was implemented by Health Care Facilities from January 2001. In accordance with this Order, all reporting forms concerning morbidity had been revised by the middle of 1997 in that the column ICD–10 was added to the column ICD–9. Interim coding had been done during the three years of 1997–1999. Recently, the onwards-reporting forms had been further revised and the column for ICD–9 deleted. From 2001, Kazakhstan had made the transition to the coding of death causes in accordance with ICD–10. The Agency on Statistics had carried out workshops on ICD–10 for specialists at national and oblast levels.

The problems occurred with the comparability of deaths within the mentioned period. The list of causes of deaths which shown in the appendix, Table 1

displayed the list of four-digit codes from 1981–2002, and for the years from 2003 till 2006 the coding is in three-digit codes. Data of deaths by causes of deaths for the period from 1981–2003 is coded in ICD 9; Kazakhstan introduced ICD 10 coding in 1998. In soviet period Kazakhstan, as the other republics of the USSR used the overall Classification of Diseases adopted in 1968. This Classification was different very much from the recent system of coding in spite of the fact that it was established by the overall rules of the WHO.

Data on causes of death coded in ICD 9 and ICD 10 were recoded into ICD 10 main groups and subgroups according to a list provided by the Eurostat (European Communities, 2002).

Socioeconomic indicators like the number of physicians, unemployment rate and others were taken from the Statistical Yearbooks for the years 1999–2008 (Agency on Statistics of the RK, 2005–2008). All indicators are standardized for population size, e.g. by giving indicators per 100 000 inhabitants.

A national register of population was created as a result of which each citizen will be given a 10-digit code. The individualized database on each death case in the territory of Kazakhstan was now maintained in the Agency, and included records since 1996. The transfer of data to electronic format and coding of each death case was done by the oblast department of statistics using data received from district's departments of statistics.

The data are compiled in a national vital statistics registry maintained by the Agency on Statistics of the Republic of Kazakhstan. All vital events are required by law to be reported to local authorities, who then submit reports that are compiled at the district level. The officials in districts then report data to the oblast authorities, who in turn submit data to the national Agency on Statistics, which maintains a computerized database, and can calculate vital event rates in extraordinary detail. Common forms are used at all level. Vital events are attributed to a person's region of residence, rather than to where the event actually took place, in the event that these two locations differ (www.stat.kz).

For each vital event recorded, the person's age, gender, residence, ethnicity, broadly defined occupation and educational attainment are noted. There is in principal no restriction on this information, but manpower constraints limit Agency's ability to carry out highly disaggregated analysis. At present, most technical expertise is devoted to correcting obvious errors in local reports and data entry, in re-computing time series to reflect new oblast boundaries, and to provide detailed migration data. When provincial boundaries are changed, as in 1997, the National Statistical Agency recalculates population and vital events for past years using the new boundary definitions.

Despite of the Agency's level of professionalism, it is impossible to correct all local reporting errors. In the case of recording deaths, families of deceased persons of working age have incentives to report such deaths, because they become eligible for survivors' benefits from the state Solidarity pension system.

Conversely, families of elderly or disabled persons have an incentive not to report deaths because of already receiving pensions. However, many disabled people and rural pensioners receive pensions directly in person from authorities, making deception difficult, and the Solidarity system also provides a burial payment to survivors.

While many urban pensioners receive automatic deposits into savings bank accounts, estimates of a large number of “dead souls” has led the National Pension Agency to crack down on cases of suspected fraud, and the problem appears to have diminished greatly. The main errors in mortality statistics, then, have to do with proper attribution of cause of death, and estimates of population and deaths of unregistered immigrants. By restricting analysis to broad categories, by focusing on non-infant mortality (since infant and child mortality estimates tend to have the greatest errors), and by considering only urban populations, cause of death errors are likely to be kept small. Medical examiners are supposed to record causes of death, and for various external causes, and most infections, sudden deaths, and deaths following prolonged illnesses, the broad category is fairly clear (Becker and Urzhumova, 2005).

In view of the foregoing, we can see that the statistical offices in Kazakhstan quickly make adjustments in their early assessment of the extent of new information, which collected more accurate. More accurate indicators of the average population in turn allow more accurate assessment of such an important indicator as GDP per capita. Adequate representation of the population and its structure is in the particular importance for the development of social policy, as well as for demographic forecasting and understanding of the prospects for country’s economic development.

An important issue is the improvement of births and deaths registration, as well as the quality of mortality data. Within the last two years, systematic checking of the quality of registration had been recommenced with the support of International Organizations and internal sources.

Unfortunately, the quality of demographic statistics in the post-Soviet countries has fallen sharply compared to the Soviet period. Kazakhstan formed as a resettlement area experienced a massive outflow of population and its intensity have been diminished by the end of the 1990s with positive gain in 2003.

Nevertheless it’s difficult to assess the dynamics of Kazakhstan’s population during 1990s. In February 1999 there was conducted a nationwide census, the results made serious alterations in previous official estimates that were overestimated.

Comparison of the preliminary results of the census conducted by the UN standards with the earlier official estimates showed that at the beginning of 1999 the resident population of Kazakhstan did not touch 15 million people. It is about half a million fewer than previously believed. The census recorded the resident population at 14 million 953 thou. and the actual population – 15 million 49 thou. people (Musabek, 2001). Since the previous census in January

1989 the resident population of the country declined by 1.247 thousand people or 7.7 %.

Simple calculations show that at the beginning of 1999 the resident population of Kazakhstan was approximately 14.970 thou. and actual is about 15.060 thou. people. In that case it is difficult to give relatively accurate adjustment of the mid-year population. So, there are two factors that may cause the differences between census data and regular annual evaluations of the population. First, an incomplete account of emigration, and secondly, the inflated estimates of natural population growth.

In the former USSR, Kazakhstan occupied an intermediate position between the Slavic and Central Asian republics with close tendency towards first. In comparison with Russia, Kazakhstan has a large proportion of non-urban population as well as youth.

In 1979–1989 the population growth in Kazakhstan was almost three times higher than in Russia. In early 1990s the population growth in the Republic of Kazakhstan due to relatively higher fertility and lower mortality also was higher than Russia's (see Table 2). Comparison of two series of indicators for Kazakhstan for the years 1991–1999 in Table 2 allows to understand the nature of refinements made to the demographic statistics after the census. Both mortality and fertility rates were increased in such a way as to reach the higher level of natural population growth. If the first adjustment is justified, then the second raises some doubts. The very logic of the adjustments can hypothetically assume that the outflow of population in the 1990s has been significantly underestimated in official statistics. At the same time, it appeared that in 1992–1994 official statistics of Kazakhstan, on the one hand, somewhat overestimated the fertility rate, on the other hand, contrary to underestimated mortality. In Russia in that period both indicators, particularly mortality, changed abruptly. Only at the end of 1998 Kazakhstan indices became closer to Russia's.

No matter how arbitrarily is this comparison, but the scale and intensity of the Kazakh population experienced the shock is unlikely to have been less than in Russia. In a certain degree the socio-economic and psychological stress in Kazakhstan was even stronger. It is logical to assume that the rate of population reproduction in the two countries have to vary more or less parallel.

Yet the main cause of population decline in Kazakhstan is not so much deterioration of reproductive patterns, as the emigration of Russians, Germans and others. According to very approximate estimates, the decline was due to emigration from two-thirds to four fifths of the population. And it is impossible to spread this chaotic process for years with satisfactory accuracy. However, based on official statistics on migration, we can again very rude to determine that two-thirds of the identified census population losses – losses on the previous official estimates – were in the first half of the 1990s. If so, then at the beginning of 1996 the resident population of Kazakhstan was 16 125 000 people. Another

way to adjust the official estimates is a retrospective deploy of the statistical series, based on the census of 1999 and the official rate of population growth for 1991–1999. The second method is exactly more accurate than the first, because it is obvious that in 1995 the population was declining, not rising.

Table 2

**Basic indicators of population development in Kazakhstan and Russia
per 1 000 peoples in 1979–1998**

Years	Kazakhstan			Russia		
	Natural growth	Births	Deaths	Natural growth	Births	Deaths
1979	16.3	24	7.7	5	15.8	10.8
1980	15.9	23.9	8	4.9	15.9	11
1981	16.4	24.4	8	5.1	16	10.9
1982	16.5	24.4	7.9	5.9	16.6	10.7
1983	16.5	24.5	8	6.4	17.5	11.1
1984	17.2	24.5	8.3	5.3	16.9	11.6
1985	17.1	25.5	8	5.3	16.6	11.3
1986	18.2	25.1	7.4	6.8	17.2	10.4
1987	18.1	25.6	7.6	6.7	17.2	10.5
1988	17.1	24.8	7.7	5.3	16	10.7
1989	15.4	23	7.6	3.9	14.6	10.7
1990	14	21.7	7.7	2.2	13.4	11.2
1991	13.01/13.42	21.0/21.6	8.0/8.2	0.7/0.7	12.1/12.1	11.4/11.4
1992	11.8/12.2	19.9/20.6	8.1/8.4	-1.5/-1.5	10.7/10.7	12.2/12.2
1993	9.4/...	18.6/...	9.2/...	-5.1/...	9.4/...	14.5/...
1994	8.6/9.1	18.2/19.0	9.6/9.9	-6.1/-6.1	9.6/9.6	15.7/15.7
1995	6.5/6.8	16.7/17.5	10.2/10.7	-5.7/-5.7	9.3/9.3	15.0/15.0
1996	5.5/5.6	15.9/16.3	10.4/10.7	-5.3/-5.3	8.9/8.9	14.2/14.2
1997	4.5/4.8	14.7/15.2	10.2/10.4	-5.2/-5.2	8.6/8.6	13.8/13.8
1998	4.4/4.6	14.3/14.8	9.9/10.2	-4.8/-4.8	8.8/8.8	13.6/13.6
1999	.../4.3	.../14.0	.../9.7	.../-6.4	.../8.3	.../14.7

¹ Estimates before the Census in 1999

² Estimates after the Census 1999

Source: *Demographic Yearbook of the USSR, 1990; Statistical Yearbook of the CIS countries, 1999*

These very rough estimations of the dynamics of population in Kazakhstan through 1990s are very close to official estimates released in late 2000s. Statistical services of Kazakhstan are based on the smoothed migration dynamics and, apparently, used the adjusted birth and death rates. It gives the opportunity to avoid the sharp differential in population size of mid 1990s.

Differing definitions of live births between Kazakhstan and European community have been described in chapter 2.2 with regard to recent mortality situation. For time series analysis, another change of definition has to be mentioned. In April 2007, a further change in definition of live birth took place in Kazakhstan. Before, stillborn children with birth weight below 1000 g were defined as miscarriage. After the change of definition, stillbirths are now newborns without one of the three life signs: heart beat, breathing and pulsating umbilical cord with birth weight below 500 g (2008).

The transition from ICD 9 to ICD 10 led to several reallocations. Table 2 displays so-called comparability ratios (CR) of several selected causes of death. The comparability ratios presented in this work are based on coding the same deaths occurring in 1996 by both the Ninth and Tenth Revisions and measure the net effect of ICD-10 by cause of death, presented by Table 2. Operationally, the comparability ratio for cause of death i (C_i) is calculated as:

$$C_i = \frac{D_{i,ICD-10}}{D_{i,ICD-9}}$$

where $D_{i,ICD-10}$ is the number of deaths due to cause i classified by ICD-10 and $D_{i,ICD-9}$ is the number of deaths due to cause i classified by ICD-9. A comparability ratio of 1.00 indicates that the same number of deaths was assigned to cause i under both ICD-9 and ICD-10 denoting no net effect of ICD-10 on that particular cause of death. A ratio showing perfect correspondence between the two revisions does not necessarily indicate that the cause was totally unaffected by ICD-10, but merely that any increases in the allocation to cause i were completely offset by decreases in the allocation to cause i .

A comparability ratio less than 1.00 results from fewer deaths being classified to cause i under ICD-10 compared with the comparable cause under ICD-9. For example, the preliminary comparability ratio for Viral hepatitis is 0.8343. In ICD-9, 1,346 deaths were classified as Viral hepatitis. In ICD-10, when the same deaths were classified, the number of deaths due to Viral hepatitis fell to 1,123, a decrease of 223 deaths or about 16.5 percent. This means that Viral hepatitis was less likely to be selected as the underlying cause of death in ICD-10 than in ICD-9. Comparability ratios greater than 1.00 are the result of a larger number of deaths being classified to cause i under ICD-10. For example, the comparability ratio for Septicemia is 1.1949. In ICD-9, 17,791 deaths were classified to Septicemia. In ICD-10, 21,258 deaths were classified to Septice-

mia, an increase of 3,467 deaths or nearly 20 percent. Thus, Septicemia is more likely to be selected as the underlying cause of death in ICD–10 than in ICD–9 (Anderson et al, 2001).

Table 3

Transition of selected causes of death from ICD 9 to ICD 10

Chapter	ICD–9 chapter titles (code range) ¹	Chapter	ICD–10 chapter titles (code range) ¹	Comparability ratio
I	Infectious and parasitic diseases (001-139)	I	Certain infectious and parasitic diseases (A00-B99)	0.8547
II	Neoplasms (140-239)	II	Neoplasms (C00-D48)	1.0068
VII	Diseases of the respiratory system (390-459)	IX	Diseases of the respiratory system (I00-I99)	1.0435
VIII	Diseases of the respiratory system (560-629)	X	Diseases of the respiratory system (J00-J99)	1.0478
IX	Diseases of the digestive system (580-629)	XI	Diseases of the digestive system (K00-K99)	1.0367
XI	Complications of pregnancy childbirth and the puerperium (630-676)	XV	Pregnancy, childbirth and the puerperium (O00-O99)	1.106
XVII	Injury and poisoning (800-999)	XIX	Injury and poisoning and certain other consequences of external causes (S00-T98)	1.0303
–	na	XX	External causes of morbidity and mortality (V01-Y98)	–
–	na	XXI	Factors influencing health status and contact with health services (Z00-Z99)	–
–	Supplementary classification of external causes of injury and poisoning (E800-E999)	–	na	–
–	Supplementary classification of factors influencing health status and contact with health services (V01-V82)	–	na	–

¹The fourth digits of the upper and lower limits of the code ranges are not shown.

Source: Anderson et al, 2001.

There is some evidence that coding practices differ regionally. For example, during the survey made by the Statistical Office of Germany was found that cardiovascular mortality has been remarkably higher in the GDR and cancer mortality has been lower than in FRG. After adoption of the West German coding practice this difference diminished and differences are no longer found (Dinkel, 2002). This has to be taken into account when evaluating cause-specific mortality data.

The critical attention must be paid also to the selection and grouping of avoidable causes of death which could differ from one study to another. Direct comparability to other studies is therefore not always given. Primary and secondary prevention are sometimes both adequate for a certain cause of death (Nolte and McKee, 2004).

Both sexes have the same age limits, mostly age 74. Naturally, this does not reflect reality, but no better solution has yet been found and agreed. It is important to mention that this gradation is not practiced in the CIS countries. The selected causes of death are presented in annex, Table A 1. For example, the analysis of the whole group of cardiovascular diseases is not possible. Attention has to be drawn at ecological fallacy when analyzing the relationship between mortality level and socio-economic indicators on aggregate level. Statistical relationships may indicate interdependences, which do not exist on individual level (Rosen et al. 1985).

Among problems and the reasons of high mortality of the Kazakhstan population early diagnostics and treatment of socially-significant diseases has important value. The decrease of indicators in maternal and infant mortality depends on the question of at what stage of diagnostics it is possible to trace causes of illness and to take preventive measures.

The most part of the problems set forth above in struggle against the diseases such as tuberculosis demands considerable financial funds. However, some question can be solved by carrying out of a complex of actions as 100 % population inspection by X-ray diagnostics method, hospitalization in time and qualitative and compulsory treatment.

**Андреева Е.Л., Кузьмин А.И., Ратнер А.В.,
Давиденко А.Н., Макарова М.Н., Бронштейн С.Б.,
Россия, Екатеринбург**

Инструментарий социологического и демографического оценивания воспроизводства ценностных установок населения промышленных территорий в условиях модернизации*

Коллективом отдела развития региональных социально-экономических систем Института экономики УрО РАН была разработана анкета (пробный вариант) по исследованию ценностных установок населения промышленных территорий в условиях модернизации. **Предпосылкой** данной работы явилась необходимость решения фундаментальной проблемы раскрытия социокультурной природы взаимосвязей между процессами модернизации и ценностными установками локальных сообществ промышленных территорий, а также необходимость обоснования социально-ориентированных структурных преобразований общественного развития.

Основной **целью** исследовательского проекта (финансируемого грантом РФФИ) является разработка социолого-демографических подходов к оценке влияния промышленной модернизации на трансформацию мировоззрения локальных сообществ, под которыми понимаются группы населения, выделенные по определенным социальным отношениям, эмоциональной глубине, моральным устоям, социальной сплоченности и продолжительности существования во времени. Данные подходы позволяют разработать конкретные рекомендации, адресованные органам федеральной и региональной власти по разработке социальноориентированной стратегии модернизации промышленных территорий различной степени локализации населения с учетом социокультурных факторов.

Непосредственной целью разработки анкеты явилось обоснование механизмов диагностики базовых трансформаций, тенденций и перспектив общественного развития, которые призваны выявить разные по типу замещения поколений социумов территориальные сообщества.

В анкете предложено ответить на следующие – открытые и закрытые – вопросы:

1. Укажите территорию (*какую-либо одну*), на которой Вы проживаете (где Вы родились, жили когда-либо (в том числе временно – в гостях), работали на производственной практике, в стройотряде и др.; возможно – за пределами России). (пример: г. Первоуральск, Ленинский район г. Нижнего Тагила, микрорайон Уралмаш г. Екатеринбурга, пос. Сосьва Серовского района Свердловской области, г. Брест Белоруссии и др.). ____ (*открытый вопрос*).

* Тезисы подготовлены при поддержке гранта РФФИ № 11-06-00438-а «Оценка социокультурного влияния модернизации на формирование ценностных установок локальных сообществ промышленных территорий».

2. Какие промышленные объекты – как тяжелой, легкой (в том числе, например, швейной, пищевой), точной и др. промышленности – в нем Вам наиболее известны? ____

3. В какой сфере на указанной территории проводится модернизация (усовершенствование, обновление) (количество вариантов ответа не ограничено)?

- ЖКХ (например, установка счетчиков, смена труб на пластиковые)
- строительство жилых домов
- появление новых магазинов, кафе, аптек
- рост количества общественного транспорта
- ремонт дорог
- появление положительных объектов культуры (кинотеатров, выставок)
- отрицательные проявления культуры (акты вандализма, некультурное поведение в обществе)

• другое ____

• модернизация ни в чем не выражается

• появление новых промышленных объектов (заводов)

4. Присущи ли указанному Вами месту жительства специфические культурно-национальные характеристики (например, проживает важное место занимают студгородок, завод, военный городок, коренные малочисленные народы и др.)?

• да, например ____

• нет

5. Проранжируйте важность ценностей для себя (места – от 1-го до 7-го):

ценности	место
семья и дети	
интересная работа	
высокий доход	
хорошие жилищно-бытовые условия	
здоровье	
наличие нововведений в жизни	
стремление к власти	

6. Что Вы чувствуете чаще всего, когда Вам приходится иметь дело с какой-либо новой технологией (новый бытовой прибор, освоение навыков вождения машины, улучшенный вариант электронного почтового ящика)?

- о испытываю дискомфорт, страх
- о критически, с недоверием отношусь ко всему новому
- о отношусь нейтрально
- о испытываю интерес, желание освоить технологию
- о испытываю не просто желание освоить, но даже желание улучшить технологию, выдвинуть рационализаторское предложение
- о другое: ____

хорошие жилищно-бытовые условия								
здоровье								
наличие нововведений в жизни								
стремление к власти								

13. Пожалуйста, поставьте для каждого утверждения «+» / «-»:

- о модернизация рушит традиционную культуру общества
- о модернизация приносит в культуру общества новые, полезные, качества
 - о модернизация приносит новые технологии во все сферы жизнедеятельности человека
 - о модернизация способствует развитию техники, но не гуманизма (человечности)
 - о модернизация усиливает асоциальные (ненормальные) явления в обществе

Особенно вопросы №№ 5–7 призваны оценить склонность респондента к нововведениям.

Итак, основным **результатом** проведенной работы стала разработка вышеприведенной пробной анкеты. По ней был опрошен 21 человек из числа молодежи, относящийся к различным локальным промышленным территориям (студенты второго высшего образования Уральского федерального университета имени первого Президента России Б.Н. Ельцина), и по итогам данного пробного опроса готовится корректировка анкеты.

***Антипова Е.А.,
Белоруссия, г. Минск***

Демографическое развитие городов Беларуси в условиях глобализации

Resume

The article presents a complex analysis of the demographic situation in Belarusian urban and cities of different sizes have been established; areas with positive and negative trends, natural population increase and decrease have been determined. The types of the Belarusian urban areas according to the main factors of the demographic balance formation have been developed.

Вторая половина XX – начало XXI веков характеризуются в Беларуси проявлением таких глобальных феноменов, как депопуляция, старение, которые затронули как городское, так и сельское население. Республика Беларусь относится к странам мира, где режим воспроизводства населения

за незначительный исторический период изменился от расширенного к простому и суженному. Демографическая модернизация произошла в стране за короткий срок и сопровождалась коренными изменениями в процессах рождаемости и смертности. В настоящее время Беларусь входит в группу стран с показателями естественной убыли около 3‰ (вместе с Украиной, Россией, Болгарией) [1].

Развитие демографических процессов в городах Республики Беларусь происходит под влиянием социально-экономических факторов и характеризуется рядом эволюционных и трансформационных тенденций. Актуальность экономико-географического анализа демографического развития городов Беларуси обусловлена двойственным характером пространственной дифференциации: 1) в разрезе административных областей, которая усиливается при переходе на микрогеографический уровень; 2) в разрезе классов городов по величине.

Исследование демографического развития городов Беларуси проводилось на основе сравнительно-географического анализа трендов естественного движения городского населения регионов Беларуси за период 1989–2009 гг.

Численность городского населения Беларуси активно росла в 1980-е гг., вплоть до начала 1990-х гг., затем темпы резко затормозились и, хотя некоторый рост продолжается до сих пор, численность практически стабилизировалась на уровне ± 7 миллионов человек. Постоянное уменьшение общей численности населения страны, начиная с 1994 года, происходит только за счет сельского населения. Современный характер динамики городского населения Беларуси отличается от общего тренда динамики населения страны. Общая численность населения Беларуси за период 1989–2009 гг. сократилась с 10151,8 тыс. чел. до 9513,6 тыс. чел., или на 6%. Численность населения городов Беларуси за этот же период увеличилась 6198 тыс. чел. до 6706 тыс. чел., или на 8,2%.

При общем положительном тренде динамики численности городского населения за период 1989–2009 гг. регионы Беларуси характеризуются различной динамикой и разделены нами на два типа. К первому типу – *с прогрессивной динамикой* – относятся четыре региона: г. Минск, Минская, Брестская и Гродненская области. Численность городского населения в этих регионах увеличилась за 1989–2009 гг. в среднем на 10%. Наибольшие значения прироста характерны для столицы – г. Минска (13%). Второй тип – *с регрессивной динамикой* – сформировался в трех регионах – Могилевской, Витебской и Гомельской областях. В среднем сокращение численности городского населения в них составило 1%.

Характер динамики численности городского населения Беларуси различается не только в разрезе регионов, но и в разрезе классов городов по людности. Наибольший рост численности населения произошел в малых

городах, что объясняется не столько положительной демографической динамикой, сколько административными преобразованиями – переводом части городских поселений Беларуси из статуса поселков городского типа в статус городов. В целом за период 1989–2009 гг. численность населения малых городов Беларуси увеличилась на 17,5 %. Численность населения крупных и средних городов возросла в среднем на 7 %. Наиболее устойчивой динамикой характеризуются полусредние города, численность населения которых увеличилась на 3,7 %.

Демографическое развитие Беларуси, начиная с 1993 г., характеризуется превышением смертности над рождаемостью и наступлением режима депопуляции. На общем фоне суженного воспроизводства населения период наступления депопуляции, тренды и современный характер естественного движения в сельской и городской местности имеют противоположные векторы. Естественная убыль сельского населения начала происходить в конце 1970-х гг., городского - на 20 лет позже - в середине 1990-х гг. Современный характер динамики процессов естественного движения городского и сельского населения в Беларуси также различен. Если в сельской местности сохраняется высокий уровень естественной убыли, то в городских населенных пунктах наблюдается устойчивый естественный прирост населения (табл. 1).

Таблица 1

Параметры естественного движения населения Беларуси [сост. по 2]

Показатели естественного движения населения	Все население				Городское население				Сельское население			
	1989	1999	2009	2010	1989	1999	2009	2010	1989	1999	2009	2010
Общий коэффициент рождаемости, ‰	15,1	9,3	11,5	11,4	16,5	9,5	11,7	11,6	12,3	8,7	10,8	10,8
Общий коэффициент смертности, ‰	10,2	14,2	14,2	14,4	7,1	10,6	10,9	11,1	16,1	22,3	23,8	24,4
Общий коэффициент естественного прироста, ‰	4,9	-4,9	-2,7	-3,0	9,4	-1,1	0,8	0,5	-3,8	-13,6	-13,0	-13,6

Динамика *рождаемости* городского населения Беларуси характеризуется колебанием тренда. Вплоть до 2004 г. наблюдалось сокращение, в

результате которого общий коэффициент уменьшился на 43% и достиг минимального значения в XX веке - 9,4‰. Самая низкая рождаемость была характерна для конца 1990-х гг., что было связано с политическими и социально-экономическими трансформациями белорусского общества. Начиная с 2004 г., рождаемость городского населения увеличивается и в настоящее время составляет 11,6‰. Это объясняется двумя основными факторами: 1) законодательно-институциональным – разработкой мер государственной демографической политики по поддержке молодых семей и многодетных матерей, созданием центров охраны материнства и репродукции; и 2) демографическим - вступлением в репродуктивный возраст многочисленного поколения детей, родившихся в конце 1980-х гг. Вместе с этим, за период 1989–2010 гг. произошло общее сокращение уровня рождаемости в городах Беларуси, и она по-прежнему оценивается как низкая, соответствующая средневропейскому уровню.

Смертность населения Беларуси характеризуется высокими значениями, которые значительно превышают европейский уровень и составляют 14,4‰. Различия между городской и сельской местностью в уровне смертности в отличие от рождаемости весьма значительны и стали проявляться более 50 лет назад – в начале 1960-х гг. В настоящее время общий коэффициент смертности в городах Беларуси более чем в 2 раза ниже, чем в сельских населенных пунктах - 11,1 и 24,4‰ соответственно. В основе различий лежат как социально-экономические факторы (более низкий уровень развития, асоциальные явления в сельской местности и противоположные тенденции – в городах), так и демографические (значительно более высокий уровень постарения сельского населения по сравнению с городским и др.).

Характер динамики рождаемости и смертности городского населения оказал влияние на формирование пространственной картины *естественного движения населения*. В настоящее время в Беларуси выделяется два типа регионов: 1) *центрально-юго-западный тип с естественным приростом населения*; 2) *северо-юго-восточный тип с естественной убылью населения*. Условная демографическая граница проходит с северо-запада на юго-восток. К первому типу относятся города Брестской, Гродненской, Минской областей и столица - г. Минск. Наибольшие показатели естественного прироста городского населения характерны для Брестской области (2,4‰). Естественный прирост населения в столице составляет 1,6‰. Ко второму типу относятся города Витебской, Гомельской и Могилевской областей. Наибольшая естественная убыль характерна для городского населения Витебской области (2,7‰).

В разрезе классов городов по людности в характере естественного движения населения наблюдается структурная дифференциация. Во-первых, на протяжении 1989–2010 гг. для всех классов городов Беларуси, за ис-

ключением малых, характерен естественный прирост населения [3]. Наибольшие показатели естественного прироста городского населения во всех классах городов характерны для двух регионов - Брестской и Гродненской областей. Во-вторых, при общем характере естественной убыли в малых городах для Брестской области характерен естественный прирост (табл. 2).

Таблица 2

Региональная динамика естественного движения городского населения Беларуси по классам городов [сост. по 2]

Классы городов по людности, тыс. чел.	Годы	Естественное движение городского населения регионов, %						Беларусь
		1*	2	3	4	5	6	
Крупные, более 100	1989	10,4	5,7	9,8	11,2	8,4	6,1	8,6
	2009	2,5	-1,9	1,2	4,9	1,4	0,5	1,4
Средние, 50–100	1989	11,7	1,3	8,7	12,2	9,3	0	7,2
	2009	1,4	-3,8	0,7	1,3	0,3	0	0,0
Полусредние, 20–50	1989	9,7	0	7,6	11,5	4,5	9,2	7,1
	2009	3,5	0	0,9	2,4	-1,9	0,4	0,9
Малые, менее 20	1989	5,3	2,5	1,8	7,7	4,7	6,6	4,8

*1 – Брестская область, 2 - Витебская, 3 – Гомельская, 4 - Гродненская, 5 – Минская, 6 – Могилевская область

Рис. 1. Типы городов Беларуси по характеру формирования демографического баланса

Заключительным этапом исследования была разработка типологии городов Беларуси по характеру формирования демографического баланса на основании соотношения естественного прироста (ЕП), естественной убыли (ЕУ), миграционного прироста (МП) и миграционной убыли (МУ) [4]. В результате в Беларуси нами было выделено 6 демографических типов городов (рис. 1).

1 тип. *Прогрессивный*, включает 23 города (21%), численность населения которых увеличивается за счет двух компонентов динамики - естественного прироста (ЕП) и миграционного прироста (МП). В данный тип вошли два подтипа: 1а. $ЕП < МП$, 1б. $ЕП > МП$. Почти в каждом пятом городе Беларуси (18 %) положительный демографический баланс формируется преимущественно за счет миграции. Это, как правило, крупные и средние города. Ко второму подтипу отнесено два города – Березино и Солигорск Минской области.

2 тип. *Контрастно-факторный на основе естественного прироста* ($ЕП > МУ$), включает 7 городов (6%), находящихся в Брестской, Гродненской и Минской областях с численностью населения, не превышающей 50 тыс. человек.

3 тип. *Контрастно-факторный на основе миграционного прироста* ($ЕУ < МП$), включает 10 городов (9%) преимущественно с малой численностью населения и, как правило, одним градообразующим предприятием областного и республиканского значения. Из крупных городов к данному типу относится Витебск.

4 тип. *Контрастно-факторный на основе естественной убыли* ($ЕУ > МП$), объединяет четыре города (4%) (Орша Витебской области, Добруш, Василевичи Гомельской области и Чаусы Могилевской области).

5 тип. *Контрастно-факторный на основе миграционной убыли* ($ЕП < МУ$) занимает второе место в структуре (23% городов), объединяет 26 городов преимущественно с численностью менее 10 тыс. человек, расположенных во всех областях и находящихся в зоне влияния крупного регионального центра.

6 тип. *Регрессивный*, занимает первое место в структуре (42 города, 37%), включает города, численность населения которых сокращается за счет двух компонентов динамики – естественной (ЕУ) и миграционной убыли (МУ). Данный тип включает два подтипа: 6а. $ЕУ < МУ$, 6б. $ЕУ > МУ$. Каждый третий город Беларуси относится к типу, где отрицательный баланс формируется преимущественно за счет миграционной убыли. Это, как правило, малые города с численностью менее 20 тыс. чел. Ко второму подтипу (7 городов), где динамика численности населения складывается преимущественно за счет естественной убыли, относятся города с еще более низкой численностью - менее 10 тыс. человек.

Таким образом, анализ динамики численности и естественного движения населения городов Беларуси позволил установить пространственные и

структурные различия демографического развития. Пространственные различия заключаются в наличии двух основных зон - естественного прироста (Брестская, Гродненская и Минская области) и естественной убыли (Витебская, Могилевская и Гомельская), граница между которыми имеет румбовый вектор и проходит с северо-запада и юго-восток. Структурные различия в демографического развития заключаются в более благоприятных тенденциях динамики численности и процессов воспроизводства в крупных городах и менее благоприятных – в малых.

Литература

1. Antipova E., Fakeyeva L. Demographic space of Belarus: shifts of 20 years of transition period // Geography in Visegrad and neighbour countries – Regional Socio-Economic Processes in Central and Eastern Europe - 20 Years in Transition and 2 Years in Global Economic Crisis. Budapest: GRI HAS, Ágnes Erőss-Dávid Karácsanyi ed., 2011. - pp. 95-112.

2. Регионы Республики Беларусь. 2011. Статистический сборник, 2011. Минск: Национальный статистический комитет Республики Беларусь, 2011. – 810 с.

3. Antipowa E. Wybrane problemy demograficzne małych miast Białorusi // Kierunki i uwarunkowania rozwoju małych miast z perspektywy 20 lat transformacji / Pod redakcją Bartosza Bartosiewicza, Tadeusza Marszała. Wydawnictwo Uniwersytetu Łódzkiego, Łódź, 2011. – 200 pp. – P. 171–183.

Антипова Е.А. Динамика и пространственные сдвиги в демографической структуре мира // Вестник БГУ. Сер. 2. Химия, Биология, География. 2011. № 3. – с. 110–113.

***Ахметова А.А.,
Казахстан, Кызылорда***

Демографическая ситуация в Казахстане

Проблема численности населения для Казахстана имеет особенное значение. Плотность населения в целом по республике составляет 5,5 человек на один квадратный километр. Например, в Китае данный показатель составляет 140 человек на квадратный километр.

По данным Агентства Республики Казахстан по статистике численность населения страны на 1 января 2012г. составила 16 675,4 тыс. человек, в том числе городского – 9114,6 тыс. (54,7%), сельского – 7560,7 тыс. человек (45,3%).

Возрастной состав населения республики на 1 января 2012 г. сложился следующим образом: дети до 15 лет составили 24%, лица в возрасте от 15 до 65 лет – 68,2%, лица в возрасте 65 и старше – 7,8% от общей численности.

В Казахстане сложилась гендерная асимметрия, выраженная в численном перевесе женского населения. На 1000 мужчин приходится 1078 женщин. Численность мужчин на 1 января 2012 г. составила 48,1% от всего населения, женщин, 51,9%. Усугубляется ситуация тем, что на каждые 100 умерших женщин в возрасте 15–64 года приходится 246 умерших мужчины данной возрастной группы.

Высокий процент убыли мужчин в возрасте от 15 до 64 лет, и непродолжительность жизни связаны с рядом проблем, кроющихся в современных социально-экономических отношениях, приводящих к стрессу. Естественный прирост населения республики в 2011 году составил 228 331 человек. Общий коэффициент естественного прироста на 1000 жителей на 1 января 2012 г. составил 13,79 человека.

Число умерших в 2011 г. в стране составило 144 213 человек, умерло 90 760 мужчин и 68 171 женщин, или 133 мужчины на 100 женщин. Общий коэффициент смертности на 1000 жителей остался за 2011 г. и составил 8,7 умерших.

На 2011 год в стране рождается порядка 272 тысяч младенцев, однако наблюдается высокий уровень младенческой смертности. Который во многом связан с низким уровнем индекса здоровья у женщин детородного возраста, не превышающий 30%. Репродуктивность населения находится на низком уровне, на сегодня в стране 450 тысяч семейных пар не могут иметь детей. Одновременно с этим в Казахстане ежегодно производится 170 тыс. абортов.

За 2011 г. в стране зарегистрировано 4561 умерших детей в возрасте до 1 года, в том числе мальчиков – 2701 и девочек – 1860. Коэффициент младенческой смертности составил 14,5 умерших на 1000 родившихся. Основной причиной смерти среди младенцев являются состояния, возникающие в перинатальном периоде, от которых в 2011 г. умерло 2169 младенцев, или 47,6%, от всех младенческих смертей.

Большую роль в улучшении демографической ситуации отводится здравоохранению. Слабая и зачастую формальная ее работа, высокий уровень коммерциализации, приводит к слабой подготовленности матерей к будущей беременности.

Еще сохраняется положительное сальдо миграции населения в 2011 г. составило 5102 человек, из них со странами СНГ – 350. Число прибывших в республику составило 402 869 человек, а выбывших за ее пределы – 397 767 человек. Среди прибывших в Казахстан удельный вес казахов составил 76,3%, русских – 14,4%, немцев – 0,6%. Из числа выбывших за пределы Казахстана на долю русских приходится 71,4%, немцев – 4,0%, казахов – 6,1%.

По данным статистики следует, что 60% молодежи составляют экономически активную часть населения, 30% учащихся и студентов и 10% составляют безработные. Всего по республике численность безработной молодежи составляет 9,6 %, из них в возрасте 15–24 лет – 10,7 %, в возрасте 25–29 лет – 6,5 %.

Уровень молодежной безработицы во всех городах страны выше, чем уровень общей безработицы. Это следствие диспропорции спроса и предложения на локальных рынках труда и внутрирегиональной миграции молодежи из сельской местности в города, которая не всегда оканчивается трудоустройством в силу низкой квалификации или ее отсутствия. Сохраняются и углубляются различия в уровне бедности между городом и селом, что также сказывается на молодежи. Уровень бедного населения на селе составил 12,1%, в городе – 4,1%.

Таким образом, статистика показывает, что численность молодежи от 15 до 29 лет составляет 28% всего населения Казахстана. Причем для молодежи характерны все проблемы взрослого общества. Это и безработица, которая в молодежной среде выше, чем во взрослой более чем в 2 раза. Это и бедность сельской молодежи по сравнению с городской. Это и растущая доля молодежной преступности в общей статистике правонарушений.

Характеризуя перспективу экономического стимулирования в решении вопросов демографии, следует отметить, что в Казахстане нет производства продуктов питания и товаров для младенцев. Фактически можно говорить, что промышленное производство Казахстана не ориентирована на решение демографических проблем. Одновременно с этим в стране не хватает учреждений дошкольной подготовки детей, данная проблема не позволяет реализовывать трудовой потенциал женщины либо потенциал матери.

На сегодня наблюдаются тенденции роста рождаемости населения. На основе этого некоторые исследователи склонны оценивать это как начало выхода из демографического кризиса. Некоторые демографы, которые видят в нынешнем демографическом кризисе главным образом снижение численности населения, успокаивают себя и руководителей органов государственной власти тем, что снижение – это общемировой процесс, присущий всем цивилизованным странам. Это явление охарактеризовали как демографический переход (в странах с самым высоким жизненным уровнем наблюдается самая низкая рождаемость). Из этого делают два вывода: не надо пугаться общемировых тенденций и мало, что можно изменить мерами демографической политики. И то и другое представляется ошибочным. Основными составляющими позитивного демографического перехода считаются параллельное снижение рождаемости, а самое главное смертности. В Казахстане и других странах постсоветского пространства

смертность растет, очень низка средняя продолжительность жизни, у мужчин она составляет 58 лет, а у женщин 68.

Учитывая демографический кризис в Европейских странах, можно предположить, что эти страны будут активно привлекать иммигрантов во все сферы экономики, особый акцент будет делаться на высокоинтеллектуальный потенциал населения постсоветских стран, в особенности Казахстана, России, Украины и Белоруссии. Демографическая депопуляция в России, в ближайшее время, также приведет к активизации иммиграционной политики, основной акцент будет сделан на переселение из стран бывшего СССР, там, где имеется русскоговорящее население. Отсюда можно заключить, что в ближайшее время наметившаяся тенденция роста численности населения в Казахстане, из положительного полиса может приобрести отрицательное значение благодаря активной эмиграции населения в страны Восточной Европы, Канады и России.

Таким образом, работу по улучшению демографической ситуации необходимо вести в нескольких направлениях:

- поднять статус семьи, особенно многодетной;
- законодательно установить приоритетное право многодетных семей на получение квартиры и земельных участков под ИЖС (индивидуальное жилищное строительство);
- необходимо добиваться устойчивой мотивации людей на семейный образ жизни, на семью с тремя-четырьмя детьми;
- семейный образ жизни должен быть безусловной социальной нормой;
- необходимо законодательно уравнивать родительский труд с профессиональным внесемейным трудом и для этого ввести «семейную зарплату», т.е. платить женщине, воспитывающей детей, минимальную заработную плату, установленную с учетом прожиточного минимума и в зависимости от числа детей в семье;
- решить проблему начисления зарплаты работника (или работницы), поскольку она по-прежнему не предусматривают расходы на потребности членов семьи и в частых случаях не является достаточной;
- необходимо постоянно осуществлять демографический мониторинг, особенно по рожденным вторым и третьим детям;
- на государственном уровне финансировать лечение семейных пар, не имеющих детей;
- на основе зарубежного опыта, материально стимулировать рождение детей;
- большое внимание уделить системе бесплатного лечения женщин фертильного возраста.

**Багирова А.П.,
Россия, г. Екатеринбург**

Родительский труд как инструмент воспроизводства человеческого капитала¹

Учитывая ситуацию с рождаемостью в нашей стране в целом и в подавляющем большинстве российских регионов, отсутствие универсальных рецептов демографического роста, поиск новых подходов к изучению проблем воспроизводства населения является актуальной темой исследований различных наук. Сегодня стало очевидно, что для решения задач демографического развития страны усилий исключительно демографической науки недостаточно, здесь необходим междисциплинарный подход, сочетающий в себе положения экономики, демографии, социологии, психологии и др.

В этой связи одним из перспективных направлений представляется рассмотрение деятельности по рождению и воспитанию детей в качестве трудового процесса, выделение деятельности по воспроизводству человеческого капитала в особый вид родительского труда. Важно то, что изначальная цель выделения этого вида труда имеет не только теоретическую, но и практическую значимость, состоящую в необходимости разработки механизмов его активизации в современной России, определения эффективных, адекватных инструментов и методов его стимулирования, формирования на этой основе мотивов и установок на реализацию качественного труда в необходимых регионах объемах.

С экономической точки зрения родительский труд рассматривается как процесс сознательной, целесообразной деятельности людей, с помощью которой они формируют количественные и качественные характеристики человеческого капитала, удовлетворяя в процессе этого труда как общественные, так и личные потребности.

Предметом родительского труда выступает человеческий капитал, в качестве средств труда можно рассматривать «нематериальные активы» – интеллектуальные качества, человеческий капитал родителей и других людей, участвующих в процессе воспитания и развития детей. Результат родительского труда имеет перманентное состояние незавершенности – ведь о качествах индивида, человеческом капитале на конкретной стадии его формирования невозможно говорить как о получившем окончательную обработку, как о «законченной вещи». В продуктивной сфере, напротив, такой завершенный продукт труда выступает целью простого процесса труда, ради которой он и начинался. Именно продукт простого труда, имея определенную потребительную стоимость, выступает основой и поводом

¹ Исследование выполнено в рамках гранта РГНФ 12-03-00073а.

для разворачивания товарно-денежных отношений. Кроме того, продукты продуктивного труда запускают механизмы системы распределительных отношений – в связи с их присвоением, разделением и распределением. Продукт же родительского труда данными функциями не обладает – он и не имеет потребительной стоимости, и не является исходной клеточкой системы распределительных отношений. Возникает ситуация, когда средства труда (родительские нематериальные активы, например) в своей основной части не оплачиваются и не возмещаются потребителями «продукта труда».

Родительский труд содержит в себе элементы личного и общественно-го, индивидуального и коллективного труда. В нем есть умственная и физическая составляющие, творческая и рутинная, инновационная и традиционная компоненты; он может быть разной степени тяжести и напряженности. Важнейшей особенностью родительского труда является также и то, что он, ни в коей мере не являясь только суммой физиологических затрат, содержит в себе большую долю эмоционально-психологической и материально-затратной составляющих.

Содержание родительского труда определяется совокупностью выполняемых операций, которую можно оценивать только по отношению к конкретному предмету, средствам и продукту труда. Так, например, средства родительского труда могут быть операционализированы через количественные и качественные оценки человеческого капитала родителей.

Содержание родительского труда включает в себя осуществление функций труда вообще: логической (определение цели и подготовка системы необходимых трудовых операций); исполнительской (использование материальных и нематериальных средств труда в процессе воздействия на предмет труда); регистрирующей и контролирующей (наблюдение за процессом и ходом формирования человеческого капитала); регулирующей (корректирующей воспитательный и образовательный процессы). Естественно, что на разных стадиях репродуктивного процесса роль определенных функций увеличивается, в то время как других – уменьшается.

Одним из основных свойств родительского труда является его динамизм, что делает его изучение всегда актуальным. Качественные сдвиги, происходящие в содержании этого вида труда в последнее время, перераспределяют соотношение в нем простого и сложного, рутинного и творческого элементов. Усиление роли человеческого фактора в экономике, внимания к качественным аспектам развития человека, его подготовки и использования в продуктивной сфере (особенно в условиях потенциальной недостаточности высококвалифицированных трудовых ресурсов для экономики) – все это свидетельствует о необходимости и целесообразности глубокого изучения специфики родительского труда.

Для родительского труда также характерны сложный состав, большой объем и широкое разнообразие выполняемых субъектами труда трудовых функций. Процесс родительского труда насыщен умственной деятельностью, значительным количеством творческих элементов, высокой степенью самостоятельности.

Значительную роль в родительском труде играет социально-психологическая составляющая. Несмотря на то, что на начальных стадиях репродуктивного процесса доля рутинного труда достаточно велика, его нельзя считать осуществляемым в заранее заданных параметрах и нормах. Даже на этих стадиях такой труд является творческим, а «план работы» составляется самим его субъектом. Эмоциональное отношение к родительскому труду у его субъекта – как к собственному (а не наемному) труду, такой труд рассматривается им как осмысленный и творческий, поскольку строится по собственному плану, проблем психологического или социального отчуждения от результатов труда не возникает. Следовательно, механизмы стимулирования и мотивации репродуктивного труда во многом должны отличаться от соответствующих механизмов в сфере труда продуктивного.

С содержанием труда связаны его условия. Неблагоприятные условия репродуктивного труда (отсутствие элементарных удобств, горячей воды, недостаток жилой площади) могут снизить заинтересованность в труде, ограничить творческий родительский потенциал, деформировать выполнение ряда функций, создавать чувство напряженности и недовольства. Благоприятные же условия, напротив, создают предпосылки для защиты здоровья, восстановления работоспособности и повышения мотивации родительского труда. Одним из вариантов оценки степени благоприятности условий родительского труда являются официальные статистические социально-экономические показатели уровня жизни населения. Дифференциация условий родительского труда во многом определяет различия в его качестве и результатах.

Стимулирование труда подразумевает внешнее воздействие на трудовое поведение – как через материальные, так и через моральные стимулы. Важно, чтобы эта система в сфере родительского труда действовала на уровне всех «заказчиков» соответствующей активности населения – государственном, общественном и региональном уровнях, на уровне работодателя и семьи. Цель такого многоуровневого материального и морального стимулирования родительского труда – формирование репродуктивных потребностей и интереса к этому виду труда, которые, в свою очередь, вместе с реально действующими стимулами подготовят непосредственный мотив действий.

В качестве элементов мотивационного ядра, влияющих на репродуктивное трудовое поведение, целесообразно, на наш взгляд, рассматривать мотивы продолжения рода, мотивы самореализации, мотивы престижа. Мотивы продолжения рода связаны с желанием продолжить себя в детях,

сохранить преемственность после собственной жизни. Мотивы самореализации заключаются в стремлении через рождение и воспитание собственных детей реализовать свое родительское предназначение, передать жизненный опыт и стать их наставником. Мотивы престижа выражаются в общественной оценке деятельности по воспитанию детей и наращиванию человеческого капитала.

В мотивационной структуре родительского труда значительную роль играют альтруистические мотивы, которые определяют помогающее, самоотверженное, а часто и жертвенное поведение. В соответствии с теорией человеческого капитала степень альтруизма не является величиной постоянной, напротив – сила родительского альтруизма напрямую зависит от частоты его проявления и может быть как высокой, так и низкой. Однако, он свойственен подавляющему большинству семей.

Мотивы родительского труда относительны, поскольку в их основе лежит субъективная оценка. Индивидуальным может быть как сам набор мотивов, так и их доля в мотивационной структуре. Конкретный мотив родительского трудового поведения, играя заметную роль для одной группы населения, может оказаться малозначимым для другой.

В зависимости от того, удовлетворяются ли эти мотивы в процессе родительского труда, у человека формируется та или иная степень удовлетворенности трудом. При этом само мотивационное ядро имеет иерархическую структуру. Первый мотив продолжения рода реализуется сразу же после рождения ребенка, отходя на задний план на следующих стадиях репродуктивного процесса, где как раз должна усиливаться роль других мотивов. Действие мотива самореализации напрямую связано с самим субъектом труда – существующими у него ценностными ориентациями, особенностями его собственного воспитания и формирования, его жизненного опыта. Реализация же мотива престижа во многом зависит от внешних факторов. Несрабатываемость именно этого мотива – мотива престижа родительского труда, а вследствие этого и сложившийся дисбаланс мотивации родительского труда – выступила одним из факторов уже ставшей устойчивой в нашей стране проблемы низкой рождаемости.

Низкие стимулы родительского труда и нереализованные мотивы могут сформировать неудовлетворенность самим трудом или же привести к откату от него вообще. Вид этой неудовлетворенности влияет на возможность регулирующих воздействий на поведение.

Трудовой подход к проблемам воспроизводства населения в современной России, по нашему глубокому убеждению, призван не только помочь демографии в решении государственных демографических задач, но и стать полноправным партнером этого процесса, разрабатывая и реализуя собственные специфические механизмы, направленные не только на количественный, но и качественный рост будущего человеческого капитала.

**Барашкова А.С.,
Россия, г. Якутск**

Устойчивые тенденции брачного поведения населения в северном регионе

Статья посвящена одной из наиболее противоречивых по характеру сфер в жизни человека – матримониальному поведению, аккумулирующего в себе все возможные формы взаимоотношений мужчины и женщины, отношения брачной пары с обществом, взаимовлияний семьи и государства¹ на протяжении достаточно длительного времени. Примененный временной срез, преимущественно с 1980 г., по отдельным позициям – с 1970 г., вполне отражает истории брачного поведения поколения родителей и детей в Республике Саха (Якутия) – одном из крупнейших северных регионов России.

Наиболее устойчивой тенденцией брачного поведения населения является падение общего числа заключенных браков. Достаточно высокие показатели брачности 80-х гг. («пик» – 12070 и 12132 – пришелся на 1987 и 1989 гг.) с первой половины 90-х гг. резко упали. В самом общем виде эти изменения отражаются на динамике общего коэффициента брачности, имеющего волнообразно-убывающий вид. Характер процесса брачности определяется численностью вступающих в брак: поколения с относительно многочисленными потенциальными женихами и невестами сменяются немногочисленными поколениями. Причем, если в городских поселениях сокращение числа браков главным образом было вызвано уменьшением численности населения, то в сельской местности оно усугубилось диспропорциями в численности потенциальных брачных партнеров. Эти же причины, по-видимому, в разной степени влияют на показатели брачности внутри относительно однородных групп районов*, вызывая временами огромную дисперсию показателя (рис. 1).

¹ Народонаселение. Энциклопедический словарь / Гл. ред. Г.Г. Меликян. М.: Большая Российская энциклопедия. 1994. С. 30.

* Группы улусов выделены по доле сельского населения в численности населения районов на начало 1990 г. **I группу** составляют 13 «чисто» сельских районов. Это – Амгинский, Анабарский, Верхневиллойский, Горный, Жиганский, Момский, Намский, Оленекский, Сунтарский, Таттинский, Усть-Алданский, Чурапчинский, Эвено-Бытантайский. Во **II группу** входят районы с численным преобладанием сельского населения (в среднем 60%). Это – Абыйский, Кобяйский, Мегино-Кангаласский, Нюрбинский, Олекминский и Среднеколымский районы. В **III группе** районов (Аллаиховский, Булунский, Верхнеколымский, Верхоянский, Вилюйский, Оймяконский, Томпонский, Хангаласский) доля сельского населения составляет порядка 36%, в **IV группе** (Алданский, Ленский, Мирнинский, Нерюнгринский, Нижнеколымский, Усть-Майский, Усть-Янский, Якутский) – доля сельского населения равна в среднем 12%.

Следующая устойчивая тенденция – преобладание среди молодоженов первобрачных. Возраст якутянок при вступлении в первый брак находится на грани порогового значения, найденного Дж. Хаджналом (1979 г.) для поздней брачности европейского типа (23–24 года). При этом невесты традиционно моложе своих женихов: в 1991 г. – на 2,0, а в 2001 г. – на 2,3 года. Следует также отметить, что характерны различия брачной активности мужчин и женщин. Возрастной коэффициент брачности самых молодых мужчин уступает показателю брачности женщин соответствующего возраста более чем в 4 раза. Брачная активность женщин после 25 лет резко снижена, у мужчин даже более старшего возраста она остается достаточно высокой.

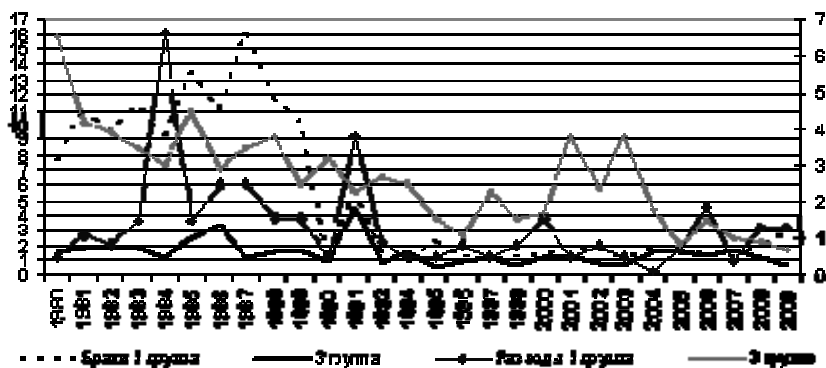

Рис. 1. Дисперсия общих коэффициентов брачности и разводимости по группам районов за 1980–2009 гг.

В качестве примера показана динамика показателей в первой и третьей группах районов.

Как известно, матримониальное поведение населения включает и различные аспекты сохранения брака. Выявленные особенности брачности непосредственно отражаются на масштабах и характере процесса разводимости, и также имеют четкую территориальную дифференциацию. Особенно в этом отношении выделяются районы, отнесенные к первой (чисто сельские улусы) и третьей (доля сельского населения составляет порядка 36%) группам. Устойчивый рост числа разводов (в разных масштабах) отмечен в Якутске, Мирнинском районе и в целом ряде сельских улусов (Оленекском, Усть-Алданском, Анабарском, Горном, Таттинском и др.). Вместе с тем из-за спада активности бракоразводных процессов со второй половины 90-х годов, не встречается районов, где число разводов за период наблюдения очень резко возросло, как это было ранее². Однонаправ-

² Барашкова А.С., Винокурова Т.З. Современная семья в Республике Саха (Якутия). Якутск, ЯНЦ СО РАН, 1994. С. 82–84.

ленное снижение числа разводов отмечено в Кобяйском, Оймяконском, Томпонском и Аллаиховском районах.

Проведенный анализ обнаруживает усиление неустойчивости браков в каждом новом поколении, особенно в сельских районах, где до 60-х не было зарегистрировано ни одного случая расторжения брака. Для анализа приняты поколения, расторгнувшие брак в 1980 (условно родители) и в 2005 г. (условно дети), а также поколения, расторгнувшие брак в 1985 (условно родители) и в 2009 г. (условно дети). Так, в поколении детей (2005 г.) в Сунтарском, Намском и Амгинском улусах число расторгнутых браков возросло в 6, 8,3 и 13,3 раза, нежели в поколении их условных родителей (рис. 2). Столь же нестабильными оказались браки в этих районах и в следующей группе поколений: 1985 и 2009 г. Можно предположить, что матримониальное поведение именно этих поколений предопределяет характер процесса разводимости в перечисленных улусах. Однако нельзя игнорировать влияние закона малых чисел на динамику показателей процесса разводимости в малочисленных сельских районах республики.

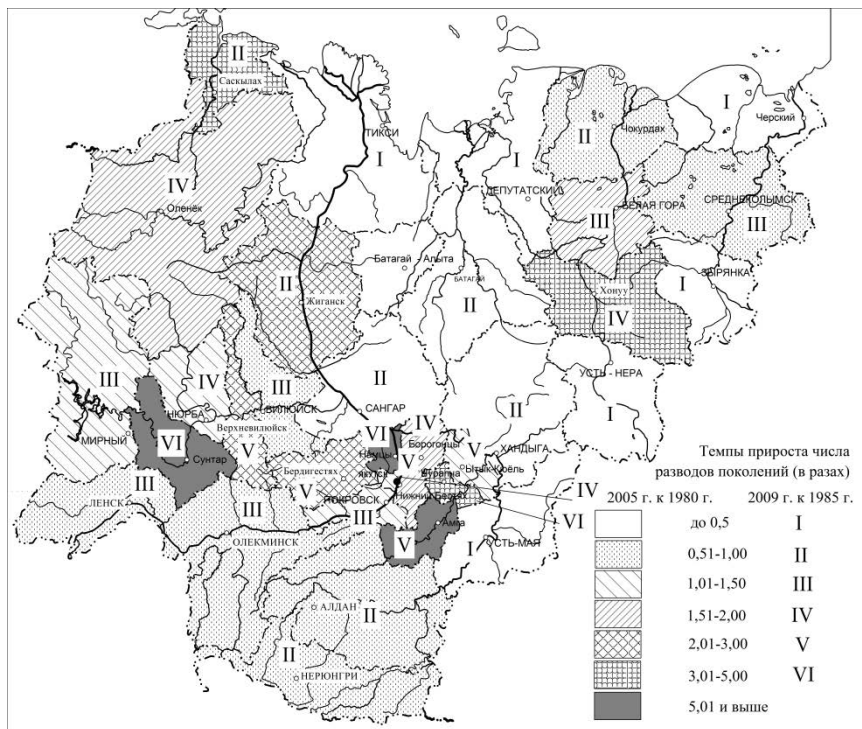

Рис 2. Группировка районов Республики Саха (Якутия) по динамике числа расторгнутых браков

Об отношении населения к процессу разводимости можно судить по материалам анкетного опроса и группового интервью, в ходе которого выяснилось не только отношение респондентов к разводу, но и причины, приводящие к распаду брака. Так, выяснилось различное отношение к разводу городских и сельских жителей. В целом распределение ответов сельских респондентов на данный вопрос более дифференцированно, чем у городских участников опроса, возможно по причине большей открытости сельского социума и малочисленности населения, где всё о каждом практически известно.

Самыми полярно категоричными оказались сельская молодежь 15–19-лет, городские 45–49-летние респонденты, считающие развод наилучшим выходом и 45–49-летние сельские респонденты, полагающие, что развод приемлем лишь в крайних случаях (табл. 1). Если сопоставить мнения поколений, то относительное единодушие взглядов на развод характерно лишь для второй группы условного поколения (дети – 20–24-летние, родители – 40–44-летние).

Таблица 1

Отношение к разводу городских и сельских респондентов разных поколений

Варианты ответов «Развод – это...»	Условные поколения							
	1 группа		2 группа		3 группа		4 группа	
	дети	родители	дети	родители	дети	родители	дети	родители
	15-19	35-39	20-24	40-44	25-29	45-49	30-34	50+
Городские респонденты								
наилучший выход	37,5	32,1	27,6	16,7	40,0	60,0	28,6	33,3
не лучший, но допустимый выход	25,0	37,7	37,9	33,3	38,2	20,0	48,2	66,7
выход приемлемый лишь в крайних случаях	37,5	28,3	24,1	33,3	18,2	20,0	14,3	
недопустимый выход		1,9	10,4	16,7	3,6		8,9	
	100	100	100	100	100	100	100	100
Сельские респонденты								
наилучший выход	71,4	46,4	37,1	27,3	46,2	20,0	33,3	33,3
не лучший, но допустимый выход		35,7	22,9	31,8	25,0	20,0	43,6	25,0
выход приемлемый лишь в крайних случаях	28,6	14,3	37,1	36,4	26,9	60,0	17,9	41,7
недопустимый выход		3,6	2,9	4,5	1,9		5,2	
	100	100	100	100	100	100	100	100

Не столь однозначны ответы о сохранении брака, даже если в семье есть дети. На первый взгляд в семьях с детьми превалирует мнение о необ-

ходимости сохранения брака при любых обстоятельствах (табл. 2). Однако на это мнение определенное влияние, видимо, оказывает брачное состояние респондента. Так, состоящие в зарегистрированном браке респонденты чаще осуждают развод. Разведенные и никогда не состоявшие в браке респонденты вне зависимости от наличия детей чаще склонны считать развод наилучшим выходом из сложившейся ситуации. Понятно, что разведенные сами прошли через все испытания, связанные с предразводным периодом, самим актом расторжения брака; и перестраивают (перестроили) организацию жизни семьи уже в новых реалиях. Никогда не состоявшие в браке респонденты, как с детьми, так и без детей, кстати, выказали удивительное единодушие в отношении развода.

Таблица 2

**Отношение к разводу респондентов разного брачного состояния
и наличия детей**
100% – по строке

Брачное состояние респондента	Наличие (отсутствие) детей	Варианты ответов «Развод – это...»			
		наилучший выход	не лучший, но допустимый выход	выход приемлемый лишь в крайних случаях	недопустимый выход
Состоящие в зарегистрированном браке	бездетные	53,3	26,7	20,0	
	с ребенком	28,4	40,2	26,5	4,9
Состоящие в гражданском браке	бездетные	26,1	56,5	13,0	4,3
	с ребенком	44,4	28,9	20,0	6,7
Разведенные	бездетные	60,0	20,0	20,0	
	с ребенком	44,1	32,4	23,5	
Вдовы	бездетные	50,0	50,0		
	с ребенком	30,8	46,2	15,4	7,6
Никогда не состоявшие в браке	бездетные	44,9	24,5	28,6	2,0
	с ребенком	45,8	20,8	29,2	4,2
Все	бездетные	42,6	33,0	22,3	2,1
	с ребенком	33,8	36,6	25,0	4,6

Материалы анкетирования показывают, что наличие детей в семьях респондентов при выборе варианта ответа на рассматриваемый вопрос играет более существенную роль, чем национальность опрошенного. Так, представители народностей Севера, а также русские, имеющие детей, гораздо реже, чем бездетные, считают развод наилучшим выходом из кризисной ситуации в семье (рис. 3).

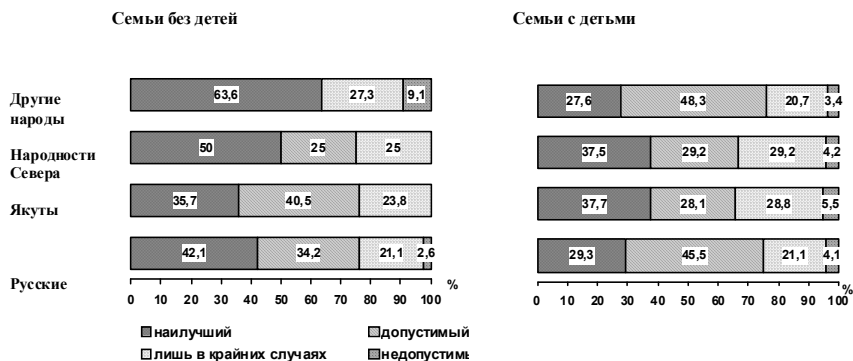

Рис. 3. Отношение к разводу респондентов разной национальности в зависимости от наличия (отсутствия) детей

Независимо от национальной принадлежности практически одинаковая доля респондентов с детьми склоняются к мнению, что развод недопустимый способ решения кризисной ситуации в отношениях мужа и жены, поскольку от развода страдают дети. Это – непреложный факт. Развод, особенно предразводная ситуация, не может не затрагивать положения ребенка в семье, не сказаться на его здоровье, психическом состоянии, поведении, учебе. Указание в записи акта о расторжении брака числа только общих несовершеннолетних детей искусственно уменьшает детность разведенных супругов. Тем не менее, распределение распавшихся брачных пар РС(Я), по данным ЗАГС за 1980–2010 гг. показывает устойчиво высокий процент (от 60 до 70%) распавшихся семей с детьми со значительным территориальным разбросом показателя.

Анализ причин конфликтов важен постольку, поскольку именно углубление конфликтной ситуации приводит к неотвратимому итогу – распаду брачного союза. Среди причин конфликтов в семье преобладают причины, связанные с посягательством на личность: измены и ревность (более 20%), пьянство, его последствия (порядка 25%). Материальные трудности, по мнению почти каждого пятого респондента, и психологическая несовместимость характеров супругов (около 20%) также могут создать конфликтную ситуацию в семье. Прочие причины – разногласия по поводу распределения семейных обязанностей, проблемы во взаимоотношениях с родителями, разногласия в вопросах воспитания и обучения детей, а также различия интеллектуального и культурного уровней супругов – хотя и важны и отмечаются участниками опросов 1995, 2005 гг., а также 2008 г., встречаются заметно реже.

Основным поводом для конфликтов, по мнению участников опроса из простых, как полных, так и неполных, полных сложных семей с детьми и

респондентов с родственниками, является пьянство одного из взрослых членов семьи (рис. 4). Эта же проблема весьма актуальна и для респондентов, не имеющих детей. Материальные трудности как причина конфликтов чаще волнует неполные сложные и прочие семьи. В случаях, когда муж или жена уделяют мало времени домашним делам, происходят разногласия по поводу распределения семейных обязательств. Все эти обстоятельства могут привести к накоплению взаимного недовольства, к частым повторяемости, уязвляющим психологически конфликтам, нередко приводящим к распаду брака. Итак, прослежено различие мнений представителей разных поколений. Различие взглядов по кругу рассмотренных вопросам обнаруживается и по половому признаку. Причем, мнения мужчин и женщин в зависимости от их семейного статуса, числа детей в семьях, места проживания также расходятся.

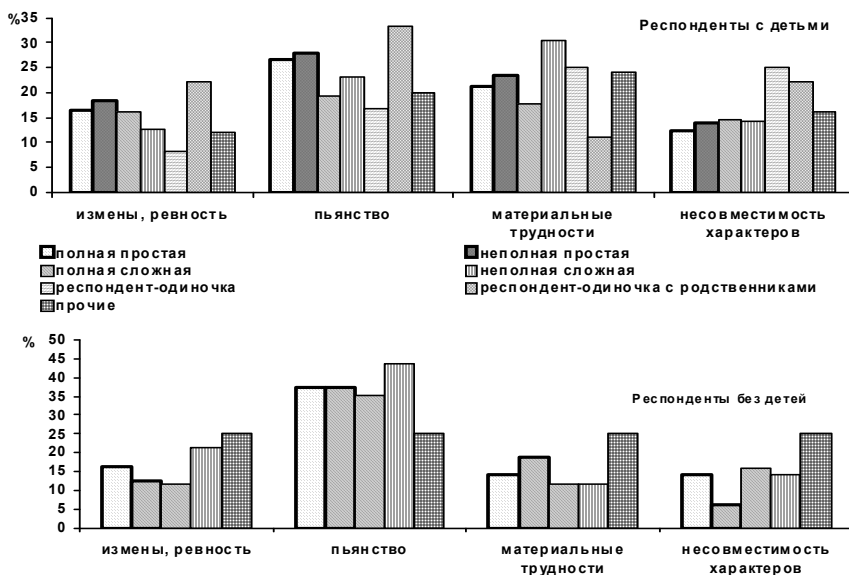

Рис. 4. Распределение мнений членов семей разного демографического типа по причинам семейных конфликтов

Несомненно, что на особенности матримониального поведения населения повлияли радикальные реформы в обществе, изменения в системе жизненных ценностей населения. Продолжает влиять и такой фактор, как неуверенность в завтрашнем дне и иные атрибуты переходного периода³.

³ Голод С.И. Социолого-демографический анализ состояния и эволюции семьи // Социологические исследования. – 2008. – №1. – С. 40–49.

Однако представляется, что главная причина неблагополучия кроется не в самой кризисной ситуации в разных сферах жизни государства, а в их чередовании, в гипертрофированном внедрении психологии потребителя, в том числе в отношении брака. Именно это сознание выступает своеобразным стимулом рационализации молодежью своих матримониальных установок аналогично рационализации деторождения в странах с развитой рыночной экономикой.

***Бирюкова С.С.,
Россия, г. Москва***

Вклад мигрантов в воспроизводство населения России: возможности оценки на основе существующей статистической информации.

Необходимость проведения исследований, касающихся оценки вклада мигрантов в воспроизводство населения, назрела в России достаточно давно. Сложившиеся к настоящему моменту режимы смертности и рождаемости в нашей стране определяют, с одной стороны, значимость характера миграционного движения с точки зрения сохранения баланса численности населения территорий, а с другой – особенности реализуемой в стране демографической политики, для оценки эффективности которой важно выделять вклад мигрантов в результирующие демографические показатели.

Нужно отметить, что развитые страны к настоящему моменту уже имеют довольно обширный накопленный опыт научных исследований в этой сфере, в то время как в России эта тема остается практически не изученной. Одним из основных факторов, ограничивающих развитие данного направления исследований, является нехватка качественных и доступных статистических данных, могущих лечь в основу расчетов или моделей. Европейские исследователи, как правило, опираются на данные регистров населения, а также на информацию связанных с ними узкоспециальных баз данных¹; авторы из США и Великобритании используют данные крупных репрезентативных выборочных обследований. В России, к сожалению, до настоящего времени регистр населения не создан, перепись населения в силу длины межпереписного периода, а ни одно из существующих репрезентативных обследований населения не включает достаточно содержательного блока вопросов, касающихся миграции.

¹ Это, например, база данных системы пенсионного обеспечения в Германии; база данных по иммигрантам, основанная на выборке из регистра населения, в Швеции.

С точки зрения автора, в основу исследований вклада мигрантов в воспроизводство населения в России могут лечь данные административной статистики по учету рождений и смертей, до настоящего времени не использовавшиеся в научных целях. Потенциал указанных данных очень высок, поскольку, во-первых, их сбор осуществляется в масштабе всей страны методом сплошного непрерывного учета, что позволяет проводить регулярную разработку, отслеживая ситуацию во времени. Во-вторых, введение данных текущего учета в научный оборот не связано с масштабными финансовыми затратами, которые нужны для проведения выборочных обследований по репрезентативной выборке.

Пробная разработка базы данных московских ЗАГСов за 2009 г. показала, что на настоящий момент существует ряд недостатков, которые затрудняют использование этой статистики в научных целях в той форме, в которой они существуют сейчас. Однако, в ходе подробного анализа структуры самих данных, типов содержащихся в них ошибок, а также особенностей и возможностей программного обеспечения, на базе которого ведется учет в электронной форме, было выявлено, что основная масса ошибок может быть предотвращена на этапе ввода при условии доработки системы.

Первые оценки, полученные в ходе проведения пилотных расчетов на основе данных за 2009 г. по выборке из 10 субъектов Российской Федерации, показали, что доля смертей, приходящихся на международных мигрантов², в общем числе смертей, зарегистрированных на территории регионов, колебалась от 0,1% (Иркутская область) до 1,3% (г. Москва); аналогичные показатели в отношении рождений находились в интервале от 0,5% (Краснодарский край) до 6,6% (г. Москва). Во всех рассмотренных регионах, за исключением Свердловской области, мигранты продемонстрировали более низкие возрастные коэффициенты смертности во всех возрастных интервалах. В отношении возрастных коэффициентов рождаемости в регионах были получены различные результаты: к примеру, в Краснодарском крае и Московской области женщины с иностранным гражданством отличаются более низкими показателями рождаемости, чем женщины из состава коренного населения, во всех возрастных интервалах, в то время как в г. Москве и республике Татарстан наблюдается обратная ситуация. Построенные оценки вклада мигрантов в величину суммарного коэффициента рождаемости показали, что в ряде регионов мигранты понижают результирующее значение указанного показателя.

² В ходе данной работы под международными мигрантами понимались люди с иностранным гражданством.

**Бучучану-Врабие М.,
Республика Молдова, г. Кишинев**

Гендерные аспекты занятости в Республике Молдова

Развитие технологий, процессы глобализации способствовали изменению условий на рынке труда, возможности занятости, особенно для женщин. Экономический статус женщин является одним из определяющих факторов влияния не только на ее материальное положение, но и на возможности совмещения родительской и профессиональной ролей.

С конца 1999 г. Республика Молдова потеряла более 3% населения, а если учитывать население Приднестровского региона – то более 18%¹. Вместе с тем, начиная с 2000 г., отмечены благоприятные демографические тенденции по увеличению доли населения трудоспособного возраста, которое к 2011 г. увеличилось на 8,2%. Однако данный рост является временным явлением, обусловленный наличием большего количества детей, рожденных в 70-х и 80-х гг. прошлого века, которые составляют трудоспособное население в настоящее время. К тому же, их влияние на рынок труда не пропорционально той доли, которую они представляют в общем количестве населения: все большее количество трудоспособного населения отсутствуют на национальном рынке труда в связи с временной миграцией на заработки за границу.

Данные национальной статистики указывают на постоянное снижение ключевых показателей экономической активности населения. В 2010 году количество экономически активного населения составляло около трети всего населения страны, что однако на 25% ниже этого показателя в 2000 г.

Хотя в рассматриваемый период не отмечены существенные различия между полами, снижение с 2005 г. количества женщин трудоспособного возраста привело к снижению доли женщин в составе экономически активного населения (49%) и незначительному перевесу мужчин (51%). Одновременно со снижением показателей занятости имеют место значительные изменения в составе занятого населения по полу, возрасту, месту проживания, видам экономической деятельности.

Согласно международной статистике² в 2009 г. доля женщин на европейском рынке труда составляла 45%, что представляет впечатляющий рост по отношению к 70-м гг. прошлого века, когда их доля не превышала 30%. Однако, несмотря на повышение трудовой активности и роли женщин в обществе, по-прежнему присутствуют различия в сфере занятости между мужчинами и женщинами.

¹ Расчеты выполнены на основании данных НБС о средней численности постоянного населения.

² http://stats.oecd.org/Index.aspx?DataSetCode=LFS_SEXAGE_I_R.

По данным статистики в Молдове на протяжении ряда лет постоянно сохраняется более низкий уровень экономической активности женщин, нежели уровень экономической активности мужчин. В 2010 году этот показатель составил 38,6% у женщин, тогда как у мужчин – 45% [1].

По сравнению с другими европейскими странами и странами СНГ³, в 2000 г. уровень экономической активности женщин в Молдове (62,8%) был ниже, чем в России, Румынии, Германии и др. но выше чем в Украине, Франции, Болгарии, Польши, Италии и других стран региона, включая страны СНГ (рис. 1). Однако к 2010 г. в стране отмечен самый низкий уровень экономической активности женщин (44,3%) по сравнению со средним уровнем экономической активности женщин по странам Центральной и Юго-Восточной Европы (не входящих в состав ЕС) и СНГ (50,4%) [2].

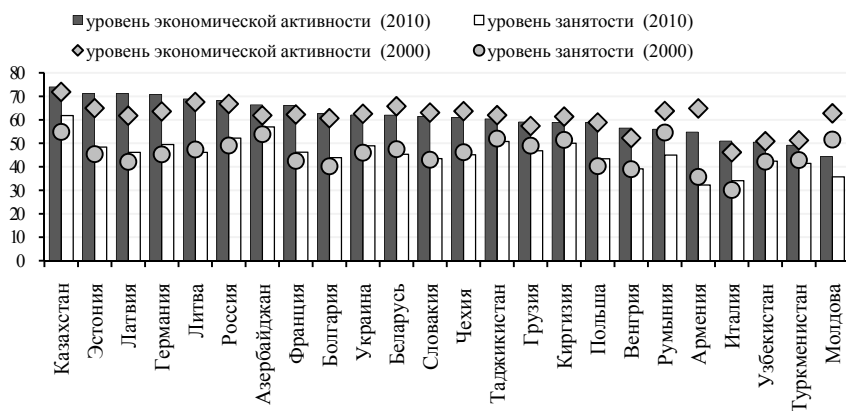

Рис. 1. Уровень экономической активности женщин (возраст 15–64 лет) и уровень занятости женщин (возраст 15 лет и выше) на рынке труда, по странам региона, 2000–2010г. (%)

Источники: По данным Международной Организации Труда <http://kilm.ilo.org/KILMnet/>; *Global Employment Trends 2011*. ILO, Geneva, 2011. http://www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/--dgreports/--dcomm/--publ/documents/publication/wcms_150440.pdf

Согласно данным международной статистики Молдова отстает и по уровню занятости женщин (35,7%) от большинства стран региона, в том числе стран СНГ (рис. 1).

Частично эти различия объясняются тем, что в других странах установлен более высокий возрастной предел для выхода на пенсию, что позволяет дольше работать, а более развитая инфраструктура социальных услуг

³ По данным Международной Организации Труда // <http://kilm.ilo.org/KILMnet/>.

позволяет женщинам более эффективно совмещать профессиональный и семейный статусы. Однако более существенное влияние на уровень экономической активности и занятости женщин в Молдове оказал экономический спад, отсутствие рабочих мест, особенно в сельской местности. Это генерировало процессы трудовой миграции, в том числе женщин, доля которых в общем составе мигрантов составила более 30%. Определенное значение имеют и сохраняющиеся в обществе формы латентной дискриминации женщин при приеме на работу, а также в других областях, сохранение стереотипов и предрассудков, касающихся гендерных ролей в семье и в обществе.

Наиболее выраженное снижение уровня занятости женщин в 2000–2010 гг. отмечено для возрастной группы 25–34 года – на 36%, и для возрастной группы 55 лет и старше – более чем на 20%. Различия сохраняются на протяжении длительного периода в связи с особенностями интеграции женщин в семейную и социальную жизнь.

На повышение уровня занятости женщин в возрастных группах 35–44/45–54 года частично повлияли такие факторы как низкий уровень доходов населения. Это мотивировало женщин, как «второго» кормильца семьи, к наибольшей занятости, ориентируя их не столько на высокий заработок, сколько на стабильное место работы, на более низкий, но постоянный заработок. Это привело к их наибольшей занятости и концентрации в формальной системе занятости, которая представляет женщинам определенный минимум социальных гарантий и льгот, но также и способствует их более полному статистическому учету.

Не смотря на то, что среди экономически активного населения Молдовы уровень образования у женщин, как правило, выше, чем у мужчин, общая тенденция занятости женщин по всем уровням образования ниже чем у мужчин (рис. 2).

В странах ЕС женщины составляли 59% (в 2006 г.) от трудового потенциала с высшим образованием занятого в экономике. В Республике Молдова в 2010 г. из общего количества женщин с высшим образованием были заняты 57%, тогда как у мужчин этот показатель составил 65,2%. Более низкий уровень занятости женщин с высшим образованием означает и более высокий уровень социальных и материальных потерь, как для общества, так и личностных потерь для населения, вложивших годы и материальные средства в обучение для получения более высокой профессиональной позиции и социального статуса.

Уровень профессиональной квалификации и занятости также имеет различия у мужчин и женщин. Из общего количества специалистов с высшей и средней профессиональной квалификацией женщины составляют 66,1% и, соответственно, 72,1%, отмечая позитивную динамику в занятости за последние 10 лет. К примеру с 2000 по 2010 г. среди занятых спе-

циалистов с высшей квалификацией доля женщин повысилась на 20%, тогда как у мужчин только на 9%.

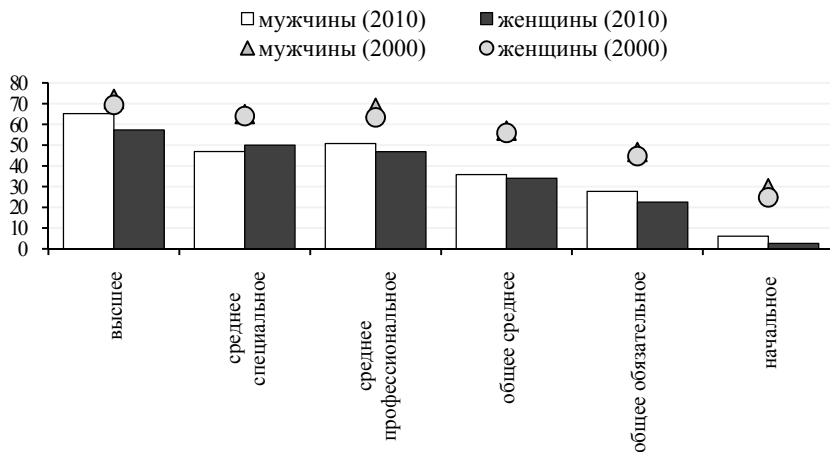

Рис. 2. Уровень занятости по полу и уровню образованию, 2000 и 2010г. (в %) *Источник: по данным Национального Бюро Статистики Республики Молдова // www.statistica.md.*

По отраслям экономической деятельности распределение занятых по признаку пола отражают специфику конкретной отрасли, а также выявляет существенную вертикальную сегрегацию по уровню должностей, занимаемых женщинами и мужчинами, с преобладанием мужчин на руководящих и ответственных должностях. Так женщины представляют большинство в составе административного персонала (83%), работников сферы обслуживания, коммунальных и жилищных услуг (74%), но представляют меньшинство (36,%) в составе руководства органов публичного управления всех уровней.

В период 2000–2010 гг. отмечен рост диспропорции по полу среди лиц работающих по найму и само-занятых⁴. В отличие от рынка труда других стран, которым характерна для работников по найму большая доля занятых мужчин, в Республике Молдова наибольшая доля в работающих по найму приходится на женщин. В 2010 г. их доля составила 53%, или три четверти от всех занятых женщин.

Вместе с тем можно отметить, что в составе неоплачиваемых лиц работающих в собственном хозяйстве 2/3 составляют именно женщины. Это объясняется аграрной спецификой страны, и, следовательно, высокой долей лиц занятых в сельскохозяйственных видах деятельности в стране в

⁴ К ним относятся и лица, работающие в собственном хозяйстве.

целом – 1/3 от всего занятого населения, из которых каждое второе лицо трудится в собственном подсобном хозяйстве. При этом доля занятых в подсобном хозяйстве женщин выше доли мужчин: на двух работающих в личном подсобном хозяйстве мужчин приходится три женщины.

Несмотря на более высокий по сравнению с мужчинами уровень образования и профессиональной квалификации, а также законодательно утвержденный принцип равной оплаты за равный труд⁵, женщины в среднем зарабатывают на 24% меньше чем мужчины. Следует отметить, что в 2010 г. на уровне стран ЕС эта разница составляет 18%⁶, а на уровне стран членов Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСД) в среднем 16% [3].

Сокращение экономической активности населения в Республике Молдова сопровождается значительным увеличением экономически неактивного населения в возрасте 15 лет и старше. Доля последнего за период 2000–2010 гг. выросла на 36%. Определяющим фактором в увеличении численности экономически неактивного населения являются все большее вовлечение населения трудоспособного возраста в миграционные процессы⁷.

Доля женщин в составе экономически неактивного населения на протяжении последнего десятилетия составляла более 56%. Эволюция уровня экономической неактивности женщин в Республике Молдова отличается от эволюции данного процесса других стран региона (рис. 3). Молдове присуще чрезмерное увеличение данного показателя по сравнению с другими странами. Так с 1990 по 2010 г. уровень экономической неактивности женщин в возрасте 25–34 года возрос в шесть раз (от 9,2% в 1990 г. до 51,8% в 2010 г.), а в возрастной группе 35–54 года более чем в три раза⁸ и Молдова лидирует по данному показателю среди сравниваемых стран (рис. 3).

Самые значимые категории экономически неактивного населения существенно различаются по полу. Так домохозяйки составляют 17% (у мужчин 0,9%), пенсионеры-женщины – 38,2% (у мужчин 27%). При этом в составе домохозяек наиболее высока доля относительно молодых женщин: в возрастной группе 25–34 года она составляет 55,3%, в возрастной группе 35–44 года – 29,4%, в возрастной группе 35–44 года – более 15%.

Национальные исследования [4] показали высокий уровень домашних нагрузок, которые приходятся на женщину. Так, женщины заботятся о де-

⁵ Статья 128 (2) Кодекса Законов о труде Республики Молдова, согласно которой при определении уровня заработной платы не допускается дискриминация работников по полу.

⁶ <http://m.rfi.ro/articol/stiri/societate/una-cinci-femei-ue-traieste-saracie>.

⁷ Мигранты согласно классификации НБС РМ относятся к неактивному, с экономической точки зрения населению.

⁸ По данным Международной Организации Труда // <http://kilm.ilo.org/KILMnet>.

тях в 1,9 раз чаще мужчин, в 2,2 раза больше мужчин заняты работой по дому, в 1,7 раз – уходом за пожилыми членами семьи, но, для сравнения, в 2,1 раза меньше чем мужчины имеют возможность для активного или культурного отдыха. К тому мужчины, даже не занятые на рынке труда, уделяют меньше времени занятию с детьми, чем занятые на рынке труда женщины.

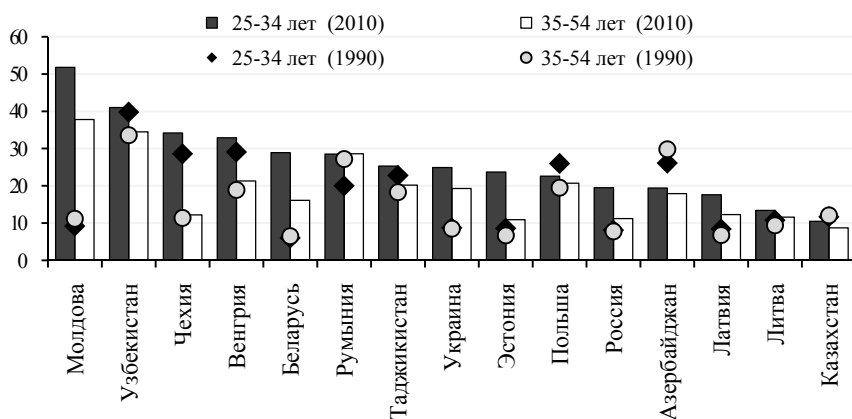

Рис. 3. Уровень экономической неактивности женщин по странам региона, 1990 г. и 2010 г. (в %)

Источник: По данным Международной Организации Труда // <http://kilm.ilo.org/KILMnet/>.

На протяжении последнего десятилетия уровень безработицы среди женщин в стране несколько ниже, чем уровень безработицы у мужчин. К примеру, в 2010 году уровень безработицы среди женщин составил 5,7%, у мужчин – 9,1%. Отметим, что для стран Центральной и Восточной Европы⁹ характерна скорее обратная ситуация. В 2010 году для стран ЕС отмечен почти равный уровень безработицы среди мужчин и женщин – около 10% для каждого пола.

Необходимо отметить, что в Республике Молдова данные об уровне зарегистрированной безработицы, представляемые Национальным агентством занятости населения (НАЗН) и незарегистрированной, исчисляемой по методологии Международного Бюро Труда (МБТ), существенно отличаются. В период 2000–2010 гг. ежегодные данные об уровне безработицы по методологии МБТ в среднем были в четыре раза выше данных представленных НАЗН. При этом анализ данных исчисленных по методологии

⁹ По данным Евростата // <http://epp.eurostat.ec.europa.eu>.

МБТ, в отличие от данных предоставляемых НАЗН, указывает на явный «мужской профиль» безработицы в стране. Среди зарегистрированных безработных в 2010 г. основную долю составляют женщины, также как и основную долю получателей пособия по безработице – 54% [1].

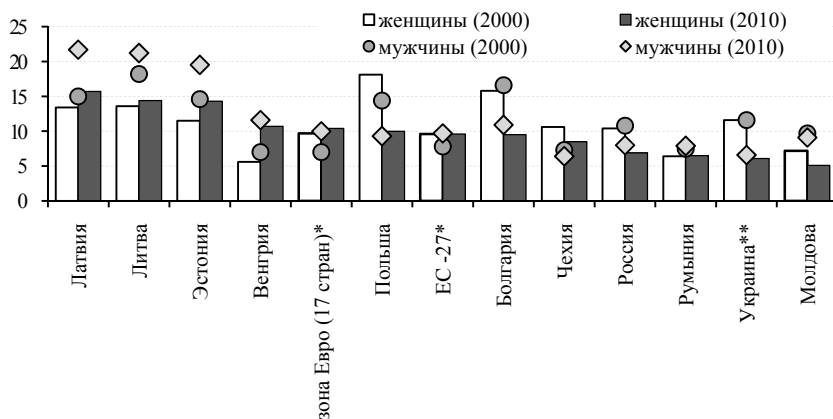

Рис. 4. Уровень безработицы среди мужчин и женщин по странам региона (в %)

* для 2000 года указанные значения с 2001 года

** для 2010 года указанные значения с 2008 года

Источник: <http://kilm.ilo.org/KILMnet/>;

http://epp.eurostat.ec.europa.eu/portal/page/portal/employment_unemployment_ifs/data/database.

Распределение безработных по уровню образования выявляет существенную разницу между мужчинами и женщинами. Среди безработных женщин чаще встречаются безработные с высшим уровнем образования. В период 2000–2010 гг. их доля выросла в 2,3 раза, составив в 2010 г. 26,4%, и была в 1,7 раза выше, чем доля лиц с высшим образованием в составе зарегистрированных безработных мужчин.

При рассмотрении зарегистрированной безработицы выделяется еще одна её «женская» особенность – длительность периода пребывания в статусе безработного и поиска работы. В среднем, доля женщин, которые находятся в длительном или очень длительном периоде поиска работы (в связи с отсутствием рабочих мест, отказе в приеме на работу из-за предвзятого мнения или стереотипов и др.) в 1,3 раза выше, чем мужчин. Длительная безработица существенно влияет на качество человеческого потенциала, приводит к существенным издержкам для семьи, к материальным потерям. Необходимо отметить, однако, что хотя безработица затрагивает оба пола, ее последствия для женщин и мужчин различны.

Исследования показали [4], что длительность периода поиска работы и трудоустройства способствует изоляции и социального исключения женщин, отрицательно сказывается на их статусе.

Интеграция женщин в рынок труда является важным фактором, который непосредственно способствует сокращению масштабов нищеты среди женщин, но и содействует росту семейных доходов и семьи и страны в целом. Вместе с тем экономическая активность женщин способствует улучшению ее образа в обществе, ее самоутверждению, росту активности в других областях общественно – политической жизни.

Существующий дисбаланс в осуществлении женщиной родительских обязанностей и профессиональной занятости, отсутствие справедливой политики занятости делают ее уязвимой при возвращении на рынок труда после перерывов связанных с уходом за членами семьи. Хотя в некоторых случаях закон¹⁰ предусматривает дополнительные гарантии при приеме на работу беременных женщин и лиц (независимо от пола), занятых уходом за детьми не достигших возраста 6 лет, ряд национальных исследований показали несоответствие практики законодательным предписаниям. Создалась ситуация при которой принцип равного права на доступ к рынку труда закрепленный законодательно, на практике ограничен субъективным отношением к женщине репродуктивного возраста, препятствуя ей в реализации самого права на труд. Согласно исследованиям [5], более четверти женщин репродуктивного возраста показали, что им хотя бы один раз отказали в приеме на работу по причине беременности или из-за наличия маленьких детей, а более 15% опрошенных женщин показали, что они были уволены с работы, учитывая эти мотивы.

Международные исследования подтверждают, что вопросы неравенства мужчин и женщин в вопросах занятости, положения на рынке труда являются актуальными во всем мире [6]. Императивность устранения неравенства по полу и предоставление женщине равного статуса на рынке труда, является не только правильной, но и разумной альтернативой для обеспечения устойчивого социального и экономического развития.

Женщины сталкиваются с рядом ограничений в доступе к рынку труда, выбору профессии, виду экономической деятельности, виду деятельности к которому стремятся. Для разработки мер направленных на снятие ограничений и способствование развитию экономического потенциала женщины необходимы комплексные политики позволяющие женщине лучшее совмещение работы, личной и семейной жизни; наиболее полного использования трудового потенциала женщины путем расширения комплекса социальных услуг, предоставляемых в помощь женщине, экономической заинтересованности работодателя в предоставлении и использовании про-

¹⁰ Трудовой кодекс, Закон №154-ХV от 28 марта 2003 года статья 247.

грамм для лиц (независимо от их пола), имеющих детей; другие меры способствующие восстановлению равновесия между полами по уровню образования и занятости лиц, с учетом уровня образования и др.

Литература

1. *Рабочая сила Республики Молдова. Занятость и безработица*. НБС, Кишинев, 2011.
2. *Global Employment Trends 2011*. ILO, Geneva, 2011.
3. *Doing Better for Families*. OECD, 2011.
4. *Approaches to social exclusion in the Republic of Moldova. Methodological and analytical aspects*. NBS, Chisinau, 2010.
5. Гагауз О., Бучучану-Врабие М. *Родительская & профессиональная роль: возможности совмещения для современной женщины*. Кишинев, 2011
6. *Global Employment Trends for Women*. International Labour Office – Geneva, 2009.
7. Поалелунжъ О.М. *Миграция и социальные аспекты безопасности трудящихся-мигрантов из Молдовы*. // Журнал философии, социологии и политических наук. Кишинёв, 2011, №2, с. 191 – 201.

Васильева Е.В.,
Россия, г. Екатеринбург

Проблема управляемости социально-демографическими процессами региона в условиях глобализации

Проблема управляемости социально-демографическими процессами региона становится более актуальной при рассмотрении их в ракурсе глобальных тенденций. Тренд мирового воспроизводства населения предопределен увеличением продолжительности жизни и снижением уровня репродуктивности. Такой уровень воспроизводства населения является необратимым следствием урбанизационных процессов, вступлением в фазу постиндустриального развития. Необратимость наступления в большей или меньшей степени присуща всем регионам, однако, необратимость нельзя сводить к единой однонаправленности социально-демографических изменений. Задача управления социально-демографическим развитием региона заключается не в отрицании необратимости наступления, а в учете одновременного воздействия на социально-демографические процессы региональных условий функционирования, и, соответственно, принципиальной возможности изменения сложившейся социально-демографической ситуации в регионе.

Для обозначения социально-демографических процессов, происходящих в рамках проявлений характеристик второго демографического пере-

хода и эпидемиологического перехода, введено понятие социально-демографических трансформаций, под которыми понимаются качественные изменения социально-демографических процессов под воздействием смены системы ценностей и образа жизни населения, проявляющиеся в преобразовании:

- модели рождаемости через смещение времени заключения брака и материнства к более поздним возрастам при снижении уровня рождаемости;
- структуры смертности через постепенное устранение экзогенных факторов и более полную реализацию эндогенного потенциала здоровья населения при снижении уровня смертности и росте продолжительности жизни.

Отклонения от трансформаций под воздействием внешних факторов и проявлений региональных особенностей (материальные трудности, неуверенности в экономической стабильности в будущем, низкое качество социальных услуг, неприемлемые условия жизни) выражают социально-демографические аномалии. Для достижения оптимизации социально-демографического развития, стратегия управления должна учитывать природу текущих социально-демографических тенденций и заключаться, во-первых, в обеспечении как можно менее болезненного перехода к качественно новому состоянию в рамках трансформаций, а, во-вторых, в нейтрализации аномалий на основе рассмотрения совокупности условий функционирования региона, изучение которых позволит обосновать перспективы социально-демографического развития региона, изучение которых позволит обосновать перспективы социально-демографического развития региона.

С целью выявления социально-демографических трансформаций и аномалий и оценки результативности управления ими в регионе разработана методика оценки управления социально-демографическими процессами региона, в основу которой положен метод индикативного анализа. Алгоритм диагностики включает 4 этапа:

Этап 1. Формирование перечня индикаторов, которые отображают процессы, протекающие в рамках второго демографического перехода и эпидемиологического перехода, а также уровень финансирования социально значимых статей бюджета субъектов РФ.

Этап 2. Определение пороговых значений на основании использования специальных математических методов в сочетании с экспертными оценками. Пороговые уровни по индикаторам финансирования социально значимых статей бюджета являются дифференцированными для федеральных округов и субъектов РФ.

Этап 3. Создание электронной базы данных на основе статистической отчетности Федеральной службы государственной статистики, Министерства здравоохранения и социального развития РФ, Федерального Казначейства.

Этап 4. Получение оценки по каждому индикатору выполняется при сравнении фактических значений индикаторов с их пороговыми значениями. Оценка результативности управления социально-демографическими процессами региона производится путем сопоставления полученных нормализованных оценок каждого индикатора социально-демографических процессов с нормализованными оценками уровня финансирования отдельной социально значимой статьи бюджета субъекта РФ:

$$\beta_{\text{упр}}^t = \frac{X_{ji}^H}{X_{jk}^H}, \quad (1)$$

где $\beta_{\text{упр}}^t$ – оценка результативности управления социально-демографическими процессами, отн. ед.;

X_{ji}^H – нормализованное значение индикатора социально-демографического процесса i для территории j в анализируемом периоде, отн. ед.;

X_{jk}^H – нормализованное значение индикатора финансирования социально значимой статьи бюджета i для территории j в анализируемом периоде, отн. ед.

В зависимости от данного соотношения определяется результативность управления социально-демографическими процессами по 6 зонам с различной степенью результативности, представленными на рис. 1.

Рис. 1.

Управление социально-демографическими процессами признается результативным, при выполнении трех условий:

- состояние по индикатору социально-демографического процесса характеризуется стадией трансформации, т.е. $X_{ji}^H < 1$;
- финансирование социально значимой статьи бюджета находится на среднем уровне, т.е. $X_{jk}^H < 1$;
- значение нормализованной оценки индикатора социально-демографического процесса меньше, чем значение нормализованной оценки уровня финансирования социально значимой статьи бюджета, т.е. $X_{ji}^H < X_{jk}^H$.

На основании разработанного методического аппарата проведена диагностика управления социально-демографическими процессами субъектов РФ, входящих в состав Уральского федерального округа, за 2000–2010 гг. и сформулированы основные выводы:

1. Низкая рождаемость, безусловно, является главной причиной сокращения населения. Однако, в отличие от чрезвычайно высокой смертности, не представляет собой исключительное явление, сходный уровень рождаемости наблюдается во многих развитых странах в рамках второго демографического перехода. Во всех субъектах округа итоговая рождаемость формируется в гораздо более зрелом возрасте. Получение образования и поиск первой работы в развитых странах, как правило, не «утяжеляется» проблемами, связанными с выполнением материнских функций. Причем снижение рождаемости сопряжено с позитивными атрибутами трансформации (самореализация женщины, рост образования и др.). Социально-демографические аномалии процессов рождаемости проявляются в методах регулирования рождаемости, значительный вес в которых занимают прерывания беременности, несмотря на положительную тенденцию их снижения.

Тенденции же смертности населения УрФОа с наибольшим основанием могут быть охарактеризованы как аномальные, степень остроты и долгосрочности которых в значительной степени зависят от социально-экономического развития региона (уровень бедности, условия жизни, доступность услуг социальной сферы). В этом плане Курганская область является наиболее проблемным субъектом УрФО, более благополучно выглядят Свердловская и Челябинская области. В Тюменской области и автономных округах более молодая структура их населения влияет на структуру смертности населения: наблюдается более высокий уровень смертности от экзогенных причин и в трудоспособном возрасте.

В целом субъекты УрФО по социально-демографическим процессам, несмотря на благоприятную тенденцию, характеризуются аномалиями на протяжении всего рассматриваемого периода, особенно по процессам смертности населения.

2. В 2010 г. уровень финансирования социально значимых статей бюджета субъектов УрФО классифицировался как низкий, хотя динамика основных показателей финансирования свидетельствует об увеличении финансовых средств. Рост расходов происходит не вопреки возможностям экономики, а в соответствии с повышением этих возможностей, которые обеспечиваются высокими темпами экономического роста. За 2000–2010 гг. сохранился стабильный уровень финансирования социально значимых статей бюджета на фоне развития экономики региона.

3. В 2010 г. управление социально-демографическими процессами в Уральском федеральном округе классифицируется как нерезультативное, особенно процессами смертности населения. Свердловская, Тюменская области и Ямало-Ненецкий АО относятся к I зоне, остальные субъекты УрФО – ко II зоне. Это обусловлено существующим низким уровнем финансирования социально значимых статей бюджета субъектов УрФО, который не позволяет обеспечивать условия для устойчивого и качественного развития населения. Субъекты УрФО требуют особого внимания при принятии управленческих решений, поскольку проблема недофинансирования здесь дополняется наличием социально-демографических аномалий.

***Вешкурова А.Б.,
Россия, г. Москва***

Влияние иммиграции на демографическую ситуацию принимающей страны

В настоящее время все больше людей живет и работает вне страны своего происхождения – более 200 млн. против 150 млн. человек в 2000 г.¹ Движение населения происходит не только из индустриально развитых стран в развивающиеся, но и из одной развитой страны в другую, а также между развивающимися странами. На самом деле, основная масса мигрантов перемещается между развивающимися странами, так как на долю последних приходится 80% мирового населения.

Упрощенный подход к причинам международной миграции гласит: миграция возникает в ответ на существующую дифференциацию в доходах, уровне жизни, безопасности и демографической ситуации между страной происхождения и страной назначения.

На наш взгляд, демографический фактор играет одну из ключевых ролей в формировании миграционных потоков. Улучшение экономической

¹ United Nations Department of Economic and Social Affairs (UN DESA), Trends in International Migrant Stock: The 2008 Revision, <http://esa.un.org/migration/index.asp?panel=1>

ситуации, развитие экономики, повышение качества жизни инициируют у населения демографические установки на снижение рождаемости, что в перспективе приводит к старению населения и росту спроса на рабочую силу. В настоящее время уровень рождаемости во всех странах мира снижается, традиционно высоким он остается только в странах Африки и Ближнего Востока – от 4 до 7,5 промилле, тогда как в прочих странах составляет около 2,1 промилле².

По оценкам ООН внешние мигранты способствуют росту населения страны пребывания в три раза больше, чем коренные жители. Данные статистики подтверждают этот вывод: в европейских странах дети мигрантов от общего числа родившихся в 2004–2006 гг. составили 11–15% в Австрии, Дании, Италии, Франции, 17–19% в Бельгии, Германии, Испании, Нидерландах и Швеции, 22% в Англии и Уэльсе, 26% в Швейцарии³.

В России долгое время уровень смертности превышал уровень рождаемости. Только благодаря притоку мигрантов из стран бывшего Советского Союза естественная убыль населения частично компенсировалась (рис. 1).

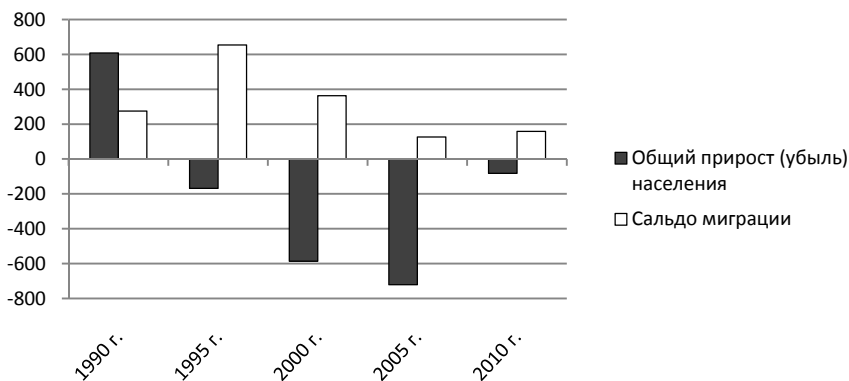

Рис. 1. Влияние иммиграции на численность населения РФ, тыс. человек

Источник: Росстат, Интернет ресурс: <http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat/rosstatsite/main/population/demography/>

В 1990 г. миграционный прирост обеспечил 45% роста численности населения РФ, в 1995–1998 гг. в Россию прибывало по 500–600 тыс. человек ежегодно, что можно объяснить репатриационной миграцией. Однако с

² <https://www.cia.gov/library/publications/the-world-factbook/rankorder/2127rank.html?countryName=Russia&countryCode=rs®ionCode=cas&rank=197#rs>

³ Sobotka T. The rising importance of migrants for childbearing in Europe // Demographic Research. 2008. Vol. 19, p. 225–247.

2001 г. поток иммигрантов резко сократился, причиной чего мог стать новый порядок получения гражданства⁴. С 2007 г. миграционное законодательство было изменено в сторону либерализации, благодаря чему поток иммигрантов снова возрос. Кроме того, в том же году был введен льготный порядок получения российского гражданства, который действовал по 2010 г.

По оценкам экспертов мигранты-репатрианты, прибывшие в страну в 90-е гг., имели репродуктивные установки не сильно отличающиеся от коренного населения, однако с 2000-х гг. приток населения из стран Центральной Азии, где рождаемость традиционно высокая, изменил ситуацию. Так вклад мигрантов в общее число рождений увеличился до 9%, а для вторых и последующих детей до 10–13%⁵, что уже соответствует европейскому уровню.

По мнению ряда российских специалистов необходимо снижать естественную убыль населения, а не решать демографические проблемы за счет мигрантов⁶. Однако, на наш взгляд, здесь нужно четко разделять мигрантов натурализовавшихся, получивших российское гражданство и остающихся жить в России и временных трудовых мигрантов. Так по данным Международной организации по миграции, население США увеличится за 2005–2050 гг. с 278 млн. до 349 млн. человек, а без учета мигрантов только до 290 млн. за тот же период⁷.

На основе проведенного исследования можно сделать следующие выводы:

- во всех развитых странах в той или иной степени протекают процессы депопуляции, способствующие притоку иммигрантов в ответ на потребность в рабочей силе;
- мигранты вносят значительный вклад в рост численности населения и рождаемости в принимающих странах;
- миграционный приток в Россию в известной степени нивелировал последствия высокой естественной убыли населения страны;
- состав миграционного потока в РФ изменился за последние 10 лет в сторону коренного населения республик СНГ;
- рост уровня рождаемости за последние пять лет в России на 10–13% обеспечен за счет внешних мигрантов.

⁴ Статистический сборник. Демографический ежегодник России, Москва, 2009, с. 25.

⁵ Интернет ресурс: <http://demoscope.ru/weekly/2009/0399/tema05.php>.

⁶ Интернет ресурс: <http://radiovesti.ru/articles/2012-05-29/fm/49527>.

⁷ Essentials of Migration Management, V. 2, International Organization for Migration, Geneva, 2004.

***Волосовцова К.О.,
Россия, г. Ставрополь***

Настоящее и будущее политики интеграции мигрантов в российское общество (на примере СКФО)

Последние демографические прогнозы все больше указывают на усиление процессов депопуляции и старения населения в России в будущем. По прогнозу Росстата естественная убыль населения к 2025 г. составит 6,4 млн человек. Таким образом, основным источником восполнения численности населения страны станет иммиграция. Благодаря мигрантам Россия не только сможет перекрыть естественную убыль населения, но и увеличить темпы роста экономики.

По оценке демографов, для полной компенсации естественных потерь населения, приток мигрантов должен достигать в среднем 425 тыс. человек в год. Учитывая потребности рынка труда страны, в наибольшей степени необходимым является привлечение высококвалифицированных специалистов. Благодаря их использованию в качестве одного из каналов накопления человеческого капитала, становится возможным уменьшение нагрузки на систему государственного социального обеспечения и здравоохранения.

На сегодняшний день, по данным Федеральной миграционной службы Российской Федерации, наибольшее количество мигрантов в СКФО приезжает из Азербайджана, Узбекистана, Армении, Казахстана и Украины. Но необходимо учитывать, что возможности привлечения мигрантов из стран СНГ, основного на сегодняшний день источника мигрантов для России, в ближайшей перспективе уменьшатся. Поэтому Россия стратегически должна ориентироваться на расширение географии миграционных потоков за счет стран «дальнего зарубежья».

Расширение географии миграции приведет к увеличению культурного разнообразия в стране. Таким образом, не исключено возникновение явлений социальной исключенности, сегрегации, ксенофобии и всех форм дискриминации. Для их предотвращения необходимо обеспечить успешную адаптацию и интеграцию мигрантов, воспитание толерантности среди принимающего общества.

В настоящее время, интеграция мигрантов в российское общество является одним из приоритетных направлений деятельности территориальных органов ФМС России и неправительственных организаций, расположенных в СКФО. Тем не менее, они ограничиваются лишь обучением мигрантов русскому языку, а такой многоконфессиональный регион нуждается в четкой и поэтапной политике интеграции.

Она должна ориентироваться не только на удовлетворение интересов государства по включению мигрантов в сформировавшийся социум, но и

особенности их национальной культуры, адаптивные возможности и образ жизни.

Таким образом, основной целью данного исследования является выявление характеристик прибывающих мигрантов и основных настроений принимающего общества по отношению к ним. На основе анализа опыта интеграции развитых стран и полученных в результате исследования данных, предполагается формирование системы интеграции мигрантов, проживающих на территории СКФО.

Доклад базируется на материалах авторского исследования мигрантов, проведенного в 2012 г. с использованием метода анкетного опроса. Было осуществлено анкетирование 200 мигрантов в возрасте от 20 до 45 лет, имеющими вид на жительство, разрешение на временное проживание и разрешительные документы на работу. Также было проведено глубинное интервью с 20 мигрантами, в течении 3–5 лет постоянно проживающих на территории СКФО.

Вместе с исследованием мигрантов, было проведено анкетирование 240 респондентов из числа принимающего населения, а именно граждан РФ в возрасте от 18 до 45 лет.

По результатам опроса мигрантов, основными причинами переезда в Россию оказались более высокая заработная плата (67%), приемлемое качество жизни (19%) и нормальное отношение к иностранным работникам (11%). Основными факторами, подтолкнувшими мигрантов к переселению, оказались наличие родственников и друзей на территории федерального округа (26%), а также предыдущий опыт проживания на указанной территории (17%).

Анализ данных по обеспеченности жильем показал, что около 71% снимают квартиру или комнату в общежитии, 24% живут у работодателя. Говоря о материальном положении мигрантов после переезда, его улучшение отметили 68%, у 17% респондентов изменений не произошло, ухудшение отметили 7%. Благодаря улучшению материального положения мигрантов, 76% отправляют деньги домой один раз в месяц, 20% – один раз в 2–3 месяца. Основным занятием мигрантов на территории СКФО является строительство – 74%, 17% мигрантов работают грузчиками.

Основными проблемами, с которыми мигранты сталкиваются в России, были обозначены обман со стороны работодателей – 25% и произвол со стороны органов власти – 24%, 19% мигрантов чаще всего сталкиваются с вымогательством.

Около 38% мигрантов указывают на значительные различия в традициях их прежнего места проживания и СКФО, и говорят о трудности их адаптации. 11% мигрантов не видят трудностей в адаптации к новой культуре, несмотря на большое количество отличий от культурных традиций своего народа.

В процессе интеграции мигрантов в местное сообщество большое значение имеет восприятие мигрантами отношения к себе со стороны нового

окружения. Только лишь 18% мигрантов имеют друзей среди местного населения, 47% – таких друзей не имеют, но хотели бы общаться с ними. 46% мигрантов чувствуют негатив со стороны принимающего населения, 18% говорят о безразличии по отношению к себе, и только 9% видят искреннее желание русских оказать необходимую помощь.

Несмотря на очевидную пассивность местного населения по вопросу адаптации мигрантов, 56% респондентов готовы помочь мигрантам, но только если они будут уважительно относиться к культуре и традициям коренного населения.

Оценивая деятельность различных организаций, оказывающих помощь мигрантам после переселения, большинство респондентов отметили, что основные решения и нововведения ФМС иногда облегчают положение мигрантов (37%). Однако многие (18%) считают, что государство лишь усложняет их процесс пребывания на территории Российской Федерации.

Исследование показало, что мигранты, имеющие разрешение на временное проживание и вид на жительство хотя бы интегрированы в местное сообщество в большей степени (82%), чем мигранты, приехавшие в регион на заработки (38%). В основном, это объясняется тем, что большинство трудовых мигрантов находятся здесь временно. Тем не менее, и они нуждаются в интеграции. Но не стоит проводить их ассимиляцию насильственно т.к. подобные меры в большинстве случаев лишь усложняют процессы адаптации.

Используя европейский опыт интеграции мигрантов, необходимым является введения языкового теста для переселенцев и их родственников, несмотря на длительность их планируемого пребывания. Для мигрантов, получающих разрешительные документы на продолжительное пребывание в Российской Федерации (от 3-х лет и более) необходимо ввести обязательный интеграционный курс, включающий в себя уроки русского языка и общую подготовку к будущей жизни в стране, а именно специфику правовых и культурных аспектов. Необходимо законодательно обязать мигрантов проходить интеграционные курсы, миграционной службе, в свою очередь необходимо контролировать их посещение.

В качестве одной из основных мер интеграции мигрантов следует предотвратить концентрацию мигрантов на определенных территориях. Опыт показывает, что образование замкнутых общин, ведет к отсутствию необходимости интеграции мигрантов, так как, образуя вокруг себя или внедряясь активно в диаспоры, мигранты ошибочно считают себя адаптированными к новому сообществу.

Интеграция – сложный и многогранный процесс, успешность которого зависит от правильного взаимодействия трех основных элементов – государства, местного населения и самого мигранта. Таким образом, необходимо осознание всеми членами общества, а также государственными структурами последствий миграции и важности оказания иммигрантам помощи. При этом основным принципом должна быть толерантность. А интеграция мигрантов должна стать государственной задачей национального масштаба.

**Гагауз О.Е.,
Республика Молдова, г. Кишинев**

Молдова в процессе глобализации низкой рождаемости

Снижение рождаемости, охватившее европейские страны еще в XIX в., стало практически всеобщим глобальным процессом во второй половине XX в., а в начале нынешнего столетия данная тенденция по-прежнему сохраняется.

В настоящее время уровень рождаемости в европейских странах - один из самых низких в мире. Если в 1960–1970-е гг. еще наблюдались существенные различия показателей, то с конца 1990-х гг. ни в одной из европейских стран рождаемость не достигает уровня простого воспроизводства населения.

Снижение рождаемости, сокращение числа зарегистрированных браков, распространение свободных союзов, нестабильность браков и увеличение числа разводов, рост внебрачных рождений, откладывание заключения браков и рождения детей на более поздний период – эти изменения получили обобщение в рамках теории второго демографического перехода [1, 3, 4, 6]. Этот социально-демографический процесс охватил северные страны Западной Европы около четырех десятилетий назад, несколько позже распространился и в странах Южной Европы. В Молдове, как и в других странах Восточной и Центральной Европы, второй демографический переход начался значительно позже, чем в развитых странах запада, только с середины 1990-х гг. стали проявляться все основные черты, свойственные общей тенденции изменения модели брака, семьи и рождаемости.

В данной работе представлен анализ основных тенденций рождаемости в разрезе условных и реальных поколений, позволивший определить, как продвинулась Молдова на этапе второго демографического перехода.

После кратковременного взлета коэффициента суммарной рождаемости в 1980-х гг. под влиянием мер семейной политики, наблюдаем его снижение вплоть до 2002 г., когда было зафиксировано его минимальное значение – 1,21 рождений на одну женщину, а в последние годы регистрируется его незначительный рост до 1,3. Как известно, причиной временного скачка КСР в этот период является смещение рождений к молодым возрастам и сокращение интервалов между рождениями, вызвавшее высокую концентрацию рождений в первые годы введения в действие таких мер, как отпуска по уходу за ребенком, повышение пособий и предоставление различных льгот [2].

В Молдове семейная политика этих лет имела большой отклик у сельских жителей, не испытывающих особых жилищных проблем, и для которых введенные меры были более привлекательны, чем для городского на-

селения. Так, КСР в сельских поселениях в 1987 г. по сравнению с 1981 г. увеличился на 0,7 (ребенка на одну женщину), тогда как в городских поселениях только на 0,3. Однако повышение рождаемости имело кратковременный характер, и уже в 1988 г. рождаемость пошла на убыль – число рождений неуклонно сокращалось, как и КСР.

Несмотря на то, что КСР широко используется для отслеживания текущих изменений рождаемости, этот показатель не дает объективной картины в условиях возрастных изменений рождаемости. Использование других показателей, лишенных этого недостатка может способствовать лучшему пониманию изменений, происходящих с рождаемостью. Так, стандартизованный КСР и скорректированный КСР показывают, что в Молдове на протяжении трех десятилетий рождаемость постоянно снижалась, достигнув чрезвычайно низкого уровня – 1,5 ребенка в расчете на одну женщину, на фоне начавшегося в 1995 г. повышения среднего возраста матери при рождении первого ребенка (рис. 1).

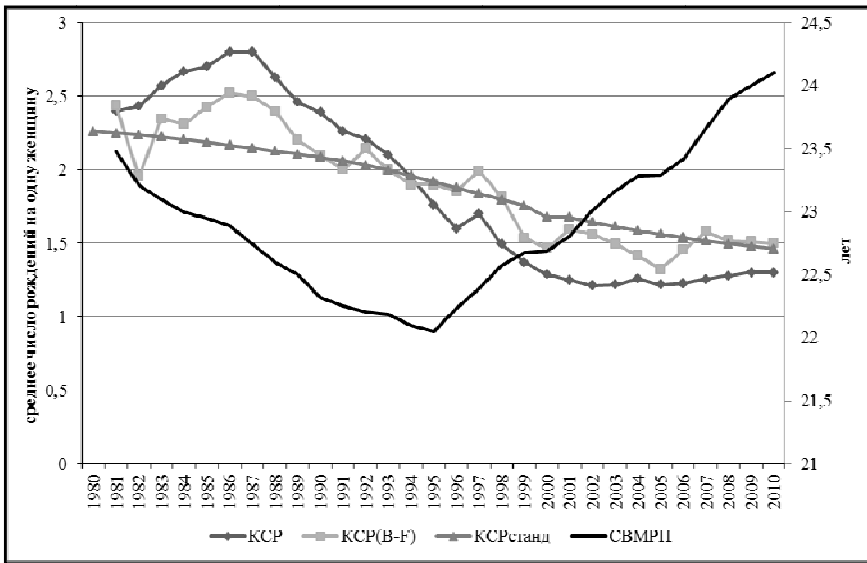

Рис. 1. Показатели итоговой рождаемости условных поколений и средний возраст матери при рождении первого ребенка

Источник: расчеты автора на основе данных Национального бюро статистики РМ
 КСР – коэффициент суммарной рождаемости; КСР (В-В) – скорректированный коэффициент суммарной рождаемости по методу J. Bongaarts & G. Feeney, 1998; КСРстанд – стандартизованный КСР с учетом величин итоговой рождаемости реальных поколений, участвующих в формировании КСР расчетного года; СВМРП – средний возраст матери при рождении первого ребенка

Преобразование данных текущего учета о рождениях в распределения рождений для реальных поколений женщин позволяет получить показатели итоговой рождаемости женских когорт, завершивших свою репродуктивную деятельность и сделать перспективные (предварительные) оценки итоговой рождаемости для поколений, находящихся в активных репродуктивных возрастах, исходя из текущих тенденций изменения рождаемости. Этот показатель не зависит от влияния изменений в календаре рождений. Полученные данные в разрезе реальных поколений также указывают на продолжающееся снижение рождаемости (рис. 2).

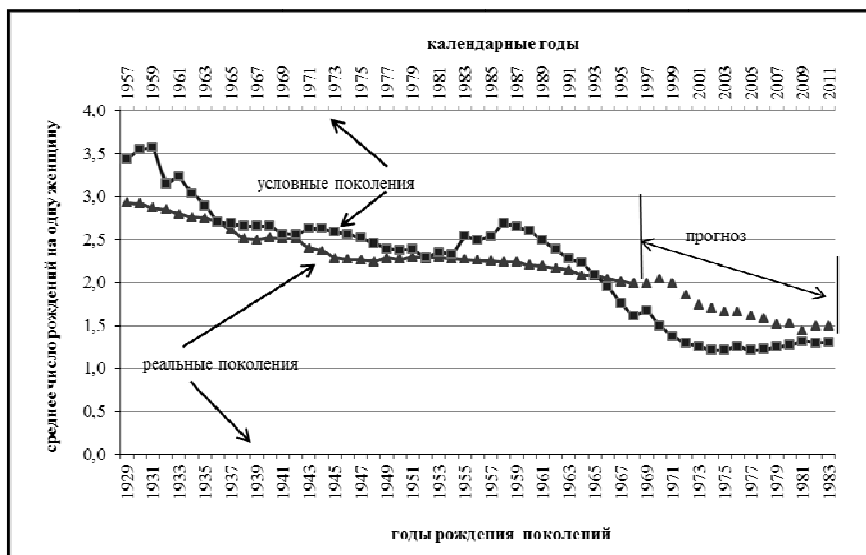

Рис. 2. Итоговая рождаемость условных (1957–2011) и реальных (1929–1983) поколений женщин (со смещением в 28 лет)

Источник: расчеты автора на основе данных Национального бюро статистики РМ

Как известно, сокращение рождаемости реальных поколений является ведущей тенденцией для большинства развитых стран. В Молдове, как и в России, Украине, Беларуси, Румынии наблюдается значительное снижение рождаемости для реальных когорт женщин, особенно для поколений, родившихся в середине 1970-х гг. и позже. Так, возрастные коэффициенты рождаемости в молодых возрастах в поколениях, родившихся в конце 1970 – начале 1980-х гг. более чем в два раза ниже, чем у поколений 1960-х гг. рождения. Кроме того, профиль возрастной кривой потерял свою островеершинность, приобрел более плавный характер, что свидетельствует о смещении рождаемости к более старшим возрастам (рис. 3).

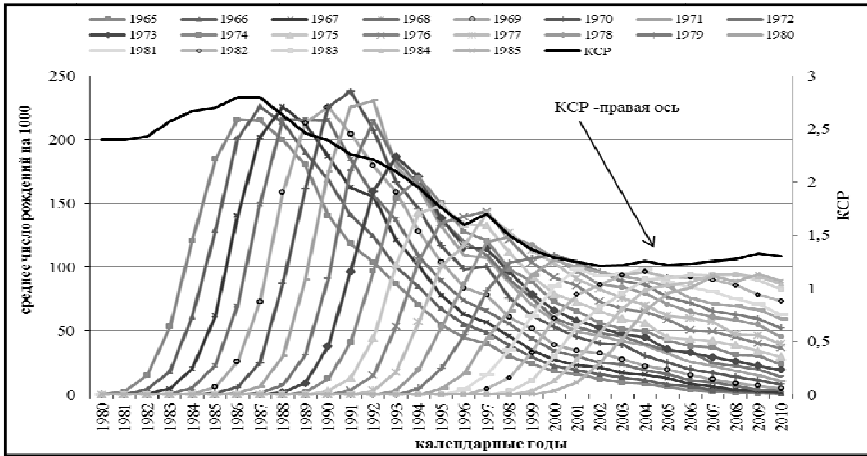

Рис. 3. Возрастные коэффициенты рождаемости реальных поколений женщин 1965–1985 годов рождения

Источник: расчеты автора на основе данных Национального бюро статистики РМ

Очевидно, что эти поколения демонстрируют совсем иное репродуктивное поведение, чем предыдущие, разделенные десятилетним периодом. Широкое распространение современных методов контрацепции среди молодежи позволяет лучше контролировать рождаемость, планировать сроки и число рождений. Каждое последующее поколение женщин, родившихся после 1970-х гг., имеет меньшее число рождений в раннем возрасте и откладывает деторождение на более поздние сроки. Как завершится их репродуктивный период сложно сказать, однако на основании имеющихся данных было бы слишком оптимистично ожидать, что их детородная активность в старших возрастах будет такой высокой, что обеспечит уровень воспроизводства населения.

В экономически развитых странах второй демографический переход начал проявляться в поколениях, родившихся в 1950–1960 гг. Бывшая Югославия, а также Венгрия были в числе первых из восточно-европейских стран, вступивших в этот процесс, откладывание деторождений на более поздние сроки началось в этих странах несколько раньше. Так, уже в поколениях женщин 1960-х гг. рождения наблюдается существенное сокращение вклада молодых возрастов в итоговую рождаемость когорты [4].

В Молдове первые изменения в репродуктивном поведении стали заметны в поколениях женщин, рожденных после 1970-го гг., а более отчетливые проявления второго демографического перехода наблюдаются в поколениях, родившихся в середине 1970-х гг. По сравнению с положе-

ниями 1960 и 1965 гг. рождения возрастная профиль рождаемости поколений женщин, родившихся в 1970–1972 гг., несет отпечаток влияния семейной политики 1980-х гг.: самые высокие возрастные коэффициенты рождаемости зарегистрированы в самых молодых возрастах (19–21 год), а возрастная кривая отличается островершинностью и смещением к более молодым возрастам (рис. 3).

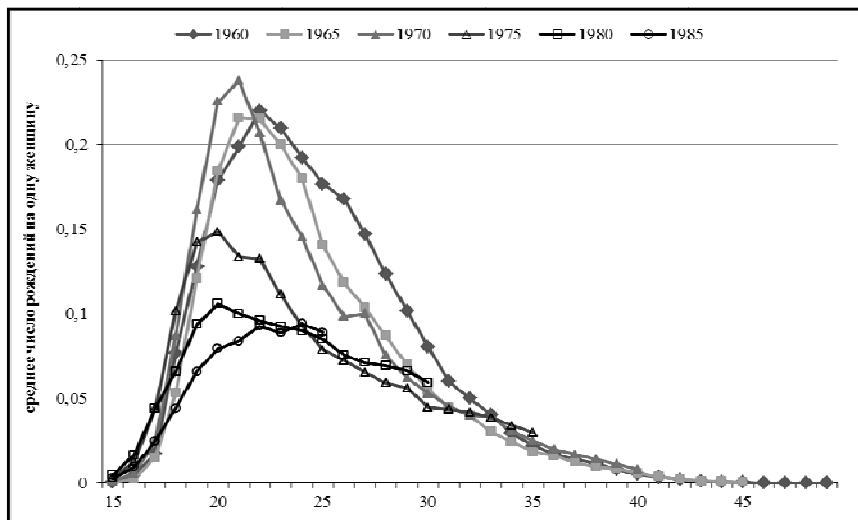

Рис. 4. Возрастные коэффициенты рождаемости поколений женщин 1960–1985 гг. рождения

Источник: расчеты автора на основе данных Национального бюро статистики РМ

Поколения 1973–1975 гг. рождения, а особенно, родившиеся в конце 1970-х гг. и позже, социализация которых уже проходила в постсоциалистический период, существенно отличаются от предыдущих поколений по своему репродуктивному поведению. В первую очередь, в этих поколениях наблюдается значительное сокращение интенсивности деторождений в самых молодых возрастах. Откладывание деторождений на более поздний период становится более отчетливым в поколениях женщин, родившихся после 1980-го г.

Накопленная рождаемость к определенному возрасту представляет собой солидное основание для подтверждения изменений в репродуктивном поведении в разрезе поколений. Данные, представленные в табл. 1, еще раз убеждают нас в том, что семейная политика 1980-х гг. не оказала существенного влияния на показатели рождаемости поколений 1966–1972 гг. рождения, находящихся в тот период в самых активных репродуктивных возрастах. Так, рождаемость этих поколений, накопленная к 35 годам су-

щественно ниже, чем поколений 1960–1961-х гг. рождения. В то же время наблюдаем смещение рождаемости к более молодым возрастам, самые высокие показатели накопленной рождаемости к 20 годам зарегистрированы у поколений 1970–1972 гг. рождения, тогда как накопленная рождаемость к 25 годам существенно не отличается от предыдущих поколений. Самые молодые поколения женщин не торопятся обзаводиться детьми, показатели накопленной рождаемости к 20 и 25 годам женщин, родившихся после 1980-го г. в два раза ниже, чем у поколений 1970-х гг. рождения.

Таблица 1

Рождаемость женщин 1960–1985 гг. рождения, накопленная к определенному возрасту (среднее число детей на одну женщину)

	к 20 годам	к 25 годам	к 30 годам	к 35 годам	к 45 годам
1960	0,41	1,40	2,02	2,23	2,29
1961	0,35	1,35	1,93	2,12	2,18
1962	0,32	1,30	1,83	2,01	2,07
1963	0,33	1,30	1,80	1,97	2,03
1964	0,36	1,31	1,78	1,95	2,00
1965	0,38	1,33	1,76	1,92	1,98
1966	0,41	1,35	1,78	1,94	2,01
1967	0,43	1,37	1,79	1,94	-
1968	0,46	1,37	1,76	1,92	-
1969	0,48	1,37	1,75	1,91	-
1970	0,51	1,38	1,77	1,95	-
1971	0,53	1,34	1,71	1,90	-
1972	0,52	1,24	1,56	1,74	-
1973	0,49	1,13	1,43	1,60	-
1974	0,48	1,06	1,36	1,54	-
1975	0,45	1,00	1,30	1,49	-
1976	0,45	1,00	-	-	-
1977	0,44	0,95	-	-	-
1978	0,41	0,90	-	-	-
1979	0,36	0,85	-	-	-
1980	0,33	0,79	-	-	-
1981	0,30	0,76	-	-	-
1982	0,27	0,74	-	-	-
1983	0,24	0,71	-	-	-
1984	0,24	0,69	-	-	-
1985	0,23	0,68	-	-	-

Источник: расчеты автора на основе данных Национального бюро статистики РМ

Еще одно важное изменение – откладывание рождения первенца. Еще совсем недавно наблюдалась высокая, практически неизменная вероятность рождения хотя бы одного ребенка, откладывание первых рождений не было характерно для населения Молдовы. В последние годы практика откладывания рождения первенца получила широкое распространение.

Среди первых поколений, для которых стало характерным современное matrimониальное и репродуктивное поведение, отмечаем когорты женщин, родившихся в конце 1970 – начале 1980-х гг. Рождение ребенка в возрасте до 20 лет становится все более редким явлением и даже к 25 годам доля женщин, родивших хотя бы одного ребенка, в этих поколениях ниже 50%, тогда как среди поколений 1965–1973 гг. рождения к 25 годам около 75% женщин имели хотя бы одного ребенка, а к 30 годам подавляющее большинство (табл. 2).

Пока еще сложно сказать будет ли откладывание первых рождений способствовать увеличению доли женщин, не родивших на протяжении репродуктивного периода ни одного ребенка. Данные социологических исследований показывают, что добровольный отказ от рождения хотя бы одного ребенка не является характерным для Молдовы.

Таблица 2

Доля женщин, родивших не менее одного ребенка к указанному возрасту в поколениях женщин 1965–1985 гг. рождения

Год рождения когорты	к 20 годам	к 25 годам	к 30 годам
1965	17,7	74,1	86,6
1966	19,0	73,1	84,8
1967	20,2	72,7	84,9
1968	22,0	74,4	86,0
1969	20,8	79,2	90,0
1970	21,3	83,6	93,9
1971	24,8	82,1	91,6
1972	27,3	78,2	86,4
1973	28,1	74,3	80,8
1974	27,0	67,8	75,0
1975	27,5	62,6	71,2
1976	27,7	58,1	68,9
1977	27,4	55,4	67,0
1978	26,6	50,1	62,5
1979	20,1	45,8	58,8
1980	15,3	44,1	57,9
1981	11,0	43,3	-
1982	12,9	44,7	-
1983	13,6	44,5	-
1984	13,9	44,9	-
1985	13,8	45,2	-

Источник: расчеты автора на основе таблицы рождаемости для реальных поколений

Итоговая рождаемость реальных поколений, не завершивших свою репродуктивную активность, в Молдове, как и в других странах, находящихся на пути второго демографического перехода, зависит от нескольких факторов: «а) в какой мере «откладывание» рождений на поздний срок означает «откладывание» рождений навсегда; б) до каких возрастных пределов будет происходить откладывание рождений и, соответственно, какие социально-экономические факторы будут ответственны за продолжение или торможение этой тенденции; в) в какой мере «пожилое» материнство окажется социально приемлемым после того, как станет более очевидным баланс положительных и отрицательных последствий изменения модели формирования семьи (в т.ч. и биологических, связанных с регулированием плодovitости, здоровьем женщин и детей)» [1].

В настоящее время мы располагаем надежными данными об итоговой рождаемости поколений завершивших и находящихся на этапе завершения репродуктивной деятельности – это поколения, родившиеся в первой половине 1960-х гг. Достаточно надежной можно считать перспективную оценку итоговой рождаемости поколений женщин, родившихся во второй половине 1960 – начале 1970-х гг. и достигших к 2010 г. возраста 35 лет и старше. Намного сложнее оценить итоговую рождаемость поколений, находящихся в самых активных репродуктивных возрастах (до 35 лет). Исходя из текущих тенденций изменения возрастного профиля рождаемости, для поколений конца 1970 – начала 1980-х гг. рождения можно сделать предварительную оценку итоговой рождаемости. Данные, представленные в таблице 3, показывают, что поколения женщин 1960–1971 гг. рождения характеризуются итоговой рождаемостью на уровне замещения поколений или близкой к этому, тогда как поколения, родившиеся во второй половине 1970-х гг., могут иметь итоговую рождаемость на уровне 1,5–1,6 ребенка на одну женщину. Таким образом, падение может составить 0,7 ребенка в расчете на одну женщину по сравнению с фактическим уровнем, имевшимся у поколения 1960 г. рождения. Перспективная оценка итоговой рождаемости поколений 1980-х гг. рождения составляет 1,45–1,5 ребенка в расчете на одну женщину, дефицит рождаемости по сравнению с когортой 1960 г. рождения – 0,8–0,85 ребенка в расчете на одну женщину.

Представленный анализ рождаемости в разрезе поколений указывает на продолжающееся ее снижение. Можно предположить, что имеющиеся статистические данные дают несколько заниженную оценку рождаемости из-за того, что численность населения Молдовы включает трудовых мигрантов, отсутствующих в стране более одного года, таким образом, потенциальное количество матерей несколько завышено. В разрезе поколений разница может составлять в пределах 5%, что существенно не меняет резуль-

таты исследования. Более точная оценка будет возможна только после проведения следующей переписи населения Молдовы, запланированной на 2014 г.

Таблица 3

**Фактическая и перспективная рождаемость реальных поколений женщин
1960–1985 гг. рождения**

Год рождения когорты	Возраст в 2010 г.	Фактически рождено детей в среднем на одну женщину	Ожидаемое число рождений, дополнительно к реализованному	Итоговая рождаемость	Дефицит по сравнению с когортой 1960 г.р.
1960	50	2,29	-	2,29	
1961	49	2,18	-	2,18	-0,11
1962	48	2,07	-	2,07	-0,22
1963	47	2,03	-	2,03	-0,26
1964	46	2,00	-	2,00	-0,29
1965	45	1,98	-	1,98	-0,31
1966	44	2,00	-	2,00	-0,28
1967	43	2,01	-	2,01	-0,28
1968	42	1,99	0,01	2,00	-0,29
1969	41	1,98	0,01	1,99	-0,30
1970	40	2,02	0,02	2,04	-0,25
1971	39	1,96	0,03	1,99	-0,30
1972	38	1,80	0,05	1,85	-0,44
1973	37	1,64	0,10	1,74	-0,55
1974	36	1,56	0,14	1,70	-0,59
1975	35	1,49	0,11	1,59	-0,69
1976	34	1,48	0,17	1,66	-0,63
1977	33	1,41	0,20	1,61	-0,68
1978	32	1,33	0,25	1,58	-0,71
1979	31	1,24	0,28	1,51	-0,78
1980	30	1,14	0,39	1,53	-0,76
1981	29	1,05	0,39	1,44	-0,85
1982	28	0,98	0,52	1,50	-0,79
1983	27	0,88	0,61	1,49	-0,80
1984	26	0,78	0,69	1,47	-0,82
1985	25	0,68	0,77	1,44	-0,85

Источник: расчеты автора на основе данных Национального бюро статистики РМ

Факторы, вызвавшие такое существенное снижение рождаемости многочисленны и разнообразны по своему характеру. Очевидно, что первоначальным стимулом для трансформации семьи и снижения рождаемости послужили социально-экономические факторы переходного периода –

резкое снижение уровня жизни, рост безработицы, потеря гарантированного дохода, рост цен на жилье. Несмотря на то, что они по-прежнему оказывают влияние на демографическое поведение населения, усиливается роль социально-культурных факторов, составляющих основу второго демографического перехода: распространение индивидуализма, свободы выбора и как результат либерализация ценностных ориентаций, поведения и стилей жизни. Кроме того массовая трудовая миграция длительного характера существенно усложняет сложившуюся ситуацию, меняя репродуктивные установки населения.

Демографические, экономические и социальные последствия низкой рождаемости требуют адекватного реагирования со стороны государства. В 2011 г. в Молдове была принята Национальная программа в области демографической безопасности на 2011–2025 гг., однако реализация запланированных мер в настоящее время затруднена из-за сложной социально-экономической ситуации.

Библиография

1. Захаров С. Перспективы рождаемости в России: второй демографический переход // Отечественные записки, 2005. <http://www.strana-oz.ru/2005/3/perspektivy-rozhdaemosti-v-rossii-vtoroy-demograficheskiy-perehod>.
2. Захаров С. Демографический анализ эффекта мер семейной политики в России в 1980-х годах // SPERO, №5, осень-зима 2006, с. 33–69.
3. Lesthaeghe R., L. Neidert & J. Surkyn. Household formation and the 'Second demographic transition' in Europe and the U.S. Insights from middle range models. 2006 http://sdt.psc.isr.umich.edu/pubs/online/rl_romantic_unions_paper.pdf.
4. Sobotka, T. Ten years of rapid fertility changes in European post-communist countries: evidence and interpretation. Working Papers Series 02-01. Groningen: Population Research Centre. 2002, http://www.rug.nl/prc/publications/workingPapers/download/WP_02_1.pdf.
5. Surkyn J., Lesthaeghe R. Value Orientations and the Second Demographic Transition (SDT) in Northern, Western and Southern Europe: An Update. Demographic Research, Special Collection 6 2004, 3(3), 45-86. <http://www.demographic-research.org/special/3/3/s3-3.pdf>.
6. Van de Kaa, D.J. Europe's Second Demographic Transition// Population Bulletin, 1989. Washington: Population Reference Bureau, 42(1).

**Гончарова Н.П., Ноянзина О.Е.,
Россия, г. Барнаул**

Влияние трудовой миграции на региональный рынок труда: методические основы исследования и результаты апробации¹

Миграционная мобильность населения является неотъемлемым атрибутом социальной реальности современного российского общества. Миграции, как процесс массового реагирования населения на изменяющуюся ситуацию, быстро и точно отражают движение социальной жизни. Поэтому динамика миграционных процессов (изменения векторов, интенсивности, состава потоков, доминирующих видов миграции) является надежным индикатором общественных трансформаций.

Распад СССР, сопровождавшийся разрывом экономических связей, усилением социальной напряженности и кризисными явлениями в межэтнических отношениях, привел к всплеску вынужденных миграций, росту иммиграции в Россию из бывших союзных республик при снижении выезда из России в новые независимые государства. С конца 1990 – начала 2000 гг. на смену вынужденным пришли внутренние и внешние трудовые миграции. В течение последних двадцати лет в России возросло число индивидов и социальных групп, вовлеченных в миграционные процессы, либо во взаимодействие с постмиграционными сообществами.

Значительные по масштабам и практически бесконтрольные миграции, происходившие на территории Российской Федерации в постсоветский период, вызвали противоречивые и неоднозначные последствия, которые нуждаются в серьезном научном анализе. Наряду с позитивным влиянием на экономику и демографическую обстановку в стране, миграционные процессы могут негативно сказаться на различных сферах жизни общества. Особенно заметно это влияние в сфере труда и занятости, где мигрантские ниши практически не встроены в официальную экономику и практически срастаются с теневой. Как следствие, миграции становятся источниками социальной напряженности и дестабилизации экономической и политической обстановки.

В то же время ситуация на рынке труда обусловлена объективными тенденциями – внедрение новых автоматизированных технологий в промышленном производстве снизило потребность в неквалифицированных

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке Гранта Президента Российской Федерации для государственной поддержки молодых российских ученых – кандидатов наук (проект МК-6494.2012.6 «Риск социальной эксклюзии на региональном рынке труда: миграционная мобильность и незаконные трудовые практики», 2012–2013).

работниках, способствовало превышению предложения рабочей силы над ее спросом. Во многих странах сформированы отрасли экономики, базирующиеся на иностранной рабочей силе (строительство, добывающая промышленность, машиностроение, сфера услуг). Как правило, это отрасли, работа в которых связана с тяжелым физическим, монотонным, не престижным трудом, в который и включаются трудовые мигранты.

Положение мигрантов на рынке труда может кардинально различаться в зависимости от статуса, в котором прибывают мигранты в стране приема – легальный или нелегальный. Легальный статус обуславливает возможности мигрантов и их детей в получении социальных благ, образования, медицинских услуг и пр., нелегальный статус изначально ставит мигранта в положение социальной и правовой исключенности (эксклюзии) как невозможности полноценного участия в общественной жизни вследствие барьера реализации гражданских и социальных прав человека.

Вопросам сущности нелегальной трудовой миграции, социальной исключенности (эксклюзии), анализа рынка труда в отечественной и мировой науке уделяется значительное внимание. Среди современных работ в рассматриваемой сфере преобладают исследования трудовых ресурсов, миграции населения и рабочей силы, государственного регулирования и экономических последствий международной миграции рабочей силы, эффективного использования иностранной рабочей силы, как для работодателей, так и для экономики страны в целом и т.д.

Глубокой теоретической и эмпирической проработке подверглись вопросы изучения международного рынка труда, миграционных процессов, их влияния на экономическую, политическую и культурную сферы общества, изменения, происходящие на рынке труда, воздействия иммиграции на условия труда и занятости местного населения. Среди них стоит отметить работы как зарубежных (И. Валлерстайн, С. Кастл, М.Ж. Миллер, М. Пиоре, А. Портес, Д. Поуп, С. Сассен, Р. Харрис, С. Хейтман и др.), так и отечественных (В.А. Авксентьев, Ю.В. Арутюнян, А.Г. Вишневецкий, О.Д. Воробьева, Л.М. Дробижева, Ж.А. Зайончковская, Т.И. Заславская, Н.М. Лебедева, С.Е. Метелев, В.М. Моисеенко, В.И. Мукомель, И.Б. Орлова, Н.М. Римашевская, Л.Л. Рыбаковский, А.А. Сусоколов, А.В. Топилин, Е.В. Тюрюканова, Б.С. Хореев, Т.Н. Юдина и др.) авторов, исследующих общие закономерности взаимосвязи миграции и российского рынка труда; дающих оценки миграционной ситуации в России с позиции рынка труда; прослеживающих связь миграции с темпами снижения занятости, уровнем безработицы, развитием частного сектора; изучающих миграционные потоки между странами СНГ и Россией; раскрывающих многочисленные аспекты и особенности международной трудовой миграции и место последней в системе международных экономических отношений; определяющих факторы притяжения и выталкивания трудовых ресурсов из одних стран в другие.

Особое место среди этих работ занимают те, что рассматривают особенности и последствия развития в России нелегальной трудовой миграции. Вопросами нелегальной миграции занимаются, в частности, Г.С. Витковская, Р. Дауров, В.И. Мукомель, С.Е. Метелев, Е.В. Тюрюканова.

Социологический анализ российского рынка труда и изменений, претерпеваемых им в контексте глобализации экономики, невозможен без обращения к работам, освещающим характерную для современной России трансформацию социальной структуры и стратификации общества, их особенности, динамику мобильности различных групп и слоев населения (Л.А. Беляева, З.Т. Голенкова, М.К. Горшков, Т.И. Заславская, В.В. Радаев, Н.М. Римашевская, Р.В. Рывкина, М.Н. Руткевич, Н.Е. Тихонова, М.Ф. Черныш и др.), проблемы социальной эксклюзии (Ф. Бородкин, Л. Овчарова, Л. Прокофьева, Н. Тихонова, А. Тишков и др.). Глубокой теоретической и эмпирической проработке подверглись вопросы социального неравенства и иерархии статусных групп, порожденных институциональной структурой общества, в работах российских ученых М. Горшкова, Р. Громовой, ЛМ. Дымшица, Т. Заславской, Н. Зубаревич, В. Ильина, Т. Малевой, М. Михайлюк, Л. Ниворожкиной, Л. Овчаровой, А. Овсянникова, В. Радаева, Я. Рожиной, Р. Рывкиной, Н. Тихоновой, Л. Хахулиной, О. Шкаратана и др.

В последние годы изучение социальных эксклюзий на рынке труда в той или иной степени реализуется на уровне России и отдельных регионов в рамках мониторинговых исследований ВЦИОМ, а также в коллективах, возглавляемых З. Голенковой, Л. Гордоном, Т. Заславской, З. Калугиной, В. Радаевым, Н. Римашевской, Р. Рывкиной, Л. Хахулиной, Т. Шаниным, В. Ядовым и отдельными учеными (Ф. Бородкиным, А. Гордиенко, Л. Родионовой, А. Сергиенко, А. Троцковским, М. Шабановой и др.). Исследователи уделяют внимание анализу процессов в сфере занятости (в том числе социальных эксклюзий) с позиций их воздействия на экономическое поведение населения и результатов этого воздействия, анализу экономического поведения отдельных групп населения, изучению отдельных составляющих экономического поведения на рынке труда (вторичной, скрытой, нелегальной занятости и др.). Среди современных зарубежных работ преобладают исследования социальных эксклюзий и неравенств, порожденных социальной структурой (П. Абрахамсон, Дж. Бергман, М. Вульф, Ю. Набермас, Г. Маршалл, Т. Маршалл, Л. Моррис, М. Арчер, Д. Белл, Дж. Блау, М. Кастельс, Р. Эриксон, Дж. Голдторп, Э. Гоулднер, Б. Мартин, И. Зелени, Э. Гидденс, Е. Харрисон, И. Краус, Д. Роуз, С.Дж. Роуз и др.).

Вместе с тем, актуальной остается задача более полного представления о влиянии трудовой миграции на региональный рынок труда и характеристике нелегальных миграций как риска социальной эксклюзии на региональном рынке труда, выявлена недостаточная методологическая разрабо-

танность и эмпирическая изученность объективной ситуации и субъективного состояния социальной инклюзии/эксклюзии на рынке труда, характера взаимоотношений основных субъектов рынка труда.

В настоящее время проблемы незаконной миграции приобретают весьма острый характер вследствие роста масштабов, трудностей противодействия, а также тесного переплетения с другими социальными процессами. Наиболее значительное влияние миграции на различные сферы общественного развития испытывают приграничные регионы России. Для Алтайского края острота данной проблемы обусловлена особенностями экономического развития, географическим положением между странами исхода и назначения мигрантов, несоординированностью миграционного законодательства, слабой защищенностью государственных границ. По-прежнему актуальной для региона остается проблема нелегальной трудовой миграции, как правило, из стран Средней и Юго-Восточной Азии, которая оказывает противоречивое влияние на состав населения и рынок труда Алтайского края. С одной стороны, за счет трудовой миграции отдельные отрасли экономики региона обеспечиваются более дешевой рабочей силой, происходит процесс инклюзии иностранных мигрантов в сферу труда. С другой стороны, эти процессы усугубляют положение отдельных групп коренного населения, ставя их в ситуацию социальной эксклюзии в сфере труда за счет нежелания выполнять неквалифицированную низкооплачиваемую работу. В то же время недокументированная (незаконная) миграция способствует возникновению различных форм социальной эксклюзии на рынке труда самих мигрантов в силу их нелегального статуса.

Алтайский рынок труда характеризуется повышенной напряженностью, которая проявляется в росте официальной и скрытой безработицы трудоспособного населения, неконтролируемыми миграционными процессами, отсутствием вакантных рабочих мест, расширением теневых и неформальных отношений. Усложняют ситуацию увеличение масштабов нелегальной занятости населения. В период с января по декабрь 2011 г. миграционный прирост в крае составил 5504 человека, при этом, зарегистрировано по месту жительства всего 1846 человек². Работодатели целенаправленно стремятся нанять на рабочие специальности в большей степени нелегальных мигрантов в целях экономии денежных средств на оплату труда рабочим.

В этой связи основной целью исследования является изучение миграционных процессов и нелегальной трудовой миграции как риска социальной эксклюзии на рынке труда Алтайского края.

Проектируемое исследование основывается на использовании системно-структурного и деятельностного подходов, основ институционального

² По данным Алтайкрайстата // Режим доступа: <http://ak.gks.ru>.

анализа, теорий миграционных процессов, рынка труда, социальной эксклюзии. Под социальной эксклюзией понимается ограничение доступа к ресурсам в различных сферах жизни общества и невозможность воспользоваться своими социальными правами. Незаконными (нелегальными) трудовыми мигрантами считаются лица, нарушившие правила въезда на территорию страны либо правила пребывания на ее территории и занимающиеся незаконной (нелегальной) трудовой деятельностью. Региональный рынок труда рассматривается как система социально-экономических отношений по поводу формирования, распределения, обмена и использования рабочей силы в территориальных образованиях различного уровня.

В рамках проекта анализируются сложившиеся подходы к изучению социальной эксклюзии. Первый трактует социальную эксклюзию в широком смысле, рассматривает данное явление на макроуровне, с позиций общества, и сосредоточивается на самом факте отсутствия доступа к механизмам интеграции (дискриминационный подход). Второй подход рассматривает социальную эксклюзию в узком смысле слова, на микроуровне, анализирует положение самих носителей социальной эксклюзии и обращает внимание на то, в чем именно проявляется специфика жизненной ситуации членов этой группы по отношению к другим членам общества, основывается на идентификации и анализе различных видов общепринятого социального и личностного участия, из которых люди по причине недостатка средств исключаются (депривационный подход). Эксклюзия (англ. exclusion) – ограничение социальной активности человека или группы людей вплоть до их исключения из общественной жизни, из нормальных условий жизнедеятельности вследствие барьера реализации социальных и гражданских прав. Необходимо также учитывать различие ситуации и состояния социальной эксклюзии. Ситуация социальной эксклюзии – объективированные обстоятельства. Люди, оказавшиеся в этих обстоятельствах, не имеют возможности воспользоваться предоставленными им социальными правами. Состояние социальной эксклюзии определяется индивидуальным восприятием ситуации и самоидентификацией.

Информационная база исследования включает: 1) данные экспертных опросов руководителей и специалистов региональных и муниципальных органов управления, учебных заведений, общественных организаций и представителей работодателей Алтайского края, n=60 (2010 г.); 2) данные всероссийских опросов населения (Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения, мониторинга ВЦИОМ и др.); 3) данные государственной, муниципальной и ведомственной статистики, материалы СМИ о состоянии и динамике развития рынка труда, миграционных процессов, сферы доходов и занятости населения и др. за 2002–2012 гг.; 4) нормативно-правовые документы Российской Федерации (включая закон № 42-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О

миграционном учете иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации») и отдельные законодательные акты Российской Федерации», законы и программы Алтайского края по вопросам регулирования рынка труда и нелегальной трудовой миграции.

Основными методами сбора информации выступают: 1) экспертный опрос (руководителей и специалистов региональных и муниципальных органов управления, предприятий и учреждений края) в форме полуструктурированного интервью по проблемам нелегальной трудовой миграции на рынке труда (n=20); 2) анализ документов (нормативно-правовых актов, данных статистики, материалов СМИ); 3) вторичный анализ результатов социологических исследований по проблемам незаконной миграции и развития рынка труда; 4) глубинное интервью с трудовыми мигрантами (n=35); 5) фокус-группы с представителями разных социально-демографических групп местного населения (4 фокус-группы).

Предварительные итоги исследования

По мнению экспертов, Алтайский край, в отличие от многих регионов страны, является регионом наиболее подверженным миграционным потокам как внутренним, так и внешним, что не всегда благоприятно влияет на его социально-экономическое развитие. Что касается внешней миграции, то в большинстве случаев трудовые мигранты, приезжая в регион избегают оформления необходимых документов, что значительно сказывается на их законном проживании на территории края, неизбежно увеличивается число нелегальных мигрантов: *«Несмотря на обширную работу, которую проводят органы внутренних дел совместно с Управлением федеральной миграционной службы, ситуация с нелегальным проживанием иностранных граждан и лиц без гражданства остается крайне острой. Есть, конечно, некоторые изменения. Но они незначительны».*

Отсюда вытекает еще одна проблема, которая касается, однако, не только мигрантов, – недокументированная (неформальная) занятость. Оценивая распространенность данного явления, все эксперты проявляют единодушие в том, что это очень распространенная проблема в Алтайском крае, по их оценкам, от 50 до 70% населения – неофициальные занятые. Причем это явление характерно как для бюджетных, так и для частных, коммерческих организаций. Однако, если в бюджетных организациях сами работники находят себе недокументированные занятия, источники дохода, предпочитая их в качестве «подработки» к основной деятельности, тогда как на частных предприятиях занятость не документируется работодателем с целью получения выгоды, для снижения налогового бремени, избавления от необходимых отчислений в пенсионный фонд, фонд социального страхования и другие.

К сожалению, анализ мнений экспертов позволяет сделать вывод о том, что недокументированная занятость – «нормальное» явление, *«это выбор каждого человека, кого это не устраивает, кто думает о своем будущем, о себе, о том, что он должен заработать трудовой стаж, пенсию, на это не соглашается. Там, где это существует, способствуют сами люди, когда соглашаются на такой вид работы, если бы человек не голосовал своими поступками, не создавал предпосылок для таких условий, такого бы не было»*, люди *«все равно, как правило, готовы где-то там подработать неформально, что-то где-то заработать»*. В ситуации с мигрантами это еще более распространенные трудовые практики.

По предварительным данным экспертного опроса, положение разных групп населения на современном рынке труда в Алтайском крае неоднозначно, есть группы, которые испытывают большие трудности при трудоустройстве на работу, другие же с ними не сталкиваются вовсе. В частности, проблема с мигрантами обстоит не так остро, как с другими группами, но тем не менее мнения экспертов разделились. Первая экспертная позиция касается того, что мигрантам трудно устроиться, поскольку это такой слой населения, *«за который нет уверенности, что они задержатся долго на одном месте»*. Кроме того, высокие налоговые ставки и штрафы *«вынуждают»* работодателей принимать мигрантов на работу неформально, либо вообще отказываться от их трудоустройства. Вторая позиция включает в себе мысль о том, что *«мигранты едут и берутся за любую работу, они хорошо приспосабливаются, наши же работники выбирают»*. Мигранты в данной ситуации выигрывают, хоть они и устраиваются, как правило, на дешевые работы, где идет активная эксплуатация их труда и низкая оплата.

На развитие рынка труда Алтайского края в настоящее время, по данным экспертного опроса, влияет комплекс политических, экономических, социальных, нравственных, демографических и территориальных факторов. Причем степень влияния этих факторов в оценках экспертов различна.

Обобщая полученные экспертные данные путем сравнения средних оценок влияния каждого фактора на рынок труда в крае, можно сделать вывод, что наибольшее влияние оказывают такие факторы, как образование и профессиональный состав населения, состояние экономики и географическое положение региона, а также тип поселения. Среднюю степень влияния имеют мотивация населения и престиж профессий, государственное регулирование рынка труда, социально-экономический статус и здоровье населения, его половозрастная структура. Наименьшее влияние на развитие рынка труда в регионе оказывают некоторые социально-демографические (миграция, естественное движение, брачно-семейный статус и этнический состав населения) и нравственные факторы (отсутст-

вие идеологии, мораль и нравственность). Влияние этих факторов эксперты оценили ниже среднего.

При этом характер влияния отдельных факторов на развитие рынка труда в крае эксперты видят в их каузальной зависимости друг от друга. Так, в частности, стремительная «погоня» работодателей за специалистами с высшим образованием привела к такому же стремительному падению престижа рабочих профессий (при их острой нехватке в настоящее время), перенасыщению рынка труда специалистами социально-гуманитарного, юридического и финансово-экономического профиля и, как следствие, отождествлению престижности профессии с ее доходностью, распространению теневой и вторичной занятости, исчезновению мотивации к труду, особенно низкооплачиваемому. Вместе с тем, по мнению экспертов, заметное влияние на развитие рынка труда оказывают и такие факторы, как естественное движение и миграция населения – снижение численности трудоспособного населения, его *«элементарное вымирание»* (особенно преждевременная смертность мужчин в трудоспособном возрасте), сопровождается *«отсутствием естественной прибыли трудоспособного населения»*, массовой миграционной убылью молодых специалистов-профессионалов. Налицо – явное несоответствие спроса и предложения рабочей силы.

Несмотря на качественную работу в области трудовой занятости населения и миграционных процессов, которую проводят различные государственные структуры, в частности, Управление по труду и занятости, Управление федеральной миграционной службы, имеющаяся нормативно-правовая база не всегда отвечает заявленным требованиям. Законы, принятые на федеральном уровне, иногда требуют развития на региональном и краевом уровнях для повышения эффективности процесса выполнения поставленных задач. Данный фактор сказывается на функционировании всей системы контроля над рынком труда и миграционной ситуацией. В связи с этим эксперты заявляют о необходимости корректировки и дополнений в различные нормативно-правовые акты: *«одного Федерального закона, который регулирует сферу миграционных процессов недостаточно, необходимо комплексно подходить к проблеме как на федеральном уровне, так и на региональном, а не оставлять на региональный уровень лишь квотируемость иностранных лиц и лиц без гражданства»*.

Для оптимизации работы с трудовыми мигрантами, повышения у них правовой грамотности, содействия в помощи по трудоустройству, адаптации к новой социокультурной среде необходимо проведение модернизации этой системы. В частности некоторые эксперты – представители научного сообщества, видят пути решения в создании некоммерческих организаций, занимающихся выше поднятыми проблемами.

Литература

1. Краткий доклад по итогам Всероссийской переписи населения 2010 года по Алтайскому краю. 2012.
2. Чирков М.О., Гончарова Н.П., Родионова Л.В., Родионова О.Е., Тарасова Е.В. Рынок труда Алтайского края: демографические вызовы: монография / под ред. М.О. Чиркова. – Барнаул: Концепт, 2010. – 169 с.

***Дизендорф Л.В.,
Россия, г. Москва***

Влияние глобализации на миграционное поведение международных мигрантов

На современном этапе развития международная миграция населения приняла поистине глобальный характер, что выражается как в ее масштабах, так и в охвате ею всех стран мира без исключения. Так, по оценкам ООН в 2010 г. в мире насчитывалось 215 миллионов классических мигрантов. Если к ним прибавить другие категории мигрантов, связанных с трудовой деятельностью, бизнесом, с учебой, с военными и национальными конфликтами и др., то их численность превысила, по оценкам проф. В.А. Ионцева, 1,3 млрд. человек. Все эти миграционные потоки определяются разными целями, причинами, сроками пребывания и обстоятельствами, которые по сути и определяют миграционное поведение современных мигрантов, и особую роль среди этих обстоятельств начинает играть глобализация мирового сообщества.

Одним из важнейших факторов, обуславливающих глобализацию, становится Интернет. В настоящее время мировая информационная «паутина» охватывает все уголки мира, а ее аудитория, по сообщению главы Международного телекоммуникационного Союза при ООН Хамадуна Туре, превысила немногим более 2 миллиарда человек, тогда как в начале 2000 г. их насчитывалось всего 250 миллионов. Так, в России в настоящее время насчитывается более 70 миллионов человек в той или иной степени использующих электронные средства массовой информации, в то время как еще 15 лет назад их численность не превышала и миллиона. Столь бурный рост электронных средств массовой информации коренным образом изменил возможности получения необходимой информации, связанной с вопросами миграции, и соответственно меняет само миграционное поведение людей.

Человек, принимающий решение мигрировать на безвозвратной или возвратной основе, опирается прежде всего на ту информацию, которую он может получить из различных источников: информация от родственников или друзей, уже переехавших или работающих (работавших) в другой стране; из различной печатной продукции-газеты, журналы, книги, бро-

шюры, справочники для выезжающих за рубеж и т.п.; специальные телевизионные и видеопрограммы; собственные наблюдения в качестве туристов, поездок с деловыми, образовательными и другими целями; и, наконец, собственно сам Интернет, который позволяет получить как печатную, так и визуальную наиболее полную информацию о том или ином государстве. Таким образом, современный человек имеет значительно больше возможностей для более правильного выбора страны-выезда и, соответственно, его миграционное поведение становится более осознанным и эффективным.

Учитывая изменения, происходящие в мировых современных миграционных потоках, на которые обратил внимание В. Зелинский в своей концепции мобильного перехода в 1971 г., можно утверждать, что в самом миграционном поведении современных мигрантов все более и более начинают господствовать мотивы возвратного характера. То есть, среди мигрантов увеличивается доля тех, кто уезжает в другую страну на временной основе (на работу, на учебу, на отдых и т.д.). При этом хотелось бы подчеркнуть, что причины и мотивы миграции становятся более многообразными и равноправными (при подавляющем господстве в прошлом экономических, политических и национальных причинах, появляются и другие не менее значимые и важные).

И еще один тезис, на который хотелось бы обратить внимание, говоря о миграционном поведении. Если исходить из концепции трехстадийности миграционных процессов (проф. Л.Л. Рыбаковский), не менее важным становится вопрос об изменениях в миграционном поведении международных мигрантов на стадии закрепления на новом месте, об адаптации мигрантов к новым социальным, культурным, экономическим и политическим условиям, как и к природно-климатическим условиям (особенно, если исходить из биологически-адаптивной концепции В.П. Казначеева, в которой речь идет об адаптации мигрантов на территориях с суровыми климатическими условиями). Заметим также, что в последнее время и в Европе, включая Россию, и в Америке все более говорят о проблемах интеграции мигрантов в принимающих странах с учетом краха в них так называемой политики мультикультурности, что было, в частности, обусловлено нарастанием антимигрантских настроений в этих государствах. С одной стороны, мигранты, обладая большим объемом знаний, чему способствует глобализация, не хотят мириться с ролью простых статистов и требуют к себе уважения, с другой стороны, коренные жители принимающих стран требуют такого же уважения к своим традициям и социальным ценностям, к своему образу жизни, который может значительно отличаться от образа жизни в странах выезда. Отсюда возможно возникновение конфликтных ситуаций, что становится особенно реальным при условии неверной политики по отношению к мигрантам, как и к собственным гражданам, что собственно и привело к провалу политики мультикультурно-

сти, поскольку нигде политика создания мигрантских анклавов, что только способствует изоляции мигрантов, не дала положительных результатов по интеграции их в принимающее общество (В.А. Ионцев). Нам представляется, что неплохим решением возникающих на данной почве конфликтов может стать идея о формировании «нового населения», выдвинутая в 2010 г. проф. В.А. Ионцевым в концепции «четвертого демографического перехода», которая получила развитие в последующие годы (совместно с Ю.А. Прохоровой).

В заключение отметим, что поставленные вопросы требуют дальнейших серьезных научных исследований, чем и предполагает заняться автор в ближайшем будущем.

Литература

1. Ионцев В.А. Международная миграция населения: теория и история изучения. М., Диалог МГУ, 1999.
2. Ионцев В.А. «Роль международной миграции населения в демографическом развитии современной России» // Демографические перспективы России и задачи демографической политики. (0,8 п.л.) Под ред. Рыбаковского Л.Л. и Ивановой А.Е. М.: ИСПИ РАН: 2010.
3. Ионцев В.А., Прохорова Ю.А. «Глобальные перспективы международной миграции и брачности. Возможен ли четвертый демографический переход?»//Научная серия: Международная миграция населения: Россия и современный мир. Выпуск 24, М.: ТЕИС, 2011.
4. Ионцев В.А. Роль международной миграции в демографическом развитии России и в формировании «нового населения» // Демографическое настоящее и будущее России и ее регионов. Материалы Всероссийской научно-практической конференции, 30–31 мая 2012 года. Под ред. Л.Л. Рыбаковского. М.: Экон-информ. 2012 (выпуск 1, доклады).
5. Гуревич А.М. Мотивация эмиграции. Санкт-Петербург: 2005.
6. Казначеев В.П. Очерки по теории и практике эволюции человека. М., 1981.
7. Рыбаковский Л.Л. Стадии миграционного процесса. М., 2001.

***Еремин А.А.,
Россия, г. Барнаул***

Динамика рождаемости и возрастная структура населения в Алтайском крае

На сегодняшний день в среде специалистов общепризнано, что рождаемость является демографическим процессом, определяющим в наибольшей степени характер воспроизводства населения той или иной тер-

ритории¹. С этим связано повышенное внимание исследователей к вопросам динамики показателей рождаемости в России и в ее регионах именно в последние два десятилетия, когда естественная убыль населения стала повседневной российской реальностью.

Целью данного исследования является анализ изменений показателей рождаемости в Алтайском крае с 1990 до 2010 г. с акцентом на выявлении влияния возрастной структуры населения на динамику рождаемости в регионе. Работа выполнена на основе официальной статистической информации Федеральной службы государственной статистики Российской Федерации, а также ее Территориального органа по Алтайскому краю².

Генеральной тенденцией динамики рождаемости как в России, так и в Алтайском крае на современном этапе стало значительное ее снижение. Вместе с тем траектория этой динамики не была простой и однонаправленной в течение всего периода, а отличалась большими колебаниями и сменой трендов.

В 1990 г. в крае родилось более 34 тыс. детей, и это значение является наибольшим за весь рассматриваемый отрезок времени. Последнее десятилетие XX века характеризовалось обвальным падением количества рожденных, беспрецедентным в отсутствии военных действий. В 1997 г. было зафиксировано наименьшее количество рожденных детей в крае за всю его историю (22,5 тыс.), а падение за период 1990–1997 гг. составило более 34%. Затем в соответствии с волнообразной динамикой многих демографических показателей произошла смена тренда, и, начиная с 2000 г., ежегодные числа новорожденных в регионе стали расти. В течение нескольких лет они увеличивались со средним темпом прироста около 5% и в 2003 г. превысили 28 тысяч. Затем на протяжении трех лет в крае отмечалось сокращение количества родившихся умеренными темпами до уровня ниже 26 тысяч. С 2007 г. тенденция резко сменилась на противоположную, когда был зафиксирован рост показателя, сравнимый по своим темпам с падением в начале 1990-х гг.

Число новорожденных в 2007 г. превысило максимум 2003 г., а показатель 2009 г., составивший более 30,9 тыс., стал наибольшим с 1992 г. Не

¹ См., напр.: Вишневыский А.Г. Сбережение народа или депопуляция России? – М., 2010. – С. 22; Демографические исследования: сб. / отв. ред. А.И. Антонов. – М., 2009. – С. 98–103; Население России 2009: Семнадцатый ежегодный демографический доклад / отв. ред. А.Г. Вишневыский. – М., 2011. – С. 123; Практическая демография / под ред. Л.Л. Рыбаковского. – М., 2005. – С. 46–47.

² Демографический ежегодник Алтайского края: Стат. сб. / Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики. – Барнаул, 2011; Центральная база статистических данных [Электронный ресурс] / Федеральная служба государственной статистики Российской Федерации. – Режим доступа: <http://www.gks.ru/dbscripts/Cbsd/DBInet.cgi>.

вызывает сомнений, что подобная динамика абсолютных показателей рождаемости начиная с 2007 г. явилась ответом населения региона на активизацию государственной демографической политики. Вместе с тем нельзя не отметить, что темп прироста годового числа новорожденных в первый год ее реализации превысил 10%, в следующем году составил около 8%, а в 2009 г. уже практически сошел на нет – около 0,5%. Итогом подобной динамики показателя стала очередная смена тренда: в 2010 г. число новорожденных уже несколько сократилось, а предварительные оценки за 2011 г. демонстрируют снижение с нарастающим темпом.

Ситуация в стране в целом выглядит несколько лучше, поскольку число новорожденных в России до сих пор растет, но для ученых-демографов совершенно очевидным является тот факт, что «...рост рождаемости «выдыхается». Через несколько лет нас ждет неизбежное снижение числа рождений, к 2020–2025 гг. – демографическая «яма»...»³.

Обращаясь к исследованию общего коэффициента рождаемости (ОКР) в Алтайском крае, следует отметить, что на протяжении рассматриваемого времени население региона характеризовалось близкими к его среднероссийскому значению показателями, однако период 1990–1998 гг. краевой ОКР был чуть меньше общестранового, 1999–2005 гг. – несколько больше, а в последние годы они практически совпадают.

Рис. 1. Динамика общего и специального коэффициентов рождаемости населения Алтайского края

³ Елизаров В.В. Стимулирование рождаемости и поддержка семей с детьми в современной России // Рождаемость и планирование семьи в России: История и перспективы. Сб. ст. / Под ред. И.А. Троицкой, А.А. Авдеева. – М., 2011. – С. 141.

Общий коэффициент рождаемости населения региона в самом начале этапа немного не достигал 13‰ (рис.1). На протяжении первой половины 1990-х гг. происходило его существенное сокращение. Минимум был достигнут в 1996–1997 гг. на уровне 8,4‰, таким образом, значение коэффициента снизилось более чем на треть. Наблюдавшееся в последующем увеличение до 10,8‰ в 2003–2004 гг. сменилось убылью до 10,1‰ в 2006 г., с тем чтобы затем опять начать рост. В 2009 г. ОКР составил 12,4‰, что является наибольшим значением за последние девятнадцать лет. Однако показатель 1990 года так и не был достигнут.

Динамика специального коэффициента рождаемости (СпецКР) при всей схожести с ОКР имела специфическую траекторию. В течение периода снижения рождаемости в крае показатели имели идентичную динамику, однако после смены тренда и начала восходящей динамики темпы роста СпецКР заметно отставали от ОКР, и колебания не были столь резкими. Данная ситуация объясняется воздействием на величину ОКР возрастной структуры, т.к. благоприятные ее изменения, детерминированные демографической волной, действовали на ОКР повышательно. Это сравнение показывает, что наблюдающийся с конца 1990-х гг. рост рождаемости не был столь значительным, как это демонстрирует ОКР.

Для более подробного изучения влияния изменений возрастной структуры населения края на ОКР автором была проведена прямая стандартизация общего коэффициента рождаемости за период 1991–2009 гг. к возрастной структуре 1990 г. (см. табл.), а также его косвенная стандартизация к возрастным коэффициентам рождаемости 1990 года (рис. 2). Это позволило раскрыть воздействие демографической волны на показатель рождаемости на протяжении современного этапа.

Так, благоприятное влияние структурного фактора наблюдалось с 1993 г., однако если в середине 1990-х гг. оно было незначительным, то к началу XXI века, постоянно возрастая, разница между реально наблюдавшимся и стандартизованным прямым методом коэффициентами достигла 1‰, а к середине 2000-х гг. приблизилась к 1,5‰.

Результаты косвенной стандартизации позволили наглядно представить, какой могла бы быть динамика ОКР в случае сохранения на протяжении двадцати лет возрастных интенсивностей рождаемости 1990 г.: к 2005 г. общий коэффициент рождаемости составил бы 15,8‰. Иначе говоря, оба стандартизационных метода со всей очевидностью доказывают, что возрастная структура населения Алтайского края была весьма благоприятной с точки зрения воздействия на величину как абсолютного числа новорожденных, так и общего коэффициента рождаемости и существенно сказывалась на динамике данного демографического процесса.

Таблица

Фактические и стандартизированные прямым методом к 1990 г. общие коэффициенты рождаемости (ОКР) в Алтайском крае

Годы	Все население		Городское население		Сельское население	
	фактический ОКР	стандартизованный ОКР	фактический ОКР	стандартизованный ОКР	фактический ОКР	стандартизованный ОКР
1990	12,9	12,9	12,4	12,4	13,6	13,6
1991	11,7	11,7	11,1	11,1	12,5	12,3
1992	10,4	10,4	9,4	9,4	11,5	11,1
1993	9,1	9,0	8,3	8,2	9,9	9,3
1994	9,2	8,9	8,5	8,2	9,9	9,2
1995	8,7	8,3	8,0	7,6	9,4	8,7
1996	8,4	8,0	7,9	7,4	9,1	8,4
1997	8,4	8,0	7,7	7,2	9,2	8,5
1998	8,8	8,2	8,1	7,5	9,6	8,7
1999	8,7	8,1	8,2	7,5	9,4	8,5
2000	9,3	8,6	8,7	7,8	10,0	9,1
2001	9,6	8,7	9,1	8,1	10,2	9,3
2002	10,3	9,3	9,8	8,6	10,9	9,9
2003	10,8	9,6	10,4	8,9	11,3	10,2
2004	10,8	9,4	10,6	8,9	11,0	9,8
2005	10,3	9,0	10,2	8,6	10,5	9,3
2006	10,1	8,7	10,0	8,3	10,3	9,1
2007	11,3	9,9	10,7	9,1	11,9	10,7
2008	12,3	11,0	11,9	10,2	12,8	11,6
2009	12,4	11,1	12,0	10,4	12,9	11,7

Однако последние несколько лет положительный структурно-демографический потенциал начал заметно ослабевать, и в самом скором времени, как показывают перспективные демографические расчеты, его позитивное воздействие совсем сойдет на нет. Более того, стареющая возрастная структура женского населения (в частности стареющие контингенты женщин детородного возраста) уже в ближайшие годы станет влиять на общие коэффициенты рождаемости и смертности негативно, и влияние это будет в среднесрочной перспективе нарастать, ускоряя естественную убыль населения и увеличивая ее масштабы⁴. По существу, в настоящее время экс-

⁴ См.: Доклад о развитии человеческого потенциала в Российской Федерации 2008: Россия перед лицом демографических вызовов. – М., 2009. – С. 21; Население России 2006: Четырнадцатый ежегодный демографический доклад / отв. ред. А.Г. Вишневский. – М., 2008. – С. 99.

перты уже констатируют, что возрастная структура начала оказывать снижающее воздействие на масштабы российской рождаемости⁵.

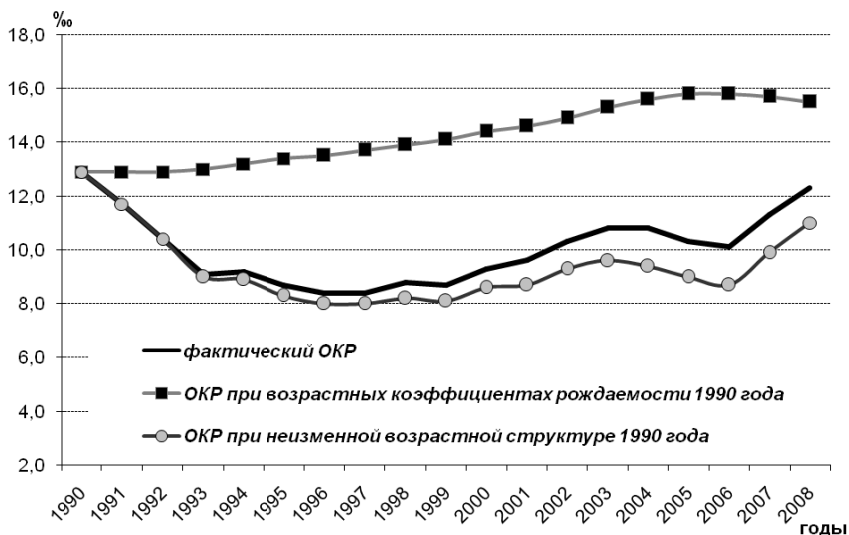

Рис. 4. Динамика фактического и стандартизованного к 1990 г. общих коэффициентов рождаемости (ОКР) населения Алтайского края

В целом положительное влияние возрастной структуры на количество новорожденных отмечалось и в городской и в сельской местности, однако для горожан этот эффект был выражен в большей степени вследствие «омоложения» возрастной структуры городского населения за счет миграции. В сельской местности этот фактор скорее противодействовал восходящей демографической волне, в результате чего рост числа и доли женщин детородного возраста был не таким значительным, каким мог бы быть в случае отсутствия постоянной миграции из села в город.

Для дальнейшего анализа динамики ОКР в Алтайском крае на современном этапе нами был применен индексный метод, который позволяет выявить роль каждого из факторов, обуславливающих изменение уровня рождаемости.

Расчеты показали, что практически весь современный этап демографического развития Алтайского края был ознаменован позитивным влиянием возрастной структуры населения на показатели рождаемости. Однако снижение интенсивности деторождения во всех возрастных группах женщин в

⁵ См.: Захаров С.В. Какой будет рождаемость в России? [Электронный ресурс] // Демоскоп Weekly. – 2012. – № 495–496. – Режим доступа: <http://demoscope.ru/weekly/2012/0495/tema01.php>

начале 1990-х гг. было несравнимо большим. Вследствие радикальной трансформации всей социально-экономической и общественно-политической жизни страны в это время женщины детородного возраста стали массово отказываться от рождения детей всех очередностей или откладывать их на неопределенный срок. На этом фоне улучшающаяся возрастная структура была просто не заметна.

В середине последнего десятилетия XX в., когда падение рождаемости замедлилось, влияние структурного фактора стало ощущаться, а иногда даже перекрывать негативное воздействие снижающихся возрастных коэффициентов. В самом конце 1990 – в начале 2000-х гг. оба фактора действовали уже на рост общего коэффициента, однако к середине и особенно к концу десятилетия положительное воздействие структуры стало быстро уменьшаться, а в 2008 г. она уже «работала» на снижение ОКР. И опять этот факт остался незамеченным, поскольку в 2007–2009 гг. растущие возрастные коэффициенты заметно повышали ОКР.

За весь период снижения показателей рождаемости (1990–1997 гг.) ОКР в крае снизился почти на 35%, однако он бы снизился на 38%, если бы не положительное воздействие возрастной структуры. Последующий период роста рождаемости (1997–2008 гг.) результировался в увеличении ОКР на 46%, что составляет значительную величину, однако вклад роста собственно интенсивности рождений составил намного более скромную цифру – около 30%. Городские поселения испытали увеличение ОКР на 55%, причем лишь на 30% за счет роста возрастных коэффициентов; в сельских поселениях увеличение было более умеренным – на 39%, в том числе на 26% благодаря росту интенсивности процесса.

Итак, с момента достижения абсолютного минимума годового количества новорожденных и общего коэффициента рождаемости в Алтайском крае (1997 г.) и до конца первого десятилетия XXI в. наблюдалась тенденция роста данных показателей. При этом, как показал индексный анализ, около 2/3 данного прироста произошло за счет увеличения интенсивности деторождений, а 1/3 объясняется положительной динамикой возрастной структуры населения региона.

В заключение отметим, что достижение уровня рождаемости, необходимого для устойчивого воспроизводства населения региона, а также сохранение его в отдаленной перспективе в целях недопущения наступления депопуляции нам представляется категорическим императивом региональной демографической политики в Алтайском крае. Однако осуществить на практике подобные намерения будет чрезвычайно трудно, если не невозможно, особенно в условиях уже наступающего значительного ухудшения возрастной структуры населения края.

**Есимова А.Б.,
Казахстан, г. Шымкент**

Репродуктивное поведение русских женщин в Казахстане (по материалам социолого-демографического обследования)

Уровень рождаемости определяется репродуктивным поведением. Общепринятым определением репродуктивного поведения значится следующее: «репродуктивное поведение – система действий, отношений и психических состояний личности, связанных с рождением или отказом от рождения детей любой очередности, в браке или вне брака» [1]. Основными его индикаторами, по которым можно судить о состоянии репродуктивного поведения являются: фактическое, идеальное, желаемое и планируемое число детей в семье. Идеальное число детей в семье является представлением индивида о наилучшем числе детей в семье вообще, без учета конкретной жизненной ситуации и личных предпочтений [2]. Планируемое число детей – это то количество детей, которое индивид или семья планируют иметь. Другим важным показателем является желаемое число детей – это число детей, которое индивид предпочел бы иметь в своей семье исходя из собственных склонностей [3]. Результаты социологических опросов показывают, что желаемое число детей всегда больше планируемого.

Следует отметить, что в советские годы исследователи, затрагивая особенности демографического развития республик Средней Азии, зачастую ограничивались только констатацией факта о высоком уровне рождаемости в данном регионе. При объяснении существующей ситуации особо подчеркивалась роль национальных традиций и обычаев. Так, исследователь В.А. Белова, рассматривая этническую принадлежность как фактор репродуктивной установки, пишет, что национальные особенности связаны в значительной степени с традициями и обычаями, которые возникли в далеком прошлом, но сохраняются длительное время и продолжают оказывать влияние на формирование групповых норм и установок в отношении деторождения [4]. Также советские исследователи констатировали, что уровень рождаемости у русских в Средней Азии был выше, чем в России. Об этом пишут и современные российские демографы. Так, С.Захаров и С.Сурков отмечают, что «небольшое преимущество в уровне рождаемости, которое имело русское население в среднеазиатских республиках перед русскими, проживающими на своей исторической родине, вероятнее всего, сохраняется и в настоящее время» [5].

С конца XX века этнодемографическая ситуация в Казахстане претерпела существенные изменения. Подтверждением этому являются данные переписей населения. Так, если по переписи 1989 г. основными этносами,

проживающими на территории Казахстана, являются казахи (40%) и русские (37%), по результатам переписи 1999 г. соотношение демографических показателей изменилось: казахи – 53%, русские – 30%, а по данным на 2009 г. - казахи – 63%, русские – 23% [6]. Причинами такой трансформации этнодемографической картины Казахстана явились, прежде всего, последствия эмиграции.

Если в конце XX века миграционные движения определяли этнодемографическую ситуацию в Казахстане, то на современном этапе произошло снижение эмиграционной активности и поэтому будущая демографическая ситуация во многом будет определяться характером репродуктивного поведения населения Казахстана.

Анализ статистических данных показывает, что в регионах Казахстана уровень рождаемости не одинаков. И он во многом связан с национальным составом областей республики.

Таблица 1

Суммарный коэффициент рождаемости и национальный состав областей Казахстана [7]

	СКР, 2010 г.	Национальный состав, 2009 г.	
		Казахи, %	Русские, %
Республика Казахстан	2,59	63	24
Акмолинская	2,19	47	36
Актюбинская	2,46	79	14
Алматинская	2,84	68	17
Атырауская	3,26	91	7
Западно-Казахстанская	2,37	72	22
Жамбылская	3,35	71	12
Карагандинская	2,05	46	40
Костанайская	1,72	37	43
Кызылординская	3,63	95	2
Мангистауская	3,19	88	8
Южно-Казахстанская	3,75	72	6
Павлодарская	1,94	48	39
Северо-Казахстанская	1,97	33	50
Восточно-Казахстанская	2,05	56	40

Из данных, представленных в таблице 1 заметно, что низкие показатели СКР зафиксированы в областях, где в составе населения русские составляют 40–50% от общей численности жителей области, а высокий уровень СКР в областях, где численность казахского населения превышает 90%.

Следует отметить, что, несмотря на то, что число родившихся у русских за период с 1999 г. по 2009 г. выросло с 88,4 (на 1000 чел.) до 12,61, естественный прирост остался отрицательным. В Казахстане только у двух национальностей данный показатель имеет отрицательное значение – у

русских (-5,44 в 1999 г. и -1,27 в 2009 г.) и у украинцев (-11,99 и -11,89 соответственно) [8].

Статистические данные не дают подробной и полной информации. Для определения основных характеристик репродуктивного поведения замужних женщин было проведено социолого-демографическое обследование. Оно проведено в Северо-Казахстанской и Южно-Казахстанской областях (2007 г.). В нем приняли участие 750 замужних женщин. Выборка была пропорциональной, районированной. При формировании выборки был применен поколенческий подход. Респондентами являлись представители поколений, границы которых «очертили» российские социологи Н.Головин, В. Семенова, В.Сибирев: поколение перестройки, поколение кризиса, поколение относительной стабильности.

В связи с тем, что данное исследование проводилось в двух областях – Северо-Казахстанской и Южно-Казахстанской, следует особо отметить их различия по демографическим показателям. Отчетливо прослеживается несхожесть исследуемых областей по следующим демографическим параметрам. Так, для южной области присущи высокий СКР (самый высокий по стране), низкий уровень абортов, продолжительный репродуктивный период, низкий процент женщин, родивших ребенка вне брака, низкие показатели по разводимости, большая распространенность расширенных семей и низкий процент межнациональных браков. В Северо-Казахстанской области показатели противоположные: самый низкий СКР по стране, непродолжительный репродуктивный период, высокий процент матерей-одиночек, уровня разводимости, большая распространенность нуклеарных семей, межнациональных браков.

По результатам социолого-демографического обследования анализ среднего брачного возраста респондентов показал, что у русских женщин средний брачный возраст одинаков в обеих областях (диапазон от 19,5 до 22,2 на юге и от 19,4 до 22,7 на севере).

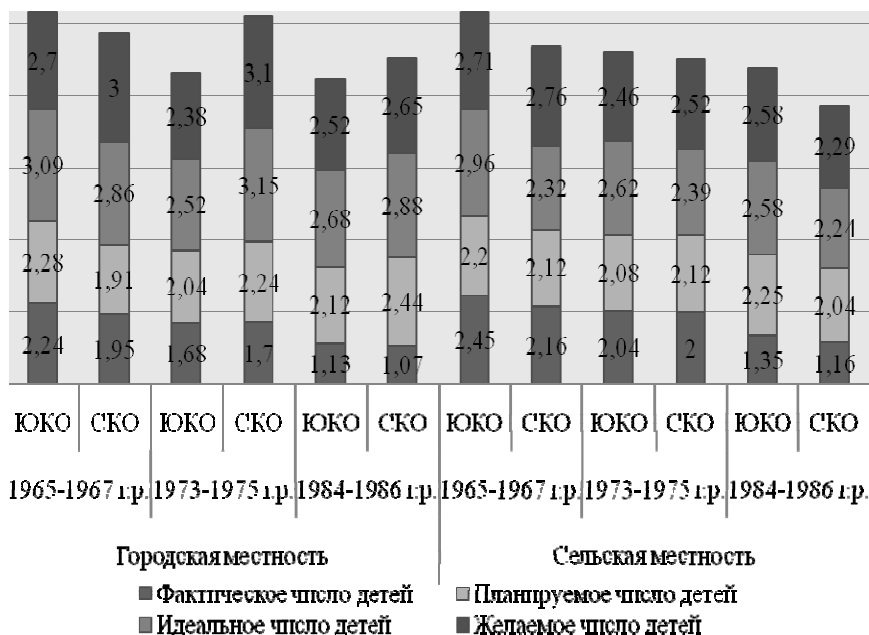
Важным показателем состояния семейно-брачных отношений является уровень разводов. Получив ответ на вопрос «Были ли Вы или Ваш муж разведены?» можно отметить, что среди русских самая высокая доля респондентов, которые в истории своей семейной жизни пережили развод. Доля респондентов, имеющих опыт неудачного брака высока практически во всех возрастных группах.

Результаты по репродуктивному поведению показали, что фактическое число детей у женщин, проживающих в сельской местности больше, чем у горожанок. Репродуктивные установки сельских русских женщин, проживающих на юге страны выше, чем у проживающих на севере. А у городских женщин, проживающих в Северо-Казахстанской области, репродуктивные установки (представления об идеальном, желаемом и планируемом

числе детей в семье) выше, чем у жительниц Южно-Казахстанской области. Но количество фактических детей у северянок меньше, чем у южанок. Чем младше респондент, тем ниже репродуктивные планы. Более распространенной моделью является двухдетная семья.

Таблица 2

Показатели репродуктивного поведения русских женщин

В результате социолого-демографического обследования было выявлено: репродуктивные установки на детность у русских ниже, чем у представительниц других национальных групп; репродуктивные установки на детность у русских и казашек в Северо-Казахстанской области не имеют значительных отличий, а в Южно-Казахстанской – сильно отличаются.

Литература

1. Борисов В.А. Перспективы рождаемости. М., 1976, С. 175.
2. Народнонаселение. Энциклопедический словарь. – М., 1994, С. 147.
3. Народнонаселение. Энциклопедический словарь. – М., 1994, С. 138.
4. Белова В.А. Число детей в семье. М., 1975.
5. Захаров С., Сурков С. Каким был уровень рождаемости русских в бывших республиках СССР? // Электронная версия бюллетеня «Население и общество» Демоскоп Weekly, №399–400, 23 ноября – 6 декабря 2009 г.

6. Демографический ежегодник Казахстана. Стат. сб. / Под ред. А.Смаилова. Астана, 2010, С. 17. С официального сайта Агентства Республики Казахстан по статистике. www.stat.kz.

7. Женщины и мужчины Казахстана. Стат. сб., Астана, 2011, С. 15–16. С официального сайта Агентства Республики Казахстан по статистике. www.stat.kz.

8. Демографический ежегодник Казахстана. Стат. сб./Под ред. А. Смаилова. Астана, 2010, С. 101. С официального сайта Агентства Республики Казахстан по статистике. www.stat.kz.

***Игнатьева Л.И.,
Россия, г. Усть-Каменогорск***

Современные тенденции внешней миграции в Казахстане (в этническом и региональном аспектах)

Характер современных миграционных процессов в Казахстане обусловлен формированием населения республики на протяжении почти двух столетий (XIX–XX вв.). В это время на территорию Казахстана шел активный миграционный приток из вне, формируя полиэтничный состав населения. В результате после обретения независимости преобладающими стали эмиграционные тенденции. Миграционные потери 90-х годов XX века были значительными. Ситуация относительно стабилизировалась в начале XXI века.

В региональном и этнических разрезах этот процесс приобретает свои специфические черты применительно к конкретному региону или этносу. В отдельных случаях региональные и этнические тенденции совпадают с общереспубликанскими, в других случаях тенденции совершенно противоположные. Для анализа данной ситуации рассмотрим внешнюю миграцию наиболее многочисленных и миграционно активных этносов, а также региональный аспект миграции.

В этническом аспекте миграционная ситуация носит неоднозначный характер. В 2006 г. (66731 чел.) по сравнению с 1999 г. (41320 чел.) число иммигрантов увеличилось на 38,1 %, а в 2007 г. (53397 чел.) по сравнению с 2006 г. уменьшилась на 20,0%. Такая же тенденция отмечена у казахов, узбеков, уйгуров. У других этносов идет постоянное уменьшение численности иммигрантов. У русских в 2007 г. (6658 чел.) по сравнению с 1999 г. (20076 чел.) уменьшение произошло на 66,8 %, у украинцев – на 76,2%, у татар – на 57,8%, у немцев – на 63,5%¹. При этом в 1999 г. в общем числе иммигрантов доминировали русские (48,6 %), на втором месте казахи

¹ Рассчитано по: Демографический ежегодник Казахстана. Астана, 2008. С. 541, 542.

(26,4%), далее идут украинцы, немцы, татары, узбеки и уйгуры. В 2006 и 2007 гг. преобладать, причем значительно, стали казахи (78,2%), а доля русских снижается до 14,0% в 2006 г. и 12,5% в 2007 г. Доля других этносов в числе иммигрантов сокращается от 0,2 до 1,8%.

Динамика движения иммигрантов из стран СНГ в целом совпадает с общими процессами внешней миграции. В 2006 г. (56635 чел.) по сравнению с 1999 г. (39461 чел.) число иммигрантов из стран СНГ увеличивается на 30,3%, а в 2007 г. (42613 чел.) по сравнению с 2006 г. уменьшается на 24,8 %. Эта же тенденция наблюдается у казахов, узбеков, уйгуров. У русских, украинцев, татар и немцев число иммигрантов в этот период постоянно снижается. В 2007 г. по сравнению с 1999 г. у русских число иммигрантов сокращается на 68,1 %, у украинцев – на 77,7%, у татар – на 58,6%, у немцев – на 76,9%².

Доля иммигрантов приходящаяся на страны СНГ составляет 76,9–99,4%. Исключение составляют немцы. Если в 1999 г. доля иммигрантов из стран СНГ у немцев составляла 79,0 % от всех немцев иммигрантов, то в 2006 г. уже 57,0%, а в 2007 г. – 50,1%.

Общее число эмигрантов в 2006 г. (33690 чел.) по сравнению с 1999 г. (164947 чел.) сократилось на 79,6 %, а в 2007 г. (42435 чел.) по сравнению с 2006 г. возросло на 20,6 %. Численность эмигрантов казахов в 2007 г. по сравнению с 1999 г. уменьшилось на 72,5 %. Также сократилось число узбеков на 89,5 %. Количество эмигрантов русских в 2006 г. по сравнению с 1999 г. уменьшилось на 75,2%, а в 2007 г. по сравнению с 2006 г. увеличилось на 23,0%³. Такая же тенденция как и русских отмечается у украинцев, уйгуров, татар и немцев, то есть до 2006 г. идет значительное сокращение эмигрантов, а в 2007 г. их небольшое увеличение. При этом лидирующие позиции по внешней миграции занимают русские, немцы и украинцы.

Динамика эмиграции в страны СНГ в целом совпадает с тенденциями внешней миграцией. Так львиная доля эмигрантов приходится именно на страны СНГ. Практически у всех этносов, включая казахов, сокращается число эмигрантов в 2006 г. по сравнению с 1999 г. и возрастает в 2007 г. по сравнению с 2006 г. Единственное исключение составляют узбеки, у которых идет постоянное сокращение численности эмигрантов в страны СНГ. Большинство эмигрантов почти у всех этносов уезжали в страны СНГ (от 72,5 до 98,6% от общего числа эмигрантов по отдельным этносам). Исключение составили немцы. У них в страны СНГ эмигрировали 1999 г. 12,6% от всех немцев эмигрантов, в 2006 г. – 47,2%, в 2007 г. – 62,7%.

² Рассчитано по: Демографический ежегодник Казахстана. Астана, 2008. С. 541, 542.

³ Там же.

Положительное значение сальдо миграции в этот период отмечается только у двух этносов – казахов и узбеков. У уйгуров положительное миграционное сальдо наблюдается в 2006 и 2007 гг. У русских, украинцев, татар и немцев отмечается отрицательное сальдо миграции. При этом у всех этносов этот показатель в 2007 г. по сравнению с 2006 г. уменьшается, то есть у всех этносов количество эмигрантов увеличивается, а количество иммигрантов сокращается.

Таблица 1

Сальдо миграции			
	1999 г.	2006 г.	2007 г.
Всего	- 123627	33041	10962
Казахи	2651	46458	39494
Русские	- 71413	- 13373	-22834
Узбеки	66	1058	345
Украинцев	- 12789	- 1902	- 2832
Уйгуры	- 4	76	44
Татары	- 2842	- 190	-519
Немцы	- 31504	- 1878	- 2474
Др. этносы	- 7792	2792	- 262

Источник: Демографический ежегодник Казахстана. Астана, 2008. С. 538, 539,

Большинство эмигрантов и иммигрантов по всем этносам приходится на страны СНГ. Единственное исключение это немцы, где большинство внешних миграций приходится на страны вне СНГ. Еще одна особенность данного периода – резкое сокращение числа эмигрантов в 2006 г. по сравнению с 1999 г. и незначительное их увеличение в 2007 г. по всем этносам. Что касается иммигрантов, то их сокращение отмечается у всех этносов, кроме казахов и уйгуров.

Региональный аспект внешней миграции по Казахстану представлен следующими показателями. Для удобства анализа регионального аспекта внешней миграции разделим территорию Казахстана на 5 экономических районов (Восточный, Западный, Северный, Центральный и Южный) и возьмем отдельно города Алматы и Астану.

В большинстве регионов динамика численности иммигрантов совпадает с общереспубликанской, то есть в 2006 г. происходит их увеличение по сравнению с 1999 г., а в 2007 г. – уменьшение по сравнению с 2006 г. В Восточном экономическом районе в 2006 г. (2078 чел.) по сравнению с 1999 г. (3373 чел.) число иммигрантов сокращается на 38,4%, а в 2007 г. (2448 чел.) по сравнению с 2006 г. – возрастает на 15,1 %. В г. Астане идет постоянное снижение количества иммигрантов (в 2007 г. (184 чел.) по

сравнению с 1999 г. (775 чел.) на 76,2%)⁴. Что касается эмигрантов, то здесь во всех экономических районах и гг. Астане и Алматы сохраняется общереспубликанская тенденция – уменьшение численности эмигрантов в 2006 г. по сравнению с 1999 г. и их увеличение в 2007 г. по сравнению с 2006 г.

В Западном и Южном экономических районах, а также г. Алматы в 1999 г. отмечается отрицательное сальдо миграции, а в 2006 и 2007 гг. – положительное. В Северном и Центральном экономических районах отрицательное сальдо характерно для 1999 и 2007 гг., а для 2006 г. – положительное. Отрицательное сальдо миграции на протяжении всего периода сохраняется в Восточном экономическом районе и г. Астане. По показателям внешней миграции миграционный отток населения наблюдается в Северном, Центральном и особенно в Восточном экономических районах и г. Астане.

В Северном, Западном, Южном и Центральном экономических районах в 2006 г. по сравнению с 1999 г. число иммигрантов из стран СНГ возрастает, а в 2007 г. по сравнению с 2006 г. – снижается. Сокращение количества иммигрантов в данный период отмечается в Восточном экономическом районе (на 58,8%), гг. Астане (на 73,7%) и Алматы (на 36,7%).

Динамика численности эмигрантов в страны СНГ во всех регионах совпадает с общереспубликанской, то есть в 2006 г. по сравнению с 1999 г. их сокращение, а в 2007 г. по сравнению с 2006 г. – их рост. В Западном и Южном экономических районах в 1999 г. отмечается отрицательное сальдо миграции, а в 2006 и 2007 гг. – положительное. В Северном и Центральном экономических районах в 2006 г. – положительное сальдо, а в 1999 и 2007 гг. – отрицательное. В Восточном экономическом районе и гг. Астане и Алматы сальдо миграции характеризуется отрицательным значением на протяжении всего рассматриваемого периода. Со странами СНГ миграционный отток населения зафиксирован в Восточном экономическом районе и городах Астане и Алматы.

Наибольший миграционный обмен зафиксирован с Беларусью, Кыргызской Республикой, Россией, Туркменистаном, Узбекистаном и Украиной. При этом положительное сальдо миграции отмечается с Кыргызской Республикой, Туркменистаном, Узбекистаном, а отрицательное – с Беларусью, Россией и Украиной. Причем наибольший приток населения идет из Узбекистана, а отток – в Россию.

Постоянный рост числа иммигрантов из стран вне СНГ характерен для Северного (на 89,4%), Южного (на 86,7%) и Восточного (на 91,9%) эконо-

⁴ Рассчитано по: Демографический ежегодник Казахстана. Астана, 2008. С. 539–540.

мических районов. В Западном экономическом районе в 2006 г. по сравнению с 1999 г. идет сокращение количества иммигрантов на 75,5%, а в 2007 г. по сравнению с 2006 г. их рост на 13,4%. В 2006 г. по сравнению с 1999 г. увеличивается численность иммигрантов в Центральном экономическом районе на 71,6% и г. Алматы на 92,9%, а в 2007 г. по сравнению с 2006 г. – уменьшение на 11,2% и 31,0% соответственно. А в г. Астане происходит снижение числа иммигрантов из стран вне СНГ на 86,1%.

Сокращение количества эмигрантов в страны вне СНГ характерно для Южного (на 96,0%) и Восточного (на 94,8%), а также гг. Астаны (на 93,2%) и Алматы (на 81,1%). Снижение численности эмигрантов в страны СНГ в 2006 г. по сравнению с 1999 г. отмечается в Северном (на 93,1%), Западном (на 94,2%) и Центральном (на 97,8%) экономических районах, а в 2007 г. по сравнению с 2006 г. – их рост на 40,9%, 57,4% и 2,4% соответственно.

В Северном, Южном, Центральном, Восточном экономических районах и г. Алматы в 1999 г. – отрицательное сальдо миграции, а в 2006 и 2007 гг. – положительное. В Западном экономическом районе и г. Астане на протяжении данного периода сохраняется отрицательное сальдо. Миграционный отток населения со странами вне СНГ отмечается в Западном экономическом районе и г. Астане. Более благоприятная миграционная ситуация со странами вне СНГ прежде всего связана с возвращением оралманов. Наибольший миграционный обмен зафиксирован с США, Германией, Канадой, Израилем, Китаем, Монголией и Турцией. При этом положительное сальдо миграции отмечается с Китаем, Монголией, Турцией, а отрицательное – с США, Германией, Израилем (в 2007 г. – положительное) и Канадой. Причем наибольший приток населения идет из Китая и Монголии, а отток – в Германию.

По данным за 2008 г. миграционное сальдо сокращается в 4,5 раза по сравнению с 2007 г. (с 10878 в 2007 г. до 2419 в 2008 г.). при этом со странами СНГ в 2008 г. сальдо миграции приобретает отрицательное значение (-11399)⁵. Таким образом, положительная тенденция стабилизации миграционной ситуации в Казахстане наметившаяся в начале 2000-х гг. и достигнувшая максимума в 2006 г., в 2007 г. начинает ухудшаться. Эта же тенденция прослеживается и в 2008 г. С 2009 г. и по сегодняшний день прослеживается обратная тенденция.

⁵ Сайт Агентства по статистике РК//www.stat.kz.

**Иногамов Ш.А.,
Узбекистан, г. Ташкент**

Прогноз демографического развития Узбекистана

Узбекистан обладает значительным человеческим потенциалом и по численности населения является крупнейшим государством Центральной Азии, где на начало 2012 г. здесь проживало 29559,1 тыс. человек (44% населения региона). Городское население составляет 51,0%, сельское, соответственно, 49,0%.

За годы независимости население Узбекистана возросло на 8,5 миллиона человек или в 1,4 раза (в 1961 г в республике проживало 8559 тыс. человек.). В постсоветском пространстве за эти годы население выросло в Туркмении, Таджикистане, Азербайджане и Киргизии, в то время как в Российской Федерации, на Украине, в Беларуси, Грузии, Армении и Молдавии население сократилось.

Демографическое развитие в Узбекистане всегда было достаточно сложным. К началу 90-х годов республика имела неблагоприятную демографическую ситуацию, что выражалось в: относительно повышенном уровне детской и материнской смертности; достаточно большом числе семей с высоким и нерегулируемым уровнем рождаемости; низкой социальной и территориальной мобильности населения; неравномерном расселении с преобладанием населения в староорошаемых территориях при слабой заселенности значительной части территории; значительном всплеске оттока населения за пределы республики.

Демографические процессы за последние два десятилетия характеризуются новыми тенденциями. Темпы демографического роста в республике стали последовательно снижаться. Так, если в 80-х гг. среднегодовой темп прироста численности составлял – 2,6 %, в начале 90-х гг. – 2,2%, то в начале 2000-х гг. – 1,1–1,2%, а в самые последние годы он возрос до 1,6%. За этот период заметно сократились и абсолютные приросты численности. Так, если в 1991–2000 гг. население республики в среднем в год возрастало на 424 тыс. человек, то в 2001–2005 гг. – всего лишь на 303 тыс. человек, а в 2006–2010 гг. – на 413 тыс. человек.

Период с 1991 по 2003 гг. характеризуется резким снижением рождаемости. Общий коэффициент уменьшился за этот период с 34,5 до 19,8 промилле, т.е. в 1,7 раза. Суммарный коэффициент рождаемости снизился с 4,199 до 2,357 (в 1,8 раза). Тенденция снижения рождаемости наглядно видна и по динамике абсолютных показателей. Численность новорожденных сократилась с 723,4 тыс. в 1991 г. до 508,5 тыс. человек в 2003 г. т.е. почти в полтора раза.

Необходимо особо подчеркнуть, что снижение рождаемости происходило не только в городах, в большей степени оно захватило сельское население. Так, в городах коэффициент суммарной рождаемости снизился с 3,130 до 1,934 промилле (в 1,6 раза), в сельской местности – с 4,994 до 2,614 промилле (в 1,9 раза). Разница в величине повозрастных коэффициентов между селом и городом все еще остается достаточно большой. Специальный коэффициент рождаемости в селах в 1991 г. был в 1,7 раза выше, чем в городах, а в 2003 г. – лишь в 1,3 раза.

Снижение уровня рождаемости в республике тесно связано с влиянием социально-экономических изменений. Увеличение занятости населения, в первую очередь, среди женщин, а также рост уровня образования молодежи, несомненно повлиял на их репродуктивное поведение.

В последующие годы, начиная с 2004 г., начался рост рождаемости, общий коэффициент возрос в 2009 г. до 23,4 промилле, коэффициент суммарной рождаемости до 2,530, а численность родившихся детей выросла до 651,3 тыс. Этот «всплеск» обусловлен целым рядом социально-экономических и демографических факторов, важнейшими из которых являются: достижение социально-политической стабильности и межнационального согласия в обществе; обеспечение устойчивого и ускоренного роста экономики, улучшение социально-экономического положения в республике, повышение уровня жизни населения. Среди демографических факторов основными являются:

- вступление в брачный возраст и создание семьи теми многочисленными поколениями молодежи, которые родились во второй половине 80-х и в начале 90-х гг. – в период пика фертильности, когда рождалось свыше семисот тысяч детей;

- укрепление семейно-брачных отношений. Количество зарегистрированных браков возросло с 168,9 тыс. в 2000 г. до 184,0 тыс. в 2005 г. (темп роста – 108,9%) и до 292,3 тыс. в 2010 г. (в 1,6 раза). В настоящее время на 1000 браков приходится 61 развод, в то время как в 2000 г. их приходилось 118;

- увеличение численности женщин фертильного возраста. За 2001–2005 гг. она возросла с 6472,3 до 7331,9 тыс. человек на 13,3%, их доля в общей численности населения поднялась с 26,1 до 27,9%. За последующие пять лет численность женщин фертильного возраста возросла на 10,2%, а доля в численности населения увеличилась 28,4%;

- рост численности молодых женщин в возрасте 20–29 лет, имеющих самые высокие коэффициенты рождаемости, в структуре женщин фертильного возраста. За 2001–2005 гг. темп роста их численности составил 119,4%, за 2006–2010 гг. – 116,9%, а доля возрастала с 31,3% в 2000 г. до 32,9% в 2005 г. и до 34,8% в 2010 г. Соответственно, возросла их доля в общей численности родивших – с 73,6% до 76,3%. Одновременно с этим,

доля детей, которых родили матери в возрасте 30 лет и старше, уменьшилась с 21,0 до 17,7%.

В 2010 г. в республике родилось 634,8 тыс. детей (на 2,5% меньше, чем в 2009 г.), общий коэффициент рождаемости снизился до 22,7 промилле, а коэффициент суммарной рождаемости – до 2,390. Можно считать, что «всплеск» рождаемости, скорее всего не перейдет в устойчивую тенденцию, а является результатом цикличности естественного движения населения.

В целом в республике происходят определенные позитивные изменения в сфере рождаемости: меняется структура новорожденных по порядку их рождения – при росте доли первого и второго ребенка удельный вес третьего и четвертого ребенка уменьшается; возрастает интервал между родами, что положительно сказывается на здоровье матери и ребенка; уменьшается число родившихся вне зарегистрированного брака; сокращается число зарегистрированных абортов.

В будущем, на численность родившихся в республике будут оказывать влияние разнонаправленные факторы. С одной стороны, рождаемость становится все более регулируемой внутри семьи. В современном Узбекистане постепенно сложились и реализуются репродуктивные установки населения на среднететную семью (2–3 ребенка в городах и 3–4 в сельской местности). С другой стороны, в республике сохраняется относительно высокая доля женщин фертильного возраста (27–28% общей численности населения) как результат высокого уровня фертильности в прошлые годы. Исходя из этого, в процессе прогнозирования принят взвешенный подход к перспективам изменения рождаемости.

В прогнозном периоде ожидается снижение уровня рождаемости, наиболее значимого фактора, определяющего демографическую ситуацию. Это обусловлено тем, что ожидаемый уровень рождаемости будет приближаться к оптимальному, т.е. соответствующему интересам и семьи, и общества, намерения населения на среднететную семью, отражающие желаемый уровень рождаемости.

В перспективе предполагается снижение темпов роста рождаемости и общий коэффициент рождаемости может уменьшиться до 15,5–16,0 промилле в 2030 г. Аналогичная динамика в прогнозном периоде прослеживается по основным коэффициентам рождаемости

За анализируемый период в республике произошли положительные изменения в смертности населения. Они, прежде всего, проявились в динамике общего коэффициента, который снизился за анализируемый период с 6,2 до 4,9 промилле. По сравнению со многими странами уровень смертности в республике относительно низок, прежде всего, за счет особенностей возрастной структуры. На его формирование существенное влияние оказывает большой удельный вес детей и молодежи и небольшая доля лиц старше трудоспособного пенсионного возраста. Численность умерших

ежегодно в 4,7–5,0 раза меньше числа родившихся, что является свидетельством значительного демографического потенциала Узбекистана.

Одним из главных социально-демографических достижений республики за эти годы является значительное снижение младенческой и материнской смертности. В начале 90-х годов на тысячу новорожденных умирало 35 детей. В 2010 г. этот показатель снизился до 11 детей, т.е. более чем в три раза. Уровень материнской смертности снизился за тот же период с 65,3 до 21,0 случаев на 100 тыс. живорожденных, т.е. также более чем в три раза. В результате ожидаемая продолжительность предстоящей жизни возрос с 67,2 лет в 1990 г. до 72,9 лет в 2010 г.

В прогнозном периоде ожидается снижение повозрастных коэффициентов смертности, однако одновременно с этим произойдет некоторый рост общего коэффициента смертности населения до 6,6 промилле, обусловленный изменениями возрастной структуры.

Важным фактором, влияющим на динамику и структуру населения, является миграция. Узбекистан на протяжении более 35 лет имеет устойчивое отрицательное сальдо внешней миграции. За этот период республика пережила несколько миграционных волн, отражающих рост или снижение миграционной подвижности населения. В конце 80-х и первые годы 90-х гг. миграционный отток населения (отрицательное сальдо) составлял более 180 тыс. человек. При этом основными трендами миграции являлись потоки этнической миграции населения на историческую родину. С середины 90-х гг. миграционный отток населения несколько уменьшился, хотя и оставался достаточно значительным, при этом этнический тренд стал замещаться экономическим. С начала двухтысячных годов отток населения продолжал снижаться и, к настоящему времени, стабилизировался в пределах 44–50 тыс. человек, что свидетельствует о нормализации миграционных процессов, связанной, в первую очередь, с улучшением социально-экономической ситуации в республике.

Для современной миграционной ситуации в Узбекистане характерно уменьшение не только внешних, но и внутренних миграционных потоков. Только за последние пять лет число прибывших из сел в города снизилось в 1,2 раза, выехавших в обратном направлении – в полтора раза, валовой объем внутригородских миграций сократился в 1,5 раза, внутрисельских – в 2,2 раза.

По нашим оценкам, в прогнозном периоде объем эмиграции стабилизируется и даже может несколько возрасти. На это будут оказывать воздействие устойчивый рост экономики и улучшение социально – экономического положения республики. В значительной мере это обусловлено также уменьшением потенциала этнических миграций, а также будет определяться миграционным поведением представителей титульных наций, т.к. их доля в общей численности выбывающих из республики несколько возросла и достигла в 2010 г. 11.8%.

Новые тенденции в демографическом развитии оказывают благоприятное воздействие на возрастную структуру. При сложившемся уровне рождаемости в структуре населения доля детей и подростков (0–15 лет) составила в 2010 г. 32,2%, в то время как в 1991 г. она была на уровне 43,1%. Причем, начиная с 2001 г., численность детей и подростков стала уменьшаться и абсолютно.

Существенно возросла доля населения в трудоспособном возрасте – с 49,2% в 1991 г. до 60,3% – в 2010 г. что создает благоприятные предпосылки для формирования значительного трудового потенциала.

Абсолютный рост численности населения старше трудоспособного возраста сопровождался снижением доли этой категории с 7,6% в 1991 г. и до 7,5% в 2010 г.

Как показывает мировой опыт, такие сдвиги в возрастной структуре населения дают возможность вкладывать дополнительные инвестиции, которые могут способствовать экономическому росту и повышению уровня жизни населения.

В результате структурных сдвигов в населении значительно уменьшилась демографическая нагрузка на население в трудоспособном возрасте. Так, если в 1991 г. на 1000 населения в трудоспособном возрасте приходилось 1037 человек в возрасте до и старше трудоспособного возраста, в 2010 г. – 646 человек. Следует особо подчеркнуть, что в двухтысячные годы в республике сложилась уникальная ситуация, когда трудовые ресурсы и относительно, и абсолютно растут быстрее, чем все население. Эта ситуация сохранится в ближайшие несколько лет, что актуализирует проблему обеспечения занятости населения и недопущения роста безработицы.

Из стран СНГ по укрупненному возрастному составу населения можно выделить три группы. Самое пожилое население – в Белоруссии, Грузии, России, Украине, где доля лиц в возрасте старше 60 лет наибольшая, а удельный вес детей не превышает 20%. Во вторую группу входят государства Средней Азии и Азербайджан, имеющие самую молодую возрастную структуру, и третья группа – Армения, Казахстан и Молдова – занимает промежуточное положение. В западноевропейских странах, характеризующихся самой низкой рождаемостью, на долю лиц старше 60 лет приходится 20–25% общей численности населения.

В современных условиях актуальность демографического прогнозирования возросла. В условиях проводимых преобразований в экономике, при обосновании перспектив социально-экономического развития, разработке целевых программ и крупных инвестиционных проектов остается высокой потребность в данных о населении – о его состоянии, динамике численности, структуре, размещении, возникающих проблемах и ожидаемых перспективах. С учетом этого осуществлен прогноз демографического развития до 2031 года, который основан на всестороннем анализе сложившейся

демографической ситуации, тенденций ее изменения за последние годы и оценке дальнейшего развития их на долгосрочный период.

Демографическое прогнозирование осуществлено с учетом: общемировых тенденций демографического развития; тенденций демографического развития за годы независимости по основным направлениям – рождаемость, смертность, миграция населения; особенностей демографических процессов в разрезе регионов; факторов и тенденций процесса урбанизации и других.

На основе этого и результатов анализа сложившихся тенденций были определены параметры основных компонентов прогноза населения и их динамика на долгосрочную перспективу. Прогнозные расчеты осуществлены на статистической базе 2010 г. методом передвижки возрастов с использованием пакета программ MS Excel.

В отличие от других существующих программных пакетов, применяемый позволяет использовать демографический метод передвижки возрастов (в однолетнем интервале) отдельно по каждому региону, в разрезе города и села, по полу, с учетом основных факторов, влияющих на динамику роста численности населения.

Выходными параметрами прогноза являются численность населения от 0 до 100 лет, с разделением на мужчин и женщин, в разрезе 14 административно – территориальных единиц, в том числе по городской и сельской местности. Сводный прогноз населения по республике является суммой регионов по всем перечисленным выше параметрам.

Таким образом, согласно расчетам, при дальнейшем позитивном развитии современных тенденций и улучшении демографической и миграционной ситуации, численность населения Узбекистана может возрасти к началу 2031 г. – до 36,5 млн. человек. Среднегодовая численность населения Узбекистана увеличится на 24,0%, среднегодовой темп прироста за период составит 1,2 % (в т.ч. в 2012 – 2020 гг. – 1,4% и в 2021–2030 гг. – 0,9%).

Прогнозные расчеты показывают, что в республике будут происходить определенные изменения в возрастной структуре населения. Ожидается снижение в составе населения удельного веса детей и подростков в возрасте 0–15 лет с современных 32,4 до 25,9%, при росте доли населения пенсионного возраста с 7,5 до 13,9%. Удельный вес населения в трудоспособном возрасте практически не изменится.

Узбекистан, несмотря на ожидаемые изменения возрастной структуры, в соответствии с международной классификацией будет по-прежнему оставаться страной с молодым населением. На начало 2031 г. средний возраст населения может составить по расчетам 32,4 лет, т.е. увеличится на 5,2 года по сравнению с 27,2 лет в настоящее время, что свидетельствует о достаточно большой жизнеспособности и определенном динамизме нации (для сравнения: средний возраст населения в настоящее время составляет в

Германии – 41,3 года, в США – 37,0 лет, в России – 37,8 лет, в Японии – 42 года).

Результаты прогнозных расчетов свидетельствуют о количественном и качественном развитии населения в долгосрочном периоде. В конечном итоге они выражаются в улучшении демографической и миграционной ситуации в республике, в частности, по следующим параметрам:

В республике в 2012–2030 гг. будет происходить умеренно расширенное воспроизводство населения, со среднегодовым темпом прироста в 1,2%;

Ожидается стабилизация с последующим замедлением рождаемости в прогнозном периоде. Суммарный коэффициент в конце прогнозного периода может составить 2,15;

Смертность возрастет незначительно, общий коэффициент может достигнуть 6,6 промилле;

Внешняя миграция стабилизируется, отрицательное сальдо внешней миграции в прогнозном периоде может составить 50–55 тыс. человек в год;

Произойдут определенные сдвиги в территориальной структуре населения в силу региональных различий в демографической ситуации и тенденций ее развития;

Доля населения трудоспособного возраста практически не изменится (60,2%), что создаст благоприятные предпосылки для формирования значительного трудового потенциала;

Улучшится структура населения трудоспособного возраста по полу. Снижение мужской смертности будет происходить несколько быстрее, в результате чего доля мужчин в составе трудоспособного населения возрастет.

Вместе с тем, по расчетам, численность населения в трудоспособном возрасте за прогнозный период может возрасти на 20,3%. Это будет оказывать определенное демографическое давление на рынок труда, актуализируя проблемы обеспечения занятости и недопущения роста безработицы, прежде всего, среди молодежи.

Значительное увеличение доли лиц старше трудоспособного возраста является закономерным процессом старения населения. Абсолютный рост численности этой категории населения может сопровождаться усилением давления на пенсионную систему и сферу здравоохранения.

Прогноз размещения населения особо интересен и актуален в силу того, что демографическая емкость территорий имеет большую дифференциацию и целый ряд ограничений.

Таким образом, расчеты показывают, что в общемировом демографическом развитии в перспективе в Узбекистане будет происходить умеренно расширенный тип воспроизводства населения. Практическая значимость демографического прогноза возрастает в связи с тем, что позволяет выявить возможные вызовы и риски для принятия заблаговременно адекватных мер. Одновременно с этим в прогнозном периоде актуальными будут

становиться и проблемы дальнейшего роста качества населения – его здоровья, уровня образования, социальной мобильности и профессионально – квалификационных характеристик.

***Ионцев В.А., Прохорова Ю.А.,
Россия, г. Москва***

К вопросу о четвертом демографическом переходе

Глобализация является ключевым термином на рубеже XX–XXI веков, который пополнил наш словарный запас в 1980-е гг. На настоящий момент исследователи выделяют 3 волны глобализации (ИОМ, 2008, с. 24–25):

1-я волна (1870–1914) была связана с сокращением транспортных издержек и снятием торговых барьеров. Это дало возможность развивающимся странам контактировать с богатыми странами развитого мира и привело к росту производства и экспорта товаров. Люди стали иммигрировать в такие страны как Аргентина, Австралия, Новая Зеландия и США, что в свою очередь, привело к инвестированию капитала в производственную сферу этих стран.

2-я волна длилась с 1950 по 1980 г. Транспортные издержки продолжали падать, а торговые барьеры между развитыми странами все более сокращались, чего нельзя было сказать о развивающихся странах. В этих государствах барьеры отсутствовали только для тех товаров, которые не могли конкурировать с их сельскохозяйственной продукцией.

3-я волна глобализации началась в 1980 году и длится по сей день. За это время многие развивающиеся страны изменили свою торговую политику и вошли в состав глобального рынка, сделав его, таким образом, действительно глобальным. Это привело, по высказыванию известного российского ученого Э.Г. Кочетова, к тому, что «на мировой карте наметились экономические границы, не совпадающие с национальными». И именно к этим границам стремятся сегодня в огромном количестве международные мигранты. Также сыграли свою роль всевозрастающий разрыв в уровнях экономического развития между развитыми и развивающимися странами, растущие диспропорции демографического развития и рынка труда. Политические события, изменившие карту мира, спровоцировали огромные потоки международных миграционных перемещений. Так, в соответствии с последними данными Центра по мониторингу внутренних перемещений населения (IDMC), за последние два десятилетия число природных катастроф увеличилось в два раза (с 200 до 400), в результате чего 38 млн. человек фактически стали экологическими беженцами¹. В то же

¹ WMR-2011, IOМ, p. 51.

время число людей, вынужденных сменить место жительства из-за военных действий, составило около 2,9 млн. в 2010 г.² Общие оценки количества международных мигрантов, базирующиеся в основном на информации переписи о количестве иностранных граждан, констатируют тот факт, что количество международных мигрантов в мире увеличилось на 6 млн. человек за период 1960–1970: с 76 млн. человек до 82 млн., и на 18 млн. за период 1970–1980 гг., достигнув 100 млн. в 1980 г. В период же с 1980 по 1990 гг. число международных мигрантов возросло на 54 млн. (World Economic and Social Survey, 2004, с. 24). Причем 27 млн. человек были вовлечены в миграционные процессы из-за распада в 1990 году Советского Союза на 15 независимых государств (ИОМ, 2006, с. 395). Подобного рода разрыв в эволюции численности международных мигрантов был также обусловлен распадом Чехословакии и бывшей Югославии, хотя количество людей, вовлеченных в этот процесс, было значительно меньше, чем при распаде СССР. По данным Международной организации по миграции, в 2005 году число международных мигрантов составляло 191 млн. человек, на сегодняшний же день число мигрантов уже составляет 214 миллионов, превысив показатель 1960 года почти в 3 раза! Отметим, что если прибавить к этим 214 млн. численность трудящихся – мигрантов вместе с членами их семей (250 млн. человек), численность нелегальных мигрантов (25-31 млн. чел.)³, сезонных и приграничных рабочих (более 10 млн. чел.)⁴, вынужденных мигрантов (42 млн. чел.), а также более 700 млн. эпизодических мигрантов (включая экономических туристов)⁵, то можно будет смело говорить о формировании «нации мигрантов» ежегодной численностью примерно в 1,1 млрд. человек.

Таким образом, несмотря на некоторое краткосрочное снижение численности международных мигрантов в мире, вызванное экономическим кризисом, мы можем констатировать, говоря о глобальных перспективах международной миграции населения, что «мир по истине пришел в движение» (Массей и др. 2005). В будущем миграционные процессы будут нарастать, независимо от препятствий, как реальных (один из примеров тому – попытка США возвести стену на границе с Мексикой), так и скрытых, выражающихся, в частности, в законах, направленных на сдерживание миграционных потоков. Особенно, если учесть факт нарастания демографического дисбаланса между богатым Севером и бедным Югом, который, с одной стороны, характеризуется быстрорастущим населением в развивающихся странах мира, а с другой – начавшейся в 70-е гг. XX века в некоторых западноевропейских странах естественной убылью населения,

² WMR-2011, ИОМ, р. 51.

³ Там же, р. 49.

⁴ Экспертная оценка авторов статьи.

⁵ Экспертная оценка авторов статьи.

которая ставит развитый мир перед угрозой вымирания. Этот дисбаланс и определяет ту особую роль, которую играет международная миграция в демографическом развитии: почти 90% общего роста населения в развитых европейских странах приходится именно на международную миграцию. Зависимость от иммиграционных процессов нашла свое отражение в ряде теоретических построений, из которых наибольшее распространение получила теория демографического перехода. На эволюции роли и места миграции в которой мы сейчас остановимся чуть подробнее.

Миграция населения занимает особое место в теории демографического перехода и в концепциях второго и третьего демографических переходов. Отметим, что вся эволюция этой теории связана именно с изменением места и роли в ней миграции населения: от полного исключения миграционной компоненты до ее ведущей роли в концепции третьего демографического перехода. При этом изначально теория демографического перехода основное внимание уделяла рождаемости, поэтому ее лучше было бы обозначать как концепцию natalистического перехода или, как «жизненный переход» (В. Зелинский). И не случайно в 1971 г. появляются две концепции (концепция эпидемиологического перехода А. Омрана и концепция мобильного перехода В. Зелинского), которые превращают ее в универсальную теорию демографического перехода в ее классическом варианте. Более того, будущее демографическое развитие практически всех развитых стран мира связано с миграцией населения. Отсюда возможно появление других сценариев этого будущего.

Теория демографического перехода разрабатывается различными авторами уже на протяжении трех веков. Ее истоки уходят к началу 1800 гг., когда сначала произошло снижение смертности, а затем и рождаемости в странах Западной Европы (в частности, во Франции). Эти процессы заставили ученых задуматься над вопросом о том, а что люди вообще знают о собственном развитии, и к чему могут привести наметившиеся изменения в естественном воспроизводстве населения. При этом влияние миграционной составляющей на демографическое развитие населения изначально не рассматривалось, что объясняется различными причинами и в частности – нехваткой статистических данных о миграционных процессах. Это довольно странно, т.к. на тот исторический период (1850–1939 гг.) безвозвратная миграция из стран Европы достигла наибольших масштабов (более 60 млн. чел.) (Ионцев 1999).

В период с 1830 по 1890 гг. многие демографические исследования были посвящены попыткам дать объяснение феномену снижения рождаемости. Особенно это характерно для работ французских ученых, т.к. устойчивое снижение рождаемости начало наблюдаться во Франции с 1830 г. Например, А. Дюмонт (А. Dumont) полагал, что возникновение этого феномена связано с отказом индивида «работать» на потребности общества и

началом преобладания индивидуалистических потребностей над коллективными (Dumont 1890: 130). А другой французский ученый Леруа-Больё (P. Leroy-Beaulieu) считал, что основная причина снижения рождаемости кроется в изменении норм морали и традиций, которые присущи каждому конкретному индивиду (Leroy-Beaulieu 1896: 614). Однако в классическом варианте теории демографического перехода моральные факторы не нашли отражения, что позволило отдельным ученым, например Клупту М.А., считать это одним из недостатков данной теории.

Интересно то, что несмотря на разные точки зрения, оба этих автора (Дюмонт и Леруа-Больё) заложили, по сути дела, одну из идей концепции второго демографического перехода, а именно: переход от буржуазной к индивидуалистической модели семьи.

В 1934 г. увидела свет классическая работа А. Ландри (A. Landry) «Демографическая революция», в которой он развивал теорию, основную роль в которой играет рационализация поведения индивида в области принятия решений относительно процесса рождаемости (Landry 1982: 186). Именно в этой работе появилась первая трех-стадийная модель демографического перехода.

В 1945 г. один из ученых Принстонского университета, К. Дэвис (K. Davis), опубликовал статью, в заголовке которой впервые был использован термин «демографический переход» (Davis 1945). Однако автором классической теории демографического перехода в ее наиболее полном и законченном виде считают американского демографа Ф. Ноутстайна (F.W. Notestein). При помощи разработанной им теории он попытался объяснить наблюдаемый рост населения Европы (Notestein 1983: 345–360). В 1946 г., выступая с речью, Ноутстайн отстаивал точку зрения, что теория, которую он разработал в своей статье, имеет универсальный характер, т.е. применима для всех стран.

В соответствии с классической версией теории демографического перехода предполагалось, что все страны мира пройдут в своем демографическом развитии определенные стадии или этапы. Так, первый этап характеризуется высокими уровнями рождаемости и смертности, ростом числа детей и относительно быстрой сменой поколений. На втором этапе происходит резкое снижение смертности при сохранении высоких уровней рождаемости, поэтому численность населения растет ускоренными темпами. Для третьего этапа свойственна стабилизация смертности на низком уровне, также происходит некоторое снижение уровней рождаемости. Однако тенденция роста численности населения по-прежнему сохраняется. Наконец, на четвертой стадии демографического перехода происходит снижение и затем стабилизация уровней рождаемости и смертности, а также последовательное снижение численности населения.

Автор классической теории, Ф. Ноутстайн, полагал, что разработанная им теория имеет универсальный характер, т.е. применима для всех стран. Но соответствует ли его утверждение действительности, и все ли страны последовательно пройдут все вышеперечисленные этапы? Способна ли она дать ответ о будущем демографическом развитии населения Европы при наблюдаемых изменениях? Ответ был отрицательным, особенно если учесть тот факт, что миграция была исключена из рассмотрения в работах вышеупомянутых авторов. Отметим, что в нашей стране также бытовало мнение, что «демографический переход – глобальная тенденция демографического развития, обязательная в той или иной форме для всех стран»⁶

В настоящее время среди демографов нет единого мнения о том, на каком этапе в соответствии с классической теорией демографического перехода находится сегодня та или иная страна мира. Как определить тот момент, когда заканчивается один этап и начинается другой, когда границы размыты и схематичны? Считается, что развивающиеся страны находятся на 2–3 этапе, а развитые европейские страны завершили 4 этап и уже вступили на путь второго демографического перехода.

Таблица 1

Оценка продолжительности фаз демографического перехода

Страны и территории	T1	T2-T1	T2	T3-T2	T3
Франция	1780	20	1800	-	-
Швеция	1790	80	1870	85	1955
США			1860	105	1965
Англия и Уэльс	1790	80	1870	95	1965
Бельгия	1800	80	1880	80	1960
Япония			1925	45	1970
Сингапур	1920	35	1955	15	1970
Гонконг			1955	15	1979

Примечание: T1-начало первой фазы, T2-второй, T3-третьей.

Источник: Баркалов «Моделирование демографического перехода». М.: Издательство Моск. Ун-та, 1984 г., с. 11.

В 1987 г. европейские демографы голландец Дирк ван де Каа (D. Van de Каа) и бельгиец Рон Лестег (R. Lesthaeghe) опубликовали статью «Второй демографический переход?», которая сначала не получила широкой известности из-за того, что была написана на голландском языке. Однако именно этими авторами были введены и раскрыты такие термины, как «первый демографический переход» и «второй демографический переход», которые обозначали два разных этапа демографического и социального развития стран Европы.

⁶ Региональные особенности воспроизводства и миграции населения в СССР. М., 1981, с.36; Воспроизводство населения СССР, с. 25.

При этом под первым демографическим переходом они понимают уже известные нам тенденции: последовательное снижение смертности в Европе, а затем, примерно с 1880 г., падение рождаемости.

Понятие второго демографического перехода вместило в себя те изменения в населении, которые наметились в Европе в конце 60-х – начале 70-х гг. Ван де Каа и Лестегом было отмечено, что помимо изменения уровня рождаемости, происходили важные изменения в структуре семьи: на смену буржуазной модели приходила индивидуалистическая модель (Ван де Каа 2002: 91), возросло число разводов, сожительства и внебрачной рождаемости. Авторы сделали особый акцент на различии в причинах снижения рождаемости. Если раньше снижение рождаемости было обусловлено заботой о семье и потомках, т.е. некими альтруистическими соображениями, то теперь на первый план вышли благосостояние и развитие индивида, нежелание нести бремя родительства.

Основным недостатком этой работы было также полное исключение из рассмотрения миграционной компоненты роста населения, что делало концепцию второго демографического перехода слишком упрощенной.

Однако уже в 1987 г. Ван де Каа, уже отдельно от Лестега, в своей монографии «Второй демографический переход в Европе» попытался исправить этот недостаток. Для начала, при кратком описании теории первого демографического перехода он подчеркивает огромную роль эмиграции в снижении давления населения, возникшего из-за разрыва уровней рождаемости и смертности в конце XIX – нач. XX вв (Ван де Каа 1987: 38–46). Далее, уже в рамках концепции второго демографического перехода, рассматриваются миграционные потоки в страны Западной Европы в историческом разрезе и их влияние на половозрастную структуру, уровни рождаемости, а также степень интегрируемости мигрантов в принимающее их общество.

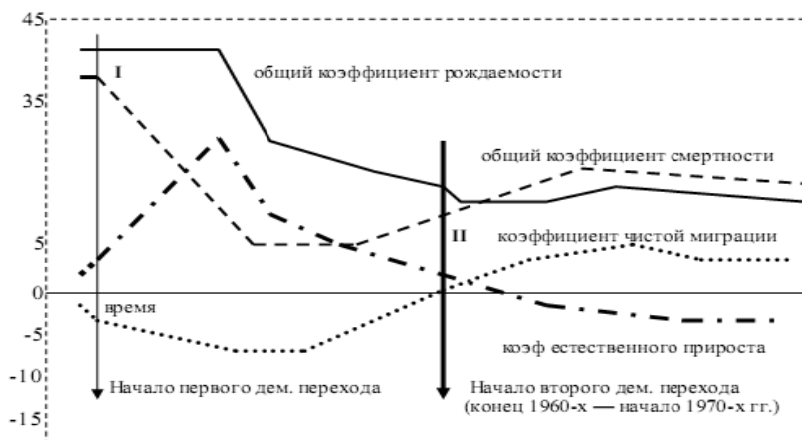
Одной из значимых вех можно считать выступление Ван де Каа с докладом «Европа и ее население: взгляд на перспективу» на Европейской конференции по народонаселению в Гааге. (1999 г.) В этом выступлении он представил модель демографического перехода, которая включала в себя величину чистой миграции (см. рис. 1).

В настоящее время демографы обсуждают концепцию третьего демографического перехода. Впервые этот термин использовал британский ученый Дэвид Коулмен в своей статье «Immigration and ethnic change in low-fertility countries: a third demographic transition». Данная статья сыграла огромную позитивную роль—она привлекла внимание мировой научной общественности к проблемам демографического развития и миграции населения. В этой связи значимость данной статьи сопоставима с новаторской работой В. Зелинского (1971 г.). В своих последующих работах он продолжает развивать эту концепцию на примере Великобритании и ряда

европейских стран⁷. Напомним, что суть концепции заключается в следующих тезисах:

1. Из-за низкой рождаемости в некоторых индустриальных странах происходят быстрые изменения в этническом составе населения развитых стран, возникающие из-за прямых и косвенных эффектов иммиграции. Это особенно стало заметно в последние несколько десятилетий.

2. Прогноз, основанный на правдоподобном допущении, предполагает, что если такое существенное изменение этнического состава населения сохранится, то это приведет к тому, что коренное население станет меньшинством, а затем произойдет «замещение» коренного населения большинства стран Западной Европы пришлым населением (Коулмен 2007: 12).

Модель первого и второго демографического перехода

Источник: ван де Каа, 1999.

Рис. 1. Модель первого и второго демографических переходов

Таким образом, Коулмену будущее развитых стран мира рисуется в пессимистичных тонах: «если рождаемость в европейских странах останется ниже уровня простого воспроизводства, то доля населения иностранного происхождения неизбежно будет возрастать, однако, вследствие политики натурализации оно уменьшится и исчезнет как статистически определенный объект»⁸. Для того, чтобы этого не произошло, Коулмен предлагает следующие меры: (1) повышать рождаемость среди коренных

⁷ См. статьи Коулмена в *Population and Development Review* за 2006, 2007, 2011 гг.

⁸ Коулмен Д. (2007) «Иммиграция и этнические сдвиги в странах с низкой рождаемостью—третий демографический переход в действии?». // Миграция и развитие: доклады и статьи ведущих секций и докладчиков международной конференции «Миграция и развитие», Москва, 13–15 сентября. М.: СП Мысль, Би эль Принт, стр. 29.

граждан, (2) все больше вовлекать женщин в экономическую жизнь, получая, таким образом, дополнительную рабочую силу, и (3) что важно, с нашей точки зрения, приостановить новую миграцию.

По нашему мнению, к выдвинутым Коулменом предложениям, есть ряд замечаний. Что касается повышения уровня рождаемости в западноевропейских странах хотя бы до уровня простого воспроизводства—to с этим положением сложно не согласиться. Более того, некоторые из них в последние годы уже подошли к этому уровню (например, Франция, в которой СКР достиг значения 2,1 ребенка на одну женщину репродуктивного возраста, Великобритания, в которой этот показатель достиг 1,9). Однако достичь уровня расширенного воспроизводства, на наш взгляд, вряд ли удастся в ближайшем будущем, исходя из тех изменений в отношении детей, которые описаны еще в концепции второго демографического перехода и развития такого явления, как чайлдфри, которое возникло в Америке в 1993 г. (а в 2006 г. и в России) и с каждым годом набирает обороты, а также распространение браков людей с нетрадиционной ориентацией и т.п. В обществе к таким парам может быть разное отношение, но с демографической точки зрения отношение может быть только одно – негативное.

Если же обратиться к тезису о более активном вовлечении женщин в экономическую жизнь, то в частности, опыт СССР показывает, что активное привлечение женщин без учета их семейного положения и количества детей может оказать лишь негативное влияние на будущее воспроизводство населения.

Наконец, третье: может ли мир, который пришел в движение, отказаться от новых мигрантов? Да, можно проводить политику, препятствующую привлечению новых иммигрантов, но вряд ли это поможет сократить растущие миграционные потоки. Такая политика лишь приведет к увеличению доли нелегальных иммигрантов.

Подводя краткие итоги, хотелось бы подчеркнуть, что миграция населения занимает особое место в теории демографического перехода и в концепциях второго и третьего демографических переходов.

Еще раз подчеркнем, что вся эволюция этой теории связана именно с изменением места и роли в ней миграции населения: от полного исключения миграционной компоненты до ее ведущей роли в концепции третьего демографического перехода. В то же время, третий демографический переход не является непосредственным продолжением второго демографического перехода, он является лишь одним из возможных сценариев будущего демографического развития развитых стран мира. Что же касается второго демографического перехода, то мы рассматриваем его как 5-ю стадию первого демографического перехода, на которую уже вступили развитые западноевропейские страны и на которую пытаются вступить ряд других развитых государств, в т.ч. и Россия.

Однако если говорить о третьем демографическом переходе, то как мы уже отмечали, это лишь один из возможных сценариев будущего демографического развития, в соответствии с которым исчезает коренное население принимающих стран. Именно такой пессимистически взгляд на будущее демографического развития натолкнул нас на необходимость разработки более оптимистичного сценария, который мы и обозначили как четвертый демографический переход. Назвав этот сценарий таким образом, мы хотели бы сохранить преемственность с классической теорией демографического перехода и показать, что возможны другие, более благоприятные пути демографического будущего для всех стран, идущих по пути демографического перехода. Это как раз то, о чем писал П. Демени в своей последней работе, говоря о том, что «...демографический переход в настоящее время достиг своей мнимой конечной точки, т.е. наблюдаются низкая рождаемости и низкая смертность» (Demeny 2011: 249).

Суть выдвигаемой нами концепции состоит в том, что миграция может стать положительным явлением для будущего демографического развития, которое учитывает как национальные, так и мировые интересы, через поощрение браков между коренным населением и мигрантами, в результате которых будут появляться дети, символизирующие рождение нового жизнеспособного населения. При этом хотелось бы особенно подчеркнуть, что мы говорим не просто о браках между людьми разной национальности, а именно о браках между мигрантами и коренным населением.

Отметим, что сама идея межэтнических браков восходит к глубокой древности: еще Александр Македонский рассматривал перемешивание наций как один из важных факторов сохранения и развития своей империи. Богатый опыт в этой области есть и у нашей страны, в которой корни такого явления как межнациональные браки уходят вглубь истории. В частности, они связаны, например, с монголо-татарским игом и появлением такой разновидности населения, как чингизиды, т.е. это люди, появившиеся в России благодаря бракам между русскими и монголо-татарами. Также это было связано с освоением обширных территорий России (Урал, Сибирь, Средняя Азия, Дальний Восток, Казахстан, Закавказье, Прибалтика), т.е. непосредственно с миграцией населения. В нашей стране, уже в более позднее время, была предпринята попытка создать особую общность – советский народ. Проводилась целенаправленная политика «в области формирования психологического климата межнационального общения» (Сусоколов 1987: 9), которая помогала властям поддерживать целостность государства и стабильность в нем, и благодаря этому решать экономические, социальные и демографические задачи. Об успешности проводимой политики можно судить по имеющимся статистическим данным. Так, в 1959 г. смешанных семей насчитывалось 5,2 млн. (10,2% от общего числа таких семей), в 1979 г. – 9,9 млн. (14,9%), а в 1989 г. – 12,8 млн. (17,5%),

т.е. примерно каждая шестая семья включала лиц разной национальности (Топилин 2010: 125).

Была выявлена закономерность между созданием межнациональных семей и миграцией. Этот тезис подтверждается, например, в исследованиях А.В. Топилина, который по данным переписей населения 1959 г., 1970 г., 1979 г. и 1989 г. составил таблицу, показывающую взаимосвязь между долей межнациональных семей и миграцией русских.

Таблица 2

Изменение темпов образования межнациональных семей за 1959–1988 гг. и миграция русских, тыс. чел.

	Среднегодовой темп прироста числа смешанных семей		1979–1988 в % к 1959–1978	Сальдо миграции русских				
	1959–1978	1979–1988		1959–1978	1979–1988	В % к численности русских		
						1959	1989	
1 группа								
Армения	1,1	-0,5		2,1	-25	4	37,5	
Туркмения	1,9	0,8	42	31,7	-37	5,5	10,6	
Казахстан	2	1,1	55	1140,6	-394	14	6,6	
Кыргызстан	1,2	0,7	58	150,8	-70	24,2	7,7	
Таджикистан	1,6	1,3	81	75,7	-37	13	9,4	
2 группа								
Литва	3,3	1,25	38	24,8	21	4,9	6,9	
Эстония	2,3	1	43	115,4	30	21	7,2	
Латвия	2,1	1,3	62	146,4	43	12,8	5,2	
Белоруссия	3,1	2	65	327,7	81	21,9	7,1	
Молдова	2,2	1,6	73	147,5	23	22	4,5	
Украина	1,9	1,5	79	1858,6	293	11,9	2,8	
3 группа								
Россия	1,9	2,1	111	-	4165,4	313	2	0,3
Азербайджан	0,3	0,4	133	-124,9	-80	12,4	16,8	
Узбекистан	1,25	1,9	152	336,3	-124	14,2	7,4	
Грузия	0,8	1,6	200	-115,5	-38	14,3	10,2	

Источник: Топилин А.В. *Взаимодействие миграционных и этнических процессов*. // М.: Эконом-Информ, 2010. С. 127.

А.В. Топилин условно разделил бывшие союзные республики на три группы. Так, в первой и второй группах в 80-е гг. в силу сокращения сальдо миграции русского населения, снизились темпы образования межнациональных семей. Что же касается третьей группы, то тут темпы образования межнациональных семей повысились. Для России это было связано

с начавшимся притоком русских, украинцев и белорусов, а также с миграцией представителей других народов. В частности, в этот период численность азербайджанцев, например, возросла на 148 тыс., армян на 126 тыс., молдаван на 58 тыс., узбеков на 51 тыс., грузин на 31 тыс., киргизов на 23 тыс., казахов на 18 тыс. (Топилин 2010: 128–129). Это не могло не сказаться на росте межнациональных семей в нашей стране, что мы и видим из представленной таблицы.

Однако у исследователей неизбежно возникает вопрос об устойчивости межнациональных браков по сравнению с однонациональными. Данная проблема изучена довольно слабо. Обратимся к исследованию стабильности межнациональных браков в Кишиневе, Тбилиси и Таллинне, которое было описано А.А. Сусоколовым. Он пришел к выводам, что «устойчивость брака определяется не только тем, однонациональный он или смешанный, но и тем, к какой национальности относится супруг» (Сусоколов 1987: 109), и что «наиболее устойчивы браки коренных национальностей. Браки, где один из супругов коренной национальности, а другой – русский, приблизительно также устойчивы, как однонациональные русские. Устойчивость смешанных браков ... определяется тем, насколько близки культуры народов, представители которых вступают в брак» (Сусоколов 1987: 110).

Таблица 3

Доля браков, заключенных в 1971 г. и распавшихся в последующие 8–10 лет, %

	Однонациональные семьи, где супруги:		Межнациональные
	Коренной национальности	Русские	
Кишинев	19%	33%	27%
Тбилиси	10%	15%	17%
Таллинн	26%	30%	39%

Источник: таблица составлена по данным исследования А.А. Сусоколова, с. 109–110.

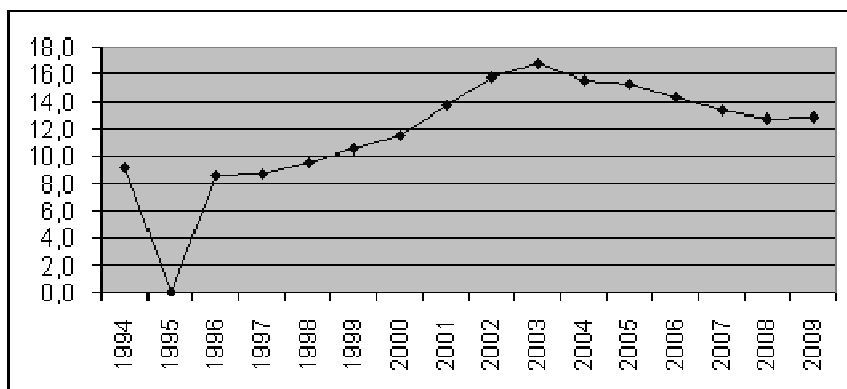
Особый интерес для демографов представляют дети, которые рождаются в результате смешанных браков, независимо от их устойчивости (в данном случае). Снова обратимся к данным по бывшим советским республикам. Так, в Тбилиси в 1983 г. среди распавшихся межнациональных семей 20% имели детей (Сусоколов 1987: 116). Дети от межнациональных браков могут оказать значимое влияние на численность населения как общества в целом, так и на численность того или иного этноса. Однако опасения, что межнациональные браки могут привести к ассимиляции, являются необоснованными. В частности, А.А. Сусоколов, опираясь на материалы переписей населения, пишет о том, что «средний размер межнациональных семей в Средней Азии и Закавказье ниже, чем у корен-

ных народов республик, но выше, чем у русских, украинцев и представителей других «европейских» народов, проживающих на территории республик. Следовательно, можно предположить, что число детей в межнациональных семьях и республиках этих регионов представляет как бы «компромисс» между средним уровнем детности у народов с разным уровнем рождаемости» (Сусоколов 1987: 118). При этом исследователь отмечает, что дети от межнациональных браков влияют не только на численность отдельных этнических групп и населения страны в целом (что с демографической точки зрения уже немаловажно), но и несут в себе «культурные навыки обоих «родительских» этносов», они более толерантны и склонны меньше акцентировать внимание на культурных различиях и больше подчеркивать сходства между различными этносами. Таким образом, дети от межнациональных браков действительно могут способствовать образованию нового населения, более терпимого, свободного от предрассудков, а также стать основой более здорового во всех отношениях общества, где взаимоотношения построены на терпении и взаимоуважении. Заметим, что тенденцию к повышению доли межнациональных браков отмечает и Коулмен, говоря о концепции третьего демографического перехода: «миграция из-за вступления в брак - главный канал миграции, все более ускоряющийся и открытый...рост межэтнических браков скорректировал бы спрогнозированные тенденции благодаря появлению нового населения смешанного происхождения» (Коулмен 2007: 39). Другой вопрос, что он считает, что межнациональные браки будут способствовать замещению коренного населения пришлым.

Хотелось бы отметить, что предлагаемый нами путь развития, а именно, четвертый демографический переход, является более оптимистичным, и в то же время, более актуальным в настоящее время для развитых европейских стран, нежели для России. Поскольку именно западноевропейская цивилизация находится в поиске путей решения своих демографических проблем, а численность мигрантов в этих странах неуклонно возрастает, порождая массу проблем, связанных с их адаптацией и интеграцией. При этом, как свидетельствует, например, французская статистика, в соответствии с переписью 1990 г., 12% семей, живущих во Франции, имеют в своем составе минимум одного члена-иммигранта, а 51% от всех браков-смешанные. Из этих 51%, 60% мужчин женаты на французских женщинах. Число смешанных браков значительно возрастает среди молодых людей, родиной которых являются Испания, Португалия, Алжир, Марокко, но которые при этом выросли во Франции. Например, половина мужчин и четверть женщин из Алжира живут с партнером-французом, родители которого являются французами. Как видно из представленного графика, доля смешанных пар во Франции достаточно высока.

Диаграмма 1

Доля смешанных браков во Франции, %, 1994–2009 гг.

Источник: INSEE, 2009 г.

Таким образом, смешанные браки уже становятся одним из инструментов с помощью которого можно было бы решать многочисленные задачи, стоящие перед лицом развитых государств в условиях сложившейся неблагоприятной демографической ситуации и растущей миграции, которая при это будет играть положительную роль, снимая напряжение в обществе. Но это может быть только в том случае, когда не проводится политика создания изолированных анклавов иммигрантов, что и стало причиной краха мультикультурной политики. Вместо создания этих анклавов, необходимо проводить политику, направленную на поощрение межнациональных браков между коренным населением и мигрантами.

Хотелось бы отметить, что выдвинутый нами сценарий будущего демографического развития требует дополнительного осмысления, новых исследований, новых социологических обследований, что поможет дать более убедительную трактовку четвертого демографического перехода.

Литература

1. Ван де Каа Д. (2002) О международной миграции и концепции второго демографического перехода // Мир в зеркале международной миграции. Научная серия «Международная миграция населения: Россия и современный мир» / Гл. ред. В.А. Ионцев. Вып. 10. М.: МАКС Пресс.
2. Ионцев В.А. (1999) Международная миграция: теория и история изучения. Научная серия «Международная миграция населения: Россия и современный мир» Вып. 3. М.: Диалог–МГУ.
3. Ионцев В.А., Прохорова Ю.А. (2011) Миграция населения в теории и концепциях демографического перехода. По какому пути пойдет Россия? //

Демографическое развитие России: задачи демографической политики и усиления социальной поддержки населения: Материалы Всероссийской научно-практической конференции 1-920 апреля 2011 г.

4. Коулмен Д. (2007) «Иммиграция и этнические сдвиги в странах с низкой рождаемостью – третий демографический переход в действии?». // Миграция и развитие: доклады и статьи ведущих секций и докладчиков международной конференции «Миграция и развитие», Москва, 13–15 сентября. М.: СП Мысль, Би эль Принт.

5. Прохорова Ю.А. (2011) Международная миграция населения в свете эволюции теории демографического перехода // Материалы Международного молодежного научного форума «ЛОМОНОСОВ-2011» / Отв. ред. А.И. Андреев, А.В. Андриянов, Е.А. Антипов, М.В. Чистякова. [Электронный ресурс] – М.: МАКС Пресс.

6. Сусоколов А.А. (1987) Межнациональные браки в СССР. М.: Мысль.

7. Топилин А.В. (2010) Взаимодействие миграционных и этнических процессов. // М.: Эконом-Информ.

8. Coleman D. (2006) Immigration and ethnic change in low-fertility countries: a third demographic transition // Population and development review 32(3).

9. Coleman D., Rowthorn R. (2011) Who's Afraid of Population Decline? A Critical Examination of Its Consequences // Demographic Transition and Its Consequences. A Supplement to Population and Development Review, Vol. 37.

10. Davis K. (1945) The world demographic transition // Annals of the American Academy of Political and Social Science.

11. Demeny P. (2011) Population Policy and the Demographic Transition: Performance, Prospects, and Options // Demographic Transition and Its Consequences. A Supplement to Population and Development Review, Vol. 37.

12. Dumont A. (1890) Depopulation et Civilisation. Etude Demographique // Paris, Lecrosnier et Babe, Libraires-editeurs.

13. Khalatbari P. (1983) The Demographic Transition – the Process of a Break in the Continuity of Population Movement // Demographic Transition, Akademie – Verlag, Berlin.

14. Landry A. (1982) La Revolution Demographique // INED, Paris.

15. Leroy-Beaulieu P. (1896) Traite Theorique et Pratique d'Economie Politique // Paris, Labrarie Guillaumin et Cie.

16. Massey Douglas, Arango Joaquin, Hugo Graem, Kouaouci Ali, Pellegrino Adela, Taylor Edward (2005) Worlds in Motion: Understanding International Migration at the End of the Millennium. Oxford University Press.

17. Notestein F.W. (1983) The speech in Population and Development Review, 9(1).

18. Van de Kaa D. (1993) Europe's Second Demographic Transition. Population Bulletin Vol. 42, № 1.

19. Zelinsky W. (1971) The Hypothesis of The Mobility Transition // Geographical Review, N:61.

***Ионцева С.В.,
Россия, г. Москва***

Экологические беженцы как глобальная проблема настоящего и будущего

В середине 90-х гг. вынужденная миграция населения, обусловленная природно-стихийными катастрофами и экологическими бедствиями, начинает рассматриваться как серьезная проблема – приблизительно 25 млн. экологических беженцев против 27 млн. обычных беженцев (по определению Конвенции 1951 г.). Однако на тот период времени казалось, что проблема носит хоть и масштабный, но больше региональный характер. Действительно, экологические беженцы наблюдались преимущественно в африканском регионе (Судан, Кения, Сомали и др.).

В 1999 г. Международный Красный крест также озвучил цифру 25 млн. человек, применительно к беженцам, покинувшим свои дома, в результате природных бедствий.

Спустя 10 лет, в 2009 г. Управление Верховного комиссара по делам беженцев (UNHCR) предположило, что из 36 млн. беженцев, 20 млн. можно отнести к экологическим.

Американская ассоциация содействия развитию науки (AAAS) отметила, что в результате таких факторов как обеднение почв, обезлесение, наводнение, индустриальные катастрофы и загрязнение, число экологических беженцев может приблизиться к 50 млн. человек в 2020 г.

Также высказываются предположения о том, что к 2050 г., число экологических беженцев превысит 150 млн. человек.

Данные прогнозы вполне реальны, учитывая, что уже сегодня численность экологических беженцев растет, опережая беженцев политических, которых насчитывается приблизительно 10,2 млн. человек.

Кроме того, необходимо принять во внимание и фактор «резкого взлета» численности экологических беженцев после масштабных природных и техногенных разрушений, что имело место после землетрясения на Гаити в 2010 г. и аварии на АЭС Фукусима 1 в Японии.

В настоящее время глобальный характер такого явления как экологические беженцы уже не вызывает сомнения. Вместе с тем, приведенные выше статистические данные носят весьма приблизительный характер. Дело в том, что до сих пор, несмотря на масштабный характер проблемы, ни один из терминов, будь то «экологические беженцы», или климатические беженцы» (climate change refugees), или «лица перемещенные в результате стихийных бедствий» (natural disaster displaced), не конкретизирован международным законодательством.

Соответственно, отсутствуют критерии, по которым лицо может быть отнесено к категории «экологического беженца», что в свою очередь, делает невозможным проведение точных статистических исследований.

Вообще, термин «экологические беженцы» стал актуальным в конце 80-х гг. прошлого века, после докладов Программы ООН по окружающей среде (UNEP) и Мирового Института (Worldwatch Institute). Последний дал широкое определение понятию, включающему всякого, *кто был вынужден оставить свое обычное место проживания из-за заметного ухудшения качества окружающей среды*, что может быть связано с непредвиденной экологической катастрофой (природного характера – ураганы, пожары, засуха, сход лавин, и т.д.; технологического характера – химические аварии, загрязнение воды, разлив нефти, и т.п.) представляющей реальную опасность для жизни и здоровья.

Одним из аспектов обозначенной проблемы являются «добровольные экологические мигранты», действия которых носят обдуманый и спланированный характер. Они имеют четкое представление о том, какой регион страны или иностранное государство станет для них новым местом проживания. Их цель не спасение своей жизни, а ее улучшение в более благоприятных экологических условиях.

Следует учитывать и тот факт, что миграция, вызванная иными причинами (например, политическими событиями), может иметь экологические последствия для территории, принявших мигрантов (Richmond A.H., 1995).

Еще один важный аспект проблемы, соотношение экологического и экономического фактора, что например, имеет место в таких регионах как Мексика и Индия. Без четкой законодательной базы разграничить причины, побудившие человека искать иное прибежище, представляется весьма затруднительным.

Другой важный вопрос, связанный с финансированием и поддержкой экологических мигрантов.

В Казахстане несколько лет существует ОФ «Центр поддержки экологических мигрантов Узбекистана», который, в лице своего президента Булешевой Д.Д. инициировали вопрос о необходимости юридической регламентации статуса экологического беженца в центрально азиатских государствах. Более того, ученые и специалисты из числа иммигрантов, предложили свой проект «Международного соглашения о статусе экологического беженца».

Возможно, таким способом действительно удастся привлечь внимание ученых и государственных структур к решению данной проблемы. Сложность заключается еще и в том, что нет единого взгляда на саму природу экологических беженцев. Существуют разные мнения относительно критериев, по которым лицо может быть отнесено именно к экологическим беженцам.

В качестве небольшого примера можно привести следующую ситуацию.

В Узбекистане хлопчатник является основной сельскохозяйственной культурой, экспорт которой ежегодно приносит одну пятую всех валютных поступлений в бюджет страны.

А для большинства земледельцев, он является и единственным средством к существованию.

Между тем, земледельцам все чаще приходится сталкиваться с катастрофической нехваткой воды. В результате без орошения остаются большие территории, гибнут посевы хлопчатника, риса и овощей. На выгоревших пастбищах массово гибнет скот. Следствием чего является полное разорение десятков тысяч личных и общественных хозяйств. Возникает угроза голода и распространения эпидемий, и следовательно волна вынужденной миграции направляется из пострадавших регионов во внутренние районы и сопредельные страны. Именно такая ситуация сложилась в Узбекистане в 2000 г.

И здесь возникает вопрос, считать ли данную группу лиц экологическими беженцами или трудовыми мигрантами?

Проблема нехватки воды является, наверное, наиболее значимой для центрально азиатских государств. В частности обмеление Аральского моря грозит странам данного региона, Таджикистану, Кыргызстану, Казахстану, Туркменистану и Узбекистану негативными экологическими и экономическими последствиями. Десятки тысяч людей вынуждены покидать свои дома.

В Нидерландах с 2002 г. существует организация поддержки экологических беженцев Living Space for Environmental Refugees (LiSER), которая занимается как помощью экологическим беженцам, так просветительской работой, в том числе и инициированием проектов, связанных с экологическими беженцами в международные организации по правам человека.

Резюмируя все вышеизложенное, следует отметить необходимость скорейшей разработки единой международной политики в отношении экологических беженцев, четкой регламентации правового положения экологических беженцев, возможно, создание специализированного подразделения в рамках УВКБ ООН.

Литература и источники

1. Ионцева С.В. Экономико-экологические и демографические процессы в развитии России. – Омск, 2009. 154 с.
2. Каламанов В.А, Моисеенко В.М и др. // Управление миграционными процессами / ГУУ.-М., 2003. 223с.
3. Richmond A.H. «The environment and refugees: theoretical and policy issues» // Population Bulletin of the United Nations, № 39, 1995.
4. McNeill L.R. «Population and the Natural Environment: Trends and Challenges» // The political economy of globalpopulation change 1950–2050 / P. Deme-ny, G.McNicol/ Population and development review/ Vol. 32, NY,2006.

5. Myers, N. (2001) Environmental Refugees: Our Latest Understanding, *Philosophical Transactions of the Royal Society B*: 356: 16.1-16.5.
6. <http://www.unhcr.org>.
7. <http://www.irinnews.org>.
8. <http://www.ferghana.ru>.
9. <http://www.contur.kz>.
10. <http://www.uznews.net>.
11. http://www.geneva-academy.ch/RULAC/international_refugee_law.php.
12. <http://www.liser.eu/>.
13. <http://geography.about.com/od/globalproblemsandissues/a/environmentalrefugees.htm>.

**Комбарова Т.В.,
Россия, г. Тюмень**

Причины смертности населения в Тюменском регионе (Работа выполнена при поддержке фонда РФФ, проект N 12-03-00304 а)

Низкая продолжительность жизни, высокая смертность населения в трудоспособном возрасте отличает Россию от экономически развитых странах и стран, уровень экономического развития которых близок российскому. В последние годы демографическая обстановка в Тюменской области стабильна. С 2000 года в регионе сохраняется естественный прирост населения. По коэффициенту рождаемости область занимает первое место в Уральском федеральном округе и 10 место в рейтинге Российской Федерации в 2010 году. Однако и по коэффициенту смертности регион также находится на 1 месте.

Таблица 1

Рождаемость, смертность, младенческая смертность [1]

	Общие коэффициенты рождаемости (число родившихся на 1000 человек населения)					Общие коэффициенты смертности (число умерших на 1000 человек населения)					Коэффициенты младенческой смертности (число детей, умерших в возрасте до 1 года, на 1000 родившихся живыми)				
	2000	2005	2008	2009	2010	2000	2005	2008	2009	2010	2000	2005	2008	2009	2010
Российская Федерация	13,4	10,2	12,1	12,4	12,5	11,2	16,1	14,6	14,2	14,2	17,4	11,0	8,9	8,1	7,5
Тюменская область	10,6	13,0	15,1	15,5	16,1	9,3	9,8	9,1	8,8	9,0	13,3	8,5	7,1	6,1	6,2
ХМАО	11,4	13,5	15,3	15,6	16,4	6,9	7,1	6,8	6,6	6,8	10,2	7,3	5,2	4,0	4,3
ЯНАО	11,7	13,6	14,5	15,1	15,8	5,6	5,9	5,4	5,4	5,5	14,4	11,2	11,4	10,7	12,2
Юг ТО	9,5	12,2	15,0	15,6	15,8	13,2	14,5	13,2	12,8	12,9	16,6	8,8	7,7	6,8	6,1
Место ТО в УрФО	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	3	1	1	1	2
Место в РФ	20	18	12	11	10	6	7	6	6	6	17	9	20	13	21

Продолжительность жизни населения Тюменской области, как и всей России, по западным меркам, невелика. Женщины живут на 5–6 лет дольше, чем мужчины.

Таблица 2

Ожидаемая продолжительность жизни при рождении [2]

Население	1997	1999	2000	2002	2004	2005	2006	2007	2008	2009
ТО в целом	65,3	67,8	67,7	66,7	66,6	66,8	68,0	68,6	68,9	69,5
в т.ч.										
мужчины	59,4	62,4	62,2	60,8	60,7	60,7	62,1	62,8	63,2	64,0
женщины	72,3	73,6	73,8	73,5	73,0	73,4	74,1	74,7	74,8	75,1
в т.ч.										
ХМАО	65,3	66,7	65,9	66,9	68,2	67,9	68,8	69,4	69,9	70,5
в т.ч.										
мужчины	60,2	61,4	59,9	61,6	62,2	62,6	63,3	63,8	64,5	65,2
женщины	71,1	72,6	72,6	72,4	73,0	74,0	74,7	75,2	75,4	75,8
ЯНАО	65,8	67,0	66,7	66,8	67,9	68,2	68,9	70,2	70,3	71,3
в т.ч.										
мужчины	61,1	62,1	61,6	62,3	63,0	62,6	64,7	66,6	66,1	67,8
женщины	71,3	71,2	72,3	71,8	73,2	74,3	73,3	74,6	74,7	75,5

В критический возраст вступило поколение, родившееся в военные в первые послевоенные годы. Однако рождаемость в ту пору не была высокой. Основная проблема заключается в смертности среди трудоспособного населения. По данным статистики в регионе сложилась следующая картина. В развитых странах, и по России в целом, первое место среди причин смертности держат болезни системы кровообращения, затем онкологические заболевания. В Тюменской области второе место из года в год держит смертность «от внешних причин», куда входят: несчастные случаи, отравления, травмы, убийства, самоубийства и прочее, что не связано ни с одним заболеванием. Таблица 1 показывает, что на юге области смертность гораздо выше, чем в округах, и она включает все виды ее причин. Объяснение наличием «более пожилого» населения на юге области может только завуалировать проблему. За счет активной миграции доля лиц старше трудоспособного возраста в ХМАО и ЯНАО не так велика, на юг области и за пределы региона уезжают в основном пенсионеры. Статистика говорит о том, что умирают в основном мужчины трудоспособного возраста. Сравнительно меньшая статистика смертности в Ямало-Ненецком округе (помимо смертности от внешних причин) объясняется тем, что в нее входит в основном постоянно живущее население, а работающие вахтовым методом в эту статистику не входят, если только они не попадают в разряд смертей от несчастных случаев, отравлений и травм. Ситуация с населением, проживающим на юге области, очень тревожная и требует пристального внимания, так как она говорит прежде всего о социальном нездоровье.

Смертность особенно высока у мужчин в трудоспособном возрасте. Численность женщин старше трудоспособного возраста в регионе в три

раза выше, чем мужчин этого же возраста. В исследовании «Социокультурный портрет региона» в ответе на вопрос о причинах меньшей продолжительности жизни мужчин преобладают субъективные, внутренние причины – наиболее значимой жители региона считают недостаточную заботу мужчин о своем здоровье и потребление ими некачественного алкоголя. Примечательно, что тяжелая, вредная работа по значимости находится, по мнению респондентов, на третьем месте [3, 39].

Однако, судя по самооценке респондентов, участвовавших в исследовании, мужчины более оптимистично относятся к своему здоровью [3, 53].

Таблица 3.

Жители Тюменской области о состоянии своего здоровья (в разрезе округов), 2010 г. (в % от числа опрошенных)

	Юг ТО		ХМАО		ЯНАО	
	Мужчина	Женщина	Мужчина	Женщина	Мужчина	Женщина
Нормальное здоровье	41,9	37,8	42,7	34,7	43,7	36,0
Временами болею	36,2	39,4	31,4	40,8	33,1	40,8
Часто болею	9,9	7,0	6,1	7,4	7,1	9,9
Хронический больной	7,4	8,3	7,3	8,3	6,8	8,9
Инвалид	1,5	4,3	2,5	2,8	3,4	1,3
Затрудняюсь ответить	1,1	2,2	5,0	2,0	4,0	1,3
Отказ от ответа	1,9	1,1	5,0	4,0	1,9	1,9
Всего	100	100	100	100	100	100

Особенное беспокойство вызывает ситуация с младенческой смертностью (табл. 1). С 2000 г. шло снижение младенческой смертности в регионе, однако данные 2010 г. показали существенное снижение только на юге области (на 0,7 по сравнению с 2009 г.). В ХМАО, где с 2008 по 2009 г. коэффициент младенческой смертности снизился на 1,2, в 2010 г. по сравнению с 2009 г. он вырос на 0,3. Но хуже всего обстоит дело в ЯНАО. По сравнению с 2009 годом коэффициент младенческой смертности вырос на 1,5, составил 12,2, это больше показателя даже 2005 года (11,2). И если вся Тюменская область (с округами) по этому показателю занимает 21 место в Российской Федерации, ХМАО – 2 место (несмотря на некоторое увеличение коэффициента младенческой смертности), то ЯНАО – 77 место в Российской Федерации по показателю коэффициента младенческой смертности.

С вступлением в силу Положения о «Материнском капитале» повысилась рождаемость, однако смертность в младенческом возрасте отнюдь не уменьшилась. Причины в этом случае нужно искать не только в дефиците квалифицированных медицинских кадров, оборудования родовспомогательных учреждений. Необходимо серьезно учитывать влияние низкого уровня здоровья матерей, поздние роды (часто первые роды после 30 лет). Переходный период в стране отрицательно сказался на состоянии репро-

дуктивного здоровья населения, что отражается на качестве здоровья новорожденных и перспективе сохранения их жизни. В 90-е годы родились и выросли дети, вступившие в настоящее время в репродуктивный возраст.

Значительное снижение смертности может быть достигнуто в результате глубоких изменений не только в индивидуальном поведении человека, но и в отношении общества, государства к охране здоровья и жизни людей, что находит отражение в росте затрат на нужды здравоохранения. Рост затрат на охрану здоровья – свидетельство значительных перемен во всей системе общественно-индивидуальных ценностей. Однако в России делаются только первые, довольно робкие шаги по изменению системы финансирования здравоохранения, утвердив национальные проекты, введя родовые сертификаты и материнский капитал. Однако пока сохраняется финансирование охраны здоровья по остаточному принципу. Пренебрежение ценностью человеческой жизни как на уровне государства, так и на общественном уровне и даже в индивидуальном сознании сохраняется. Роль средств массовой информации в деле пропаганды здорового образа жизни пока трудно оценить как положительную.

Исходя из вышесказанного, можно выделить основные направления деятельности по снижению смертности в Российской Федерации: улучшение условий жизни населения, борьба с бедностью, пропаганда здорового образа жизни, трансформация здравоохранения в систему охраны здоровья.

Литература

1. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2011: Стат. сб. / Росстат. – М., 2011. Раздел 3 «Население».
2. Статистический ежегодник: Стат. сб. в 4-х частях. /Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Тюменской области. – Т., 2011. Ч. 1.(I). С. 105. Ч. 2. С. 24, 26. Ч. 3. С. 24, 25.
3. Социокультурный портрет Тюменской области: коллективная монография / науч. Ред. Г.Ф. Ромашкина, В.А. Юдашкин. Тюмень: Изд-во ТюмГУ, 2011. 356 с.

***Кузнецов Н.Г.,
Россия, г. Москва***

Иностранная трудовая миграция в России: проблемы и перспективы

Международная миграция населения относится к числу крупномасштабных, глобальных и набирающих все большую силу общественных процессов современности.

В последние десятилетия на общем фоне интенсификации людских потоков усилилась концентрация мигрантов в экономически развитых странах.

Проблема притока иностранной рабочей силы в России в последние годы стала обвальной и неконтролируемой. При отсутствии внятной миграционной политики темпы нерегулируемой миграции могут привести к социальной напряженности и межнациональным конфликтам. Угроза вполне реально, т.к. мигранты расселяются компактно, ведут закрытый образ жизни, при постоянном давлении со стороны правоохранительных органов и неформальных молодежных объединений, происходит озлобление и увеличение недовольства, которое в любой момент может самым неожиданным образом перерасти в беспорядки. Наглядными примерами могут служить события во Франции, Англии, Германии и Италии.

Отсутствие расчетов в потребности иностранной рабочей силы, прозрачность границ, проблемы в оформлении разрешений на работу, коррупция создают благоприятную почву для увеличения нелегальных (незаконных) мигрантов, численность которых, по оценкам специалистов находится в пределах 5–12 млн. человек.

В настоящее время в Российской Федерации сложилось как минимум, три ключевых противоречия в области миграционной политики. Первое заключается в том, что концепция регулирования миграции не соответствует концепции демографической политики, хотя первая должна органично вытекать из второй. Во-вторых, есть значительные противоречия между федеральными и региональными уровнями миграционной политики. Регионы имеют разные цели и задачи в сфере регулирования миграции, в то время как федеральная миграционная политика не предусматривает различий между регионами. В-третьих, значительная часть российского населения не готова к приему мигрантов, даже русскоговорящих. В стране распространено интолерантное отношение к мигрантам, как на бытовом уровне, так и среди некоторых представителей власти. Поток мигрантов, как правило, состоит из людей иной культуры, не владеющих русским языком, с низким уровнем образовательного и культурного образования и особенно важно с отсутствием или низкой квалификацией.

Количество постоянных иммигрантов и временных трудовых мигрантов из-за рубежа должно быть «привязано» к параметрам социально-экономического и демографического развития России. Аргументы в пользу увеличения иммиграционного потока не учитывают внутренние резервы страны в области повышения рождаемости и снижения преждевременной смертности, использование трудового потенциала групп населения как безработные, молодежь, пенсионеры и инвалиды. Необходимо отметить, что в России более 6,3 млн. безработных россиян, при этом ежегодно в стране работает легально 2,5 млн. трудовых мигрантов из-за границы и приметно 5–7 млн. нелегально. Какое количество мигрантов следует приглашать и принимать – принципиальный вопрос для страны. Большое значение для демографического состояния страны имеют эмиграционные про-

цессы из России. Начиная с 1989 года из России в страны дальнего зарубежья, выехало более 1,2 млн. человек. Проблема заключается в том, что выезжают в основном люди трудоспособного и моложе трудоспособного возраста, с высоким уровнем образования. Из России эмигрируют специалисты в сфере космических технологий, прикладной и теоретической физики, компьютерных и тонких химических технологий, биохимии и микробиологии, генетики и математики.

Демографические проблемы (рождаемость, смертность, миграция) должны и стали во главу угла деятельности Правительства. Недаром 7 мая 2012 г. в день инаугурации Президентом РФ подписано сразу три Указа направленных на решение демографических проблем: «О совершенствовании государственной политики в сфере здравоохранения», «Об обеспечении межнационального согласия» и «О мерах по реализации демографической политики Российской Федерации».

Возникает вопрос о своевременности этих указов – они должны быть приняты 8–12 лет назад и уже принесли бы положительные результаты.

Отсутствует контроль за расселением мигрантов: из двух путей осуществляется самый невыгодный для процесса ассимиляции – создаются анклавов, где приезжие живут замкнутыми диаспорами. Говоря на своем языке, не знакомясь с культурными традициями принимающих территорий, мигранты остаются чужеродными в российском обществе. В последние годы наблюдается значительный рост преступности мигрантов. Данные МВД РФ не отражают истинной картины, так как статистика корректируется. Часть нарушений просто не регистрируется и не входит в учет. Наличие нелегальной миграции создает благоприятную среду для коррупции и экономических преступлений. Немаловажное значение имеет экологический вред для окружающей среды. Возникшие малоэтажные дома-гостиницы в Подмоскowie вмещают от 200 до 500 мигрантов. Дома, зачастую, не имеют централизованной канализации, и стоки отравляют окружающую среду.

Не регулируемая, стихийная миграция наносит вред:

- экономический: значительная часть мигрантов получает деньги без уплаты налогов в бюджет, создает условия для коррупции;
- экологический: рост численности мигрантов и их компактное расселение загрязняет окружающую среду;
- социальный: российские граждане не могут найти работу из-за того что рабочие места занимают мигранты, что грозит социальным взрывом;
- санитарно-медицинский: проживание большими группами может привести к распространению болезней и эпидемий.

Мигранты не имеют возможности получать медицинскую помощь и проходить обследование, стационарное лечение так же не доступно.

Не решен вопрос о пенсионном обслуживании.

Проблему возможно решить с введения визового режима въезда мигрантов в Россию и налаживания четкого контроля за их нахождением и передвижением. Намечаемые меры по созданию банка данных по учету миграции не осуществлены. Используя накопленный опыт в странах Европы и Америки, позволили бы России создать действенную миграционную концепцию. Создание Евразийского экономического сообщества создаст проблемы в миграционной политике, меру по решению которых должны разрабатываться заблаговременно. Опыт по учету трудовых мигрантов из Белоруссии показал свою несостоятельность, что вызывает вопросы как с белорусской стороны, так и российской.

Миграционная политика должна быть направлена на укрепление экономического состояния России и соблюдения прав мигрантов, что соответствовало бы международным конвенциям по миграции.

***Кузьмин А.И., Кузьмина А.А.,
Россия, г. Екатеринбург***

Мотивация самосохранительного поведения населения Уральского района

Для выбора целей демографической политики в сфере стимулирования самосохранительного поведения большое значение имеет определение внутреннего смыслового содержания ценности жизненного пути мужчин и женщин. Естественно, что данные таблиц смертности при всей их репрезентативности и точности сроков дожития не в силах раскрыть вопрос мотивации продолжительности жизни основных групп населения, того или иного региона России. Социологические выборочные обследования Минздравсоцразвития очень часто нацеленные на исследование самочувствия респондентов и выявление «вредных привычек» в лучшем случае поднимаются до включения в свои программы индикаторов отношения к нормативной и желаемой продолжительности жизненного пути. Вступивший в действие новый Федеральный закон Российской Федерации от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» порадовал нас особым вниманием к проблемам формирования здорового образа жизни населения¹ и стимулирования в нашей стране массового процесса «хэлстранжизии»². В связи с этим, мы предприняли не-

¹ Федеральный закон Российской Федерации от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» // [электронный ресурс] URL: [http «ПГ»](http://pg) – Федеральный выпуск № 5639.

² James C. Riley The Timing and Pace of Health Transitions around the World // Population and development review/ volume 31, number 4, December 2005. P. 741–742.

большой обзор состояния мотивации продолжительности жизни в основном опираясь на результаты собственных исследований на Урале. Опросы, проведенные по личной инициативе и по заданию Департамента молодежи Свердловской области по проблемам устойчивости молодой семьи, брачности и разводимости содержали индикаторы мотивации намерения прожить свой жизненный путь. Обратимся к этому материалу. Научная гипотеза исследования основывалась на признании ведущей роли самосохранительного поведения в системе видов демографического поведения семьи и личности. Мы предполагали, что демографическое поведение тесно связано с самосохранительной ориентацией во всех сферах своего проявления, будь то миграция или рождаемость, контрацептивное или матримониальное поведение населения. В основу программы исследования были положены стратегии исследования, предложенные Л.Е. Дарским, А.И. Антоновым, В.А. Борисовым, Л.Л. Рыбаковским, А.А. Петраковым и др. исследователями поставившими проблему самосохранительного поведения населения, семьи и личности в современной России на научный уровень.

В конце прошлого века нами была разработана специальная программа исследования самосохранительного поведения, которая содержала проективные вопросы о нормативной (Л.Е. Дарский), ожидаемой и желаемой продолжительности жизненного пути респондента, а так же индикаторы мотивации прожить намеченный жизненный путь, которые были сформулированы в ходе обобщения ответов на открытые вопросы по этому поводу, что сняло ситуацию навязывания значимости заранее сформулированных подсказов респондентам.

В ходе выборочного обследования персонала предприятия Уральского подшипникового завода (УПЗ)³ в г. Екатеринбурге в 1997 г. были выявлены мотивы желания прожить свой жизненный путь. Респондентам был предложен вопрос: «Если Вы желаете полностью прожить намеченный Вами жизненный путь, то с чем Вы это связываете, отметьте 2–3 мотива». Частота ссылок на мотивы намерения прожить свой жизненный путь у респондентов обоего пола оказалась следующей, % от числа опрошенных.

Итак, в 1997 г., на первом месте мотивы привязанности к родным и близким, на втором – актуальная заинтересованность в достижении материального благополучия. На третьем месте – стремление достойно прожить свою жизнь. Мотив самоактуализации себя в работе – на четвертом и желание

³ В настоящее время это известное своей нестабильной работой в годы реформ оборонное предприятие в центре г. Екатеринбурга, увы, больше не существует. В результате банкротства оно ликвидировано. На его месте в центре г. Екатеринбурга сегодня располагается современный жилой комплекс «Бажовский». Таким образом, многие из опрошенных нами на УПЗ в 1997 г. работников пережили в прямом и переносном смысле свое предприятие. Обследование было проведено под руководством А.И. Кузьмина.

участвовать в процессе воспитания и социализации внуков – на пятом. На «*футурологический мотив*» жить дальше, исходя из интереса к будущему, сослалась лишь *четвертая часть* опрошенных мужчин и женщин.

Таблица 1

**Мотивация самосохранительного поведения у мужчин и женщин
в г. Екатеринбурге, 1997 г., % опрошенных**

Мотивы, % опрошенных	мужчины	женщины	оба пола
Как можно дольше быть с родными	44,9	62,3	53,5
Работать и больше сделать в жизни	39,7	23,3	31,6
Узнать, что будет дальше	26,9	22,1	24,5
Так продиктовано свыше	9,0	10,4	9,7
Достойно прожить каждый период жизни	37,2	39,0	38,1
Достичь большего материального благополучия	47,4	40,3	43,9
Так поступают в основном все	2,6	1,3	1,9
Занять почетное место должителя	3,8	3,9	3,9
Передать свой опыт внукам, внучкам	25,6	16,7	21,3

Вмешательство гендерного фактора позволяет говорить о различной мотивационной направленности жизненного пути у мужчин и женщин в содержательном плане. Иерархия ценностей типа «эмоциональное общение с родными – материальное благополучие семьи – полноценность существования» присуща женщинам, тогда как «мужская» ориентация подчинена прежде всего целям достижения материального благополучия, внутрисемейного общения, карьере (работе) и лишь затем – «достойному существованию».

В психологии жизненного пути мужчины выражены приоритеты экономического и социального плана: личные материальные интересы, стремление больше работать и сделать в жизни, а также передать свой жизненный опыт «через поколение». У мужчин ярче проявился познавательный интерес к жизни.

Характерно, что ссылки на фаталистические и религиозные мотивы оказались незначительными, что противоречит размерам официально заявляемой религиозной аффилиации респондентов. В целом, мотивация жизненного пути связана, прежде всего, с желанием как можно дольше быть в кругу семьи (53,5%). Особенно заметна ориентация такого рода у женщин. То же относится и к мотиву улучшения материального благополучия (43,9%). Мужчины в два раза чаще сослались на мотив и желание работать и что-то сделать в жизни. Высоко оценен познавательный (*ког-*

нитивный) интерес к жизни (24,5%), причем в этом женщины не уступают мужчинам. Третье место в мотивации занял мотив потребности достойно прожить каждый период жизни (38,1%), что явилось неожиданностью в сложившихся условиях выживания семьи и личности. Каждый четвертый из опрошенных выразил стремление к передаче своего жизненного опыта потомству, внукам и внучкам. Особенно заметно этот мотив выражен у мужчин. На фаталистические мотивы сослалась всего десятая часть опрошенных мужчин и женщин.

Следует подчеркнуть, что значимость фактора здоровья как ценности управляющей поведением человека растет прямо пропорционально числу лет образования, возрасту и ухудшению самочувствия опрошенных. При одинаковом образовательном цензе в группах мужчин и женщин оценки значимости здоровья как основной жизненной ценности были одинаковыми.

Более высокие установки на продолжительность жизни ассоциируются с кругом семейных (домохозяйственных) ценностей, потребностью в общении и в поддержании контактов с родными и родственниками. Не коррелирует с продолжительностью жизни ценности спорта и туризма. В старших возрастных группах значимость ценности материального благополучия снижается, альтруизма растет, особенно заметно – у мужчин. Наиболее адекватное самосохранительное поведение демонстрируют, судя по оценкам перспектив дожития, люди в возрасте 30–39 лет.

Таблица 2

Мотивы прожить жизненный путь, % опрошенных

Мотивы жизни	Половозрастные группы молодежи					
	оба пола	муж.	жен.	14–19	20–24	25–29
Достойно прожить свою жизнь	58,3	58,7	58,0	56,0	59,1	59,5
Как можно дольше быть с родными и близкими	55,4	46,2	62,0	52,9	57,1	55,0
Работать, сделать карьеру	42,8	42,5	43,1	48,9	43,2	38,7
Достичь материального благополучия	41,8	41,0	42,4	40,4	42,9	43,2
Узнать, что будет в дальнейшем	20,4	25,4	16,7	21,8	18,5	21,6
Стать долгожителем и передать свой опыт детям и внукам	10,2	11,9	8,9	11,1	10,7	9,0
Поддерживать свое здоровье	10,2	10,1	10,3	8,4	10,4	11,3
Другое	7,1	9,5	5,4	10,2	4,6	7,7

Обследование молодежи в Ханты-Мансийском автономном округе (ХМАО) и Свердловской области в 2006–2007 гг. было направлено на выяснение социальных проблем, самочувствия и самосохранительной ориентации в группах молодых людей 16–29 лет (в группах учащейся и работающей молодежи, с выделением занятых малым бизнесом и групп сель-

ской молодежи). Отметим, что именно в подростковых и допризывных возрастах самосохранительное поведение молодежи еще не устоялось и не имеет четких ориентиров, т.е. оно еще не сформировано полностью. В данных возрастных группах активизируются политическое и идеологическое влияние на сознание и психику молодых людей, включая патриотическое и военно-патриотическое воспитание. Обратимся к мотивам прожить, намеченный жизненный путь в различных возрастных группах молодежи.

Общая иерархия выявленных мотивов дожития необычна. На первом месте стремление достойно прожить свою жизнь (но у женщин более значима ориентация на родных и близких). Однако данный индикатор трудно интерпретировать – он слишком абстрактен для понимания простого человека – скорее всего речь идет о качестве жизни человека. На втором месте у мужчин – желание как можно дольше быть с родными и близкими. У женщин на первом плане – мотив семейного общения, что не мешает высокой профессиональной ориентации девушек и нацеленности на материальное благополучие. Против обыкновения, мотив футурологического плана оказался не на третьем, а на пятом месте, что удивляет. При этом наиболее любопытными, в смысле интереса к будущему, оказались юноши, а не девушки. Бросается в глаза весомость иных, нераспознанных мотивов дожития в подростковой группе молодежи. Именно в подростковом периоде завершается формирование самосохранительной установки личности у юношей и девушек, тогда как репродуктивных – в дошкольные годы. В целом, значение ценности здоровья в подростковой группе низкое, как и заинтересованность в преемственности поколений.

Последующие выборочные обследования позволили выделить специфику мотивации самосохранительного поведения населения не только в городских округах, но и в сельских районах как урбанизированного, так и традиционного типа. Такая попытка представилась возможной в 2008–2009 гг. в Ханты-мансийском районе ХМАО при разработке Концепции демографического развития района на период до 2015 г.

Переходя к конкретным оценкам продолжительности жизненного пути, отметим, что при относительно плохом самочувствии оценки продолжительности жизненного пути были завышены респондентами. Нормативная оценка продолжительности жизни в сельских поселениях была выше, чем в урбанизированных зонах и значительно превысила порог 80 лет.

Наиболее высоки нормы дожития в местных сообществах Нялинского, Сибирского, Кышика, Кедрового и Цынгалы (90–84 года). Чем это объяснить мы не знаем, учитывая, что район первенствует в округе по показателям медицинской статистики алкоголизма и психических расстройств, так же текущей статистики ЗАГСов по смертности (повышенному уровню преждевременной смертности в подростковых и рабочих возрастах пере-

численных муниципальных образований). Для коррекции ментальных норм дожития используем индикатор отношения к продолжительности собственного жизненного пути респондента.

Таблица 3

Прожить долго – значит прожить сколько лет, %

Нормы дожития	Кышик	Ня-линское	Шапша	Луговское	Сибирский	Кедровый	Красно-ленинский	Цыганлы	Горноправдинск
менее 50 лет	0,0	0,0	0,0	4,1	2,2	0,0	9,8	0,0	6,1
50–59 лет	0,0	0,0	5,3	2,0	0,0	1,4	4,9	0,0	0,0
60–69	25,0	6,7	0,0	2,0	2,2	4,3	4,9	15,0	6,1
70–79	0,0	33,3	31,6	19,4	16,9	24,3	19,5	15,0	18,2
80–89	0,0	13,3	47,4	31,6	30,9	31,4	26,8	45,0	35,4
90–99	62,5	13,3	5,3	22,4	20,6	22,9	14,6	10,0	17,2
100–109	12,5	6,7	5,3	17,3	16,9	15,7	17,1	15,0	14,1
более 110	0,0	26,7	5,3	1,0	10,3	0,0	2,4	0,0	3,0
Среднее число лет	88,3	90,6	83,1	85,5	90,0	86,2	81,1	84,0	84,1

Таблица 4

До сколько лет мог бы дожить, если бы условия жизни не изменились, % к итогу

	Кышик	Ня-линское	Шапша	Луговское	Сибирский	Кедровый	Красно-ленинский	Цыганлы	Горноправдинск
менее 50 лет	0,0	0,0	11,8	4,3	3,5	0,0	6,7	7,7	4,5
50–59 лет	0,0	0,0	0,0	7,2	3,5	7,4	0,0	7,7	9,0
60–69	0,0	10,0	5,9	11,6	27,1	22,2	13,3	23,1	20,9
70–79	75,0	50,0	29,4	34,8	20,0	25,9	30,0	30,8	26,9
80–89	25,0	20,0	35,3	17,4	17,6	16,7	16,7	7,7	25,4
90–99	0,0	10,0	5,9	14,5	17,6	20,4	10,0	15,4	0,0
100–109	0,0	10,0	5,9	10,1	7,1	7,4	20,0	7,7	13,4
более 110	0,0	0,0	5,9	0,0	3,5	0,0	3,3	0,0	0,0
Среднее число лет	77,0	80,5	78,5	78,0	78,6	78,8	81,7	74,4	75,6

Как мы видим, оценка собственного жизненного пути намного скромнее оценки норм дожития в своей среде. Разрыв жизненных планов с нормативными очень высок. В свою очередь заявленная ожидаемая продолжительность жизненного пути высока по сравнению с данными медицинской статистики о продолжительности жизни в Ханты-Мансийском районе.

Таблица 5

**Мотивация на то, чтобы прожить свой жизненный путь (2035 ответов),
% к итогу**

Мотивы-ценности	Кышик	Нялинское	Шапша	Луговское	Сибирский	Кедровый	Красно-ленинский	Цынгалы	Горноправдинск
Как можно дольше оставаться с родными и близкими	18,2	17,6	12,9	25,0	25,3	18,2	17,3	8,9	9,7
Иметь высокий стабильный доход	13,6	8,8	8,1	10,9	7,5	9,9	14,5	8,9	14,6
Воспитать детей, дать им «дорогу в жизнь»	18,2	23,5	24,2	24,2	23,0	24,9	27,3	24,4	21,7
Повысить свой статус, достичь успеха, сделать карьеру	4,5	0,0	1,6	2,3	8,6	2,2	6,4	6,7	9,4
Дождаться рождения внуков и правнуков	13,6	17,6	27,4	21,5	19,0	22,7	19,1	35,6	23,2
Узнать, что будет дальше в будущем	9,1	11,8	9,7	5,1	7,8	7,7	10,9	4,4	8,2
Дождаться, когда дети встанут на ноги и смогут обеспечивать меня и помогать в старости	13,6	11,8	12,9	7,8	7,2	9,4	2,7	6,7	10,9
Ради возможности пользования социальными льготами	0,0	5,9	3,2	2,3	1,7	3,3	1,8	2,2	1,1
Другое	9,1	2,9	0,0	0,8	0,0	1,7	0,0	2,2	1,1

Другой особенностью сельчан является совпадение во всем массиве опрошенных величин жизненного пути у мужчин (78,8 лет) и женщин (79,9), тогда как у горожанок оценки намного скромнее и реалистичнее, чем у мужчин. В определенном смысле, данные цифры можно использовать как идеальные ориентиры демографической политики в регионе.

Что касается полученных данных, то самые высокие оценки жизненного пути характерны для Красноленинского и Нялинского (81–82), тогда как в Кышике, Горноправдинске и Цынгалы отмечены самые низкие оценки своего жизненного пути (77–74 года).

Судя по структуре мотивации на первое место в Ханты-Мансийском районе выходит мотив, который в городах занимает лишь третье место – «дождаться рождения внуков и правнуков», затем следует еще один пронатальный мотив – «воспитать детей, дать им «дорогу в жизнь». На третьем месте первенствующий в городах мотив сплоченности с семьей и родственниками – «как можно дольше оставаться с родными и близкими». Футурологический мотив – «узнать, что будет дальше в будущем» оказывается аутсайдером, но не полным, занимая четвертое место. Стабильный доход и карьера – на пятом и шестом местах соответственно. Интересно, что у исследователей обобщивших ситуацию с самосохранительными установками методом выборок по всей стране результаты такие же.

Первый мотив наиболее значимо проявляет себя в таких поселениях района как Цынгалы, Шапша, Кедровый. География второго пронатального мотива – «воспитать детей и «дать дорогу им в жизнь», – такая же, включая Красноленинский. Таким образом, самосохранительная мотивация тесно завязана на ценности репродуктивного характера.

Мотив сохранения близости с родными и близкими характерен для Луговского и Сибирского в большей степени, чем для других поселений. Футурологическая направленность проявляется в отношении к продолжительности жизненного пути, прежде всего у жителей Нялинского, Шапши и Красноленинского. Мотив ориентации на пользование благами и льготами для поддержания продолжительности жизни малозначим (!). Это важно учесть при разработке мер демографической политики.

В сельской местности имеются значительные гендерные различия в мотивации на ожидаемую продолжительность жизненного пути.

Женщины намного выше оценивают значимость поддержания отношений с родными и близкими, то же самое относится и к ожиданию неких ценностей от общения и эмоционально-чувственных контактов с внуками и правнуками (23%). Ориентация на ожидаемый доход у женщин вообще низкая. Удивительно, что задачи воспитательного плана оставляют за собой столько же мужчин, сколько и женщин. Может быть, в этом проявляет себя специфика сельского образа жизни опрошенных? А вот «футурологические мотивы» на селе оказались значительно меньше выражены, чем у горожан – всего 7–8 %. Таким образом, у жителей села в самосохранительной мотивации более сильно выражены ценности межпоколенного и воспитательного плана. В целом структура мотивов дожития вновь подтвердила гипотезу о значимости семейного фактора и ценности детей для формирования благоприятной направленности мужчин и женщин на продолжительность своего жизненного пути.

Таблица 6

Мотивы прожить свой жизненный путь у мужчин и женщин, % к итогу

Мотивы	Мужчины	Женщины
Как можно дольше оставаться с родными и близкими	15,1	20,5
Иметь высокий стабильный доход	14,9	9,4
Воспитать детей, дать им «дорогу в жизнь»	24,3	23,9
Повысить свой статус, сделать карьеру, достичь успеха, уважения на работе	4,1	5,1
Дождаться рождения внуков и правнуков	18,2	23,1
Узнать, что будет дальше, какой будет жизнь в скором будущем	8,2	7,4
Дождаться, когда дети встанут на ноги и смогут обеспечивать меня и помогать мне	8,8	8,2
Ради возможности пользоваться социальными благами и льготами, предоставляемыми мне государством (предприятием, местной властью)	5,3	1,4
Другие цели или ожидания	1,2	1,0

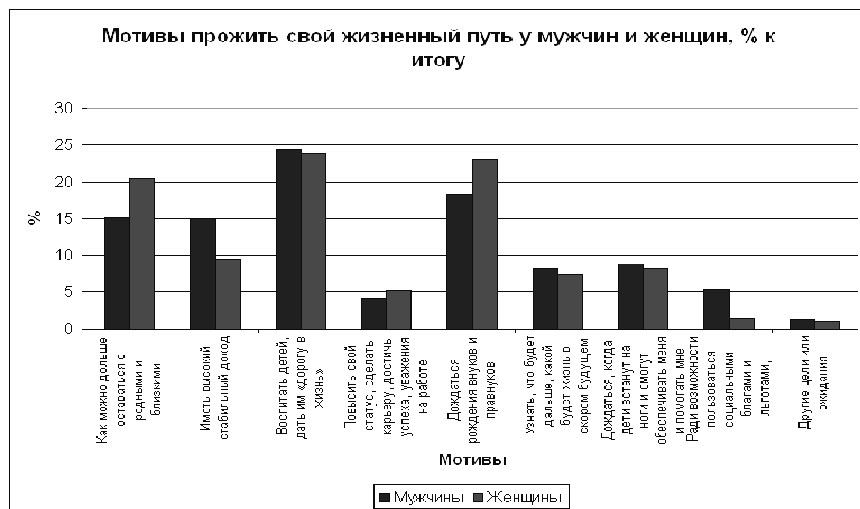

Рис. 1

На наш взгляд, с позиции исследования стратегий самосохранительного поведения следует выделять не только ценности, но и антиценности такового (наподобие анализа ценностей и антиценностей репродуктивного поведения семьи и личности). При этом в наших исследовательских программах структура мотивов ССП не всегда совпадает с приоритетами и ценностями реализовать свой жизненный путь у других исследователей самосохранительного поведения различных когорт населения. Так, например, судя по результатам А.Е. Ивановой на первые места в мотивации самосохранительного поведения молодежи выходят такие ценности как «желание увидеть

внуков», «пожить для себя не работая», не разлучаться с супругой (ом), близкими людьми, продолжать помогать своим детям, когда те станут уже взрослыми, воспользоваться пенсионными накоплениями, статусом пенсионера и просто продолжать активно работать в пенсионном возрасте⁴. Часто выделяемые в той или иной программе исследования видов демографического поведения факторы, условия или проблемы, ведущие к отсутствию демографического события (в данном случае достижению желаемой продолжительности жизненного пути, степени психосоматического благополучия или состояния здоровья индивида) значимы для оценки респондентом деструктивной стороны или антиценности здорового образа жизни.

Проведенный летом 2010 г. в 18 регионов России по заказу Министерства здравоохранения и социального развития РФ опрос молодежи 18–35 лет (более одной тысячи человек) позволил установить ссылки молодых людей на обстоятельства, которые, по их мнению, «помешают» в той или иной степени реализации желаемой продолжительности их жизненного пути. Из представленного А.Е. Ивановой перечня факторов к антиценностям мы бы в первую очередь отнесли у мужчин не ссылки на ухудшающуюся экологическую ситуацию и опасность загрязнения окружающей среды (44,8 и 44,9 % у мужчин и женщин), а такие мотивы как страх недостаточной социальной поддержки людей в старости (мужчин считающих данный фактор как очень мешающий – 36,2% и женщин – 36,7%, т.е. гендерной дифференциации показателей практически в этом случае практически нет). Третий по степени влияния – фактор (антиценности ССП) наличие плохого уровня здравоохранения и недоступности медицинской помощи в современной России для пожилых и престарелых (что отмечается при проведении выборочных обследований социальных проблем россиян уже не первый раз). На четвертом месте следуют такие антиценности как опасения рисков бедности в старости (у мужчин – 27,2% и у женщин – 31,7%). Заметим, что они имеют четко выраженный гендерный аспект Данные ссылки совпадают по частоте с фактором неуверенности в завтрашнем дне (что характерно для формулировок защитной мотивации – 26,4 и 29,0%). Лишь после этого следуют традиционные ссылки на материальные и жилищные затруднения, столь часто встречаемые при отказе от ребенка или при производстве аборт (25,9 и 26,4%). На синдром занятости, плохих условий труда и профзаболеваний ссылается почти каждый четвертый молодой человек и пятая часть лиц женского пола в молодежных когортах. Остальные антиценности и самые главные в рациональном смысле из них – плохое самочувствие и здоровье у молодых людей встречаются лишь в каждом десятом случае. Немногим больше ссылаются на страх одиночества (13,2% у мужчин и почти 17% – у женщин)⁵.

⁴ Иванова А.Е. Установки молодежи на продолжительность жизни // Демографическое развитие России: задачи демографической политики и усиления социальной поддержки населения. Материалы Всероссийской научно-практической конференции 19–20 апреля 2011 г. С. 118.

⁵ Там же, с. 123.

**Курило И.А.,
Украина, г. Киев**

Естественное движение населения Украины: итоги последнего тридцатилетия

С 1970-х гг. в большинстве европейских стран началось довольно быстрое сокращение численности новорожденных по сравнению с количеством умерших и существенно снизился коэффициент естественного прироста населения. В Украине же последнее тридцатилетие стало периодом ее постепенного «сползания» в депопуляцию: именно на рубеже 1970–1980-х гг. устойчивая естественная убыль населения стала фиксироваться в сельском населении Украины, в дальнейшем захватывая и городские поселения ряда регионов страны. Потребовалось еще чуть более десяти лет, чтобы депопуляция в Украине вышла на общенациональный уровень – с 1991-го г. отрицательное сальдо естественного движения населения в целом стало неотъемлемой чертой демографической ситуации в стране.

Целью данного исследования стало обобщение итогов естественного движения населения Украины за последнее тридцатилетие, рассмотрение эндогенных факторов-составляющих и последствий естественной убыли населения в стране, раскрытие современных качественных сдвигов в воспроизводстве населения на основе демостатистической обработки и анализа соответствующих данных за указанный период.

Демографическое неблагополучие в нашей стране – достаточно запущенная проблема, обострение которой в течение длительного времени стимулировалось рядом факторов экономического, социально-культурного, институционального характера, которые, в свою очередь, обуславливали преимущественно неблагоприятные тенденции демографических процессов. Влияние рождаемости и смертности на результаты естественного движения населения в Украине в течение исследуемого периода порою бывало разнонаправленным и в целом неоднозначным. Так, если в первой половине 1980-х гг. углубление негативных тенденций естественного движения населения объяснялось неблагоприятным воздействием фактора смертности, а динамика рождаемости им еще противодействовала, то в следующее пятилетие (когда на уровне смертности отразились результаты антиалкогольной кампании в СССР) динамика этого демографического процесса, наоборот, слабо «сопротивлялась» сокращению естественного прироста населения, которое в этот период уже обуславливалось весьма ощутимым снижением рождаемости. В итоге в последнее десятилетие советской эпохи коэффициент естественного прироста населения в Украине неуклонно снижался: в 1980–1984 гг. – со среднегодовым темпом

0,6%, в 1985–1989 гг. – соответственно уже 13,3%. Привлекают внимание также довольно высокие темпы роста естественной убыли сельского населения уже в первой половине 1980-х гг. и ускоренное снижение естественного прироста населения в городах Украины – во второй.

Следующее пятилетие (уже трансформационного периода) поражает скоростью и масштабами разворачивания депопуляции в Украине: ее мощным внутренним катализатором выступило как стремительное падение рождаемости, так и ускоренный рост смертности (причем и то, и другое было наиболее ярко выраженным в городах). Вторая половина 1990-х гг. мало отличалась от первой по характеру протекания процессов естественного движения населения, разве что скорость падения рождаемости и особенно темпы роста смертности в конце 1990-х гг. стали заметно ниже, чем в предыдущее пятилетие, при этом в сельской местности медико-демографический фактор даже стал «конкурировать» с неблагоприятной динамикой рождаемости, проявив себя, хотя и весьма слабо, как положительный фактор естественного воспроизводства. Углублению депопуляции в Украине в целом в этот период противодействовал лишь структурный фактор – возрастной состав населения.

В итоге в первой половине 1990-х гг. в Украине фиксировались рекордно высокие темпы прироста естественной убыли населения – ее интенсивность увеличивалась ежегодно в среднем более чем на 1/5; в течение следующего пятилетия повышение уровня естественной убыли в целом продолжалось, однако происходило уже с определенным замедлением темпов. «Пиковые» же показатели естественной убыли населения в стране (-7,6%) были зафиксированы на рубеже XX и XXI веков (в 2000–2001 гг.).

В отличие от России, где естественная убыль населения хотя бы отчасти компенсировалась положительным сальдо миграции, в Украине в течение десяти лет (с 1994 по 2004 г.) негативные последствия депопуляции усиливались отрицательным сальдо внешней миграции. Однако и с момента, когда баланс миграционного движения населения в стране стал положительным (с 2005 г.), он остается слишком незначительным для того, чтобы существенно компенсировать естественную убыль населения Украины.

В первом десятилетии нового века интенсивность депопуляционных процессов в Украине преимущественно снижалась. Превалирующим фактором этого сокращения выступила положительная (с 2002 г.) динамика рождаемости, влияние которой было наиболее четко выраженным в городских поселениях страны и наиболее сильным – в 2005–2009 гг. по сравнению с первой половиной данного десятилетия. Динамика же смертности в 2000–2004 гг. противодействовала сокращению масштабов депопуляции в городах и селах Украины (причем в сельской местности ее негативное влияние было преобладающим). Однако стабилизация, а в последние годы

и снижение общего уровня смертности в Украине позволили переломить тенденцию отрицательного влияния этого фактора на результаты естественного движения населения страны в 2005–2010 гг.. Таким образом, сокращение масштабов депопуляции в Украине в первом десятилетии XXI века было обусловлено в основном влиянием динамики рождаемости при преимущественно благоприятном воздействии структурного фактора и положительной динамике смертности в последней трети этого десятилетия. Если в первые пять лет нового века показатель естественной убыли населения изменился незначительно (особенно застойной была его динамика в селах), то в последующие годы в Украине фиксировались достаточно высокие темпы уменьшения коэффициента естественной убыли населения: около 10% ежегодно в среднем за 2005–2010 гг. При этом более высокими темпами сокращение естественной убыли населения происходило в городских поселениях страны.

Более детализированные оценки влияния динамики возрастного состава на демографические процессы, выполненные с использованием модели стабильного населения, свидетельствуют, что почти два десятилетия независимости Украины возрастная структура населения положительно влияла на его естественное движение. Наиболее существенным это благоприятное влияние структурного фактора на демографические процессы было на рубеже столетий, когда показатель рождаемости реального населения достигал самых низких значений (а был бы, если бы не действие структурного фактора, еще в полтора раза меньше). Коэффициент смертности же реального населения в Украине в 1998–2001 гг. был вдвое меньше, чем соответствующий показатель для стабильного населения,

Вместе с тем анализ соответствующих показателей в разрезе типа поселения свидетельствует, что общее благотворное влияние структурного фактора на демографические процессы в Украине в первые восемь-девять лет периода ее независимости формировалось за счет городских поселений страны, в то время как в сельской местности возрастная структура населения, наоборот, стимулировала снижение рождаемости до 1998 г. и действовала в сторону повышения смертности – до 1997 г. Далее же в новейшей демографической истории украинского села последовал период положительных изменений в возрастном составе населения (1997–2007 гг.) – результат демографической волны, которая благоприятно отразилась на общих уровнях рождаемости и смертности, однако ныне ее «ресурс» уже исчерпан.

В целом же значительно более высокая интенсивность естественной убыли населения и долговременность депопуляции в сельской местности, где она сопровождается еще более долговременным миграционным оттоком сельского населения, является отличительной чертой естественного воспроизводства населения в Украине. Кроме того, анализ баланса естест-

венного движения населения с учетом его отличий по полу показывает, что во временном измерении естественная убыль раньше охватила женщин (как демографически более старый контингент населения), чем мужчин.

О тесной связи между высоким уровнем постарения населения и интенсивностью его естественной убыли свидетельствуют и результаты анализа территориальной дифференциации итоговых показателей естественного движения населения в Украине. Так, среди регионов страны наиболее поздним переходом к режиму естественной убыли населения и меньшей ее интенсивностью (а порою и «выходом» из данного режима в последние годы) выделяются западные области Украины, для которых традиционно характерна высокая детородная активность населения и сравнительно невысокий уровень его старения. В отличие от них, северо-восточные области с наиболее высоким уровнем старения населения характеризуются ранним разворачиванием депопуляции, ее высокой интенсивностью и менее ощутимыми изменениями к лучшему и в последние годы.

Следует особо отметить также весомость и специфичность влияния рождаемости на итоговые показатели естественного воспроизводства населения в Украине в период ее независимости. В условиях преобладания неблагоприятных или же стагнационных тенденций продолжительности жизни в течение нескольких последних десятилетий само старение населения в стране происходило именно под воздействием фактора рождаемости и, к тому же, на уровень показателей старения немалое влияние оказывали «приливы демографических волн», обусловленных перепадами рождаемости в ретроспективе. Ускоренное же падение рождаемости с конца 1980 – начала 1990-х гг. фактически ознаменовало кризис воспроизводства населения Украины: оно перестало себя воспроизводить, что «засвидетельствовал» обобщающий показатель воспроизводства населения – его нетто-коэффициент. К концу последнего десятилетия XX – началу первого десятилетия XXI века обновление поколений в Украине в целом обеспечивалось менее чем наполовину, а последнее же время (как и шестнадцать лет назад) – чуть более чем на 2/3.

То обстоятельство, что при более высокой детородной активности и, соответственно, значении нетто-коэффициента воспроизводства, сельское население оказалось охваченным депопуляцией заметно раньше, чем городское, а горожане, несмотря на низкие значения нетто-коэффициента воспроизводства, определенное время «удерживали» естественный прирост населения, обусловливается отмеченными ранее особенностями – различиями возрастного состава городского и сельского населения страны.

К последствиям же существенных перепадов динамики рождаемости в Украине в постсоветский период, которые будут сказываться на возрастном составе населения и воспроизводстве населения и в перспективе, следует прежде всего отнести существенные колебания численности населения и его отдельных возрастных контингентов, что влечет за собой соот-

ветствующие перепады демографической нагрузки и является катализатором процесса старения населения в те или иные периоды. В целом же переход к режиму естественной убыли населения и перспектива ускорения процесса старения в Украине диктуют необходимость адаптации ее социально-экономической системы к новым демографическим реалиям, поиска путей замещения количественного роста населения новыми современными формами его развития.

**Кучмаева О.В., Петрякова О.Л.,
Россия, г. Москва**

Динамика рождаемости и меры семейной политики в современной России

Устойчивая тенденция роста рождаемости наблюдается с 2003 г, в 2009 г. общий коэффициент рождаемости составил 12,4‰, 2010 г. – 12,6‰. Однако, даже возросший уровень рождаемости (1,537 ребенка в расчете на 1 женщину в 2009 г.)¹ не обеспечивает простого замещения родительских поколений (2,1–2,2 ребенка на одну женщину). Несмотря на то, что идеалом в обществе остается двухдетная семья, среди домохозяйств, имевших детей до 18 лет, за межпереписной период (1989–2002 г.) повысилась доля однодетных – до 34% в 2002 г. против 30% в 1989 г., в то же время сократился процент семей с 2 детьми (соответственно, 15 и 23%), тремя и более детьми (3 и 6% соответственно).

Проводимые меры демографической и семейной политики нацелены сохранить тенденцию увеличения рождаемости. Прирост общего коэффициента рождаемости в 2006–2008 гг. составил 16,3%, 2006–2009 гг. – 19,2%. Расчет индекса общего коэффициента рождаемости показал, что позитивное влияние структуры женского населения на рост показателей рождаемости к 2009 г. практически исчерпало себя. Стандартизация специального коэффициента рождаемости за 2007–2009 гг. косвенным способом ($F_{ст}^{косв} = F^0 \frac{\sum F_x W_x}{\sum F_x^0 W_x}$) показала, что за счет роста интенсивности

рождаемости в 2007 г. специальный коэффициент увеличился на 8,2%, в 2008 г. – на 15,1%, в 2009 г. – на 18,6% (по сравнению с 2006 г.). Благоприятная демографическая структура населения, влияние мер демографической политики, реализуемой государством, повышение уровня рождаемости в возрастных группах женщин репродуктивного возраста (в том числе в возрастах 25–29 лет – на 16,4%, 30–34 лет – на 36,3%, 35–39 лет –

¹ В тезисах используются статистические данные, размещенные на официальном сайте Росстата: <http://www.gks.ru>.

на 48,6%, 40–44 лет – 67,7%) – как совокупность факторов позволили повысить специальный коэффициент рождаемости.

Ретроспективный прогноз специального коэффициента рождаемости на 2007–2009 гг. по данным за 1987–2006 гг. по кубической модели ($y = 78,6352 - 8,1225x + 0,4310x^2 - 0,0062x^3$) показал, что в случае сохранения тенденций специальный коэффициент рождаемости составлял бы в 2007 г. 40,7‰ (фактически 41,4‰), в 2008 г. – 42,5‰ (фактически 44,6‰), в 2009 г. – 44,4‰ (фактически 46,6‰). Налицо воздействие иных факторов, не определяемых долговременной тенденцией изменения интенсивности рождаемости. К аналогичным выводам приводит и расчет гипотетического числа рождений за 2007–2009 гг. при условии сохранения возрастных коэффициентов рождаемости на уровне 2006 г. В этом случае в 2009 г. родилось бы 1484331 детей (фактически 1761687 детей).

Если в 2008 г. увеличение интенсивности рождаемости в большей степени коснулось сельского населения, то к 2009 г. ситуация выровнялась. Прирост специального коэффициента рождаемости в 2006–2008 гг. для городского населения составил 17,2%, 2006–2009 гг. – 23,2%, для сельского населения соответственно 21,5% и 24,2%. Рост интенсивности рождаемости сопровождался снижением доли детей родившихся вне брака. С 1997 г. мы не располагаем данными официальной статистики о распределении родившихся по порядку очередности рождений у матери, однако ведомственная статистика Пенсионного фонда РФ (по поданным заявлениям на выдачу материнского капитала)² свидетельствует, что в целом 2007–2010 гг. доля детей, родившихся вторыми и последующими по очередности у матери (а так же усыновленными) составляла 42,7% от всех родившихся. Сопоставление этих данных со структурой семейных домохозяйств с детьми по числу детей (по данным переписи 2002 г.) позволяет говорить об определенном росте в последние годы рождений вторых и далее по очередности детей.

Подтверждением выводов о характере изменения характеристик рождаемости выступают и результаты специальных выборочных обследований населения. По данным обследования «Семья и рождаемость», проведенного Росстатом в 2009 г., четверть опрошенных женщин, родивших второго ребенка в 2007–2009 гг. отметили, что на принятие решения о рождении ребенка повлияла реализация мер демографической политики³. Для перспектив рождаемости важно, насколько долговременным будет этот эффект и какими мерами демографической политики в ближайшей перспективе будет дополнен. Пока обращает на себя внимание снижение

² Информация Пенсионного фонда Российской Федерации http://www.pfrf.ru/press_center/29367.html.

³ Семья и рождаемость: Основные результаты выборочного обследования. 2009 год. / Росстат. М.: ИИЦ «Статистика России», 2010. – с. 5.

темпов прироста показателей рождаемости: для общего коэффициента рождаемости они сократились с 2007 г. к 2009 г. на 6,2 п.п. и достигли 1,6% в 2010 г. Снизилась и темпы прироста специального коэффициента рождаемости (сокращение коснулось и всех возрастных групп женщин): если в 2007 г. по сравнению с 2006 г. он увеличился на 9,8%, то в 2009 г. только на 4,5%.

Источники

1. Официальный сайт Пенсионного фонда Российской Федерации http://www.pfrf.ru/press_center/29367.html
2. Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики: <http://www.gks.ru>
3. Семья и рождаемость: Основные результаты выборочного обследования. 2009 год./Росстат. М.: ИИЦ «Статистика России», 2010.

**Лифшиц М.Л.,
Россия, г. Москва**

Глобальные закономерности и перспективы России: может ли международная миграция восполнить естественные потери трудовых ресурсов в 2012–2028 гг.

Численность экономически активного населения РФ снижается третий год подряд. До сих пор это снижение было незначительным и не оказывало негативного влияния на экономический рост, так как безработица снижалась быстрее (рис. 1).

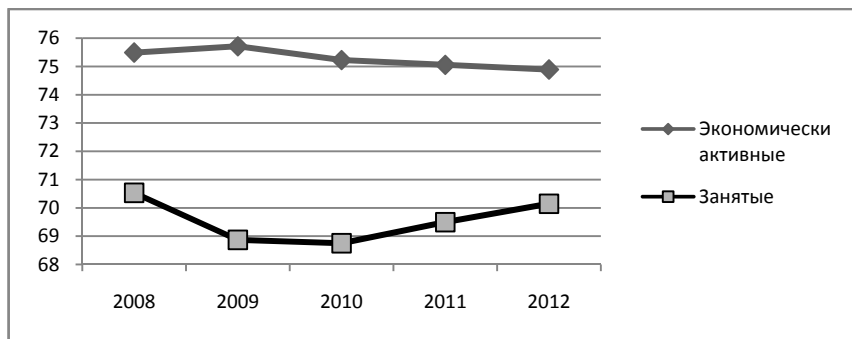

Рис. 1. Среднемесячная численность экономически активного и занятого населения в январе–апреле, млн. человек

Источник: за 2011–2012 гг. – Росстат, данные за 2008–2010 гг. скорректированы автором в соответствии с итогами переписи населения.

Однако резервы снижения безработицы уже практически исчерпаны, а убыль трудовых ресурсов РФ в ближайшее время будет ускоряться (рис. 2).

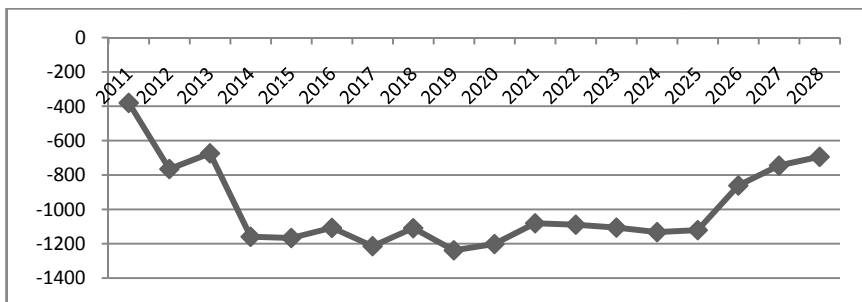

Рис. 2. Оценка изменения численности людей в возрасте 18–64 в России за год, без учета миграции, тысяч человек

Рассчитано автором по итогам переписи населения и возрастным коэффициентам смертности в 2010 году (данные о смертности: www.mortality.org).

Убыль трудовых ресурсов не обязательно должна оказывать негативное влияние на экономическое развитие страны. Так, в Германии за 10 лет (2001–2010) численность людей возрастной группы 15–64 уменьшилась на 3.3%, но при этом подушевой ВВП увеличился на 9.7%, а объем экономики – на 9.0% – за счет роста производительности труда. В США в 1985–2010 гг. производительность труда увеличивалась каждые 15 лет более чем на 30%. Тем не менее, предстоящая убыль в России численности людей в возрасте 15–64 за 2012–2025 гг. на 14.2% (без учета миграции) представляет серьезную проблему. Поэтому актуален вопрос: в какой мере способна смягчить эту проблему международная миграция.

Если продолжатся существующие тенденции (рис. 3), то с 2014 года чистый приток мигрантов наверняка будет меньше естественной убыли трудоспособного населения, причем в течение 2015–2025 гг. проблема дефицита трудовых ресурсов будет усугубляться.

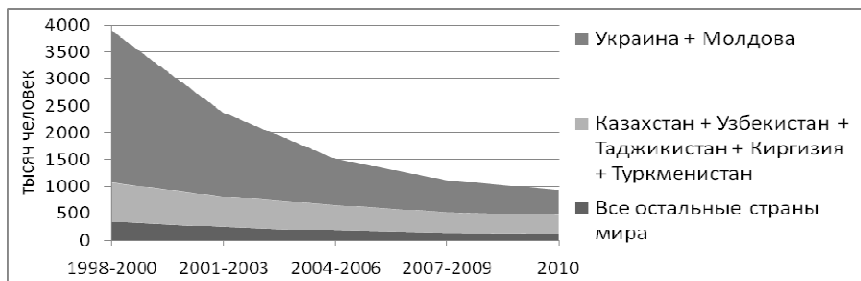

Рис. 3. Сальдо пересечения российской границы иностранными гражданами, тысяч человек в год

Источник данных: «Численность и миграция населения РФ», статистический альманах. М., Росстат, выпуски 1999–2011 гг.

В пользу гипотезы об изменении этого тренда можно привести только один довод: снижение численности собственных трудовых ресурсов России. Все остальные факторы говорят о продолжении тенденции к снижению чистого притока мигрантов в Россию.

Прежде всего: основные миграционные доноры России – страны постсоветского пространства. Демографическая динамика в этих странах сходна (рис. 4), поэтому похожими будут и тенденции на рынках труда.

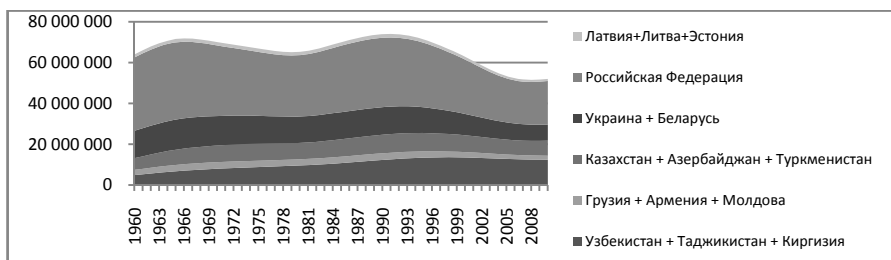

Рис. 4. Численность детей 0–14 лет в постсоветских странах, человек
Источник данных: Всемирный банк, 2012.

Рисунок 5 характеризует изменения на рынке труда за 15 лет после года, обозначенного на графике. 1995-й год – точка локального максимума. Это означает, что в 2010 г. ситуация с трудовыми ресурсами в России достаточно благоприятна, и одновременно миграционное давление со стороны 11 постсоветских государств довольно велико. После 2010 г. ситуация кардинально меняется: начинается снижение численности трудовых ресурсов в России, и, видимо, одновременно ускорится снижение чистой миграции из стран постсоветского пространства.

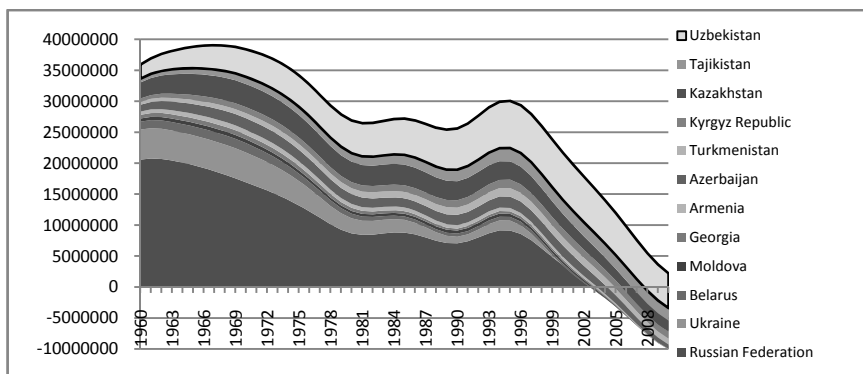

Рис. 5. Разность между численностью людей в возрасте 0–14 и 50–64 в 12 постсоветских государствах в 1960–2010 гг., человек
Построено автором по данным Всемирного банка, 2012.

В этом же направлении действует уменьшение разрыва в уровне жизни россиян и населения основных миграционных доноров РФ (рис. 6).

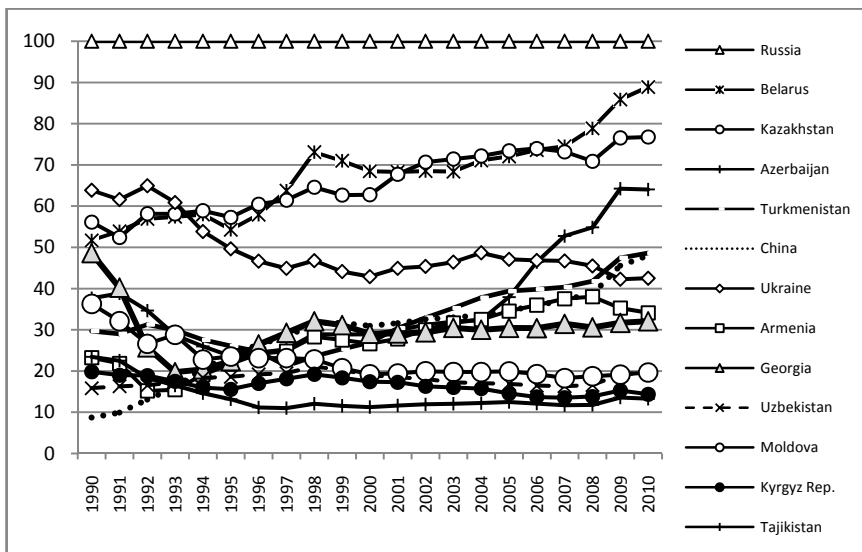

Рис. 6. ВВП на душу населения (ППС) в 12 постсоветских государствах и Китае по отношению к уровню России, %

Построено автором по данным Всемирного банка.

Итак, чистый приток мигрантов из стран постсоветского пространства с большой вероятностью будет продолжать уменьшаться. Но можно ли компенсировать это снижение за счет других стран? К сожалению, как нетрудно заметить (рис. 7), мировой «миграционный пирог» больше не увеличивается в объеме: скорее, даже начал уменьшаться.

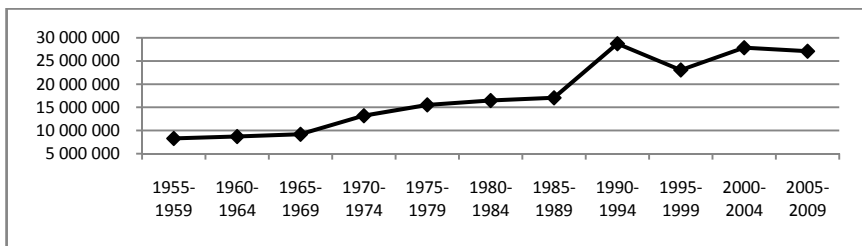

Рис. 7. Совокупная чистая миграция во всех странах мира с положительным миграционным салдо, за 5 лет, человек

Построено автором по данным Всемирного банка, 2012.

Этому есть объяснение. Во-первых, рост численности молодежи и в мире, и в странах исхода замедляется (рис. 8).

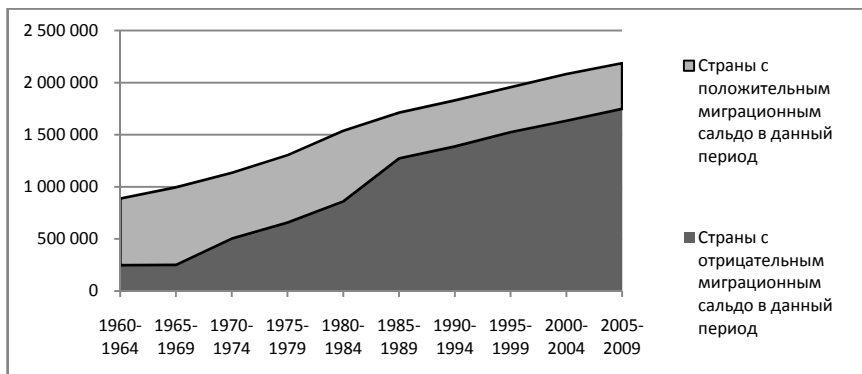

Рис. 8. Численность людей 15–34 лет в 2-х группах стран мира, тысяч человек, в среднем за период

Построено автором по данным Всемирного банка, 2012.

Во-вторых, в XXI веке началось довольно быстрое сближение уровня экономического развития между странами мира (рис. 9).

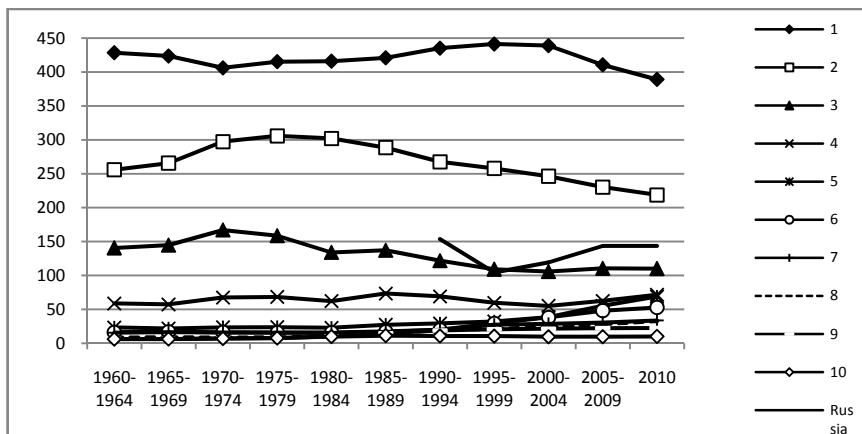

Рис. 9. ВВП на душу населения (ППС) в 10-процентных группах населения мира и в России по отношению к среднемировому уровню, %

Построено автором по данным Всемирного банка.

Хотя разрыв в уровне жизни между Россией и более развитыми странами снижается, но разрыв с менее развитыми странами снижается еще быстрее, поэтому Россия теряет свою миграционную привлекательность.

*Lifshits Marina L.,
Russia, Moscow*

Global regularities and Russia's prospects: Could natural loss of manpower be completely replenished by international migration in 2012–2028?

For the last three years, the number of economically active population in the Russian Federation has kept decreasing. Rate of the decreasing has been negligible until now, providing none negative influence upon economic growth, because of quicker declining of unemployment (Fig. 1).

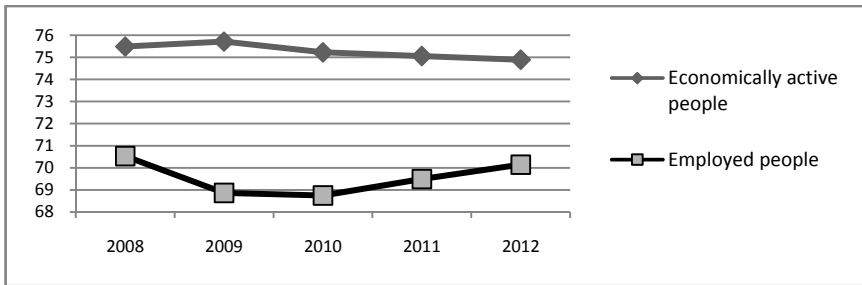

Fig. 1. Monthly average numbers of economically active and employed population between January and April; million people

Source: Rosstat data for 2011–2012; data for 2008–2010 were corrected by the author in accordance with the results of population census.

However, the reserve to further reduce the unemployment is practically exhausted in the Russian Federation, when the loss of manpower is expected to be accelerated in the nearest future (Fig. 2).

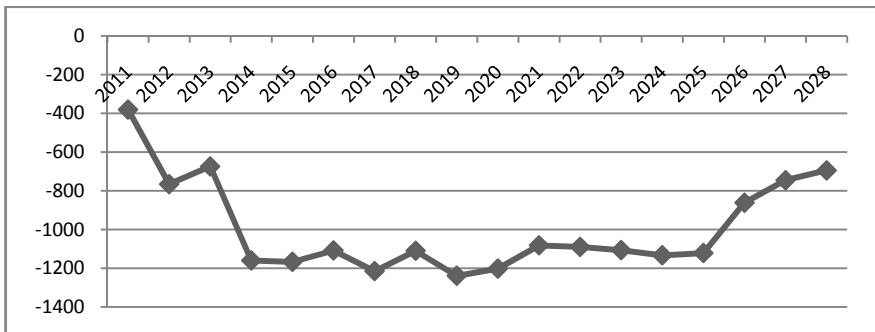

Fig. 2. Assessment of annual changes in population aged 18–64 in Russia, excluding migration; thousand people

The author's calculations based on the results of population census and age-specific mortality rates in 2010 (data on mortality: www.mortality.org).

The negative influence of the loss in manpower upon economic development of the country won't be a must. For example, in Germany the number of population aged 15–64 has decreased by 3.3% for the 10 years (2001–2010), while the GDP per capita increased by 9.7%, and volume of the economy by 9.0% – both due to increase in labour productivity. Labour productivity in USA between 1985–2010 has been increasing by 30% and more, every 15 years. A serious problem for Russia is, however, the impending 14.2% decline in population aged 15–64 during 2012–2025, excluding migration. Thus, question of the hour is: to what extent could the international migration mitigate the problem?

Provided that the current tendencies (Fig. 3) continue, the net inflow of migrants from 2014 will certainly be less than natural loss of active population, and the problem of manpower deficiency will be exacerbated during 2015–2025.

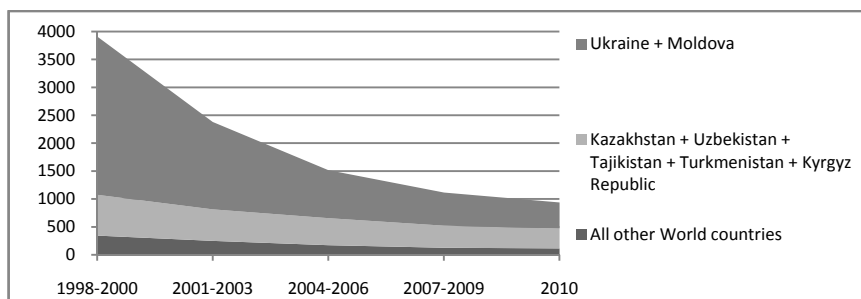

Fig. 3. Net inflow of foreign citizens crossing the Russian border, thousand people per year

Calculated and drawn by the author, source of data: «Size and Migration of the RF Population», Moscow, ROSSTAT, issues 1999–2011.

One reason may be supplied in favour of the hypothesis of the trend change – declining of own manpower of Russia. All other factors testify that tendency to reduction of the net inflow of migration to Russia will continue.

First of all, post-Soviet countries are the major migration donors for Russia. Dynamics of population is similar in these countries (Fig. 4), that is why the tendencies of labour markets will also be similar.

Figure 5 characterizes the changes of labour market for the next 15 years after the marked year. A local maximum point is the year of 1995. It means that in 2010, the situation with manpower in Russia was favourable enough; at the same time, migration pressure from the part of the 11 post-Soviet states was quite strong. After 2010, the situation has started to change drastically – labour forces in Russia begin to decline in number; and apparently, the net migration from post-Soviet countries will also decline quickly.

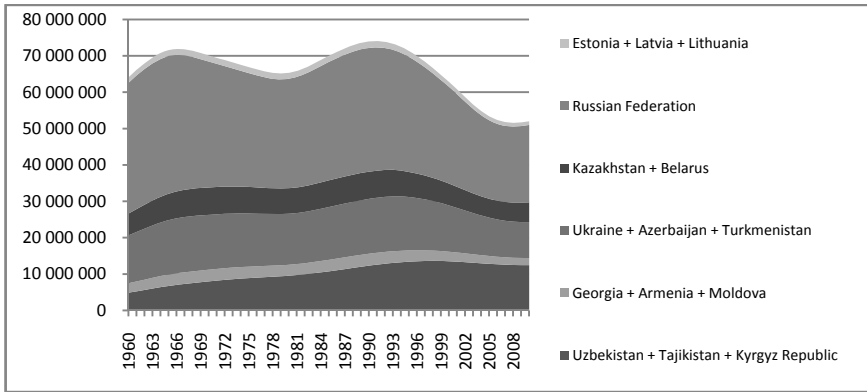

Fig. 4. Number of children aged 0-14 in the post-Soviet countries, people
 Calculated and drawn by the author, based on the World Bank data, 2012.

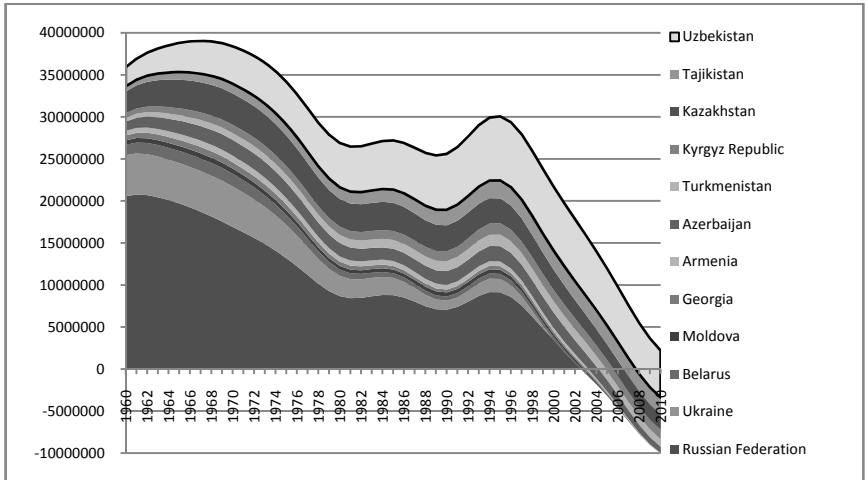

Fig. 5. Difference between number of people aged 0–14 and 50–64 in the 12 post-Soviet countries in 1960–2010, people
 Calculated and drawn by the author, based on the World Bank data, 2012.

Narrowing the gap between standard of living in Russia and that in the main migration donors for Russia, will have similar effect (Fig. 6).

Thus, very likely that net inflow of migrants from the post-Soviet countries will continue to decrease. Could this decrease be compensated at other countries expense? Unfortunately, it is evident (Fig. 7), the global «migratory pie» does not grow any more, rather, it has started to diminish, and an explanation for that will follow.

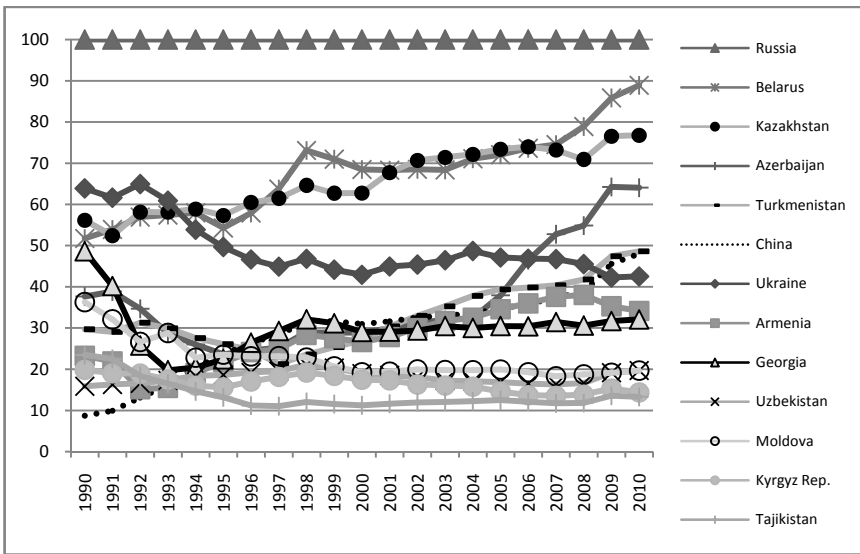

Fig. 6. GDP per capita (PPP) of the 12 post-Soviet states and China, ratio to the level of Russia, %

Calculated and drawn by the author, based on the World Bank data.

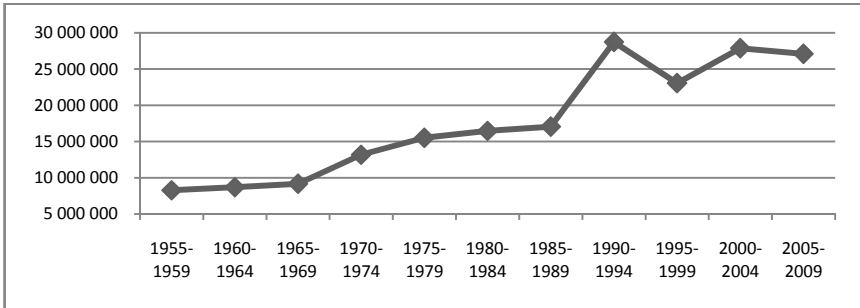

Fig. 7. Total net migration in all World countries with a positive migration balance for 5 years, people

Calculated and drawn by the author, based on the World Bank data, 2012.

Firstly, this is decelerated growth of young people in number in the World and in the countries of origin (Fig. 8).

Secondly, in the XXI century, levels of economic development of poor and rich countries has started to approach quite fast (Fig. 9).

Even though a gap between Russia's standard of living and that of the developed countries shrinks, the gap with less developed countries shrinks even faster; that is why Russia loses its migratory attractiveness.

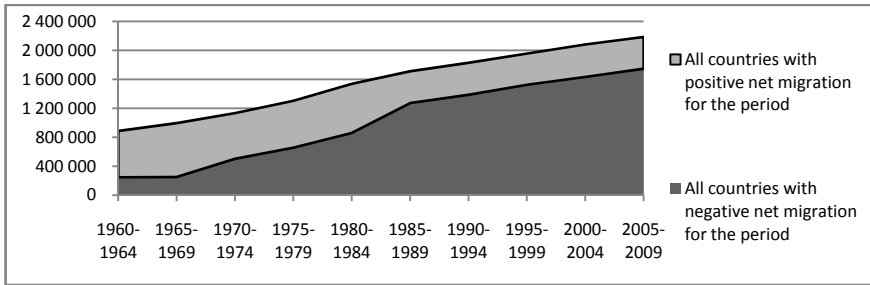

Fig. 8. Number of people aged 15–34 in the 2 groups of World countries, thousand people, average for period

Calculated and drawn by the author, based on the World Bank data, 2012.

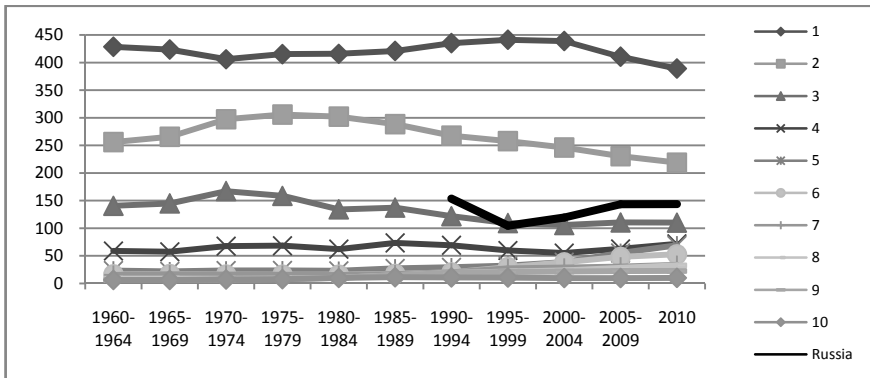

Fig. 9. GDP per capita (PPP) for the 10% groups of World population and in Russia, as a ratio to the World level, %

Calculated and drawn by the author, based on the World Bank data.

***Stefan Markowski¹, Zuzanna Brunarska,
Joanna Nestorowicz
Poland, Warsaw***

Challenges of Globalization, Labour Migration and the Segmentation of the Russian Labour Market

Over the past two decades, “globalisation” has become a byword for rapidly accelerating cross-border trade in goods and services and global factor mobility. The term has also been used to describe various multi- and trans-national forms of economic activity such as the emergence of transnational money and capital markets mediating international liquidity and financial capital and channelling

¹ Corresponding author: stefan.markowski@uw.edu.pl.

national savings into (international) foreign direct investment. The cross-border mobility of people and the associated internationalisation of human and social capital have also been recognised as an important dimension of globalisation. In a nutshell, the term not only implies the global integration of economic activity but also the decreasing importance of national borders as barriers to trade, capital arbitrage and factor mobility. The recent surge in globalised activities has been associated with technical change in transport and telecommunications sectors, which has reduced the cost of economic exchange between distant locations and increased mobility of capital and labour, and greater willingness of national governments to remove impediments to trade and factor movement to benefit from the increasingly global division of labour.

As the process of globalisation intensifies, the scale and scope of cross-border mobility of people also change. International migration is no longer perceived as emigration from source and immigration to destination countries. In the globalised world human mobility is multi- rather than uni-directional as it includes circular, pendulum- and chain-like movements of footloose people, fluid communities of “expats” unwilling or unable to integrate into host countries, as well as diasporas of migrants and their descendants. Most importantly, many countries have become both source and destination countries for migrants with the balance of inflows and outflows changing over time.

It is also increasingly apparent that globalisation is by no means a linear process with each globalising economy becoming ever more open to trade and factor mobility. Protectionist reversals follow periods of growing economic openness and national economies often fragment into segments that globalise at different rates, impact on each other in a variety of ways, and vary in their exposure to cross-border trade and factor movements. It is this multi-sector-multi-speed globalisation process and the attendant segmentation of the economy, including the labour market that we examine in this paper. We focus on the Russian Federation which over the past two decades has experienced bi-directional migration flows with Russian nationals migrating abroad in search of employment and/or settlement opportunities and foreign nationals migrating to Russia primarily as jobseekers.

Much has been written about migration to and from the Russian Federation, within the CIS region as a whole, and between the region and the European Union, North America and other parts of the world. It has been noted that while the net inflow of migrants to Russia has offset some demographic negatives and increased labour supplies in areas of strong demand, thus helping the Russian economy grow faster, it has also caused friction as Russia's social capacity strains to accommodate large numbers of newcomers. The literature has emphasised the *mobility* of people as carriers of human and social capital and the associated socio-economic impact of inflows and outflows of migrants, e.g., the changing demographics of Russia, brain drain/gain/waste issues, the hollowing

out of particular economic sectors/regions as emigrants leave and crowding-in effects in sectors/areas where immigrants agglomerate.

It appears, however, that the scale and scope of migrant outflows from the Russian Federation has been smaller than one would expect to find in a country that has been undergoing an immense systemic and social transition and in an economy of some 140 million people where the average wage and working conditions have been significantly below those in Western Europe and North America: potential migrant destinations. On the other hand, the inflow of legal and illegal, mostly manual labourers from the CIS region has been relatively high, given high levels of local unemployment, particularly in struggling legacy sectors/regions inherited from the former USSR. Thus, what we aim to discuss in this paper is the relative *immobility* of the Russian labour force, particularly as job seekers in foreign and domestic markets, which appears to be at variance with the growing openness of the Russian economy to trade and more liberal attitude to factor movements.

In this context, we are principally interested in is the apparent segmentation of the Russian labour force with three groups of workers highlighted as indicative of this segmentation process. One group are those who are potentially internationally and domestically mobile in that their skills are relatively “marketable” (e.g., doctors, nurses, engineers, IT specialists) providing they are willing to make some complementary investments to take advantage of job opportunities elsewhere (e.g., learn a foreign language, “internationalise” their formal qualifications, bear the cost of separation from current activity and integration into a new one). The migration *potential* of this group is relatively high, i.e., it has the capacity to migrate to seek temporary or permanent employment abroad even though it currently prefers to remain in Russia. This group is exposed to foreign competition both when seeking work abroad and at home against foreign migrants in similar skill categories (e.g., well qualified immigrants from CIS countries) but, as these skills are strongly in demand, it is not threatened by foreign migrants and experiences no structural and very low frictional unemployment.

Another group, arguably the bulk of the Russian labour force, are those who are less potentially mobile in that their skills are not directly marketable and, if they choose to migrate, they would either have to make very substantial investment in skill enhancement and/or suffer massive depreciation of their human capital by taking mostly manual, low-pay-poor-working-conditions jobs elsewhere. This group is mostly employed in those sectors of the Russian economy that are sheltered from migrant competition (e.g., public sector) but it may endure moderate to high unemployment levels as there are various institutional rigidities in these markets that protect incumbents but deter mobility. Short of a catastrophic drop in income and living standards or some other cataclysmic event this group is unlikely to migrate abroad.

The third group are those who are both actually and potentially immobile in that they neither have skills that are currently in demand elsewhere nor means to enhance their human capital that would make them more attractive to prospective employers. This group is either inherently less competitive than the newcomers, or unwilling to compete for jobs that are available, or working full or part time in grey areas of the economy. This may also be associated with its relatively low in-country mobility so that foreign migrants are more likely to flow to areas of labour shortages while locals are less footloose and, thus, unwilling or unable to relocate in response to the changing spatial distribution of labour demand. These workers are most likely to be found in declining legacy sectors of the economy. However, they are not sheltered from migrant competition as they are exposed to direct pressure from and displacement by legal and illegal foreign workers. Thus, the group suffers high levels of structural unemployment as it could not or would not compete against foreign migrants and could not migrate abroad in search of jobs. In the long run, the long-term unemployed are likely to become unemployable.

To understand the mechanics of labour market fragmentation, the attendant adjustment mechanisms, and, thus, the determinants of outflows from and inflows of labour to Russia, we consider these three categories of workers as three *stylized market segments*. The first segment comprises people who are potentially mobile and exposed to the pull of demand from abroad. However, that potential is not realised unless their (domestic) wages drop below their “reservation” levels and changes in their socio-economic circumstances force the move, i.e., for economic or other reasons they reach the push migration threshold. Alternatively, they may be lured abroad by increases in foreign wage levels/living conditions if these are high enough to absorb the sunk cost of separating from the home market, job search and settling into a new activity (the pull migration threshold). Thus, the *observed propensity* to migrate from Russia either temporarily or permanently is low in this market segment until one of the two thresholds is reached at which point an outflow of labour migrants would be triggered. These thresholds are strongly influenced by non-wage-related factors (e.g., accessibility of public goods, political climate). Overall, this (*employable-and-exposed*) market segment appears to benefit from the globalisation process in that it is relatively open to labour force movements although those working in it are not directly threatened by competition from foreign migrants and could, if they wished, avail themselves of opportunities associated with migration abroad (a valuable *option*).

The second segment is neither directly engaged in nor exposed to labour “exports” or “imports”; it is a *non-marketable-and-sheltered segment*. In this segment migration thresholds associated with pull and push factors are relatively high and the propensity to migrate abroad is very low even though some structural unemployment is present. Nevertheless, this segment is exposed to

indirect and external effects of changes occurring in the other two segments. On balance, we expect it to slightly gain from the globalisation of the Russian economy if, for example, benefits associated with the employment of low-wage, foreign migrants in the exposed segment of the labour market are diffused through the economy at large.

Finally, the third segment includes those who are inherently immobile and exposed to direct competition from foreign migrants (*non-marketable-but-exposed segment*). In this segment, high levels of unemployment (and poverty) of Russian residents coincide with considerable market penetration by low skill, often illegal, incomers from mostly CIS countries. This market segment is the “loser” in the globalisation process in that local wages and job prospects are depressed by direct foreign competition and local unemployment levels are high. In this segment, it is the newcomers rather than the locals who benefit from the increased openness of the Russian economy.

In sum, while the Russian economy is globalising and becomes more open to trade and factor movement, this is by no means a simple “one-size-fits-all” process of economic adaptation. The three stylized segments of the labour market are broadly representative of wider market fragmentation as different sectors and regions are integrated into the international division of labour at different tempos and to varying extent. In reality, there are many segments that currently show low propensity to migrate abroad. Some of these sectors could respond fast to changing demand and supply conditions once the pull or push migration thresholds are reached. Other sectors may lag in response as the sunk cost of mobility is higher and more investment is needed before people become foot-loose. The paper aims to explain the mechanics of adaptation to the increased openness of the Russian economy and show how the relatively low propensity to migrate from Russia coincides with considerably stronger labour market penetration by in-migrants, especially illegal labour. Last but not least, it will draw policy implications for both labour and migration policies of the Russian Federation.

***Мишук С.Н., Хавинсон М.Ю.,
Россия, г. Биробиджан***

Прогнозирование динамики внешней трудовой миграции в приграничном регионе Дальнего Востока России

Еврейская автономная область (ЕАО) является ярким примером региона, где влияние миграционных связей, и в первую очередь, трудовых, крайне велико. Для области пока рано говорить о существенном изменении облика рынка труда под влиянием иностранной рабочей силы, однако

анализ сложившейся ситуации и возможных тенденций привлечения трудовых мигрантов в ЕАО может быть полезен как опыт изучения и прогнозирования влияния иностранной рабочей силы на динамику рынка численности экономически активного населения в регионе.

Целью работы является разработка подхода к прогнозированию динамики внешней трудовой миграции в регионе.

В качестве исходных материалов использованы официальные данные Федеральной службы государственной статистики РФ, Правительства ЕАО, Территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Еврейской автономной области, Федеральной миграционной службы по ЕАО, а также результаты социологических исследований.

Методы

Задача прогнозирования в современной науке решается с помощью моделирования, в частности экономико-математических методов. Однако, по нашему мнению, для разработки сценариев динамики численности трудовых мигрантов в регионе недостаточно «беспристрастного» эконометрического и математического инструментария. Прогнозирование тенденций трудовой миграции – сложный и многоаспектный вопрос. Привлечение иностранной рабочей силы во многом определяется политикой развития региона, в значительной мере формируемой не только властью, но и бизнесом. Принятие определенных управленческих решений, деятельность крупных предпринимателей могут существенно изменить характер динамики трудовой миграции. Выявить не проявленные в статистических показателях, но уже четко намечающиеся новые тенденции в привлечении иностранной рабочей силы, может социологический опрос. В социологии одним из методов мониторинга проблемы является экспертное интервью, позволяющее при относительно небольшом количестве респондентов качественно оценить ситуацию «изнутри», раскрывая специфические особенности объекта и предмета исследования.

Немаловажным аспектом изучения трудовой миграции в регионе является экспертный анализ. Эксперт интегрирует качественную и количественную информацию, полученную различными научными методами, в целостные содержательные результаты исследования.

Таким образом, на наш взгляд, изучение динамики трудовой миграции в регионе может быть реализовано комплексом научных методов, состоящим из взаимосвязанных этапов исследований.

Первый этап прогнозирования включает в себя сбор качественной и количественной информации с помощью статистического анализа и социологического опроса представителей власти и бизнеса. На втором этапе

на основе полученных данных с помощью экспертного анализа определяются доминирующие факторы, влияющие на динамику трудовой миграции. Построение математической модели происходит на третьем этапе исследования с непосредственным участием эксперта. На следующем этапе результаты моделирования обрабатываются экспертом: выбираются наиболее вероятные сценарии динамики трудовой миграции, анализируются условия реализации того или иного сценария. Последний этап включает в себя окончательное оформление результатов исследования для их последующего использования органами власти или другими исследователями.

Результаты

Проведенный количественный и качественный анализ динамики экономически активного населения и иностранной рабочей силы в области позволяет сделать вывод о постепенном сокращении трудовых ресурсов и, как следствие, стабильном числе привлекаемых трудовых мигрантов в область при сохранении их отраслевой дифференциации [1]. Современные социально-экономические условия формируют довольно стойкие тенденции занятости и безработицы в ЕАО, однако не позволяют определить однозначный прогноз численности иностранной рабочей силы в области.

Для получения наиболее вероятных сценариев динамики численности экономически активного населения и трудовых мигрантов в области нами использован метод математического моделирования. Реализуемые подходы моделирования базируются на моделях эконофизики [2, 3].

Уравнения модели имеют следующий вид:

$$\begin{cases} \frac{dx}{dt} = b_1x - a_1xy + c_1z - k_1x^2 \\ \frac{dy}{dt} = b_2y - a_2xy - k_2y^2 \\ \frac{dz}{dt} = b_3x - c_2z \end{cases},$$

где x – численность местных занятых, t – переменная времени, y – численность иностранной рабочей силы, z – численность безработных, a_1, a_2 – коэффициенты социальных взаимодействий, b_1, b_2 – коэффициенты роста численности местных и иностранных занятых, c_1 – коэффициент трудоустройства безработных, k_1, k_2 – коэффициенты, описывающие эффект мальтузианской ловушки, b_3 – коэффициент безработицы, c_2 – коэффициент сокращения безработицы.

Модельные уравнения применены для описания динамики взаимодействия местных занятых и китайских рабочих в Еврейской автономной об-

ласти. Для ЕАО выявлена связь между колебаниями численности занятых x и китайской рабочей силы y (по данным 2001–2009 гг. коэффициент корреляции между x и y составил $-0,79$).

В результате моделирования получены три принципиально разных сценария динамики местной и иностранной рабочей силы в ЕАО (рис. 1): стационарный, колебательный и периодический.

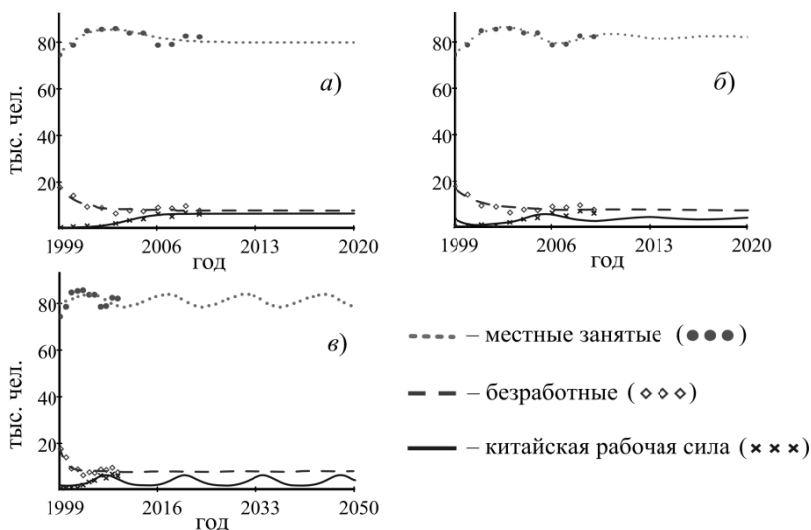

Рис. 1. Стационарный (а), колебательный (б) и периодический (в) сценарии динамики численности местных занятых (■ ■ ■ ■), китайской рабочей силы (— — — —) и безработных (— — — —) в ЕАО

Во всех вариантах динамики предполагается переход к некоторому равновесному (устойчивому) состоянию (см. табл. 1). Прогнозные данные следует признать корректными до 2015–2017 гг., временной интервал на графиках выбирался с целью оптимальной визуализации характера динамики.

Таблица 1

Равновесные значения численности местных занятых, китайской рабочей силы и безработных в ЕАО, тыс. чел.

Показатель	Местные занятые	Китайская рабочая сила	Безработные
Сценарий 1	79,9	6,8	7,5
Сценарий 2	82,0	4,2	8,0
Сценарий 3	78,0–84,3	6,4–1,5	7,8–7,3

Стационарный сценарий предполагает переход к постоянной численности местных и иностранных занятых. В экономике области наступает равновесное состояние, квоты на иностранную рабочую силу постоянны и заполняются полностью. Колебательный режим устанавливается в ситуации, во-первых, более ограниченного воспроизводства трудовых ресурсов (сильнее социально-экономическая напряженность в области, в частности, на рынке труда), во-вторых, большего объема привлекаемой иностранной рабочей силы. Квоты на иностранную рабочую силу меняются, но всегда набираются полностью.

Периодические колебания возможны в случае крайне ограниченного воспроизводства трудовых ресурсов и объясняются демографическими волнами.

Заключение

Исходя из результатов интервью с экспертами, отметившими большую значимость иностранной рабочей силы для ЕАО, и экономической ситуации в области, наиболее вероятным следует признать стационарный сценарий с наибольшей численностью трудовых мигрантов. В то же время, следует отметить, что предложенные варианты прогноза, основаны на тех тенденциях, которые наблюдались в течение последних 10 лет. Не исключено и формирование новой динамики численности иностранной рабочей силы в области. Например, строительство и эксплуатация в автономии крупного горно-обогатительного комбината (Кимкано-Сутарский ГОК) может существенно изменить динамику занятости и привлечения трудовых мигрантов в ЕАО. В этом случае, можно полагать, произойдет смещение стационарного значения численности занятых без качественного изменения сценария, тем не менее, говорить о переломе текущих тенденций на рынке труда области пока рано.

Статья подготовлена при финансовой поддержке ДВО РАН, проект № 12-III-B-10-202

Литература

1. Мишук С.Н. Международная трудовая миграция в регионе: проблемы трансграничного взаимодействия // Региональная экономика: теория и практика. 2010. № 36(171) С. 37–43.
2. Чернавский Д.С., Старков Н.И., Малков С.Ю., Косе Ю.В., Щербаков А.В. Об эконофизике и ее месте в современной теоретической экономике // Успехи физический наук. 2011. Т. 181. № 7. С. 767–773.
3. Эконофизика. Современная физика в поисках экономической теории / Под ред. В.В. Харитоновой и А.А. Ежова. М.: МИФИ, 2007. 624 с.

**Моисеенко В.М.,
Россия, г. Москва**

Внешняя миграция населения в России на рубеже XX в. (Тенденции и подходы к анализу)

На рубеже XX в. внешняя миграция явилась одной из важных форм становления современной миграции населения в России, наряду с земледельческим и неземледельческим отходом, миграцией в города и переселением за Урал. Становление современной миграции происходило под влиянием реформы 1861 г., индустриализации страны, развития транспорта, рынка труда, повышения свободы передвижений, переселенческой политики правительства и др. Эти факторы действовали в условиях роста численности населения, преобладания крестьянства, многообразия естественных, исторических социально-экономических и этнических условий, сложившихся на территории страны. Миграция характеризовалась увеличением масштабов и усложнением структуры, существенной территориальной дифференциацией важнейших параметров, большой ролью временных перемещений, повышением рисков передвижения. Причинами миграции было ухудшение экономического положения основных групп населения, обусловленного в первую очередь аграрным перенаселением. Миграционное поведение населения определялось самостоятельным выбором направления передвижения, которое вступало в противоречие с действующим законодательством. Такая оценка относилась к внутренним и внешним передвижениям. Поэтому значительная часть передвижений определялась как незаконная, нелегальная (Ю.Э. Янсон и др.).

Характерной чертой становления современной миграции стал параллельный рост внутренних переселений и эмиграции. Величина и состав эмиграции определялись влиянием «черты оседлости», особенностями землевладения в прибалтийских губерниях и в Финляндии, политикой русификации. Российская эмиграция стала частью массового движения населения из Европы на рубеже XX столетия. Поэтому первоначальная исследовательская задача состояла в определении места России в эмиграционном движении из Европы.

Характерно, что рост эмиграции из России совпал по времени с увеличением переселения крестьян из Европейской России за Урал. Близкие по величине, но различные по составу и последствиям эмиграция из России и переселения крестьян за Урал и привлекли к себе внимание научных и общественных кругов. Общей чертой этих передвижений была неготовность и длительное «сопротивление» государства в их регулировании.

Возраставшая эмиграция из России опровергла концепцию, широко распространенную в отечественной литературе во второй половине XIX в.,

согласно которой внутренние переселения за Урал – на свободные земли – могут «заменить» эмиграцию, характерную в этот период для стран Западной Европы (Васильчиков А.И. и др.). На государственном уровне преобладал подход, согласно которому Россия является страной иммиграции.

Эмиграция из России поставила на повестку дня решение ряда вопросов. Одним из первых был вопрос об учете внешней миграции. Не вдаваясь в оценку состояния учета миграции, важного и для внутренней миграции, отметим, что учет внешней миграции на основе въезда и выезда российскими подданными через границы империи был признан не эффективным. В этих условиях источниками информации об эмиграции из России были сведения о регистрации пассажиров в портах Германии и в странах иммиграции, в первую очередь США, Канады.

Эмиграция из России поставила вопрос о состоянии законодательной базы, которая существенно отставала от текущих потребностей страны и практики стран Западной Европы в этой области. Одними из последних в Европе были приняты эмиграционные законы, разрешавшие эмиграцию в Италии (1901г.) и в Венгрии (1903 г.) В России эмиграция фактически запрещалась. Исключением было принятое в 1892 г. «Положение Комитета Министров», касающееся условий деятельности Еврейского колонизационного общества (фонд барона Гирша), имевшего силу закона и регулировавшего эмиграцию евреев, и особое распоряжение, разрешавшее выезд за границу приверженцам религиозной секты духоборов. Массовый отток из России в начале XX в. евреев, поляков, финнов, литовцев, немцев, а затем и русских вызвал дискуссию в обществе о причинах и последствиях эмиграции. На фоне активизации переселенческой политики, особенно после 1905 г., ряд авторов обвинил правительство России в равнодушном отношении к этому явлению. Однако законопроект, разработанный особым совещанием при Министерстве торговли и промышленности, не был принят в довоенный период. Разработка эмиграционного и иммиграционного законодательства началась после октября 1917 г., когда общественно-политические условия и характер внешней миграции кардинально изменились.

***Мосакова Е.А.,
Россия, г. Москва***

Повышение рождаемости в развитых странах мира и гендерное равенство

Статья посвящена исследованию глобальной проблемы взаимосвязи занятости женщин на рынке труда и рождаемости. Особое внимание уделяется вопросам влияния демографического перехода на занятость женщин и рождаемость; социально-экономическим последствиям глобальных тенденций, перспективы которых показывают развитые страны и Россия.

Глобализационные процессы, охватившие все сферы жизни современного общества, в сочетании со стремительными переменами в мировом взаимодействии политических и экономических систем, привели к возникновению глобальной демографической проблемы, в частности, – это обеспечение гендерного равенства во всех сферах жизни. Данная проблема является многоаспектной, нами же затрагивается только один – это повышение уровня женской занятости на рынке труда.

Первый демографический переход в области рождаемости в России и в развитых странах Запада закончен и значимой её дифференциации между социально-демографическими группами быть не может, в том числе, между занятыми и незанятыми на рынке труда женщинами. В частности, глобализационные процессы в современном мире предоставляют новые возможности роста профессиональной занятости женщин в экономике во многих регионах мира, возможность свободы выбора (работать или нет), больше свободы в вопросах занятости членов семьи на рынке труда, осуществления репродуктивных планов. Это позволяет женщинам более полно реализовывать на рынке труда свой потенциал и обеспечивать свою экономическую независимость. Именно занятость в экономике для большинства женщин с семейными обязанностями становится необходимым условием получения или повышения доходов, а тем самым и создания условий для реализации потребности в детях. Однако как показывают исследования¹, занятость женщины на рынке труда конкурирует с удовлетворением потребности в детях. Занятость женщины и её репродуктивное поведение в большей степени начинают отражать систему ценностных ориентаций с отведенным в ней определенным местом потребности в семье, ребенке и/или детях. Несколько детей и работа становятся альтернативными стратегиями и женская занятость крайне часто происходит в ущерб семье.

Сопоставление уровней женской занятости в экономике и рождаемости (суммарный коэффициент рождаемости – СКР) отражают два важных аспекта этой проблемы². Во-первых, в Европе с середины XX и до начала 1990-х гг. наблюдалось изменение уровня рождаемости и женской занятости в экономике в противоположных направлениях – либо одновременное увеличение происходило, либо одновременное уменьшение (рис. 1).

¹ Мосакова Е.А. Занятость женщин и рождаемость в глобальном мире: Монография. – М.: МАКС Пресс, 2011. С. 44–62.

² См. также: Мосакова Е.А. Женщины на глобальном рынке труда (влияние занятости на уровень рождаемости)// Глобалистика как область научных исследований и сфера преподавания/ Под ред. Абылгазиева И.И., Ильина И.В. Отв. ред. Шестова Т.Л. – М.: МАКС Пресс, 2011. – Вып.5.

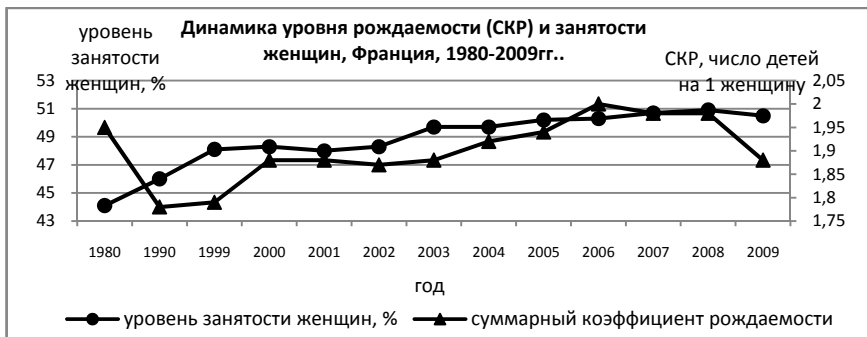

Рис. 1. Динамика уровня рождаемости (СКР) и занятости женщин, Франция, 1980–2009 гг.³

Кардинальное изменение соотношения занятости женщин и суммарного коэффициента рождаемости произошло в начале 1990-х гг., когда в странах Запада изменилась политика в области обеспечения гендерного равенства, был сделан акцент на развитие детских дошкольных учреждений, окончательно утвердилась новая система ценностных ориентаций женщин, непосредственно связанная со вторым демографическим переходом. В последние десятилетия занятость женщин в большинстве европейских стран (в частности, в Швейцарии) и уровень рождаемости изменяются в одном направлении, т.е. между ними прямая взаимозависимость.

Указанная закономерность свойственная не только европейским странам, но и развитым азиатским странам с низким уровнем рождаемости, таким, как Япония (рис. 2). Последние два года показывают их отрицательную связь. Однако только по двум годам делать какие-то обобщающие выводы не представляются корректным.

Рис. 2. Динамика уровня рождаемости (СКР) и занятости женщин, Япония, 1980–2009 гг.⁴

³ Рассчитано по: <http://data.worldbank.org/indicator/SP.DYN.CBRT.IN/countries?display=default>.

Несколько иную тенденцию демонстрирует Дания (рис. 3), где уровень занятости женщин и СКР на протяжении последних 30 лет были связаны положительно (кроме 3-х лет нач. 2000-х гг.). Однако не нужно забывать, что именно в Дании, доля затрат на поддержку семей с детьми в ВВП – самая высокая по сравнению с другими странами Европы.

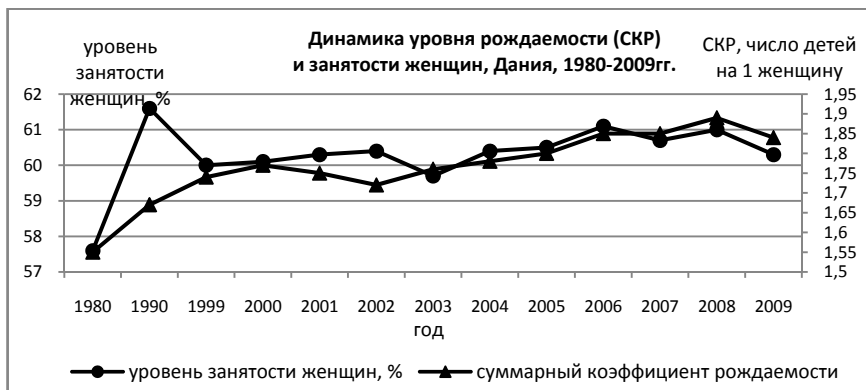

Рис. 3. Динамика уровня рождаемости (СКР) и занятости женщин, Дания, 1980–2009 гг.⁵

Во-вторых, наблюдается неуклонный рост занятости женщин в последние несколько десятилетий. Причем высокие уровни экономической активности в Европе и России (которые близки к уровням мужской экономической активности) обусловлены различными причинами. Главной из них является то, что в Европе женщины нацелены на карьерный рост, там наблюдается эмансипация женщин и в рамках этого у них высокий уровень занятости на рынке труда. В России выход женщин на рынок труда связан, прежде всего, с необходимостью поддержания материального благосостояния, получением дохода.

Таким образом, сегодня в Европе и России⁶ между занятостью женщин на рынке труда и уровнем рождаемости (СКР) существует прямая зависимость – вместе с ростом уровня занятости женщин в экономике происходит и рост уровня рождаемости.

Демографическая эволюция последних десятилетий привела большую часть развитых стран к необходимости введения в действие или усиления мер помощи семьям. В некоторых странах она существует с давних пор и

⁴ Рассчитано по: <http://data.worldbank.org/indicator/SP.DYN.CBRT.IN/countries?display=default>.

⁵ Рассчитано по: <http://data.worldbank.org/indicator/SP.DYN.CBRT.IN/countries?display=default>.

⁶ Построение подобных графиков для стран Запада и России дает аналогичные результаты.

изменялась со времени ее введения, чтобы лучше приспособиться к новым рискам, которым подвергаются семьи. В других она появилась не так давно и пока еще включает довольно разнородные социальные меры. Задачи ее различны, и приоритеты формулируются по-разному: повышение рождаемости, совмещение работы и семейной жизни, борьба с экономическим неравенством и бедностью семей, помощь в уходе за детьми и их воспитании или более равномерное разделение семейных обязанностей между мужчинами и женщинами. Особое значение имеют для современной женщины возможности совмещения профессиональной деятельности и семейных обязанностей. Женщины сталкиваются с растущим противоречием между возможностями и рисками, связанными с созданием семьи и работой. Повышает гарантии занятости женщин с семейными обязанностями наличие у них профессии, востребованной на рынке труда, надлежащий уровень профессиональной подготовки. В связи с этим Конвенция МОТ № 156 обязывает государства принимать все меры, соответствующие национальным условиям и возможностям, в том числе меры, которые позволяли бы трудящимся с семейными обязанностями начать или продолжать трудовую деятельность, а также возобновлять ее после отсутствия на работе в связи с этими обязанностями (статья 7).

На первый взгляд, кажущаяся важной только для развитых стран проблема является принципиально важной и для развивающихся стран, поскольку анализ причин ее возникновения, обоснование путей ее решения указывают будущее воспроизводства населения и в этих странах, перспективы социально – демографической политики в них.

Таким образом, в развитых странах, прошедших второй демографический переход, рождаемость низкая, однако, ее уровень положительно связан с занятостью женщин, что выступает совершенно новым явлением, непосредственно связанным с глобализацией, распространением внесемейных ценностей, достижением гендерного равенства, что выступает одной из целей Декларации тысячелетия ООН.

Литература

1. European Commission, Demography Report, 2010.
2. <http://data.worldbank.org/indicator>.
3. Мосакова Е.А. Женщины на глобальном рынке труда (влияние занятости на уровень рождаемости)// Глобалистика как область научных исследований и сфера преподавания/ Под ред. Абылгазиева И.И., Ильина И.В. Отв. ред. Шестова Т.Л. – М.: МАКС Пресс, 2011. – Вып. 5.
4. Мосакова Е.А. Занятость женщин и рождаемость в глобальном мире: Монография. – М.: МАКС Пресс, 2011.
5. Чубарова Т. В. Совмещение работы и семейных обязанностей: опыт развитых стран // Труд за рубежом. 2004. № 2.

**Назарова И.Г.,
Россия, г. Ухта**

Миграционные установки жителей городов Республики Коми

Особое значение в последнее десятилетие в России приобрела трудовая миграция, получившая на фоне ухудшающейся демографической ситуации широкое распространение.

Северные территории России в 1990–2000-е гг. оказались наиболее подвержены миграционным перемещениям населения (с севера на юг): если в прежние годы Российский Север приобретал население, то теперь он его активно теряет. Учитывая это, в исследовании одной из задач было выявление миграционных установок населения северных городов. Для того чтобы «замерить» миграционные установки жителей северных городов был проведен социологический опрос занятых в экономике. Всего было опрошено 1033 человека. В выборке были составлены пять городов Республики Коми. Доля населения этих городов составляет 82,4% от городского населения и 62,4% от всего населения республики.

Опрос показал, что отвечая на вопрос анкеты: «Хотели бы Вы уехать с населенного пункта, где живете?» 45,5% опрошенных респондентов ответили утвердительно «да, хотели бы»; 35,6% ответили «нет, не хотели бы», а 18,9% пока не знают. Миграционные установки респондентов зависят как минимум от двух факторов, во-первых, от накопленного миграционного опыта и, во-вторых, от тех социально-экономических условий, в которых им приходится жить и работать. Из материалов опроса следует, что среди опрошенных 52,3% респондентов являются уроженцами данного населенного пункта, а 47,7% – мигрантами.

Распределение респондентов по полу и месту рождения существенных отличий не имеет, другое дело возраст, брачное состояние и национальность.

В структуре миграционных потоков по прибытию в Республике Коми преобладает внешняя миграция – 51,1%, в ней 33,8% приходится на территории России, а 17,3% – на страны СНГ (11,5% прибыло из городской, а 5,8% – из сельской местности стран СНГ), остальные прибывшие – 48,9% приходятся на внутриреспубликанскую миграцию (23,4% прибыло из городской, а 25,5% – из сельской местности Республики Коми). Анализ миграционных потоков в разрезе социально-демографических групп показывает их разную направленность.

На момент опроса миграционная подвижность у мужчин и женщин выражена в равной степени. Возраст оказывает существенное влияние на желание сменить место жительства. Так если желающих уехать в возрасте до 24 лет – 61,3%, то среди тех, кому за 60 лет – 31,6%. Выше доля желающих

уехать среди холостых, разошедшихся и состоящих в незарегистрированном браке. Национальность также оказывает влияние на территориальную мобильность населения. Выше она, чем в среднем по выборке, у украинцев и лиц другой национальности.

Между намерением уехать и самим фактом свершения акта миграции иногда проходят годы, или он может совсем не состояться. Поэтому респондентам был задан вопрос: «Как скоро Вы намерены сменить теперешнее место жительства?». Ответы распределились так: в этом году – 2,5% от числа опрошенных; на будущий год – 3,3%; в течение ближайших пяти лет – 20,9%; в течение ближайших 5–10 лет – 16,2%; собираются, но еще не определились когда – 57,1%. Как видим, более половины респондентов еще не определились со сроками отъезда и при определенных положительных условиях могли бы остаться жить и работать в республике.

Материалы исследования показали, что основными причинами, желания населения северных городов уехать, являются: «желание сменить климат, место жительства, Север на Юг или среднюю полосу» – 46,9% опрошенных; «желание вернуться на родину, к родителям, родственникам» – 12,4%; «у населенного пункта, в котором проживают, нет будущего, так как не развивается производство» – 10,3%; «нет возможности материально обеспечить семью» – 8,1%; «нет возможности дать образование детям и найти им работу по месту жительства» – 5,7%; «угроза потери работы и отсутствие возможности трудоустроиться» – 5,5%; «по семейным обстоятельствам» – 4,7%; «по состоянию здоровья» – 4,2%; другие причины – 2,2%.

С распадом Союза ССР и становлением новой государственности были заметно упрощены правила въезда-выезда за рубеж. Значительная часть населения, особенно молодежь, стала покидать свою родину и переезжать на постоянное место жительства в дальнее зарубежье. Только из Республики Коми за период с 1990 по 2008 г. выехало за пределы России 104 298 человек.

Поэтому в ходе опроса респондентам был задан вопрос: «Каково ваше отношение к тем людям, которые уезжают из страны (на постоянное место жительства)?». Респонденты ответили следующим образом: одобряют их решение – 30,9%; не одобряют – 12,6%; им это безразлично – 39,0%; затруднились ответить – 17,5%. Как видно из ответов, население в целом относится позитивно или безразлично к тому, что их соотечественники покидают Россию. В этой связи органам исполнительной власти есть повод задуматься о том, почему россияне уезжают за рубеж и что необходимо сделать, чтобы этот поток стал как можно меньше.

В конце опроса респондентам предлагалось дать свои предложения, что необходимо сделать в первую очередь, чтобы жизнь северян стала комфортнее, в семье было больше детей, а люди умирали в глубокой старости. Предложения приведены по рангу их значимости:

– повысить материальное благополучие (увеличить заработную плату, поднять размер пенсий, увеличить северный коэффициент, устранить рез-

кую дифференциацию в оплате труда), создать условия для отдыха за пределами мест проживания, регулировать оплату услуг ЖКХ – 32,0%;

– усилить меры государственной поддержки населения (уделять больше внимания молодежи, проводить активную социальную политику, заботиться о пожилых людях, доступное бесплатное образование, отсутствие очередей в детские дошкольные учреждения, забота о матерях и семьях, имеющих детей) – 20,4%;

– решение жилищной проблемы (доступное жилье, ипотека и т.д.) – 13,0%;

– улучшить медицинское обслуживание населения (борьба с алкоголизацией населения, закупать современное медицинское оборудование, бесплатное медицинское обслуживание) – 11,3%;

– обеспеченность работой (создание рабочих мест, безопасные условия труда), развитие производства – 6,4%;

– больше внимания уделять проблеме экологии – 4,5%;

– пропагандировать здоровый образ жизни (спорт, строительство спортивно-оздоровительных заведений) – 3,0%;

– более эффективно использовать природные ресурсы республики на благо всего населения – 1,8%.

***Неклюдова Н.П.,
Россия, г. Екатеринбург***

Методические подходы к оценке качественных характеристик иностранной рабочей силы¹

Результативность миграционной политики в значительной степени зависит от качества привлекаемых мигрантов.

Экономически безопасной и способствующей накоплению человеческого капитала можно считать такую внешнюю трудовую миграцию, которая, не сокращая трудового потенциала страны, обеспечивает прирост ее национального богатства за счет более эффективного и рационального использования иностранной рабочей силы. Последнее в числе прочего предполагает привлечение трудовых мигрантов с высоким уровнем накопленного человеческого капитала.

В нашем исследовании категорию «человеческий капитал» мы рассматриваем на микроуровне, т.е. на уровне отдельного индивида, и используем термин индивидуальный человеческий капитал в значении нако-

¹ Исследование проводится при финансовой поддержке РГНФ, проект 12-02-00307а «Научно-методические основы оценки качества трудовой жизни населения регионов России»

пленный (аккумулированный) человеком (трудовым мигрантом) определенный запас здоровья, знаний, навыков, способностей, которые используются в процессе его трудовой деятельности, содействуя росту его производительности и заработка.

Программы привлечения временных и постоянных трудовых мигрантов призваны решать различные задачи. Привлечение трудовых мигрантов на постоянное место жительства может обеспечить стабилизацию численности населения страны, удовлетворить потребности российской экономики в рабочей силе определенного профессионального и квалификационного состава. Таким образом, программы постоянной миграции – это стратегический ход, и отдача от них возможна лишь через определенный период времени. Привлечение временных трудовых мигрантов – это краткосрочный проект для решения текущих проблем. Соответственно, можно говорить о том, что оценивать человеческий капитал временного и постоянного трудового мигранта необходимо с помощью разных методических подходов.

Ниже нами предлагается два инструмента для оценки качественных характеристик временных и постоянных трудовых мигрантов.

Для оценки качественных характеристик временных трудовых мигрантов мы предлагаем применять доходный подход, измеряющий результаты произведенных вложений в формирование капитала, то есть приносимую денежную отдачу от его использования. Данный подход предполагает оценку получаемых временными трудовыми мигрантами доходов, которые отражают отдачу на средства, вложенные в их профессиональную подготовку. То есть ценность временного трудового мигранта тем выше, чем выше его легальный заработок, с которого выплачивается налог на доходы физических лиц (НДФЛ).

Данный способ оценки позволяет ранжировать временных трудовых мигрантов по уровню их участия в формировании бюджета региона, что в свою очередь, позволяет выделить преференциальные группы временных трудовых мигрантов. Для реализации данного механизма необходимо введение для трудовых мигрантов индивидуального номера налогоплательщика (ИНН).

Построение рейтингов дает знания о доходах трудовых мигрантов и может использоваться в качестве альтернативы квотному механизму при выдаче разрешения на работу, а также для прогнозирования динамики развития процессов временной трудовой миграции в регионе.

Предлагается осуществлять порядок выдачи разрешений на работу по принципу «положительной налоговой истории». Шансов получить разрешение на работу будет больше у того иностранного гражданина, у которого больше перечислен НДФЛ.

Использование предлагаемой методики оценки будет способствовать повышению доли легально получаемой заработной платы мигрантов и местного населения. В настоящее время «козырями» мигрантов при найме на работу, дающими им преимущество перед местными работниками, как правило, являются демпинговые цены на труд. Применение предлагаемой методики наоборот будет стимулировать самих мигрантов к более высоким легальным заработкам.

При оценке качественных характеристик постоянного трудового мигранта необходим более детальный подход, поскольку программы постоянной миграции предполагают предоставление статуса постоянного жителя иностранным гражданам сразу по прибытии в принимающую страну.

В данном случае нами предлагается применить представительный подход, основанный на измерении человеческого капитала индикаторами, отражающими составные части его формирования.

В содержательном плане индивидуальный человеческий капитал, включает запас здоровья, знаний, навыков и способностей, которые капитализируются при определенных условиях. Именно эти качества во многом определяют производительность работника, а также вклад в национальный доход.

В структуре индивидуального человеческого капитала выделяется капитал здоровья, культурно-нравственный капитал, трудовой, интеллектуальный и организационно-предпринимательский капитал. Из этих составляющих выведем критерии, по которым будут оцениваться трудовые иммигранты, желающие переселиться на постоянное место жительства в РФ (табл. 1).

Таблица 1

Критерии оценивания трудовых мигрантов

Виды человеческого капитала	Критерии для оценивания
Капитал здоровья (биофизический)	Возраст Состояние здоровья
Культурно-нравственный капитал	Знание языка принимаемой страны Знание истории /культуры России Опыт учебы в России Наличие родственников в России
Трудовой капитал	Опыт работы Спрос на специальность
Интеллектуальный капитал	Образование, ученая степень
Организационно-предпринимательский капитал	Инвестиции в экономику региона

Каждый критерий предлагается оценивать в баллах.

Таким образом, методика оценки индивидуального аккумулированного человеческого капитала трудового иммигранта заключается в определении перечня параметров (образование, профессия, опыт работы и т.д.), характеризующих мигрантов и начислении баллов по каждому параметру. Корректируя параметры и начисление баллов, в зависимости от потребностей экономики региона можно задать миграционный поток планируемого объема и качества. Очевидно, что при отборе мигрантов по образовательным или квалификационным критериям, выигрывает и рынок труда и экономика страны в целом, как в краткосрочной, так и в долгосрочной перспективе.

В чистом виде балльная система сегодня применяется в Канаде (с 1967г.), в Австралии (с 1989г), Новой Зеландии (с 1991), и Великобритании (с 2001г.). Однако и другие страны используют элементы балльной системы в своей миграционной политике.

Следует отметить, что во всех перечисленных странах мигранты, попадающие в страну вследствие получения проходного балла, составляют лишь определенную часть всех иммигрантов. То есть балльная система это всего лишь один из возможных способов наряду с другими программами легально попасть и трудиться в стране.

***Овчинникова Е.Р.,
Украина, г. Хмельницкий***

Потенциальная миграция и ее факторы

Миграция населения в широком смысле – любое территориальное перемещение между разными населенными пунктами одной или нескольких административно-территориальных единиц независимо от продолжительности, регулярности и целевой направленности.

Мировой опыт свидетельствует о том, что причинами миграции являются политические, военные, религиозные, национальные, культурные и другие социальные факторы. Однако современная миграция - явление прежде экономическое, обусловленное поисками нового места приложения труда за пределами своей родины. Так, многие ученые сегодня говорят о «приоритетности экономических факторов в формировании системы потоков добровольной миграции» [1]. Однако, с учетно-статистической точки зрения, ряд фактов переселения и миграционного передвижения не относятся к трудовой миграции: переселение пенсионеров, детей, различные виды внеэкономических миграций – сезонные поездки на отдых, туризм, регулярные маятниковые передвижения с культурно-бытовыми целями, поездки «за товаром» и т.д. То есть, не любое пересечение границы представляет собой трудовую миграцию. Например, ежемесячно в Украину по служебным и личным делам, а также как туристы или транзитники,

выезжают 200–250 тысяч иностранцев (процесс иммиграции). Однако право получения официального разрешения на трудоустройство используют только 6–7 тысяч иностранцев [2].

Вместе с тем, экономическая природа миграции населения проявляется в том, что в конечном итоге любой иммигрант, который остается длительное время в стране приема, будет искать средства к существованию. Поэтому, логично предположить, что к трудоориентованным мигрантам необходимо отнести: во-первых, непосредственно трудовых мигрантов, которые имеют определенную трудовую цель, во-вторых, тех, у кого трудовая функция завуалированная (стационарные мигранты), но они осуществляют заметное давление на перераспределение трудового потенциала между странами, поскольку в их структуре до 75–90% составляет население трудоспособного возраста. В последнее время получил распространение и такой вид скрытой трудовой миграции, как обучение и стажировка за рубежом, что во многих случаях перерастает в так называемую «утечку умов». Можно говорить и о нелегальных мигрантах, а также членах их семей, нелегально выезжающих за границу в поисках работы.

Таким образом, при исследовании миграции необходимо учесть трудовую направленность межгосударственных перемещений населения. Поэтому в данной работе под общим понятием миграция будем понимать именно экономическую (трудовую) миграцию.

Процесс миграции населения состоит из трех стадий: начальной, или подготовительной, стадии, представляющей собой процесс формирования территориальной подвижности населения; основной стадии или собственно переселения населения; заключительной, или конечной, стадии, представляющей собой адаптацию мигрантов на новом месте.

К мигрантам можно отнести членов семьи и других родственников, сопровождающих первичного мигранта или присоединяющихся к нему со временем, поскольку многие из них также находят себе работу в стране прибытия, что говорит о наличии такой разновидности миграции как семейная.

Таким образом, основной объект исследований имеет иерархическую структуру: от отдельного человека, к семье, к миграционным потокам (смене места жительства) на уровнях города, области, региона и всей страны (рис. 1.).

В этой иерархической структуре системы основными элементами являются отдельные люди, являющиеся носителями идей миграции по различным социально-экономическим, экологическим и политическим причинам.

Объединение людей в семьи является вторым, более укрупненным объектом исследований по сравнению с отдельным элементом. Процессы создания семьи и ее развития являются фундаментом образования миграции-

онных потоков на фоне социально-экономической, правовой, политической, экологической сред. Отдельные члены общества, семьи, попадая в эти среды, и образуют миграционные потоки, отражая общие результаты существования отдельных элементов и ячеек (семей).

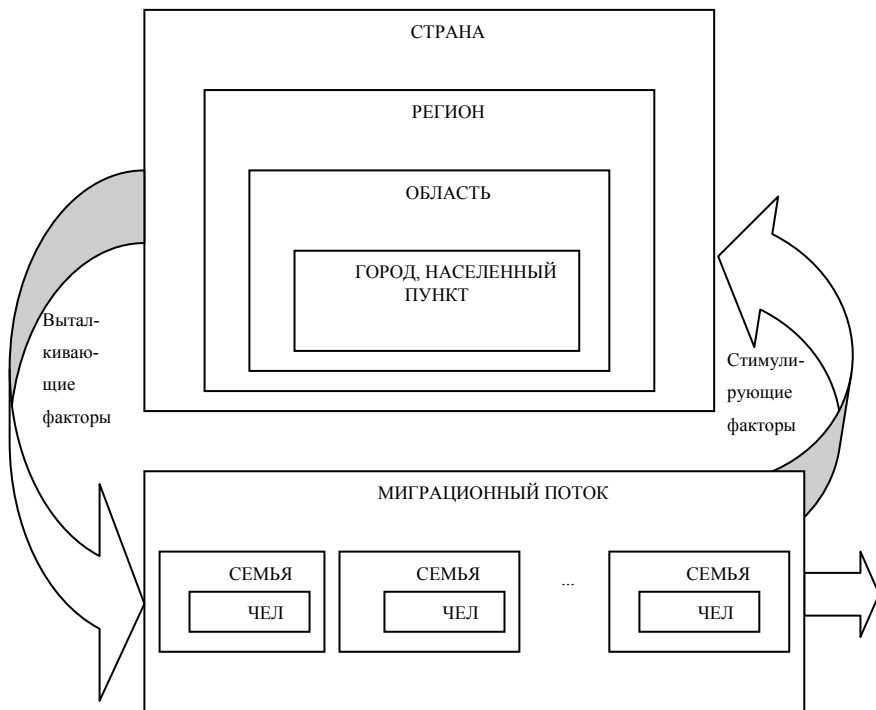

Рис. 1. Иерархическая схема формирования миграционных потоков

Отдельные элементы системы связаны с окружающей средой, то есть, более мощной системой, не только информационно, но и материально, духовно, и, возможно, и другими связями. Поэтому элементы общей системы на уровне отдельного человека или организации практически «пропускают» через себя результаты собственной деятельности и влияние окружающей среды. Именно на этих двух уровнях принимаются решения о миграции, а внешняя среда может играть роль системы типа «выталкивания» из страны, региона и т.д., или «сдерживающего» от миграции типа.

Понятно, что связи между элементами такой системы не ограничиваются лишь информационными процессами. Отсюда вытекает утверждение, что если миграционная система изучает только информационные связи, то это чисто бюрократическая (в нормальном смысле) система. Основное ее назначение – выяснить, что происходит, и определить последствия миграции.

Таким образом можно утверждать, что в системе действует два крупных механизма управления: самоуправление на уровне элементов и ячеек, – и государственное, региональное и др. управления, способствующие сдерживанию, уменьшению или усилению потоков миграции.

Тогда следует, что на уровне элементов и ячеек миграционную систему можно рассматривать в качестве результата различия целей управления общей системы с целями ее отдельных элементов.

Изложенные выше концептуальные положения характеризуют особенности предлагаемого общего подхода к изучению подобных систем. Вместе с тем такой подход нуждается в конкретизации для более детального рассмотрения особенностей потенциальной миграции населения.

Прежде всего определимся с понятием «потенциальная миграция», которое используется в теории миграциологии. Одним из первых о «потенциальной миграции» как о стадии миграционного перемещения населения упоминает Рыбаковский Л.Л. в [3]. Также к этому вопросу обращались и другие исследователи, однако однозначного определения «потенциальной миграции» пока не выработано. Воспользуемся диаграммой Венна [4] для формализации названных понятий (рис. 2.).

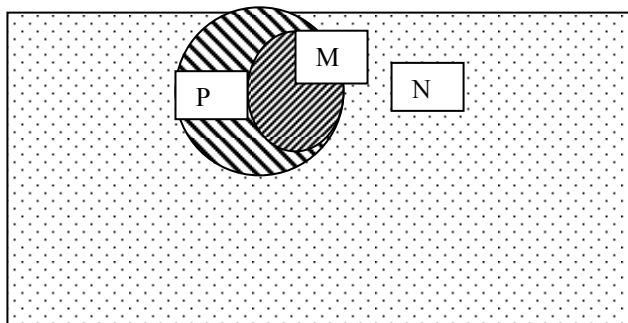

Рис. 2. Формализация системы миграции

Область (P) на диаграмме представляет класс элементов, обозначаемых как «потенциальная миграция», ее подмножество (M) – «миграция». Незаштрихованная область (N) – является дополнением множества (P) в универсальное множество (под последним понимается все население страны или региона). Принимая во внимание тот факт, что индивиды могут перемещаться из одних состояний в другие, например, из множества (N) в множество (P), можно представить процесс миграции в виде схемы (рис. 3).

Население воспроизводится такими путями (рис. 4.):

- природным (рождаемость, вступление в трудоспособный возраст);
- механическим (миграция, переезд на ПМЖ из других стран);
- реэмиграция (возвращение на родину после пребывания за ее пределами).

Рис. 3. Схема переходов в системе «миграция населения»

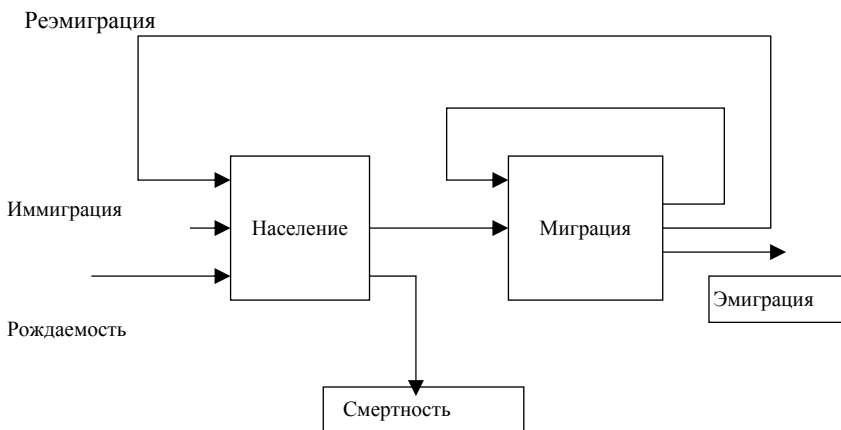

Рис. 4. Схема «входов» и «выходов» в системе «миграция населения»

Итак, потенциальная миграция – это часть населения страны, которая по своим личным мотивам или под влиянием факторов и условий окружающей среды потенциально готова к выезду за границу. Однако, следует отметить, что не все потенциальные мигранты примут участие в реальной миграции. У многих из них со временем могут измениться мотивы, побуждающие к выезду, и они перейдут в категорию «стационарное население». Иная часть потенциальных мигрантов действительно совершит акт перемещения за пределы территории, на которой проживает.

Время перехода индивидуумов в категорию «потенциальных мигрантов», а также время их непосредственной миграции зависит от многих факторов, влияющих на выезд: наличие виз, загранпаспортов, билетов, наличие официально оформленного контракта на трудоустройство за границей или нелегальность выезда, наличие двусторонних соглашений своей страны со странами приема эмигрантов, финансовые проблемы, и т.п.

Представляет интерес исследование качественного состава потока потенциальных мигрантов, с дифференцированием факторов, влияющих на

желание мигрировать, на «положительные» и «отрицательные», о чем будет сказано ниже.

Разделим факторы, влияющие на миграцию, на две группы: уменьшающие желание мигрировать и увеличивающие его (табл. 1.).

Таблица 1

Классификация факторов, влияющих на миграцию

Факторы, уменьшающие желание мигрировать	Факторы, увеличивающие желание мигрировать
Ситуация в стране	
<ul style="list-style-type: none"> - Изменения в политике, экономике, приводящие к улучшению общей ситуации в стране; - Стабилизация экономики; - Рост производства; - Увеличение числа рабочих мест; - Повышение жизненного уровня населения; - Благоприятное экологическое состояние; - ... 	<ul style="list-style-type: none"> - Изменения в политике, экономике, что приводят к ухудшению общей ситуации в стране; - Нестабильность экономического положения; - Рост безработицы; - Падение жизненного уровня населения; - Неблагоприятное экологическое состояние; - Экологические катастрофы; - ...
Человеческий фактор	
<ul style="list-style-type: none"> - Нормальные условия жизни; - Удовлетворительное состояние здоровья; - Интересная работа; - Высокий заработок; - Психологическое нежелание далеких путешествий; - Незнание иностранных языков; - Большая семья, наличие детей и родителей преклонного возраста; - ... 	<ul style="list-style-type: none"> - Финансовые трудности; - Потеря работы; - Наличие заболевания, лечение которого невозможно в своей стране; - Знание иностранных языков; - Информация о трудоустройстве за рубежом; - Наличие знакомых, соседей, родственников, которые были или проживают за рубежом; - Отсутствие собственного жилья; - Отсутствие семьи; - ...

Миграция населения не только увеличивает численность населения отдельных территорий, но и косвенно влияет на демографическую динамику тем, что мигранты участвуют в воспроизводстве населения. Поэтому значение миграции населения в изменении численности населения той или иной территории тем больше, чем выше доля мигрантов в составе населения этой местности.

Проведенный анализ миграционных потоков Украины позволил выявить ряд положительных и отрицательных последствий миграции (табл. 2.).

Таблица 2

Позитивные и негативные стороны миграционного обмена между странами

Позитивные стороны	Негативные стороны
<ul style="list-style-type: none"> • установление тесных связей между странами, улучшение взаимопонимания, повышение общего культурного уровня населения; • более успешная для некоторых граждан реализация человеческого и профессионального потенциала; • нормализация рынков труда, улучшение уровня занятости или за счет прямого оттока представителей тех профессий, которые не пользуются спросом на местном рынке труда, или безработных, или через эмиграцию конкурентоспособных слоев населения и заполнения появившихся вакансий теми, кто не мог на это рассчитывать при других обстоятельствах; • расширение производственного опыта работников, что помогает приобретению новых специальностей, универсализации рабочей силы; • приток валютных поступлений мигрантов, что благотворно влияет на финансовое состояние страны (валютные переводы могут превышать прибыль от внешнеэкономической деятельности); • повышение материального уровня семьи эмигрантов после их возвращения (заработная плата трудящихся-мигрантов в 8–10 раз выше, чем на родине); • временная трудовая миграция может быть альтернативой постоянной миграции (возможность некоторое время работать за границей, улучшить материальное положение своей семьи, вернувшись со сбережениями, которые обеспечат нормальное существование, снижает желание выезжать на постоянное место жительства); ... 	<ul style="list-style-type: none"> • возможная дискриминация граждан в период временной работы за границей, «противостояние» между местными и иностранными работниками, возникновение межнациональных конфликтов; • противоправные действия наших граждан в местах их компактного проживания (массовые беспорядки, «разборки», характерные для мафиозных структур); • переход легальной эмиграции в нелегальную, когда после окончания сроков действия контрактов мигранты остаются на некоторое время в другой стране, пополняя частную и неформальную сферу экономики; • значительное увеличение среди мигрантов доли высококвалифицированных работников, угроза потери страной части отечественной рабочей силы, причем - наиболее квалифицированных, молодых и инициативных работников; • несовершенство правовых актов и информационного контроля позволяет ведению скрытых валютных операций или противоправной торговли; • отток трудовых ресурсов активного возраста сопровождается ухудшением демографической ситуации в государстве, а уменьшение числа высококвалифицированных специалистов снижает качество населения; • в ряде случаев выезд специалистов за границу сопровождается экономическим кризисом, который отражается на экономическом, демографическом и трудовом потенциале государства; ...

В результате проведенного исследования нами выделены социально-экономические причины трудовой миграции Украины, выполнено их дифференцирование по степени влияния на желание мигрировать.

Было установлено, что существуют «положительные» и «негативные» мотивы трудовой миграции (табл. 3.). Если индивидуум относится к среднему или более высокому социальному слою, материально обеспечен, имеет средства к существованию на родине, то его желание трудоустроиться за границей носит деловой (как в случае стажировки, улучшения образования) или личный (например, расширение знаний о других странах) характер. Здесь действуют «позитивные мотивы».

Таблица 3

Перечень мотивов, влияющих на трудовую миграцию

«Позитивные» мотивы	«Негативные» мотивы
Намерение улучшить личную жизнь (выйти замуж, жениться); • Перспективы улучшения уровня жизни; • Лучшие образовательные возможности; • Повышение квалификации; • Стажировка; • Расширение знаний о других странах и их культуре; ...	• Отсутствие жилья; • Низкая заработная плата; • Потеря работы; • Отсутствие работы и заработков; • Невозможность реализовать на родине свои интересы и таланты; • Плохие жилищно-бытовые условия; ...

К «негативным» мотивам относятся низкий жизненный уровень граждан, материальная малообеспеченность и невозможность социального развития личности. В этом случае работа в других странах – едва ли не единственный выход из кризисного положения человека (семьи). Однако следует заметить, что такая ситуация приводит к социально-экономическому напряжению: граждане названной категории почти всегда идут на «черную», низкоквалифицированную или даже нелегальную работу.

Таким образом, для любой страны может быть важна информация о том, мигранты какой категории преобладают в миграционном потоке.

Отразим оптимальное количество трудовых мигрантов по причинам выезда с помощью графика (рис. 5.).

По оси Y будем измерять общее количество трудовых мигрантов в стране. По оси X – мотивы, побуждающие к миграции. При этом область отрицательных значений X будет соответствовать условиям, которые ведут к вынужденному поиску трудоустройства за границей, а область положительных значений – «позитивным» условиям выезда. С помощью экспертных оценок или на основе исследований миграции в прошлом можно дифференцировать мотивы по степени важности, приписав каждому из них числовое (бальное) значение.

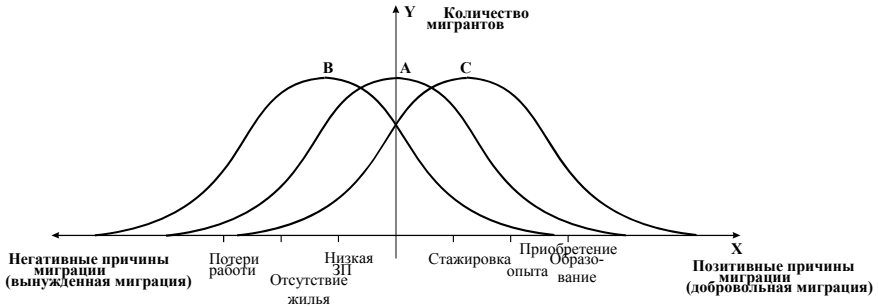

Рис. 5. График численности трудовых мигрантов по разным мотивам выезда

Логично предположить, что график распределения трудовых мигрантов имеет вид волны синусоиды: в любой стране количество людей, вынужденных мигрировать через невозможность существования на родине (крайнее значение «вынужденной» миграции), и людей, просто желающих «что-то изменить», имея хорошие условия жизни (крайнее значение «добровольной» миграции), невелико. Наибольшее количество миграционного потока составляют граждане, которые мигрируют по «промежуточным», «средним» причинам – от потери работы и отсутствия материальных условий, – до возможности стажировки, повышения уровня образования, квалификации.

Вопрос заключается в том, в какую сторону отклоняется вершина графика.

Возможны такие ситуации. График A показывает нормально распределенное количество мигрантов (почти одинаковое количество мигрантов, выезд которых вызван как «положительными», так и «отрицательными» причинами). Подобная ситуация приводит к стабильности в обществе.

График B – линия отклоняется влево. Растет число мигрантов, выезд которых обусловлен «негативными» факторами. Это указывает на критическую ситуацию в стране, плохие условия жизни населения. К сожалению, такая картина характерна сегодня для Украины.

График C (линия отклоняется вправо) соответствует ситуации, когда миграция вызвана «позитивными» факторами, что характерно для развитых стран с высоким уровнем жизни.

Очевидно, задачей государственной важности сегодня есть изменение пропорции трудовых мигрантов в сторону доминирующей по положительным мотивам.

Как известно, каждая страна самостоятельно определяет для себя приемлемое количество мигрантов, учитывая разные, как политические, так и экономические, моменты (ситуацию на отечественном рынке труда, суще-

ствование международных соглашений и т.п.). Но при этом важно, какой будет составляющая миграционного потока – из обездоленных людей, вынужденных мигрировать из-за невозможности нормального существования на родине, или людей, имеющих достаточный социальный уровень жизни, чья временная эмиграция вызовет обмен информацией, опытом, повышение квалификации, а также приведет к общему улучшению экономического положения страны, ее стабилизации на мировой арене.

Управлять миграцией – значит поддерживать на определенном уровне миграционную норму. Например, если среди мигрантов преобладают мужчины и наблюдается большая часть младших групп трудоспособного возраста (от 16 до 30 лет), это приводит к феминизации населения и его постарению в районах выбытия мигрантов и чрезвычайно большой доли молодых мужчин в районах вселения [5]. Процессы управления на всех уровнях иерархии миграционной системы – от отдельного человека, до уровня государства, – должны подвергаться единой цели: улучшению благосостояния общества. Однако понятно, что вектор целей имеет разнообразие компонентов, варьирующих от стремления заработать до желания «посмотреть мир», в зависимости от непосредственных характеристик каждого индивидуума. Поскольку индивидуум может быть представлен в качестве как биологической, так и искусственной системы [6], то степень преимущества этой каждой системы в нем также дифференцирует цель миграции.

Из вышесказанного следует, что регулирование миграционных процессов представляет собой обратную связь, т.е. корректировку отклонения миграционных потоков от миграционной нормы, что возможно через влияние факторов.

Можно сделать вывод, что миграция представляет собой систему, которая подчиняется кибернетическим закономерностям. На современном этапе исследования миграционных процессов особое внимание необходимо уделить управлению количеством и качеством миграционных потоков; а более эффективное управление возможно при совершенной организации исследования миграционной системы, начиная со стадии потенциальной миграции.

Литература

1. Позняк А.В. Новые тенденции миграции населения Украины // Труд и зарплата. 1991. – № 15.
2. Лібанова Е.М. Вплив зовнішньої міграції на соціально – економічний розвиток України // Економіка України. – 1993. – № 8. – С. 76.
3. Рыбаковский Л.Л. Миграция населения. Вып.5: Стадии миграционного процесса. Приложение к журналу «Миграция в России». М., 2001., – 160 с.

4. Ладенко И.С. Логические методы построения математических моделей: опыт формализации в системах анализа воспроизводства трудовых ресурсов. – Новосибирск: Наука, 1980. – 182 с.
5. Прибиткова I.M. Основы демографії. -К.: “Арт ЕК”, 2000. – 254 с.
6. Бир С. Кибернетика и управление производством. – М.: Наука, 1965. – 388 с.

Орлова Е.А.,
Россия, г. Екатеринбург

Прогнозирование демографических процессов периферийных муниципальных районов промышленного региона¹

Исследование проводилось в рамках работ территориального планирования муниципальных районов Пермского края. Помимо целей экономического районирования, в данной работе была поставлена задача обоснования демографической политики развития муниципалитетов на основании научно обоснованных демографических прогнозов, учитывающих процессы естественного и миграционного прироста/убыли населения. Поскольку благодаря данному проекту мы получили результаты демографических прогнозов нескольких муниципальных районов, обладающих территориальной и национальной общностью, а также имеющих примерно одинаковую экономическую специализацию, была поставлена задача выявить демографические тенденции развития данных территорий. Таковыми территориями являются Кишертский, Ординский и Уинский муниципальные районы. Все три района расположены на юге Пермского края, в число поселений района входят только сельские поселения, они имеют сельскохозяйственную специализацию, крупных объектов промышленного производства нет.

Прогнозные расчеты выполнялись в 2009 году на основании статистических данных о демографических процессах за 2000–2008 гг. Благодаря непосредственному участию муниципальных районов в процессе подготовки исходной информации для прогнозных расчетов, данные официальной статистики были дополнены данными администрации муниципальных образований, что существенно усилило исходную информационную базу для проведения анализа и последующего прогноза.

Ставились следующие задачи исследования:

1. Выявить демографические тенденции периферийных территорий, входящих в состав промышленных регионов, но не имеющих объектов промышленного производства на своей территории.

¹ Публикация выполнена в рамках Программы фундаментальных исследований Президиума РАН №34, проект 12-П-7-1001 «Новые инструменты и методы прогнозирования инновационно-технологического развития регионов».

2. Подтвердить или опровергнуть гипотезу демографической убыли населения за счет отрицательной миграции молодежи из периферии в центр региона.

3. Верифицировать прогнозные расчеты современными данными о численности населения муниципальных районов.

К отличительным характеристикам воспроизводства населения проанализированных районов можно отнести (табл. 1):

1. Достаточно высокие показатели естественной убыли населения.

2. Менее благоприятное развитие демографических процессов в сравнении с большинством иных муниципальных районов Пермского края. Отставание районов в формировании социальной инфраструктуры, отсутствие выбора сферы приложения труда, низкий уровень доходов, неблагоприятная социальная обстановка обуславливают высокую смертность и заболеваемость, с последующим изменением половозрастного состава населения.

3. Намечилась тенденция к уменьшению естественной убыли населения за счет снижения показателя смертности, что отражает общую тенденцию демографических процессов по стране в целом.

4. Намечилась тенденция к сокращению миграционного оттока населения, на одной из территорий миграция имеет положительное сальдо.

5. Гипотеза влияния миграции на демографическую убыль населения не нашла своего подтверждения как общего тренда для всех трех территорий.

Таблица 1

Обобщенные демографические показатели муниципальных районов юга Пермского края за 2002 и 2008 гг., чел. на 1000 населения

	Коэффициент убыли населения	Коэффициент рождаемости	Коэффициент смертности	Сальдо миграции
Кишертский МР	-5,3; 14,7	9,7; 10,8	-19,0; -25,8	-16,6; +6,9
Ординский МР	-3,8; 7,3	11,8; 15,5	-14,9; -19,5	-4,7; - 25,5
Уинский МР	-2,7; 10,9	10,6; 14,0	-15,3; -20,2	-2,7; - 14,4

Приведенные данные позволяют сделать **вывод о невозможности обобщающих выводов по данным территориям, несмотря на их географическую и экономическую общность**. Воспроизводство населения на территориях, с одной стороны, определяет влияние общероссийских тенденций, с другой стороны решающее значение имеют особенности территориального развития. Так, несмотря на самые высокие показатели естественной убыли населения, сокращение численности населения Кишертско-

го муниципального района происходит более низкими темпами за счет влияния миграционного прироста. На двух других территориях на протяжении всего периода наблюдений фиксирует миграционный отток населения. Однако на территории Ординского района зафиксированы достаточно низкие, на уровне средних показателей по Пермскому краю, показатели естественной убыли населения.

Таким образом, мы говорим о необходимости *проведения исследований социально-демографических причин динамики показателей и демографических прогнозов для каждого муниципалитета*, нельзя выработать единый тренд и накладывать его на соседствующие территории, а тем более на все территории одного региона.

Таблица 2

**Прогнозная численность населения муниципальных районов
юга Пермского края, человек**

	Факт на 1.01.2008	Прогноз			
		на 1.01.2010	на 1.01.2015	на 1.01.2020	на 1.01.2025
<i>Пессимистический вариант</i>					
Кишертский МР	14578	14347	13922	13651	13519
		-1,6%	-2,9%	-1,9%	-0,9%
Ординский МР	16185	15863	15308	14928	14708
		-2,0%	-3,4%	-2,3%	-1,4%
Уинский МР	12849	12255	11653	11195	10866
		-4,6%	-4,7%	-3,6%	-2,6%
<i>Оптимистический вариант</i>					
Кишертский МР	14578	14434	14225	14092	14022
		-1,0%	-1,4%	-0,9%	-0,5%
Ординский МР	16185	15959	15564	15334	15259
		-1,4%	-2,4%	-1,4%	-0,5%
Уинский МР	12849	12430	12001	11704	11529
		-3,3%	-3,3%	-2,3%	-1,4%

При расчете прогнозных показателей численности населения был использован метод компонент (метод передвижки возрастов), который основан на применении уравнения демографического баланса. Прогноз демографического развития муниципальных районов был разработан с учетом муниципальных программ экономического и социального развития и Проекта программы социально-экономического развития Пермского края. При составлении прогноза было разработано несколько сценариев развития основных демографических показателей (рождаемости, смертности и миграции). Результатом комбинаций этих сценариев явились два варианта прогнозного развития: пессимистический и оптимистический (табл. 2).

Основой пессимистического варианта является неизменность выявленных демографических тенденций в развитии демографических показателей. Оптимистический вариант основывается на предположении реализации программ социально-экономического развития, оказывающих влияние на демографические показатели (рождаемость, смертность, миграция) как на уровне региона, так и на уровне муниципалитетов. Данный вариант демографического прогноза предполагает некоторый прогресс в экономике и значительные вложения в социальную сферу, которые могли бы привести к минимизации темпов сокращения численности населения. Прогнозируется, что будут выполнены меры по сокращению убыли населения, предусмотренные Программой социально-экономического развития Пермского края, а также предполагается, что вырастет рождаемость, вследствие чего произойдут положительные изменения в возрастной структуре населения за счет роста доли детей.

Из результатов прогнозирования также следует, что хотя общая тенденция убыли населения отмечается на всех трех территориях, разность внутренних социально-экономических процессов, происходящих на соседствующих территориях, приводит к разным темпам изменений демографических показателей.

Верификация результатов позволила говорить о *состоятельности используемого научно-методического аппарата прогнозирования демографических процессов* на уровне муниципальных образований.

По данным Пермоблстата на 1 января 2010 г. численность населения Кишертского муниципального района составило 14 455 человек, Ординского – 16 145 человек, и Уинского – 12 223 человек. При сравнении с прогнозными данными, можно констатировать, что фактические результаты незначительно расходятся с данными из оптимистического варианта прогноза по двум муниципалитетам – Кишертскому и Ординскому, но данные Уинского района соответствуют пессимистическому прогнозу. Исходя из этого можно сделать вывод о необходимости дополнительных исследований причин негативного тренда развития демографической ситуации на территории Уинского муниципального района и более пристального внимания к ней региональных властей.

Таким образом, внедрение на региональном уровне программы, сочетающей демографическое прогнозирование и мониторинг расхождения прогнозных и фактических данных, позволит выявлять неблагоприятные территории и своевременно выборочно применять механизмы государственного регулирования социально-демографических процессов.

**Пенина О.,
Республика Молдова, Кишинев**

Продолжительность жизни и причины смерти в Молдове, Украине и Румынии

Предпосылки и цели исследования

Молдова в настоящее время значительно отстает от развитых стран по уровню ожидаемой продолжительности жизни при рождении. Сопряженный анализ смертности по возрасту и причинам смерти в контексте длительных исторических тенденций позволяет лучше понять современную эпидемиологическую обстановку и предугадать развитие будущих тенденций, а сравнительный анализ с другими странами – выявить общее и особенное в динамике молдавской смертности. Для сравнительного анализа были выбраны две соседние страны – Украина и Румыния.

Статистическая основа и методология исследования

Периодические пересмотры номенклатур причин смерти нарушают непрерывность временных рядов смертности, затрудняя их анализ. В отсутствие практики двойного кодирования причин смерти в момент смены номенклатур, метод восстановления (*Валлен и Меле*, Франция) позволяет рассчитать *ex post* коэффициенты перехода между рубриками старой и новой классификаций, обеспечивая сопоставимость рядов динамики умерших во времени. В работе анализируются восстановленные данным методом ряды смертности для Молдовы согласно рубрикам десятого пересмотра международной классификации болезней, травм и причин смерти (МКБ) за 1965–2010 годы (*Пенина, Меле, Валлен*) и Украины согласно рубрикам советской классификации причин смерти 1981 года, пересмотренной в 1988 году, за 1965–2004 годы (*Меле и др.*, 2003, 2011). В 2005 году в Украине был осуществлен переход на сокращенный вариант МКБ-10, поэтому реконструированные ряды смертей за 1965–2004 годы были продлены невосстановленными данными за 2005–2009 годы, основываясь на теоретическом содержании рубрик причин смерти. Для Румынии, к сожалению, подобная работа еще не проводилась, поэтому анализ для этой страны ограничен основными классами причин смерти за 1963, 1969–2009 годы, динамика которых не искажена периодическими пересмотрами номенклатур причин смерти [2], а также отдельными причинами смерти за 1997–2008 годы согласно действующей в настоящее время МКБ-10. Данные по Молдове и Украине анализируются с учетом коррекции неполной регистрации смертей в 1960-е и 1970-е годы, эффект которой особенно выражен в случае Молдовы [3].

В данной работе представлен сравнительный анализ тенденций смертности от основных классов и отдельных причин смерти в Молдове, Украине и Румынии с середины 1960-х годов. В работе использованы таблицы смертности, прямой метод стандартизации коэффициентов смертности.

Основные результаты

Рисунок 1 дает общее представление о траектории движения ожидаемой продолжительности жизни при рождении за последние полвека в рассматриваемых странах на фоне Франции – одной из наиболее успешных в области снижения смертности.

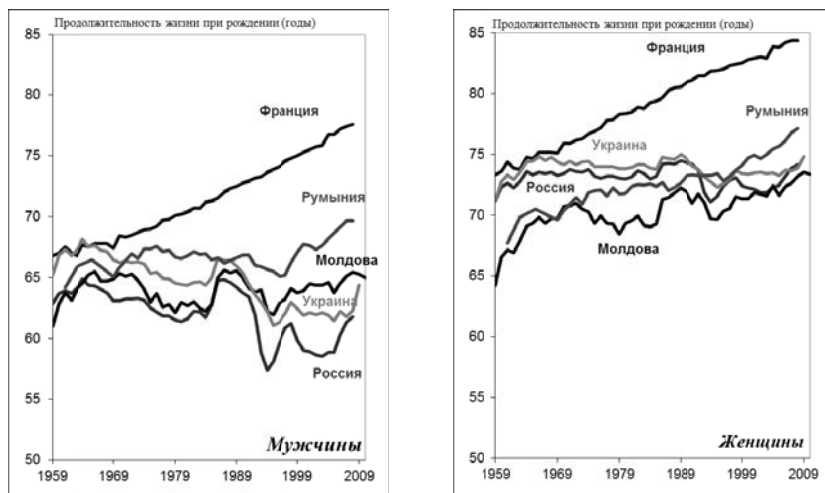

Рис. 1. Эволюция ожидаемой продолжительности жизни при рождении в Молдове и некоторых европейских странах с конца 1950-х гг.

На момент завершения первого этапа эпидемиологического перехода, датируемый серединой 1960-х годов [4], разрыв в уровне смертности между Молдовой и Францией значительно снизился, однако стартовые позиции у женского населения Молдовы и Румынии были значительно хуже. Именно женское неблагополучие, обострившееся в 1970-е годы и в начале 1980-х годов, особо выделяет Молдову на фоне остальных стран. Со второй половины 1960-х годов в трех постсоветских странах начался затяжной период роста смертности, сменившийся в Молдове и Украине периодом «волн» (1985–1998 годы), вызванных антиалкогольной кампанией 1985 года и социально-экономическим кризисом начала 1990-х годов. В Румынии, где антиалкогольная кампания не проводилась, тенденции смертности также характеризуются непрерывным ростом у мужчин и стагнацией у женщин, однако устойчивый рост продолжительности жизни

с 1997 года указывает на возврат этой страны в магистральное русло эпидемиологического перехода, которым проследовали страны Запада, и выход из кризиса смертности. В Молдове и Украине, несмотря на кратковременные эпизодические периоды роста продолжительности жизни во второй половине 1980-х и 1990-х годов, общая тенденция все еще остается кризисной, особенно у мужчин, а рост показателя в начале XXI века в обеих странах еще слишком непродолжителен, чтобы сделать вывод об устойчивом улучшении ситуации.

Динамика уровня смертности от болезней системы кровообращения повторяет траекторию смертности от всех причин во всех трех странах (рис. 2). Для Молдовы и Украины характерен длительный рост смертности до 1985 года, выраженное снижение в период антиалкогольной кампании 1985–1987 годов, возврат неблагоприятных тенденций после снятия запретительных мер в 1987 году, быстрый рост смертности в период социально-экономического кризиса начала 1990-х годов, кратковременное улучшение во второй половине 1990-х годов и стагнация, сменившаяся кратковременным улучшением, в последнее время. В целом, колебания уровня в 1980-е и 1990-е годы более выражены в Молдове по сравнению с Украиной, причем у обоих полов. Однако последние тенденции, складываются более благоприятно у молдавского населения. В Румынии после длительного периода роста у мужчин и стагнации у женщин, последние десять лет смертность от болезней данного класса проявляет устойчивую тенденцию к снижению.

Во второй половине 1960-х и в начале 1970-х годов уровень смертности от внешних причин был одинаковым в Молдове и Украине, в то время как в Румынии ситуация изначально была более благоприятной. В Молдове и Украине в разгар антиалкогольной кампании 1985 года показатели смертности от внешних причин существенно снизились, несколько приблизившись к румынским значениям. Однако последующие события конца 1980-х и начала 1990-х годов вызвали стремительный рост смертности, особенно в Украине. Неблагоприятные тенденции для данного класса причин смерти у мужского населения продолжают сохраняться в обеих странах и на протяжении последнего десятилетия. В Молдове по сравнению с Украиной ситуация складывается более благоприятно в молодых трудоспособных возрастах до 35 лет, для которых наблюдается снижение уровня смертности от ряда внешних причин смерти (убийства, повреждения без уточнения случайного или преднамеренного характера, несчастные случаи, вызванные огнем, электрическим током и ряд других). После длительного периода неблагополучия в Румынии, начиная с 1997 года, отмечается тенденция к снижению смертности от внешних причин.

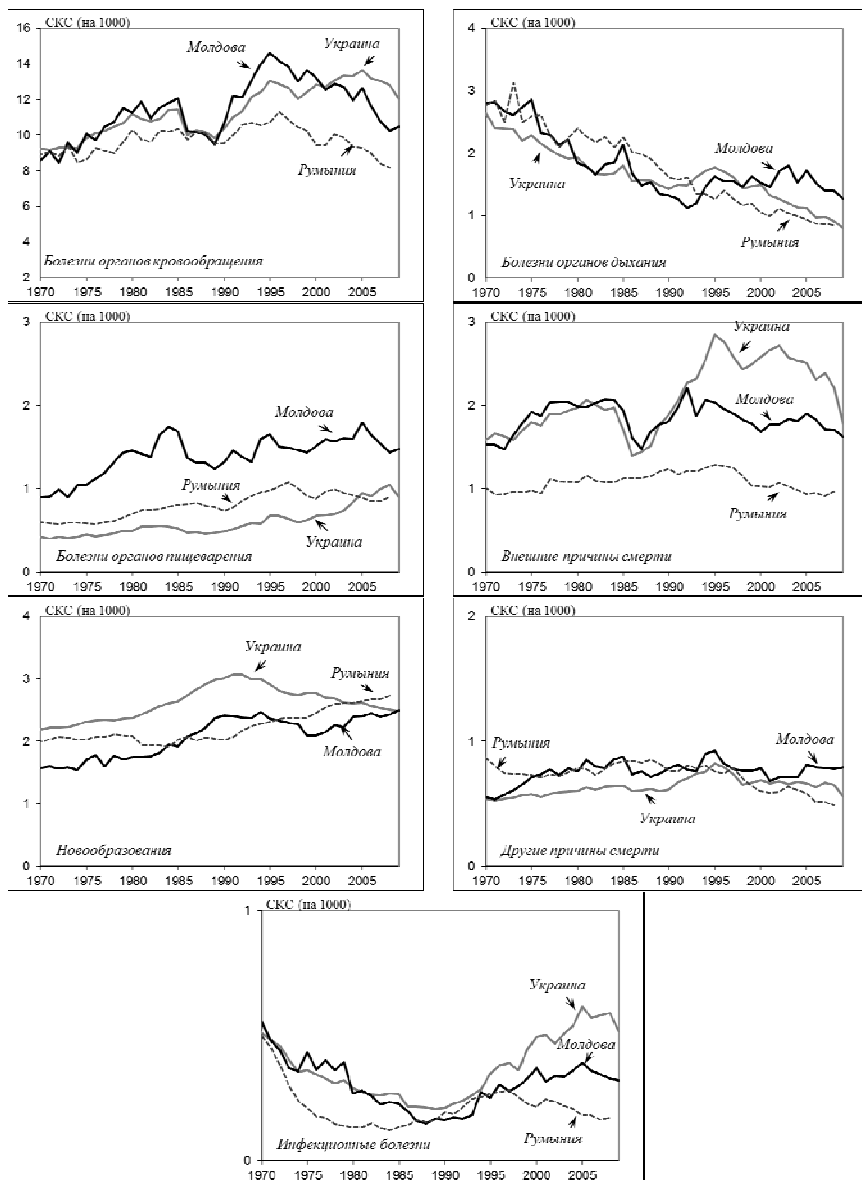

Рис. 2. Динамика стандартизованного коэффициента смертности от основных классов причин смерти в Молдове, Украине и Румынии, мужчины

Отличительной чертой молдавского типа смертности на фоне этих двух европейских стран является очень высокий уровень смертности от болезней органов пищеварения (циррозов печени), причем, как у мужчин, так и

у женщин. Между 1965 и 2010 годами стандартизированные показатели смертности от этой причины смерти у мужчин выросли в 4 раза, а у женщин – в 6 раз. Наиболее активно рост происходил до 1985 года. Резкое сокращение потребления алкоголя в период действия антиалкогольной кампании, способствовало кратковременному снижению смертности от циррозов печени. Уровень смертности в 1984–1989 годы снизился почти в два раза. Однако с начала 1990-х годов у молдавских мужчин возобновился медленный рост смертности, а у женщин наблюдается длительная стагнация. Отметим, что в Украине, где тенденции смертности от болезней органов пищеварения также складываются весьма неблагоприятно, темпы роста показателя в последнее время у мужчин значительно выше, чем в Молдове. В Румынии сформировалась нисходящая тенденция за последнее десятилетие.

Смертность от новообразований, напротив, длительное время была существенно ниже в Молдове, чем в Украине или Румынии, что может объясняться, по крайней мере, отчасти, большей степенью неполной регистрации смертей от этого класса причин смерти в Молдове. В Украине и Молдове смертность от новообразований непрерывно росла вплоть до начала 1990-х годов (у мужчин – прежде всего, за счет рака легких). В 1990-е годы в Молдове наблюдалась стагнация, и даже некоторое снижение мужской смертности от данной патологии, сменившаяся ростом с конца 1990-х годов. В Украине нисходящая тенденция смертности от новообразований с начала 1990-х годов сохраняется до сих пор. В качестве объяснения данного феномена высказывается предположение о конкурирующем влиянии других причин смерти у мужского населения (в первую очередь, речь идет о внешних причинах смерти и заболеваниях органов кровообращения) [1].

Смертность от инфекционных заболеваний, среди которых доминирует туберкулез органов дыхания, после стремительного сокращения в 1960–1980 годы возобновила свой рост, причем более быстрыми темпами в Украине по сравнению с Молдовой. В Молдове и Украине в 1970-е и 1980-е годы довольно быстро сокращалась смертность от болезней органов дыхания. Однако, если после короткого периода возврата неблагоприятных тенденций в начале 1990-х годов в Украине удалось возобновить нисходящую тенденцию, то в Молдове уровень смертности от данной патологии (прежде всего, речь идет о пневмониях и хронических obstructивных болезнях легких у взрослого населения) остается практически неизменным до сих пор.

Таким образом, в Молдове, хотя некоторые черты второго этапа эпидемиологического перехода (снижение смертности от болезней системы кровообращения) можно наблюдать в старших возрастах, особенно у женского населения, сохранение аномально высокой смертности населения тру-

доспособных возрастов и некоторых элементов архаичной структуры причин смерти не позволяют пока говорить о стабильном улучшении ситуации в области охраны здоровья и жизни населения. Более того, неблагоприятные тенденции смертности от раковых заболеваний некоторых локализаций (прежде всего, от рака легких, кишечника и груди) в дальнейшем будут только усугублять ситуацию, усиливая отставание Молдовы от западных стран. Сходные проблемы испытывает и Украина. В Румынии наблюдаемый в последнее время прогресс связан не только со снижением смертности от болезней органов кровообращения, но и с переломом долговременных неблагоприятных тенденций для остальных классов причин смерти, за исключением новообразований.

Литература

1. Meslé F., Vallin J. (avec des contributions de Vladimir Shkolnikov, Serhii Pyrozhev et Serguei Adamets). Mortalité et causes de décès en Ukraine au XXe siècle. Paris: INED, Cahier n°152, 2003, p. 396 + CD-Rom.
2. Penina O., Meslé F., Vallin J. Can we compare cause-specific mortality trends in Moldova, Ukraine and Romania? Paris, INED. Paper presented at the Third Human Mortality Data Simposium, Paris, 17–19 June 2010.
3. Penina O., Meslé F., Vallin J. Correcting for Under-Estimation of Infant Mortality in Moldova. In: Population-E. 2010, vol 65, nr 3, p. 499–514.
4. Vallin J., Meslé F. Convergences and divergences in mortality. A new approach to health transition. Demographic Research (Special Collection 2. Determinants of Diverging Trends in Mortality). 2004, p. 12–43.
5. Андреев Е.М. Метод компонент в анализе продолжительности жизни. *Вестник статистики*. 1982, nr 9, p. 42–48.

***Поалелунжъ О.,
Республика Молдова, Кишинев***

Миграционные процессы в республике Молдова в контексте взаимодействия миграционных систем СНГ и ЕС

На момент распада СССР и создания СНГ вряд ли кто-то предполагал масштаб последующих изменений и социально-экономических потрясений. Тем сложнее было предугадать и связанную с этими процессами миграцию населения и ее объемы.

В течение относительно короткого исторического периода Республика Молдова столкнулась с огромным разнообразием потоков международной миграции, включая миграцию на постоянное место жительства, потоками вынужденных мигрантов, временную трудовую миграцию, транзитную миграцию, незаконную миграцию и т.д.

Длительность периода вовлечения населения в данные процессы, разнообразие форм, трансформация *незавершенной* миграции в *окончательную*, процессы интенсивной интеграции мигрантов в странах пребывания и др. способствуют потерям человеческих ресурсов страны.

Это усугубляет процессы депопуляции и интенсивного старения населения, характерные для Молдовы, влияет на демографическую безопасность¹, последующее экономическое и социальное развитие страны.

Надлежащее регулирование процессов миграции способствует смягчению остроты демографических проблем. Оптимальными в этом смысле для Молдовы, являются обеспечение циркулярной (возвратной) миграции², создание предпосылок для возврата и ре-интеграции мигрантов. Однако поиск и внедрение необходимых решений представляют определенную сложность.

Во-первых, необходимо учитывать длительность миграционных процессов. В течении 20 лет после изменения геополитических систем породивших миграцию уже устоялись социальные сети и самоподдерживающаяся миграционная инфраструктура, обеспечивающие самоорганизацию миграционного потока.

Во-вторых, в отличие от остальных стран СНГ, за исключением, пожалуй, Украины, Республика Молдова находится на стыке двух миграционных систем: СНГ и ЕС, и разно-векторная направленность миграционного потока существенно усложняет оценку последствий явления, а также возможность реализации принятых решений.

Основные центры притяжения молдавских мигрантов – страны ЕС и Россия – находятся в определенной конкуренции за рабочую силу. Хотя миграционные политики стран пребывания молдавских мигрантов имеют выраженную иммиграционную направленность, они существенно отличаются по условиям въезда, пребывания и обеспечения прав мигрантов, что также осложняет для молдавской стороны возможности единого подхода в управлении внешней миграцией. Отсутствие координации между этими миграционными системами в вопросах управления миграционными потоками, усложняет для Молдовы возможности обеспечения легитимного поля миграции, обеспечения механизма возвратной миграции, ограничивает возможности предупреждения последствий нелегального пребывания молдавских граждан за рубежом.

Анализируя миграционные процессы необходимо учесть все разнообразие форм миграции: на постоянное место жительства, вынужденную,

¹ Постановлением Правительства Республики Молдова от 12.10.2011 была принята Национальная стратегическая в области демографической безопасности Республики Молдова (2011–2025).

² Постановлением Правительства от 2.07.2011 г. принята Национальная стратегия в области миграции и убежища (2011–2020 гг.)

трудовую, незаконную миграцию, понимать, что ее сущность и структура меняются с течением времени.

Таблица 1

Население и миграция в Республике Молдова, 2000-2010 г., (тысяч человек)

Год	Население (всего)	Эконом. активное население	Выехавшие на ПМЖ	Репатрианты	Иммигранты	Временные трудоу выемцы ³
1995	4345	1686	4,2	7,2	н.д.	н.д. ⁴
2000	3644	1655	9,2	1,4	1,3	138
2001	3628	1617	6,4	1,5	1,3	172
2002	3628	1615	6,6	1,6	1,3	231
2003	3618	1474	7,4	1,3	1,6	291
2004	3607	1433	7,2	1,8	1,7	345
2005	3600	1422	6,8	1,1	2,1	365
2006	3590	1357	6,7	1,6	2,0	310
2007	3581	1314	7,1	1,7	2,1	336
2008	3572	1303	7,0	2,0	2,7	310
2009	3568	1265	6,6	2,2	2,0	295
2010	3564	1235	4,7	1,7	2,5	311

Источник. Данные Национального бюро статистики Республики Молдова.

Примечания.

Численность населения на 1995 г. включает население Приднестровского региона, за последующие годы - не включает

Выехавшие на ПМЖ – лица, выехавшие на постоянное место жительства за рубеж

Репатрианты – лица, рожденные в РМ или на территории РМ и имеющие право на гражданство РМ

Иммигранты – здесь, иностранные граждане, временно находящиеся в РМ в целях работы, учебы или в целях воссоединения семьи. С 2010 г., в связи с изменением законодательства, изменен и порядок учета этой категории иностранных граждан
Временные трудовые мигранты – население РМ, лица, которые в последние 12 месяцев временно находятся или находились за рубежом в связи с работой или в поиске работы

В данной таблице не приведены данные по вынужденной миграции (беженцам), так как они весьма незначительны. За весь период в РМ получили статус беженцев около 200 лиц.

Структура миграционных потоков из Молдовы на протяжении последних 20 лет претерпела ряд изменений: в начале 1990-х гг. преобладали потоки выезда на постоянное место жительства, в том числе репатриация в страны СНГ. Они были вызваны последовавшими за развалом прежде единой страны потребностями в объединении семей, и, отчасти, существовавшими на тот период на пространстве СНГ, националистическими настроениями. В период 1995–2010 гг. на постоянное место жительства за

³ По данным Исследования рабочей силы домашних хозяйств, осуществляемого НБС РМ.

⁴ н.д – нет данных.

пределы Молдовы выехали более 102 тысяч человек, тогда как репатриировались в страну только 47 тысяч, в результате чего сложилось отрицательное миграционное сальдо в 55 тысяч человек.

Однако, после середины 1990-х гг. мотивация миграции изменились, большую роль стали играть экономические факторы (как выталкивающие, так и притягивающие). Характерной для Молдовы стала экономическая (трудовая) эмиграция.

Поскольку экономическая ситуация в России лучше по сравнению с другими странами СНГ (в 1996 году уровень ВВП на душу населения в России был в три раза выше, чем в Молдове, а в 2010 году – в шесть раз⁵), именно Россия стала *экономическим* центром, привлекающим мигрантов из Молдовы. Основные мотивы их миграции в Россию - экономические. Факторами, стимулирующими миграцию в Россию, были и остаются возможности безвизового въезда, знание общего языка, близкой культуры, взаимного признания дипломов и квалификации и т.д.

Однако постепенно все отчетливее становится деление миграционного потока на страны СНГ и страны ЕС. Пик выезда временных молдавских мигрантов за рубеж пришелся на 2005 год. И хотя в 2006-2008 годах интенсивность процессов несколько снизилась – сказались ужесточение визового режима при расширении границ ЕС и последствия финансового кризиса, в целом это не повлияло на динамику и направленность миграционных потоков (в страны СНГ и ЕС).

Исследования бюджета домашних хозяйств (ИБДХ) и рабочей силы (ИРС)⁶, осуществляемые Национальным бюро статистики Молдовы, позволяют проследить временную трудовую миграцию в динамике, по ряду социально-демографических показателей, таких как пол, возраст, семейный статус, по уровню образования и др., в том числе и по странам пребывания мигрантов. И хотя по ряду показателей данные могут быть неполными, официальная статистика является наиболее достоверным источником, позволяющим просмотреть в динамике основные характеристики и тенденции трудовой миграции.

«Выталкивающим фактором»⁷, по-прежнему являются отсутствие рабочих мест (52%) и низкий уровень заработной платы (42%). При этом для

⁵ Источник: <http://www.worldbank.org/>.

⁶ Проводится на основании ежеквартального опроса всех лиц старше 15 лет входящих в состав домохозяйства. Выборка охватывает около 12 тыс. домохозяйств (всего 48 тысяч в год), является репрезентативной на национальном уровне по типу местности (город/село), экономико-географическим зонам, по полу и возрасту. Анкета определяет наличие в хозяйстве лиц временно отсутствующих (более или менее одного года), в связи с выездом за пределы страны на (а) учебу, (б) на работу, (в) в поисках работы и (г) по другой причине.

⁷ Исследование Национального бюро статистики, «Миграция рабочей силы», 2009 г.

городских жителей основным мотивом выезда на заработки является низкий размер заработной платы (55%), а для сельских жителей – отсутствие рабочих мест (57%). Более 2/3 молдавских мигрантов – жители сёл, 36% мигрантов – женщины.

Уровень образования молдавских мигрантов достаточно высокий. В 2011 году доля мигрантов с высшим образованием составила 10,7%, средним специальным (колледж) – 12,7%, средним профессиональным – 24,7%, общим обязательным (9 классов) – 25,5%, общим средним (12 классов) – 25,9%. Причем, на протяжении последних десяти лет доля мигрантов с высшим, средним специальным и средним профессиональным образованием увеличивается. Нельзя сказать, что миграция всегда оправдана отсутствием спроса на труд в Молдове, в настоящее время национальный рынок труда отмечает недостаток квалифицированных работников в строительстве, здравоохранении и образовании, сфере услуг и других отраслях⁸.

Наиболее массово присутствие молдавских трудовых мигрантов выражено в России (60 %), Италии (19%), Португалии (5%), Испании, Греции.

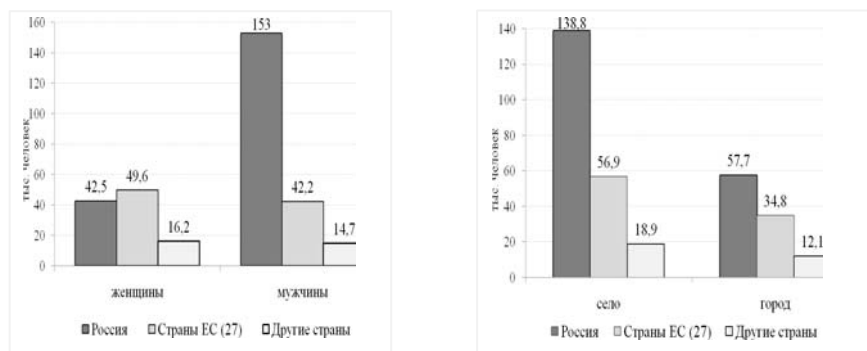

Рис. 1. Распределение временных трудовых мигрантов по странам пребывания, в зависимости от пола и типа местности, 2009 г., тыс. чел.

Источник. Расчеты автора на основании данных исследования «Миграция рабочей силы», НБС, Кишинев, 2009 г.

Потребности рынка труда принимающих стран и возможности трудоустройства мигрантов определили сферу их занятости для каждой из стран и профиль мигрантов. В странах СНГ основная доля мигрантов занята в строительном секторе и торговле, тогда как в странах ЕС и других странах – преобладает занятость в домашнем хозяйстве и строительстве.

Соответственно, в странах СНГ преобладают мигранты – мужчины (77%), тогда как в странах ЕС их доля составляет только 34,2%. В общем

⁸ <http://www.statistica.md/>.

потоке мигрантов, как в направлении стран СНГ (70,3%), так и стран ЕС (62,0%), преобладают выходцы из сельской местности (рис. 1). На заработки в Российскую Федерацию выезжают более молодые мигранты, тогда как в страны ЕС – более старшие возрастные группы (табл. 2).

Преобладание среди мигрантов в странах ЕС (Италия, Греция, Португалия), женщин, обусловлено сегментируемым рынком труда данных стран [9] и потребности в рабочих руках в таких видах деятельности как надомный труд, торговля, реже – строительство.

Средний период пребывания женщин-мигрантов за рубежом составляет 2,7 года, что почти на один год больше, чем у мужчин (1,8 года).

Таблица 2

Профиль временных трудовых мигрантов по странам пребывания, %

		Страны ЕС	Россия	Другие страны
Возраст	15–24	16,7	23,4	16,2
	25–34	27,6	28,02	29,7
	35–44	26,4	27,6	24,5
	45+	29,3	20,9	29,5
Тип местности	Город	36,7	34,4	36,3
	Село	62,0	70,3	57,7
Количество лет обучения	Среднее	11,65	10,67	11,25
Занятость до миграции	Занятый	40,5	33,4	35,3
	Безработный	39,4	56,0	29,5
	Студент	6,4	3,1	8,3
	Домохозяйка	12,4	5,9	23,0
	Пенсионер	0,3	0,2	0,9
	Другое	0,9	1,3	3,0

Источник: расчеты автора на основе данных Национального бюро статистики Республики Молдова

С точки зрения возможных демографических потерь Молдовы важным является понимание уровня адаптации/интеграции мигрантов в принимающем обществе.

В 2004 году для стран Евросоюза была разработана специальная методика оценки политики интеграции, основанная на соотношении законодательства стран с директивами Совета Европы, касающихся правового положения иммигрантов. Эта методика получила название «Индекс интеграции мигрантов MIPEX». В соответствии с методикой расчета индекса, термин «мигрант» относится к гражданам третьих стран (т.е. не являющиеся гражданами стран ЕС), легально находящимся на территории одной из стран ЕС [9]. Индекс MIPEX – «многомерный», поскольку он анализирует политику в сфере интеграции сразу по семи направлениям: доступ к рынку труда; воссоединение с семьей; образование; долгосрочное пребыва-

ние; участие в политической жизни страны; получение гражданства; защита от дискриминации.

Единый критерий оценки политики в сфере интеграции позволяет использовать индекс MIPEX для сравнения стран. Оценка законодательства стран в области интеграционной политики проводилась в 2004-м, 2007-м и 2010-м году. По ее результатам, страны, в которых находятся основная часть молдавских мигрантов в ЕС, входят в десятку стран с высоким рейтингом интеграционных политик: Португалия (79), Испания (63), Италия (60)⁹.

Хотя законодательная база – это далеко не вся политика, она создает платформу, задает условия для интеграции.

Исследование «Миграция рабочей силы», осуществленные в Молдове Национальным Бюро Статистики НБС в 2009 г. позволило получить ряд данных для многофакторного анализа положения молдавских мигрантов в странах пребывания, в том числе с учетом некоторых направлений интеграционных политик, названных выше. Учитывая векторную направленность миграционного потока, исследование представляет сравнительные данные о положении мигрантов в ЕС и СНГ, в том числе по странам – Италия и Россия.

Длительный период пребывания за рубежом способствовал адаптации/интеграции молдавских мигрантов в принимающее общество. К тому же миграционные амнистии в некоторых странах ЕС (Италия, Португалия) позволили мигрантам не только легализовать свое положение, но и воспользоваться правом на воссоединение семьи, способствуя их окончательной интеграции в принимающем обществе.

О возможном процессе адаптации косвенно свидетельствуют и намерения мигрантов о времени, который они собираются работать за рубежом: более трех лет намерены работать за рубежом около трети мигрантов в России (30,3%) и почти половина (49%) мигрантов работающих в странах ЕС (табл. 3).

Ряд исследований осуществленных Международной Организацией Миграции показал, что трехлетний период нахождения в стране пребывания является достаточным для полной адаптации мигрантов.

Доступность к рынку труда, уровень социальной защиты, степень доступности к медицинским и социальным услугам, а также характер проблем, с которыми мигранты они сталкиваются в стране пребывания, показал существенную разницу в возможностях мигрантов в СНГ (России) и в ЕС (Италия).

⁹ Источник: MIPEX Indicators 2010//www.mipex.eu.

Таблица 3

Распределение трудовых мигрантов по периоду времени, который они намерены провести за пределами Молдовы, по странам пребывания, %

	Всего	Страна пребывания		
		Страны ЕС (27)	Россия	Другие страны
	100%	100%	100%	100%
Менее года	17,3	5,1	23,4	14,7
1–2 года	18,8	17,2	19,9	17,3
3–5 лет	22,5	28,2	19,9	21,8
Более 5 лет	10,5	16,5	8,0	8,3
Намерен остаться за рубежом	2,9	4,0	2,4	2,9
Не собирается больше выезжать из Молдовы	4,6	2,5	5,2	6,4
Не определен	24,1	26,6	22,2	28,5

Источник: расчеты автора на основе данных Национального бюро статистики Республики Молдова

Хотя общий уровень услуг, к которому имеют доступ молдавские мигранты (всего), не является самым высоким, уровень их обеспечения медицинским страхованием, оплата больничных листов, выплата пособий при трудовом увечье и др. отличаются в разы, в зависимости от страны пребывания (табл. 4).

Таблица 4

Предоставление мигрантам мер социальной защиты, медицинских услуг, по странам пребывания, %

	Всего	Страна приема			
		Страны ЕС	В т.ч. Италия	Россия	Другие страны
Медицинское страхование	12,5	33,1	35,0	9,1	9,0
Оплачиваемый больничный	9,3	26,1	28,8	6,5	6,5
Перечисление взносов в пенсионные фонды	6,8	19,7	21,7	4,5	5,9
Выплата пособий при трудовых увечьях	7,4	18,5	18,6	5,5	6,2
Выплата пособий по безработице	3,5	11,1	9,2	2,3	1,9
Предоставление ежегодного оплачиваемого отпуска	12,9	30,0	36,0	9,9	11,7
Предоставление ежедневного дня отдыха	82,7	90,5	90,2	80,7	86,4
Оплата за сверхурочную работу	44,3	64,5	65,8	42,8	28,2

Источник: расчеты автора на основе данных Национального бюро статистики Республики Молдова

При этом необходимо отметить, что Республика Молдова имеет заключенные договоры о трудовой миграции и социальной защите трудящихся мигрантов с обеими странами. В силу данных соглашений принимающая сторона обязуется оказывать меры социальной защиты трудящимся мигрантам, правда, только при наличии у последних легального статуса. С Российской Федерацией Соглашение о трудовой миграции заключено в 1993 году, пересмотренная версия – в 2012 году. С Италией Соглашение о трудовой миграции подписано в 2003 году, в настоящее время ведутся переговоры по его пересмотру.

Адаптация/интеграция мигрантов во многом сдерживается наличием определенных проблем в период миграции, таким как незнание языка страны пребывания, что не позволяет трудоустроиться, отсутствие жилья и др.

Таблица 5

Трудности, отмеченные мигрантами, по странам пребывания, %

	Всего	Страна приема			
		Страны ЕС	В т. ч. Италия	Россия	Другие страны
Отсутствие доступа к медицинским услугам	33,3	36,0	34,1	34,7	20,3
Отсутствие жилья	27,6	24,3	20,0	30,1	14,4
Сложности в общении с семьей	3,8	5,8	3,9	3,7	1,9
Отсутствие доступа к услугам для мигрантов	16,1	21,0	18,2	16,3	8,5
Незнание языка	13,7	63,5	69,7	3,6	20,6
Плохие условия труда	25,5	20,3	15,5	27,5	17,9
Наличие конфликтов с работодателем	12,6	8,6	8,6	13,6	10,9
Наличие конфликтов с коллегами/рабочими	4,6	3,8	1,9	4,3	7,9
Наличие проблем с местными органами управления	15,2	13,0	15,5	16,2	11,4

Источник: расчеты автора на основе данных Национального бюро статистики РМ.

Сравнительный анализ данных по России и Италии показал, что проблемы, с которыми сталкиваются молдавские мигранты, отличаются по странам, но не столь кардинально, как в случае с мерами социальной защиты. Сложности в доступе к медицинским услугам отметили 34,7% мигрантов в России и 34,1% – в Италии; на отсутствие жилья указали 30,1% мигрантов в России и 20,% – в Италии¹⁰; отсутствие специальных служб по оказанию услуг мигрантам является проблемой для 16,3% мигрантов в

¹⁰ В Италии большая часть мигрантов-женщин заняты уходом за пожилыми людьми, как правило, с проживанием в семье, в связи с чем, ниже процент мигрантов имеющих проблемы с жильем.

России и 18,2% - в Италии. Отмеченная разница в плохих условиях труда вызвана видом деятельности, в которых больше заняты мигранты. В России большая часть мигрантов (68%) трудятся на различных строительных работах, в Италии – в домашнем хозяйстве (65%) и в сфере услуг.

Кардинальные различия отмечены только в незнании языка – как проблему это отметили 69,7% молдавских мигрантов в Италии и только 3,6% – в России.

Вместе с тем, несмотря на наличие языкового барьера, именно в Италии отмечены наиболее интенсивные процессы интеграции молдавских мигрантов, в том числе усиливающиеся процессы воссоединения семей. Это подтверждают и статистические данные. Первые данные о молдавских мигрантах, которым были выданы разрешения на долгосрочное пребывание (*soggiorno*) были представлены Министерством внутренних дел Италии в 2001 году. Численность молдавских мигрантов составляла только 0,8% от всех иммигрантов из Европы и только 0,3% по отношению ко всем иностранцам получившим разрешение на пребывание. К 2008 году¹¹ доля заявлений на постоянное проживание от молдавских мигрантов составила 4,4% от общего числа таких заявлений, а количество разрешений на постоянное проживание составляло уже 2,3% от всех разрешений выданных иностранцам.

Темпы роста числа молдавских мигрантов в Италии гораздо выше, чем граждан других стран. На 31 декабря 2007¹² года, по данным итальянской статистики, в стране находилось около 69 тысяч молдавских граждан, к концу 2008 года их количество составляло почти 90 тысяч, а через год увеличилось до 132 тысяч (на 30,4%), тогда как, в среднем, общее количество иностранцев в данной стране в 2010 году увеличилось только на 13,4%. Министерство Иностранных дел Италии в 2011 году выдало молдавским гражданам 11 924 виз, из которых 7 199 (63%) по семейным мотивам и только 4 238 виз по трудоустройству¹³.

Об успешной интеграции молдавских мигрантов свидетельствует также и рост количества детей переезжающим к родителям мигрантам. В 2010 году из 132 тысяч молдавских мигрантов в Италии – 22 тысячи (17%) составляли дети до 14 лет [10]. Показателем интеграции может служить также рост количества браков, заключенных за рубежом и количества рожденных за рубежом детей. Достаточно сложно иметь полные статистические данные по этим показателям, так как не все пребывающие за рубежом мигранты регистрируют факт рождения или брака в органах записи актов

¹¹ Данные НБС Исследование «Миграция рабочей силы», 2009 г.

¹² *L'immigrazione moldava in Italia*, Roma, Palazzo Firenze, 2009; <http://demo.istat.it/str2007/index.html>.

¹³ <http://demo.istat.it/str2007/index.html>.

гражданского состояния Молдовы. Однако часть граждан обращается в молдавские ЗАГСы за признанием свидетельств о регистрации брака/развода или рождения ребенка за рубежом¹⁴. Анализ показал рост количества таких обращений.

Таблица 6

Данные о количестве обращений о признании органами записи актов гражданского состояния РМ свидетельств о регистрации брака, рождения, смерти, выданных органами гражданского состояния других стран, 2007–2011 гг.

Обращения о признании свидетельств:	2007	2008	2009	2010	2011
- о браке	4 835	4 663	5 023	4 903	4 241
-о разводе	325	302	293	295	266
-о рождении ребенка	6 258	6 154	8 375	8 429	9 441
-о смерти	510	654	751	823	810

Источник. Данные Службы гражданского состояния Министерства Юстиции, предоставленные по запросу Национальной Комиссии по населению и развитию при Правительстве РМ

Хотя мы отметили наличие сложностей в статистическом учете данных событий, их анализ представляет определенный интерес. В первую очередь необходимо отметить положительную динамику рождений. За пять лет за рубежом родились более 43 тысяч детей. Для сравнения отметим, что в Республике Молдова в 2011 году родились чуть более 39 тысяч детей, а браков было зарегистрировано около 26 тысяч. Существующая база данных позволяет также проанализировать возраст родителей, которые обращаются за подтверждением свидетельства о рождении детей, страну, в которой родились дети и др. К примеру, из 43 тысяч детей, в отношении которых были признаны свидетельства о рождении в 2007–2011 гг., 7 250 детей родились в Италии, 6 692 – в России, 2 355 – на Украине, 1 541 – в Румынии, 1 291 – в Португалии, 1 193 – в Испании, 1 113 – в Турции и т.д.

Представленные данные позволяют судить о высокой степени интеграции молдавских мигрантов в странах пребывания.

К сожалению, для России мы не можем привести каких-либо оценок в отношении воссоединения семей молдавских мигрантов, как в силу различий в законодательстве, так и в силу отсутствия необходимой сопоставимой статистической информации.

Необходимо отметить, что в целом, различия в законодательстве, характер существующие разногласия понятийного характера и другие коллизии между нормативными актами России в области миграции и междуна-

¹⁴ Как правило, такие обращения имеют место для решения вопросов определения гражданства ребенка.

родными конвенциями, сам характер миграции и пр. не позволяют нам сопоставить статистическую информацию Российской Федерации для сравнительного анализа с данными о молдавских мигрантах в странах ЕС и, в частности, в Италии. Однако ряд исследований осуществленных Мукомель В.И., Полетаевым Д., Андреевым, Макаровым А.Я. способствуют пониманию процесса интеграции молдавских мигрантов в Российское общество.

Анализ процессов внешней миграции в Республике Молдова показывает, что при сохранении своей интенсивности, процессы временной миграции претерпевают существенные изменения, характеризуются высокой степенью интеграции мигрантов в принимающие общество, особенно в странах ЕС, переходом от этапа временной миграции – к окончательной.

Об этом свидетельствуют как намерения мигрантов о длительности периода их дальнейшего пребывания за рубежом, так и интенсификация процесса воссоединения семей.

Данные изменения требуют иного подхода к решению вопросов внешней миграции, оценки её социальных, экономических и демографических последствий для Республики Молдова, в том числе с учетом, направленности потоков внешней миграции страны и политикой стран приема мигрантов.

Литература

1. Зайончковская Ж. Почему России необходима иммиграционная политика?// Методология и методы изучения миграционных процессов. Под редакцией Ж. Зайончковской, И. Молодиковой, В. Мукомеля, Центр миграционных исследований, 2007.
2. Ивахнюк И.В. Евразийская миграционная система: теория и политика // Доклады и статьи ведущих секций и докладчиков международной конференции «Миграция и развитие», Москва, 13–15 сентября 2007 г. – М. 2007, с. 95.
3. Ионцев В.А. Международная миграция населения, МГУ. – Москва, 1999.
4. Lucke M., Mahmoud T.O., Pinger P. Patterns and Trends of Migration and Remittances in Moldova. - Chişinău, SIDA, IOM, 2007.
5. Molodikova I. Transformation of Migration Patterns in Post-Soviet Space: Russian New Migration Policy of “Open Doors” and its Effect on European Migration Flows. // Review of sociology, Vol. 13, 2007.
6. M Mansoor A., Quillin B. (eds). Migration and Remittances: Eastern Europe and the Former Soviet Union. – Washington, DC: The International Bank for Reconstruction and Development / The World Bank, 2007.
7. Е.В. Тюрюканова, Женщины мигранты из стран СНГ в России, Серия Миграционный барометр в Российской Федерации, М.: МАКС Пресс, 2011, 184 страницы.

8. Jan Niessen, Thomas Huddleston. Legal Frameworks for the integration of third-country nationals. BRILL, 2009.

9. М. Бучучану-Врабие, Трудовые мигранты из Молдавии и их дети, 2011

10. Макаров А.Я. Особенности этнокультурной адаптации детей мигрантов в московских школах, «Социологические исследования», 2010, № 8, с. 94–101).

11. Полетаев Д.В. Исследование об участии молдавской диаспоры в защите прав детей мигрантов в Республике Молдова, 2011.

***Попова Л.А.,
Россия, г. Сыктывкар***

Особенности демографического старения в северных регионах России (на примере Республики Коми)¹

Одним из глобальных социально-демографических вызовов современности является постарение населения (или демографическое старение), которое определяется как увеличение доли пожилых и старых людей в общей численности населения в результате длительных изменений в характере его воспроизводства. Эта проблема затронула весь мир во всех аспектах его существования: традиционно-национальном, финансово-экономическом, политическом, нравственно-этическом.

Традиционно различают «старение снизу», происходящее из-за постепенного сокращения числа детей вследствие снижения рождаемости, и «старение сверху», вызываемое ростом числа старых людей в результате сокращения смертности в старческих возрастах при относительно медленном росте числа детей². Существенное влияние на изменения возрастной структуры населения могут оказать также направление и интенсивность миграционных процессов. Поскольку наибольшей территориальной мобильностью отличаются лица в активных трудоспособных возрастах, то интенсивный миграционный отток населения способствует постарению его возрастной структуры за счет сокращения доли рабочих возрастов, в то время как положительное сальдо миграции содействует омоложению населения. И, наконец, темпы постарения населения могут определяться особенностями демографической истории территории – безусловно, увеличиваясь в периоды достижения принятого в данной стране порога старости поколениями, родившимися в годы высоких уровней рождаемости.

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ, проект № 12-13-11003 «Экономические и социальные аспекты демографического старения населения в северном регионе (на примере Республики Коми)».

² Демографический энциклопедический словарь. – М., 1985. – С. 117.

В первой половине XX века, в период интенсивного снижения рождаемости и роста средней продолжительности жизни населения за счет снижения смертности в детских возрастах, население развитых стран старело в основном «снизу». В последнее время оно стареет как «снизу» – из-за низкой рождаемости, так и «сверху» – из-за увеличения продолжительности жизни населения вследствие дальнейшего сокращения смертности от хронических болезней, сердечно-сосудистых заболеваний и новообразований в зрелых и старших возрастах.

В России сложилась несколько иная ситуация. В целом за последние полвека доля населения старше трудоспособного возраста увеличилась в стране более чем вдвое: с 10,2% в 1959 г. до 22,2% в 2010 г. (табл. 1). Т.е., по сути, какой бы шкалы старости ни придерживаться, население России относится к «старому». Однако интенсивное постарение «сверху» для России было характерно в основном для двух временных отрезков. Для межпереписного периода 1959–1970 гг., когда удельный вес лиц старше трудоспособного возраста увеличился с 10,2% до 15,4% при менее значительном сокращении детских контингентов (с 31,4% до 28,6%), и особенно для 1979–1989 гг., когда доля пенсионных возрастов выросла с 16,3% до 18,5% в условиях увеличения доли детей с 23,3% до 24,5%.

Таблица 1

Возрастная структура населения России по данным переписей

Годы	Удельный вес населения			Доля лиц старше трудоспособного возраста в составе населения 16 лет и старше, %
	в возрасте моложе трудоспособного, %	в трудоспособном возрасте, %	в возрасте старше трудоспособного, %	
1959	31,4	58,4	10,2	14,9
1970	28,6	56,0	15,4	21,6
1979	23,3	60,4	16,3	21,3
1989	24,5	57,0	18,5	24,5
2002	18,1	61,3	20,5	25,1
2010	16,2	61,6	22,2	26,5

Источники³

³ Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 года. Том II. Пол, возраст и состояние в браке населения СССР, союзных и автономных республик, краев и областей. – М., 1972. – С. 16–17; Итоги Всесоюзной переписи населения 1979 года. Том II. Пол, возраст и состояние в браке населения СССР, союзных и автономных республик, краев и областей. Ч. I: стат. сб. – М., 1989. – С. 38–39; Возрастной состав населения РСФСР по данным Всесоюзной переписи населения 1989 г. – М., 1990. – С. 4; Возрастно-половой состав и состояние в браке. – М., 2004. (Итоги Всероссийской переписи населения 2002 г.: В 14 т. / Федер. служба гос. статистики; Т. 2). – С. 15; Демографический ежегодник Республики Коми. 2010: стат. сб. Комистат – Сыктывкар, 2010. – С. 142–146; <http://demoscope.ru/weekly/2011/0491/perep01.php#1>.

Необходимо подчеркнуть, что оба этих временных отрезка характеризуются достижением максимальных уровней продолжительности жизни российского населения. В середине 1960-х годов продолжительность жизни достигла в России 64,60 лет у мужчин (в 1964–1965 гг.) и 73,54 лет у женщин (в 1967–1968 гг.), после чего практически два десятилетия наблюдались стагнация и снижение ее величины. А показатели ожидаемой продолжительности жизни 1986–1987 гг., составившие 70,13 лет для всего населения, 64,91 для мужчин и 74,55 для женщин, буквально до недавнего времени являлись максимальными за всю российскую историю. Лишь в 2011 г., после нескольких лет устойчивого возрастания продолжительности жизни показатель для всего населения, достигший 70,3 лет,⁴ превысил рекордный уровень 1986–1989 гг. (по женщинам максимальная отметка была перекрыта еще в 2010 г.).

При этом следует обратить внимание, что период 1979–1989 гг. полностью отвечает вышеприведенному определению старения «сверху». Демографические процессы «снизу» (речь идет о росте уровня рождаемости в первой половине – середине 1980-х годов под действием мероприятий Постановления 1981 г. «О мерах по усилению государственной помощи семьям, имеющим детей») в это время, наоборот, содействовали омоложению российского населения.

В то же время за 1970–1979 гг. удельный вес детей сократился намного существенней, чем выросла доля лиц пенсионного возраста. При этом доля лиц старше трудоспособного возраста в составе взрослого (16 лет и старше) населения России за 1970–1979 гг. даже уменьшилась (с 21,6% до 21,3%), т.е. можно сказать, что в этот период постарения «сверху» в России не наблюдалось вообще. Население старело в основном за счет низкого уровня рождаемости. Однако определенный вклад вносил и характерный для этого времени миграционный отток российского населения в другие союзные республики.

В 1989–2002 гг., в условиях развернувшегося в стране кризиса смертности, темпы увеличения доли пенсионных возрастов также были гораздо ниже темпов уменьшения доли детских возрастов. А рост удельного веса лиц старше трудоспособного возраста в составе взрослого населения оказался совсем незначительным: с 24,5% в 1989 г. до 25,1% в 2002 г. В основе этого лежат очень невысокие показатели продолжительности жизни российского населения на протяжении этого периода. При этом в условиях миграционного притока населения из стран нового зарубежья произошло заметное увеличение не только удельного веса населения в трудоспособном возрасте (с 57,0 до 61,3%), но и его абсолютной численности (с 83,7 млн. человек в 1989 г. до 88,9 млн. в 2002 г.). Т.е. миграция способст-

⁴ <http://demoscope.ru/weekly/2012/0499/index.php>.

вовала сдерживанию темпов постарения. Кроме того, к концу рассматриваемого периода численность поколений, достигающих пенсионных возрастов, в целом, сокращалась. Так, в 2002 г. возраста выхода на пенсию достигли мужчины 1942 г. и женщины 1947 г. Это тоже сдерживало масштабы демографического старения России.

С 2000 г. в России наблюдается повышение уровня рождаемости. Вследствие этого последний межпереписной период характеризуется сокращением темпов постарения «снизу»: с уменьшения доли детских возрастов на 26,1% за 1989–2002 гг. до 10,5% за период 2002–2010 гг. С 2004 г. позитивные тенденции характерны также и для уровня смертности. Тем не менее, возрастания темпов постарения «сверху» пока не зафиксировано. Если за 1989–2002 гг. удельный вес населения старше трудоспособного возраста увеличился на 10,8%, то за последний межпереписной период – на 8,3%. Иными словами, даже в условиях устойчивого семилетнего роста продолжительности жизни (по сравнению с 2003 г. прирост средней продолжительности жизни составил 5,5 лет – до 68,8 лет в 2010 г.) и сокращения темпов постарения «снизу» население России все равно старело по большей части «снизу».

Внешняя миграция продолжает сдерживать темпы постарения. Однако в настоящее время пенсионных возрастов достигают самые многочисленные поколения россиян: поколения послевоенного компенсационного подъема рождаемости. А трудоспособных возрастов, наоборот, достигают все меньшие по численности поколения 1990-х годов рождения. Поэтому удельный вес трудоспособных возрастов в составе российского населения даже в условиях сохранения положительного сальдо миграции в период 2002–2010 гг. остался практически неизменным. В то же время доля пенсионных возрастов в составе взрослого населения увеличилась значительно, чем в предыдущем межпереписном периоде. В ближайшие годы темпы постарения «сверху» будут только увеличиваться. Особенно если будут по-прежнему успешно выполняться задачи повышения продолжительности жизни населения. Иными словами, Россия приближается к модели демографического старения, характерной для развитых стран.

В северных регионах России, благодаря многолетней истории миграционного характера формирования населения, сложилась заметно более молодая возрастная структура. И процесс постарения имеет здесь особенности, обусловленные спецификой демографических процессов в настоящее время. Практически во всех северных регионах (кроме Ханты-Мансийского и Ямало-Ненецкого автономных округов) показатель продолжительности жизни отстает от среднероссийского, что уменьшает темпы постарения «сверху». В целом ряде северных регионов показатели рождаемости превышают средние по стране. Это способствует сокращению масштабов постарения «снизу». Иными словами, процессы естественного движения в

целом содействуют сдерживанию демографического старения северных территорий. В то же время наблюдающийся уже третье десятилетие миграционный отток населения из зоны Севера приводит к существенному превышению общероссийских темпов постарения. Более подробно рассмотрим это на примере Республики Коми.

До конца 1980-х годов удельный вес населения в возрасте старше трудоспособного в Коми был практически в два раза ниже, чем в среднем по России (табл.2). Особенно значительная разница была зафиксирована переписями 1970 и 1979 гг.: во второй половине 1960 – в 1970-е годы масштабы миграционного притока населения в северные регионы заметно увеличились благодаря упорядочению системы северных льгот и надбавок и расширению перечня территорий, подпадающих под северное законодательство.

Таблица 2

Возрастная структура населения Республики Коми по данным переписей

Годы	Удельный вес населения			Доля лиц старше трудоспособного возраста в составе населения 16 лет и старше, %
	в возрасте моложе трудоспособного, %	в трудоспособном возрасте, %	в возрасте старше трудоспособного, %	
1959	29,1	65,0	5,9	8,3
1970	32,6	60,1	7,3	10,8
1979	26,9	65,4	7,7	10,5
1989	28,0	62,1	9,9	13,8
2002	19,8	66,1	14,1	17,6
2010	17,7	64,7	17,6	21,4

Источник⁵

Со второй половины 1980-х годов для Республики Коми характерно устойчивое отрицательное миграционное сальдо. Вследствие этого происходит сближение уровня постарения населения республики с общероссийским. Уже в период между переписями 1979 и 1989 гг. темп прироста доли населения старше трудоспособного возраста в Коми более чем в два раза превысил показатель по России в целом: соответственно, 28,6 и 13,5% (табл. 3).

Масштабы миграционного оттока населения, до 70% которого приходится на трудоспособный возраст, нарастают в республике до середины 1990-х годов. А для России в это время, наоборот, были характерны максимальные объемы миграционного притока. Поэтому в межпереписном периоде 1989–2002 гг. темп прироста удельного веса населения старше

⁵ Численность, размещение, возрастно-половой состав населения. Итоги Всероссийской переписи населения 2010 года. Республика Коми. Том 1: стат.сб. / Комистат – Сыктывкар, 2012. – С. 34.

трудоспособного возраста в Коми превысил средний по стране уже в 4 раза: 42,4% против 10,8%. Особенно существенно отличались темпы прироста доли пенсионных контингентов в составе взрослого населения: 27,5 и 2,4%, соответственно. Причем такое превышение наблюдалось в условиях значительного отставания республиканского показателя продолжительности жизни населения: в 1990-е годы разрыв с общероссийским уровнем показателя увеличивался до трех лет.

Таблица 3

**Изменение возрастной структуры населения Российской Федерации
и Республики Коми в межпереписные периоды**

Годы	Темп прироста (убыли) удельного веса населения			Темп прироста (убыли) доли лиц старше трудоспособного возраста в составе населения 16 лет и старше, %
	в возрасте моложе трудоспособного, %	в трудоспособном возрасте, %	в возрасте старше трудоспособного, %	
Российская Федерация				
1959–1970	-8,9	-4,1	51,0	45,0
1970–1979	-18,5	7,9	5,8	-1,4
1979–1989	5,2	-5,6	13,5	15,0
1989–2002	-26,1	7,5	10,8	2,4
2002–2010	-10,5	0,5	8,3	5,6
Республика Коми				
1959–1970	12,0	-7,5	23,7	30,1
1970–1979	-17,5	8,8	5,5	-2,8
1979–1989	4,1	-5,0	28,6	31,4
1989–2002	-29,3	6,4	42,4	27,5
2002–2010	-10,6	-2,1	24,8	21,6

После достижения в 1994 г. максимального значения годовые объемы миграционной убыли населения Республики Коми заметно сократились. Вследствие этого уменьшилась и разница в темпах постарения: в межпереписной период 2002-2010 зафиксировал сокращение разницы в приросте

доли населения старше трудоспособного возраста с четырех до трех раз. Темп прироста удельного веса пенсионных контингентов в составе взрослого населения в Республике Коми, в отличие от России в целом, также уменьшился. Т.е. уровень этого показателя в Коми в последнем межпереписном периоде сблизился с общероссийским. Однако различия пока остаются весьма значительными.

Сельское население Республики Коми традиционно характеризуется повышенным удельным весом лиц моложе и старше трудоспособного возраста и пониженной долей рабочих контингентов (табл.4). Однако различия в последние годы сокращаются, особенно по детским возрастам. Перепись 2010 г. зафиксировала практически одинаковые доли населения моложе трудоспособного возраста в составе городского и сельского населения республики, что является следствием существенного сближения городской и сельской моделей рождаемости.

Таблица 4

Возрастная структура городского и сельского населения Республики Коми по данным переписей

Годы	Удельный вес населения			Доля лиц старше трудоспособного возраста в составе населения 16 лет и старше, %
	в возрасте моложе трудоспособного, %	в трудоспособном возрасте, %	в возрасте старше трудоспособного, %	
Городское население				
1959	26,8	69,3	3,9	5,3
1970	30,9	63,5	5,5	8,0
1979	26,5	67,3	6,2	8,4
1989	27,7	63,7	8,6	11,9
2002	19,3	67,5	13,1	16,3
2010	17,7	65,2	17,1	20,8
Сельское население				
1959	32,4	58,7	8,9	13,2
1970	35,3	54,6	10,1	15,6
1979	27,8	60,9	11,3	15,7
1989	28,9	57,2	13,9	19,5
2002	21,1	61,7	17,2	21,8
2010	18,0	62,8	19,2	23,4

Источник⁶

Очень заметно уменьшились различия между городом и селом и в удельном весе населения старше трудоспособного возраста. До начала

⁶ Численность, размещение, возрастно-половой состав населения. Итоги Всероссийской переписи населения 2010 года. Республика Коми. Том 1: стат.сб. / Комистат – Сыктывкар, 2012. – С. 34.

1990-х годов миграционный отток сельской молодежи в города республики и за ее пределы сильно способствовал постарению состава сельских жителей. В период реформ миграционная подвижность сельского населения оказалась значительно скованной низким уровнем жизни. Как известно, межпереписной период 1989–2002 гг. в целом по стране характеризовался изменением вектора сельско-городской миграции, в результате чего доля сельского населения немного увеличилась (с 26,6 до 26,7%). В Республике Коми за 1989–2002 гг. также произошел небольшой прирост удельного веса сельского населения: с 24,5 до 24,7%. Однако по большей части это было обусловлено переводом здесь в начале 1990-х годов ряда поселков городского типа в разряд сельских населенных пунктов. По оценкам Комистата, лишь в 2001–2002 гг. сальдо миграции в сельской местности Коми было положительным. В последнем межпереписном периоде, по предварительной оценке, вновь характерно некоторое сокращение доли сельского населения: с 26,7 до 26,3% в целом по стране⁷, с 24,7 до 23,1% в Республике Коми⁸.

Тем не менее, если городское население республики испытывает значительные темпы роста удельного веса населения старше трудоспособного возраста по причине масштабного миграционного оттока городского населения рабочих возрастов за пределы республики, то в сельской местности этот фактор постарения является не столь действенным. Здесь, наоборот, более значимым фактором, оказывающим влияние на возрастную структуру, является повышенная преждевременная смертность, которая сильно сдерживает постарение сельского населения. Причем максимальное отставание продолжительности жизни сельского населения от уровня городского показателя приходится уже на 2000-е годы. В 2003 г., когда было зафиксировано минимальное значение продолжительности жизни сельского населения Коми (58,1 лет), оно было ниже соответствующего городского показателя на 4,6 лет. Поэтому если в 1989–2002 гг. темпы увеличения доли пенсионных возрастов в городской и сельской местности Республики Коми различались в два с лишним раза, то в 2002–2010 гг. уже почти в три раза (табл. 5).

Таким образом, население России еще в 2002 г. однозначно превысило порог старости. Возрастная структура населения Республики Коми пока позволяет не относить его к старым. По крайней мере, не по всем известным шкалам старости. И в городской, и даже в сельской местности республики доля населения пенсионного возраста (мужчины в возрасте 60 лет и старше, женщины в возрасте 55 лет и старше) не превышает 20%. В то же время регионы российского севера, и Республика Коми в том числе, со

⁷ <http://demoscope.ru/weekly/2011/0491/perep01.php#1>.

⁸ Численность, размещение, возрастно-половой состав населения. Итоги Всероссийской переписи населения 2010 года. Республика Коми. Том 1: стат.сб. / Комистат – Сыктывкар, 2012. – С. 5.

второй половины 1980-х годов испытывающие миграционную убыль населения, характеризуются по этой причине повышенными темпами постарения пока еще более молодого населения. По данным переписи населения 2010 г., средний возраст населения России составил 39,0 лет, увеличившись по сравнению с 2002 г. на 1,3 года⁹. В Коми средний возраст составил 37,2 года, увеличившись за последний межпереписной период на 2,2 года¹⁰. При этом отраслевая система хозяйствования и дискомфортность условий проживания предъявляют на Севере особые требования к характеристикам здоровья населения, а, соответственно, и к его возрастной структуре.

Таблица 5

Изменение возрастной структуры населения городского и сельского населения Республики Коми в межпереписные периоды

Годы	Темп прироста (убыли) удельного веса населения			Темп прироста (убыли) доли лиц старше трудоспособного возраста в составе населения 16 лет и старше, %
	в возрасте моложе трудоспособного, %	в трудоспособном возрасте, %	в возрасте старше трудоспособного, %	
Городское население				
1959–1970	15,3	-8,4	41,0	50,9
1970–1979	-14,2	6,0	12,7	5,0
1979–1989	4,5	-5,3	38,7	41,7
1989–2002	-30,3	6,0	52,3	37,0
2002–2010	-8,3	-3,4	30,5	27,6
Сельское население				
1959–1970	9,0	-7,0	13,5	18,2
1970–1979	-21,2	11,5	11,9	0,6
1979–1989	4,0	-6,1	23,0	24,2
1989–2002	-27,0	7,9	23,7	11,8
2002–2010	-14,7	1,8	11,6	7,3

⁹ <http://demoscope.ru/weekly/2011/0491/perep01.php#1>.

¹⁰ Численность, размещение, возрастно-половой состав населения. Итоги Всероссийской переписи населения 2010 года. Республика Коми. Том 1: стат.сб. / Комистат – Сыктывкар, 2012. – С. 94.

Однако постарение населения – объективный процесс для цивилизованной страны. И в благоприятном случае в России оно будет только нарастать: как вследствие особенностей демографической истории, так и благодаря успехам в увеличении продолжительности жизни российского населения. Россия приближается к модели демографического старения, присущей для развитых стран. То же самое характерно и для северных территорий. Пониженные темпы постарения сельского населения на Севере свидетельствуют только об отсутствии пока заметных успехов в снижении преждевременной смертности населения. Но и здесь при улучшении ситуации в социально-экономической сфере темпы постарения неизбежно возрастут. Поэтому общество должно готовить себя к нарастанию процесса демографического старения. И общество должно перестать видеть в постарении только негативные стороны: увеличение экономической нагрузки на население трудоспособного возраста, увеличение нагрузки на социальную сферу и пр. Будущее зависит от того, сможем ли мы пересмотреть свое отношение к старости.

Мировые исследования по проблемам демографического старения сосредоточены, прежде всего, на направлениях улучшения жизни пожилых людей. Так, выработанный в 2002 г. в Мадриде Международный план действий по вопросам старения сфокусирован на трех приоритетных направлениях: пожилые люди и развитие общества; укрепление здоровья и благосостояния пожилых людей; создание удобной и благоприятной среды для их проживания. Он содержит рекомендации в семи областях: здравоохранение и питание; защита пожилых как потребителей; жилье и окружающая среда; семья; социальное обеспечение; обеспечение доходов и занятость; образование¹¹. Российское общественное мнение и практика в отношении пожилых людей также должны концентрироваться на этих направлениях.

¹¹ Вторая Всемирная Ассамблея по вопросам старения в Мадриде и Международный план действий ООН по старению // Социальный вестник пенсионных и социальных фондов стран СНГ и Балтии, № 3 (21), 2005.

**Потанина Ю.А.,
Россия, г. Москва**

Перспективы старения населения в Российской Федерации на фоне международного опыта

В России уделяется значительное внимание проблемам демографического старения. Политика в сфере обеспечения и поддержки пожилых в основном отражает взаимодействие государственных органов, гражданского общества и международных организаций, а также достижения, накопленные как российскими, так и зарубежными исследователями и практиками. На международном уровне были приняты обязательства по реализации Мадридского международного плана действий по проблемам старения (2002 г.). Его основными задачами является обеспечение условий, гарантирующих каждому человеку достойную старость и возможность продолжать полноправно участвовать в общественной жизни в пожилом возрасте. Для решения задач, которые встают перед региональными и муниципальными властями в области программ для пожилых людей, в регионах принимаются специальные стратегии, в том числе разработанные при поддержке ООН.

В сентябре 2012 г. Российская Федерация подписала декларацию, принятую на министерской конференции Европейской экономической комиссии ООН, посвященной проблемам пожилых людей. Адаптация этой части населения к рыночным условиям, усиление его вовлеченности в общественное развитие и преодоление изоляции являются в соответствии с этим документом основными элементами, на которых должны базироваться принципы политики в сфере демографического старения в мире.

На современном этапе развития экономики Российской Федерации население становится одним из важных элементов, формирующих социально-экономический потенциал страны. Как показывает мировой опыт, численность населения, его возрастно-половая структура являются предпосылками современного экономического состояния и стран БРИК, которые в настоящее время являются одними из самых быстро развивающихся в мире. Баланс демографической и экономической политики в этих странах может способствовать расширению их демографического потенциала и одновременному ускорению роста экономики.

По опубликованным в 2011 г. предварительным данным национальных переписей в Китае, Индии и Бразилии на процессы демографического старения в целом в этих странах в значительной степени влияют результаты демографической политики государства в области рождаемости (Китай, Индия), а в региональном разрезе – потоки внутренней миграции (Индия).

Статистические показатели, характеризующие возрастно-половую структуру этих стран с точки зрения старения, продолжают оставаться благоприятными по сравнению с развитыми странами. В основе такой ситуации лежат особенности демографических процессов, а также экономические условия – сравнительно невысокий уровень урбанизации и избыток рабочей силы на селе.

Современная демографическая ситуация в странах мира и в России оказывает влияние на динамику в них процессов старения населения. Важной особенностью демографического развития населения является структура миграционных потоков, которая учитывается в концепциях демографического перехода. Наряду со снижением рождаемости и уменьшением смертности в старших возрастах, которые в классической схеме выделяются в качестве основных причин роста в общей численности населения доли лиц пожилых и старых возрастов, миграционные процессы также позволяют говорить об их влиянии на демографическое старение.

Внешняя и внутренняя миграция ведет к разностороннему воздействию на темпы старения (например, через рождаемость, что, впрочем, оценивается демографами достаточно противоречиво), в первую очередь, как представляется из-за влияния на изменение многих региональных демографических характеристик населения – возрастной структуры, численности городского и сельского, трудоспособного и нетрудоспособного населения, его национальной структуры и т.д.

Рост подвижности сельского населения (из-за роста потребности в рабочей силе в городах) в процессе демографического перехода ведет к уменьшению численности молодого трудоспособного населения на селе. Традиционные аграрные районы России постепенно в результате миграции теряли тот тип воспроизводственных отношений, который был характерен для них многие годы.

И городские поселения в стране испытывают влияние преобразований состава населения с точки зрения его старения, в том смысле, что возрастают пенсионные расходы на пожилых людей (которые оторваны от традиционных источников доходов от ЛПХ, переселившись из сельской местности в города), усугубляя макроэкономические проблемы демографического старения.

Несмотря на образование моногородов в сельской местности в России, крупные города остаются центром притяжения для мигрантов из села. Противоречия интересов промышленных центров и сельскохозяйственных регионов усиливают поляризацию социально-экономического развития регионов страны, влияющую на старение населения.

Дифференциация регионального развития в отличие, например, от развитых европейских стран, в России определяет современную специфику условий экономического развития и роста, и не способствует увеличению

демографического потенциала в субъектах федерации, ведя к ухудшению этой составляющей общей конкурентоспособности страны за годы либеральных реформ.

Совершенствование механизмов политики в области старения населения в России в условиях финансово-экономического мирового кризиса может опираться на зарубежный опыт по работе с пожилыми людьми (с учетом возможностей его использования в регионах в современных условиях). Так, по данным национальной переписи 2010 г. в США, проблема демографического старения хотя и не носит острый характер в настоящий период, но в условиях финансово-экономического кризиса ставит перед правительством дополнительные задачи, связанные с ликвидацией узких мест в здравоохранении и пенсионном обеспечении, а также регулированием региональных особенностей воспроизводства населения и миграции. Помимо нагрузки на государственные бюджеты различного уровня, старение населения Соединенных Штатах характеризуется увеличением частоты хронической патологии в населении старше 65 лет, нехваткой профильных специалистов в этой области и проблем, связанных с опекой над пожилыми в семье.

Изучение международного опыта позволяет глубже оценить перспективы увеличения доли пожилого населения в России в условиях рыночной экономики и понять причины этого явления. Как представляется, для снижения интенсивности старения в регионах демографическая политика должна быть в большей степени ориентирована на регулирование миграции и преодоление изъянов рынка, способствующих обострению проблем старения населения.

***Привалова Н.И.,
Республика Беларусь, г. Минск***

Демографическое развитие Беларуси: современные тенденции, проблемы и пути решения

Устойчивое экономическое развитие и обеспечение национальной безопасности республики во многом предопределяется динамикой численности и структуры населения. Это делает необходимым проведение постоянного мониторинга тенденций демографических процессов, который позволяет оценить динамику рождаемости, смертности и миграции, включая социально-экономические последствия сохранения современных тенденций, и разработать комплекс дополнительных мер демографической политики.

В демографическом развитии Беларуси период 2006–2011 гг. выделяется как особый, характеризующийся позитивными тенденциями в развитии

демовоспроизводственных процессов, которые способствовали замедлению темпов убыли населения. Численность населения страны сократилась за последние шесть лет на 165,0 тыс. против 219,4 тыс. чел. за 2001–2005 гг. Определяющим фактором этого процесса явилась естественная убыль, т.е. превышение числа смертей над числом рождений. В 2011 г. число умерших в целом по республике превысило родившихся в 1,2 раза или на 25,7 тыс. чел. Миграционный прирост за анализируемый период (52,6 тыс. чел.) компенсировал ее почти на треть (табл. 1).

Таблица 1

Изменения численности населения Республики Беларусь за 2006–2011 гг. и его компоненты, тыс. чел.

	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011
Численность населения на начало года,	9697,5	9630,4	9579,5	9542,4	9513,6	9500,0	9481,2
Общий прирост (убыль), в том числе:	-65,3	-67,1	-50,9	-37,1	-28,8	-13,6	-18,8
Естественный прирост	-67,2	-72,7	-55,5	-45,2	-41,0	-23,9	-28,7
Миграционный прирост	1,9	5,6	4,6	8,1	12,2	10,3	9,9

Естественная убыль населения наблюдается практически на всей территории Беларуси. Если в 1990 г. отрицательный естественный прирост населения отмечался в 61 районе, 2000 г. – во всех районах, то в 2011 г. – в 115 за исключением Жлобинского, Мозырского и Минского, где был положительный естественный прирост. Самый высокий уровень убыли населения характерен для Минской и Витебской областей.

До середины 90-х годов XX в. численность населения страны увеличивалась лишь благодаря потенциалу роста, накопленному в его возрастной структуре. В результате обеспечивался естественный прирост при суженном воспроизводстве населения, что способствовало его постепенному погашению. Это подтверждает и динамика брутто (общего) и нетто (чистого) коэффициентов воспроизводства населения. С 1978 г. нетто-коэффициент (за исключением 1984–1986 гг.) был ниже единицы, т.е. более тридцати лет режим воспроизводства не обеспечивает даже простого замещения поколений. В целом за 2006–2010 гг. этот показатель увеличился на 16,3% и составил 0,719.

Для Беларуси, как и для других европейских государств, характерен высокий уровень урбанизации населения. На начало 2011 г. 75,1% населения республики проживало в городах, 24,9% – в сельской местности (рисунк 1). По доле городского населения Беларусь близка к средневропей-

скому уровню и не сильно отличается от таких стран, как Испания, Германия и Франция. В стране насчитывается 112 городов и 93 поселка городского типа. Более четверти городского населения проживает в г. Минске. За анализируемый период численность городского населения увеличилась на 165,7 тыс. чел. или 2,4 %. При этом среднегодовые темпы его роста сократились по сравнению с предыдущим периодом почти в два раза и составили 0,3%.

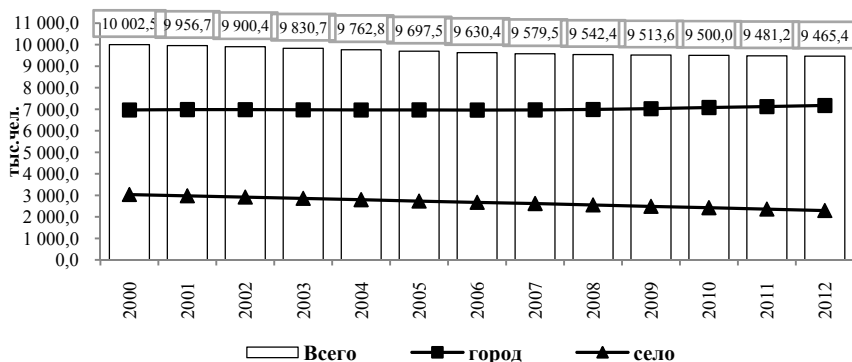

Рис. 1. Динамика численности городского и сельского населения Беларуси

Рост городского населения происходил за счет естественного и миграционного приростов, а также административно-территориальных преобразований. При этом роль этих факторов в изменении численности городского населения постоянно менялась. В 2005–2006 гг. население городов увеличивалось за счет миграции и административно-территориальных преобразований. В последние годы основным фактором роста городского населения стал положительный естественный прирост. Так, в 2000 г. миграции обеспечила почти 90,0% прироста городского населения, в 2005 г. — весь прирост. В дальнейшем роль миграции снизилась до 58,0% при этом увеличилась доля естественной составляющей.

В отличие от городского численность сельского населения сокращалась в течение всего анализируемого периода и составила на начало 2011 г. 2358,8 тыс. чел. Среднегодовые темпы ее снижения за 6 лет увеличились по сравнению с 2001–2005 гг. и составили -1,7%. На сокращение численности сельского населения большое влияние наряду с механическим оттоком оказывала естественная убыль, роль которой в последние годы снижается.

Основным результатом эволюционного изменения возрастного состава населения Беларуси является его постарение, которое прослеживается по всем показателям, измеряющим этот процесс. Прежде всего, это проявляется в уменьшении доли детей до 16 лет и росте числа лиц старших возрастов, в том числе группы «самых старых» (75 лет и старше). В респуб-

лике доля лиц в возрасте 65 лет и старше составила на начало 2011 г. 13,8% (рис. 2).

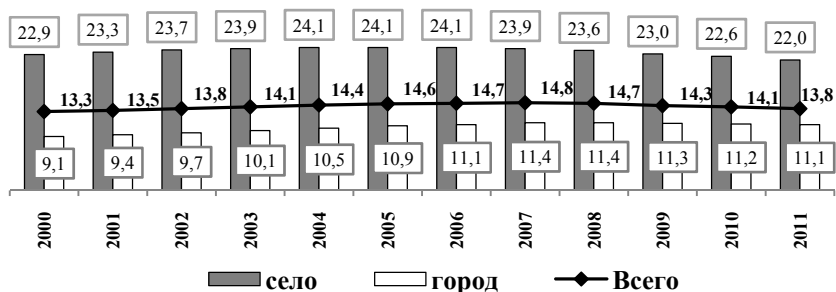

Рис. 2. Динамика коэффициента старения населения Беларуси

Современный возрастной состав населения страны сложился главным образом вследствие снижения рождаемости. Кроме того, сильное влияние на него оказали войны и другие социальные потрясения XX века, которые не только унесли миллионы жизней, но и привели к уменьшению числа рождений, вызвав так называемые «демографические волны». Изменение основных характеристик режима воспроизводства населения республики за 2006–2011 гг. отразилось соответствующим образом на его возрастной структуре, в особенности на численности младших возрастных групп. В результате численность детей и подростков до 16 лет сократилась за анализируемый период почти на 30 %, в то время как численность лиц старших возрастов абсолютно увеличилась.

В республике впервые за послевоенный период, начиная с 2008 г., наметилась тенденция сокращения численности трудоспособного населения, обусловленная вступлением в этот возраст малочисленного поколения 90-х годов рождения и выходом из него многочисленного послевоенных годов рождения. По расчетам, убыль трудоспособного населения произошла главным образом за счет замещения поколений. Миграция в Беларуси не является фактором прироста численности населения в трудоспособном возрасте, в отличие от России, где он складывался за счет иммиграции из стран СНГ. Разнонаправленные тенденции в динамике численности населения в трудоспособном возрасте наблюдаются в разрезе городской и сельской местности: в городах она увеличивается, в сельской местности – сокращается. В результате более трех четвертых ее численности приходится на города республики.

В структуре трудоспособного населения за анализируемый период сократилась доля молодых возрастных групп (16–39 лет) и увеличилась после 40 лет. Результатом этих изменений стало постарение трудоспособного населения, которое проявляется в росте среднего возраста этого контингента.

Численность населения старше трудоспособного возраста за 2006–2011 гг. увеличилась на 93,3 тыс. чел. и составила 2164,1 тыс. чел., а его доля – соответственно до 22,8%. При этом, как показал анализ, самой быстрорастущей группой является население в возрасте старше 65 лет.

Тенденции изменения возрастного состава в равной мере затронули структуры городского и сельского населения. Фиксируя однотипность их изменений, следует отметить существенные различия между ними. Если на начало 2009 г. в городах доля лиц старше трудоспособного составляла 20,2%, то в сельской местности – 30,6%, т.е. почти каждый третий сельский житель был пенсионером.

По международным критериям, население Беларуси стало стареть в 50-х годах XX века, когда удельный вес лиц старше 65 лет перешагнул 7-процентный рубеж. Если в 1990 г. коэффициент старения в целом по республике составил 10,6%, 2000 г. – 13,3%, то в 2011 г. – 13,8%. Существенные различия в динамике показателей старения населения Беларуси наблюдаются в региональном разрезе. Самой «молодой» областью остается Брестская, где коэффициент старения составил 14,2%, который в свою очередь является самым низким среди показателей других регионов. Самыми старыми являются Витебская и Гродненская области, где отмечаются очень высокие показатели – 15,6%. В остальных областях коэффициент старения колеблется от 15,2% в Минской области до 14,5% – Гомельской. Наиболее интенсивно стареет население Гродненской и Брестской областей. Достаточно высокими темпами стареет население г. Минска: коэффициент старения увеличился за анализируемый период на 4,9-процентных пункта и составил в 2009 г. – 10,9%. При этом наименьшие темпы роста этого показателя отмечаются в Могилевской области.

Одной из обобщающих характеристик возрастной структуры населения, с точки зрения развития процесса старения, является показатель среднего возраста населения. За 2007–2011 гг. средний возраст населения республики увеличился на 0,8 года и составил в 2011 г. 39,6 лет. Несмотря на более высокий показатель среднего возраста сельского населения (43,8 лет), в настоящее время высокими темпами стареет городское, возраст которого увеличился за анализируемый период на 0,9 лет и составил 38,2 года.

Преодоление негативной динамики, стабилизация численности населения и ее рост в перспективе невозможны без повышения уровня рождаемости. В целом в 2006–2011 гг. в республике наблюдалась устойчивая тенденция роста числа рождений, которое в среднем ежегодно увеличивалось на 2,1 тыс. чел. В результате общий коэффициент рождаемости достиг в 2011 г. уровня 1993 г. и составил 11,5‰.

Такая динамика рождаемости в начале XXI века детерминирована взаимодействием двух основных факторов. Первый – чисто демографический

– благоприятные сдвиги в половозрастной структуре населения, которые проявились не только в увеличении доли женщин репродуктивного возраста (15–49 лет) в общей численности населения, но и в существенном изменении их возрастной структуры. Так, удельный вес женщин в возрасте 20–29 лет в их общей численности вырос до 14,7% в 2011 г. В то же время увеличение рождаемости текущего десятилетия отчасти обусловлено реализацией отложенных рождений 90-х годов прошлого столетия. Этот вывод подтверждают данные о росте рождений в возрастной группе 30–34 года и связанное с этим увеличение среднего возраста матери и удельного веса вторых и третьих детей в общей структуре рождений. Второй фактор – социально-экономический, обусловленный реализацией комплекса мер Национальной программы демографической безопасности Республики Беларусь, направленных на усиление государственной поддержки семей, имеющих детей. Совокупное их действие и привело к увеличению числа рождений, которое проявилось по всем показателям.

Аналогичная тенденция роста показателей рождаемости наблюдалась и на региональном уровне. В результате выделились регионы с низкими – Витебская (10,2‰), средними – г. Минск и Могилевская (соответственно 11,3 и 11,2‰) и высокими – Минская (11,9‰), Гродненская (11,8‰), Брестская (12,7‰) и Гомельская (11,6‰) области показателями рождаемости.

В анализируемом периоде рост показателей рождаемости наблюдался в городской и сельской местностях. В городах ее общий коэффициент вырос до 11,6‰, а в сельской местности соответственно – до 10,8‰ (рисунок 3) При этом сохранились существенные различия между показателями рождаемости сельских женщин в региональном аспекте.

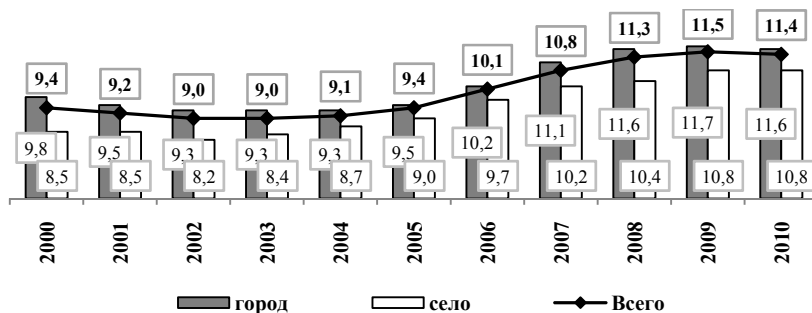

Рис. 3. Динамика общих коэффициентов рождаемости в Беларуси

Как показали расчеты, увеличению числа рождений в республике способствовали два основных фактора – возрастная структура (рост числа женщин наиболее активного репродуктивного возраста) и возрастная интенсивность деторождений. При этом прирост родившихся за счет фактора

возрастной структуры несколько снизился и составил 12%. В то время как за счет увеличения повозрастных коэффициентов рождаемости обеспечено почти 88% прироста. Так, число родившихся на 1000 женщин детородного возраста (15–49 лет) выросло с 37,3 в 2006 г. до 44,0 в 2010 г. В связи с наметившимся ростом частоты деторождения увеличилось число младенцев, родившихся по порядку вторыми, третьими и т.д. соответственно с 41,2 до 51,5 тыс., а их доля в ежегодном числе новорожденных достигла 47,7%. Одновременно за этот период возросло число первенцев (1,7%), удельный вес которых в общем числе родившихся составил в 2010 г. 56,5% (рис. 4). По этому показателю республика опережает развитые страны, в которых на долю первых детей приходится от 40 до 45%; удельный вес же вторых и третьих рождений в стране – один из самых низких.

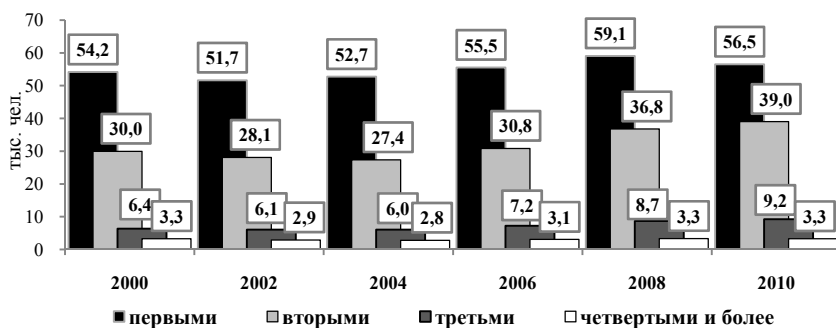

Рис. 4. Динамика родившихся живыми по очередности рождения в Республике Беларусь

Наряду с увеличением рождаемости в Беларуси продолжилась трансформация ее возрастной структуры в сторону постарения. При этом в последние годы внутри наиболее репродуктивной группы женщин (20–29 лет), на которую приходится более 75% всех рождений, происходит перераспределение в сторону более старших возрастов. Если в 1993 г. вклад 25–29-летних составлял 57% от вклада 20–24-летних, то в 2010 г. – 112,5% с отчетливой тенденцией дальнейшего роста. Модификация возрастной структуры рождаемости обусловила увеличение среднего возраста матери при рождении ребенка (27,3 года). В ближайшие годы процесс «постарения» рождаемости будет усиливаться по аналогии с развитыми странами, для которых характерно более позднее вступление в брак, равномерный вклад в общую рождаемость средних и старших возрастных групп при снижении «юношеской».

В анализируемом периоде динамика возрастных коэффициентов рождаемости в стране была специфичной: у женщин до 25 лет они снижались, а в старших возрастах – увеличивались. При этом наибольший рост на-

блюдался в группах 30–34 (33,0%) и 35–39 (44,0%) лет. Особенно высокими темпами выросли показатели в городах республики. Так, в возрасте 30–34 лет они увеличились на 70%, а 35–39 лет – на 50,0%. Аналогичная ситуация наблюдалась и в сельской местности. При этом у сельских женщин возрастные коэффициенты рождаемости были устойчиво выше городских.

Таким образом, возрастные различия в темпах увеличения коэффициента рождаемости в анализируемом периоде носили нетрадиционный характер – наибольший рост наблюдался в старших возрастных группах (30–39 лет), т.е. происходил за счет увеличения числа более высоких порядков очередности. Следовательно, имела место частичная реализация рождений, отложенных в 90-ые годы XX столетия. Вместе с тем, можно говорить не только о тайминговых сдвигах, но и о некотором реальном повышении рождаемости, более полной реализации имеющейся потребности в детях. Этот вывод подтверждает рост рождаемости по вторым и последующим рождениям у женщин старше 25 лет.

Следовательно, можно сделать вывод, что возрастные различия в темпах увеличения коэффициента рождаемости для демографической истории республики носили в 2006–2010 гг. специфический характер – наибольший рост наблюдался в возрастах старше 30 лет, т.е. за счет увеличения числа вторых и третьих рождений. С одной стороны, это свидетельствует о более осознанном подходе к рождению детей, стремлении молодежи сначала «встать на ноги». С другой стороны – такая тенденция может негативно отразиться на динамике уровня рождаемости, т.к. сократится репродуктивный период и уменьшится вероятность рождения последующих детей. Кроме того, с возрастом ухудшается состояние здоровья населения, в том числе репродуктивное, что может препятствовать реализации репродуктивных намерений. Вместе с тем с возрастом у людей формируется представление об определенном образе жизни, и рождение детей может восприниматься как угроза или препятствие к его достижению.

Как показало исследование, на тенденции рождаемости в республике оказывает влияние изменение социальных норм детности и степени их реализации. В настоящее время в республике преобладает ориентация молодых супружеских пар на однодетную семью. По данным переписи 2009 г. количество семей в республике с одним ребенком составило 65% от общего числа семей с детьми, с двумя детьми – 30%, с тремя и более – 5%. Изменение репродуктивного поведения населения республики, прежде всего молодежи, подтверждают социологические опросы, проводимые НИИ труда Министерства труда и социальной защиты населения Республики Беларусь. Согласно их данным, из всех опрошенных молодых женщин только 26,5% желали иметь троих и более детей, но реально собирались осуществить это только 3,0%; двоих детей – 57,1 и 50,7%; одного ребенка – 15,0 и 38,9%; ни одного – 1,4 и 7,8% соответственно.

Таким образом, в республике значительно изменились репродуктивные установки населения, которые стали ориентироваться преимущественно на однодетную семью, и снизилась потенциальная реализация планируемого числа детей молодыми замужними женщинами. Закрепление социальной нормы малодетности в массовом сознании может привести к необратимости процесса сокращения рождаемости и, следовательно, численности населения страны.

Как показал анализ, за последние три года увеличился суммарный коэффициент рождаемости, который составил в 2010 г. 1,49, в том числе у сельского населения – 2,11, городского – 1,38 рождения на одну женщину. В результате уровень рождаемости сельского населения на 53% превышает показатели городского.

В 2006–2010 гг. наблюдалось увеличение всех категорий родившихся: в зарегистрированном браке и вне брака. В то же время, несмотря на абсолютное увеличение числа родившихся вне брака, в последние два года наметилась тенденция снижения их удельного веса. В целом за анализируемый период доля внебрачных рождений в их общем числе снизилась на 3,1 процентных пункта и составила 19,6% (в городской – 16,7%, сельской – 29,0%).

Основная масса внебрачных рождений (свыше 73%) приходится на женщин самых активных репродуктивных возрастов – 20–29 лет. При этом наметилась тенденция снижения ее показателей в возрасте до 20 лет. В начале 90-х годов XX века рождение внебрачного ребенка было характерно для женщин до 20 и старше 35 лет, которые в основном обеспечивали ее рост. В то же время в возрастах максимальной брачности рождение ребенка вне брака было достаточно редким явлением.

Таким образом, в Беларуси на уровне массового сознания происходит изменение отношения к официально зарегистрированному браку, который утрачивает свои позиции обязательной и единственной формы совместной жизни. На сегодняшний день незапланированная беременность и партнерство до брака не всегда являются основанием для его официальной регистрации.

Второй составляющей воспроизводства населения является смертность, динамика которой в 90-е годы XX столетия характеризовалась значительным ростом ее показателей, что послужило одной из главных причин начала депопуляции в Беларуси. Как показал анализ, в 2006–2007 гг. наметилось снижение числа умерших и ее общий коэффициент сократился до 13,7‰ (рис.5). Однако, в 2008 г. продолжилась тенденция роста смертности населения. Число умерших увеличилось и общий коэффициент смертности населения составил 14,3‰. Аналогичные тенденции наблюдались в региональном аспекте. Наибольший рост смертности происходил в г. Минске (3,5%), Брестской (1,7%) и Могилевской (1,4%) областях, наименьший - Витебской (0,1%) и Гродненской (0,4%).

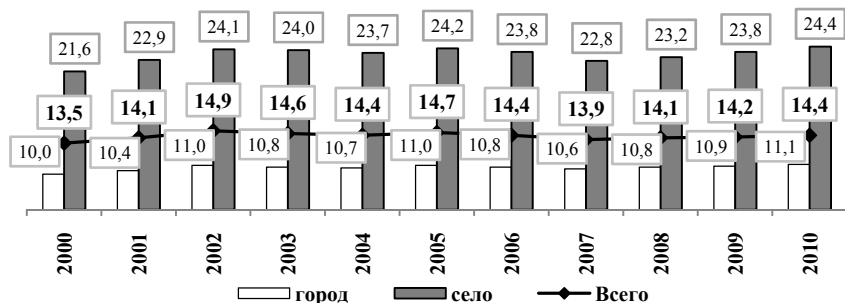

Рис. 5. Динамика общего коэффициента смертности населения Беларуси

Как показал анализ, рост смертности населения был обусловлен в основном структурным фактором – увеличением численности лиц старших возрастов, т.е. старением населения республики. Это подтверждают данные об увеличении числа умерших в старших возрастах от болезней системы кровообращения, органов пищеварения, новообразований и внешних причин, в то время как в целом по республике смертность от этих причин снижается. Если сравнивать динамику демографических показателей стран с разным уровнем социально-экономического развития, то на фоне мировой тенденции снижения общей смертности населения, динамика ее показателей в республике выглядит аномальной. В начале XXI века среднемировой уровень общей смертности снизился до 10‰, в развитых странах – до 8‰. В то время как в Беларуси в 60–70-е годы XX века общий коэффициент смертности (6,6–7,6‰) был самым низким среди европейских стран.

В анализируемом периоде снижение общего уровня смертности населения в целом наблюдалось почти во всех возрастах, как у мужчин, так и у женщин. Такая динамика показателей обусловила небольшое сокращение различий между возрастными показателями по полу, которые в трудоспособных возрастах составили 3,1–4,1 против 3,6–4,5 раза в предыдущий период. По расчетам, только за счет многократного превышения смертности мужчин по сравнению с женщинами, их численность в возрасте 20–34 года ежегодно сокращалась более чем на 2,5 тыс. чел.

Колебания показателей смертности в республике происходили на фоне устойчивого снижения смертности детей и в основном обусловлены динамикой смертности в возрастах старше 15 лет. В последние два года произошло снижение числа умерших в трудоспособном возрасте на 3,6%. Несмотря на это сохраняются значительные потери трудоспособного населения, доля которого в общем числе умерших составляет 24,0%, в том числе в городе – 28,7%, в сельской местности – 19,6%. Особенно высокий уровень смертности в этом возрасте характерен для мужчин, доля которых в общем числе умерших мужчин составляет 31,0%. При этом почти каждый

четвертый умерший – это мужчина в возрасте до 40 лет, а свыше 40% – до 50 лет. Ожидаемая продолжительность жизни мужчин, достигших возраста 15 лет, составляет в республике 56 лет, в то время как в развитых странах – 60–63 года.

Таким образом, структура смертности в Беларуси характеризуется достаточно большой дифференциацией по половозрастным группам. Существенное превышение мужской смертности над женской почти во всех возрастах в республике обусловило значительный разрыв в ожидаемой продолжительности жизни по полу, который составил в 2010 г. 11,9 лет. В настоящее время разница в ожидаемой продолжительности жизни женщин и мужчин в большинстве стран региона составляет 4–7 лет, в западноевропейских странах 6–8 лет. По величине этого разрыва Беларусь занимает одно из первых мест в регионе, уступая только Российской Федерации (13,0 лет).

Ожидаемая продолжительность жизни при рождении в Беларуси впервые за последние 15 лет превысила 70 лет и составила в 2010 г. 70,4 лет. По сравнению с 2006 г. этот показатель увеличился для всего населения и мужчин – на 1,1 года, женщин – один год. Проблемы смертности и ожидаемой продолжительности жизни в Беларуси в начале XXI века носят многоаспектный характер. Прежде всего, это низкая ожидаемая продолжительность жизни не только в сравнении с экономически развитыми государствами, но и странами Восточной и Центральной Европы и Балтии. Беларусь отстает по продолжительности жизни от развитых стран мира (США, Япония, Канада, Норвегия) на 15–19 лет для мужчин и 7–12 лет для женщин. В сравнении с государствами, имеющими примерно тот же, что в республике, среднедушевой ВВП по паритету покупательной способности (Болгария, Бразилия, Черногория, Румыния, Турция и др.), отставание в продолжительности жизни составляет 1–3,5 лет. В то время как в 1970 г. ОПЖ в Беларуси находилась на уровне Японии, Франции, Великобритании и была на 1,5 года выше, чем в Германии, и на 2–3 года превышала уровень стран Восточной Европы. К 1990 г. разрыв ОПЖ составил с Японией – 8 лет, Францией – 6 лет, Великобританией – 5 лет, Германией – 4,5 года. В этом же периоде отмечается повышение ее уровня и в таких странах Восточной Европы, как Словения и Чешская Республика (рис. 6).

На изменения в области смертности населения оказывают влияние, главным образом, два класса причин: число смертей от болезней системы кровообращения (40,0% абсолютного прироста) и несчастных случаев, отравлений и травм (22,3%). В Беларуси, как и во многих развитых странах, более 80% населения умирает от болезней системы кровообращения, новообразований, несчастных случаев и травм, болезней органов дыхания. Главное отличие заключается в том, что в этих странах болезни органов кровообращения и новообразования благодаря успехам медицины все более оттесняются к старшим возрастным группам. В то время как в республике происходит их «омоложение», что ведет к преждевременной гибели

людей во все более молодых возрастах. Кроме того, сохраняется разрыв в рассматриваемых показателях по полу: мужчины в 3,6 раза чаще умирают от несчастных случаев, отравлений и травм, инфекционных и паразитарных болезней, почти в 3 раза – от психических расстройств и болезней органов дыхания.

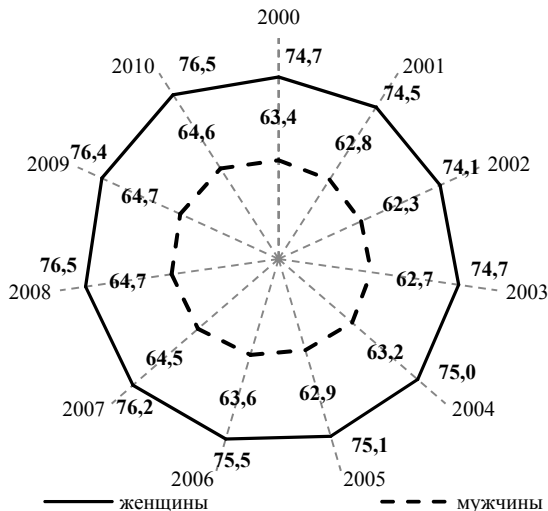

Рис. 6. Динамика ожидаемой продолжительности жизни при рождении в Республике Беларусь

Более половины всех случаев смерти (51,9%) происходит в Беларуси от болезней системы кровообращения (БСК), по причине которой в 2010 г. умерло 73,0 тыс. чел. (рис. 7). Как положительную тенденцию следует отметить снижение в 2006–2010 гг. показателей смертности от БСК на 9,5%. В то же время в 2009 г. отмечался рост показателей смертности от БСК и увеличение числа случаев смерти от острого инфаркта. При этом сохраняется высокий уровень смертности мужчин в трудоспособном возрасте от БСК, доля которых составляет свыше 30,0% против 2,5% у женщин.

Второе место среди причин смерти занимают новообразования, сокращающие среднюю продолжительность предстоящей жизни более чем на два года. В общей структуре смертности населения на их долю приходится 13,4%. У мужчин показатели смертности по этой причине более чем в 2 раза выше по сравнению с женщинами, особенно от новообразований органов дыхания. Это объясняется высокими показателями распространенности курения среди мужчин, который составляет 54% против 6% у женщин. Вместе с тем отмечалось уменьшение смертности от болезней органов дыхания на 14%.

Третье место среди причин смертности населения республики занимают внешние, на долю которых приходится 9,9%. Как показал анализ, в

2006–2010 гг. произошло снижение смертности населения от несчастных случаев, отравлений и травм. Почти каждый пятый из умерших по этой причине покончил жизнь самоубийством или умер от отравления алкоголем. В 2010 г. более 70% умерших от внешних причин составляет трудоспособное население. Так, коэффициент смертности населения в трудоспособном возрасте от несчастных случаев снизился по сравнению с 2000 г. и составил в 2009 г. 171,3 на 100 тыс. чел. в трудоспособном возрасте. Этот показатель в 2,1 раза выше, чем от новообразований и 9,4 раза выше, чем от болезней органов дыхания. При этом у мужчин он почти в 5,5 раз больше, чем у женщин. Особенно высокие показатели наблюдаются у мужчин от отравлений алкоголем и убийств. Существующая дифференциация в показателях смертности по полу от несчастных случаев обуславливает значительную разницу в 3–4 года в продолжительности жизни мужчин и женщин республики.

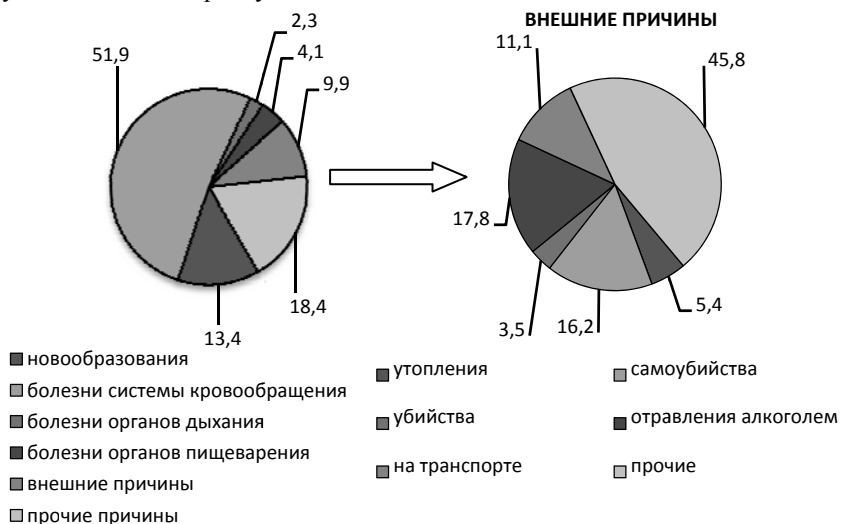

Рис. 7. Структура причин смерти населения Беларуси в 2010 году

Смертность в результате несчастных случаев, отравлений и травм характеризуется преждевременностью и предотвратимостью, т.к. более 70% всех погибших в республике приходится на трудоспособное население. Коэффициент смертности населения в трудоспособном возрасте от несчастных случаев по сравнению с 2006 г. снизился на 11% и составил в 2009 г. 171,3 на 100 тыс. чел. в трудоспособном возрасте. Этот показатель в 2,1 раза выше, чем от новообразований и почти в 13 раз выше чем от болезней органов дыхания. При этом у мужчин он почти в 5,6 раз выше, чем у женщин. Особенно высокие показатели наблюдаются у мужчин от отравлений алкоголем и убийств. Существующая дифференциация в показателях смертности по полу от несчастных случаев обуславливает значи-

тельную разницу в 3–4 года в продолжительности жизни мужчин и женщин республики. При этом сохранились значительные различия между городом и селом в показателях смертности от внешних причин: сельские жители чаще погибают от убийств, отравлений алкоголем и случайных утоплений, самоубийств. Таким образом, в области смертности населения от внешних причин сосредоточены большие резервы снижения смертности населения и повышения его продолжительности жизни.

Травмы, причиненные транспортными средствами, в общей структуре смерти от внешних причин занимают третье место и на их долю приходится 11,4%. Они отличаются наибольшей тяжестью, почти все требуют госпитализации и являются основной причиной инвалидности и смертности населения. Число несчастных случаев, связанных с транспортными средствами, снизилось в Беларуси по сравнению с 2005 г. на 5,7% и составило в 2009 г. 20,1 на 100 тыс. населения.

В целях решения проблемы травматизма, снижения негативных социально-экономических последствий травм, отравлений и воздействия других внешних причин в рамках ряда государственных программ разработан комплекс социально-экономических, организационных и других мер, направленных на улучшение качества и доступности медицинской помощи гражданам Беларуси при травмах, среди которых – развитие первичной медицинской помощи травмированным; создание эффективной системы экстренной медицинской помощи при травмах, ДТП, чрезвычайных ситуациях, несчастных случаях; оптимизация работы служб, участвующих в оказании помощи пострадавшим от травм, усиление профилактики дорожно-транспортного, бытового травматизма, усиление информационной ответственности на этапах оказания медицинской помощи больным.

В последние годы в республике наметилось снижение смертности от болезней органов дыхания, инфекционных и паразитарных болезней, что обусловлено улучшением экономической, эпидемиологической и экологической ситуации.

Смертность от болезней органов дыхания в республике занимает в общей структуре причин смертности, как и в Европейском регионе, четвертое место. На долю смертности населения республики от этого класса причин смерти в ее общей структуре приходится 2,3%. Значение стандартизованного показателя смертности от болезней органов дыхания в Беларуси ниже европейского уровня и составило в 2009 г. 43,4 на 100 тыс. населения. Основными причинами смертности от этого класса заболеваний в Беларуси являются пневмония и хроническая болезнь легких.

Болезни органов пищеварения в республике в общей структуре причин смерти занимают шестое место, а их удельный вес составляет 4,1%. В последние годы наблюдается тенденция роста показателя смерти по этой причине, уровень которого достиг в 2009 г. 52,8 случаев на 100 тыс. населения. В структуре причин смертности населения в странах Европейского

региона смертность по этому классу составляет от 3 до 5%. В странах СНГ показатель смертности от болезней органов пищеварения в 1,9 раза выше, чем в странах ЕС.

Показатель смертности от инфекционных и паразитарных болезней в странах Европейского региона характеризуется невысоким уровнем. При этом в странах СНГ частота смертности по этой группе заболеваний в 3,4 раза выше, чем в странах ЕС (8,1 на 100 тыс. населения) и составляет 27,2 на 100 тыс. населения. В республике наблюдается снижение смертности от данного класса заболеваний и его показатель достиг в 2009 г. 11,8 случаев на 100 тыс. населения.

Среди заболеваний, относящихся к классу инфекционных, особое место занимает туберкулез. В Республике Беларусь, как и в других странах СНГ, в последние годы отмечается напряженная ситуация по туберкулезу. Прежде всего, это связано с особенностями данного заболевания на современном этапе – острым прогрессирующим течением процесса, преобладанием лекарственно устойчивых форм. Кроме того, появились новые группы риска по заболеванию туберкулезом, в частности мигранты из стран с высоким уровнем распространенности туберкулеза, ВИЧ-инфицированные лица и др.

Однако в последние годы, благодаря проводимым мероприятиям, удалось добиться положительных сдвигов. Снизились первичная заболеваемость и количество рецидивов, смертность от туберкулеза на 7,0% и ее показатель составил в республике 9,3 на 100 тыс. населения. Этому способствовали внедрение на всей территории Беларуси контролируемого амбулаторного лечения больных туберкулезом, увеличение количества коек для принудительного лечения больных туберкулезом. Кроме того, в 2008 г. было принято постановление Совета Министров Республики Беларусь «О создании Межведомственного координационного Совета по оказанию противотуберкулезной помощи».

Структура причин смерти населения в городской и сельской местности республики является однотипной. Различие состоит в том, что уровень смертности на селе выше (в 2,2 раза), чем в городах по всем причинам смерти.

Динамика смертности и ожидаемой продолжительности жизни при рождении Беларуси определяется долговременными тенденциями, наметившимися в начале 70-х годов XX века, а достигнутый уровень ОПЖ в сравнении с развитыми странами свидетельствует об упущенных возможностях в формировании здоровья населения, что делает необходимым изучение опыта этих стран, успешно решающих проблему борьбы с факторами риска основных причин смерти, и его адаптацию в условиях республики. В основе стратегии экономически развитых государств лежит новый подход к охране здоровья населения, выходящий за рамки традиционного здравоохранения. Упор делается на четыре приоритетных направления: формирование здорового образа жизни; создание благоприят-

вующих здоровью социально-экономических и культурных «средовых» условий; переориентация системы здравоохранения на вопросы укрепления здоровья и профилактики болезней.

Таким образом к числу наиболее негативных явлений и тенденций демографического развития республики следует отнести: депопуляцию; высокий уровень смертности населения, в первую очередь, трудоспособного возраста, особенно мужчин; старение населения; снижение социальных норм детности; негативные трансформации института семьи (высокий уровень разводимости, рождение детей у женщин, не состоящих в официально зарегистрированном браке, социальное сиротство).

С учетом сложившейся демографической ситуации и тенденций ее изменения в перспективе представляется необходимым продолжение реализации мер, направленных, прежде всего, на стимулирование рождаемости и поддержку семьи, снижение смертности, укрепление здоровья и увеличение продолжительности жизни населения, оптимизацию миграционных процессов.

В целях создания предпосылок для реализации репродуктивных установок семей для рождения двух и более детей необходимо: увеличение размера пособия по уходу за ребенком в возрасте до трех лет; расширение налоговых льгот семьям в зависимости от количества детей и наличия в семье детей-инвалидов; развитие системы строительных сбережений и ипотеки для молодых семей в целях решения жилищной проблемы; строительство социального жилья и создание его банка для молодых семей; предоставление матери в связи с рождением второго и последующего ребенка, по опыту России, «базового материнского капитала» для приобретения жилья, оплаты образования детей или их лечения и др.

Для укрепления здоровья, снижения смертности и повышения продолжительности жизни населения необходимо реализовать следующие меры: обеспечение поэтапного внедрения автоматизированной системы мониторинга за состоянием здоровья населения, в том числе репродуктивного; разработка единой компьютерной программы «Диспансеризация» и информационно-образовательных материалов по проблемам профилактики и ранней диагностики различных заболеваний; обеспечение внедрения современных стандартов качества медицинской помощи с учетом изменяющейся потребности в медицинских услугах в соответствии с возрастной структурой населения; внедрение механизмов экономического стимулирования нанимателей по выявлению неблагоприятных факторов, воздействующих на здоровье работников, улучшению условий и обеспечению безопасности труда; разработка комплексной поэтапной системы лечения больных алкоголизмом с привлечением социальных работников, общественных организаций; разработка и принятие Закона «О государственной поддержке семейного отдыха и оздоровления детей»; реализация мероприятий по пропаганде здорового образа жизни, отказа от вредных привычек и формированию у граждан потребности в занятиях физической культурой, спортом и туризмом.

**Рагимова З., Мамедова М.,
Азербайджан**

Демографическое старение населения Азербайджана в современных условиях

Старение населения – наиболее характерное демографическое явление современной эпохи, обусловленное сложным комплексом факторов, включающих особенности воспроизводства населения, интенсивность и направленность миграции населения, а также демографические последствия войн. Сегодня почти все европейские страны переживают длительный спад в рождаемости и, следовательно, старение населения. Показатели рождаемости в большинстве из них находятся ниже уровня воспроизводства населения, что приводит к сокращению естественного прироста населения, а в некоторых случаях – к естественной убыли. Возрастная структура мирового населения претерпевает глубокие изменения. По мере сокращения смертности и рождаемости происходит постепенный сдвиг в сторону повышения удельного веса старших возрастных групп. С этими изменениями сталкиваются все регионы мира.

Современному этапу демографического развития Азербайджана характерен тип воспроизводства населения с низкими показателями рождаемости и смертности. Одним из существенных последствий такого типа воспроизводства является изменение его возрастной структуры. На протяжении последних 20-ти лет доля детей в возрастной структуре населения республики постоянно снижается, а доля лиц пожилого возраста заметно увеличивается. Отметим, что доля лиц пожилого возраста (65 лет и старше) за 1990–2011 гг. увеличилась с 4,8 до 5,8 %, а доля детей (0–14 лет), наоборот, снизилась с 32,9 до 22,2%. Доля населения в возрасте 15–64 лет за аналогичный период выросла с 62,3 до 72%.

Об относительном увеличении в общей численности населения доли пожилых людей также свидетельствуют данные о темпах роста различных возрастных групп населения. В течение 1990–2011 гг. темпы роста населения в возрасте старше 60 лет в сравнении с 1990 годом значительно превосходят темпы роста населения по двум другим возрастным группам. Так, в анализируемом периоде темпы роста всего населения возросли на 29,5%, темпы роста трудоспособного возраста снизились на 12,5%, темпы роста трудоспособного возраста возросли на 51,5%, а темпы роста населения старше 60 лет заметно возросли на 39,8%.

Более интенсивный рост численности пожилых граждан по сравнению с численностью всего населения свидетельствует о начале процесса старения в демографическом развитии страны. Этот процесс в республике вызван, в первую очередь, уменьшением процента детей из-за снижения ро-

ждаемости. Сокращение смертности и увеличение продолжительности жизни усиливают старение населения. Согласно статистическим данным, снижение рождаемости началось с 1992 года, причем, в 1990–2011 гг. самая низкая рождаемость была отмечена в 2001–2002 гг., о чем свидетельствует и динамика повозрастных коэффициентов рождаемости, в частности, снижение рождаемости в активных детородных возрастах – 20–24 лет и 25–29 лет. Если в 1992 году на каждые 1000 женщин в возрасте 20–24 лет и 25–29 лет приходилось 216,6 и 162,3 рождений, то в 2001 году эти показатели соответственно составили 123,1 и 93,8 рождений. Однако с 2004 года уровень рождаемости стал постепенно повышаться и в 2010 году в возрастной группе 20–24 лет и 25–29 лет коэффициенты рождаемости соответственно составили 172,9 и 127,2 рождений.

В 1990 году суммарный коэффициент рождаемости в целом по республике составлял 2,8. В последующие годы наблюдалось снижение показателя суммарного коэффициента рождаемости. На снижение суммарного коэффициента рождаемости, в частности, в 2001–2002 годы (1,8), повлияло уменьшение числа рождений высоких очередностей (4-х, 5-х и более детей). Если в 1991 году по стране на долю женщин 15–49 лет на рождение первенца приходилось 40,6% всех рождений, на рождение второго ребенка – 31,0%, третьего – 17,1%, четвертого – 6,8%, пятого и более детей – 4,5%, то в 2010 году – 52,5, 34,1, 11,2, 1,8 и 0,4% соответственно.

Отметим, что в настоящее время в репродуктивных ориентирах населения Азербайджана превалирует двухдетная модель семьи, о чем свидетельствует данные переписи населения 2009 года.

Динамичное развитие экономики, успехи медицины и улучшение социального положения населения республики за последние годы повлияли на показатель продолжительности жизни, который является одним из ключевых факторов старения населения.

В Азербайджане в 2011 году ожидаемая продолжительность жизни населения составила 73,8 года, у мужчин – 71,2 лет и у женщин – 76,5, лет (в 1990 году соответственно 71,1 лет, 67,0 лет и 74,8 года). Ожидаемая продолжительность жизни мужчин в 2011 году на 5,3 лет была ниже продолжительности жизни женщин. В 1990 году эта разница составляла 7,8 лет.

Несмотря на снижение разницы между продолжительностями жизни мужчин и женщин, эта разница существенна и объясняется различиями в уровне их смертности. В общей смертности населения в возрастных группах 0–14 и 15–64 лет удельный вес смертности мужчин превышает соответствующий показатель женщин. В возрастной группе 65 лет и старше, наоборот, смертность женщин превышает смертность мужчин. Причина этого – превышение численности женщин в данной возрастной группе над численностью мужчин. Несмотря на значительное превышение темпов роста численности пожилых мужчин по сравнению с темпами роста пожи-

лых женщин, удельный вес последних в общей численности всех пожилых людей продолжает превышать удельный вес пожилых мужчин.

Следует также отметить, что в Азербайджане наблюдается повышение среднего возраста населения. По данным статистики, в 2009 году, средний возраст населения составил 33,2 года, в то время как в 1990 году данный показатель составлял 22,3 года, т.е. за 1990–2009 гг. средний возраст вырос на 10,9 лет, что также отражает процесс постарения населения страны и сокращения доли молодежи в нем. Как известно, среди молодежи больше лиц мужского пола, а в старших возрастах преобладают женщины, в связи с чем средний возраст женщин за рассматриваемые годы (1990–2009 гг.) превышал средний возраст мужчин: в 1990 году средний возраст мужчин составлял 20,7 лет против 23,8 у женщин, в 2009 году – соответственно 30,9 лет против 33,3 лет.

В анализируемый период индекс старения в республике повысился. Если в 1990 году на 100 детей в возрасте 0–14 лет приходилось 14,5 пожилых людей, то на начало 2012 г. этот показатель составил 25,9. В настоящее время индекс старения городского населения (33) выше, чем сельского (28). Причиной этому явилась миграция населения молодых возрастов из села в город и за пределы республики.

Общая демографическая нагрузка (дети 0–14 лет и взрослые 65 лет и старше) на трудоспособное население (15–64 лет) в 2011 году составила 391 человек, в том числе: нагрузка детьми на трудоспособное население – 310 человек, нагрузка лиц старше трудоспособного возраста – 81 человек. В 1990 году аналогичные показатели составляли 605, 528 и 77 соответственно. По прогнозным данным, рассчитанным специалистами научно-исследовательского и учебного центра по труду и социальным проблемам при министерстве труда и социальной защиты Азербайджанской Республики, в 2050 году соотношение между трудоспособным возрастом и пожилыми в возрасте 60 и старше почти удвоится, следовательно, экономическое бремя представителей старших поколений для более молодых поколений потенциально будет расти.

***Romanyuk T.M.,
Ukraine, Ivano-Frankivsk***

External Labour Migration as a Factor of Influence on Economic Indicators of a Country (Region) as a Donor of Labour Force

Setting of problem

Liberalization of migration and involvement of practically all countries of the world to world migration processes together with extension of capitalist relations (movement to market economy, liberalization of trade, privatization) be-

come determinant engine in forming of streams of labour migrants from developing countries to industrially developed ones.

The reasons for migration are unprofitable material condition and desire to improve it by means of employment abroad, in a wider sense it is a desire to increase one's own capital. It should be noted that going abroad is simultaneously connected with certain expenses, – that is why it is some kind of investment, – and also with foresight, that this investment will be compensated both in the process of migration and in the future.

The difference between profits in the countries of origin and role of migrants, favours migration [1–3].

According to neoclassical theory, the streams of labour force are directed from the countries with low level of salary to the countries with high level of profits and capital (including human capital). As a result migration favours reduction in wages in the countries of destination and raises profits in the countries of origin, until equilibrium is not reached.

Accumulation of empiric data, on the whole, supports the main statement of neoclassical theory that immigration is connected with international divergences in salary [4–5].

In addition international migration not in full amount explains disparity in salary. Divergence in salary is not always the most essential factor in a decision to migrate. Influence of variable dimensions (such as an unemployment rate) influences migration similarly, or even more than differences in salary.

The new economy of migration asserts that international migration is related to the failures in markets, which threaten material welfare of household and create obstacles for their economic development. In many situations, especially in countries which are developing, capital, futures and insurance markets can be inaccessible for households. For insuring oneself individually from different risks connected with profits, production and property, or for getting access to the scarce capital investments, households send one or more members to foreign markets of labour.

Analysis of the last researches and publications

The problems of economic consequences of migration and migratory policy are investigational in scientific explorations of leading home and foreign scientists. Noticeable contribution to theoretical and applied researches of economy of international migration of population was brought in by A.P. Haidutskiy, I.G. Hlushchenko, T.A. Dragunova, H.Zlotnyk, I.V. Ivakhnyuk, V.A. Iontsev, A.N. Kamenskiy, E. Lee, E.M. Libanova, O.A. Malynovska, D. Massey, O.R. Ovchynnikova, V. Pische, Ya.L. Polyanska, M. Pulen, I.M. Prybytkova, D. Rata, M.D. Romanyuk, S.V. Ryazantsev, L.A. Szaasad, U.Ya. Sadova, D. Simon, P. Stocker, J. Tapinos, M.P. Todaro, B. Thomas, O.V. Tyuryukanova, J.P. Harris and others.

In researches of western scientists it was stressed that more and more poor households use international migration for diversification of its labour portfolio. Households are not isolated and they are closely connected with national and foreign markets and largely depend on foreign profits for supporting local investments and consumption.

Statement of the basic material of research

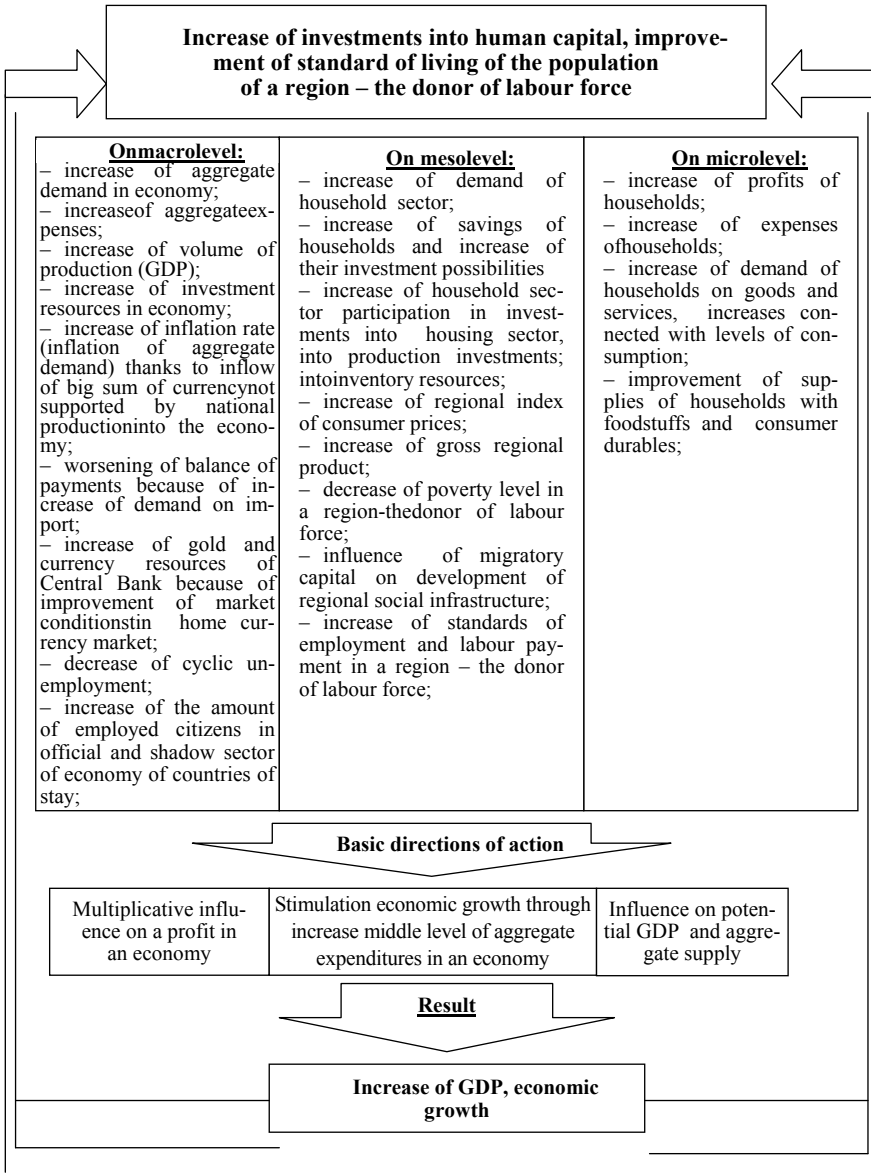
Migration is a form of investment which requires certain resources. The poorest persons, with the most degree of marginalization, do not migrate on the whole. Material resources which a migrant owns, consists of household funds and borrowed capital. These funds make possible not only departure but also enable more independent choice of work, longer search of work. In some way they make migrant independent in the country of destination from the necessity to agree to any work.

Remittances of migrants improve welfare of households by way of diminishing budget limitations for the use of the amount of money transfers, but if there is a relative change in prices, then money transfers must not influence other types of activity which bring income.

This money transfers increase the productivity in the use of machinery, land and wage labour of households. In addition, they assist in acquisition of assets which bring income. As a result remittances raise the profits of households more than the volume of remittances, which can not be compared with the theses of neoclassical theory. Thus, high profits in the countries of attraction stimulate migration not only because they give the expected increase in profits during lifetime but also because they offer poor families a method of weakening limitations of liquidity and management risks. The new economy of migration also appeals against neoclassical assumption that higher profit has an even influence on the process of encouragement of migration on all social and economic levels. In accordance with the new economy of migration, families migrate not only for the improvement of absolute profits but also for the increase of the profits in comparison with other members of society.

A migrant has an aim to increase his assets due to profits from earnings abroad. But simultaneously obtains other forms of capital – new experience, qualification, languages, education of children abroad or financing of studies in his home country, new contacts with people, – which in a long-term prospect can become the investments of economic character.

Profits of migrants are assigned to consumption in the country of destination, and that is why comprise the economic value of that country. At the same time many migrants, especially those, who decided to go to work abroad taking into account an economic constraint, sharply limit spending for their own expenses in the country of employment, instead the considerable part of their profits are assigned for expenses of the members of their families in the country of origin.

Rice 1. A mechanism of formation of external labour migration influence on the economy of a country (region) of labour force origin

The most expected investment is a purchase of real estate, construction, repair of house in the country of origin. These investments create additional effect: increase of the produced regional product where they are invested.

Remittances is the most perceptible benefit from international migration for the countries of origin of migrants. The basic sources of currency profits of labour force from the countries-exporters are: money streams of migrants, which are sent to households, which use them for consumption, saving and private investment and profits from firms-mediators. These funds considerably exceed the sizes of official help. This type of private redistribution of financial resources is more effective, more stable, more purpose-oriented, than all official mechanisms of financial help.

The use of remittances testifies that their considerable part is used for daily charges, such as foodstuffs, clothing and medical service. These money resources are also spent on construction or repair of accommodation, purchase of land, cattle or on durable goods and payment of debts for migration. As a rule, only the insignificant percentage of remittances goes to savings, education and investments. Not so as other developed economies, the home economy takes little part in those sectors, where the biggest part of added value is formed. But not the less our participation in international markets is present. Having lost many sales markets, nowadays we are competitive in the world market of labour force export and raw material. And this is our participation in the processes of globalization. Economic and active part of our population goes abroad, the prototype of middle class of our society, which works in the countries-recipients and who generates an additional cost to the economies of these countries, sending money home for their labour. When researching the processes of external labour migration, complex estimation of its social and economic consequences gets determinant importance (Rice 1.)

Economic influence of money streams of migrants is stipulated by next processes:

1. Remittances of migrants as a rule are conducted in convertible currency which is very important for realization of the effective currency regulation by Central banks, often helps to avoid interventions of these institutions during the period of sharp deficit of currency in the national money-market.
2. Inflow of additional resources provides workplaces for national economy, as money from abroad unavoidably stimulates the increase of aggregate demand, which in turn is basic engine for increase of aggregate cost of all eventual commodities and services which are produced in an economy during a certain period of time.
3. Stimulation of aggregate demand through the increase of amount of money resources leads to increase of consumption sector of households (as a recipient of remittances), that in its turn gives an impulse to increase of production and employment and, accordingly, to reduction of unemployment.
4. Increase of level of employment and increase of nominal salary for hired workers will stipulate again the rise of consumption and saving.

5. When remittances comprise substantial part from gross domestic product of the country-recipient or gross regional product they are the forecasters of inflation of demand. Mass inflow of money from abroad not supported by the production of commodities and services by national economy will stimulate appearance of inflationary processes. Prices will grow to level the steep increase of demand with present possibilities of economy.

6. If the resources earned by migrants are then invested they play a double role in an economy as in a short-term period, influencing aggregate demand they determine the production volume and in a long-term period they stimulate economic growth in a country through capital formation on potential volume of output and aggregate supply.

External labour migration thanks to money streams of migrants creates substantial social and economic changes in the economy of a region. First of all, they are sent to households improving their welfare and increasing profits. Depending on propensity of consumption of every household a proportion will be formed between consumption, saving and accumulation of resources for investing. Directing additional profits on consumption improves material well-being of households with foodstuffs, access to educational and medical services grows, conditions for improving housing and other property characteristics are created, which at the end decreases poverty level of households and forms pre-conditions for the increase of standard of living.

The higher index of marginal propensity of consumption of households is, the higher is multiplicative influence on profit in an economy. Part of profit, which is not consumed, is saved that increases the volume of deposits and strengthens financial sector. Increase of the amount of currency money circulation creates possibilities for replenishment of gold and currency supplies of the National bank by way of redemption of currency from the population in the period of currency deficit in the Interbank currency exchange.

Accumulation of investment resources of households afterwards are directed into housing, formation of goods and material resources, or on the purchase of equipment. The increase of profits of households leads to the increase of investments in human capital and level of availability of socially meaningful services in a region, and opening own business, creating new workplaces and increasing fiscal deduction to budget.

Among negative consequences which an economy of a country-donor of labour force gets, is as follows: recession of GDP through unusing labour of migrants in the country of their origin; increase of amount of money in circulation because of inflow of money from abroad, that is not supported by production and it causes inflation of demand. It also leads to increase of consumption prices index in those regions, where there are many migrants from abroad and where considerable money streams are directed.

Labourmigrants which are employed abroad decrease the load on the home market of labour and decrease demand on labour. Understanding the norms of behaviour and economic activity of more developed regions by labour migrants will lead to the increase of standards of employment and payment of labour in a region – the donor of labour force.

Economic consequences for a region-donor are characterized by prevail of positive effects and social consequences are negative. Migrants are limited in pension and insurance rights and in unsettled status of stay of them abroad. Because of exhausting work and bad living conditions the health of migrant workers gets worse, their qualification decreases, qualitative composition of labour force gets worse. As a result of durable stay of members of families abroad, family relations and role of a family diminishes, the amount of divorce increases, birth-rate goes down, social orphanage increases.

As remittances go directly to households of migrants, which have high disposition to consumption, they produce an effect of multiplier on national income of a country. Increased expenses of migrant families on goods and services produced in sectors with excessive production capacities lead to creation of workplaces and receipt of profits by other citizens, additional charges of whom in their turn bring profit to other persons and so on.

If we analyse the quantitative indexes of these financial injections then in 2010 (table. 1) the general volumes of remittances to Ukraine from abroad were estimated at US\$ 5.9 milliards (4.3% from GDP). Volumes of money transfers are gradually renewing (in 2010 9.2% higher than in the previous year), but they are still lower than before the crisis. But at the same time their relation to GDP remains considerably high (in 2007–2008 this relation comprised 3.4%).

Greater part of money transfers to Ukraine came via correspondence accounts of banks (US\$ 3.0 milliards or 51% from total sum). And US\$ 2.1 milliards or 36.3% of remittances were carried out by means of international payment systems. Also by the National bank of Ukraine's estimations US\$ 777 millions were brought to Ukraine by informal ways.

In the structure of balance of payments 57.5% of the volume of private money transfers are classified as payments for labour (in 2009 – 53.2%). The volumes of such transfers grew 18.1% and comprised US\$ 3.4 milliards.

Volumes of the second constituent of incomings are private transfers – they remained almost at the level of the previous year – US\$ 2.5 milliards. Part of this category in the total sum of incomings reduced to 42.5% compared to 46.8% in 2009. Private transfers consist of private money transfers from workers who work abroad, and other private transfers. Volumes of remittances from workers who work abroad for the last four years had a tendency to decline: in 2010 the volumes of this category diminished compared to 2009 for 5.1% and comprised US\$ 1.56 milliards (in 2009 decline comprised 23.2%). At the same time the volumes of other private transfers grew compared to 2009 for 6.5% and compri-

sedUS\$ 929 millions (decline of the volumes of such category in 2009 comprised only 13%). Possibly, it is connected with not only with the aftermaths of crisis but also with the fact that more and more Ukrainian citizens remain abroad for permanent residence.

Table 1

Dynamics of volumes of private money transfers to Ukraine from abroad [6]

Indexes	2007	2008	2009	2010	in % to previous year		
					2008	2009	2010
Receipt - total	4922	6177	5370	5862	125,5	86,9	109,2
from them:							
- came via correspondent accounts of banks	2818	3275	2832	2959	116,2	86,5	104,5
- came via international payment systems	1458	2097	1825	2126	143,8	87,0	116,5
- brought to the country via informal ways	646	805	713	777	124,6	88,6	109,0
including:							
1. Payment for labour (expenditures in the country of stay excluding)	1842	3024	2855	3373	164,2	94,4	118,1
from them:							
- monetary resources which are brought to the country via informal ways	216	414	352	455	191,7	85,0	129,3
2. Private transfers	3080	3153	2515	2489	102,4	79,8	99,0
including:							
Remittances of workers who work abroad	2292	2140	1643	1560	93,4	76,8	94,9
from them:							
- monetary resources which are brought in via informal ways	430	391	361	322	90,9	92,3	89,2
Other private transfers	788	1013	872	929	128,6	86,1	106,5
Additionally: volumes of money transfers in % to GDP	3,4	3,4	4,6	4,3	.	.	.

Distribution of streams of private remittances which came to Ukraine via official channels (through banking system and via international system of money transfers) on main statistical data are shown in Table 2. I

On average two thirds of the volumes of remittances come to Ukraine from foreign countries and one third – from CIS countries. Thus, Russia remains one of the main countries of the use of labour resources of Ukraine, and also the biggest donor of money flows to Ukraine (according to official statistics). In 2010 US\$ 1.6 milliards came from Russia which is 29% more than in 2009.

These are the highest rates of growth that year. It should be noted that in 2009 the biggest reduction in money transfers were from Russia– for 31.6% according to bank data. It was predefined by considerable fall of economic activity considerably low expenses for returning to Ukraine. But in 2010 returning to economic growth and again low transport expenses assisted in renewal of money transfers from Russia in 2010 to pre-crisis level.

Table 2

Volumes of remittances to Ukraine for 2010[6].

COUNTRIES	Transfers which were carried out via bank system (ф.№1-ПБ)	Transfers which were carried out via international money transfer systems (ф.№405)	ALL
RUSSIA	314.1	1305.0	1619.1
UNITED STATES	334.8	243.1	577.9
GERMANY	349.1	32.6	381.7
GREECE	264.2	39.1	303.3
ITALY	99.1	182.8	281.9
UNITED KINGDOM	186.3	67.8	254.1
CYPRUS	231.7	10.4	242.1
SWITZERLAND	152.8	9.5	162.3
SPAIN	27.6	118.9	146.5
CANADA	50.3	57.0	107.3
UNITED ARAB EMIRATES	78.9	16.2	95.1
PORTUGAL	10.0	66.6	76.6
NETHERLANDS	70.0	5.3	75.3
ISRAEL	20.5	47.6	68.1
LATVIA	62.4	2.3	64.7
TURKEY	15.7	36.7	52.4
KAZAKHSTAN	21.1	28.0	49.1
SINGAPORE	47.5	0.9	48.4
FRANCE	32.8	14.4	47.2
NORWAY	43.0	3.5	46.5
HONG KONG	40.7	0.7	41.4
CHINA	11.7	28.6	40.3
BELGIUM	36.0	4.2	40.2
DENMARK	32.7	2.4	35.1
AUSTRIA	26.6	4.0	30.6
PANAMA	28.0	0.3	28.3
MONACO	27.6	0.0	27.6
CZECH REPUBLIC	5.4	22.1	27.5
POLAND	10.9	15.2	26.1
AUSTRALIA	12.8	11.4	24.2

The second place is occupied by the United States (11.4% from total sum of transfers) next go the countries of European Union (Germany, Greece, Italy, United Kingdom, Cyprus). The volumes of transfers from these countries (except the United Kingdom) in 2010 increased comparatively with the previous year.

In 2011 there was no renewal of earnings from Spain and Portugal – traditionally popular countries among Ukrainian workers abroad, but still reduction of volumes continued (for 29 % to 22% correspondingly). It can be explained by both the level of influence of economies of these countries because of the crisis (because of the problems in state finances) and high expenses on returning of Ukrainians into these countries and which is also possible in connection with the change of the status of Ukrainian citizens abroad and increases in remittances which are sent via informal ways.

Positive balance of current transfers in the 3rd quarter of 2011 increased to US\$ 979 millions (compared to US\$ 797 millions in the 3rd quarter of 2010) mainly due to the increase of remittances of workers, who work abroad more than one year (on 18.9%) [7].

Conclusions

On the basis of systematization in the estimation of consequences of external labour migration on the economic indicators of a country (region) the donor of labour force two levels of directions of influence were distinguished: 1) at macroeconomic level it influences: aggregate demand, aggregate expenses, volume of GDP, economic growth, investment resources in an economy, balance of payments, gold and money resources of National bank of Ukraine, unemployment rate, level of employment, inflation rate; 2) on mesoeconomic level migration causes: increase of demand of household sector, increase of expenses and increase of consumption of separate types of commodities and services of households; improvement of stability financial sector due to increases of volume of economies of households; increase of regional index of consumption prices and appearance of local inflation of aggregate demand; increase of Gross regional product; increase of participation of household sector in investments: into human capital, housing, equipment, actual inventory.

In modern terms the most important is to consider migration of population in connection with capital flow, creation of new workplaces and change of regional indexes of standard of life in the context of general social and economic development of a country.

Thus, remittances of migrants essentially form separate constituent of international capital market – migratory capital. Its volumes can be characterized as profits of migrants which, excluding expenses on their stay in the country of employment are directed to their motherland and are used for the increase of standard of living of their relatives, to development of local territories and countries on the whole.

References

1. Sjaastad, Larry A. 1962. «The Costs and of Returns of ofof Human Migration». Journal of ofof Political Economy 70: 80-9.
2. Todaro, M. P., 1969, An of model of labor migration and urban unemployment in less developed countries. American Economic Review 59(1): 139–148.
3. Todaro, Michael, and of Lydia Maruszko. 1987. «Illegal Migration and of U.S. Immigration Reform : A Conceptual Population and of Development Review 13:101–14.
4. Taylor, J. E. 1987. Undocumented Mexico – U.S. migration and the returns to households in rural of Mexico. American Journal of of Agricultural Economics 69:626–38.
5. Funkhouser, E. (1992) "Mass Emigration, Remittances of and of Economic Adjustment: The Case of of El Salvador," in of G. J. Borjas of and of R.B. Freeman (eds).
6. National bank of Ukraine, General economic department, Department of balance of payments – Level of access: www.bank.gov.ua.
7. <http://www.bank.gov.ua/doccatalog/document?id=91916>.

**Романюк Т.М.,
Украина, г. Ивано-Франковск**

Внешняя трудовая миграция как фактор влияния на экономические показатели страны (региона) донора рабочей силы

Миграция – это форма инвестиции, которая требует определенных ресурсов. Беднейшие граждане с наибольшей степенью маргинализации, вообще не мигрируют. Материальные ресурсы, которые имеет в своем распоряжении мигрант, состоят из средств домохозяйства и ссудного капитала. Эти средства делают возможным не только выезд, а также дают возможность более независимого выбора работы, долгосрочного поиска трудоустройства. Определенным образом они оберегают мигранта в стране назначения от необходимости соглашаться на любую работу.

Основной целью пребывания мигранта за границей есть увеличения своих активов благодаря доходам от заработков. Но одновременно мигрант приобретает другую форму капитала – новый опыт, квалификацию, язык, обучение детей за границей или финансирование обучения в собственной стране, новые контакты с людьми, которые в долгосрочной перспективе могут стать инвестициями экономического характера.

Наиболее ожидаемыми инвестициями миграционного капитала есть покупка недвижимости, строительство, ремонт дома в стране происхождения. Эти инвестиции создают мультипликативное влияние на доход в экономике страны происхождения мигрантов. В краткосрочном периоде, влияя на совокупный спрос, эти частные трансферты увеличивают объем про-

изводства, а в долгосрочном периоде – стимулируют экономический рост в стране через капиталообразование, положительно влияя на потенциальный объем выпуска, совокупное предложение и спрос на труд, который обуславливает рост уровня жизни.

Использование денежных переводов свидетельствует, что значительная их часть используется на ежедневные затраты, такие как продукты питания, одежда и медицинское обслуживание. Эти денежные ресурсы также расходуются на строительство или ремонт жилья, покупку земли, большого рогатого скота или на товары продолжительного пользования и выплату долгов за миграцию. Как правило, только незначительный процент денежных переводов идет на сбережение, образование и инвестиции.

При исследовании процессов внешней трудовой миграции определяющее значение приобретает комплексная оценка ее социально-экономических результатов (Рис. 1.).

Экономическое влияние денежных потоков мигрантов обуславливается следующими процессами:

1. Переводы мигрантов, как правило, проводятся в свободно-конвертируемой валюте, которая есть довольно важный фактор для проведения эффективного валютного регулирования Центральными банками, помогает часто избегать интервенций этих учреждений в период острого дефицита валюты на национальном денежном рынке.

2. Приплыв дополнительных ресурсов обеспечивает рабочие места для национальной экономики, поскольку средства из-за границы неминуемо стимулируют возрастание совокупного спроса, который в свою очередь есть основной движитель для возрастания совокупной стоимости всех конечных товаров и услуг, которые вырабатываются в экономике на протяжении определенного периода.

3. Стимуляция совокупного спроса через возрастание денежной массы приводит к повышению потребления сектора домохозяйств (как реципиента денежных переводов), что в свою очередь дает импульс к росту производства и занятости, и, соответственно, сокращение безработицы.

4. Увеличение уровня занятости и возрастание номинальной заработной платы для наёмных рабочих обусловит рост снова же таки потребления и сбережений.

5. Если денежные переводы составляют существенную часть от ВВП страны-реципиента или ВРП, они являются предвестниками инфляции спроса (регионального индекса потребительских цен). Массовый приток денег из-за границы, не подкрепленный производством национальной экономикой товаров и услуг будет стимулировать появление инфляции спроса. Цены будут возрастать, чтобы уравновесить стремительное возрастание спроса с имеющимися возможностями экономики.

6. Если же заработанные мигрантами ресурсы инвестируются, то они сыграют двойную роль в экономике, так как в краткосрочном периоде, вли-

я на совокупный спрос, определяют объем производства, а в долгосрочном периоде стимулируют экономический рост в стране через капиталообразование, влияя на потенциальный объем выпуска и совокупное предложение.

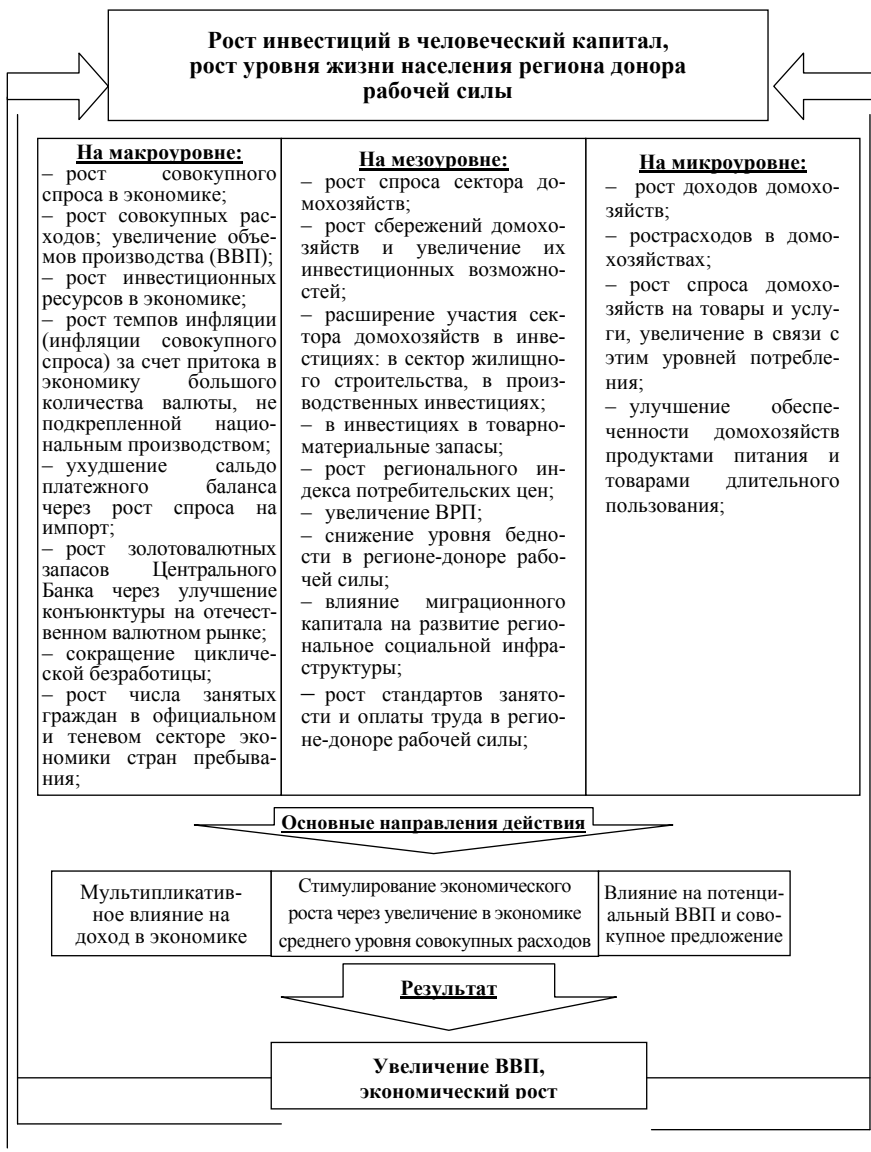

Рис. 1. Механизм формирования влияния внешней трудовой миграции на экономику страны (региона) происхождения рабочей силы

Внешняя трудовая миграция благодаря денежным потокам мигрантов создает существенные социально-экономические сдвиги в экономике региона. Прежде всего, они направляются в домохозяйства, улучшая их благосостояние и увеличивая доходы. В зависимости от склонности к потреблению каждого домохозяйства будет формироваться пропорция между потреблением, сбережением и накоплением ресурсов для инвестирования. Направление дополнительных доходов на потребление улучшает обеспеченность домохозяйств продуктами питания, возрастает также доступ к образовательным и медицинским услугам, создаются условия для улучшения обеспеченности жильем и другими имущественными характеристиками, которые в конечном результате уменьшают уровень бедности домохозяйств и формируют предпосылки к повышению жизненного уровня.

Чем выше показатель предельной склонности к потреблению среди домохозяйств, тем большим будет мультипликативное влияние на доход в экономике. Часть дохода, которая не потребляется, экономится, что увеличивает объем депозитов и укрепляет финансовый сектор. Возрастание количества валюты в денежном обращении создает возможности для пополнения золотовалютных резервов путем ее выкупа у населения в период дефицита валюты на Межбанковской валютной бирже.

Накопление инвестиционных ресурсов домохозяйствами со временем устремится в жилищное строительство, на формирование товарно-материальных запасов, или на покупкуоборудования. Увеличение доходов домохозяйств приводит к возрастанию инвестиций в человеческий капитал и уровня доступности социально значимых услуг в регионе, а открытие собственного бизнеса создает новые рабочие места и увеличивает фискальные отчисления в бюджет.

Среди отрицательных последствий, которые получает экономика страны донора рабочей силы, есть, в частности: убыль ВВП из-за неиспользования труда мигрантов в стране их происхождения; возрастание денежной массы в денежном обороте благодаря притоку средств из-за границы, которая не подкреплена производством и служит причиной инфляции спроса. Это также приводит к возрастанию индекса потребительских цен в тех регионах, где есть большое количество мигрантов за границей и куда направляются значительные денежные потоки.

Трудовые мигранты, которые заняты за границей, уменьшают нагрузку на отечественный рынок труда и сокращают на него спрос. Усвоение участниками трудовых миграций норм поведения и экономической деятельности более развитых регионов приводит к возрастанию стандартов занятости и оплаты труда в регионе-доноре рабочей силы.

Экономические следствия для региона донора характеризуются доминированием положительных эффектов, а социальные следствия – отрицательными. У мигрантов ограниченные пенсионные и страховые права

через неурегулированный статус пребывания их за границей. Изнурительный труд и плохие условия проживания ухудшают здоровье трудовых мигрантов, снижается квалификация через занятость мигрантов на работах, которые не требуют высокой квалификации, ухудшается качественный состав рабочей силы. Вследствие продолжительного пребывания членов семьи за границей ослабляются семейные связи и роль института семьи, возрастает количество разводов, снижается рождаемость, приобретает распространение «социальное сиротство».

Поскольку денежные переводы поступают непосредственно в домашние хозяйства мигрантов, которые имеют высокую склонность к потреблению, они оказывают мультипликативный эффект на национальный доход страны. Увеличенные затраты семей мигрантов на товары и услуги, произведенные в секторах с чрезмерными производственными мощностями, приводят к созданию рабочих мест и получению доходов другими гражданами, дополнительные затраты которых, в свою очередь, приносят пользу другим лицам и так далее.

***Рубинская Э.Д.,
Россия, г. Ростов-на-Дону***

Исследование процессов международной трудовой миграции как основы формирования региональной миграционной политики (на примере Южного федерального округа)

1. Целью исследования является изучение особенностей процессов международной трудовой миграции в современной России на мезоуровне.

В условиях поставленной задачи модернизации экономики всех регионов страны, одним из важнейших факторов ее решения является изменение структуры трудовой миграции, увеличение в ней доли высококвалифицированных специалистов, разработки механизма определения их соответствия структуре потребностей субъектов РФ.

Методология исследования основана на статистических данных РФ, Федеральных округов и субъектов РФ, позволяющих анализировать динамику и структуру потоков трудовых мигрантов, их соответствие потребностям региона, а также проблемы и противоречия, которые необходимо учитывать при формировании миграционной политики федеральных округов в России.

2. Установленный в 90-х годах XX века качественно новый государственный и социально-экономический статус российских регионов актуализирует необходимость разработки современных подходов к решению задачи эффективной региональной миграционной политики. Регионы РФ по-

разному вовлечены в процессы международной трудовой миграции. Большая дифференциация регионов по уровню их научно-производственного и социально-экономического развития порождает необходимость глубокого исследования проблем международной миграции рабочей силы конкретного региона.¹ Многообразие и сложность проблем, порождаемых процессами международной миграции в субъектах РФ, входящих в Южный федеральный округ, делает их исследование исключительно актуальным.

3. Миграционные процессы в краях и областях ЮФО имеют как общие черты, так и свою специфику. Для Южного федерального округа характерны такие общероссийские тенденции демографического развития, как естественная убыль населения, его старение, значительное сокращение людей трудоспособного возраста, в своей совокупности определяющие место миграции в социально-экономическом развитии региона. Кроме того, для ЮФО, как и для России в целом, характерна существенная региональная дифференциация. Так, по всем социально-экономическим показателям самыми отстающими регионами Южного федерального округа являются Республики Калмыкия и Адыгея², а регионы-лидеры - Краснодарский край и Ростовская область, и именно туда направляются основные потоки трудящихся мигрантов в ЮФО. Исследование особенностей, присущих процессам международной трудовой миграции на территории каждого субъекта ЮФО, позволяет дифференцированно подходить к реализации направлений Федеральной миграционной политики и формированию адекватной региональной миграционной политики на территории Южного федерального округа.

4. Одной из важнейших особенностей миграционных процессов Ростовской, Волгоградской и Астраханской областей, является приграничное положение данных регионов. «Прозрачность» границ с Украиной и среднеазиатскими государствами стимулируют миграционные потоки. Так, в Астраханскую область со среднеазиатского направления в 2011 году въехало 95,7% иностранных граждан. Главные потоки иммигрантов – из Узбекистана (45%), Казахстана (31,9) и Таджикистана (18,8%). Учитывая национальный состав мигрантов, в Астраханской области придается большое значение сотрудничеству с названными странами. В соответствии с заключенными правительством Астраханской области и Астраханским

¹ Юный федеральный округ (ЮФО) по большинству социально-экономических показателей отстает от среднероссийских: уровень производительности труда в ЮФО составляет 65% от среднероссийского показателя, объем частных инвестиций в основной капитал – 87, среднедушевой объем собственных бюджетных доходов регионов ЮФО – 65%, величина экспорта на душу населения – 29% от соответствующего показателя по РФ.

² Для примера, среднемесячная зарплата в Республике Калмыкия и Республике Адыгея составляет соответственно 70 и 75% от среднемесячной зарплаты в Краснодарском крае.

миграционным центром Соглашениями с соответствующим департаментом Министерства труда и социальной защиты Республики Узбекистан, а также исполнительным органом государственной власти Согдийской области Республики Таджикистан предусматривается взаимодействие по различным аспектам трудовой миграции. В Ростовской области треть всех мигрантов на территории области являются гражданами Украины. Образование еврорегиона «Донбасс», а также принятое в 2010 году соглашение Правительства Российской Федерации и Правительства Украины «О безвизовых поездках граждан Российской Федерации и Украины» способствует возрастанию масштабов трудовой миграции. Влияние на миграционные процессы оказывают субрегиональные связи не только на уровне субрегионов в целом, но и между образовательными учреждениями, неправительственными организациями, между отдельными фирмами, прямые связи в области научно-технического и промышленного сотрудничества³.

5. Особенностью международной миграции в Республике Калмыкия является ее непривлекательность для мигрантов. Это связано с тем, что Республика Калмыкия занимает последнее место в ЮФО по большинству показателей социально-экономического развития. Здесь важно обеспечить регулирование миграционных процессов как внутри республики, так и внешних миграционных потоков, для сокращения оттока людей особенно в трудоспособном возрасте, в том числе путем создания благоприятных условий для закрепления молодых специалистов. Одним из способов улучшения демографической ситуации в республике могло стать участие в Государственной программе по оказанию содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом⁴. Однако в виду бюджетного дефицита Калмыкия лишилась такой возможности по привлечению трудовых ресурсов. По мнению автора, необходим дифференцированный подход со стороны Федерации и субсидирование государством той части затрат, которую должна понести республика в ходе реализации Программы, поскольку в данном конкретном случае это могло бы значительно улучшить сложившуюся негативную ситуацию на рынке труда Калмыкии.

6. Уникальной особенностью международной миграции в Республике Адыгея является ее этническая направленность, т.е. четкая ориентация на репатриацию⁵. В 2011 году миграционный прирост населения компен-

³ Например, между «Ростовским региональным центром инновационного развития» и «Институтом стратегии безопасности и развития приграничных территорий» (г. Луганск, Украина), между ООО «Промышленная компания «Новочеркасский электровозостроительный завод» и ОАО «Холдинговая компания «Луганск-тепловоз».

⁴ Утв. Указом Президента РФ от 22 июня 2006 г. N 637

⁵ Одной из важных особенностей Адыгеи является существование огромной – пятимиллионной – адыгской диаспоры, разбросанной историей и временем по 50-ти странам мира. В России, по различным оценкам, проживает до 600 тысяч адыгов.

сировал численные потери Республики в три раза. В Адыгее на основе республиканского и федерального законодательства реализуется комплекс мероприятий в области развития связей с соотечественниками и межнациональных отношений, принята долгосрочная целевая программа «Развитие и укрепление связей с соотечественниками, проживающими за рубежом» на 2012–2016 годы. Реализация Программы предусматривает взаимодействие различных органов исполнительной власти и общественных организаций Республики Адыгея и общественных организаций соотечественников за рубежом. В республике создан Центр репатриантов для оказания юридической помощи, учрежден День репатрианта, выделяются квоты для обучения в вузах.

7. Особенностью миграционных процессов в Краснодарском крае является значительный миграционный прирост, который почти в восемь раз превысил естественные потери населения и это притом, что край является одним из самых густонаселенных регионов страны. Катализатором развития края во многом выступает предстоящая Олимпиада 2014 года, благодаря которой более 60% всех инвестиций ЮФО направляется в Краснодарский край, темп роста в строительстве за 2011 год составил 115,9%, в строительной отрасли края трудятся около 70% мигрантов из 29 стран (для сравнения – в Ростовской области в строительстве занято лишь 40% мигрантов). Для формирования эффективной миграционной политики Краснодарского края необходимо дифференцированное отношение к мигрантам, ориентированным на постоянное или временное проживание.

8. В условиях ориентации России на модернизацию ее экономики, принципиально важным моментом становится качественная составляющая рабочей силы, прибывающей в ЮФО. В этой связи, особенностью миграционных процессов в Краснодарском крае и Ростовской области является уровень образования мигрантов, который кардинально отличается от других субъектов, входящих в ЮФО. Так, почти треть всех мигрантов, прибывших в Краснодарский край и Ростовскую область в 2010 году имели высшее образование, что обусловлено высокой инвестиционной привлекательностью, наличием большого количества совместных предприятий, транснациональных компаний и общим уровнем социально-экономического развития регионов.

Ростовская область более чем другие субъекты ЮФО привлекательна для иностранных студентов, около 70% всех студентов, приезжающих в ЮФО направляется в ВУЗы Ростова (Южный Федеральный Университет, Донской государственный технический университет, Ростовский медицинский университет). В 2010 году в Ростовскую область въехало 2 617 иностранных студентов из более чем 70 стран мира. Однако большинство из них после получения образования возвращается домой. По мнению автора, в миграционной политике Южного федерального округа

следует предусмотреть условия использования иностранных дипломированных специалистов в социально-экономической сфере региона, для чего необходимо разработать механизм, способствующий, путем предоставления различных социальных гарантий, привлечению специалистов в приоритетные для государства отрасли.

9. Масштабы, интенсивность и структура трудовой миграции в Южном федеральном округе определяются совокупностью демографических, географических, социально-экономических факторов, а также инновационным и инвестиционным сотрудничеством. Учет особенностей процессов международной трудовой миграции в каждом конкретном субъекте РФ, входящем в ЮФО, чрезвычайно важен для формирования единой региональной миграционной политики, комплексная реализация которой в масштабах всего Округа способна обеспечить синергетический эффект.

***Рынгач Н.А.,
Украина, г. Киев***

Смертность от болезней органов пищеварения в Украине: что изменилось?

Традиционная в течение последних десятилетий структура общей смертности в Украине, в которой ранг первых пяти мест, казалось бы, закрепился надолго, в начале XXI столетия претерпела изменения в результате разнонаправленных процессов: уменьшения уровня смертности от болезней органов дыхания и, одновременно, роста смертности, обусловленной заболеваниями органов пищеварения. В начале двухтысячных определился «перевес» доли последних (табл. 1).

Цель исследования – определить особенности современных изменений уровня и структуры смертности от болезней органов пищеварения (БОП) в Украине, проанализировать возможные причины и показать отличия от стран Евросоюза. В публикации не рассматривались изменения смертности от новообразований пищеварительной системы, но надо отметить влияние исходных факторов риска и на эту патологию.

Таблица 1

**Смертность от болезней органов пищеварения и дыхания в Украине,
оба пола, на 100 тыс. нас., 1997–2011 гг.**

Причина	1997	2000	2003	2005	2011
Болезни органов пищеварения	42,4	44,9	46,1	67,3	55,2
Болезни органов дыхания	81,7	76,6	68,8	59,4	38,9

Около 70% всех смертей в классе болезней органов пищеварения в 2010 г. было обусловлено поражением печени, причем около половины – это фиброз и цирроз печени, а еще 10% – алкогольная болезнь печени. Можно предположить, что такое доминирование поражения органа, который в силу своих функциональных (прежде всего таких, как регулирование метаболизма, детоксикация и выделение) и морфологических особенностей, взаимосвязи с системой кровообращения становится главной «мишенью» поражения при многих инфекционных и неинфекционных заболеваниях, имеет не одну, а ряд причин.

Смертность от алкогольного цирроза печени является индикатором степени проблем, связанных злоупотреблением алкоголем, но этиогенез хронических поражений печени нельзя сводить исключительно к последствию неумеренного употребления спиртного. Сегодня выросла доля циррозов печени другого генеза – токсических (при острых и хронических отравлениях, зачастую связанных с профессиональной деятельностью), постинфекционных и аутоиммунных. Как ни парадоксально, сыграло свою роль и повышение доступности лекарств – лекарственные гепатиты становятся нежелательными результатами долгосрочного комплексного лечения многих патологий, что в условиях неоправданной либерализации продажи рецептурных препаратов в Украине и распространенной практики самолечения уже имеет негативные последствия, и еще большие проблемы обещает в будущем.

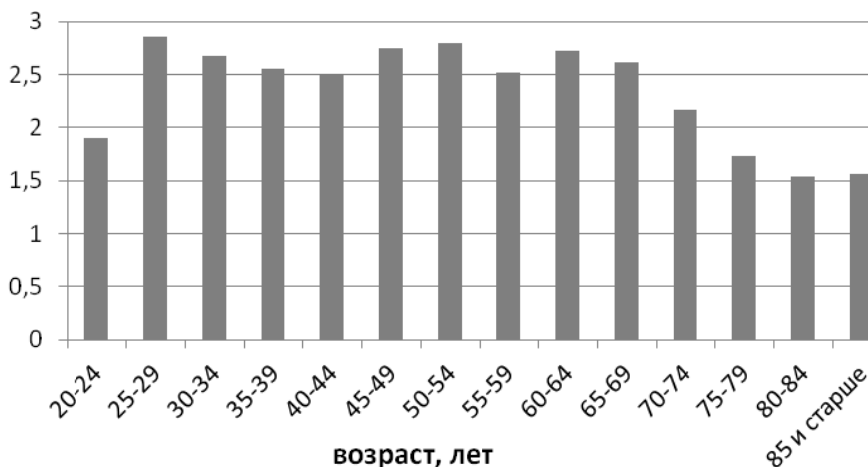
Еще одной веской причиной развития хронических поражений печени является нерациональное и небезопасное питание. Причем речь идет не только о возрастании в рационе, особенно малоимущих граждан, удельного веса дешевых продуктов сомнительного происхождения, произведенных со всеми возможными нарушениями технологии и санитарии. Состав вполне легальных продуктов из супермаркета «обогащен» множеством химических добавок (консервантов, ароматизаторов, усилителей вкуса, красителей и т.п.), продукты в процессе производства от сырья до товара подвергнуты множеству технологических операций. Возникновению поражения поджелудочной железы (второй по значимости группе причин смерти в классе БОП) также способствует употребление ненатуральной, некачественной, сверхкалорийной пищи. Ферментная система человека «надрывается» в попытках утилизировать, переварить и усвоить генетически модифицированные, искусственно полученные белки, жиры и углеводы. Ударные дозы алкоголя – фактор развития острого панкреатита, нередко приводящего к смертельному исходу. Так, более чем каждая десятая смерть украинцев трудоспособного возраста от БОП в 2010 г. была вызвана болезнями поджелудочной железы.

Повышение смертности от цирроза и фиброза печени характеризует санитарно-эпидемическое и социальное неблагополучие в стране. Это ин-

дикатор неэффективности антиалкогольной политики, борьбы с распространением инфекционных гепатитов и неадекватном их лечении, неудовлетворительной вакцинации населения, плохой организации охраны труда на производствах с вредными условиями и недостаточном контроле качества продуктов питания. Отметим, что в 2000 г. доля смертей от всех болезней печени составляла лишь 36%, соответственно на циррозы и фиброзы всех этиологий приходилось 32%.

Существуют значительные отличия уровня смертности по полу, особенно выраженные для взрослых. Уровень смертности мужчин от БОП в Украине превышает аналогичный у женщин, в 2010 году индекс сверхсмертности мужчин составлял 2,0 (рис. 1).

В возрастном интервале от 35 до 50 лет более чем каждая десятая смерть мужчин вызвана именно ними. Доля смертей из-за алкогольной болезни печени среди всех БОП в этих возрастах наибольшая.

Источник: Госстат Украины.

Рис. 1. Мужская сверхсмертность от болезней органов пищеварения в Украине в возрасте 20+, 2010 г.

В целом смертность в Украине от БОП в последние годы приблизительно в два раза выше, чем в ЕС (2,2 раза в 2009 г.; 1,6 – в 2010), причем для мужского населения такое превышение является более выраженным, чем для женщин. Если в странах ЕС при переходе в возрастную группу старше 75 лет частота такой причины смерти, как БОП, существенно возрастает, то украинские граждане аналогичного возраста, по официальной статистике, уходят из жизни из-за них гораздо реже – стандартизованный показатель смертности в Украине ниже более чем в два раза. По нашему мнению, такая статистика отражает нереальную ситуацию (тогда было бы

можно заподозрить, что украинские старики по достижении 75-летнего рубежа чудодейственным способом перестают страдать и умирать от этой патологии), а обычную практику определения причины смерти пожилых людей без патологанатомического подтверждения.

Зато в относительно молодом возрасте БОП в странах Евросоюза вызывают гораздо меньшее количество смертей. Так, разница в стандартизированных показателях в возрастном интервале 15–29 лет максимальна и достигает более 7 раз. Четверть века тому назад, в 1995 г., также наблюдалось превышение показателя в возрасте 15–44 лет, однако оно было менее существенным (табл. 2).

Таблица 2

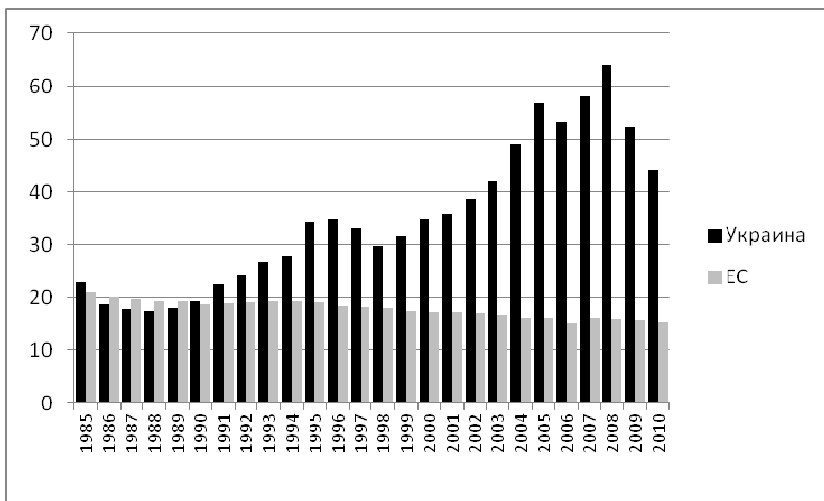
Смертность от болезней органов пищеварения в Украине и странах ЕС в отдельных возрастных группах, оба пола, на 100 тыс. нас., 1995, 2010 гг.

Возрастная группа, лет	2010			1995		
	Украина	ЕС	Украина/ЕС	Украина	ЕС	Украина/ЕС
Все население	51,4	30,7	1,7	42,6	37,3	1,1
0-14	0,68	0,47	1,4	2,1	1,1	1,9
15-29	6,55	0,91	7,2	4,9	1,4	3,5
30-44	52,2	9,1	5,7	33,2	14,8	2,2
45-59	103,4	40,2	2,6	85,5	46,6	1,8
60-74	115,6	78,8	1,5	104,6	100,7	1,0
75+	108,2	273	0,4	112,4	311	0,4

Источник: European mortality database (MDB), World Health Organization Regional Office for Europe, Updated: January 2011.

За последние десятилетия относительно более высокая, чем в Украине, странах ЕС преждевременная смертность от БОП неуклонно снижалась и уменьшилась примерно на четверть, тогда как в Украине выросла более чем вдвое (рис. 2).

Таким образом, можно отметить повышение в последние десятилетия значимости болезней органов пищеварения как причины смерти в Украине, что отобразилось в повышении рангового места в структуре общей смертности населения. Среди причин этого явления можно выделить злоупотребление алкоголем и неэффективность антиалкогольной политики; нерациональное питание большинства населения и недостаточность контроля качества продуктов питания; санитарно-эпидемиологическое неблагополучие, распространенность инфекционных гепатитов и неадекватные их профилактика и лечение; плохая организация охраны труда на вредных производствах.

Источник: *European mortality database (MDB), World Health Organization Regional Office for Europe, Updated: January 2011.*

Рис. 2. Преждевременная (0–64 г.), смертность от болезней органов пищеварения в Украине и странах ЕС, стандартизованный коэффициент на 100 тыс. нас. (европейский стандарт), 1985–2010 гг.

При приблизительно двукратном превышении уровня смертности болезней органов пищеварения в Украине сравнительно со странами ЕС отмечаются максимальные отличия в молодом и зрелом (15–44 г.) возрастных группах, тогда как среди людей в возрасте 75+ такая причина смерти регистрируется значительно реже. Отмечены разнонаправленные тенденции динамики преждевременной смертности в странах ЕС и Украине: стабильное снижение в развитых европейских странах и рост уровня в нашей стране, приводящие к увеличению разрыва между соответствующими показателями.

**Савеленко Д.,
Республика Казахстан**

Социально-экономические особенности модели трансфертного поведения трудовых мигрантов, работающих в России

Денежные переводы трудовых мигрантов играют весомую роль в экономическом развитии стран Евразийской Миграционной Системы.

В мировой практике число работающих трудовых мигрантов и их заработная плата в целом могут объяснить более 90 % изменений в увеличении объемов переводов (SwamiG, 1981).

Согласно исследованию «Управление миграцией в условиях демографического кризиса», проведенного Центром Миграционных Исследований, разберем особенности взаимосвязи суммы денежного перевода с такими социально-демографическими и экономическими явлениями, как пол, возраст и уровень заработной платы.

Исходя из результатов проведенных исследований, можно сказать, что низкоквалифицированные трудовые мигранты, работающие в России, отправляют на родину порядка 49–53% своего заработка, независимо от пола и возраста, рода занятий и сферы занятости, уровня заработной платы, что, к примеру, близко к миграционному поведению латиноамериканских трудовых мигрантов, работающих в США (SanderC., 2003).

Однако есть и некоторые отклонения от «нормы». Если рассмотреть отдельно уровень зарплаты и трансферта по полу, то увидим, что мужчины-мигранты больше в среднем на 21% зарабатывают. Так же растет и сумма трансферта на родину. Она на 25% больше, чем у женщин.

Хотя заработная плата женщины-мигранта меньше мужской, но средняя доля трансферта в общем тоже не существенно выше (51% против 48%).

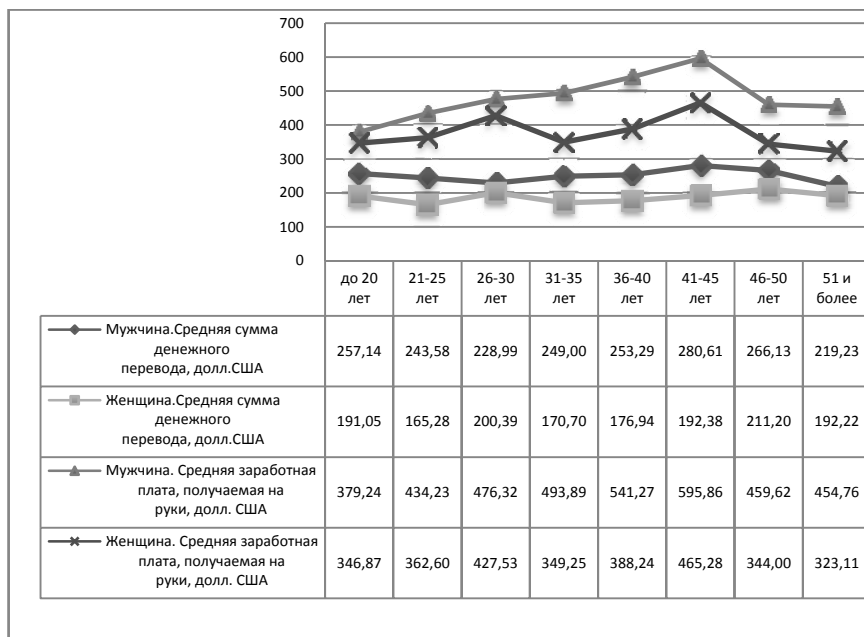

Рис. 1. Распределение уровня заработной платы и денежного перевода трудового мигранта по полу и возрасту, 2008–2009 гг.

Составлено автором при анализе исследования «Управление миграцией в условиях демографического кризиса», проведенного Центром Миграционных Исследований в 2008–2010 гг., генеральная выборка 1575 мигрантов.

Однако далее видна интересная особенность, которая на первый взгляд является нонсенсом. Возрастает средняя доля перевода у женщины старше 46 лет. Она составляет в среднем 60% от уровня заработной платы. Возможно это потому, что женщины, старше 46 лет в большей степени являются единственными кормильцами в семье и «последней надеждой» на пропитание семьи. В ином случае они бы оставались на родине. Это подтверждает и тот факт, что женщины старше 46 лет соглашаются на менее престижную и оплачиваемую работу, что подтверждается исследованием. У них заработная плата меньше средней для женщин на 10–15%, но при этом, средний денежный перевод выше на 11–16% и составляет 58 % от заработной платы. А если женщина старше 51 года, то данные показатели составляют 20–25 и 5–10% соответственно (61% от уровня заработной платы). У мужчин подобная особенность наблюдается в возрасте до 21 года и составляет порядка 68% от средней суммы заработной платы.

Литература

1. Исследования «Управление миграцией в условиях демографического кризиса», проведенного Центром Миграционных Исследований в 2008–2010 гг., генеральная выборка – 1575 мигрантов.

2. Swami G. International Migrant Workers' Remittances: Issues and Prospects/ G.Swami. Wash., D.C., WB, 1981 (WBS WP 481).

***Сафиуллина Р.М., Сафиуллин Р.Г.,
Россия, г. Уфа***

Миграционное движение населения Республики Башкортостан: эволюция, тренды и перспективы

В глобальном масштабе в миграционных процессах ежегодно участвуют сотни миллионов человек. Миграция населения влияет на экономическое, социальное, экологическое и демографическое развитие страны в целом и ее субъектов. Ежегодно с США около 35 млн. человек ежегодно переезжают на новое место жительства. В результате получается, что за 9–10 лет все население США меняет свое место жительства. Для сравнения, в республике Башкортостан (РБ) местожительство в течение года меняют 60–65 тыс. человек и при таких размерах миграции все население республики может поменять свое местожительство за 65–70 лет, что свидетельствует об очень низкой территориальной мобильности населения. Миграция населения в условиях, когда смертность населения превышает рождаемость, может частично компенсировать естественную убыль населения, либо усилить негативный эффект сокращения численности населе-

ния. Совокупное действие естественного и миграционного движения, приводящие, с одной стороны, к депопуляции в ряде местностей, а с другой – к избирательной концентрации населения в немногих местах, приводит к существенным социально-экономическим, политическим последствиям.

Территориальные различия в природных условиях, уровне экономического, социального, этнодемографического развития республики Башкортостан обуславливают большую дифференциацию в интенсивности, объеме, направлениях миграции, которые оказывали, продолжают и будут оказывать влияние на воспроизводство населения и трудовых ресурсов. В связи с этим необходимо изучение территориально-структурных особенностей миграционного движения населения (эволюции, трендов и перспектив) в разрезе городов и сельских районов. Игнорирование территориального движения населения в условиях рыночной экономики усложнит решение проблемы занятости населения и усилит отставание в социально-экономическом развитии в виду принимаемых неадекватных реальностью решений.

Оценка миграционных процессов, их результатов взаимовлияния с другими изменениями в обществе возможна лишь с учетом конкретных пространственно-временных особенностей. Это определяет необходимость изучения территориального среза социально-демографических изменений в обществе, обоснования региональной миграционной политики с точки зрения объективных закономерностей, долгосрочных и текущих тенденций миграции населения вместе с ее возможными последствиями.

Аксиоматичными являются следующие утверждения:

- процессы перемещения капиталов и рабочей силы стимулируются выгодами от агломерации. Следовательно, всячески следует стимулировать развитие урбанизационных процессов;
- внутренняя мобильность рабочей силы (страновая, региональная) определяют быстрый социально-экономический рост. Следовательно, любые меры по ограничению миграционных процессов отрицательно скажутся на социально-экономическом развитии;
- квалифицированная рабочая сила является движущей силой глобальной, страновой и региональной миграции, так как они не подпадают под определение «утечки мозгов», поскольку они «циркулируют» в глобальной экономике.

Значение анализа миграционных процессов в РБ повышается с учетом того, что в течение длительного советского этапа развития наблюдался отток населения за пределы ее территории. Республика по существу была донором, перераспределяющим свою квалифицированную рабочую силу в другие регионы страны. Это неблагоприятно сказалось на демографической структуре населения. На рыночном этапе развития Башкирии миграционный отток наряду с естественной убылью населения начинает определять геодемографическую ситуацию в республике.

При этом в республике за последние 20 лет урбанизационные процессы не развивались. Уровень урбанизации в 1989 году составлял 63,8%, а по состоянию на 01.01.2010 года уже 59,9%. Стагнация урбанизационных процессов является индикатором, свидетельствующим о длительном застое в социально-экономическом развитии республики.

Миграционные потоки населения – это тот человеческий капитал территории, который ищет себе более эффективное применение. Когда территориальная власть этого не понимает, тогда миграционные потоки приобретают характер «утечки мозгов», что мы и наблюдаем в республике с 2000 по 2011 годы. Процесс миграционного оттока наиболее квалифицированных, интеллектуальных кадров из республики не остановлен. Происходит «обескровливание» жизненной энергии городов и сельских районов республики.

В республике Башкортостан в настоящее время формируется критическая ситуация с трудовыми ресурсами.

Территориальный прогноз численности населения Республики Башкортостан в трудоспособном возрасте

Период 2006–2009 гг. представляют собой время относительной стабилизации численности населения трудоспособного возраста. В последующие годы пропорции соотношения численности «замещающей» молодежи и численности лиц на «пороге» пенсионного возраста постепенно меняются, а с 2009 г. начинается ежегодное снижение численности населения, находящегося в трудоспособном возрасте (рис. 1).

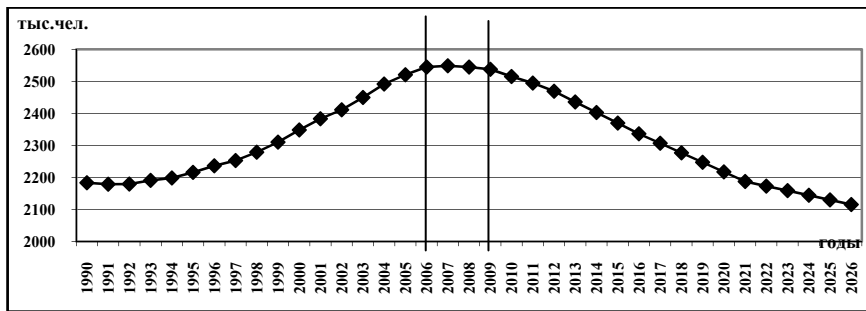

Рис. 1. Динамика численности населения в трудоспособном возрасте

Наши прогнозные расчеты методом передвижки возрастов (без учета миграции) показывают, что численность населения в трудоспособном возрасте в республике снизится с 2006 г. до 2021 г. более чем на 330 тыс. человек (13,1%), в том числе мужчин – на 158 тыс. человек (12,4%), женщин – на 174 тыс. человек (13,9%).

Процесс сокращения численности трудоспособного населения за счет процессов естественного движения населения в ближайшие 15 лет характерен практически для всех районов и городов республики. Наиболее остро снижение численности населения в трудоспособном возрасте произойдет в городах республики. В них численность трудоспособного населения за 2006–2021 гг. сократится почти на 250 тыс. человек (16%). В сельских районах, характеризующихся за последние 15 лет более высокой рождаемостью, сокращение будет характеризоваться меньшей величиной – 83 тыс. человек (8,6%).

По нашему прогнозу, до 2021 года значительное сокращение собственного трудоресурсного потенциала (выше среднереспубликанского уровня) будет характерно для всех городов республики: Белорецк (на 20%), Ишимбай (18,1%), Салават (17,9%), Агидель (17,5%), Уфа (17,3%), Кумертау (16,8%), Октябрьский (16,8%), Мелеуз (15,9%), Белебей (15,0%) и особенно в таких сельских районах, как: Уфимский (16,0%), Благовещенский (15,7%), Стерлитамакский (15,5%). Прирост численности населения в трудоспособном возрасте ожидаем только в Бурзянском районе (на 10,4%).

На динамику численности трудоресурсного потенциала, несомненно, существенное влияние будет оказывать миграция населения, как внешняя, так и внутренняя. В связи с этим уже в ближайшей перспективе следует ожидать радикальные территориально-структурные изменения в миграционных потоках населения, что следует предусмотреть в программах дальнейшего социально-экономического, геодемографического развития городов и районов республики.

Рыночная экономика предполагает использование новых подходов в регулировании людских потоков, основанных на свободе личности и территориальной демократизации миграционных процессов. Снятие всевозможных административных ограничений (монополия государственной собственности, распределение специалистов после окончания учебных заведений, общественные призывы и др.), несомненно, должно было усилить территориальную подвижность населения. Появление альтернативных форм собственности, развитие динамичных малых предприятий вносит коренные преобразования в структуру и размещение отраслей народного хозяйства. Развитие частной собственности, малого и среднего предпринимательства расширяет возможность выбора форм занятости, обеспечивает условия для смены рабочего места с учетом интересов работника. Таким образом, формирование рынка труда, функционирование которого постоянно предъявляет растущие требования к количественным и качественным изменениям в спросе и предложении рабочей силы и рабочих мест, должно быть существенным фактором усиления интенсивности миграционных процессов.

На современном этапе перехода к рыночной экономике миграция населения в силу кризисов, охвативших практически все стороны жизни общества, стала нерегулируемой. Она совершенно не отвечает логике рыночных отношений, развития экономической интеграции между территориями России. Республика Башкортостан – не исключение.

Роль миграционных процессов в росте численности населения республики Башкортостан до 1995 г. оставалась высокой. Учитывая, что в этот период наблюдалась естественная убыль населения (-6,1 тыс. человек), численность населения увеличивалась исключительно за счет миграционного прироста (23,7 тыс. человек). К 2000 г. миграционный прирост перестал компенсировать естественную убыль и в результате общий прирост оказался отрицательным (-8 тыс. человек) (табл. 1). В 2011 г. естественная убыль населения республики усугубляется резко возросшей миграционной убылью (-9,4 тыс. человек). Среди субъектов России Башкирия по этому показателю занимает 5-е место после Дагестана, республики Коми, Курганской области, республики Саха-Якутия, что в виде индикатора свидетельствует о явно неблагоприятной социально-экономической ситуации в республике Башкортостан.

Таблица 1

Компоненты изменения численности населения Республики Башкортостан

Годы	Численность населения, тыс. чел	Естественный прирост (+), убыль (-)		Миграционный прирост (+), убыль (-)	
		населения, тыс. чел.	На 1000 населения	населения, тыс. чел.	На 1000 населения
1995	4072,9	-6,1	-1,5	23,7	5,8
2000	4101,6	-11,9	-2,9	3,9	0,9
2003	4082,2	-12,6	-4,2	0,9	0,2
2005	4078,8	-13,6	-3,4	-0,06	-0,4
2010	4072,1	2,6	0,6	0,5	0,1

Составлена по: www.gks.ru.

Таблица 2

Динамика миграции населения Республики Башкортостан

Годы	Прибыло		Выбыло		Миграционный прирост (+),		Миграционный оборот	
	населения, тыс. чел.	на 1000 насел.	населения, тыс. чел.	на 1000 насел.	населения, тыс. чел.	на 1000 насел.	населения, тыс. чел.	на 1000 насел.
1995	120938	29,6	97216	23,8	23722	5,8	218154	53,5
2000	85142	20,7	81152	19,7	3990	0,97	166294	40,46
2003	72278	17,7	71341	17,5	937	0,23	143619	35,2
2005	72921	17,8	74626	18,3	-1705	-0,4	147547	36,2
2010	75557	18,5	74996	18,4	561	0,1	150553	36,9

Составлена по www.gks.ru.

Происходящие социально-экономические и политические изменения в стране и в республике отрицательно сказались на миграционной активности населения республики Башкортостан. За 1995–2003 гг. миграционный оборот с 218, 1 тыс. человек уменьшился до 143,6 тыс. человек.

Динамика миграционного прироста (убыли) населения республики Башкортостан отражена на рис. 1. Несомненно, к факторам снижения территориальной подвижности населения следует отнести прежде всего низкий размер доходов населения, особенно в сельской местности, сохранение существующего института прописки или регистрации, неразвитость рынка жилья, непропорционально быстрый и экономически необоснованный рост цен за проезд на пассажирских видах транспорта. Важным условием слабой территориальной подвижности населения выступает социально-политическая нестабильность в стране.

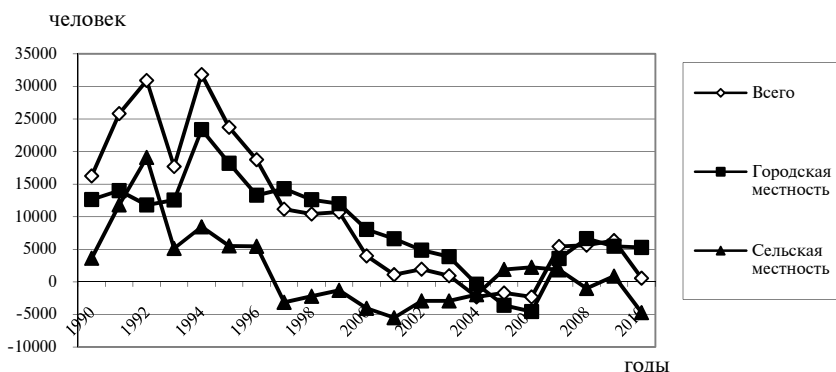

Рис. 1. Миграционный прирост (убыль) населения РБ

Составлен по: www.gks.ru

Структура миграционного баланса показывает общую картину направлений движения мигрантов республики Башкортостан (рис. 2). Миграционные потоки распределяются на межгосударственные (страны СНГ и Балтии, другие зарубежные страны), межрегиональные (между регионами России), внутрирегиональные (внутри республики, области и т.д.). Большинство переселений совершается в границах самой республики, что свидетельствует о стагнации миграционных процессов, сложности социально-экономической ситуации и низкой миграционной конкурентоспособности.

Доля внутриреспубликанской миграции нестабильна и с 2000 г. по 2010 г. она изменилась в сторону увеличения от 51 до 72%, доля межрегиональной миграции сократилась с 40 до 16%.

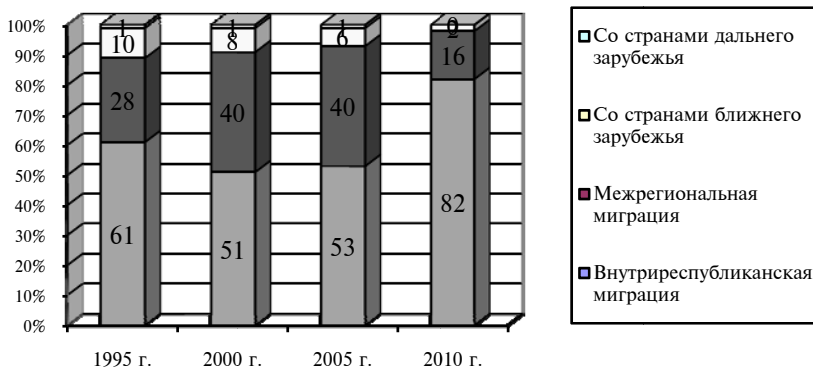

Рис. 2. Структура миграционного баланса РБ

Доля миграции населения со странами Ближнего Зарубежья сократилась с 10 до 2%. Это связано с истощением потока реэмигрантов из этих стран. Миграция населения со странами Дальнего Зарубежья никогда не выделялась большими масштабами и в среднем не превышала 1% за представленный период.

Возрастная структура мигрантов Республики Башкортостан

Наиболее подвижно население в трудоспособном возрасте. Менее всего ориентированы на перемену мест лица старше трудоспособного возраста. Самое интенсивное передвижение населения наблюдается в возрасте 16–19 лет. Это связано, прежде всего, с желанием молодежи получить хорошее образование и лучше трудоустроиться. Причем, нужно заметить, что количество прибывших мужчин всегда больше числа выбывших во всех возрастных группах.

Преобладающее число мигрантов в возрасте 16 лет и старше в качестве причин смены места жительства называют личные, семейные причины: они составляют 35–42%. Следующей по значимости идет возврат к прежнему месту жительства. Она занимает 19–25%. На третьем месте идут миграции, связанные с учебой – 15–21%. Четвертое место – в связи с работой – 9–17%.

Перечисленные основные причины смены места жительства составляют более 90%. Остальные причины – из-за обострения межнациональных отношений, обострение криминогенной обстановки, экологическое неблагополучие, несоответствие природным условиям, безусловно, важны, но незначительны в процентном соотношении.

Усложнение межнациональных отношений, появление очагов напряжения в новых государствах, образованных на основе распада СССР, а также в некоторых других регионах внутри России привело к образованию

новой формы недобровольной миграции - беженцев и вынужденных переселенцев. Республика Башкортостан стала новой родиной для значительного числа мигрантов.

В Башкирии уменьшается количество вынужденных переселенцев. В 2003 году на учете состояло 7345 человек, в 2004 году – 5414, в 2005 году – 2710 человек. С 2006 года статус вынужденного переселенца никому не предоставлялся ввиду отсутствия конкретных фактов преследования граждан со стороны государств, откуда они прибыли.

Отметим также наличие такого явления, как нелегальная миграция. Прибытие этой категории лиц может существенно обострить проблему социальной напряженности региона. Они обостряют конкуренцию на рынке труда. Многие предприятия, особенно сельские, предпочитают эту категорию лиц местным работникам. Руководителям удобны эти трудолюбивые работники, к тому же удобна их зависимость, готовность за жилье и пищу исполнять самые тяжелые работы при нищенской зарплате.

По экспертным оценкам, на территорию республики ежегодно приезжают на заработки 15–20 тысяч гастарбайтеров. Большая часть из них работает в строительстве и торговле. При этом лишь незначительная часть мигрантов работает на законных основаниях и, соответственно, защищена в правовом отношении.

География внутренних миграционных процессов Республики Башкортостан

Башкирия принадлежит к тем регионам, в которых высок уровень внутрирегиональной миграции (рис. 3). Так, если в среднем по России внутрирегиональная миграция последние годы занимает около 48% по прибывшим, и 54% по выбывшим, то по республике эти показатели составляют, соответственно, 67,2 и 73,1%.

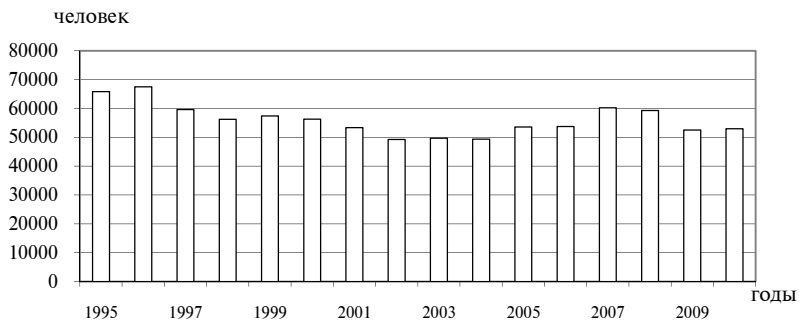

Рис. 3. Количество прибывших по внутриреспубликанской миграции

В абсолютном исчислении объемы миграции внутри республики постепенно снижаются. Если в 1997–2001 гг. общий миграционный оборот внутри республики составлял 113–119 тыс. человек, то в 2002–2003 гг. он держится на уровне 98–99 тыс. человек. Вплоть до 2007 г показатель увеличивался до уровня 1997 г., затем постепенное снижение. Внутривнутриреспубликанский миграционный оборот последних 2–3 лет снизился почти в 2 раза, относительно уровня 1989 г.

Республика Башкортостан имеет миграционный обмен населением практически со всеми административно–территориальными образованиями России, однако интенсивность межрегиональной миграции различна. До начала рыночных реформ (до 1991 года) потоки миграции в Башкирию носили центробежный характер, т.е. по направлению из республики в другие регионы. После распада союзного государства, экономических и политических преобразований, когда стали ломаться привычные межрегиональные связи, уменьшилось число выбывающих в другие республики и области России (на 30%). На протяжении 9 лет (с 1991 г.) сальдо межрегиональной миграции оставалось положительным. С 2000 г. и по сегодняшний день в республике вновь обозначился отрицательный тренд.

Это связано с тем, что в течение длительного времени РБ принимала активное участие в плановом перераспределении своего населения в указанный регион через систему организованного набора рабочей силы и переселения. Интенсивное освоение природных ресурсов Сибири, прежде всего нефти и газа, увеличило число высокооплачиваемых рабочих мест, что способствовало неорганизованной миграции населения из РБ. Немаловажной предпосылкой миграции послужило сокращение добычи нефти в самой республике и высвобождение значительного числа высококвалифицированных нефтяников.

Особенностью миграционных потоков населения Башкирии в восточном направлении является то, что среди выбывшего населения основную долю занимают сельские жители Зауралья и северо-восточных районов. Это объясняется, с одной стороны, неразвитостью городских поселений в указанных районах РБ, с другой – хорошими транспортными связями с высокоурбанизированными Челябинской и Свердловской областями, города которых представляют молодежи широкие возможности получения профессий, трудоустройства, проживания в благоустроенных общежитиях. В то же время зауральский и северо-восточный подрайоны Башкирии не имеют тесных связей с Уфимской и Стерлитамак-Салаватской агломерацией республики.

В географии миграционных потоков населения Башкирии в западном направлении выделяется Республика Татарстан, Самарская область. Это обусловлено тем, что Башкортостан с Татарстаном имеет довольно протя-

женную границу, население близко по этническому составу, языку, культуре, образу жизни.

Республика Башкортостан имеет миграционный обмен со многими регионами страны, что обусловлено сложившимися экономическими, культурными, бытовыми связями. Традиционно привлекательными для жителей республики в миграционном плане продолжают оставаться г. Москва (миграционная убыль в 2010 г. – «минус» 1361 человек), Московская область (-833), г. Санкт-Петербург (-699), ХМАО (-735), Краснодарский край (-290), Самарская область (-202), республика Татарстан (-197), Ленинградская область (-121).

География внешних миграционных процессов Республики Башкортостан

В развитии внешних миграционных процессов 1990-х годов в республике можно выделить два периода: до 1994 г. и после 1995 г. Для первого этапа характерен ежегодный рост «чистой миграции», которая складывалась из миграционного прироста населения из стран **Ближнего Зарубежья** в Республику Башкортостан (рис. 4). Решающим годом для пополнения численности населения республики стал 1994 г., когда приток населения существенно превысил сложившийся уровень начала 1990-х годов, достигнув 31,8 тыс. человек. Это самый высокий прирост за последние 25 лет, сложившийся за счет обмена населения республики с регионами России и государствами Ближнего Зарубежья. Второй этап отличает ежегодное сокращение числа прибывающих в республику и выбывающих из республики мигрантов. Миграционный прирост, уменьшавшийся с 1995 г., снизился к 2005 г. до 634 человек. В 2010 г. объем миграций по данному потоку составлял 3,6 тыс. человек.

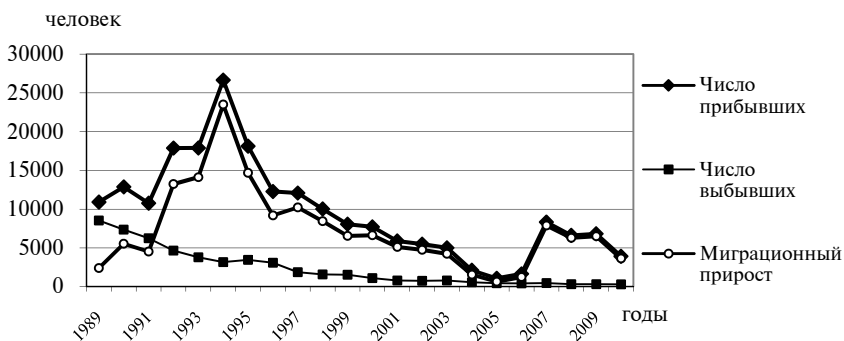

Рис. 4. Миграция населения РБ со странами Ближнего Зарубежья

Несмотря на снижение числа мигрантов из стран Ближнего Зарубежья они остаются наиболее вероятными поставщиками иммигрантов в Башкирию на ближайшие годы. С 1993 по 2010 г. миграционный прирост из стран Ближнего Зарубежья составил 133 тыс. человек. Этот миграционный прирост в 2010 году обеспечивался за счёт мигрантов из Узбекистана (42%), Армении (13%), Таджикистана (13%), Азербайджана (9%), Казахстана (7%), Украины (6%) и Киргизии (4%).

Насколько велик еще миграционный потенциал стран Ближнего Зарубежья – оценить трудно, так как между стремлением выехать из страны и её реализацией огромная дистанция. Многие потенциальные мигранты не могут покинуть государство по экономическим, политическим или иным мотивам. И только чрезвычайные обстоятельства могут подтолкнуть мигрантов, не помышлявших ранее о переезде.

Основу миграционного потенциала стран Ближнего Зарубежья составляют, в основном, лица, проживающие в государствах, входивших ранее в состав СССР и не являющиеся титульными национальностями этих государств. Основной потенциал расположен в Казахстане, Средней Азии и Украине. Приток иммигрантов с Украины уравнивается, в основном, встречным потоком. Иммиграция же из Средней Азии носит односторонний характер. Представители коренных народов стран Ближнего Зарубежья (азербайджанцы, армяне, узбеки, казахи, таджики) зачастую ориентированы на временную экономическую миграцию. Приток мигрантов из стран Ближнего Зарубежья приводит к вытеснению с рынка труда местного населения, более требовательного к оплате своего труда.

В настоящее время «реэмиграционный поток» (возвращение граждан в страну исхода) чётко определяется на примере миграционного прироста из стран Ближнего Зарубежья в республику Башкортостан. В Башкирию возвращаются, покинувшие ее в 1921–1986 годы (катастрофическая засуха 1921 года, освоение целинных территорий СССР в 1950–1960 годы, индустриализация экономики республик СССР в 1960–1986 годы) представители прежде всего трех крупных национальностей: русские, татары, башкиры.

Миграционный обмен со странами **Дальнего Зарубежья** у Республики Башкортостан незначителен (рис. 5).

Миграционная убыль в страны «дальнего» зарубежья, начавшаяся в 1992 г. и продолжавшаяся 16 лет, с 2008 г. стала положительной и составила «плюс» 35 человек. В 2009 г. миграционный прирост по этому потоку составил «плюс» 99 человек, в 2010 году – «плюс» 23 человека. Приток и убыль мигрантов по странам невелик. Главные из этих стран: Германия, США, Канада.

Несмотря на негативные стороны миграционных процессов, влекущие за собой при резком оттоке трудоспособного населения – разрушение демографической базы и трудового потенциала республики, а при стихий-

ном, неконтролируемом притоке нелегальных мигрантов, не встающих на налоговый учет – рост безработицы, экономических потерь республики; с точки зрения долговременной перспективы, приток экономически активного трудоспособного населения в современных условиях можно рассматривать как благоприятное явление в улучшении демографической ситуации республики Башкортостан.

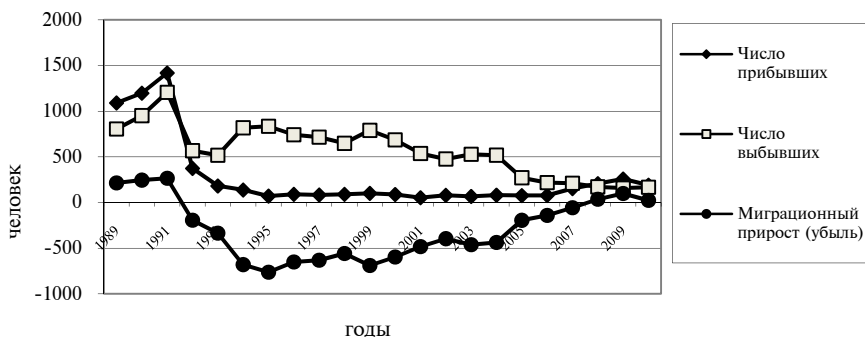

Рис. 5. Миграция населения РБ со странами Дальнего Зарубежья

Исходя из особенностей естественного воспроизводства населения и учета миграционных процессов можно выделить два типа районов и городов в республике Башкортостан:

- первый тип – районы и города, в которых прогнозируемое снижение численности населения в трудоспособном возрасте, возможно, частично компенсируется миграционным притоком населения;
- второй тип – районы и города, в которых прогнозируемое снижение численности населения в трудоспособном возрасте может усугубиться миграционным оттоком населения.

К первому типу относятся города Бирск, Белебей, Сибай и Учалы и районы северо-востока республики: Мечетлинский, Дуванский; центра республики: Нуримановский, Уфимский, Иглинский, Чишминский; запада республики: Благоварский, Давлекановский, Буздякский, Туймазинский; юга республики: Ишимбайский, Мелеузовский; востока республики: Баймакский. Остальные районы и города республики относятся ко второму типу, характеризующемуся по прогнозным оценкам снижением численности трудоресурсного потенциала и миграционным оттоком населения.

Исходя из нашего прогноза, следует ожидать частичной компенсации естественной убыли трудоспособного населения в городах за счет миграции избыточной рабочей силы из сельской местности. Из средних и крупных городов возможен отток трудоспособного населения в регионы России, где уже сейчас началось сокращение собственного трудоресурсного потенциала.

Таким образом, можно предположить три уровня компенсационной миграции населения:

- 1) приток в Уфимскую, Стерлитамак-Салаватскую агломерации, города Нефтекамск, Туймазы, Октябрьский из районов республики;
- 2) приток в остальные малые и средние города из сопредельных районов;
- 3) отток рабочей силы за пределы Башкирии: из Уфимской и Стерлитамак-Салаватской агломераций в Москву, Санкт-Петербург, ХМАО, ЯНАО; из городов Нефтекамск, Агидель, Туймазы, Октябрьский – в республике Татарстан, Самарскую область, Пермский край, ХМАО, ЯНАО; из городов Баймак, Сибай – в Челябинскую область.

***Синица А.Л.,
Россия, г. Москва***

Миграция: традиция и современность¹

Одной из основных глобальных проблем народонаселения является стихийная миграция населения [1: 83], которая может привести к росту социально-экономической напряженности в обществе. Эта проблема важна еще и потому, что она имеет большую историю. Конфликты между мигрантами и коренным населением были распространены и раньше, поэтому общество выработало определенные исторические модели поведения в отношении данного явления для всех его субъектов.

Мы рассмотрим взгляд на миграцию с позиции традиционного общества, а затем с точки зрения этого подхода проанализируем, применима ли она в условиях современного общества, существующего в эпоху глобализации.

В традиционных обществах доля неграмотных людей велика, поэтому для изучения мнения населения следует использовать способ передачи информации, доступный для всех, – фольклор (например, пословицы). Они представляют собой или сложившееся мнение предыдущих поколений о различных аспектах общественной жизни (например, миграции) и репрезентативную модель поведения (более подробно см. [5: 277–278]).

Наиболее правильным путем проведения подобного исследования, на наш взгляд, является использование семантического (смыслового) способа изучения содержания пословиц (о методах см. [4]), но в более широком смысле по сравнению с филологами, который дополняется качественным методом анализа и интерпретации собранного материала. Это необходимо в силу того, что пословицы только констатируют факт, а не объясняют его.

¹ Автор благодарит М.В. Королеву за помощь, оказанную при подготовке работы.

Исследование было проведено на материале русских пословиц, однако они находятся в рамках мировой традиции [7], поэтому такое ограничение не ведет к искажению общей картины.

Анализ пословиц показал, что миграция играла важную роль в жизни общества и позволяла решить ряд проблем, но центром жизни индивида была семья: пословиц про семью гораздо больше, чем пословиц про миграцию.

Для человека, живущего в традиционном обществе, миграция имеет два аспекта: это трудный («В дороге и ворога назовешь родным отцом» [2: 330]) способ узнать мир и людей («В игре да в попутье людей узнают» [2: 330], «Людей (На людей) поглядеть и себя показать» [2: 404]), и дом, но лишь до переезда в иной мир («Кабы до нас люди не мерли, и мы бы на тот свет дороги не нашли» [2: 338]), в некоторой степени продолжающегося и после смерти («Милостыня – сухари на дальнюю дорогу» [6: 303]).

Следовательно, движение населения (пространственное и естественное) считается в пословицах одним процессом, имеет негативную ассоциативную связь, а разница между уехавшим и умершим не проводится («На чужбинке, словно в домовинке (и одиноко, и него») [2: 402]).

Подобное представление, которое свойственно традиционной культуре, свидетельствует об особом отношении к жизни, в значительной степени утраченном в наши дни в экономически развитых странах.

В пословицах, посвященных миграции, показывается, что родная страна для проживания лучше («Родимая сторона – мать, чужая – мачеха» [2: 402]), а проживание вне родины ведет к потере идентичности («Где жить, тем и слыть» [2: 400]). Тоска по родине является неотъемлемым свойством человека («Родных нет, а по родимой сторонке сердце ноет» [2: 402]).

Пословицы говорят, что, живя на родине, можно лишь похвалить другую страну («Хвали заморье (чужую сторону), а сиди дома» [2: 400]). Иностранец здесь – лишь гость («Прилетел гусь на Русь – погостит да улетит» [2: 405]), поэтому он хвалит *свою* родину («Худая та птица, которая гнездо свое марает» [2: 401]), даже если жить там плохо.

Существуют пословицы, в которых отмечается, что отечеством можно назвать любое место, где легко жить (Не там родина, где мать родила; а там рай, где добрый край [6: 194]), хотя пословиц с обратным смыслом больше («Дома все споро, а вчуже житье хуже» [6: 401], «В чужом месте что в лесу» [6: 402]). Надежда на улучшение жизни после переезда является ложной: жить там не лучше, чем дома («Каково на дому, таково и на Дону» [6: 401]). Гости приукрашивают свой быт («Чужая сторонка нахвалом живет, а наша хайкою стоит» [6: 400]) и положение дел там может быть далеким от реального («Славны бубны за горами, а к нам придут, что лукошко» [6: 400]).

Другие земли хвалят только асоциальные элементы, например, те, кто стал таким элементом в силу необходимости постоянно мигрировать («Одна сваха чужу сторону нахваливает (а сама дома сидит)» [2: 401])². Поэтому остаться на родине является более правильным решением, чем ехать куда-либо, даже при плохой жизни («За морем веселье, да чужое, а у нас и горе, да свое» [2: 400]). Кроме того, родная земля более привычна для проживания и тут у человека больше возможностей раскрыть свой потенциал («Где кто родится, там и пригодится» [2: 403]).

Пословицы, положительно относящиеся к тому, что отчеством можно назвать любое место, где хорошо жить, имеют негативную окраску («Чужая сторона – вор (разбойник)» [2: 402]) еще и потому, что они часто относятся к людям без семьи: «Одинокому – везде дом» (2: 405).

Во все времена в обществе существовали люди, казавшиеся странными, которых не понимали. Именно они старались уехать чаще всего («В своей земле никто пророком не бывает (не бывал)» [2: 405]), даже не смотря на сложности переезда («Один раз (Одна) перевозиться (домом) – полпожара выстоять; два раза (двою) перевозиться – весь пожар выстоять» [2: 333]).

При негативном отношении к миграции в целом можно выделить несколько причин миграции, являющихся социально одобряемыми.

Временные миграции, нацеленные на решение личных проблем, не были осуждаемым явлением («Сокол на одном месте не сидит, а где птицу видит, туда и летит» [2: 403]). Большую площадь России, которая находилась в окружении враждебных стран с другой религией, следует считать смягчающим фактором («Где ни жить, а одному царю служить» [2: 405]).

Брак и гостеприимство. В реальной жизни родственники составляли значительную часть гостей, однако в нашей выборке таких пословиц очень мало, поэтому объединение разделов «брак» и «гостеприимство» в случае русских пословиц будет достаточно условным.

Женитьба начинается со сватовства. Свататься можно самому или посредством особых лиц. Первый вариант одобрялся больше («Невесту доставай собою, а не Федулом да Фомою» [3: 101]), поскольку проверить чужие слова не всегда возможно («Сват с правдою не ездит» [3: 102]).

Выделение из родительской семьи и создание новой ведет к появлению гостей, поскольку отсутствие визитов означает ослабление социальных связей; иногда близко живущий сосед даже считается ближе родственника: «Ближний сосед лучше дальней родни» [6: 392].

Поездка в гости является социально одобряемым видом миграции («К нам люди ездят – к себе в гости зовут» [2: 404]). Гостеприимство – важная

² Сваху изображают как обманщицу, потому что без обмана ей не удастся успешно заключать помолвки.

черта русского человека («Незван гость лучше званого» [6: 186]). Однако гостей, не уважающих права хозяев, не любят («Ни в мать, ни в отца, а в проезжего молодца» [6: 198]).

Такое поведение путников может породить у хозяев отвращение даже к хорошим гостям («Гость на двор и беда на двор» [6: 85]). Второе объяснение негативного отношения к гостям связано с тем, что гость может являться чужаком: «Гость погостит, да домой поспешит» [6: 85].

Путешествие ради него самого. В любой традиционной культуре к образованным людям относятся с большим уважением. Однако знания приходят не только с возрастом. Хорошим источником приобретения жизненного опыта являются путешествия («Не спрашивай у старого, спрашивай у бывалого» [6: 193]).

Про **паломничества** в нашей выборке пословиц очень мало, хотя до революции 1917 г. этот аспект жизни был достаточно важным. В пословицах отмечены некоторые старые паломнические центры (В Суздале и Муроме Богу помолиться, в Вязниках погулять, в Шуе напитокся» [6: 74]) и еще раз напоминает о необходимости следовать правилам жизни того места, куда приехал человек («В чужой монастырь со своим уставом не ходят» [6: 75]).

Трудовая миграция представлена очень широко. Необходимость уплачивать подати деньгами в условиях натурального хозяйства вела к необходимости отправляться на заработки в другие места («В Москву идтить – только деньгу добыть» [2: 410]), но и в этом случае дается наказ не забывать родные места («Подушное на стороне, а хлеб дома (ищи)» [2: 405]).

Изготовленную продукцию продавали в основном в городах: («Без денег в город³, сам себе ворог» [6: 47]), поэтому выбор товаров там был лучше («В Москве только нет птичьего молока, да отца и матери» [6: 72]), но все гораздо дороже («В городе кусхватишь, рубль платишь, а досыта наешься, и не разделаешься» [6: 71]). Сельская местность (родные места для большинства жителей) для проживания лучше («Москва – царство, а наша деревня – рай» [2: 403]), даже несмотря на неурожай: «Москва стоит на болоте: ржи в ней не молотят, а больше деревенского едят» [6: 165].

Жизнь в современном обществе значительно отличается от жизни в обществе традиционном. В наши дни человек имеет непредставимые по меркам прошлого средства связи. Даже уезжая, он не теряет возможности общаться с близкими и друзьями, поэтому его присутствие ощущается.

Миграционная привлекательность ряда стран (прежде всего, европейских) повысилась из-за предоставления мигрантам, не желающим интегрироваться в новое общество, и число которых велико, щедрых пособий и

³ На торг.

льгот. Следовательно, понятие «родина» изменило свое содержание, и для многих родина действительно переехала на чужбину.

Технический прогресс предложил новые средства передвижения и число мигрантов увеличилось, а экономический – создал значительный по численности класс работников, одиноких и часто перемещающихся.

Тем не менее, отношение коренного населения к мигрантам по-прежнему остается отрицательным из-за их нежелания интегрироваться в общество, щедрых пособий, конфликтов на рынке труда и других причин.

Мы можем отметить, что процесс глобализации привел к повышению уровня знаний об особенностях проживания в других странах, особенно в тех, в которых для мигрантов созданы благоприятные условия. Однако желание жить на родине, на наш взгляд, у мигрантов все еще является сильным и при разрешении в странах-«донорах» социально-экономических противоречий, подход, опирающийся на обычаи традиционного общества, может повысить свою значимость как в сознании людей, так и при разработке государственной политики.

Литература

1. Араб-Оглы Э.А. Глобальные проблемы народонаселения // Народонаселение. Энциклопедический словарь / Гл. ред. Г.Г. Меликьян. М.: Большая Российская энциклопедия, 1994. – С. 83–84.
2. Даль В.И. Пословицы русского народа. Том. I. СПб., М.: Издание книгопродавца типографа М.О. Вольфа, 1879.
3. Иллюстров И.И. Сборник российских пословиц и поговорок. Киев, Типография С.В. Кульженко, 1904.
4. Крикманн А.А. Некоторые аспекты семантической неопределенности пословиц // Паремииологический сборник: Пословица. Загадка (*Структура, смысл, текст*) / Под ред. Г.Л. Пермякова. М.: Наука, 1978. – С. 82–104.
5. Королева М.В., Синица А.Л. Пословицы о расходах на детей как предмет социально-демографического исследования // Историческая демография: Сборник статей / Под ред. Денисенко М.Б., Троицкой И.А. – М.: МАКС Пресс, 2008. – С. 276–297.
6. Снегирев И.М. Русские народные пословицы и притчи. Москва: Индрик, 1999.
7. Koroleva M.V., Sinitza A.L. Migration Through Proverbs // Материалы третьей международной научно-практической конференции «Языковая политика и миграция: проблемы, реализация, перспективы. Часть 1. Тюмень: Вектор-Бук, 2010. – С. 228–231.

*Слюсар Л.И.,
Украина, г. Киев*

Украинская семья в условиях глобализации

Эволюция семьи и брака в каждом государстве, на каждой территории – это органическая составляющая эволюции ментально-институциональной системы определенного народа на историческом пути его развития. Глобализация как процесс всемирной интеграции и унификации, в основе которого лежит потребность современного человечества в единой мировой социально-экономической системе, «вторгается» в ментально-институциональную систему, унифицирующее влияя на национальную культуру, традиции и социально-культурные ценности, лежащие в основе брачно-семейного поведения населения. Однако это вторжение, эта унификация, по нашему мнению, имеет определенные пределы, и вопрос о соотношении общих закономерностей и национальных особенностей в развитии семьи и брака в условиях глобализации не исчезает, а усложняется, приобретает новую форму.

На протяжении XX века развитие семьи и брака в Украине, как и в других европейских государствах – бывших республики Советского Союза, хотя в целом и соответствовало общеевропейским закономерностям, в то же время происходило по иному, «советскому» сценарию. Пройдя через искусственно ускоренную модернизацию брачно-семейных отношений в 1920-30-тых годах и ряд социальных катастроф (Голодомор, репрессии, войны), население Украины значительно раньше, чем население большинства стран Европы, стало характеризоваться массовой однодетностью, непрочностью брачных отношений, высоким уровнем разводимости. С другой стороны, искусственная социально-экономическая среда, «закрытая» модель общества долго консервировала раннюю брачность и рождаемость, традиционность гендерных отношений в семье.

Изменение модели социально-экономической организации социума, «падение железного занавеса» дало возможность Украине войти в глобальный процесс обмена товарами, услугами, трудовыми ресурсами, в единый глобальный информационный поток, что не могло не повлиять на все стороны жизни ее населения, а значит и на жизнедеятельность украинской семьи. Воздействие глобализации на семью в условиях «открытого общества» многогранно: доступ к новым товарам и услугам, к современным идеям во всем их многообразии, полная информация об экономических, социальных, экологических, культурных процессах в различных странах и на планете в целом трансформировали внутрисемейную модель потребления, сформировали новые потребности, расширили возможности выбора по многим направлениям жизнедеятельности семьи. Формируя новые по-

требности и возможности, глобализация влияет и на процессы в семейной сфере, которые в первую очередь интересуют демографов, – на брачно-семейное поведение населения, на формы семьи и брака.

Распад централизованно управляемой экономики и соответствующей модели общества и постепенный переход к рыночной демократической модели общественных отношений открыл простор для действия фундаментальных факторов трансформации семьи – индивидуализации, плюрализма, эмансипации, свободы индивида. Население Украины, адаптировавшись к новым, подчас очень жестким, условиям существования в переходном обществе, ищет более гибкие формы брачно-семейного поведения, адаптированные к вызовам XXI столетия. Новая социальная среда создает условия для трансформационных процессов в семье и браке с их рисками и противоречивостью.

В новых социально-экономических условиях нельзя недооценивать и влияния западных стандартов брачно-семейного поведения на украинское население, в первую очередь на молодежь, как через средства массовой информации, так и путем расширяющихся контактов (туризм, обучение за рубежом, трудовая миграция). Следует учитывать, что Украина, находясь на границе восточнохристианской цивилизации, столетиями находилась под влиянием западнохристианской цивилизации и в силу территориальной близости, и в силу общих для всего христианского цивилизационного мира закономерностей развития многих социальных институтов¹, хотя в условиях глобализации это влияние неизмеримо возросло.

На сегодняшний день население Украины, хотя и вовлечено в единый поток социально-культурной глобализации, все же в значительной степени сохранило многие традиции национального семейного образа жизни. Так, население Украины традиционно характеризуется высоким уровнем брачности: по данным выборочных социально-демографических обследований ИДСИ НАНУ, к возрасту 35 лет почти 95% украинцев имеют опыт супружеской жизни (состоят в браке или состояли в браке раньше). В Украине меняется возрастная модель брачности: сокращается ранняя брачность, повышаются показатели структурных средних возраста вступления в брак, т.е. заключение брака в большинстве случаев откладывается до завершения периода образования и приобретения специальности. Тем не менее, украинская молодежь раньше и чаще вступает в брак, чем их ровесники в других странах Европы.

Подавляющее большинство населения Украины (около 90%) проживает в составе семьи, хотя большие сложные семьи встречаются довольно редко; большинство семей – это нуклеарные и расширенные нуклеарные семьи (то есть супружеская пара с детьми и довольно часто – с одним из

¹ Цивилизационные модели современности и их исторические корни. – Киев: Наукова думка, 2002, с. 88–91.

родителей или родственников супругов). Согласно данным выборочных обследований ИДСИ, менее 6% населения репродуктивного возраста проживает одиноко в домохозяйстве, при этом среди них достаточно много тех, кто неудовлетворен своей жизнью (не считает себя счастливым)².

По данным выборочных обследований домохозяйств, проводимых Государственной службой статистики Украины, в 23,4% индивидуальных домохозяйствах проживает только один человек (по состоянию на 2011 г.), однако 70% из них – это лица старше трудоспособного возраста. Следовательно, крайний индивидуализм и атономизация, часто сопутствующие современному обществу, затронули население Украины лишь частично. В большинстве случаев одиночество, проживание индивида «вне семьи» является следствием жизненных обстоятельств, а не сознательным целенаправленным выбором.

Большинство «проблемных» характеристик украинской семьи – непрочность браков, малодетность семей, распространенность неполных (однородительских) семей – сформировались еще в «доглобализационные» годы Советской истории. Так, высокий уровень разводимости населения наблюдается с середины 1970-х годов, и графическая кривая общего коэффициента разводимости после «всплеска» в период острого трансформационного кризиса 1990-х годов, сейчас имеет тенденцию к снижению.

Переход к массовой однодетности украинских семей произошел достаточно давно и является следствием тех глубоких изменений в системе воспроизводства населения (в самом широком смысле этого понятия), которые имели место во всех странах христианской цивилизации. Хотя традиции многодетности (даже в современном ее понимании – 3 и более детей) были утрачены еще во времена Советской Украины, в годы независимости продолжался процесс дальнейшего распространения однодетности. Так, несмотря на повышение уровня рождаемости в 2002–2011 гг., по данным последних выборочных обследований Госстата Украины в 2011 г. 75,3% домохозяйств с детьми были однодетными, и только в 2,6% проживало трое и более детей.

К процессам, которые в полной мере являются проявлением качественной трансформации семьи и соответствуют «модернизированной» социальной среде, следует отнести плюрализацию форм брака. Различные формы брака стали обычным явлением в современной Украине, в первую очередь незарегистрированное брачное сожительство, весьма редкое в советский период. По данным выборочных обследований ИДСИ НАНУ, 10–12% брачных пар юридически не регистрируют свой союз³. Для значительной части современной молодежи путь к супружеской жизни прои-

² Сім'я та сімейні відносини в Україні: сучасний стан і тенденції розвитку. – К.: ТОВ «Основа-Принт», 2009, с. 92–93.

³ Сім'я та сімейні відносини в Україні: сучасний стан і тенденції розвитку. – К.: ТОВ «Основа-Принт», 2009, с. 115–120.

ходит по следующему сценарию: стойкие интимные отношения (проживание отдельно от партнера) – совместное проживание (в большинстве случаев это уже незарегистрированный брак) – официально зарегистрированный брак⁴. И хотя, по нашему мнению, эти явления (изменение сценария вступления в брак, размытость его границ) в значительной степени являются проявлением общих изменений внутренней основы институтов – деформализации институциональной среды, плюрализации форм социальной жизни⁵ – нельзя отрицать и определенной популяризации такой модели поведения средствами массовой информации, т.е. популяризации «западного» стиля сексуальных и брачных отношений.

В то же время брачные установки значительной части украинской молодежи остаются достаточно традиционными. По данным выборочных обследований, более половины опрошенных молодых людей, планирующих вступление в брак, нацелены на традиционный брачный союз, более 40% хотят вначале испытать свои отношения в незарегистрированном брачном сожительстве, однако затем зарегистрировать свой союз; и лишь несколько процентов планируют проживать в незарегистрированном брачном союзе всю жизнь⁶.

Хотя незарегистрированное брачное сожительство стало обычным явлением в молодежной среде, подавляющее большинство молодых людей (по данным обследования «Молодежь и молодежная политика» почти 80%) считают, что для ребенка лучше, если брак его родителей официально зарегистрирован⁷.

Влияет на формы семьи в Украине и возрастающая мобильность населения, в первую очередь внешняя трудовая миграция. Интенсивные миграционные процессы в современном мире непосредственно влияют на размер и состав семей, разделяя родственников, часто отделяя родителей от взрослых детей, обостряя проблему одиночества лиц наиболее старших возрастных групп. Однако в современной Украине, в силу особенности ее включения в мировое хозяйство, внешняя трудовая миграция в основном имеет стихийную, нелегальную форму, поэтому выезд за границу и работа там в большинстве случаев не предусматривает переезд полной семьи –

⁴ Молодь та молодіжна політика в Україні: соціально-демографічний аспект. Колективна монографія. – Київ: ІДСД ім.М. В. Птухи НАН України, 2010, с. 46–49.

⁵ Слюсар Л. И. Институт брака: современные проблемы и приоритеты государственной политики // Научные труды Донецкого нац. технич. университета. Серия: Экономическая. Вып. 40-2. – Донецк: ДонНТУ, 2011, с. 226–231.

⁶ Шлюб, сім'я та дітородні орієнтації в Україні. Колективна монографія. – К.: АДЕФ-Україна, 2008, с. 102; Молодь та молодіжна політика в Україні: соціально-демографічний аспект. Колективна монографія. – Київ: ІДСД ім. М.В. Птухи НАН України, 2010, с. 37.

⁷ Молодь та молодіжна політика в Україні: соціально-демографічний аспект. Колективна монографія. - Київ: ІДСД ім.М. В. Птухи НАН України, 2010, с. 38–39.

обоих супругов или родителей вместе с несовершеннолетними детьми. В результате в Украине появился новый тип семьи – так называемая транснациональная семья, т.е. семья трудовых мигрантов, члены которой проживают в разных странах и сохраняют семейные узы с помощью современных средств коммуникации. Это или супружеская пара, проживающая в дистанционном браке, а если в этой семье проживает ребенок, то это фактически одnorodительская семья; или семья, в которой детей воспитывает кто-то из родственников, так как родители работают за границей.

Существуют разные оценки масштабов нелегальной трудовой миграции в Украине. По результатам обследования «Исследование трудовой миграции в Украине» 2008 года, в течении 2005–2008 гг. за рубежом работало ежегодно 1,3–1,5 млн. украинцев, т.е. 4,4–5,1% всего трудоспособного населения⁸. По результатам мониторинга Института социологии НАН Украины около 10% взрослого населения страны хоть раз в жизни выезжало за границу для трудовой деятельности⁹.

Таблица 1

**Распределение трудовых эмигрантов по брачному состоянию, %
(Украина, 2008 г.)**

	Состоят в браке	Никогда не состояли в браке	Разведенные	Вдовы
оба пола	58,4	27,1	12,6	1,9
женщины	51,4	22,3	22,3	3,9
мужчины	61,8	29,4	7,9	0,9

Источник данных: выборочное обследование «Исследование трудовой миграции в Украине» – Населення України. Трудова еміграція в Україні. – Киев: ИДСИ им. М.В. Птухи НАНУ, 2010, с. 115.

Более половины трудовых мигрантов состоят в браке и среди тех, чье пребывание за границей краткосрочно (до 3 месяцев), и среди тех, чье пребывание долгосрочно (более 3 месяцев). Гендерные различия в распределении по брачному состоянию мигрантов довольно существенны (табл. 2). Среди мужчин выше доля тех, кто состоит в браке, но среди женщин почти в три раза выше удельный вес разведенных, и в четыре раза – овдовевших. Особо большие различия между молодыми мужчинами и женщинами-мигрантами: среди женщин в возрасте до 35 лет в 7 раз больше тех, кто состоит в разводе (16,7%), чем среди мужчин этого возраста (2,4%)¹⁰.

⁸ Населення України. Трудова еміграція в Україні. – Киев: ИДСИ им. М.В. Птухи НАНУ, 2010, с. 110.

⁹ Головаха Є., Паніна Н. Українське суспільство 1992–2008. Соціальний моніторинг. – Киев: 2008, с. 63.

¹⁰ Майданік І. Українська молодь на ринках праці зарубіжних держав. – Киев: ИДСИ им. М.В. Птухи НАНУ, 2010, с. 66.

Несмотря на массовость трудовой миграции, проблемы транснациональных семей почти не исследованы. Не вызывает сомнения, что длительное отсутствие одного из супругов в такой семье способствует постепенному отдалению их интересов, росту отчужденности, непонимания, и как следствие повышает риск распада брака. Если в такой семье проживают дети, их воспитанием занимается фактически только один из родителей. Если за рубежом работает мать, которая одна воспитывает детей, т.е. состоит в разводе или овдовела (как уже было показано выше, удельный вес разведенных среди женщин – трудовых эмигрантов довольно высокий), то социализация детей происходит фактически без влияния родителей, и это явление получило в публицистике название «дети, оставленные позади».

В заключении следует подчеркнуть, что трансформация украинской семьи в условиях глобализации, с одной стороны, расширяет свободу выбора, предоставляет новые возможности, но с другой стороны, порождает новые проблемы и риски, к которым общество должно быть готово.

***Сукнёва С.А.,
Россия, г. Якутск***

Проблемы демографического развития Республики Саха (Якутия)

Экономическое развитие и социальное благополучие страны определяется не только природными богатствами, но и человеческими ресурсами, которые напрямую связаны со сложившейся в стране демографической ситуацией, характером процессов воспроизводства населения, определяющих ее демографический потенциал. Динамика демографических процессов зависит от их интенсивности, демографической структуры и демографического поведения населения, в которых произошли существенные изменения, в том числе и в результате воздействия социально-экономических факторов. Эти изменения стали причиной развернувшегося в последнее десятилетие прошлого века в России демографического кризиса, который затронул все стороны воспроизводства населения. Особую остроту он принимает в северных регионах страны, формирование населения которых в течение многих десятилетий характеризовалось доминирующим влиянием миграционного прироста, молодой возрастной структурой, сравнительно высокими показателями рождаемости и относительно низкой смертностью. Значительный естественный прирост был обусловлен благоприятной возрастной структурой населения и способствовал наряду с миграцией быстрому наращиванию демографического потенциала.

Одним из крупнейших по территории северных регионов России является Республика Саха (Якутия), расположенная на северо-востоке России, в большом удалении от центра и экономически развитых районов страны. На протяжении последних двух десятилетий республика активно теряет население— миграционные потери составили более 250 тыс. человек. Сохраняющийся естественный прирост частично компенсирует миграционную убыль, но вместе с тем в последнем десятилетии прошлого века отмечалось снижение рождаемости и повышение смертности населения, нисходящая динамика сочеталась с негативными изменениями в населении, обусловленными деформацией демографических структур. Некоторые позитивные сдвиги в уровне рождаемости произошли в начале XXI века. При этом заметного сокращения смертности не наблюдается. Сохраняется миграционная убыль населения. Растет численность лиц пожилого возраста, снижается численность молодёжи, вступающей в трудоспособный возраст, что ведет к сокращению трудоспособного населения и может серьезно осложнить ситуацию на рынке труда.

В статье рассматриваются особенности демографического развития Республики Саха (Якутия), выделяются основные проблемы, на которые необходимо обратить особое внимание для улучшения демографической ситуации и достижения главной цели Концепции семейной и демографической политики Республики Саха (Якутия) – достижение устойчивого и качественного развития демографического потенциала региона [1].

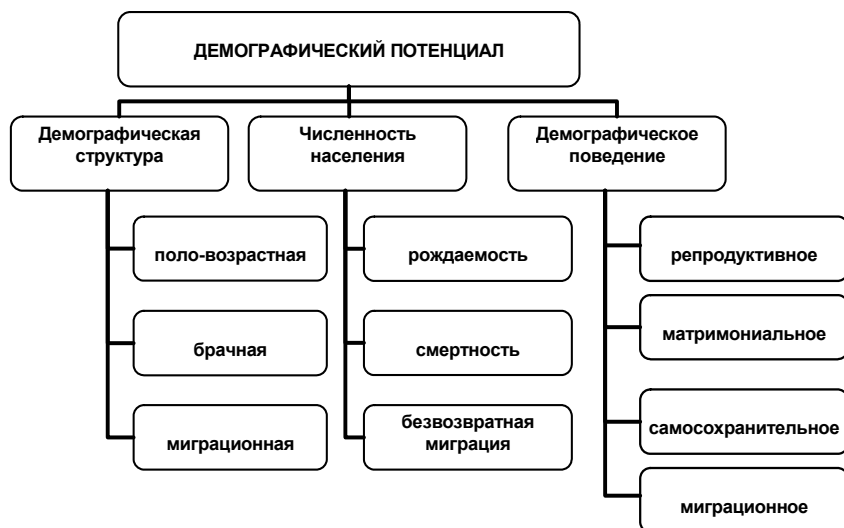

Рис. 1. Схема формирования демографического потенциала региона

Демографический потенциал – это заложенные в структуре и определяемые демографическим поведением совокупные способности к воспроизводству населения. Потенциальные возможности обусловлены региональными демографическими процессами, зависящими от особенностей возрастно-половой, брачной и миграционной структуры населения, демографического поведения, а также осуществляемой на данной территории социально-экономической политикой. Схема формирования демографического потенциала представлена на рис. 1.

Одним из важных компонентов формирования демографического потенциала выступает численность населения. Изменение общей численности населения Республики Саха (Якутия) до 1990-х гг. характеризовалось неуклонным ростом с высокими темпами. Наиболее значимой тенденцией демографического развития республики в два последних десятилетия следует назвать сокращение численности населения. На начало 2012 г. в республике проживает 955,9 тыс. чел. (Рис. 2)

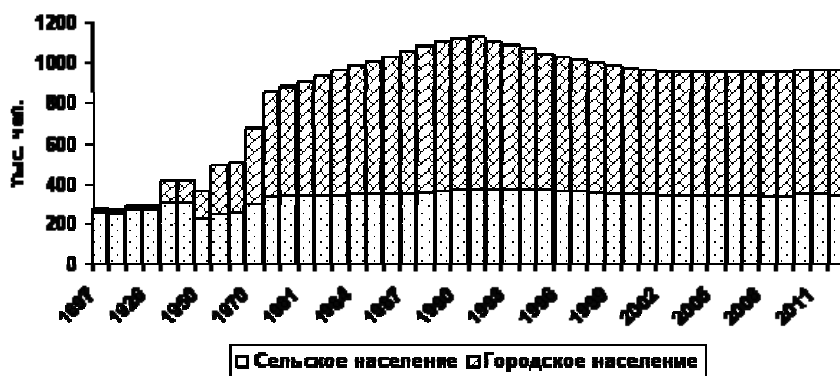

Рис. 2. Динамика численности населения Якутии за 1897–2012 гг.

Колебания численности населения зависят от соотношения естественного и миграционного приростов. Степень влияние данных компонентов представлена на рис. 3.

Результатом естественного и миграционного движения является изменение численности и структуры населения по полу и возрасту. По данным переписи 2010 г. средний возраст жителя республики составил 33 года, что выше на 3 года в сравнении с переписью 2002 г. [2, с. 6]. Изменение распределения численности населения по возрастным интервалам оказывает непосредственное воздействие на весь процесс воспроизводства населения, формирование демографического потенциала, так как процессы смертности, рождаемости, миграции определяются возрастом человека.

В республике существенное влияние на возрастную-половую структуру населения оказала безвозвратная миграция. Мигрируют преимущественно люди в трудоспособном, причем молодом возрасте, во время притока их доля в составе населения увеличивается, особенно в возрастных группах 20–30 лет, а при выбытии населения в этих группах образуются провалы. Расширение основания возрастной пирамиды определяется повышением рождаемости в последние годы.

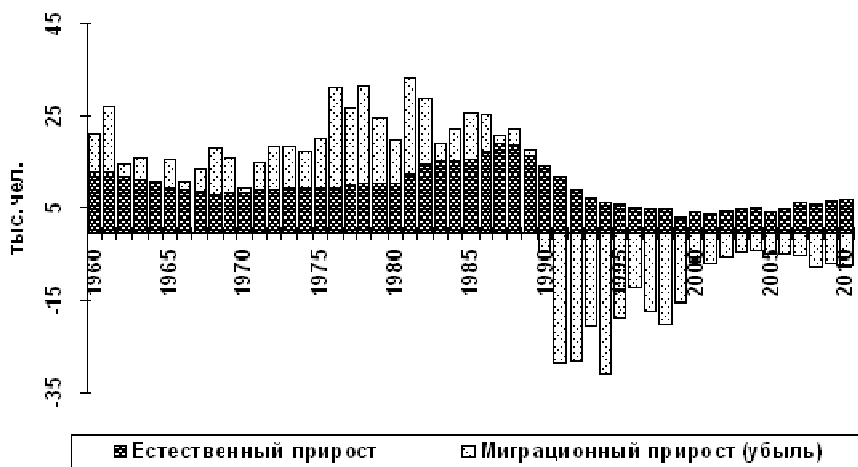

Рис. 3. Соотношение естественного и миграционного прироста населения Якутии, 1960–2010 гг.

Благоприятным фактором демографического развития региона выступает сохранение положительной динамики естественного прироста населения, которая определяется двумя разнонаправленными процессами: рождаемостью и смертностью. В республике сохраняется относительно высокий уровень рождаемости населения. Для сельской местности характерно сохранение показателей рождаемости на уровне расширенного воспроизводства. На протяжении практически всех двухтысячных годов отмечается рост числа рождений в республике.

Об изменениях рождаемости можно судить по показателю суммарного коэффициента рождаемости по порядку рождений. Значительное отклонение данного показателя по первым рождением от 0,92 в меньшую сторону со второй половины 1990-х гг., а также в 2007–2010 гг. свидетельствует об откладывании (в т.ч. в связи с откладыванием браков) или отказе от рождения первенца (табл. 1).

Таблица 1

**Динамика суммарного коэффициента рождаемости населения
Республики Саха (Якутия) по очередности рождения**

Годы	Суммарный коэффициент рождаемости, всего	В том числе по очередности рождения				
		первыми	вторыми	третьими	четвертыми	пятыми и более
1980	2,173	0,926	0,729	0,272	0,109	0,137
1985	2,378	0,937	0,834	0,357	0,127	0,123
1990	2,374	1,107	0,752	0,306	0,118	0,091
1995	1,993	0,909	0,613	0,270	0,121	0,080
1998	1,786	0,797	0,551	0,256	0,107	0,075
2007	1,921	0,818	0,655	0,275	0,106	0,066
2008	1,920	0,826	0,630	0,289	0,108	0,067
2009	1,999	0,857	0,655	0,304	0,110	0,069
2010	2,038	0,824	0,698	0,330	0,115	0,066

По вторым и последующим рождением отмечается повышение суммарного коэффициента, что свидетельствует о росте рождаемости как отклике на меры демографической политики, так и в результате реализации отложенных рождений в 1990-е годы.

Разложение прироста числа рождений на составляющие компоненты за счет изменений возрастной структуры и интенсивности рождений, вследствие отклика на меры демографической политики с применением индексного метода позволило оценить роль данных факторов в изменении рождаемости населения региона (рис. 4).

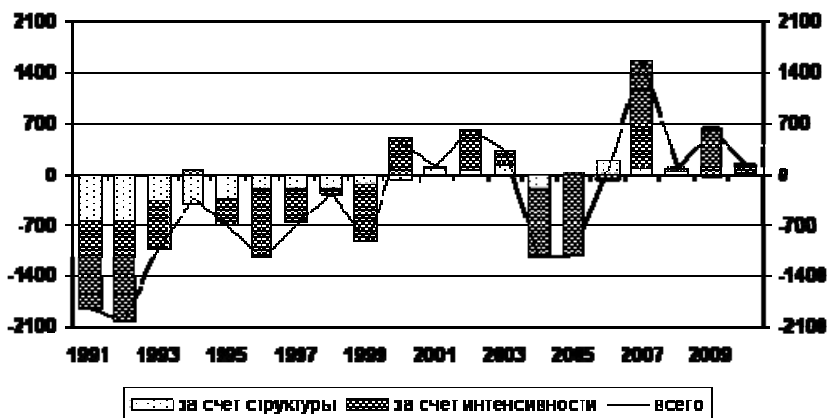

Рис. 4. Изменение числа рождений в Республике Саха (Якутия) в 1991–2010 гг. за счет возрастной структуры и интенсивности рождений, чел.

В начале 1990-х гг. неблагоприятная возрастная структура населения дополнялась снижением интенсивности рождений, сложная социально-экономическая ситуация в стране вынуждала семьи откладывать рождение детей, о чем свидетельствует отрицательная динамика вклада интенсивности рождений в структуре рождаемости населения. Неблагоприятный структурный фактор рождаемости населения действовал на протяжении всех 1990-х гг. в сочетании с сокращением интенсивности рождений. Рост рождаемости в 2000-х гг. отчетливо продемонстрировал влияние повышения интенсивности рождений. В динамике данного компонента увеличения рождаемости отмечается резкий скачок в 2007 г. как ответная реакция на дополнительные меры материальной помощи семьям, стимулирование повторных рождений в семьях (материнский капитал, увеличение размеров пособий, оплата пребывания детей в детских дошкольных учреждениях) [3].

Эффект демографической волны вскоре себя исчерпает, а активный отклик на меры демографической политики, как отмечают демографы, проявляется в первые 2–3 года [4]. Свидетельством тому является снижение ежегодного прироста рождений (рис. 5). На изменения рождаемости оказывают влияние происходящие трансформации норм репродуктивного и matrimониального поведения. Снижение уровня легитимной брачности и рост числа юридически не оформленных брачных союзов – свидетельство изменения социальных функций семьи и брака, их роли в жизни личности и неотъемлемая черта процесса модернизации демографического поведения в целом. Для воспроизводства населения – это негативный процесс, ведущий к сокращению среднего уровня рождаемости.

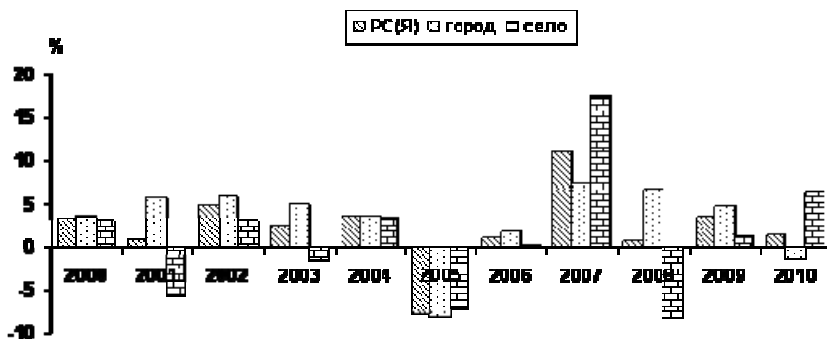

Рис. 5. Ежегодный прирост (убыль) числа рождений в Республике Саха (Якутия) в 2000–2010 гг.

Отмечается более позднее вступление в брак, повышается доля мужчин и женщин никогда не состоявших в браке в наиболее активном репродуктивном возрасте 25–29 лет. Так, если по переписи 1979 г. их доля среди мужчин составляла 23% и 14,9% среди женщин, то к 2002 г. доля мужчин

никогда не стоявших в браке к данному возрасту возросла до 34,8% и женщин – до 23,6%.

Более позднее вступление в брак определяет и более позднее появление на свет первого ребенка. Все больше становится незарегистрированных браков. По данным переписи 2002 г. 13,1% браков в республике не были зарегистрированы. В 2010 г. данный показатель увеличился до 17,8%.

Одним из существенных моментов современной модели репродуктивного и матримониального поведения является рост внебрачных рождений. Внебрачная рождаемость – это тот показатель текущей демографической статистики, который косвенно отражает распространение новых, незарегистрированных форм брака. Статистические данные свидетельствуют об ее увеличении с 17,9% в 1990 г. до 37,8% в 2010 г.

За счет высоких показателей рождаемости в сельской местности республика сохраняет свое положение в десятке регионов России с самым высоким уровнем рождаемости. Вместе с тем происходит трансформация модели репродуктивного и брачного поведения населения. По результатам социолого-демографических обследований населения республики выявлено, что репродуктивные планы населения в отношении числа детей в семьях имеют существенную дифференциацию в зависимости от места проживания, этнической принадлежности, образовательного уровня, возраста респондентов, числа детей в родительской семье. Разница между средним желаемым и ожидаемым числом выступает характеристикой резерва повышения рождаемости при создании благоприятных условий для реализации потребностей в детях. Самые значительные резервы отмечаются по группе молодого населения до 24 лет, однако сам уровень репродуктивных планов в данной группе ниже простого воспроизводства населения (1,9 рождений в расчете на 1 женщину репродуктивного возраста вместо 2,15) [5].

Поэтому необходимо не только создавать благоприятные условия для реализации имеющейся потребности в детях, но и повышать сами репродуктивные установки через формирование общественного мнения о семье с двумя–тремя детьми как общественно одобряемой модели семьи. В настоящее время в республике преобладают семьи с 1 ребенком в городской местности и с 2 детьми в сельской. По данным переписи населения 2010 г. средний размер домохозяйства в республике – 2,9, в городской местности – 2,7 и в сельской 3,3 человека.

Смертность населения ведет к потерям демографического потенциала. Оценка предотвратимой смертности населения позволяет выявить резервы снижения общего уровня смертности и повышения продолжительности жизни населения.

Как было выявлено в ходе анализа причин смерти, в последние годы наметилось некоторое сокращение смертности населения, прежде всего преждевременной. В 2009 г. средняя ожидаемая продолжительность жизни

составила 66,5 лет для всех жителей РС (Я), 60,9 лет для мужчин и 72,5 лет для женщин. На увеличение продолжительности жизни положительно повлияло происходящее снижение младенческой смертности, а также смертности от внешних причин. Однако необходимо заметить, что эти показатели продолжительности жизни в республике все еще несколько отстают от среднероссийского уровня – 62,8 лет для мужчин и 74,7 лет для женщин, не говоря уже о развитых странах (рис. 6).

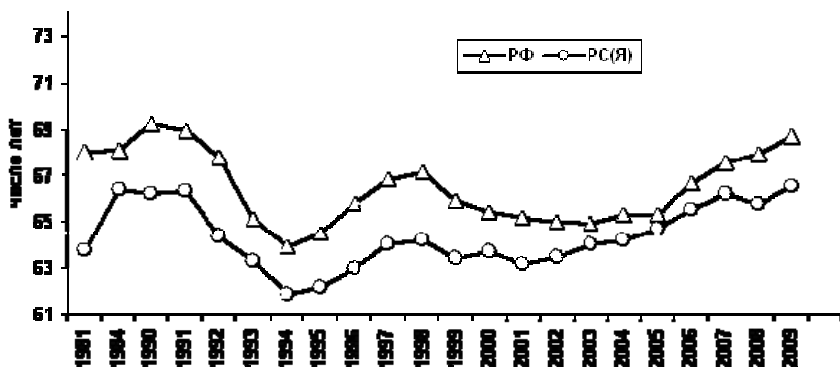

Рис. 6. Динамика показателя средней ожидаемой продолжительности жизни населения России и Республики Саха (Якутия)

При этом сохраняется существенный разрыв в продолжительности жизни мужского и женского населения. В среднем продолжительность жизни мужчин на 12 лет короче продолжительности жизни женщин.

Показательным является сопоставление среднего возраста смерти от различных причин со средней ожидаемой продолжительностью жизни при рождении (табл. 2).

Таблица 2

Средний возраст смерти по основным классам причин смерти в 2009 г., число лет

Основные классы причин смерти	РС(Я)		РФ	
	мужчины	женщины	мужчины	женщины
От всех причин (e_0)	60,6	72,3	62,7	74,6
Инфекционные	47,2	56,7	44,1	44,0
Новообразования	65,9	69,9	66,1	68,4
Система кровообращения	67,5	76,2	69,4	79,0
Органы дыхания	61,1	69,1	62,7	67,2
Органы пищеварения	58,9	61,7	57,0	64,7
Внешние причины	41,2	44,7	44,9	51,6

Источник: [6, с. 359-371].

Так, смертность от внешних причин наступает значительно раньше по сравнению с показателем ожидаемой продолжительностью жизни, причем этот разрыв составил в 2009 г. 27,6 лет для женщин и 19,4 года для мужчин. Средний возраст смертности в республике заметно ниже среднероссийского по внешним причинам, болезням системы кровообращения.

Важным интегральным показателем состояния здоровья населения является показатель числа недожитых человеко-лет жизни до потенциально достижимого возраста, в качестве которого в наших расчетах выбран средний уровень продолжительности жизни 75 лет, характерный для развитых стран (табл. 3).

Таблица 3

Коэффициент потерянных лет потенциальной жизни населения Республики Саха (Якутия), в человеко-годах на 1000 населения

Основные классы причин смерти	1990 г.		2008 г.	
	Мужчины	Женщины	Мужчины	Женщины
Инфекционные	7,3	3,3	7,6	3,2
Новообразования	43,5	23,7	26,1	16,2
Система кровообращения	63,2	25,3	94,1	37,4
Органы дыхания	12,6	10,4	11,0	4,0
Органы пищеварения	8,9	5,2	14,6	7,4
Внешние причины	99,1	22,1	117,7	25,3
Прочие	33,0	25,2	24,6	19,1
Всего	267,7	115,3	295,8	112,7

Расчитано на основании данных статистической формы С51 ТО ФСГС по РС (Я)

В 2008 г. по сравнению с 1990 г. наблюдается увеличение коэффициента потерянных лет потенциальной жизни. Результаты проведенных расчетов позволяют сделать вывод о том, что значительные потери демографического потенциала происходят в результате смертности от внешних причин (для мужчин – 39,8%, для женщин – 22,5%), что объясняется высокой смертностью от этого класса причин в молодом, активном возрасте. Болезни системы кровообращения по потерям демографического потенциала населения находятся на втором месте у мужчин (31,8%), и на первом месте у женщин (33,2%). Поэтому смертность населения должна оцениваться не только показателями, характеризующими ее уровень и динамику, но и оценкой того вклада, который преждевременные и устранимые причины смерти вносят в снижение демографического потенциала воспроизводства населения региона.

Для оценки перспектив изменения демографического потенциала региона был разработан прогноз численности и состава населения в зависимости от трех сценариев демографического развития (табл. 4).

Таблица 4

Прогнозная численность населения Республики Саха (Якутия), тыс. человек

Возрастные группы	2010 г.	2015 г.	2020 г.	2025 г.
Вариант 1				
Всего	949,3	943,3	919,3	876,1
Дети	220,9	225,8	222,9	201,9
Трудоспособный возраст	608,9	559,0	499,8	455,3
Старше трудоспособного возраста	119,5	158,5	196,5	218,8
Вариант 2				
Всего	949,3	979,7	1006,0	1027,3
Дети	220,9	230,9	243,3	246,4
Трудоспособный возраст	608,9	601,8	593,1	601,3
Старше трудоспособного возраста	119,5	146,9	169,6	179,6
Вариант 3				
Всего	949,3	985,4	1019,5	1050,9
Дети	220,9	231,5	246,2	253,5
Трудоспособный возраст	608,9	608,9	608,1	624,5
Старше трудоспособного возраста	119,5	145,0	165,2	172,9

В долгосрочном периоде развития республики ожидаются заметные демографические изменения. Как показали прогнозные расчеты, возможности демографического роста в республике связаны с повышением рождаемости, снижением смертности, увеличением продолжительности здоровой жизни и миграционным приростом населения. Нарастающий миграционный отток сельского населения во внутрирегиональной миграции ведет к нарушению демографического потенциала, диспропорциям на брачном рынке и как следствие сокращению населения. В настоящее время положительное влияние оказывает имеющийся демографический потенциал, определяемый, прежде всего благоприятной возрастной структурой населения, а также высоким уровнем рождаемости сельского населения. При этом необходимо отметить, что влияние молодой возрастной структуры населения является временным, и через 3-5 лет оно себя исчерпает. В динамике прогнозной численности отмечается сокращение трудоспособного населения и вследствие старения рост старших возрастных групп и увеличение демографической нагрузки. Учет перспектив экономического развития региона и прогнозная оценка населения свидетельствуют о том, что важным фактором формирования населения, не умаляя роли естественного прироста, остается внешняя миграция населения.

В силу естественного хода демографических событий в республике будет развиваться процесс естественного старения населения, в частности важным индикатором старения населения выступает показатель средней ожидаемой продолжительности жизни населения, а, следовательно, и увеличение среднего возраста населения. Поэтому основная роль в обеспечении положительной динамики населения должна отводиться регулированию миграции, поддержанию существующего уровня рождаемости, снижению смертности и повышению продолжительности здоровой, активной жизни населения, особенно мужчин. Необходимо предусмотреть комплекс мероприятий, прежде всего по развитию социальной инфраструктуры, повышению уровня и качества жизни населения, регулированию миграционных потоков для улучшения демографической ситуации в республике.

Решение демографических проблем возможно только во взаимосвязи с общей экономической политикой и изменением всей социально-экономической ситуации. Демографические процессы носят инерционный характер, поэтому результаты отклика населения на изменения социально-экономических условий выражаются опосредованно через поведение населения и проявляются лишь спустя некоторое время. Для стабилизации демографической и миграционной ситуации, рационализации процессов воспроизводства населения Республики Саха (Якутия) необходимо:

- законодательно установить необходимость предварительной демографической экспертизы всех принимаемых Законов, подзаконных актов, Указов Президента и постановлений Правительства. Экспертиза должна выявлять возможное влияние предлагаемых мер на демографические процессы, как прямое, так и косвенное, и указывать пути предотвращения отрицательных последствий намечаемых решений;

- поднять ценность человеческого здоровья в приоритетах социальных институтов;

- для стабилизации ситуации с лекарственным обеспечением населения повысить эффективность расходов федерального бюджета, направленных на обеспечение населения Российской Федерации необходимыми лекарственными средствами, и провести комплекс мер по расширению доступности качественных, эффективных и безопасных лекарственных средств;

- проводить активные профилактические мероприятия по снижению заболеваемости, увеличению продолжительности активной здоровой жизни населения;

- ввести более жесткие меры по профилактике травматизма на производстве, пожарной безопасности и ДТП;

- улучшить работу органов внутренних дел по профилактике убийств, правонарушений;

- расширить возможности для самообеспечения семьи не забывая о совместимости женской занятости и рождения детей;
- повысить вклад пособий в семейный бюджет до величины, рассматриваемой семьями как значимый ресурс;
- повысить доступность для семей программ государственной социальной поддержки, и, прежде всего, в решении жилищной проблемы;
- реализовать стратегии самообеспечения в сельской местности, что требует образовательной и информационной поддержки, т.к. пока сельские семьи ограничены в доступе к информационным источникам, позволяющим освоить правила кредитования и инвестиционного развития в условиях малого бизнеса;
- для повышения престижа семьи, материнства и отцовства, пропаганды семейного образа жизни во всех СМИ;
- принять меры по снижению диспропорций семейной структуры населения, вызванных преобладанием в численности семей, состоящих из двух человек, как правило, одинокой матери с ребенком;
- ввести школьный курс «Основы семейной жизни» в 8-11 классах;
- органам ЗАГС разработать сценарии торжественной свадебной церемонии «возрастным» первообращным;
- разработать программы обеспечения объектами социальной инфраструктуры с учетом перспектив демографических изменений в республике, в том числе детскими дошкольными, школьными учреждениями, т.к. существующие в настоящее время не справляются с притоком детей, кроме того, основная часть школ и детских садов в республике, особенно в сельской местности, находятся в ветхом и аварийном состоянии, а также объектами здравоохранения и социальными учреждениями для пожилого населения;
- разработать и реализовать меры, направленные на повышение уровня территориальной мобильности трудовых ресурсов (внутренней трудовой миграции): привлечение к работе по вахтовому методу, организованному набору, на контрактной основе, в том числе на реализуемых в республике крупных инвестиционных проектах;
- проводить перепрофилирование системы образования и профессиональной подготовки в пользу профессий, прежде всего, рабочих, востребованных экономикой республики;
- в целях повышения эффективности внешней трудовой миграции устанавливать квоты на привлечение и использование иностранной рабочей силы на основе потребности экономики республики в трудовых ресурсах в профессионально-квалификационном разрезе;
- для достижения эффекта от разрабатываемых мер государственную миграционную политику необходимо проводить в тесной взаимосвязи с политикой в области занятости населения и регионального развития.

Литература и источники

1. Концепция семейной и демографической политики в Республике Саха (Якутия) на период до 2025 года // Утверждена Постановлением Правительства Республики Саха (Якутия) от 15 января 2009 года № 10.
2. О кратких итогах Всероссийской переписи населения 2010 года по Республике Саха (Якутия). – Якутск, 2012 г.
3. Федеральный закон «О дополнительных мерах государственной поддержки семей, имеющих детей» № 256-ФЗ // Российская газета, № 297, 31.12.2006.
4. Архангельский В.Н. Факторы рождаемости. – М.: ТЕИС, 2006.
5. Сукнёва С.А. Демографический потенциал развития населения Северного региона. – Новосибирск: Наука, 2010.
6. Демографический ежегодник России. 2010: Стат. сб./ Росстат. – М., 2010.

***Тарасова Е.В.,
Россия, г. Барнаул***

Алтайский край на пересечении миграционных потоков (конец XIX – начало XXI в.)¹

Алтайский край относится к числу регионов, в которых миграция в течение длительного времени играет важную роль в формировании состава населения. Демографический и трудовой потенциал региона сформировался преимущественно под влиянием нескольких волн переселений XIX–XX веков. Целью данной статьи является анализ основных этапов развития внешних миграционных процессов в современных границах Алтайского края в конце XIX – начале XXI в.

Территориальные рамки рассматриваемого региона за столь длительный период неоднократно менялись. Алтайский (горный) округ входил в состав Томской губернии. В 1917 г. ряд территорий Томской губернии были выделены в Алтайскую губернию. В 1925–1930 гг. Алтайская губерния входила в состав Сибирского края, в 1930–1937 гг. – в состав Западно-Сибирского края. В 1937 г. был образован Алтайский край. Последний этап формирования современных границ региона связан с решением Верховного Совета Российской Федерации от 3 июля 1991 г., зафиксировавшим выход Горно-Алтайской автономной области, к тому времени преобразованной в Республику Горный Алтай, из состава Алтайского края.

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ, проект №12-13-22007а(р) «Нелегальная трудовая миграция как риск социальной эксклюзии на рынке труда Алтайского- края».

Задачу построения динамических рядов существенно осложняют также произошедшие за это время изменения в системе учета переселений и различная степень доступности источников.

Начало массовых переселенческих процессов в Алтайский округ положили утвержденные Александром II Положения Комитета министров «О водворении в Алтайском округе государственных крестьян» от 30 июля 1865 г., 29 июня 1899 г. и 6 июля 1904 г.² Особенности правового статуса горнозаводских волостей ограничивали приток в них крестьян из других регионов России. Исследователь И.Г. Силина отмечает неравномерность распределения земельного фонда округа по уездам, что предопределяло различную плотность размещения переселенцев на территории Алтайского округа³. Лидирующее положение по наплыву переселенцев во второй половине XIX в. занял Бийский округ. На его территории с 1865 по 1894 г. возникли десять крестьянских волостей, в то время как в Барнаульском – шесть, на кабинетских землях Томского округа – два, в Кузнецком – один⁴. За период с начала переселений в 1865 г. до 1905 г. на территории округа переселенцами было образовано 227 населенных пунктов⁵. Численность населения за это время увеличилась на 818 829 человек, а количество переселенцев составило 669 492 человек⁶.

Начавшийся в годы столыпинской реформы новый миграционный подъем еще более радикально изменил поселенческую сеть и численность населения округа. На Алтай тогда переселились около 740 тысяч человек, площадь пахотных земель увеличилась на 85%. В период столыпинской реформы в степной зоне Алтайского округа – в Славгородском и Кулундинском районах – образовалось 1274 населенных пункта.

Добровольно-вынужденные миграции на Алтае в 1917–1930 г. представлены беженцами Первой мировой и гражданской войны, беженцами из голодающих губерний, а также трудовыми мобилизациями населения. В

² ПСЗ II. Т. XLI. Ст. 42353; ПСЗ III. Т. IX. Ст. 6198; Т. XVI. Ст. 5643.

³ Силина И.Г. Демографические и пространственные характеристики переселенческих процессов на территории Алтайского округа в 1865–1905 гг. // Миграции и постмиграционные сообщества (Алтай – Казахстан, XIX–XX вв.). Барнаул: Изд-во АлтГУ, 2007. С. 87.

⁴ Административно-территориальное устройство Колывано-Воскресенского (Алтайского) округа в 1726–1917 гг. // Центр хранения Архивного фонда Алтайского края. Отдел специальной документации. Путеводитель. 2001. С. 764. Режим доступа: <http://guides.rusarchives.ru/browse/guidebook.html?bid=56&sid=370732>.

⁵ Томилова Н.К. К вопросу о расселении переселенцев на территории Алтайского округа во второй половине XIX в. // Барнаулу 250 лет. Тезисы докладов и сообщений к научной конференции (1–2 июля 1980 г.). Барнаул, 1980. С. 131.

⁶ Центр хранения Архивного фонда Алтайского края (далее – ЦХАФ АК). Ф.4.Оп.1. Д. 2214. Л. 554 об.

мае 1918 г. в Алтайской губернии проживало 17 542 беженца Первой мировой войны⁷. В 1919 г., согласно расписанию движения беженцев, ожидалось прибытие более 100 тыс. человек⁸. В 1920 г. одновременно с эвакуацией беженцев Первой мировой войны начался приток беженцев из голодающих губерний Центральной России. По данным А.С. Щетининой, в 1920–1922 гг. на Алтае проживало одновременно более 50 тыс. вынужденных переселенцев⁹. Перемещения граждан по трудовым мобилизациям охватили десятки тысяч человек, прибывших из других российских регионов или переселявшихся внутри губернии.

Реализация в СССР программы индустриализации обернулась для Алтайского края в 1930-е гг. сокращением численности населения, вызванным оттоком лиц трудоспособного возраста на строительство Кузнецкого металлургического комбината и других промышленных объектов за пределами региона.

Наиболее масштабными перемещениями населения ознаменовалась для Алтайского края Великая Отечественная война. На фронт из региона ушли около 500 тыс. человек, а навстречу им устремился поток, состоящий из беженцев из европейской части СССР, рабочих и управленцев эвакуированных предприятий и организаций, пациентов госпиталей, воспитанников детских домов, депортированных, спецпоселенцев, административно высланных, заключенных, подлежащих трудовой мобилизации, позднее – репатриантов из Германии, военнопленных.

Известный журналист и общественный деятель Анатолий Муравлёв приводит в своем исследовании следующие данные: «еще до начала войны в Алтайском крае оказалось 20 тысяч так называемых граждан инонациональностей из Мурманской области и бывшей территории Финляндии, а также представителей «антисоветского элемента» и «осадников», высланных их Прибалтики, Молдавии, западных областей Украины и Белоруссии, «неблагонадежные» китайцы, поляки, греки, корейцы. Вслед за ними были депортированы ... 95 тысяч немцев из Поволжья, 25 тысяч граждан из Калмыкии, а также из республик Кавказа и других регионов страны. К марту 1942 года на Алтай прибыло еще более 78 тысяч эвакуированных трудоспособных граждан из западных регионов страны...»¹⁰.

⁷ ЦХАФ АК. Ф. Д-233. Оп. 6. Д. 19. Л. 54.

⁸ Там же. Ф. Д-225. Оп. 1. Д. 16. Л. 12.

⁹ Щетинина А.С. Вынужденные мигранты на Алтае в 1917–1930 гг. Актуальные вопросы истории Сибири. Пятые научные чтения памяти профессора А.П. Бородавкина: Сб. науч. трудов. Барнаул: АзБука, 2005. С. 21.

¹⁰ Муравлёв А. Эвакуация во спасение // Алтайская правда. № 89–91. 26 марта 2010. Режим доступа: http://ap22.ru/paper/paper_295.html.

Прибытие на Алтай сотен тысяч добровольных и вынужденных мигрантов имело неоднозначные социальные последствия, но, безусловно, положительно сказалось на развитии трудового, промышленного и культурного потенциала региона.

После окончания Великой отечественной войны миграционное сальдо края в межрегиональной миграции было положительным лишь в 1946–1947 гг. – за счет притока демобилизованных военнослужащих. С 1948 г. отмечается устойчивый отток населения в соседние, более урбанизированные территории Западной Сибири. Важнейшую роль в этих процессах играла сельско-городская миграция, вызванная социальным неравенством жителей села в сравнении с горожанами. В последующие годы положительный миграционный баланс был достигнут лишь в 1954–1956 гг. в связи с освоением целинных и залежных земель.

Со второй половине 1960-х гг. отток населения из сельской местности постепенно сокращался, что привело к снижению общих миграционных потерь края. По мнению К.В. Григоричева, наиболее существенно на этот процесс повлияли изменения в возрастной структуре сельского населения и переориентация государственной аграрной политики на закрепление населения в сельской местности за счет повышения социально-экономического уровня и улучшения культурно-бытовых условий жизни в отличие от силовых и административных решений в предшествующие годы¹¹. Тем не менее, до конца 1980-х гг. миграция негативно влияла на численность и возрастную структуру населения края. Массовый отъезд населения из сельских населенных пунктов за пределы края (преимущественно в Кемеровскую и Тюменскую области) лишь частично компенсировался встречным потоком мигрантов.

С 1989 г. миграционная убыль сменилась приростом, что наряду с естественным приростом вплоть до 1995 г. обеспечивало увеличение численности населения региона.

В 1992–1994 гг. внешняя (для края) миграция была источником восполнения потерь численности населения, миграционный прирост полностью компенсировал естественную убыль, однако темпы общего прироста населения сокращались. В 1995–2000 гг. естественная убыль населения лишь частично компенсировалась миграционным приростом, началась общая убыль населения. С 2001 г. миграционное сальдо Алтайского края имело отрицательные значения, что на фоне естественной убыли способствовало сокращению общей численности населения (табл. 1).

¹¹ Григоричев К.В. Динамика населения и миграционные процессы в Алтайском крае, середина 1940 – конец 1980-х годов. Автореф. дисс. на соискание уч.ст. канд.ист.наук. Барнаул, 2000. С. 20.

Таблица 1

**Компоненты изменения численности населения Алтайского края
в 1992–2010 гг., тыс. чел.¹²**

Год	Численность населения на 1 января года	Общий прирост (убыль)	Естественный прирост (убыль)	В том числе		Миграционный прирост (убыль)
				родилось	умерло	
1992	2664,9	15,4	-3,6	27,8	31,4	19,0
1993	2680,3	4,0	-13,2	24,4	37,5	17,2
1994	2684,3	10,0	-15,9	24,6	40,5	25,9
1995	2694,3	-6,3	-16,2	23,3	39,5	9,9
1996	2688,0	-11,3	-15,7	22,6	38,4	4,4
1997	2676,7	-6,3	-14,3	22,5	36,9	8,0
1998	2670,4	-7,7	-10,6	23,4	34,1	2,9
1999	2662,7	-11,1	-13,5	23,2	36,7	2,4
2000	2651,6	-10,5	-13,1	24,7	37,8	2,6
2001	2641,1	-20,1	-13,4	25,2	38,6	-6,7
2002	2621,0	-18,4	-14,1	26,9	41,0	-4,3
2003	2602,6	-19,2	-13,2	28,0	41,2	-6,0
2004	2583,4	-17,8	-12,8	27,7	40,6	-5,0
2005	2565,6	-22,3	-16,2	26,4	42,6	-6,1
2006	2543,3	-20	-13	25,6	38,5	-7,2
2007	2523,3	-14,8	-9	28,4	38,6	-5,8
2008	2508,5	-11,7	-6,8	30,7	37,7	-4,9
2009	2496,8	-6,1	-4,9	30,9	35,8	-1,2
2010	2490,7	-9,8	-5,5	30,9	36,4	-4,3

Составлено по данным текущего архива Территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Алтайскому краю.

Миграционный обмен между соседними территориями отличается наибольшей интенсивностью (Л.Б. Карачурина использует для обозначения этого явления термин «соседские миграции»¹³). К числу регионов, граничащих с Алтайским краем, относятся Республика Алтай, Новосибирская область, Кемеровская область, и ряд территорий Республики Казахстан (Восточно-Казахстанская и Павлодарская области).

Межрегиональная миграция в пределах Российской Федерации способствует оттоку населения из края. Регион несет миграционные потери в обмене со всем федеральными округами России, кроме Дальневосточного. Значителен отток населения в Сибирский, Центральный, Уральский и Южный федеральные округа (табл. 2). В границах Сибирского федерального округа наибольшие потери край несет в обмене с соседними областями: Кемеровской и Новосибирской.

¹² Данные приведены без учета результатов Всероссийской переписи населения 2010 г.

¹³ Карачурина Л.Б. Соседские миграции в России //Россия и ее регионы в XX веке: территория - расселения - миграции. М.: ОГИ, 2005. – с. 442.

Таблица 2

**Миграционный прирост населения Алтайского края за счет
межрегиональной миграции в 2009–2011 гг., чел.**

Федеральные округа	2009	2010	2011
Центральный	-1109	-1641	-1365
Северо-Западный	-486	-555	-476
Южный	-508	-569	-699
Приволжский	-63	-281	-256
Северо-Кавказский		-59	-20
Уральский	-341	-597	-740
Сибирский	-3025	-3237	-2839
<i>в том числе:</i>			
Республика Алтай	154	17	49
Кемеровская область	-720	-799	-839
Новосибирская область	-2073	-2221	-1901
Дальневосточный	295	341	495
Всего	-5237	-6598	-5900

Составлено по данным текущего архива Территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Алтайскому краю.

Миграционная убыль в обмене с другими территориями Российской Федерации влечет за собой как прямые, так и косвенные потери. Прямые потери выражаются в сокращении численности трудоспособного населения, увеличении демографической нагрузки на него, старении возрастной структуры региона. В 2011 г. среди выбывших в другие регионы РФ 72,4% составили люди трудоспособного возраста¹⁴. Косвенные потери обусловлены высокой миграционной активностью представителей младших репродуктивных возрастов: снижение их численности в результате межрегиональной миграции ограничивает потенциал воспроизводства населения Алтайского края.

Процессы межгосударственной миграции в 2009–2011 гг. характеризуются неустойчивым, близким к нулевому сальдо в обмене со странами дальнего зарубежья и миграционным приростом за счет стран СНГ (табл. 3).

В последние годы изучение миграционных связей Алтайского края и стран центральноазиатского региона представляет особый интерес в связи с необходимостью регулирования трудовой миграции. Крупнейшим миграционным партнером Алтайского края является Казахстан: в среднем за три года для его граждан в структуре прибытия на территорию региона из стран СНГ составила 52,3%. В 2010–2011 гг. миграционный прирост в обмене с государствами-участниками СНГ уменьшился почти вдвое в сравнении с 2009 г.

¹⁴ Рассчитано по: Миграционные процессы в Алтайском крае. 2003-2011. Статистический сборник. Барнаул, 2012. С. 22.

Таблица 3

**Структура международной миграции населения Алтайского края
в 2009–2011 гг., чел.**

	2009			2010			2011		
	При-было	Вы-было	При-рост	При-было	Вы-было	При-рост	При-было	Вы-было	При-рост
Страны СНГ									
в том числе	5042	928	4115	3131	823	2308	3466	751	2715
Страны Центральной Азии									
в том числе	4529	824	3705	2831	736	2095	3243	640	2603
Казахстан	2454	762	1692	1834	651	1183	1724	599	1125
Киргизия	956	35	921	589	49	540	1157	24	1133
Таджикистан	698	21	677	278	31	247	228	13	215
Туркмениния	13	-	13	3	1	2	7	-	7
Узбекистан	408	6	402	127	4	123	127	4	123
Другие зарубежные страны	330	402	-72	309	308	3	313	321	-8
Всего	5373	1330	4043	3442	1131	2311	3779	1072	2707

Составлено по: Миграционные процессы в Алтайском крае. 2003–2011. Статистический сборник. Барнаул, 2012. С. 13–14.

Таблица 4

Структура миграционных связей Алтайского края с сопредельными территориями в 2011 г.

	Прибыло	Выбыло	Прирост
Кемеровская область	1393	2232	-839
Новосибирская область	1849	3750	-1901
Республика Алтай	1071	1022	49
Межрегиональная миграция – всего	10931	16831	-5900
Республика Казахстан	1724	599	1125
Международная миграция – всего	3779	1072	2707
Внешняя (для края) миграция	14710	17903	-3193

Составлено по данным текущего архива Территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Алтайскому краю.

Оценка удельного веса миграционных связей Алтайского края с сопредельными территориями показала, что прибытие из сопредельных регионов в Алтайский край в 2011 г. составило 41% всех прибывших из-за пределов края, выбытие в соседние регионы – 42,5% всех выбывших за пределы края (табл. 4).

В настоящее время миграция из республик Центральной Азии частично компенсирует потери населения края в обмене с регионами России. Снижение миграционной убыли населения и формирование «нулевого сальдо» миграции должны стать важнейшими индикаторами эффективности демографической и социально-экономической политики в крае.

Таким образом, переселения конца XIX–XX вв. оказали существенное воздействие на формирование поселенческой сети, состава населения и этнокультурных особенностей Алтайского края. В постсоветский период, в условиях трансформационных процессов и естественной убыли населения, миграция оказывала противоречивое воздействие на демографическую ситуацию в регионе.

Несмотря на эволюцию политических и экономических условий с начала рассматриваемого периода, ряд характеристик миграционных процессов остаются неизменными, в частности, транзитная роль региона в миграционных процессах в силу его приграничного положения и неравномерности развития территорий Сибири. Большой долей инерции отличаются векторы миграции населения. Со второй половины XX в. Алтайский край остается миграционным донором для соседних территорий Западной Сибири, частично компенсируя свои потери притоком переселенцев из центральноазиатского региона.

***Тельнов В.И., Третьяков Ф.Д.,
Россия, г. Озерск***

Сравнительная динамика воспроизводства населения атомграда Озерска

Введение

История возникновения города Озерска (ранее Челябинск-40 и Челябинск-70) связана со строительством и пуском в эксплуатацию первого в стране ядерного комплекса ПО «Маяк» на территории Челябинской области. В Озерске до 90-х годов прошлого века на высоком уровне осуществлялся весь комплекс мероприятий по организации медицинской помощи и охране здоровья населения (от рождения до смерти), материальному, социально-бытовому и культурному обслуживанию населения. Экономические и политические реформы 90-х годов резко ухудшили социально-

экономическую ситуацию в городе, определяющих современную демографическую ситуацию в Озерске. Особенно важной эта проблема является для малых городов, в том числе закрытых административно-территориальных образований (ЗАТО), имеющих значительно меньшие демографические ресурсы [1]. Целью исследования явилась оценка динамики воспроизводства населения Озерска в сравнении с региональными и общероссийскими данными.

Материалы и методы

Были использованы сведения о населении Озерска, полученные в отделе статистики городской администрации. Информация о причинах смерти была получена из регистра причин смерти населения Озерска Южно-Уральского института биофизики. Сравнительный анализ проводился на основе данных переписи городского населения Челябинской области и России с 1959 по 2002 годы и других статистических материалов [2]. Использовали также материалы Челябинскстатапо ЗАТО Челябинской области [3]. Демографический анализ включал оценку широкого спектра общепринятых показателей рождаемости, смертности, естественного прироста и миграции [4,5].

Результаты и обсуждение

Данные за 1948–2007 годы свидетельствуют о резком снижении общего коэффициента рождаемости в Озерске, Челябинской области и России. На протяжении 1948–1987 годов рождаемость в Озерске была выше, чем в Челябинской области и России. Резкое падение рождаемости началось в начале 90-х годов прошлого столетия и до 2002 года. В 2003–2007 годах отмечено небольшое повышение рождаемости. По оценочной шкале коэффициенты рождаемости в Озерске в 1948–1962 годы были высокими (более 31 на 1000 населения), в 1963–1972 годы – средними (21–25), в 1973–1987 – низкими (16–20), в 1988–1992 – очень низкими (11–15), а с 1993 по 2007 – чрезвычайно низкими (до 10 на 1000 населения). Сходная динамика оценок рождаемости характерна для населения Челябинской области и России. Наблюдалась противоположная динамика общего коэффициента смертности населения по сравнению с рождаемостью. Наиболее значимый рост смертности населения в Озерске, Челябинской области и России в нарастающем темпе отмечался в 1993–2007 годах. От низкого (до 5,0 смертей на 1000 населения) и среднего (до 9,9) уровня смертности в 1953–1982 годах он достиг в 1993–2002 годы высокого (10–14,9), а в России – очень высокого уровня (15–19,9). Отмеченная динамика показателей рождаемости и смертности с 1992–1993 гг. привела к естественной убыли населения, т.е. к депопуляции. В России демографический «крест», когда

кривые рождаемости и смертности пересеклись и поменялись местами, наступил в 1992 году, а в Озерске – в 1993 году. Если естественная убыль населения до 1997г. компенсировалась механическим приростом (миграцией), то в дальнейшем миграционный процесс был не в состоянии восполнить суммарное снижение численности населения Озерска. Снижение численности населения Озерска происходит в основном за счет естественной убыли. Миграционный процесс уже не в состоянии компенсировать уменьшение численности населения. За пятилетний период убыль населения составляла в среднем 239 человек в год. К сожалению, этот процесс будет продолжаться и в дальнейшем. В отличие от Озерска, в Челябинской области и России в целом положительный миграционный прирост существенно компенсирует естественную убыль населения.

Рождаемость в Озерске была выше, чем в России до 1988 г. практически во всех возрастных группах женщин фертильного возраста. Пик рождаемости приходился на возрастные группы 20–24 года и 25–29 лет (так же как и в России). В Озерске до 1987 г. имело место расширенное воспроизводство населения (суммарный коэффициент рождаемости составлял 2,16–3,74). Начиная с 1993 года воспроизводство населения перешло на суженный режим, т.е. началась депопуляция населения. При этом в Озерске отмечается более выраженное по сравнению с Россией снижение специального коэффициента и суммарного коэффициента рождаемости. Оценка Нетто-коэффициента в Озерске, показала его снижение с 1,29 в 1959 году до 0,52 в 2002 году. Отметим, что величина Нетто-коэффициента в России в 2002 году оказалась выше, чем в Озерске и составила 0,57. В целом, снижение рождаемости в России и Озерске является общемировой тенденцией снижения числа детей в семье.

Сейчас в России, также как и в Озерске, коэффициент суммарной рождаемости один из самых низких в мире. Демографы прогнозируют уменьшение суммарного показателя рождаемости до 1,1–1,0. Если не принимать решительных мер на федеральном и региональном уровнях, это будет означать дальнейшее негативное изменение репродуктивных установок населения [6].

Наряду с рождаемостью, важнейшим демографическим показателем является смертность населения. Она представляет собой один из основных факторов процесса воспроизводства населения в мире. До начала 20 века смертность была определяющим фактором, от которого зависела численность населения. В настоящее время во всех экономически развитых странах смертность стабилизировалась на сравнительно низком уровне, в результате ее роль в воспроизводстве населения существенно снизилась.

В России, начиная с 70-х годов прошлого века (так же как и в Озерске) в результате изменения жизненных установок и системы ценностей, снижения рождаемости и старения населения, а также других причин, на-

блюдается постоянный рост смертности. Так, общий коэффициент смертности за 1970–2005 годы увеличился в России почти в 2 раза (с 8,7 до 16,3), а в Озерске в 3 раза (с 4,7 до 12,3). Особенно быстро росла смертность в 90-е годы. С 1992 года в России и с 1993 года в Озерске появилась проблема превышения абсолютной и относительной численности умерших над численностью родившихся, что означает естественную убыль населения (депопуляцию). В современной России и в Озерске коэффициенты смертности гораздо выше, чем в других развитых странах. Рождаемость в России и в Озерске по абсолютной величине практически не отличаются от показателей рождаемости в большинстве стран мира. В чем же причина столь высокой смертности населения в России и Озерске? В условиях снижения рождаемости и следующего за этим старения населения рост общей смертности является неизбежным объективным процессом. Резкое падение уровня жизни населения в 90-х годах определило ухудшение состояния их здоровья, рост заболеваемости и смертности.

Большое влияние на снижение рождаемости оказало изменение отношения к детям. Подтверждение этому – рост числа бездетных семей и т.д. Меняется роль и значение семьи в жизни людей. Увеличивается число неженатых и незамужних, растет число неполных и юридически неоформленных семей. В начале 90-х годов XX века этот процесс был ускорен переходом к рыночной экономике. Изменились общественные и личностные отношения, у человека появилась возможность осознать себя как личность и самоценность. В этих условиях повысилась цена человеческого времени, что по оценке зарубежных специалистов, приводит к замене количества детей их качеством. Указанное обстоятельство морально подготовило население к уменьшению рождения детей и усилению ориентации населения на семью с одним ребенком или совсем без детей [6]. К сказанному следует добавить очень большое количество аборт, какого нет ни в одной стране мира. Так, в России в 1992–1995 годы число абортов на 100 родившихся составило 211,8–250,1 и 81–98 на 1000 женщин фертильного возраста [4, 5, 7].

Далее, неудачный выбор модели перестройки экономики повлек за собой кризис социальной сферы, рост цен, падение уровня жизни населения, снижение покупательной способности. Следствием этого, с одной стороны, стали неуверенность в завтрашнем дне и рост отложенных рождений не только 2-го и 3-го, но даже и 1-го ребенка, в результате чего средний размер семьи составил в Озерске, Челябинской области и России 3,0, 3,1 и 3,2 человека.

С другой стороны, ухудшение материального благосостояния населения предопределило увеличение смертности. Перечисленные факторы не могли не сказаться на здоровье людей, на формировании семьи и рождении детей [5,8]. Вполне естественно возникает вопрос о роли рождаемости

и смертности в воспроизводстве населения. Выполненными исследованиями [9] установлено, что воспроизводство населения России за 1986–1996 годы сократилось в целом на 41,9%, в том числе на 41,4% за счет снижения рождаемости и только на 0,5% за счет роста смертности.

Отсюда следует, что определяющим фактором, от которого зависит демографическое будущее, является рождаемость. Не отрицая этот тезис в решении демографических проблем, следует иметь в виду зарубежный опыт (страны ЕС), где более благоприятная демографическая ситуация при относительно низкой рождаемости, сопоставимой с российской и Озерской, определяется низкой смертностью населения. Далее, большой разрыв между рождаемостью и смертностью в России и Озерске вряд ли в обозримом будущем ликвидирует естественную убыль населения только за счет роста рождаемости. Поэтому определяющим фактором в оздоровлении демографической обстановки, в первую очередь, является снижение смертности, особенно в трудоспособном возрасте, при одновременном росте рождаемости. Однако рост рождаемости в ближайшем будущем маловероятен, так как в детородный возраст, как в России, так и в Озерске будут вступать относительно меньшие по численности группы населения. В этом отношении следует отметить, что самый успешный опыт повышения рождаемости во Франции (увеличение суммарного коэффициента рождаемости до 2,0) потребовал для своей реализации более 50 лет.

Существенное значение в общей оценке смертности имеют повозрастные коэффициенты смертности. Результаты динамического наблюдения за этими показателями у населения Озерска свидетельствуют о том, что у мужчин с 1993 года повысились уровни смертности в возрасте 25–69 лет. У женщин такое повышение смертности наблюдалось в возрасте 30–69 лет. При этом, как у мужчин, так и у женщин, в 2003–2007 годах отмечена тенденция к снижению уровня смертности.

Другим важным фактором ухудшения воспроизводства населения Озерска и России является более низкий возраст смерти от основных причин, чем в развитых западных странах, в среднем на 8,1–14,9 лет.

На фоне негативных демографических процессов в Озерске, Челябинской области и России за последние годы наблюдаются позитивные тенденции и, в частности, снижение младенческой смертности. Уровень младенческой смертности на всем протяжении наблюдения в г. Озерске был ниже, чем в Челябинской области и в России. По шкале младенческой смертности она была в г. Озерске до 1962 года чрезвычайно высокой (20,1 и выше на 1000 родившихся живыми), до 1967 года – высокой (15,1–20,0), до 1997 года – средней (10,1–15,0) и за последние годы – низкой (5,0–10,0). Тем не менее, младенческая смертность в Озерске в 2 раза выше, чем в Швеции (3,4), Норвегии (4,0) и Японии (4,1). Основными причинами смерти младенцев являлись состояния, возникающие в перинатальном периоде,

и врожденные аномалии, т.е. состояния, тесно связанные со здоровьем матери и качеством лечебно-профилактической помощи новорожденным.

При сравнительном анализе с 1948 по 2007 годы отмечаются более низкие значения коэффициентов депопуляции в Озерске по сравнению с Челябинской областью и Россией во все периоды наблюдения. Однако если до 1982 года эти различия составляли в среднем 2–3 раза, то в последующие годы они уменьшились до 50–10%. Это свидетельствует о более высоких темпах роста смертности и снижения рождаемости в Озерске, на что также указывает более выраженная кратность увеличения КД.

Таким образом, подводя итоги анализа воспроизводства населения Озерска, следует отметить, что его исходное состояние в наблюдаемый период времени было более благоприятным по сравнению с Челябинской областью и Россией в целом. Однако вследствие более высоких темпов снижения рождаемости и увеличения смертности, отмеченных при оценке различных показателей этих демографических процессов, к 2007 году показатели воспроизводства населения в Озерске приблизились или стали такими же, как в Челябинской области и России.

Литература

1. Тельнов В.И., Третьяков Ф.Д. Динамика демографических процессов в городе атомной промышленности Озерске / Демографические перспективы России: материалы междунар. научно-практ. конф. «Демографическое будущее России: проблемы и пути решения». М.: Academia, 2008. С. 343–348.
2. Демографические ежегодники России. 2001-2010: Стат. сб. // Росстат. – М., 2001–2010.
3. Даренских Ю.А., Колотова Н.С., Романенко Л.М. и др. Демографические показатели по ЗАТО Челябинской области: Стат. сб. / Челябинстат. Челябинск, 2007. 95 с.
4. Валентей Д.И., Кваша А.Я. Основы демографии: Учебник. – М: Мысль, 1989. – 286 с.
5. Демография: Учебное пособие /под редакцией профессора В.Г. Глушковой. – М.: КНОРУС, 2004 – 304с.
6. Шнейдерман Н.А. Откровенный разговор: рождаемость и меры ее регулирования. М.: Мысль, 1991. 170 с.
7. Медков В.М. Основы демографии: Ученое пособие. Серия «Учебники и учебные пособия». – Ростов на-Дону: Феникс, 2003. – 448 с.
8. Государственные доклады о состоянии здоровья населения Российской Федерации за 1993–2002 годы-Сб. стат.: Здравоохранение Российской Федерации.
9. Борисов В.А. Депопуляция в России: причины и следствия, пути преодоления // Демографические проблемы и семейная политика. Материалы научно-практической конференции/ Липецк, сентябрь 1999 г. – М.: 1999. – 60 с.

**Тожиева З.И.,
Узбекистан, г. Ташкент**

Трансформация повозрастных коэффициентов рождаемости населения Узбекистана

Республика Узбекистан в течение ряда лет выделялась высокими темпами прироста численности населения. Общий прирост населения происходит полностью за счет естественного прироста, в условиях высокого уровня абсолютной рождаемости и низкого уровня смертности населения. Однако снижение определяющих эти процессы показателей слабо отразилось в плотности населения, решении социально-экономических проблем, хотя служит росту качественных характеристик населения (уровням образования, культуры, здоровья населения и т.д.).

Общая численность населения страны на 01.01.2012 года составил 29559,1 тыс. человек, а среднегодовой прирост – 0,85%. За период 1991–2011 годов количество населения увеличилось на 143,4%, при этом абсолютный прирост составил 8951,5 тыс. человек. Анализ результатов проведенных последних 4-х переписей населения и последующего периода показывает, что каждые 10 лет количество жителей страны увеличивался в среднем на 4 миллиона человек. За последнее десятилетие в республике вследствие снижения уровня естественного прироста и отрицательных показателей миграционного прироста резко уменьшились темпы общего прироста населения. В частности, если в 1985–1990 гг. среднегодовой прирост населения составлял 2,40%, то в 1990–1995 гг. – 2,15%; в 1995–2000 гг. – 1,75%; в 2000–2005 гг. и 2005–2010 гг. составил 1,20%.

Таблица 1

Среднегодовой рост и прирост населения Республики Узбекистан (в %)

Годы	Все население		Городское население		Сельсконаселение	
	рост	Средне- годовой прирост	рост	Средне- годовой прирост	рост	Средне- годовой прирост
1989– 1999	122,0	2,05	112,7	1,20	128,4	2,55
1999– 2009	114,1	1,20	156,7	4,15	88,4	-1,10
1989– 2009	139,1	1,55	176,6	2,60	113,5	0,60
1991– 2012	143,4	1,70	179,4	2,80	115,6	0,70

Таблица рассчитана на основе материалов Госкомитета по статистике Республики Узбекистан.

Увеличение численности населения Узбекистана происходило исключительно за счет естественного движения населения, в то время как механическое движение способствует его уменьшению. Среди демографических процессов в естественном движении населения важную роль играют высокий уровень рождаемости, снижение показателей смертности, устойчивость браков и низкий уровень разводимости. Однако несмотря на это, за последние 20 лет наблюдается снижение уровня рождаемости, особенно, повозрастных, суммарных коэффициентов в различных возрастных группах, в пространстве и во времени, при различных условиях или же в них наблюдается процесс трансформации. Причинами такой трансформации является снижение соотношения числа детей у женщин старших возрастов по отношению к количеству детей, рождаемых молодыми женщинами, или, если точнее, наблюдается «омоложение» матерей с детьми.

По коэффициенту естественного прироста населения Узбекистан (1,8%, 2011 г.) среди сопредельных стран занимает следующее место после Таджикистана (2,4%). Аналогичные показатели составляют в Казахстане 1,4%; Киргизии – 1,9%; в Туркмении – 1,4%¹. Коэффициент естественного прироста населения республики показывает рост его уровня. В 1950–1991 гг. рождаемость служила стабильному росту численности населения республики, а начиная с 91-года изменился в сторону уменьшения рождения среди населения детей. Если коэффициент рождаемости на каждые тысячи человек составлял в 1991 году 34,5‰, то к 2011 году снизился до 21,6‰. Основная часть родившихся и рождаемых детей приходится на возрастные группы женщин 15–19, 20–24 и 25–29 лет. Таким образом, подавляющее большинство женщин заканчивают репродуктивную деятельность, не достигнув 30-летнего возраста. Это достигается вследствие сознательного планирования мужем и женой рождений или отказа от рождений, исходя из условий жизни, здоровья, спроса и предложения, материального положения собственной семьи. Как следствие, женщины в репродуктивном возрасте стали иметь детей меньше, чем женщины старших возрастов, среднее число детей, приходящееся на одну женщину, стало из года в год уменьшаться. В 1989–2011 годах повозрастные коэффициенты рождаемости у женщин от 15–19 лет до 40–44 лет уменьшилось в 2–4 раза, а в возрастной группе 45–49 лет – в 8 раз. Резкие требования на число рождений среди населения, естественно, не могли не отразиться на показателях рождаемости. В частности, если в 1991 году среднее число рожденных детей у женщин в репродуктивном периоде составляло 4,1, то к 2011 году данный коэффициент снизился в 1,6 раза.

Изменения уровня рождаемости в самой верхней возрастной группе репродуктивного периода – 45–49 лет еще точнее отражают величину ро-

¹ www.demoscope.ru/PopulationReferenceBureau.2011WorldPopulationDataSheet.

жденных детей. Например, если число живорожденных детей в возрастной группе 45–49 лет на каждые 1000 женщин составляло в 1991 году 2,63, то к 2011 году данный показатель уменьшился до 0,3. По высокой величине указанного показателя выделяются Кашкадарьинская и Сурхандарьинская области, где он составляет 1,1–1,2. В остальных областях он не достигает величины 1,0. В Андижанской, Бухарской, Наманганской, Ташкентской областях и в городе Ташкенте он даже ниже общереспубликанского показателя.

Таблица 2

**Динамика повозрастных и специальных коэффициентов рождаемости
(1991–2011 гг.)**

Возрастные группы	Повозрастные коэффициенты рождаемости, число живорождений на каждые 1000 женщин данной группы					Преобладание сельского населения относительного городского, в процентах				
	1991 год	1995 год	2000 год	2005 год	2011 год	1991 год	1995 год	2000 год	2005 год	2011 год
15–19	<u>48,1</u> 48,2	<u>57,1</u> 60,5	<u>21,8</u> 20,6	<u>12,1</u> 7,58	<u>24,7</u> 22,8	+0,1	+6	-7	-38	-8
20–24	<u>233,8</u> 349,9	<u>218,5</u> 329,4	<u>167,8</u> 227,4	<u>148,9</u> 186,6	<u>163,4</u> 204,9	+50	+51	+35	+25	+25
25–29	<u>180,1</u> 286,4	<u>161,5</u> 243,6	<u>123,6</u> 185,9	<u>132,1</u> 181,0	<u>135,9</u> 181,1	+59	+51	+50	+37	+33
30–34	<u>109,5</u> 189,9	<u>84,73</u> 125,3	<u>73,04</u> 100,5	<u>68,75</u> 97,02	<u>67,8</u> 86,4	+73	+48	+38	+41	+27
35–39	<u>43,21</u> 90,08	<u>32,00</u> 50,37	<u>26,59</u> 34,72	<u>29,87</u> 37,23	<u>23,7</u> 29,50	+108	+57	+31	+25	+24
40–44	<u>9,91</u> 29,56	<u>6,13</u> 13,41	<u>5,40</u> 8,24	<u>5,12</u> 6,09	<u>4,4</u> 5,6	+198	+119	+53	+19	+27
45–49	<u>1,07</u> 4,26	<u>0,61</u> 1,96	<u>0,41</u> 0,93	<u>0,44</u> 0,65	<u>0,2</u> 0,3	+298	+221	+126	+48	+50
Из них: Женщины в возрасте 15–49 лет	<u>107,6</u> 178,1	<u>92,85</u> 144,2	<u>65,67</u> 93,60	<u>61,18</u> 80,88	<u>59,3</u> 78,8	+66	+55	+43	+32	+33

Примечание: в числителе – городское население, в знаменателе – сельское население. Таблица рассчитана автором на основе материалов Госкомитета по статистике Республики Узбекистан.

Уменьшение числа рождений в возрастной группе 45–49 лет наглядно свидетельствует о снижении общего показателя рождаемости. Хотя, именно в этой возрастной группе всегда относительно низким был показатель рождаемости. В течении 1991–2011 годов, также как и в возрастной группе 45–49 лет, было зафиксировано постоянное уменьшение числа живорож-

дений в возрастной группе женщин 40–44 лет. Так, если в Узбекистане в 1991 году число живорождений на каждые 1000 женщин в возрасте 40–45 лет составляло 19,29, то в 2011 году составил лишь 5,0. Отсюда видно, что трансформация количества детей у женщин в возрастах 40–45 и 45–49 лет по сравнению со всеми другими возрастными группами выражена сильнее, незначителен их вклад в общий показатель рождаемости, причем этот вклад будет все уменьшаться, и не исключено, что это влияние вообще может исчезнуть.

При определении общего уровня рождаемости большое значение приобретает доля рожденных детей у женщин в возрасте 35–39 лет. Причина в том, что в отличие от предыдущих двух групп, в этой группе показатель рождаемости всегда был высоким. Хотя, если взять период 1991–2011 годов, то и в указанной возрастной группе показатель рождаемости снизился в 1,7 раза. Снижение уровня рождаемости продолжался вплоть до 2004 года, с 2005 года опять повысился, однако не достиг величины 1991–1994 годов (67,76–44,11).

Среди женщин репродуктивного возраста максимальные показатели рождений имеют женщины возрастных групп 20–24, которые и определяют уровень общей рождаемости. Однако, несмотря на это, за последние годы во всех трех указанных возрастных группах показатель рождаемости сократился в 1,3–1,6 раза. Относительно высокие показатели рождений у женщин в возрасте 30–34 года в Республике Каракалпакстан, Джизакской, Кашкадарьинской, Сурхандарьинской и Сырдарьинской областях. Наоборот, в Андижанской, Ферганской, Наманганской, Хорезмской и Самаркандской областях можно отметить высокий уровень рождений у женщин в возрасте 20–24 года. Подавляющее большинство рожденных в областях республики детей приходится на возраст женщин 25–29 лет, т.е. по показателю рождений данная группа вышла на первое место. Данная обстановка свидетельствует об активизации более позднего вступления молодежи в демографическую деятельность, влияния социально-экономических факторов не только на рождаемость и брачность, но и на репродуктивное поведение населения. Это подтверждается и тем, что величина живорождений у женщин в возрастах 15–19 лет за период 1991–2011 годов уменьшилась в 4,9 раза.

Суммарный коэффициент рождаемости, отражающей процесс воспроизводства населения и его территориальные различия, по сравнению с 1989 годом сократился среди всего населения в 1,5 раза, среди городского населения – в 1,3 раза, а среди сельского населения – в 1,9 раза. Так, среди всего населения данный коэффициент в 1989 году составлял 4,0. в 2011 году составил 2,4. Возврат к 2005 году характерной для второй половины прошлого века демографической волны показателей стала причиной роста уровня рождаемости во всех возрастных группах женщин, и, следо-

вательно, некоторого повышения общего коэффициента рождаемости. Однако это не означает, что численность рожденных в семьях детей резко увеличилась. Здесь возникает вполне законный вопрос. Будет ли компенсировать количество рожденных детей у женщин в возрасте 20–34 года количество детей в старших возрастных группах, где с каждым годом эта величина уменьшается? При современной демографической ситуации компенсируется, потому что, несмотря на уменьшение числа детей в молодых возрастных группах у них рождается относительно большее число детей.

Таким образом, продолжение и совершенствование в будущем в качественном отношении изменений в демографическом сознании, поведении по отношению к числу рождений в семьях явится результатом сегодняшней демографической ситуации, волнообразное возвращение, трансформация повозрастных показателей у женщин 40–49 лет, все это являются звеньями продолжающегося слаборасширенного воспроизводства населения, могут послужить основой будущих изменений.

Tolesh F.,
Czech Republic, Prague

The future population of Kazakhstan: Prospects to 2060 by region and place of residence

The future is inherently unknown and in most regards – unknowable, however people are always fascinated about it. At all levels – local, national and global many are concerned about political, economical, environmental and social consequences of demographic changes, as a result population forecasts and projections have become an essential part of any institution or organization exercising planning and decision-making activities in many countries. Forecasting future population size and structure is one of the most important tasks of any national statistics but unfortunately, due to many different reasons, not all of them are capable of producing an official forecasts, which is also relevant to Kazakhstan. Currently an application of population forecasts in planning and decision making processes by institutions related to social, economic and political fields is not yet widespread in the country as it might be advisable. This might relate to the fact that, apart from the four main international institutions, there are very few private vendors making demographic forecasts or more precisely, projections for Kazakhstan, and they are not sufficient enough to meet the current and future needs in qualitative and accurate population forecasts. Therefore, the general aim of this paper is, with 50 year's time horizon, to forecast population of Kazakhstan disaggregated by age, sex and urban/rural places of residence for 7 aggregated regions.

The consideration of urban/rural places of residence is a very important feature of this study in forecasting the population of the country. In Kazakhstan, owing to historical, societal and economical factors population is distributed rather unevenly between regions, moreover, nearly half of the population lives in rural areas and mostly concentrated in southern, south-west and some in western parts of the country. As it is characteristic, rural population have younger age structure resulting from higher birth rates than urban population and in this regard the case of Kazakhstan is no exception.

Furthermore, depending on a region, the occupational or industrial composition of the labour force is also tend to vary considerably as well as levels of economical development which give cause to different types of investment with different amounts of expenditure. Also, during the transition period with socio-economic reforms many new trends have arisen and consequently have strongly influenced demographic components such as fertility, mortality and rural-to-urban migration. The data that will be used in this article are compiled in the vital statistics registry maintained by the Statistical Agency of the Republic of Kazakhstan. The National Statistical Agency is the main institution responsible for collecting, analyzing, publishing, and disseminating official socioeconomic statistics.

There are various approaches and techniques available in literature for forecasting population by different characteristics. Some are very sophisticated and rigorous while others are simpler, certainly each method and approach has its own advantages and disadvantages and its use is primarily determined by the availability of data, purpose of the forecast, forecast horizon and peculiarities of an area under the study. In the current study we will apply the “hybrid bottom-up” approach to forecasting population by urban/rural places of residence. As regard to the methods, we assume that the most appropriate for our forecasting purposes is the widely used cohort-component method with its ability to preserve age and sex composition of the population. The results anticipate that, in 2060 the proportion of urban population will increase in the country, however in general terms the pace of growth is seems to be retarded. The industrialized regions with higher percentage of non-native population will probably experience faster urbanization processes in contrast to agricultural regions, which might result in more pronounced effects of population aging in that regions. It is a well-known fact that urbanization in developing countries tend to differ in character in comparison to developed ones. The major contributor to the country's urbanization is rural-to-urban migration which is expected to increase in volume in coming several decades. According to results of this study, there seem to arise many serious questions and issues in the way of Kazakhstan to a sustainable socioeconomic and environmental development.

**Трубина А.В.,
Россия, г. Якутск**

Основные тенденции миграционных процессов северо-востока России

Северо-Восточный регион является одним из перспективнейших регионов социально-экономического развития в Российской Федерации. В этом регионе с 2007 г. запущены крупные инвестиционные проекты, для реализации которых требуется значительные объемы трудовых ресурсов. Вместе с тем за последние 20 лет наибольшее снижение численности населения произошло именно в районах северных и северо-восточных территорий страны; динамика численности населения Северо-Востока страны наглядно демонстрирует эти потери (рис. 1):

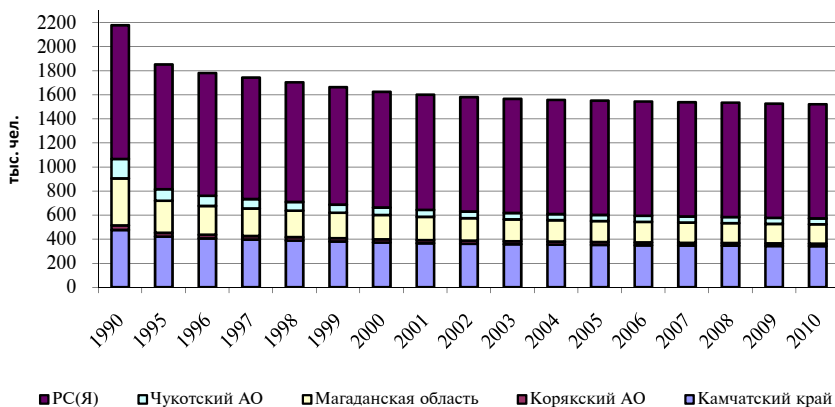

Рис. 1. Динамика численности населения Северо-востока с 1990 г. по 2010 г.

С 1990 г. численность населения Северо-Восточного региона России уменьшилась с 2175,4 тыс. чел. до 1521,8 тыс. чел. в 2010 г., потери составили 657 тыс. чел. или 30% от общей численности населения региона в 1990 г. Основной вклад в численность населения Северо-востока на протяжении всего рассматриваемого периода вносит Республика Саха (Якутия), так в 1990 г. доля Якутии в численности населения Северо-востока России составляла 51%, в 2010 г. – уже 62,4%, при этом численность населения Якутии в 2010 г. по сравнению с 1990 г. уменьшилась на 14,6%, что является наименьшим показателем убыли населения среди регионов Северо-Востока России; в Чукотском АО в 2010 г. по сравнению с 1990 г. численность населения уменьшилась на 70%, в Магаданской области – на 59%, в Корякском – на 46%, в Камчатском крае – на 28%.

Главная роль в снижении численности населения Северо-Восточного региона с начала 1990-х гг. отводится миграционной убыли, так в 1994 г. был зафиксирован пик миграционной убыли, составивший около 90 тыс. чел. В последующие годы темпы миграционной убыли снизились, однако прироста численности населения за счет миграции не наблюдается и в настоящее время. В 2010 г. по сравнению с 1993 г. миграционная убыль в Камчатском крае сократилась с 16,7 тыс. чел. до 481 чел., т.е. в 34 раза, в Чукотском автономном округе – с 11,5 тыс. чел. до 853 чел. (в 13 раз), в Магаданской области – с 19 тыс. чел. до 1,9 тыс. чел. (в 10 раз), в Республике Саха (Якутия) – с 20 тыс. чел. до 7 тыс. чел. (в 3 раза) и в Корякском автономном округе с 1,6 тыс. чел. до 521 чел. (в 3 раза) (рис. 2).

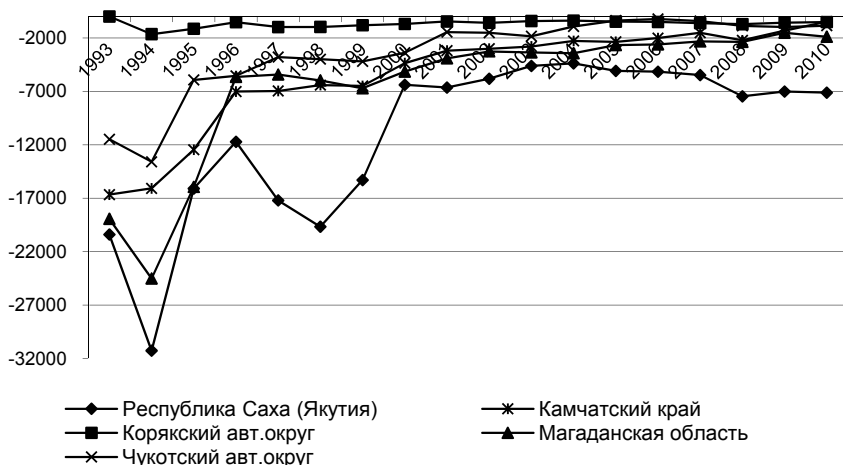

Рис. 2. Миграционная убыль населения в регионах Северо-востока РФ

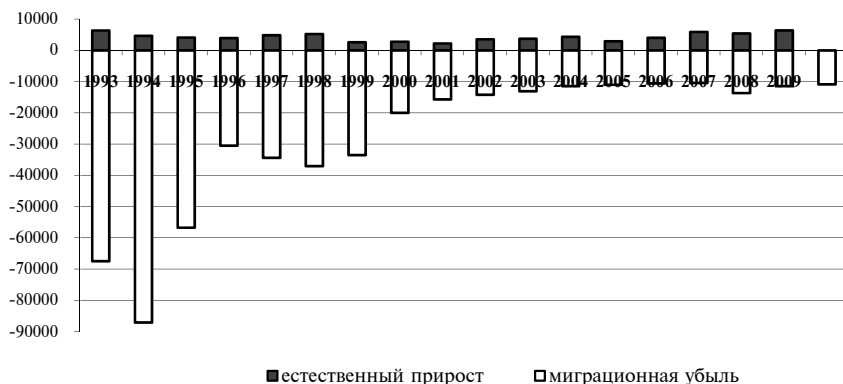

Рис. 3. Динамика компонентов изменения численности населения Северо-востока России

Положительным фактором формирования численности населения региона является естественный прирост (рис. 3). Северо-Восточный регион отличается от большинства регионов России тем, что на фоне миграционной убыли здесь сохранился естественный прирост, в то время как в среднем по стране численность умерших превышает численность родившихся (в 2009 г. – на 14%).

Миграционная убыль наблюдается во всех регионах Северо-Востока на протяжении всего анализируемого периода, а устойчивый естественный прирост отмечается только в Республике Саха (Якутия) и Чукотском АО (рис. 4.). В этих регионах с начала 1990-х гг. и по настоящее время ни разу не было отмечено превышение численности умерших над численностью родившихся, чего нельзя сказать о других регионах, входящих в Северо-Восточный регион России, таких как Камчатский край, Корякский АО и Магаданская область.

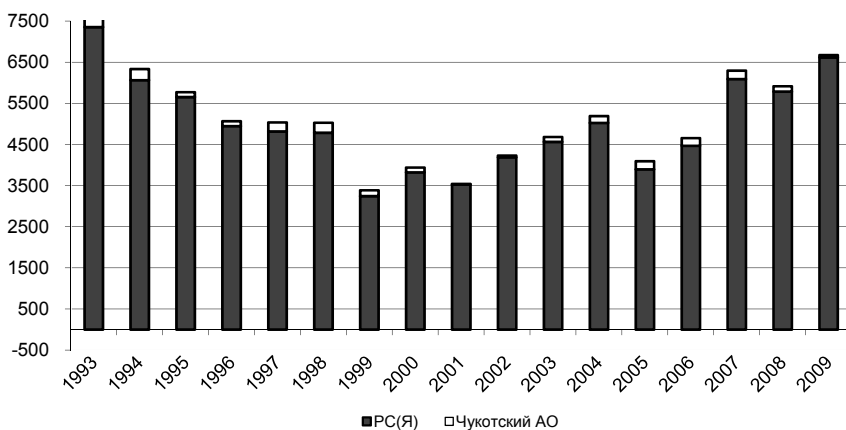

Рис. 4. Регионы Северо-востока с устойчивым естественным приростом

В этих трех регионах за весь рассматриваемый период только в 1998 г. был зафиксирован естественный прирост; в первой половине 1990-х годов и с 1999 г. на данной территории наблюдается естественная убыль. В последние годы исключением является Камчатский край, где в 2007 г. было зарегистрировано превышение численности родившихся над численностью умерших, которое наблюдается и в настоящее время.

Таким образом, естественный прирост Северо-Востока формируется главным образом за счет вклада Республики Саха (Якутия); показатель естественного прироста республики в 2009 г. превысил общий показатель региона на 3,4%. Отрицательное сальдо миграции регионов Северо-Востока с начала 1990-х гг. до 2005 г. формировалось как за счет межрегиональной, так и за счет международной миграции, начиная с 2005 г. в результате роста интенсивности миграционного обмена населением с за-

рубежными странами миграционная убыль в регионе сохраняется только за счет межрегиональной миграции (табл. 1).

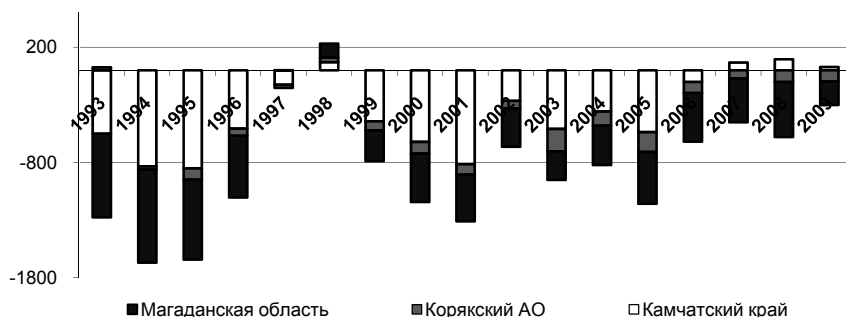

Рис. 5. Регионы Северо-востока с естественной убылью

Таблица 1

Сальдо миграции населения Северо-Востока тыс. чел.

Миграционный прирост (убыль)	Периоды		
	1993–1998	1999–2004	2005–2010
Межрегиональный обмен	-270,3	-104,7	-73,1
Международный обмен	-18,8	-1,8	7,1
Всего	-289,1	-106,5	-66,0

Источник: рассчитано по данным ФСГС РФ /

<http://www.gks.ru/dbscripts/Cbsd/DBInet.cgi?pl=9300124>

Наиболее привлекательными регионами Северо-Востока для мигрантов из-за рубежа являются Камчатский край, Республика Саха (Якутия) и Магаданская область: за период 2005–2010 гг. в Якутию прибыло 5,6 тыс. чел. (45% всех иностранных мигрантов), на Камчатку – 4,2 тыс. чел. (34%) и в Магаданскую область – 2 тыс. чел. (16%), прибытие из зарубежных стран в остальные регионы Северо-востока составило менее 0,5 тыс. чел. (5%) (рис. 6).

Иностранные мигранты прибывают на территорию Северо-востока России преимущественно из стран СНГ и Балтии (98,1%), среди которых наибольшим удельным весом обладает Украина (37%) и Киргизия (25%), и являются, прежде всего, трудовыми мигрантами (рис. 7). Основными направлениями использования иностранной рабочей силы являются: в Якутии, Чукотском автономном округе и Камчатском крае – строительство, а в Магаданской области – добыча полезных ископаемых [1; с.32].

Миграционная убыль играет значительную роль в изменении численности населения Северо-Востока, при этом основную часть выбывших из региона составляет население трудоспособного возраста. За период с 2000 по 2009 г. из регионов Северо-Востока выбыло 471 тыс. чел., из них 75%

составили мигранты в трудоспособном возрасте. Динамика возрастной структуры выбывшего населения представлена в следующей таблице (табл. 2).

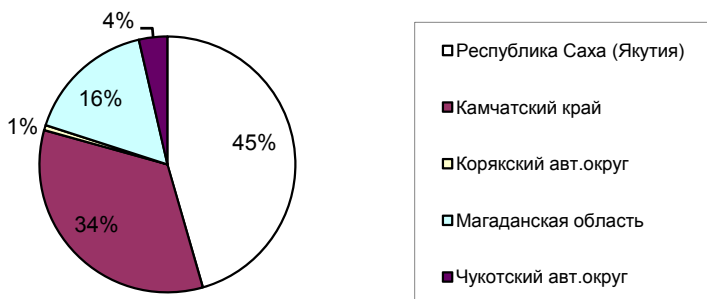

Рис. 6. Международная миграция по районам прибытия за 2005–2010 гг., %

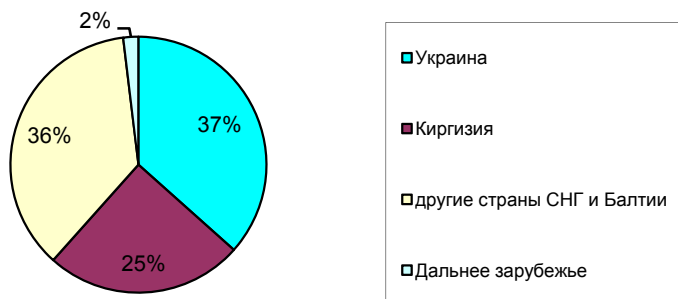

Рис. 7. Международная миграция по странам выбытия в 2005–2010 гг., %

Таблица 2

Возрастная структура выбывших из Северо-Восточного региона РФ

Годы	Возраст			Всего
	моложе	трудоспособного	старше	
2000	19,0	72,0	9,0	100
2001	17,4	73,4	9,2	100
2002	15,9	73,5	10,6	100
2003	15,3	74,3	10,4	100
2004	14,6	75,0	10,4	100
2005	15,1	74,5	10,4	100
2006	15,2	75,3	9,4	100
2007	14,7	76,6	8,7	100
2008	13,5	76,0	10,5	100
2009	11,3	76,9	11,7	100

Источник: составлено по данным ФСГС РФ / <http://www.gks.ru/dbscripts/Cbsd/DBInet.cgi?pl=9300124>.

С 2000 г. доля трудоспособного населения в структуре выбывших постоянно возрастала, составив в 2009 г. 77% против 72% в 2000 г. За последние 2 года (2008 - 2009 гг.) наблюдается повышение доли мигрантов старше трудоспособного возраста с 9% в 2007 г. до 12% в 2009 г.; удельный вес детей в возрастной структуре выбывших напротив снижается: в 2009 г. был зафиксирован перевес доли выбывших пенсионного возраста над удельным весом детей. В гендерной структуре мигрантов региона с 2000 г. по настоящее время численность женщин преобладает над численностью мужчин в среднем на 5% (рис. 8).

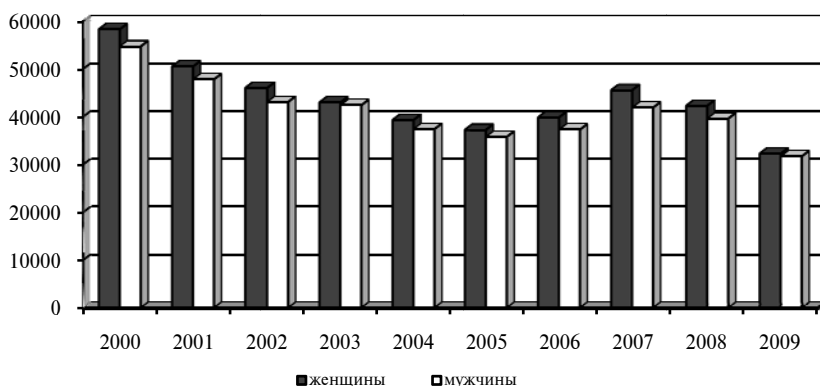

Рис. 8. Динамика миграционного оборота Северо-Восточного региона в распределении по полу, чел.

В распределении по возрастам доля мигрантов мужского пола преобладает в группе мигрантов моложе трудоспособного возраста, в 2009 г. она составила 51,2% (табл. 3). Удельный вес мужчин трудоспособного возраста с 2000 г. по 2002 г. был ниже удельного веса женщин – в среднем на 0,7%; с 2003 г. доля мужчин в данной возрастной группе стала преобладающей, составив к 2005 г. 51,1%, в последующие годы произошло незначительное снижение удельного веса мужчин в миграционном обороте, однако уже к 2009 г. доля мужчин в трудоспособном возрасте превысила долю женщин данной возрастной группы более чем на 3%. Среди мигрантов старших возрастов доминируют женщины – от 68% в 2000 г. до 71% в 2009 г., что объясняется преобладанием женщин в общей численности населения пенсионного возраста.

С начала 1990-х гг. доля внутренней миграции в миграционном обороте Северо-Восточного региона России постоянно возрастала: в 1993 г. удельный вес внутренних перемещений составлял 20%, затем он стал ежегодно увеличиваться и к 2007 г. его величина превысила 55%. Однако уже в 2008 г. впервые за весь анализируемый период было зафиксировано снижение доли внутренней миграции до 51%; в 2009 г. удельный вес внутрен-

них перемещений в миграционном обороте региона сократился до 46%, а затем и до 43% к 2010 г., что ниже показателя 2000 г. (45%) (рис. 9). Таким образом, в регионах Северо-Востока происходит снижение удельного веса внутренних перемещений при возрастании внешней миграции. Внешняя миграция состоит из межрегиональной и международной; в 2010 г. по сравнению с 2007 г. удельный вес межрегиональной миграции вырос с 40% до 51%, а международной – с 3,8% до 5,5%.

Таблица 3

Возрастно-половая структура мигрантов СВР, %

Возраст	Годы									
	2000	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009
	мужчины									
Моложе	51,4	50,9	50,0	50,7	50,0	51,1	51,4	50,0	50,3	51,2
Трудоспособного	49,4	49,8	49,8	51,2	50,7	51,1	50,0	49,1	49,9	51,7
Старше	31,7	32,6	31,4	31,4	29,2	27,0	25,6	28,1	27,2	29,5
Всего	48,3	48,6	48,1	49,4	48,6	48,9	48,3	47,6	47,9	49,3
	женщины									
Моложе	48,6	49,1	50,0	49,3	50,0	48,9	48,6	50,0	49,7	48,8
Трудоспособного	50,6	50,2	50,2	48,8	49,3	48,9	50,0	50,9	50,1	48,3
Старше	68,3	67,4	68,6	68,6	70,8	73,0	74,4	71,9	72,8	70,5
Всего	51,7	51,4	51,9	50,6	51,4	51,1	51,7	52,4	52,1	50,7

Источник: составлено по данным ФСГС РФ / <http://www.gks.ru/dbscripts/Cbsd/DBInet.cgi>.

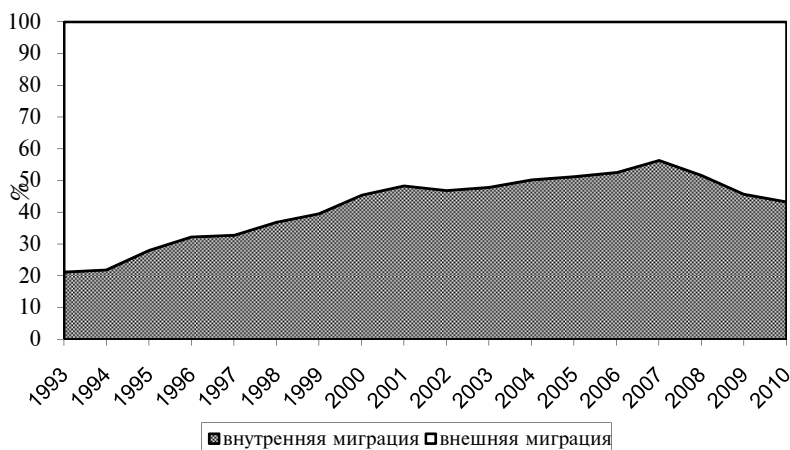

Рис. 9. Доли внутренней и внешней миграции в миграционном обороте Северо-востока России

Высокий удельный вес внутрирегиональной миграции (свыше 50%) наблюдается в Республике Саха (Якутия) (с 2000 г.) и Корякском автономном округе (с 2007 г.). В остальных регионах (Камчатский край, Магаданская область, Чукотский автономный округ) преобладает межрегиональная миграция, в Чукотском автономном округе доля межрегиональной миграции достигает 80% в общем миграционном обороте (табл. 4). Международная миграция не имеет высокого удельного веса ни в одном регионе Северо-Востока, относительно высокий показатель (13%) зафиксирован в Камчатском крае.

Таблица 4

Миграционный оборот регионов Северо-Востока по видам, %

	1993	1998	2000	2005	2006	2007	2008	2009	2010
внутрирегиональная									
Республика Саха (Якутия)	29,9	46,2	56,6	60,2	63,1	66,5	60,4	54,0	51,8
Камчатский край	15,7	23,9	25,9	32,7	30,7	32,8	35,0	31,9	29,0
Корякский авт. округ		36,1	40,4	47,7	48,4	54,7	57,4	57,3	53,0
Магаданская область	13,8	30,3	35,3	43,3	39,8	40,1	38,4	36,0	37,0
Чукотский авт. округ	9,7	18,6	17,4	25,1	19,4	20,0	12,8	16,2	16,5
межрегиональная									
Республика Саха (Якутия)	48,1	44,5	37,1	36,9	34,3	30,7	36,0	42,4	45,0
Камчатский край	61,0	64,8	66,1	62,5	64,4	60,3	59,6	60,6	58,0
Корякский авт. округ		55,5	54,9	50,8	50,5	39,5	42,2	42,3	46,3
Магаданская область	57,2	55,8	55,6	51,5	54,9	55,1	55,9	57,5	59,3
Чукотский авт. округ	56,5	67,6	71,4	72,4	76,6	75,0	82,8	80,1	80,2
международная									
Республика Саха (Якутия)	22,0	9,3	6,3	2,9	2,5	2,8	3,6	3,6	3,3
Камчатский край	23,3	11,3	8,0	4,8	4,9	6,9	5,4	7,5	13,0
Корякский авт. округ		8,4	4,7	1,5	1,0	5,9	0,4	0,4	0,7
Магаданская область	28,9	13,9	9,1	5,1	5,3	4,8	5,7	6,5	3,6
Чукотский авт. округ	33,9	13,8	11,2	2,6	4,0	4,9	4,4	3,7	3,3

Источник: Составлено по данным ФСГС РФ / <http://www.gks.ru/dbscripts/Cbsd/DBInet.cgi>.

За последние три года (2008–2010 гг.) наибольшее возрастание удельного веса межрегиональных перемещений в миграционном обороте регионов Северо-Востока произошло в Республике Саха (Якутия): в 2007 г. доля межрегиональной миграции в миграционном обороте республики составляла 31%, а в 2010 г. – уже 45%. В таких регионах, как Камчатский

край, Магаданская область и Чукотский автономный округ удельный вес межрегиональной миграции всегда превышал $\frac{1}{2}$ миграционного оборота; с 2007 г. по 2010 г. в Камчатском крае произошло некоторое снижение удельного веса межрегиональной миграции с 60% до 58%, а в Магаданской области, Чукотском и Корякском автономных округах доля межрегиональных перемещений возросла лишь на 4%, 5% и 6% соответственно (табл. 5).

Таблица 5

Доля межрегиональной миграции в общем миграционном обороте

Регионы	Доля межрегиональной миграции, %	
	2007	2010
Республика Саха (Якутия)	31	45
Камчатский край	60	58
Корякский авт. округ	40	46
Магаданская область	55	59
Чукотский авт. округ	75	80
Северо-восток РФ	40	51

Источник: составлено по данным ФСГС РФ / <http://www.gks.ru/dbscripts/Cbsd>.

В структуре миграционного оборота Северо-Востока России лидирует Республика Саха (Якутия): ее доля в 2010 г. составила более 1/2 (52%) миграционного оборота региона, далее следуют Камчатский край – 25%, Магаданская область – 15%, Чукотский автономный округ – 7% и Корякский автономный округ – 1% (рис. 10).

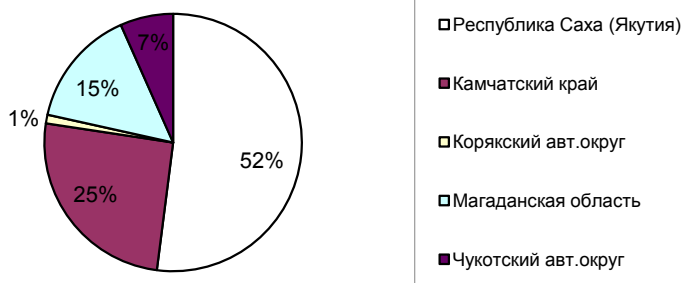

Рис. 10. Межрегиональный миграционный оборот Северо-востока России в 2010 г.

Интенсивность миграционных перемещений населения снижается на протяжении рассматриваемого периода во всех регионах Северо-Востока, причем как по прибытию, так и по выбытию, что свидетельствует о сни-

жении уровня миграционной активности населения данных регионов. В 1990-е годы, а также в начале 2000-х годов были зафиксированы самые высокие показатели интенсивности выбытий за весь рассматриваемый период, особенно в Чукотском автономном округе – более 100 чел. на 1000 населения. В последующие годы интенсивность выбытий значительно снизилась во всех рассматриваемых регионах, при этом самые низкие коэффициенты интенсивности миграции по выбытию (20–23 ‰) в настоящее время отмечаются в Республике Саха (Якутия) и Камчатском крае.

Коэффициенты интенсивности миграции по прибытиям значительно ниже выбытий во всех регионах Северо-Востока, так как во всех данных регионах сохраняется миграционная убыль. Самыми высокими показателями интенсивности миграции по прибытиям с 1993 г. по 2008 г. обладали Магаданская область, Якутия и Чукотка. В 2010 г. сдвинув Якутию с показателем 19,3‰, в тройку лидеров вошел Камчатский край. Самая низкая интенсивность прибытий наблюдается в Корякском автономном округе – 5,3‰ в 2010 г. (табл. 6).

Таблица 6

Коэффициенты интенсивности миграции, ‰

	1993	1995	2000	2005	2006	2007	2008	2009	2010
по прибытиям									
РС(Я)	32,4	29,4	29,6	20,1	22,2	26,6	22,3	15,8	15,3
Камчатский край	20,2	30,9	15,2	12,4	13,9	16,8	16,0	15,3	19,3
Корякский АО	-	29,1	8,7	3,5	3,5	7,6	8,7	5,6	5,3
Магаданская область	36,4	46,4	36,7	28,6	25,0	22,3	21,0	19,8	18,4
Чукотский АО	45,4	45,1	27,9	25,7	26,6	22,2	16,1	15,6	17,8
Всего	30,6	33,1	26,8	19,2	20,5	23,5	20,3	15,9	16,5
по выбытиям									
РС(Я)	51,1	44,7	36,2	25,5	27,7	32,4	30,2	23,2	22,8
Камчатский край	55,8	57,7	26,8	19,1	19,7	21,1	22,4	19,1	20,7
Корякский АО	-	57,5	34,5	23,5	25,2	34,9	40,9	32,4	30,4
Магаданская область	91,3	88,9	61,6	43,7	40,2	36,0	35,2	29,1	30,0
Чукотский АО	129,8	133,9	80,5	33,1	31,1	30,6	33,5	35,3	35,2
Всего	63,1	59,3	38,9	26,3	27,3	30,2	29,2	23,4	23,6

Источник: составлено по данным ФСТС РФ / <http://www.gks.ru/dbscripts/Cbsd>.

Межрегиональные связи крупнейших регионов Северо-востока за 2009 г. по прибытию представлены в таблице. В Камчатский край мигранты прибывают в основном из регионов Дальнего Востока и Сибири – по 23%, в Магаданскую область – из Центрального и Южного федеральных округов – 23% и 20% соответственно, а также из Дальнего Востока (20%) и Сибири

(19%), в Республику Саха (Якутия) направляются преимущественно из Сибири (41%), Центрального (14%) и Южного (13%) регионов.

Таблица 7

Миграционные связи по прибытию, %

	Центральный	Северо-Западный	Южный	Приволжский	Уральский	Сибирский	Дальний Восток	Всего
Республика Саха (Якутия)	14,3	3,5	13,3	11,9	4,4	40,8	11,8	100
Камчатский край	14,3	9,9	14,1	12,9	3,3	22,8	22,7	100
Магаданская область	23,0	6,3	20,4	8,0	4,1	18,5	19,7	100

Источник: составлено по данным ФСГС РФ по РС(Я), Камчатскому краю и Магаданской области за 2009 г.

Население, выбывающее из Камчатской области, направляется главным образом в Центральный округ (29%), а также Южный и Дальневосточный федеральные округа – по 16%. Для мигрантов из Магаданской области наиболее привлекательными также являются Центральный (35%) и Южный (19%) округа Российской Федерации. Население, выбывающее из Республики Саха (Якутия), направляется главным образом в районы Сибири (35%), Центральный (24%) а также Южный (13%) федеральные округа (табл. 8).

Таблица 8

Миграционные связи по выбытию, %

	Центральный	Северо-Западный	Южный	Приволжский	Уральский	Сибирский	Дальний Восток	Всего
Республика Саха (Якутия)	24,0	6,8	12,7	10,7	4,7	34,8	6,4	100
Камчатский край	29,3	14,5	16,1	9,6	2,9	11,5	16,1	100
Магаданская область	34,8	11,2	19,3	7,7	3,2	14,0	9,8	100

Источник: составлено по данным ФСГС РФ по РС(Я), Камчатскому краю и Магаданской области за 2009 г.

Таким образом, во всех регионах Северо-Востока наблюдается снижение численности населения, основным фактором снижения которой явля-

ется миграционная убыль. Положительным фактором формирования населения является естественный прирост в основном за счет вклада Республики Саха (Якутия). В регионах Северо-Востока происходит снижение удельного веса внутренних перемещений при возрастании внешней миграции. Отрицательное сальдо миграции в регионах Северо-Востока сохраняется за счет межрегиональных перемещений, а число прибытий из-за рубежа превышает число выбытий. Наиболее привлекательными регионами Северо-Востока РФ для иностранных мигрантов являются Камчатский край, Республика Саха (Якутия) и Магаданская область. Основная их часть направляется в Якутию, Чукотский автономный округ и Камчатский край для работы в строительстве, а в Магаданскую область – в отрасли добычи полезных ископаемых. В самые крупные регионы Северо-Востока население прибывает преимущественно из Сибири, Южного региона и Дальнего Востока, а выбывают преимущественно в регионы Центральной России.

Литература

1. Население и трудовые ресурсы ДФО: Атлас. Вып. 2. Трудовые ресурсы и их использование / отв. ред. П.А. Минакир; ИЭИ ДВО РАН. Хабаровск: РИОТИП, 2008.
2. Сукнёва С.А. Демографический потенциал развития населения Северного региона. Новосибирск: Наука, 2010.
3. Сукнёва С.А. Демографическое развитие региона [Текст]: оценка, прогноз, политика / С.А. Сукнёва, Т.С. Мостахова. Новосибирск: Наука, 2002.
4. Сукнёва С.А. Миграционный фактор демографического развития Республики Саха (Якутия) [Текст] / С.А. Сукнёва // Миграция и развитие: материалы междунар. конф.: в 2 т. / [под ред. проф. В.А. Ионцева]. М.: Изд-во МГУ: Мысль, 2007.
5. Трубина А.В. Внутрирегиональная сельско-городская миграция в Республике Саха (Якутия) / С.А. Сукнёва, А.В. Трубина // Региональная экономика: теория и практика. 2009. № 32 (125). С. 139–144.
6. Трубина А.В. Республика Саха (Якутия): характер миграционных процессов // Человек и труд. 2008. № 3. С. 44–45.

***Тышкевич В.П.,
Россия, г. Москва***

Изменение российской модели брачности в условиях глобализации

В современном обществе семья остается главным институтом воспроизводства населения. Развитие этого института непосредственно связано с эволюцией института брака. Не влияя непосредственно на динамику чис-

ленности населения, брачность и разводимость оказывают значимое влияние на развитие семьи, процессы рождаемости, смертности, миграции, определяющие характер и динамику воспроизводства населения в целом.

Среди основных тенденций брачности, определяющих специфику российской демографической ситуации в этой сфере, необходимо выделить следующие:

- С конца 70-ых годов начала формироваться **тенденция снижения общего числа регистрируемых браков**, явно проявившаяся с конца 80-ых годов. В 90-ые годы на снижение числа регистрируемых браков оказывало влияние демографической волны: возрастов наибольшей брачной активности достигали малочисленные поколения «детей детей войны», родившиеся во второй половине 60-ых годов. Наименьшее число заключенных браков было зафиксировано в 1998 г. – 849, после чего отмечается увеличение показателя до 1316 тыс. браков в 2011 году.

Еще более очевидной является **тенденция увеличения общего числа разводов**: при некоторых колебаниях в рамках сформировавшегося тренда миксимальное число разводов было зарегистрировано в 2002 г – 854 тыс, а в 2011 г. показатель составил 669 тыс.

Еще один показатель – соотношение числа зарегистрированных разводов и браков – имеет явную тенденцию роста при некоторых колебаниях. Его максимальное значение было зафиксировано в 2002 г. – 837 разводов на 1000 браков, в 2011 г. показатель составил 509 разводов на 1000 браков.

- **Общий коэффициент брачности**, испытывая влияние демографической волны на протяжении последних десятилетий имеет общий **тренд на снижение**. Наименьшее значение было достигнуто в 1998 году – 5,8%, в 2011 году значение составило 9,2%.

- **Растет общий коэффициент разводимости**, достигнув в 2011 г. 4,7%.

- **Территориальная дифференциация в развитии процессов брачности** выражается в значительном разбросе в показателях брачности и разводимости между регионами-субъектами РФ и их отклонении от среднероссийских показателей, что связано с различиями в половозрастной, брачной и этнической структурах населения, а также распространенностью и значимостью этнических и религиозно-культурных норм и ценностей. Так, при значении общего коэффициента брачности в 9,2% для России, его значение варьировало от 6,5% в Ленинградской области до 12,1% Ханты-Мансийском Автономном Округе – Югре; соответственно, при общем коэффициенте разводимости в 4,7% для России, его значение колебались от 0,9% в Ингушетии до 7,2% в Ханты-Мансийском Автономном Округе – Югре.

- **Сохранение явления сезонности**, проявляющегося в неравномерности распределения чисел заключаемых браков в течение года, что прямо свидетельствует о распространенности и влиятельности в обществе опре-

деленных социо-культурных и религиозных норм. Так, традиционно наименьшее число браков заключается в мае, а наибольшее – в конце лета – начале осени. Также статистика свидетельствует о снижении брачной активности в периоды длительных православных постов в декабре и апреле. При этом разрыв в сезонных колебаниях чисел регистрируемых браков составляет 3–4 раза.

Столь же явной сезонности в распределении чисел расторжений браков не наблюдается, что во многом связано с временным лагом между фактическим распадом брачного союза и его юридическим оформлением.

- **Изменения в возрастной модели брачности.** С середины 90-ых годов увеличивается средний возраст вступления в брак, достигнув сегодня около 23 лет для женщин и 26 лет для мужчин. Такое повышение показателя связано со снижением интенсивности процесса в более молодых возрастах, увеличением среднего возраста вступления в первый брак как у мужчин, так и у женщин, увеличением числа и доли повторных регистрируемых браков. В 2010 г. доля ранних браков в возрасте до 18 лет составила 0,1% у женихов и 1 % у невест. Соответственно, доля браков, в которых невеста моложе 25 лет, составила 46%, у мужчин эта доля – 30,8%, имея явную тенденцию снижения. Возрастом наибольшей брачной активности у женихов являются 25–34 года, когда ими регистрируются 46,5% браков; у невест же в этом возрасте регистрируются 37,1% браков, их возраст наибольшей брачной активности – 18–24 года. Доля поздних браков в возрасте старше 35 лет имеет слабо выраженную тенденцию роста, более явную у мужчин, что среди прочего свидетельствует о меньшей предпочтительности для женщин регистрации повторного брака. В настоящее время она составляет у женщин 16%, у мужчин – 23%. Такие изменения, хотя и медленные, свидетельствуют, тем не менее, о сближении российской и западных моделей брачности.

- Это подтверждается и **динамикой доли окончательного безбрачия.** Традиционно низкие в России показатели доли населения, никогда не состоявшего в браке к 50 годам, на протяжении последних десятилетий показывают устойчивый рост. Так, если по данным Всесоюзной переписи 1989 г. они составляли 3,7 % для мужчин и 3,5% для женщин, то по данным Всероссийской переписи населения к 2010 г. они превысили 6% для мужчин и 5% для женщин соответственно.

- **Эволюция причин прекращения брака.** Характерным для России явлением является сохранение значимости овдовения как значимой причины прекращения брака в силу высоких показателей смертности в бракоспособных возрастах, в особенности у мужчин. Так, согласно данным переписи в 2010 г. 11,9% бракоспособного населения являлись вдовыми (против 11,5% в 2002 г.), с учетом того, что часть овдовевших состояла в повторном браке и относилась к другой категории брачного состояния. При этом у мужчин эта доля составила 3,69% (против 3,51%), а у женщин – 18,02% (против 17,96%) соответственно.

В то же время, произошло усиление роли развода как причины прекращения брака; в настоящее время развод с последующим юридическим расторжением брака или без него стал основной причиной распада брачного союза. В 2010 г. к категории разведенных и разошедшихся относится 10,1% бракоспособного населения (против 11,5% в 2002 г.), в том числе 11,6% женщин (против 11,02%) и 7,39% мужчин (против 7,58%) соответственно.

Также необходимо отметить и то, что до 90-ых гг. XX столетия при росте числа разводов росло число детей и их доля, живущих в неполных семьях, что свидетельствовало о снижении роли фактора наличия детей как стабилизирующего семью и препятствующего ее распаду. С середины 90-ых гг. число таких детей устойчиво снижается, что в первую очередь связано со снижением рождаемости, уровня детности семей и ростом доли бездетных пар.

- ***Рост активности на рынке повторных браков.*** Статистика свидетельствует, что в течение 10 лет после прекращения брака более половины мужчин и около трети женщин вступают в зарегистрированный или незарегистрированный повторный брак. В настоящее время отмечается сближение показателей вступления в повторный брак у женщин и мужчин, традиционно более высоких для мужского населения: при снижении вероятности вступления в повторный брак у мужчин растет этот показатель для женщин.

- ***Увеличивается число и доля незарегистрированных брачных союзов, многообразие их форм, растет численность и доля населения, выбирающего такую форму организации своей частной жизни.*** Впервые в отечественной статистике количественная оценка распространенности незарегистрированных браков была предпринята во время проведения пробной переписи 1967 г. при подготовке Всесоюзной переписи населения 1970 г. Начиная с микропереписи 1994 г. и в последующих Всероссийских переписях населения 2002 и 2010 гг. сбор таких данных происходит на регулярной основе.

В 1994 г. 6,5% мужчин и 6,6% женщин указали на то, что их брак не зарегистрирован. По данным переписи 2002 г., из 34 млн. супружеских пар 3,3 млн. (9,7%) были незарегистрированными союзами; уже в 2010 г. из 33 млн. супружеских пар незарегистрированными были 4,4 (13%), то есть 7,6% (против 5,6% в 2002 г.) бракоспособного населения при снижении доли состоящих в браке с 57,8% в 2002 г. до 57,3% в 2010 г. бракоспособного населения соответственно.

Проводимые социологические опросы и обследования в разное время и с разной частотой свидетельствовали о том, что незарегистрированные браки, существовавшие всегда и во всех возрастах, начинают приобретать права социального гражданства, становятся приемлемой социальной нормой. В особенности это относится к повторным бракам.

• **Уровень внебрачной рождаемости**, определяемый долей детей среди новорожденных, родители которых не состоят в зарегистрированном браке, в отличие от европейских моделей брачности и рождаемости, характеризуется отрицательной динамикой. Сформировавшийся с конца 70-ых гг. устойчивый тренд роста доли внебрачных рождений, достигнув максимального значения в 2005 году 30% от общего числа рождений, изменил свою направленность. В 2011 г. доли таких рождений понизилось до 24,6%.

В настоящее время около половины внебрачных рождений регистрируются по совместному заявлению не состоящих в браке родителей, что позволяет предположить существование между такими родителями устойчивых отношений и давать косвенные оценки рождаемости в незарегистрированных союзах.

Изменяется и возрастной профиль внебрачной рождаемости: если прежде это явление было характерным для очень молодых возрастов 15–19 лет, и для зрелых возрастов старше 35 лет, то сейчас это явление стало равным образом характерным для всех возрастов, а наиболее интенсивный его рост наблюдается в возрастах наибольшей брачной активности 20–35 лет.

Значимость развития процессов брачности в складывающейся демографической ситуации, понимание и адекватная оценка перспектив формирующихся тенденций в этой сфере и их влияния на воспроизводство населения в целом требуют развития адекватных направлений и комплексов управленческих решений по отношению к этим процессам в программах социально-демографической и семейной политики на разных уровнях.

Источники

1. <http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat/rosstatsite/main/population/demography/>.
2. http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm.
3. <http://www.perepis2002.ru/index.html?id=9>.

**Фаузер В.В.,
Россия, Сыктывкар**

Последствия миграционных потерь северных регионов России

Российский Север до 1990-х гг. был привлекательным в материальном плане местом жительства. Ситуация коренным образом изменилась с переходом страны на рыночные отношения. Прежние формы и методы привлечения населения перестали работать. В то же время экономика России

зависит, и в обозримом будущем будет зависеть, от экономического потенциала северных регионов, их вклада в общий объем ВВП страны. Следовательно, в северных регионах надо иметь достаточный демографический и трудовой потенциалы, способные обеспечить необходимый уровень развития экономики Севера для удовлетворения потребности страны в углеводородном сырье, золоте, алмазах, иных стратегически важных ресурсах.

С 1990 по 2011 г. численность населения Севера России уменьшилась с 9807 до 7967 тыс. человек, т.е. совокупные потери северных территорий составили 1 млн. 840 тыс. человек. При этом на европейскую часть российского Севера приходится 67,6% потерь, на азиатскую – 32,4%. В результате изменилось соотношение в численности населения между азиатской и европейской частями. Если в начале 1980-х гг. на долю Европейского Севера приходилось более 50,0% общей численности населения, то к 2011 г. – 44,7%. Таким образом, с середины 1980-х гг. Азиатский Север стал доминировать над Европейским Севером по доле и абсолютной численности населения, и, скорее всего, эта тенденция сохранится в ближайшие десятилетия (табл. 1).

Таблица 1

Численность населения северных субъектов, территории которых полностью относятся к районам Крайнего Севера и приравненным к ним местностям в 1990–2011 гг., тыс. человек

Регионы	1990 г.	1995 г.	2000 г.	2005 г.	2011 г.
Российская Федерация	147665	148460	146890	143474	142914
Север России	9807	9111	8509	8295	7967
Европейский Север	4808	4493	4124	3877	3564
Республика Карелия	792	771	735	703	644
Республика Коми	1249	1157	1058	996	900
Архангельская область	1576	1498	1390	1305	1225
Мурманская область	1191	1067	941	873	795
Азиатский Север	4999	4618	4385	4418	4403
Республика Саха (Якутия)	1111	1037	963	951	958
Республика Тыва	313	303	306	308	308
Таймырский (Долгано-Ненецкий) АО	52	43	38	39	34
Эвенкийский АО	24	20	18	18	16
Камчатский край	477	422	372	352	321
Магаданская область	390	267	202	175	157
Сахалинская область	714	659	569	532	497
Ханты-Мансийский АО – Югра	1267	1293	1360	1469	1537
Ямало-Ненецкий АО	489	478	496	523	525
Чукотский АО	162	96	61	51	50

Следует отметить, что в последние годы в динамике населения северных территорий произошли заметные изменения. В настоящее время насе-

ление Российского Севера уменьшается медленнее, чем население России в целом. Если за период с 1990 по 2000 г. Россия потеряла 775 тыс. человек, то за последние одиннадцать лет с 2000 по 2011 г. уже 3 млн. 976 тыс. человек. На Российском Севере за 1990–1999 гг. население уменьшилось на 1 млн. 298 тыс. человек, а с 2000 по 2011 г. лишь на 542 тыс. человек. Иначе говоря, до начала XXI в. Российский Север ежегодно терял в среднем по 130 тыс. человек в год, а за последние одиннадцать лет всего по 49,3 тыс., т.е. стал терять в 2,6 раза меньше. Произошло это как вследствие начавшегося увеличения численности населения Азиатского Севера, так и вследствие сокращения темпов уменьшения населения Европейского Севера. Если в целом за 1990–2010 гг. при почти равной численности населения Азиатский Север потерял 596 тыс. человек, а Европейский – 1 млн. 244 тыс. человек, то за последние одиннадцать лет население Азиатского Севера увеличилось на 18 тыс. человек, а Европейский Север потерял 560 тыс. человек.

На Европейском Севере самые большие потери в численности населения понесла Мурманская обл. – 396 тыс. человек (33,2% от численности 1990 г.). Затем следуют Республика Коми – 349 тыс. человек (27,9%); Архангельская обл. – 351 тыс. человек (22,3%); Республика Карелия – 148 тыс. человек (18,7%). На Азиатском Севере из 10 субъектов восемь потеряли население, а два региона имели абсолютный рост. Лидером по убыли населения является Чукотский АО – 112 тыс. человек (69,1% от численности 1990 г.).

Вызывает беспокойство быстрая убыль населения Магаданской обл. – 233 тыс. человек (59,7%); Сахалинской обл. – 217 тыс. человек (30,4%); Камчатского края – 156 тыс. человек (32,7%). В Республике Саха (Якутия) потери составили 13,8% от численности населения 1990 г., но абсолютно они равны 153 тыс. человек. Кроме Чукотского АО на Азиатском Севере расположены еще четыре автономных округа. В двух из них идет убыль населения: в Таймырском (Долгано-Ненецком) – на 18 тыс. человек (34,6%) и Эвенкийском – на 8 тыс. человек (33,3%). А в двух других рост населения: в Ханты-Мансийском (Югра) – на 270 тыс. человек (121,3%) и Ямало-Ненецком – на 36 тыс. человек (107,4%). В Республике Тыва наблюдается небольшая убыль в численности населения на 5 тыс. человек (1,6%).

В большинстве северных субъектов динамика численности населения определялась миграцией. Если в период экстенсивного освоения Севера миграции способствовали росту населения, то сегодня они, наоборот, «съедают» значительную часть населения. Отрицательная миграционная динамика характерна как для Европейского, так и Азиатского Севера. Однако при этом Азиатский Север, в отличие от Европейского, на протяжении всего рассматриваемого времени отличается стабильным положительным естественным приростом.

Внутри северных субъектов в рассматриваемый период времени имело место разное сочетание естественного и механического приростов населения. В 1991–1995 гг. общий положительный прирост имели только Ханты-Мансийский АО – 23 тыс. человек и Республика Тыва – 0,6 тыс. человек. На Европейском Севере все субъекты имели отрицательные и естественный и механический приросты. На Азиатском Севере естественная убыль была только в Сахалинской области – 7582 человека, а механическая – повсеместно (табл. 2).

Таблица 2

Прирост населения северных субъектов, территории которых полностью относятся к районам Крайнего Севера и приравненным к ним местностям за 1991–2010 гг., человек

Регионы	Период	Прирост (убыль)			Среднегодовой прирост (убыль)	
		общий	естественный	механический	естественный	механический
Российская Федерация	1991–1995	17892	-2599396	2617288	-519879	523458
	1996–2000	-	-4127058	2139031	-825412	427806
	2001–2005	-	-4406566	856506	-881313	171301
	2006–2010	160585	-2007821	2168406	-401564	433681
Север России	1991–1995	-844654	58171	-902825	11634	-180565
	1996–2000	-505299	-23549	-481750	-4710	-96350
	2001–2005	-183181	-32707	-150474	-6542	-30094
	2006–2010	-292208	84423	-376631	16884	-75326
Европейский Север	1991–1995	-379853	-51645	-328208	-10329	-65642
	1996–2000	-345550	-86151	-259399	-17230	-51880
	2001–2005	-225159	-110443	-114716	-22089	-22943
	2006–2010	-274525	-46013	-228512	-9203	-45702
Азиатский Север	1991–1995	-464801	109816	-574617	21963	-114923
	1996–2000	-159749	62602	-222351	12520	-44470
	2001–2005	41978	77736	-35758	15547	-7151
	2006–2010	-17683	130435	-148119	26087	-29624

В 1996–2000 гг. имели общий положительный прирост Ханты-Мансийский АО (80 164 человека), Ямало-Ненецкий АО (11 221 человек) и Республика Тыва (687 человек), при этом Ханты-Мансийский АО имел положительные и естественный и механический приросты, а Ямало-Ненецкий и Республика Тыва – только естественный прирост. В 2001–2005 гг. положительный прирост населения Азиатскому Северу обеспечивали Республика Тыва – 2762 человека, Таймырский (Долгано-Ненецкий) АО – 738 человек, Ханты-Мансийский АО – 94 729 человек и Ямало-Ненецкий АО – 32384 человека; первые две территории имели только естественный прирост положительным, а вторые – оба прироста.

В 2006–2010 гг. демографическая ситуация на Европейском Севере оставалась по-прежнему неблагоприятной, все территории имели и естественную и миграционную убыль населения. Азиатский Север под воздействием мер демографической политики сохранил естественный прирост населения.

Понять причины, по которым население покидает Север, позволяют регулярно проводимые Росстатом социологические опросы. Среди набора предложенных мигрантам причин отъезда они выделили: причины личного, семейного характера – 54,6%; в связи с работой – 11,7%; возвращение к прежнему месту жительства – 11,4%; в связи с учебой – 10,9%.

Вышеизложенное позволяет сделать ряд выводов о последствиях миграционных потерь:

- разрушение (количественное уменьшение) демографического и трудового потенциалов приграничных северных территорий создает угрозу военной безопасности и геополитическому статусу страны;
- население северных территорий начинает стареть, демографические структуры деформируются, что в обозримой перспективе вызовет кадровый голод в ведущих отраслях экономики;
- Север теряет наиболее образованное население, т.е. имеющее высшее и незаконченное высшее профессиональное образование, что ведет к ухудшению качества трудового потенциала.

***Фокеева Л.В.,
Белоруссия, г. Минск***

Воспроизводство сельского населения Беларуси в контексте процесса демографической глобализации

Значительная часть истории развития человечества характеризовалась постоянным ростом численности населения, что было обусловлено, главным образом, высокими показателями уровня рождаемости. На рубеже XIX–XX вв. отдельные страны Европы выделились из общемировой тен-

денции роста численности населения и начали испытывать сначала стагнацию, а затем и сокращение численности населения.

Генеральные тенденции демографического развития мира во второй половине XX в. претерпевают радикальную смену, и преобладающим типосочетанием рождаемости и смертности в начале XXI в. становится режим депопуляции с существенной мезорегиональной дифференциацией. Если в 1950-х гг. уровень рождаемости в среднем в мире составлял 37,4‰ и превышал смертность на 17,8‰, то в начале XXI в. разрыв сократился до 12,0‰ за счет опережающего снижения смертности, уровень которой составил в 2011 г. 8,0‰ [1].

Соотношение рождаемости и смертности имеет значительные различия по странам и регионам, что обусловлено общественно-историческими, социально-экономическими, политическими и другими факторами. Региональная дифференциация обусловлена, главным образом, различиями в уровне рождаемости, т.к. различия в уровне смертности сnivelированы в результате успехов в области здравоохранения и завершения эпидемиологического перехода. В начале XXI в. рождаемость ниже уровня простого замещения поколений характерна для 65 стран мира, где сконцентрировано 43% населения, и число таких государств продолжает увеличиваться вместе со снижением их доли в общемировой численности населения [2].

Стадия депопуляции является закономерным эволюционным этапом демографического развития. В настоящее время такие государства Европы, как Латвия, Литва, Германия, Болгария, Венгрия, Румыния, Украина, Россия, Италия и др. испытывают сокращение численности населения, регрессию возрастной структуры, что собой пятую депопуляционную фазу «демографического перехода» или, по определению Д. Ван деКаа, второй «демографический переход». Величина суммарного коэффициента рождаемости в большинстве стран Европы не превышает 1,5, что недостаточно для простого воспроизводства поколений. К этой группе относится и Республика Беларусь. По величине условного коэффициента депопуляции Беларусь и другие постсоветские государства значительно превышают среднеевропейский уровень и формируют четкий ареал депопуляции в Восточной Европе. Таким образом, тенденция снижения рождаемости в Беларуси соответствует общеевропейской. Главной отличительной чертой является высокая смертность, особенно в сельской местности, за счет чего и формируется особый прогрессирующий характер депопуляции [3].

Таким образом, в начале XXI в. депопуляция приобретает черты глобального процесса. В 2010 г. 12 % населения мира находилось на стадии второго «демографического перехода» и 30% – на четвертой стадии первого «демографического перехода». Регионом, где процесс получил наи-

большее развитие и сформировал четкий географический ареал распространения, является Европа.

Для соотнесения глобальных тенденций с региональными и локальными необходимо учитывать особенности развития изучаемого региона. С помощью исторического и литературного методов была проведено исследование демографического развития Беларуси с первой переписи населения Российской Империи до настоящего времени, благодаря чему стало возможным использование классификационного и объяснительного компонентов теории «демографического перехода» при анализе территориальной дифференциации депопуляции в период исследования 1970–2010 гг.

На протяжении XX в. на фоне глобального процесса модернизации на территории Беларуси имели место демографические кризисы, характеризовавшиеся естественной убылью населения, последовательно сменявшиеся периодами благополучного развития. Смена этих периодов и представляет собой своеобразное проявление «демографического перехода» применительно к общественно-историческим и социально-экономическим условиям Беларуси.

На ранних стадиях «демографического перехода» накануне демографической революции в период 1890–1926 гг. на территории современной Беларуси наблюдался слабовыраженный и растянутый демографический взрыв [4, с. 165]. Смертность во второй половине XIX в. начала приобретать черты современного типа и стабилизировалась на уровне 35–36‰, в то время как рождаемость по-прежнему оставалась очень высокой (49‰) (рис. 1).

Эволюционный ход демографического развития был нарушен изменениями политического и экономического характера. В начале XX в. определяющее влияние на всю совокупность демографических отношений оказали революция 1905–1907 гг. и Столыпинская реформа, которые изменили «сущностные механизмы формирования демовоспроизводства сельского населения» [5, с. 275]. Демографический взрыв не произошел на территории Беларуси в силу объективных исторических причин. Эволюционный пик естественного прироста пришелся на 1926 г., но ему предшествовали серьезные потери населения вследствие социально-экономических трансформаций и бедствий, вызванных I мировой войной и революцией 1917 г. В 1913 г. естественный прирост составлял 19,4‰, в 1915 г. уже имела место естественная убыль в размере 3,2‰, которая в 1917 г. возросла до 8,5‰ [6, с. 15]. Этот демографический кризис сnivelировал эволюционный ход снижения смертности и определил раннее наступление второй фазы «демографического перехода».

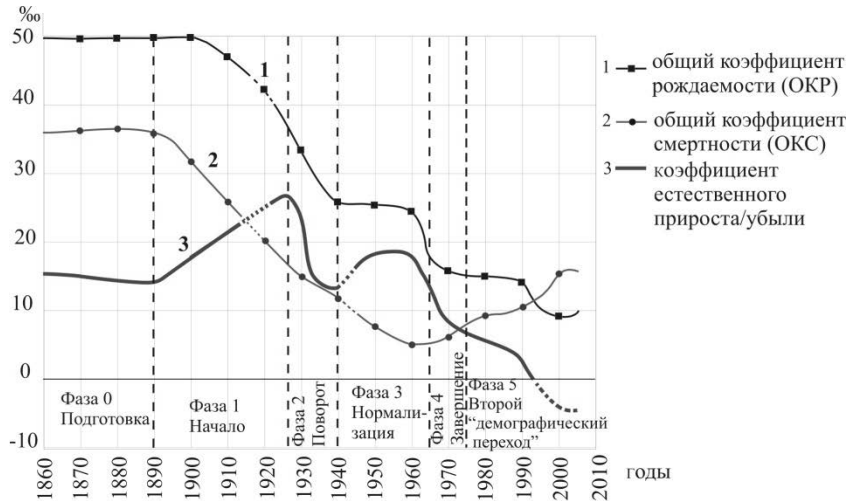

Рис. 1. Схема «демографического перехода» Беларуси [сост. автором]

Для второй фазы в классической схеме «демографического перехода» характерно некоторое замедление темпов снижения смертности и значительное ускорение темпов снижения рождаемости, что наблюдалось в Беларуси в период 1926–1940 гг. Это во многом определялось успехами в области медицины и здравоохранения, а также активным вовлечением женщин в общественное производство, но и в этот период эволюционные изменения в демографических процессах осложнялись трансформациями, вызванными коллективизацией в 1930-е гг.

Третья фаза носит название нормализации демографических процессов и для Беларуси она может быть названа так с большой долей условности, т.к. на период 1940–1965 гг. пришлось тяжелые годы Великой Отечественной войны и послевоенное возрождение. В годы войны рождаемость была на уровне 20–25 ‰, смертность в это время повышалась до 29,3 – 135,9‰ [6, с. 16], т.е. период 1941–1945 гг. правомерно назвать демографическим кризисом, который ускорил наступление четвертой фазы «демографического перехода».

Четвертая заключительная фаза «демографического перехода» подразумевает стабилизацию рождаемости и смертности на низком уровне, что обеспечивает незначительный прирост населения. На территории Беларуси эта фаза была очень короткой, точечной во временном отношении – как таковой стабилизации демографических процессов не наблюдалось. В десятилетие стабилизации рождаемости 1970–1980 гг. на уровне 16‰, смертность увеличилась с 7,6 до 9,9 ‰, после этого последовал кратковре-

менный период улучшения демографических показателей, имеющий неэволюционную природу. Незначительное снижение смертности в 1986 – 1987 гг. с 10,6 до 9,7 ‰ было вызвано антиалкогольной кампанией, а рост рождаемости с 16,5 до 17,1 ‰ – стимулирующей демографической политикой [7]. Наступление четвертой стадии в данной работе определено по соотношению рождаемости и смертности на уровне 17,9 ‰ и 6,8 ‰ соответственно, а завершение – 15,7 ‰ и 8,5 ‰, что совпадает с началом латентной стадии депопуляции. В Беларуси она наступила в середине 1960-х гг. и завершилась в середине 1970-х гг., после чего последовало снижение уровня рождаемости и увеличение смертности (за исключением 1986–1987 гг.) и, как результат, естественная убыль населения.

Таким образом, особый сценарий «демографического перехода» в Беларуси проявился через последовательную смену демографических кризисов, которые, нарушая эволюционный ход демографического развития, ускоряли поэтапное изменение демографических процессов. Последствия этих кризисов до сих пор оказывают влияние на демографическое развитие, в первую очередь в связи с трансформациями в возрастной структуре и размещении населения.

Для сельского населения Беларуси завершение первого «демографического перехода» произошло в середине 1960-х гг., и в начале 1970-х гг. в некоторых районах уже наблюдалась естественная убыль населения. Это во многом объясняется «урбанистическим бумом», который изменил соотношение сельского и городского населения к 1975 г. в пользу последнего. Основным источником роста городов явилось население прилегающей сельской местности, что вызвало быстрое сокращение общей численности сельского населения, нарушение возрастной структуры, увеличение уровня смертности и снижение рождаемости. В 1970-е гг. сельские поселения обеспечили 2/3 прироста населения городов республики [8].

До 1960-х гг. сельское население обеспечивало больший естественный прирост, чем городское, а уже к середине 1970-х гг. оно начинает нести естественные потери, нарастающие с каждым годом. Если в 1970 г. естественный прирост составил 4,8 ‰, то уже через 10 лет прирост сменился убылью, смертность превысила рождаемость сельского населения Беларуси на 2,0 ‰

К концу 1980-х гг. естественная убыль населения увеличилась почти в два раза, а к 1999 г. достигла 13,8 ‰. В последние годы характерна стабилизация данного показателя: в 2010 г. разница между рождаемостью и смертностью сельского населения республики составила – 13,6 ‰. При этом наблюдается существенная дифференциация уже на уровне областей, как в интенсивности протекания процесса, так и в его длительности. В Витебской, Гродненской и Могилевской областях она была отмечена уже в

1975 г., в Минской – в 1980 г., в Брестской и Гомельской – в 1985 г. Мезорегиональные отличия в завершении первого «демографического перехода» и наступлении второго четко прослеживаются в направлении с северо-востока на юго-запад республики. Исключение составляет Минская область с самым высоким уровнем социально-экономического развития, концентрирующей роль крупного городского центра и относительно большей устойчивостью демографического развития (рис. 2).

Рис. 2. Характер динамики компонентов депопуляции сельской местности по мезорегионам Беларуси, 1970–2010 гг. [сост. автором]

При переходе на микроуровень (административные районы) дифференциация в развитии демографических процессов значительно усиливается. Нарушение четкой географической зональности в направлении с северо-востока на юго-запад происходит ввиду усиливающейся поляризации сельской местности под влиянием развития сети городских поселений.

В результате проведенного исследования были выявлены следующие пространственно-временные тенденции в характере естественного движения сельского населения за период 1970–2010 гг.: произошло расширение ареала демографической депрессии в направлении с северо-востока на юго-запад; южные полесские районы характеризуются наибольшей зональной устойчивостью демографических параметров; происходит фрагментация демографического пространства под влиянием развития сети городских поселений и улучшение демографических параметров в пригородных районах.

Таким образом, в характере естественного движения сельского населения Беларуси за период 1970–2010 гг. выявлена значительная пространственная дифференциация, которую необходимо учитывать в процессе государственного регулирования и разработке региональных программ демографической безопасности.

Источники

1. World population data sheet 2011 Population Reference Bureau. 2011 [Electronic resource] – Mode of access: <http://www.prb.org/Publications/Datasheets/>
2. 2011/2011wpds.aspx – Дата доступа: 10.03.2012.
3. Щербакова, Е. Рождаемость снизится с 2,65 до 2,05 ребенка на женщину // Население и общество. Информационный бюллетень Центра демографии и экологии человека Института народнохозяйственного прогнозирования РАН № 233-234 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.demoscope.ru/weekly/2006/0233/barom03.php> – Дата доступа: 15.03.2012.
4. Фокеева, Л.В. Система взглядов на проблему депопуляции населения / Л.В. Фокеева // Вест. БГУ. – Сер.2. Химия. Биология. География. – 2007. – № 3. – С. 93 – 100.
5. Вишневский, А.Г. Избранные демографические труды: в 2 т. / А.Г. Вишневский. – М.: Наука, 2005. – Т. 1: Демографическая теория и демографическая история. – 367 с.
6. Эберхардт, П. Дэмаграфічнаясітуацыя на Беларусі: 1897 – 1989 гг. / П. Эберхардт. – Берасьце: Belfort, Беларускі Фонд Сораса, 1997. – 282 с.
7. Никитенко, П.Г. Демографические проблемы социума: состояние и тенденции развития в Республике Беларусь / П.Г. Никитенко, А.А. Раков. – Минск: Право и экономика, 2005. – 112 с.
8. Вишневский, А.Г. Смертность и рождаемость в Европейских постсоветских государствах / А.Г. Вишневский // Население и общество. Информационный бюллетень Центра демографии и экологии человека Института народнохозяйственного прогнозирования РАН № 30 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://demoscope.ru/weekly/archives.php>. – Дата доступа: 15.03.2012.
9. Манак, Б.А. Насельніцтва Беларусі: рэгіянальныя асаблівасці развіцця і рассялення / Б.А. Манак. – Мн.: Універсітэцкае, 1992. – 176 с.

***Чебанова Л.А.,
Россия, г. Москва***

Демографический кризис в Тверской области: состояние, причины, последствия, пути выхода

Тверская область расположена на западе России и является самым крупным по площади регионом в составе Центрального федерального округа (ЦФО), занимая 84,2 тыс. км². Находясь между Москвой и Санкт-Петербургом, она представляет собой транзитную территорию, связывающую Центр с северо-западными и северными регионами Европейской России, странами Балтии и Скандинавии. Такое особое географическое положение Тверской области относительно двух крупнейших политических и экономических центров России определяют в значительной степени особенности ее демографического развития, которое вот уже на протяжении двух десятилетий характеризуется неблагоприятными тенденциями.

Население Тверской области в 2010 г. составляло 1 млн. 354 тыс. человек* (по результатам переписи населения) и по данному показателю она занимает 33 место в стране. Область является одним из наиболее пострадавших от оттока населения регионов за последние 80 лет. В связи с урбанизацией (как внутриобластной, так и в Москве, Санкт-Петербурге) и интенсивной индустриализацией в 1920–30-е гг. и продолжавшейся в послевоенное время, население Тверской области сократилось почти на 2 млн. чел. (с более чем 2,5 млн. человек в начале XX века до 1,3 млн. человек в начале XXI в.).

Если естественная убыль населения в Тверской области фиксируется, начиная с середины 1960-х годов, то миграционный отток начался с 1945–1950-х годов, что еще более усугубило демографическую ситуацию. Таким образом, во второй половине XX века (после «демографической ямы» 1945–1950 годов) прослеживается явная тенденция к сокращению численности постоянного населения Тверской области, при этом одновременно с количественным происходит качественное изменение состава населения - центры влияния (Москва и Петербург) оттягивают наиболее квалифицированную и активную часть населения – прежде всего молодежь, что приводит к значительному старению населения (доля населения старше трудоспособного возраста в области составляет 25,7%, по сравнению с 21,6% в среднем по стране). В итоге, на протяжении всего XX века Тверская область выступала донором человеческих ресурсов для растущих

* здесь и далее – официальные данные Федеральной службы государственной статистики (Росстат) – www.gks.ru.

городов и промышленных центров прежде всего Московской и Ленинградской областей. Регион в начале XXI в. продолжал терять население в силу оттока молодежи в города и за пределы региона, система расселения изменялась.

Высокий уровень естественной убыли населения Тверской области (в 2010 году – $-9,1\%$, по сравнению с $-1,7\%$ в среднем по России и $-4,5\%$ в среднем по ЦФО) обусловлен сверхвысокой смертностью населения ($20,1\%$), прежде всего в трудоспособном возрасте: показатели смертности населения области, в том числе и в трудоспособном возрасте, в 1,4 раза превышают средние по ЦФО и РФ и она занимает печальное второе место в стране. Уровень рождаемости ($11,1\%$) в целом соответствует среднему по России и ЦФО, средняя ожидаемая продолжительность жизни на 2009 год составила 65,3 лет, что ниже среднего по РФ и ЦФО показателей ($68,7$ и $69,4$ лет соответственно). Миграция не компенсирует потери в численности населения: наибольший миграционный приток в регион фиксировался в начале-середине 1990-х годов за счет возвратной миграции из стран СНГ и переселенцев с Севера. Далее миграционная привлекательность региона стремительно снижается, в 2000–2001 годах миграционное сальдо становится вновь отрицательным и начинает расти с 2003 года, прежде всего за счет мигрантов из Казахстана, Узбекистана, Киргизии, Туркменистана, Армении, Азербайджана, Украины и Молдовы. По состоянию на 2009 год сальдо миграции по Тверской области составляло 22% , при этом сальдо межрегиональной миграции – отрицательное и составляет $-22,5\%$; в то время как в 2010 г. коэффициент миграционного прироста был уже отрицательным – -3% ,

В итоге, естественная убыль населения, отрицательное сальдо межрегиональной миграции, долгосрочный тренд оттока населения из Тверской области в Петербургскую и Московскую агломерации негативно сказываются на социально-демографическом развитии региона в целом и являются одним из наиболее значимых факторов депопуляции. Напряженная демографическая ситуация в Тверской области проявляется в дальнейшем снижении численности населения, диспропорциях половозрастной структуры, увеличении демографической нагрузки на трудоспособных лиц, сохранении существенной естественной убыли и миграционного оттока населения.

С учетом сложившейся демографической ситуации и перспективных задач в сфере социально-экономического развития региона для выхода из демографического кризиса необходима действенная система мер демографической политики. Ее основной целью является постепенное формирование предпосылок стабилизации численности населения и последующего демографического роста, достижение оптимальной структуры и

качества человеческого потенциала. Стратегическими направлениями демографической политики должны являться:

- 1) закрепление тенденции замедления снижения численности населения, выход из затянувшегося демографического кризиса;
- 2) дальнейший рост рождаемости и уменьшение смертности, рост продолжительности жизни населения;
- 3) укрепление института семьи, возрождение и сохранение духовно-нравственных традиций семейных отношений, стимулирование рождаемости и укрепление института семьи;
- 4) улучшение миграционной ситуации.

Реализация программных мероприятий демографической политики позволит решить ряд приоритетных задач развития народонаселения Тверской области:

- 1) в области укрепления здоровья и увеличения ожидаемой продолжительности жизни населения:
 - повышение качества и доступности медицинской помощи населению;
 - развития ранней диагностики и профилактики сердечно-сосудистых заболеваний, снижение смертности населения от онкологических заболеваний;
 - улучшение качественных показателей здоровья женщин и детей;
 - формирование здорового образа жизни как приоритета общества;
 - снижение смертности населения от внешних причин – несчастных случаев, травм, отравлений, в том числе алкоголем;
 - предупреждение и сокращение алкоголизма, наркомании, табакокурения;
 - предупреждение дорожно-транспортного травматизма (в том числе – детского);
 - социальная поддержка граждан пожилого возраста и инвалидов;
- 2) в области стимулирования рождаемости и укрепления института семьи:
 - обеспечение эффективной занятости населения, в том числе членов молодых семей;
 - повышение доступности жилья для населения, в том числе для молодых семей;
 - безвозмездное кредитование и субсидирование жилищных программ при рождении детей;
 - развитие инфраструктуры, способствующей помощи семье при рождении и воспитании детей;

- материальное стимулирование рождаемости, укрепление и развитие социальной поддержки семей с детьми;
- развитие системы дошкольного образования, обеспечение доступности ее услуг для всех семей;
- развитие семейных форм устройства детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей;
- проведение эффективной индивидуальной профилактической и реабилитационной работы с семьями и детьми, попавшими в социально-опасную ситуацию;
- организация полезного досуга семей, детей, подростков и молодежи;
- формирование системы общественных и личностных ценностей, долгожданности деторождений и планирования численного состава семей;

3) в области улучшения миграционной ситуации:

- стимулирование возвращения в муниципальные образования приграничья населения, ранее выехавшего в другие районы России и за ее пределы по социально-экономическим мотивам;
- дальнейшее проведение мероприятий по борьбе с незаконной миграцией и легализацией иностранной рабочей силы;
- регулирование потоков трудовой миграции с учетом квалификации иностранных работников и потребностей районов в кадрах;
- привлечение необходимых категорий мигрантов, прежде всего соотечественников из-за границы, что позволит увеличить степень компенсации естественной убыли и создать предпосылки для стабилизации численности населения.

Ожидаемые результаты активной реализации демографической политики могут выразиться в следующих изменениях демографической и социальной ситуации:

- повышение уровня рождаемости за счет рождения в семьях второго ребенка и последующих детей;
- сохранение и укрепление здоровья населения;
- снижение уровня смертности, особенно населения в трудоспособном возрасте, материнской и младенческой смертности;
- увеличение продолжительности жизни населения;
- формирование мотивации для ведения здорового образа жизни посредством социально-психологической работы с жителями;
- улучшение материально-технического обеспечения учреждений здравоохранения;
- повышение эффективности социальной инфраструктуры (образования, социальной защиты населения);
- усиление государственной поддержки семей, имеющих детей.

*Чернов А.С.,
Россия, г. Мурманск*

Статистическое моделирование миграционных процессов Мурманской области

Введение

Вопросы освоения окраинных территорий и их заселения жителями своей страны или прибывающими переселенцами многими странами решалась по разному. Россия, с ее огромными территориями на протяжении достаточно длительного периода времени решала (частично) эту проблему за счет предоставления различных льгот для переселенцев. Но наибольших результатов, в плане переселения людей с центральных областей в районы Сибири, Дальнего Востока и Крайнего Севера, удалось получить только в годы Советской власти. Во-первых, это было достигнуто за счет планового регулирования перемещения трудовых ресурсов в районы освоения новых земель. Во-вторых за счет создания мощной системы предоставления льгот конкретному переселенцу и внимательному отношению к его трудностям и тем **сложностям**, которые испытывает **человек**, прибывающий на новое постоянное место жительства. Наряду с переселением государство осуществляло промышленную колонизацию края, тем самым создавая рабочие места для переселенцев. На практике реализовались крупные инвестиционные проекты. Параллельно создавалась социальная инфраструктура. Строились больницы, школы, учебные заведения, дома культуры и другие социальные объекты. Какие были разработаны льготы. Например, Совет Народных Комиссаров РСФСР Постановлением от 8 сентября 1931 г. № 957 «О хозяйственном развитии районов Крайнего Севера» предлагало создания в районах Крайнего Севера государственной, лесной, химической, рыбоконсервной, каменной, угольной, нефтяной и кожевенной промышленности. Предлагалось создать в районах Крайнего Севера мощную рыбодобывающую и перерабатывающую рыбную промышленность путем развития (рост товарной рыбной продукции намечалось довести в 1931 году до 598 000 тонн) на базе развертывающейся коллективизации рыболовецких хозяйств и строительства крупных государственных рыбопромышленных предприятий. Планировалось снабжать население районов Крайнего Севера предметами промыслового снаряжения и личного потребления, с расширением торговой сети до 1398 единиц. Разрабатывались мероприятия по развитию здравоохранению и народному образованию населения Крайнего Севера, с доведением к 1931 году количества больничных коек до 1042, врачебных амбулаторий до 51, фельдшерских пунктов до 70 единиц и охват школами в 1930 году до 19% детей школьного возраста. Такой внимательный государственный подход в трудные для страны времена давал определенные результаты. Темпы заселение Коль-

ского края непрерывно росли. В 1930 году в Мурманске проживало 20 000 жителей, а в 1935 году эта цифра составила свыше 100 000 человек, то есть увеличилась почти в 5 раз за столь короткий промежуток времени. Появлялись новые отрасли. Значительные запасы никелевых руд, открытые в Мончегундре, послужили основой для создания цветной металлургии в Мурманском округе. В построенном городе Мончегорске уже в 1938 году вступил в строй медно-никелевый комбинат Североникель. Учитывая быстрое промышленное развитие края и его богатые перспективы, правительство СССР в 1938 году преобразовало Мурманский округ Ленинградской области в Мурманскую область. В те трудные времена особое внимание уделялось созданию системы образования в регионе. В 1920-е годы главной задачей нового государства являлось ликвидация неграмотности и введение всеобщего обучения. В результате выработки льгот для учащихся (обеспечение учащихся общежитием, одеждой, горячими завтраками, организация подвоза детей в школу) в 1930 основная масса детей Мурманского округа (7400) обучались в 47 школах и посещали 3 детсада. В 1940 число учащихся увеличилось до 42 153, школ – до 159, детсадов – до 74. В них работало около 1600 учителей. Наиболее успешно работали школы № 17(1) г. Мурманска, № 1 г. Кировска, Кольская средняя. Росло финансирование системы образования. Если в 1930 оно составляло 574 тыс. руб., то в 1934 – 6,5 млн. руб. За четыре года финансирование образования увеличилось почти в 11 раз (фантастика). Для школ стали строить специальные каменные здания. Существенный вклад в создание материальной базы школ вносили промышленные предприятия. В 1934 бюро Мурманского окружного комитета ВКП(б) закрепило школы за предприятиями и организациями, обязав их осуществлять шефскую помощь. Часть школ II ступени были реорганизованы в техникумы – МПУ, ММУ, горно-химический и медицинский. Для подготовки рабочих массовых профессий были созданы школы фабрично-заводского обучения. В 1939 г. создано первое высшее учебное заведение в регионе: Мурманский учительский институт, открыт Мурманский областной институт усовершенствования учителей. Начала формироваться интеллигенция из представителей коренных народов Севера. В большинстве своем это были учителя, обучавшиеся на отделении народов Севера ЛГПИ им. Герцена и в Мурманском педагогическом училище (МПУ). К концу 1930-х создание структуры системы образования области в основном завершилось (это общеизвестные исторические факты, показывающие с чего надо начинать чтобы добиться экономического развития)..

В трудные послевоенные годы (после первой мировой и опустошительной гражданской войн) в целях становления экономики и освоения богатств Севера для приезда и закрепления людей на новых территориях Советская власть предоставляла им льготы. Положение о льготах для лиц, работающих на Крайнем Севере РСФСР, утвержденное ВЦИК и СНК РСФСР 10 мая 1932 г., положительно повлияло на успешное развитие про-

изводительных сил северных территорий. Перечень приравненных к районам Крайнего Севера местностей впервые был определен постановлением СНК СССР от 18 ноября 1945 г., сразу после окончания войны, для того чтобы управлять послевоенными миграционными потоками. Многие фронтовики в то время решали проблему, где остановиться и начать обустроить свою жизнь: необходимо было строить дом и зарабатывать на жизнь. В той тяжелой ситуации государство предложило особые социальные и экономические льготы для приезжающих на Север людей, которыми многие воспользовались для повышения своего жизненного уровня. Так было вплоть до рыночных преобразований. Принимались государственные решения, которые усиливали роль и значение северных льгот и способствовали закреплению прибывающих людей для проживания людей на постоянной основе.

Принимались государственные решения, которые усиливали роль и значение северных льгот и способствовали положительной миграции в северные регионы. Так, с 01.01.1968 г. были введены районные коэффициенты к заработной плате рабочих и служащих предприятий, организаций легкой и пищевой промышленности, просвещения и здравоохранения, жилищно-коммунального хозяйства, науки, культуры и других отраслей народного хозяйства в районах Дальнего Востока и Европейского Севера. Кроме того, для лиц, работающих в районах Крайнего Севера и в местностях, приравненных к ним, были установлены очередные процентные надбавки к заработной плате при меньшем стаже работы в этих регионах. Также имели преимущества в оплате труда рабочие и служащие, привлекаемые для работы во вновь осваиваемые районы. Способность предоставляемых льгот регулировать миграционные потоки отмечали советские ученые Д.И. Валентей и И.Ф. Сорокина [1, с. 27].

Миграционная ситуация в Мурманской области в условиях становления рыночных отношений

Политика Советской власти, в области заселения Северных регионов, способствовала увеличению численности населения Мурманской области. В 1990 году этот показатель достиг своего пика -1191,5 тысяч человек и затем начал стремительно сокращаться за счет массового оттока людей с районов Крайнего Севера в результате развала бывшего Советского Союза и становления стихийных рыночных отношений. Все население Мурманской области в 2010 году составило 836,7 тысяч человек, что по сравнению с 1990 годом сократилось почти в 1,4 раза. Наметившиеся отрицательная динамика снижения численности населения Мурманской области, как показывают расчеты, носит устойчивый и долговременный характер. Как видно из таб.1 на территории всех муниципальных образований Мурманской области сохраняется миграционная убыль. Наибольшее увеличение миграционной убыли наблюдается в Кольском районе. Кольский район

обладает значительным промышленным потенциалом. На территории района имеются разведанные полезные ископаемые: апатито-магнетитовые, медно-никелевые и титановые руды.

Таблица 1

**Миграция населения в муниципальных образованиях Мурманской области
в 2007 и 2010 годах**

Наименование муниципального образования	Прибывшие, чел.		Выбывшие, чел.		Миграцион- ный прирост, убыль(-) насе- ления	
	2007	2010	2007	2010	2007	2010
<u>ГОРОДСКИЕ</u>						
<u>ОКРУГА</u>						
город Мурманск	3722	4948	5867	6484	-2145	-1536
город Апатиты с подведомственной территорией	1078	1028	1174	1062	-96	-34
город Кировск с подведомственной территорией	759	544	729	720	+30	-176
город Мончегорск с подведомственной территорией	947	1254	1358	1179	-411	+75
город Оленегорск с подведомственной территорией	230	867	1011	1203	-781	-336
город Полярные Зори с подведомственной территорией	440	373	479	532	-39	-159
<u>МУНИЦИПАЛЬНЫЕ</u>						
<u>РАЙОНЫ</u>						
Ковдорский район	385	281	605	625	-220	-344
Кандалакшский район	758	558	1158	1331	-400	-773
Кольский район	997	934	1324	1743	-327	-809
Ловозерский район	266	180	368	346	-102	-166
Печенгский район	1188	843	1411	1421	-223	-578
Терский район	49	34	159	186	-110	-152

Увеличивается поток уезжающих людей из Кандалакшского района. Район имеет развитую транспортную инфраструктуру. На территории действует алюминиевый завод, выпускающий алюминий разных марок, построенный и введен в действие в 1951 году. В настоящее время предприятие является филиалом крупной частной компании ОАО «Сеул». Регион обладает значительными запасами строительных материалов, гранита, слюды, торфа, апатито-нефелиновых и редко металльных руд. Особую тревогу вызывает наметившиеся тенденция миграционной убыли города Кировска с подведомственной территорией. Обладая значительным промыш-

ленным потенциалом, созданным за продолжительный период времени, он должен только развиваться, привлекая для этих целей квалифицированных рабочих с других регионов страны. На этой территории имеется крупнейшее в мире месторождение апатито-нефелиновых руд, открытое в 20-е годы, в сложных климатических условиях отрядом советских геологов. В 1929 была добытая и отгруженная первая партия промышленной руды. Построив обогатительные фабрики, предприятие начало производить апатитовый концентрат, используемый для выработки фосфатных минеральных удобрений.

Таблица 2

Регрессионные модели показывающие зависимость между выбывшими людьми и безработицей в регионах Мурманской области за период с 2006 по 2010 гг.

Годы	Регрессионная модель	Множественный R	R квадрат
2010	$Y=1,896X - 371$	0,981	0,962
2009	$Y=1,273X - 401$	0,967	0,935
2008	$Y=2,275X - 601$	0,957	0,935
2007	$Y=1,745X - 617$	0,856	0,732
2006	$Y=1,599X - 725$	0,735	0,541

Для дальнейшего исследования миграционных процессов мы использовали построенные регрессионные модели, по годам, для муниципальных образований Мурманской области. Модели являются вспомогательным инструментом и не могут по своей сути ответить на многие актуальные вопросы. Один из факторов, влияющих на выезд людей из рассматриваемых регионов, является уровень безработицы. Численность безработных (X) мы включили в создаваемые регрессионные модели. Безработица наблюдается во всех муниципальных образованиях Мурманской области. Второй фактор, отобранный нами для включения в модель и значительно влияющий на принятие решения человеком мигрировать в другие регионы, является ввод жилья. Но пришлось от этого отказаться, так как в регионах не вводится ни какого строительства жилья. Строительная инфраструктура региона разрушена, а новой строительной инфраструктуры не создано. Проанализируем таблицу 2 в которой отражены миграционные модели показывающие взаимосвязь между фактором численности безработных и результативным признаком: численностью выбывших граждан за пределы муниципальных образований (Y) за период с 2006 по 2010 годы. Значимость модели регрессии оценивалось по проверке качества всего уравнения регрессии. При анализе качества модели регрессии, в первую очередь, необходимо использовать коэффициент детерминации. Коэффициент детерминации показывает долю вариации результативного признака, находящегося под воздействием изучаемого фактора, т.е. определяет, какая доля вариации признака Y учтена в модели и обусловлена влиянием на

него фактора X . Чем ближе R квadrat к 1, тем выше качество модели. Для оценки качества регрессионных моделей часто используют коэффициент множественной корреляции (индекс корреляции) R . Данный коэффициент является универсальным, так как он отражает тесноту связи и в некоторой степени точность модели, а также может использоваться при любой форме связи переменных.

Из таблицы видно, что влияние фактора численности безработных на количество выбывших людей со временем возрастает. Не имея возможности найти работу многие жители Мурманской области, в трудоспособном возрасте, уезжают за пределы области в другие, более благоприятные регионы страны. Так доля влияния фактора X на резульtативный признак Y возросла с 0,541 в 2006 году до 0,962 в 2010 году. За этот период значительно увеличился и коэффициент множественной корреляции. Важную роль в регрессионной модели играет коэффициент регрессии который показывает, как в среднем изменится резульtативный признак (Y), если факторный признак (X) увеличится на единицу. Как показывает статистический анализ возрастающий уровень безработицы в дальнейшем все в большей степени будет влиять на миграцию жителей Мурманской области. Все больше и больше людей будет покидать районы Крайнего Севера, переезжая в более благоприятные климатические условия для дальнейшего проживания и работы. Мы не будем делать каких-либо прогнозов, но складывающаяся негативная ситуация в миграции людей с районов Крайнего Севера, Сибири и Дальнего Востока требует незамедлительного вмешательства государства, так как речь идет о геополитических интересах России.

Заключение

Валентей, Дмитрий Игнатьевич, экономист, демограф, Заслуженный деятель науки РСФСР подчеркивал о значительной важности предоставляемых льгот для эффективного распределения трудовых ресурсов внутри страны. Политика предоставления льгот государством не только создавалась, но и совершенствовалась и была направлена на создание комфортных условий для жизни прибывающим в районы Крайнего Севера и другие приравненные районы переселенцев. Строилось жилье, школы, детские сады и ясли, открывались учебные заведения высшего и среднего звена. Разрабатывались и реализовывались крупнейшие инвестиционные проекты по созданию промышленной базы в регионе. Строились города, дороги, создавалась строительная инфраструктура. В настоящее время ситуация изменилась. Люди уезжают с районов Крайнего Севера. Частные компании, в основном, не предоставляют льгот своим работникам. В области за время рыночных реформ, а это около 20 лет, не было реализовано ни одного крупного инвестиционного проекта.

Литература

1. Население, трудовые ресурсы СССР (проблемы размещения и пути их решения) / Отв. ред Д.И.Валентей, И.Ф. Сорокина. – М.: Мысль, 1971. – 300 с.
2. Муниципальные образования Мурманской области / Федеральная служба государственной статистики, Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Мурманской области. Мурманск, 2011 – 194 с.
3. Елисеева И.И., Юзбашев М.М. Общая теория статистики. Учебник \ Под ред. чл. - корр. РАН И.И. Елисеевой. – 4-е изд., перераб. и доп. – М.: Финансы и статистика, 1999. – 480 с.

***Чернышева И.В.,
Россия, г. Ижевск***

Государственная политика в отношении молодых семей в области решения жилищной проблемы

Современные тенденции воспроизводства народонаселения все больше зависят от особенностей демографического поведения молодежи. Одной из причин снижения рождаемости в России, по мнению многих исследователей, является уменьшение потребности в детях у современных молодых семей. Двухдетная семья выступает как подobaющий образ массового поведения людей. В тоже время результаты исследований подтверждают, что идеи бездетности также получают распространение в молодежной среде. Так, например, западное движение «child-free» («чайлд фри» — свободные от детей), особо популярно среди обеспеченных, образованных, делающих карьеру молодых людей в возрасте от 20 до 40 лет. В России, данное общество представлено пока только в Интернете.

Социологические исследования отмечают преимущественную ориентацию современной молодежи на создание семьи с двумя детьми.

Приведем результаты восьмого этапа мониторингового исследования «Молодежь Удмуртии: от фактов к интерпретации», проведенного в 2010 году Государственным учреждением «Аналитическое бюро» по заказу Министерства по делам молодежи Удмуртской Республики. Объектом социологического исследования является молодёжь в возрасте 14–30 лет, проживающая на территории Удмуртской Республики. Общий объем выборки составил 900 человек [1].

По результатам исследования, по-прежнему репродуктивное поведение ориентированное на малолетность является наиболее распространенным среди молодежи. Более половины опрошенных респондентов планируют обзавестись одним или двумя детьми (2010 год – 62%), по сравнению с 2009 годом этот процент остался на том же уровне (62%). На рождение

одного ребенка ориентировано 12,5% опрошенных молодых людей. На рождение троих детей – почти 18% опрошенных (2009 г. – 14,3%). Только 3,7% планирует более троих детей. В тоже время 4,6% опрошенных не планируют иметь детей вообще (табл. 1).

Таблица 1

**Динамика репродуктивного поведения молодежи Удмуртии
(территориальный аспект, в %)**

Сколько Вы планируете иметь детей?	Удмуртия						территория опроса		
	2004	2005	2006	2007	2009	2010	Ижевск	Малые города	Сельская местность
один ребенок	18,5	16,7	18,3	16,1	11,3	12,5	12,1	12,9	12,8
двое детей	54,1	54,9	56,0	48,6	51,1	49,5	51,6	47,3	49,0
трое детей	10,6	9,1	10,1	13,3	14,3	17,9	18,7	17,0	17,8
более троих детей	2,9	2,1	1,5	3,7	4,2	3,7	4,0	4,6	2,7
не планирую детей		2,6	2,4	3,2	3,3	4,6	3,5	4,6	6,0
затрудняюсь ответить	14,0	14,7	11,7	15,2	15,8	11,6	10,1	13,7	11,7

На малодетное поведение (1–2 ребенка) в основном ориентированы женщины (67%), чем мужчины (56%). Сильная половина опрошенных вообще сомневается в желаемом количестве детей, выбирая вариант «затрудняюсь ответить» – 18%. На троих детей ориентирована в первую очередь старшая возрастная группа 25–30 лет (25%).

В целом, можно отметить, что значительных изменений в репродуктивном поведении не отмечается, поскольку большинство по-прежнему ориентированы на двоих детей. Однако второй по популярности вариант ответа, в отличие от предыдущих лет, «трое детей», что свидетельствует о среднететной модели репродуктивного поведения.

Если ранее рассматривались установки в отношении желаемого количества детей, то далее будет изучено реальное их количество. Так, у большей части опрошенных детей нет (79,5%). Этот факт обусловлен тем, что в опросе участвовали молодые люди различных возрастных когорт, включая подростков. У 15% опрошенных есть один ребенок, только у 5% молодежи – их двое. Следует более внимательно рассмотреть группу 25–30 лет, поскольку именно в этом возрасте обзаводятся семьей и рожают детей. Так, 46% молодежи этого возраста не имеет детей вообще, у 35% есть один ребенок, у 17% – двое детей. Следует отметить, что количество детей в сельской местности и малых городах выше, чем в столице республики (табл. 2).

Таблица 2

Детность молодежи Удмуртской Республики (территориальный аспект, в %)

	Удмуртия								территория опроса		
	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009	2010	Ижевск	Ма- лые города	Село
нет	75,4	75,2	77	74,9	79,6	75,1	73,9	79,5	90,2	77,6	68,4
1 ребен- нок	17,6	17	17,4	20,5	16,1	16,3	17,4	14,9	7,2	16,2	22,9
2 детей	6,3	7,1	4,7	4,4	3,7	7	7,2	5,5	2,6	6,2	8,4
3 детей и более	0,7	0,7	0,9	0,3	0,6	1,3	1,5	0,1	0,0	0,0	0,3

Результаты ежегодного мониторинга среди молодежи Удмуртской Республики показывают, что в зарегистрированном браке состоят 18,6% молодежи, в незарегистрированном – 9,8%. В сельской местности молодёжь консервативнее и более традиционно настроена, поскольку предпочитает чаще, чем городская регистрировать брак (28,4%), чем жить в неформальных отношениях – 8,3%. Большинство молодых людей не состоит в браке (69,5%), что объясняется возрастными особенностями молодежи.

Последствия низкого уровня рождаемости весьма разнообразны и существенны. Определенную роль в откладывании рождаемости играет современная социально-экономическая ситуация в стране. Многие семьи отказываются иметь детей по причине ухудшения своего материального положения. Одна из важных проблем большинства молодых семей – отсутствие жилищных условий, что негативным образом влияет на динамику семейной структуры, снижение рождаемости в наиболее репродуктивных возрастах, высокий уровень аборт. Жилье является одной из базовых ценностей, обеспечивающих гражданам ощущение экономической стабильности и безопасности.

Множество молодых семей вынуждены отказаться от создания семьи из-за необеспеченности жилой площадью. Больше половины молодых людей живет вместе с родителями (61%), в то время, как только 34% живут отдельно. Большое количество респондентов проживают совместно с родителями, что объясняется возрастом опрошенных (табл. 3).

В настоящее время, как на уровне Российской Федерации, так и на уровне регионов, активно внедряются различные программы и проекты, направленные на решение жилищной проблемы молодых семей.

Согласно результатам исследования «Социально-экономическое положение и репродуктивные намерения молодых семей в Тульской области», проведенного в 2010 году, 37,4% респондентов ответили, что трудности с

жильём мешают иметь желаемое количество детей. По мнению более половины участников исследования (57,3%) именно государство должно стимулировать семьи на рождение большего количества детей, в том числе путем содействия в решении жилищных проблем (34,6%) [2].

Таблица 3

Место проживания молодежи Удмуртии (территориальный аспект, в %)

	Удмуртия								Территория опроса		
	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009	2010	Ижевск	Малые города	Село
да, с моими родителями	62,1	64,4	63,5	56,5	63,4	56,2	56,6	61,3	53,6	63,4	68,7
да, с родителями моей жены (мужа)	4,4	4,6	5,9	3,8	3,8	4,8	5,8	4,4	3,4	5,3	4,7
нет, я живу отдельно	33,5	31	28,8	39,5	32,7	20,7	37,6	34,2	43,0	31,3	26,3

Государственная жилищная политика – одно из приоритетных направлений государственной политики в отношении молодой семьи. Государственная жилищная политика – это система единых мер законодательного, исполнительного и контролирующего характера, осуществляемых правомочными государственными учреждениями и общественными организациями в центре и на местах в целях стабилизации и приспособления существующей социально-экономической системы к изменяющимся условиям.

Государственная поддержка молодых семей, нуждающихся в улучшении жилищных условий, может осуществляться путем:

- предоставления субсидий молодым малообеспеченным семьям на приобретение жилья;
- компенсации части затрат на приобретение или строительство жилья в случае рождения (усыновления) ребенка;
- выделения строительных материалов для индивидуального строительства (в первую очередь в сельской местности);
- предоставления многодетным малообеспеченным семьям жилых помещений из государственного и муниципального жилищных фондов по договорам социального найма;
- воссоздания или организации в отдельных субъектах Российской Федерации новых форм содействия решению жилищных проблем молодежи, подобных молодежным жилищным комплексам и жилищно-строительным кооперативам [3, с. 417–418].

Для решения данной проблемы требуется участие и взаимодействие органов государственной власти всех уровней, а также органов местного

самоуправления и других организаций, что обуславливает необходимость применения программных методов.

В целях создания системы государственной поддержки молодых семей в решении жилищной проблемы и улучшении демографической ситуации с 2006 года в Российской Федерации реализуется национальный проект «Доступное и комфортное жилье – гражданам России». Проект предполагает развитие правовой базы, бюджетную и организационную поддержку расширения спроса и предложения на рынке жилья и выполнения государственных обязательств по обеспечению жильем определенных категорий граждан.

Одно из приоритетных направлений проекта – повышение доступности жилья, в том числе предоставление субсидий молодым семьям на приобретение жилья или оплату первоначального взноса по ипотечному кредиту [4]. Механизмами реализации проекта являются федеральная целевая программа «Жилище» на 2011–2015 годы и входящие в ее состав подпрограммы, в том числе подпрограмма «Обеспечение жильем молодых семей».

Государственная жилищная политика в отношении молодых семей осуществляется с помощью нескольких федеральных и региональных программ. В соответствии с программой «Предоставление жилищных займов за счет средств бюджета Удмуртской Республики» молодые семьи, молодые специалисты и многодетные семьи могут получить льготные займы на улучшение жилищных условий из республиканского бюджета под 5 процентов годовых на срок до 20 лет. Заем предоставляется через Ипотечную корпорацию Удмуртской Республики и выдается на приобретение или строительство жилья, а также может быть использован на ремонт жилья или прокладку коммуникаций.

В рамках Подпрограммы «Обеспечение жильем молодых семей» республиканской целевой программы «Жилище» на 2005–2010 годы молодым семьям предоставляются социальные выплаты на приобретение жилья [5]. Участником подпрограммы может стать молодая семья, в том числе неполная (состоящая из одного молодого родителя и одного и более детей) в возрасте до 36 лет. Семья должна быть признана органами местного самоуправления нуждающейся в улучшении жилищных условий и поставлена на учет, а также иметь необходимые средства на оплату стоимости жилья в части, превышающей размер предоставляемой субсидии.

В течение всего срока действия Программы ее условия смягчались, чтобы большее количество семей смогли принять в ней участие. В частности, если раньше, чтобы встать в очередь на получение льготного жилищного кредита молодая семья должна была иметь не более 10 кв. м. общей площади на человека, то сейчас норма увеличена до 14 кв. м.

Постоянно расширяется и список категорий молодых семей, которые могут получить кредит на льготных условиях.

При погашении жилищного кредита молодые семьи могут воспользоваться средствами «семейного (материнского) капитала» (при рождении второго ребенка), а при рождении или усыновлении третьего ребёнка молодая семья получает дополнительную финансовую поддержку на погашение кредита из республиканского бюджета.

С 2009 года в Удмуртской Республике реализуется республиканская программа «Жилье – молодым семьям», благодаря которой, только в городе Ижевске за период с 2009 года по 1 июня 2011 года свои жилищные условия улучшили 2130 человек [5].

Чтобы выяснить, какие категории семей участвуют в республиканской программе «Жилье – молодым семьям», были проанализированы личные дела молодых семей (всего 2511 заявлений по г. Ижевску за период с 2009 года по март 2011 года) – участников данной Программы. В документах анализировались следующие данные: возраст членов молодой семьи; место работы; занимаемая должность; количество детей в семье. В ходе проведённого анализа, было выяснено, что основная категория – представители «старшей молодежи» (возраст 26–30 лет). Преобладающее количество детей в таких семьях – один ребенок (табл. 4). Что касается профессиональной деятельности, то большинство молодых семей заняты в области обрабатывающего производства.

Таблица 4

**Участники республиканской программы «Жилье – молодым семьям»
(общее количество 2 511 семей)**

	Количество участников	
	человек	%
Возраст		
21–25	444	17,7
26–30	1 134	45,2
31–35	932	37,1
Количество детей		
1 ребенок	997	64,2
2 детей	182	11,7
3 детей	26	1,7
Нет детей	346	22,3

Таким образом, крайне важным становится изучение реализации жилищной политики в области социально-демографических проблем молодой семьи в городе Ижевске. Необходимо, чтобы такие программы носили не декларативный характер, а оказывали реальную поддержку молодым семьям. Данная информация позволит выявить особенности реализации жилищной политики в городе Ижевске, выявить существующие проблемы и выработать общие рекомендации к совершенствованию и развитию данных программ.

Особенности жилищной политики Удмуртии заключаются в том, что она находится в постоянном развитии, в поиске новых путей содействия в решении жилищной проблемы молодых семей (расширение перечня возможных участников республиканской программы «Жилье – молодым семьям» и т.д.). К тому же, жилищные программы не только предоставляют возможность молодой семье приобрести жилье на льготных условиях, но и обеспечивают дополнительные рабочие места для специалистов в области строительства, а также развивают рынок жилья Удмуртской Республики за счет бюджетных вливаний.

Таким образом, решение социально-демографических проблем молодой семьи, а именно увеличение рождаемости и количества детей в семьях – приоритетное направление политики государства. От того, как правильно она будет выстроена, зависит демографическая ситуация в регионах и в целом в стране.

Источники

1. www.molody – официальный сайт Министерства по делам молодежи Удмуртской Республики.
2. Филимонова Ю.Г. «Социально-экономическое положение и репродуктивные намерения молодых семей Тульской области в 2010 году» – www.admportal.tula.ru
3. Бутов В.И. Демография: учеб. пособие. / под ред. В.Г. Игнатова. – М.: ИКЦ «МарТ», 2005. – 576 с.
4. Федеральная целевая программа «Жилище» на 2002–2010 годы, 2011–2015 годы. – Режим доступа: <http://www.fcpsdom.ru/prog.php>
5. <http://www.minstroy.ru> – официальный сайт Министерства строительства, архитектуры и жилищной политики.

***Чистякова Н.Е.,
Россия, г. Санкт-Петербург***

Изменения в соотношении числа мужчин и женщин в Северо-Западном федеральном округе

Структура населения по полу формируется рождаемостью, смертностью и миграцией в прошлом, влияет на течение этих процессов в настоящем и будущем, поскольку имеются очевидные гендерные различия в репродуктивном, самосохранительном, брачном и миграционном поведении.

По данным переписей населения 1989, 2002 и 2010 годов нарастание диспропорций в соотношении мужчин и женщин происходило по всем регионам СЗФО. Действительно, если по данным переписи 2002 года на

1000 мужчин, проживающих в СЗФО, приходилось 1165 женщин, то в 2010 году это соотношение составило 1180 женщин на 1000 мужчин. Соответствующие соотношения для Российской Федерации в целом составили 1147 и 1163.

Единственным регионом, в котором несколько уменьшился перекося в соотношении мужчин и женщин между 2002 и 2010 годом, была Ленинградская область. На каждую 1000 мужчин области приходилось соответственно 1168 (2002 г.) и 1152 женщины (2010).

Наибольшие диспропорции в соотношении полов по данным последних трех переписей отмечаются в Санкт-Петербурге, Новгородской области и в 2010 году в Республике Карелия.

Отмеченные диспропорции в соотношении мужчин и женщин имеют значительные различия в городском и сельском населении СЗФО. В городском населении они гораздо выше и имеют тенденцию к росту. Число женщин, приходящихся на 1000 мужчин в городском населении СЗФО увеличилось между переписями 2002 и 2010 года с 1183 до 1200 человек, а в сельском населении осталось почти неизменным, снизившись с 1083 до 1082 человека.

В межпереписные периоды последних десятилетий неизменно улучшается соотношение полов в сельском населении Вологодской, Ленинградской, Новгородской и Псковской областей. Это связано в первую очередь с уходом из жизни женщин старших поколений, затронутых войной и активной послевоенной миграцией в города.

В младших возрастных группах любого населения традиционно доминируют лица мужского пола, поскольку среди родившихся число мальчиков всегда превышает число девочек. Эта закономерность отчетливо видна на рисунках 8 и 9. В трех группах до 15 лет и в городском, и в сельском населении численность девочек значительно меньше числа мальчиков. Исключение составляют только две возрастные группы сельского населения Республики Карелия (0-4 года) и Республики Коми (10-14 лет), где на 1000 мальчиков приходилось почти равное число девочек (999 человек).

В возрастных группах после 15 лет на соотношение полов начинают активно влиять повышенная смертность мужчин и миграционная активность лиц обоего пола. Традиционное «вымывание» молодежи за счет миграции привело в сельском населении регионов Северо-Запада к ситуации, при которой соотношение полов в активных трудоспособных возрастах сложилось в пользу мужчин. Преобладание численности мужчин над численностью женщин появляется в населении отдельных регионов только в возрастной группе 40-49 лет вследствие повышенной мужской смертности. Окончательно существование диспропорций в соотношении численности мужчин и женщин во всех сельских регионах СЗФО формируется в возрастных группах, начиная с 50-ти лет.

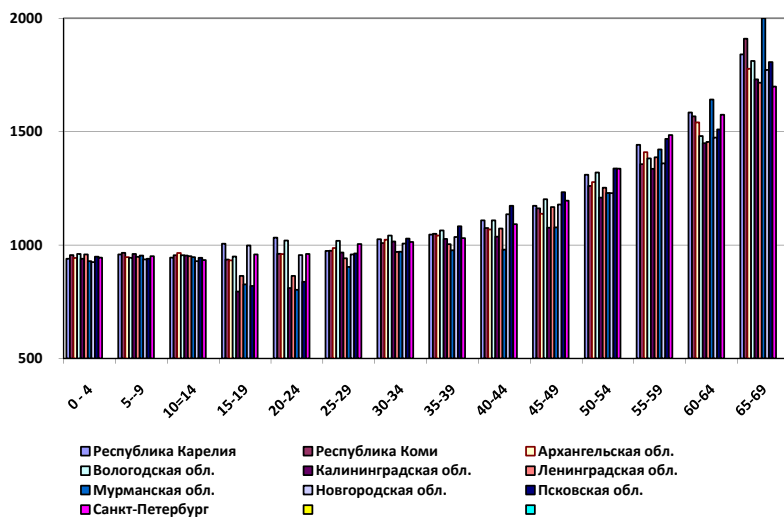

Рис. 1. Число женщин на 1000 мужчин по возрастным группам городского населения регионов Северо-Западного федерального округа (по данным переписи населения 2010 г.)

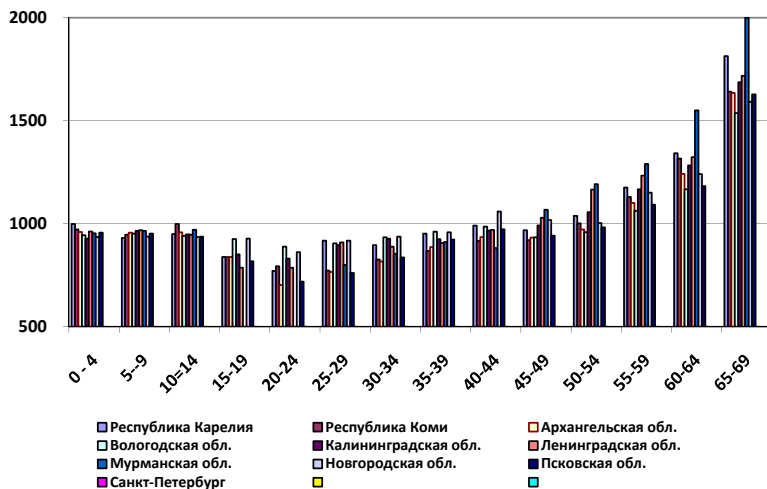

Рис. 2. Число женщин на 1000 мужчин по возрастным группам сельского населения регионов Северо-Западного федерального округа (по данным переписи населения 2010 г.)

Таким образом, активная миграция сельских женщин приводит к существованию значительных перекосов в структуре сельского населения по

полу. Еще одно последствие миграции сельских женщин в города выражается в увеличении диспропорций в соотношении полов в городском населении СЗФО и в усилении процесса старения населения за счет дополнительных контингентов женщин, доживающих до преклонных возрастов в городах.

Прибытие на жительство в города молодых мужчин-мигрантов несколько смягчает этот процесс только на первом этапе. Более высокая мужская смертность в возрасте после 30–35 лет нивелирует влияние мужской миграции на формирование структуры городского населения СЗФО по полу.

Сравнение публикаций переписей 2002 и 2010 годов указывают на смещение появления диспропорций в численности мужчин и женщин в более молодые возрастные группы.

По данным переписи населения 2010 года в городском населении регионов Северо-Запада первые признаки изменения структуры по полу в пользу женщин появляются в 2010 году уже в возрастной группе 15–19 лет (Республика Карелия и Новгородская область). Окончательно перевес в численности женщин над числом мужчин оформляется в городском населении всех регионов, начиная с возрастной группы 30–34 года (за исключением Ленинградской области). Во всех последующих возрастах «женское преимущество» только усиливается параллельно с уменьшением численности мужчин.

Существование диспропорций по полу в городском и сельском населении регионов СЗФО сохраняется с прошлого века. Усиление этой негативной тенденции имеет далеко идущие последствия на течение всех социально-экономических и демографических процессов в макрорегионе на длительную перспективу.

***Shakhotska I.P.,
Belarus, Minsk***

Tendencies in Marriages and Divorces of Population in the Republic of Belarus

Marriages – one of the vital processes, which actively influences on the reproduction of the population and household formation. Modern features of marriage are formed under the influence of socio-economic development. Marriage gives rise to the existence of the family – the basic primary cell of human society, the historical form of communication between the closest relatives on the maternal and paternal lines. The reasons for termination of marriage are widowhood and divorce.

Absolute majority of men and women in Belarus get into a marriage. The celibacy rate in the Republic is relatively low. Final celibacy rate is considered to be low – when less than 5% of women are not get into a marriage, middle – when this rate is between 5% and 9%, and high – at 10% or more [1]. Index of celibacy in the postwar years for females declined steadily, for men – grew. The situation changed only in recent decades. Thus, according to Census of 1979, in the age group of 45–49 years, men, who had never married, remain 1.7%, among women – 5.9%, according to Census of 1989, respectively – 3.6%, and 3.3%. Over the next decade, the celibacy rate increased for both men and women, though for men it increased significantly more than for women. According to the census of 1999, 5.4% of men and 3.7% of women in this age, had never married. Census data in 2009 showed that the growth rate of celibacy in the last decade has continued and on the date of the census the 6.6% of men and 4.4% of women aged 45–49 had never married. [2]

Currently, violations of sex and age structure, connected with the war, practically don't effect on marriages, because most participants of the war is over the age of 75–80. Marriageable contingent – are people older than 15 years, unmarried. There is practically full equivalent of the sex in the most active marriageable age (20–29 years) in the whole country, so the ability to get into a marriage for young men and women equally. From the general problem, the problem of sex and age ratios as a basis for marriage has become the choice of a private characteristic of certain regions, and older age groups.

Significant gender disparity marriageable contingent is noted in the middle and older ages. According to the census of 2009, at the age of 40–44 more than 25% of unmarried women in Belarus don't have a free man of the same age.

This is the result of higher mortality rates for men and, consequently, a higher index of widowhood among women. According to the data of 2009, deaths of men aged 20–49 years in 3,7–4,0 times higher than the mortality of women in these age groups. As a result, even in the age group of 40–44, 4.5% of women – are widows. In addition, men are more likely to marry younger women.

Grouping by age is associated with the definition of the lower limit of marriageable age, which is set by the laws of each country. The legal age of marriage varies widely from 14 years (for men) and 12 (women) in Ireland, up to 20–21 years in Poland, Austria and Iceland. In some countries the legal age of marriage differs for the various nationalities and ethnic groups, or not installed, for example, Israel. In Belarus, the lower limit of marriageable age, as in most countries, established at the age of 18. In statistical practice, the starting age for marriage is accepted in 15 years.

Dynamics of the number of marriages is largely dependent on the population dynamics of marriageable contingent. Thus, in the 90 years of the twentieth century in Belarus there was a significant decrease in the number of marriages and

general marriage rate, because of number of reasons, primarily, changes in age structure of the population. At this time in an active marriageable age joined those who were born in the 70s, when fertility was relatively low. Besides the features of the age structure of population on the decline of marriage in the 90s was influenced by socio-economic situation in the country. The years of perestroika in the first half of the 90 were accompanied by a sharp impoverishment of the population, the purchasing power of wages fell. Thus, based on sampling examination of households, the purchasing power of average per capita monetary income of the population has decreased by several times: in 1995 the value of the average monthly per capita cash income compared to 1990 can be purchased in 5 times less bread and cereal products, potatoes, fish and fish products, 4 times less milk, vegetable oil, margarine and other fats, 3 times fewer eggs, etc. [3]. During these years, the housing problem becomes aggravated. The existing in the past years rules of the distribution of apartments stopped working, and market relations have not yet formed. In such circumstances, the youth had to delay marriage.

However, since the beginning of the XXI century, because of entering in active marriageable age those people, who was born in the 80s, positive changes in the socio-economic development, as well as the adaptation of youth to the new conditions of life, reducing the annual number of marriages ended.

The most significant features, for which the distribution of a totality of a couple is carried out together, are age and gender.

An important indicator of nuptiality is the age of first marriage. Until recently, this index constantly went down, but since the mid '90s, he slowly began to rise for both men and women.

There are several reasons: first, the realization of those marriages that were deferred in the early 90s because of disasters in the socio-economic development, and secondly – the result of the transition to a new type of marriage, widespread in West European countries, which demographers label as the second demographic transition [4].

The traditional type of marriage is characterized by young age of getting married. These marriages usually ended with the death of one or both spouses. The duration of the marriage depended on the duration of life. The marriage gave rise to a large family. The roles of the spouses were quite strictly regulated: as a rule, the wife was busy with housework and children.

Modern West European marriage has other features. It has the high age of entering into first marriage, a small difference in age of spouses, a relatively frequent dissolution of a marriage because of divorce, employment in the public sector of both spouses, the high rate of celibacy and the high proportion of de facto marriages with no registration in the registry office.

The average age of first marriage for women is considered low if a woman gets married to 21, average – in the 21–23, high – in 24 years or more [5]. Currently, Belarus has rate 24 and has become one of the countries with the highest average age at first marriage. In 2009 the average age of first marriage for women in the country amounted to 24.2, for men – 26.4.

The intensity of the marriage is judged by the age-specific marriage rates. Given that reliable data about the marital structure of the population is usually obtained only at the census, the special marriage rate is calculated only for years, close to the census. Specific marriage rate for men and women in Belarus were calculated for all the years surrounding the post-war census in the country.

Age coefficients, which were calculated for the years surrounding the census years, indicate that the intensity of the marriage quickly reduce. This trend is typical for both men and women for all ages. Particularly downswing of marriage rates has occurred over the last twenty years after the 1989 census. Comparison of marriage age in 1989, 1999 and 2009 shows a significant decrease in the intensity of marriage rate.

As you can see, marriages came down in all age groups. Particularly active this process was among younger ages up to 25 years. The relatively slow lowering was decline in the age group of 25–29 years. As a result, a maximum of marriage move from the age group of 20–24 years in the age group 25–29 years for men, and this index is almost equal for women.

This is especially clearly seen when considering the age coefficients separately for entering into first marriage and remarried in 2009.

High intensity of coming down of marriage in the 90s of the 20th century, is specific for all the marriages and marriages for different priorities.

The highest rate of marriage in almost all age groups is typical for men of Belarus in the years, neighbouring to the first post-war census in 1959. This was due to disproportion of population by sex in all the marriageable age in the postwar years. During these years, the marriage rate among women in all age groups older than 25 years was significantly lower than among men.

In subsequent years, age and sex structure of the population has not been an obstacle to the marriage, at least for active marriageable ages, entering into first marriage.

Thus, according to Census 2009, in the age group of 20–29 years 1000 women had 1039 men. According to Census 1959, in this for 1000 women accounted only 871 men.

Calculated age-specific marriage rates by marital status showed, that the intensity of the remarriage of divorced and widowed are not always lower, and sometimes even higher than that of marriage for the first time.

The total number of married, for 1000 people of appropriate status, the highest is among women who had never married. A little bit lower is it among a di-

divorced women and men who have never married. Divorced women have this index lower, while the widowers and widows – very low. To some extent this is due to the age structure of population of each of these groups by marital status. Thus, among widows and widowers, the vast majority are people in the older age groups. Among never married – are young men and women. Within specific age groups, the differences are smaller, especially in younger and middle ages. In the younger age groups, the intensity of entering into marriage of divorced and widowed even higher than those previously married at the appropriate age.

Relations of brides and grooms by age have their own characteristics. Brides are younger than 20 years, as a rule, marry suitors older than they. For example, in 2009 at the age of 20 about 90% of brides were married husbands older than themselves.

Brides and grooms in the most active marriageable age often enter into marriage with their peers. In 2009 at the age of 20–24 more than half of brides (53%) and 66.6% of grooms get married with their peers. Grooms in the age over 25 married brides younger than they in 60 cases out of hundred. Thus, out of the entering into marriage in 2009, 66.8% of men aged 35–39 years were married women under 35, 10.1% – with the women of the same age and 23.1% – with older women.

Bride at the age of 25 years in 30–40 cases out of a hundred married groom older than themselves. However, in recent years, common situation is when the bride is older than groom. For example, of the brides aged 35–39 in 2009, 30.5% were married younger grooms, 29.2% - of the same age and 40.3% – the groom's older than themselves. Among the grooms at this age, 10.1% were married the bride older than his age, 23.1% – in the same age and 66.8% – girls younger than themselves.

Irrelevance in the percentage of brides and grooms is due to the fact that the age structure of bride and groom is different: among brides 75.5% less than 30 years, among the grooms at this age – 67.3%, and, moreover, among the youngest brides prevail the brides, who marries older grooms.

Marriages directly affect both the number and the size, structure of households. Moreover, these changes may be different depending on households of bride and groom, and their plans and possibilities of the formation of the household. Faced with the housing problem, often the young people in the first years after the marriage continued to live in the parental house, increasing its size and changing the type. Household became complex, consisting of two couples, and with the birth of a child, it turns into a household consisting of members of three generations. Currently, however, these households are unstable, they tend to separate into two simple, based on the nuclear family. Young families form their own household, which increases the number of households and reduce their size.

Statistics show that brides and grooms, as a rule, have the same level of education. For example, in 2009 56% of husbands with higher education chose a bride with a higher education, 25.1 – with specialized secondary and 14, 7 - with the general secondary education. While young men, with secondary specialized education chose a bride with secondary specialized education in 49.5 cases out of 100, 20% - with higher education and 22.3% - with the general secondary education.

More than half of women with higher education also chose a man with higher education (51.4%), 16.8% - specialized secondary, 13.3% – with the general secondary and 10% - with vocational education.

This is due to common interests of the future spouses, and the fact that young people often find themselves the pair for wedding on the work or study place.

In general, the level of education of brides and grooms do not differ significantly.

Brides in comparison with grooms more often have higher education, as well as the general secondary and general basic education. Among the husbands more often than among brides, there are those who have specialized secondary and vocational education. This is due to the structure of male and female population of marriageable age by level of education in the country.

Unfortunately, nowadays, there are no records of marriages, depending on the nationality of the spouses. However, there are statistics of nationality of both spouses. Because of In homogeneity of the population by citizenship, marriages in Belarus are mostly between the citizens of the Republic of Belarus. For example, in 2009 there were 94.1%. However, about 6% are mixed marriages between Belarusian and citizens of other states, about 2% of these marriages are marriages with citizens of Russia, Ukraine and other CIS countries. In addition, 1040 female citizens of Belarus married the citizens of other states. Among them, 123 were married to members of the Baltic States, 88 people. – Germany, 73 people. – Israel, 49 people. – Poland, 32 people. – U.S. and Canada, 31 people. – Turkey and another 548 for the representatives of other states. 96 brides married stateless people.

Approximately there are same picture with grooms. Citizens of the Republic of Belarus (1811 people) married brides of other nationalities. Out of them, 1586 were married citizens of Russia, Ukraine and other CIS countries, 53 people. – the citizens of the Baltic countries, 10 - the representative of Israel, 9 people. – German citizens. 92 grooms married stateless women. Women are more likely to marry citizens of Germany, Israel, the Baltic States and other countries outside the CIS. Also parts of mixed marriages are outside the country. However, their records are not kept.

Conclusions

In the Republic of Belarus majority men and women enter into marriage. According to Census 2009, 62% of men and 52% of women aged 15 and older are married. The level of celibacy in the country is relatively low.

Currently perfect coincidence by sex between people in the active marriageable age (20–29 years) is observed in the whole country, so the ability to enter into marriage for young men and women is equal.

In the Republic there is a trend of gradual increase in the average age of first marriage, what is typical for many European countries. In 2010 the average age of the bride, who entered into the first marriage, was 24.4, the groom – 26.5 years (compared to 2000, when women aged 22.8 entered into their first marriage, and men – 25 years).

In the Republic of Belarus, as well as in the other European countries, some changes in the demographic tendencies in the formation of marriage and partnerships are observed. There is a tendency of a new model of family formation, which is characterized by higher age of entering into first marriage and spreading of consensual unions, i.e. unions based on consent, informal relations, non-legally marriage union.

The dynamics of social relations in the sphere of marriage clearly demonstrates that having the objective indicators of marriage, we still need some additional measures, taken by the state and civil society, which have interest in creating strong marriages, strengthening the family institution, raising the importance of family values, what can improve the demographic situation in Belarus to a large degree.

Literature

1. Введение в демографию. – Москва: ТЕИС, 2002, с. 241. – 636 с. (Introduction on demography).
2. Шахотько Д.В. Брачность и брачная рождаемость в Беларуси // Вопросы статистики Научно-информационный журнал. Россия. Москва №7 2004, С. 57–66 (Nuptiality and married fertility).
3. Республика Беларусь. Статистический ежегодник 1995. – Минск: 1996, с. 166. – 536 с.
4. Демография и статистика населения. Под редакцией И.И. Елисейевой. – М.: Финансы и статистика, 2006, с. 454. – 688 с. (Demography and statistics of population).
5. Введение в демографию. – Москва: ТЕИС, 2002, с. 241. – 636 с. (Introduction on demography).
6. Шахотько Д.В. Брачность и брачная рождаемость в Беларуси // Вопросы статистики № 7. 2004, С. 57–66.
7. Вестник статистики. – 1987, № 1, с. 68 (Herald of statistics).
8. Волков А.Г., Савченко Н.И. Брачность мужчин в реальных поколениях // Вестник статистики. – 1985. – № 9. С. 37 (Nuptiality of men in real generations).

**Шахотько Л.П.,
Беларусь, г. Минск**

Тенденции брачности населения в Республике Беларусь

Брачность – один из процессов естественного движения, активно влияющий на воспроизводство населения и на формирование домохозяйства. Современные особенности брачности формируются под влиянием социально-экономического развития. Заключение брака дает начало существованию семьи – основной первичной ячейки человеческого общества, исторически сложившейся формы связи между ближайшими родственниками по материнской и отцовской линии. Прекращение брака происходит по причине овдовения и развода.

Подавляющее большинство мужчин и женщин в Беларуси вступают в брак. Уровень безбрачия в республике относительно невысокий. Уровень окончательного безбрачия считается низким, когда вообще не вступает в брак менее 5% женщин, средним – когда этот показатель равен от 5 до 9% и высоким при 10% и более [1]. Показатель безбрачия в послевоенные годы для женщин постоянно снижался, для мужчин – возрастал. Ситуация изменилась только в последние десятилетия. Так, по данным переписи населения 1979 года, в возрастной группе 45–49 лет никогда не вступавших в брак среди мужчин осталось 1,7%, среди женщин – 5,9%, по переписи 1989 г. соответственно – 3,6%; и 3,3%. За следующие десять лет показатель безбрачия вырос как для мужчин, так и для женщин, причем для мужчин он вырос значительно больше, чем для женщин. По данным переписи 1999 г., 5,4% мужчин и 3,7% женщин в этом возрасте никогда не состояли в браке. Данные переписи 2009 г. свидетельствуют, что рост показателя безбрачия последнее десятилетие продолжился и на дату переписи уже 6,6% мужчин и 4,4% женщин в возрасте 45–49 лет никогда не состояли в браке [2].

В настоящее время нарушения половозрастной структуры, связанные с войной, практически не влияют на брачность, так как большинство участников войны находится в возрасте старше 75–80 лет. Бракоспособный контингент – это лица старше 15 лет, не состоящие в браке. В самом активном бракоспособном возрасте (20–29 лет) в целом по стране наблюдается практически полное соответствие по полу, поэтому возможности вступить в брак для молодых мужчин и женщин равные. Из всеобщей проблема половозрастных пропорций как базы для брачного выбора превратилась в частную, характерную для отдельных регионов и старших возрастных групп.

Существенная диспропорция полов бракоспособного контингента отмечается в средних и старших возрастах. По данным переписи 2009 г., уже

в возрасте 40–44 года более чем для 25% незамужних женщин в Беларуси нет свободного мужчины соответствующего возраста.

Это результат более высокого уровня смертности мужчин и, как следствие, более высокого показателя овдовения среди женщин. По данным за 2009 год, смертность мужчин в возрастах 20–49 лет в 3,7–4,0 раза превышала смертность женщин в этих же возрастах. В результате, уже в возрастной группе 40–44 года 4,5% женщин – вдовы. Кроме того, мужчины чаще заключают брак с более молодыми женщинами.

Группировка по возрасту связывается с определением нижней границы брачного возраста, которая устанавливается законами каждой страны. Законный возраст вступления в брак изменяется в широких пределах от 14 лет (для мужчин) и 12 (для женщин) в Ирландии, до 20–21 года в Польше, Австрии, Исландии. В отдельных странах законный возраст вступления в брак различается для отдельных национальностей и этнических групп или совсем не устанавливается, например, Израиль. В Беларуси нижняя граница брачного возраста, как и в большинстве стран мира, установлена в возрасте 18 лет. В статистической практике начальный возраст вступления в брак принимается в 15 лет.

Динамика числа браков в значительной степени зависит от динамики численности бракоспособного контингента. Так, в 90-е годы XX столетия в Беларуси произошло существенное снижение количества заключаемых браков и общего коэффициента брачности, что объясняется рядом причин и, прежде всего, изменениями в половозрастной структуре населения страны. В это время в активный бракоспособный возраст вступали те, кто родился в 70-е годы, когда рождаемость была относительно низкой. Кроме особенностей возрастной структуры населения на снижение брачности в 90-е годы оказала влияние социально-экономическая обстановка в стране. Годы перестройки первой половины 90-х сопровождалась резким обнищанием населения, покупательная способность заработной платы падала. Так, по материалам выборочных обследований домашних хозяйств, покупательная способность среднемесячного душевого денежного дохода населения снизилась в несколько раз: в 1995 году на величину среднемесячного душевого денежного дохода по сравнению с 1990 годом можно было приобрести в 5 раз меньше хлеба и хлебопродуктов, картофеля, рыбы и рыбопродуктов, в 4 раза меньше молока, растительного масла, маргарина и других жиров, в 3 раза меньше яиц и т.д. [3]. В эти годы обострился также квартирный вопрос. Сложившиеся в прошлые годы правила распределения квартир перестали работать, а рыночные отношения еще не сложились. В таких условиях молодежь была вынуждена откладывать заключение брака.

Однако с самого начала XXI века, по мере вступления в активный бракоспособный возраст родившихся в 80-е годы, наметившихся позитивных сдвигов в социально-экономическом развитии страны, а также адаптации

молодежи к новым условиям жизни, снижение ежегодного количества заключенных браков прекратилось.

Наиболее существенными признаками, по которым проводится распределение совокупности брачующихся, являются пол и возраст.

Важный показатель брачности населения – возраст вступления в первый брак. До последнего времени в стране этот показатель постоянно снижался, но с середины 90-х он стал медленно расти как для мужчин, так и для женщин.

Причин здесь несколько: во-первых, это реализация тех браков, которые были отложены в начале 90-х годов в связи с катаклизмами в социально-экономическом развитии страны, во-вторых – результат перехода к новому типу брака, широко распространенному в западноевропейских странах, который демографы относят к проявлению второго демографического перехода [4].

Традиционный тип брака характеризуется молодым возрастом вступающих в брак. Прекращались эти браки, как правило, со смертью одного или обоих супругов. Продолжительность брака зависела от длительности жизни. Брак давал начало многодетной семье. Роли супругов довольно строго регламентировались: как правило, жена занималась домашним хозяйством и детьми.

Современный западноевропейский брак имеет другие черты. Ему присущ высокий возраст вступающих в первый брак, небольшая разница в возрасте супругов, сравнительно частое распадение брака в результате развода, занятость в общественном хозяйстве обоих супругов, высокий показатель безбрачия и высокая доля фактических браков без регистрации в органах ЗАГСа.

Средний возраст вступления в первый брак для женщин считается низким, если женщина вступает в брак до 21 года, средним – в 21–3 года, высоким – в 24 и более лет[5]. В настоящее время Беларусь перешла рубеж 24 года и стала относиться к странам с высоким средним возрастом вступления в первый брак. В 2009 году средний возраст вступления в первый брак для женщин в стране составил 24,2, для мужчин – 26,4 года.

Об интенсивности вступления в брак судят по возрастным специальным коэффициентам брачности. Ввиду того, что достоверные данные о брачной структуре населения обычно получают только при переписях населения, специальные коэффициенты брачности рассчитываются только для лет, близких к переписи. Были рассчитаны специальные коэффициенты брачности для мужчин и для женщин по Беларуси за прилегающие годы ко всем послевоенным переписям населения, проведенным на территории страны.

Возрастные коэффициенты, рассчитанные за годы, прилегающие к переписям населения, свидетельствуют о том, что интенсивность вступления

в брак довольно быстро снижается. Причем эта тенденция характерна как для мужчин, так и для женщин и практически для всех возрастов. Особенно резкое снижение брачности произошло за последние двадцать лет после переписи 1989 г. Сравнение возрастных показателей брачности за 1989 г., 1999 г. и 2009 г. показывает существенное снижение интенсивности брачности.

Как видим, брачность снизилась во всех возрастах. Особенно активно этот процесс шел в младших возрастах до 25 лет. Относительно медленнее шло снижение в возрастной группе 25–29 лет. В результате максимум вступающих в брак перешел из возрастной группы 20–24 года в возрастную группу 25–29 лет у мужчин и почти сравнялся показатель этих двух групп у женщин.

Особенно это четко видно при рассмотрении возрастных коэффициентов отдельно для вступающих в первый брак и для вступающих в повторный брак в 2009 г. Высокая интенсивность снижения брачности в 90-е годы 20-го столетия характерна как для всех браков, так и для браков разной очередности.

Самая высокая интенсивность вступления в брак почти во всех возрастах характерна для мужчин Беларуси в годы, прилегающие к первой послевоенной переписи населения 1959 года. Это было связано с диспропорцией населения по полу во всех бракоспособных возрастах в послевоенные годы. В эти годы интенсивность вступления в брак среди женщин во всех возрастах старше 25 лет была значительно ниже, чем у мужчин.

В последующие годы половозрастная структура населения уже не была препятствием для вступления в брак, во всяком случае, для активных бракоспособных возрастов, вступающих в первый брак.

Так, по переписи 2009 года, в возрастной группе 20–29 лет на 1000 женщин приходилось 1039 мужчин. По данным переписи 1959 года, в этом возрасте на 1000 женщин приходилось всего 871 мужчина.

Расчитанные нами возрастные коэффициенты брачности по брачному статусу, показали, что интенсивность вступления в повторный брак разведенных и овдовевших не всегда ниже, а иногда даже выше, чем у вступающих в брак впервые.

Общее число вступивших в брак, на 1000 лиц соответствующего статуса, самый высокий у женщин, никогда ранее не состоящих в браке. Чуть ниже он у разведенных мужчин и у мужчин, никогда ранее не состоящих в браке. У разведенных женщин этот показатель уже значительно ниже, а у вдовцов и вдов – совсем низкий. В какой-то мере, это связано с возрастной структурой населения каждой из этих групп по брачному статусу. Так, среди вдов и вдовцов, абсолютное большинство составляют лица в старших возрастах. Среди никогда ранее не состоящих в браке – молодые мужчины и женщины. Внутри конкретных возрастных групп различия не-

сколько меньше, особенно в младших и средних возрастах. В младших возрастных группах интенсивность вступающих в брак разведенных и вдовых, даже выше, чем у ранее не состоящих в браке в соответствующем возрасте.

Соотношения вступающих в брак по возрастам женихов и невест имеют свои особенности. Невесты моложе 20 лет, как правило, выходят замуж за женихов старше себя. Так, в 2009 году в возрасте до 20 лет около 90% невест вышли замуж за женихов старше себя.

Женихи и невесты в наиболее активных бракоспособных возрастах чаще заключают брак со своими ровесниками. В 2009 году в возрасте 20–24 года более половины невест (53%) и 66,6% женихов и вступили в брак со своими ровесниками. В возрастах старше 25 лет женихи в 60 случаях из ста женились на невестах более молодого возраста. Так, из вступающих в брак в 2009 году, 66,8% мужчин в возрасте 35–39 лет заключили брак с женщинами до 35 лет, 10,1% – с ровесницами и 23,1% с женщинами старше.

Невесты в возрасте старше 25 лет в 30–40 случаях из ста вышли замуж за жениха старше себя. Однако в последние годы довольно распространенной является ситуация, когда невеста старше жениха. Так, например, из невест в возрасте 35–39 лет в 2009 году 30,5% вышли замуж за женихов моложе себя, 29,2% – за ровесников и 40,3% – за жениха старше себя. Среди женихов в этом возрасте 10,1% женились на невестах старше своего возраста, 23,1% – на ровесницах и 66,8% – на девушках младше себя.

Несоответствие в процентах женихов и невест происходит из-за того, что сама возрастная структура женихов и невест различается: среди невест 75,5% лиц до 30 лет, среди женихов в этом возрасте – 67,3%, и, кроме того, среди самых молодых невест преобладают вступающие в брак с более старшими женихами.

Браки непосредственно влияют как на численность, так и на размер, и структуру домохозяйств. Причем эти изменения могут быть разными в зависимости от того, из каких домохозяйств вышли жених и невеста и какие у них планы и возможности по поводу формирования своего домохозяйства. В условиях существования жилищной проблемы, часто молодые люди в первые годы после заключения брака продолжают жить в родительской семье, увеличивая ее размер и изменяя тип. Домохозяйство становится сложным, состоящим из двух супружеских пар, а с рождением ребенка превращается в домохозяйство, состоящее из членов трех поколений. Однако в настоящее время такие домохозяйства являются неустойчивыми, существует тенденция к их разделению на два простых, в основе которых находится нуклеарная семья. Молодые семьи выходят из родительской семьи, образуя свое домохозяйство, что увеличивает количество домашних хозяйств и уменьшает их размер.

Как показывает статистика, женихи и невесты, как правило, одного уровня образования. Так, в 2009 г. 56% женихов с высшим образованием выбрали себе невесту тоже с высшим образованием, 25,1 – со средним специальным и 14,7 – с общим средним образованием. В то время как женихи со средним специальным образованием в 49,5 случаях из 100 выбрали невесту тоже со средним специальным образованием, 20% – с высшим образованием и 22,3% – с общим средним образованием.

Более половины девушек с высшим образованием также выбрали себе избранника с высшим образованием (51,4%), 16,8% – со средним специальным, 13,3% – с общим средним и 10% – с профессионально-техническим.

Это объясняется как общностью интересов будущих супругов, так и тем, что молодые люди часто находят себе брачную пару по месту учебы или работы.

В целом уровень образования женихов и невест различается не существенно. Невесты, по сравнению с женихами, несколько чаще имеют высшее образование, а также общее среднее и общее базовое образование. Среди женихов чаще, чем среди невест, встречаются те, кто имеет среднее специальное и профессионально-техническое образование. Это в значительной степени объясняется самой структурой мужского и женского населения бракоспособного возраста по уровню образования в стране.

К сожалению, в настоящее время в стране не ведется учет брачности в зависимости от национальности брачующихся. Однако есть статистика гражданства вступающих в брак. В виду однородности населения страны по гражданству, браки в Беларуси заключаются в основном между гражданами Республики Беларусь. Так, в 2009 году таких было 94,1%. Однако около 6% составляют смешанные браки, заключенные белорусами с гражданами других государств, около 2% из них браки, заключенные с гражданами России, Украины и других стран СНГ. Кроме того, 1040 белорусских гражданок оформили брак с представителями других государств. Из них 123 вышли замуж за представителей стран Балтии, 88 чел. – Германии, 73 чел. – Израиля, 49 чел. – Польши, 32 чел. – США и Канады, 31 чел. – Турции и еще 548 за представителей других государств. С лицами, не имеющими гражданства, оформили свой брак 96 невест.

Примерно та же картина по женихам. Граждане Республики Беларусь (1811 человек) взяли замуж невест с другим гражданством. Из них 1586 женились на гражданках России, Украины и других стран СНГ, 53 чел. – на гражданках стран Балтии, 10 – на представительницах Израиля, 9 чел. – на гражданках Германии. С лицами, не имеющими гражданства, оформили свой брак 92 жениха. Женщины чаще выходят замуж за граждан Германии, Израиля, стран Балтии и других государств, не входящих в СНГ.

Кроме того часть смешанных браков заключается за пределами страны. Однако их учет в республике не ведется.

Итоги

✓ В Республике Беларусь в брак вступает большинство мужчин и женщин. По данным переписи населения 2009 года 62% мужчин и 52% женщин в возрасте 15 лет и старше состоят в браке. Уровень безбрачия в республике относительно невысокий.

✓ В настоящее время в самом активном бракоспособном возрасте (20–29 лет) в целом по стране наблюдается практически полное соответствие по полу, поэтому возможности вступить в брак для молодых мужчин и женщин равные.

✓ В республике отмечается тенденция постепенного увеличения среднего возраста при вступлении в первый брак, что характерно для многих европейских стран. В 2010 году средний возраст невесты, впервые вступающей в брак, составил 24,4 года, жениха – 26,5 года (для сравнения в 2000 году впервые вступали в брак женщины в возрасте 22,8 года, мужчины – в 25 лет).

✓ В Республике Беларусь, как и в других европейских государствах, отмечаются некоторые изменения демографических тенденций в части формирования брачно-партнерских союзов. Наблюдается распространение новой модели формирования семьи, характеризующейся повышением возраста вступления в первый брак и распространением консенсуальных союзов, т.е. союзов, основанных на согласии, на неформальных отношениях, юридически не оформленных как брачный союз.

✓ Динамика социальных отношений в брачной сфере отчетливо демонстрирует, что при наличии объективных показателей для вступления в брак, необходимы все-таки определенные дополнительные меры, предпринимаемые со стороны государства и гражданского общества, заинтересованных в создании прочных брачных союзов, в укреплении института семьи, повышении значимости семейных ценностей, что способно в значительной степени улучшить демографическую ситуацию в Беларуси.

Литература

1. Введение в демографию. – Москва: ТЕИС, 2002, с. 241. – 636 с.
2. Шахотько Д.В. Брачность и брачная рождаемость в Беларуси//Вопросы статистики Научно-информационный журнал. Россия. Москва. № 7, 2004, С. 57–66.
3. Республика Беларусь. Статистический ежегодник 1995. – Минск: 1996, с. 166. – 536 с.

4. Демография и статистика населения. Под редакцией И.И. Елисеевой. – М.: Финансы и статистика, 2006, с. 454. – 688 с.
5. Введение в демографию. – М.: ТЕИС, 2002, с. 241. – 636 с.
6. Шахотько Д.В. Брачность и брачная рождаемость в Беларуси // Вопросы статистики № 7, 2004, с. 57–66.
7. Шахотько Д.В. Брачность и брачная рождаемость в Беларуси // Вопросы статистики № 7, 2004. С. 57–66.
8. Вестник статистики. – 1987, № 1, с. 68.
9. Волков А.Г., Савченко Н.И. Брачность мужчин в реальных поколениях // Вестник статистики. – 1985. – № 9. С. 37.

***Шубат О.М., Пшеничникова М.М.,
Россия, г. Екатеринбург***

Содержание родительского труда в процессе воспроизводства человеческого капитала: опыт эмпирического исследования

Важнейшим институтом воспроизводства человеческих ресурсов и капитала является семья (в более общем плане – домохозяйство). Представляется, что количественные и качественные параметры процессавоспроизводства населения могут быть существенно улучшены, если родительский труд, осуществляемый в секторе домашней репродукции и понимаемый как деятельность по рождению, уходу, воспитанию, обучению и развитию детей, их социализации и дальнейшей профессионализации, будет признан в качестве экономической деятельности, учитываемой в системе национального счетоводства (СНС). Такая существенная методологическая корректировка макростатистической модели экономики требует научной рефлексии и экономико-статистического обоснования. В этой связи актуализируются исследования, направленные на идентификацию содержания родительского труда, оценки его затрат и результатов, качества выполнения трудовых операций и их стоимостной оценки.

На наш взгляд, наиболее приемлемым инструментом оценки содержания родительского труда в процессе воспроизводства человеческого капитала могут быть обследования домохозяйств о временных затратах, которые они несут, выполняя те или иные родительские функции. Количество и состав затрат родительского труда в этом случае будут определяться временем, затраченным на выполнение родительских функций.

Такого рода наблюдения проводятся в рамках обследования бюджетов времени населения. Так, в декабре 2008 года Федеральной службой государственной статистики России было проведено (после длительного перерыва) пилотное обследование бюджета времени домохозяйств.

Имеющаяся в нашем распоряжении информация о бюджетах времени населения в историческом разрезе и в современных условиях позволили провести двухуровневое исследование содержания родительского труда. На первом уровне был реализован сравнительный анализ временных затрат на родительский труд в его узкой трактовке. Второй уровень исследования предполагал идентификацию всего содержания родительского труда.

Исследование временных затрат на родительский труд

На этом этапе родительский труд рассматривался нами лишь как деятельность по уходу за детьми, которая включает в себя физический уход и присмотр, а также обучение и общение с ребенком. Такое «усеченное» понимание было принято по двум причинам.

Во-первых, в рамках обследования бюджетов времени, проводимого Росстатом, затраты времени именно на родительский труд среди прочих временных затрат не выделяются. Классификатор учитываемых видов деятельности в этом обследовании выделяет в разделе «Ведение домашнего хозяйства» деятельность по уходу за детьми, включающую в себя кормление, одевание, мытье и подготовку ко сну; присмотр в помещении и на улице; сопровождение ребенка к врачу; ожидание в спортивном центре, с урока музыки и т.д.; посещение школы, яслей, родительских собраний в школе; помощь в выполнении домашних заданий, наставление; чтение, игру и разговор с ребенком.

Во-вторых, в ретроспективных исследованиях бюджетов времени в нашей стране (а также в других странах) встречаются аналогичные (или очень похожие) формулировки относительно родительского труда. Это позволяет проводить сравнительный анализ динамики временных затрат на деятельность по уходу за детьми.

Итоговый динамический ряд показан в табл. 1. Как следует из представленных данных, затраты времени работающих женщин на уход за детьми и их воспитание неуклонно снижались в течение последних 40–45 лет.

Для более глубоко понимания происходящих в сфере родительского труда процессов нами были рассчитаны среднегодовые темпы прироста (падения) этих временных затрат в период с 1965 г. по 2008 г. (табл. 2).

Как следует из полученных данных, вплоть до 2004 г. наблюдалось ускоренное падение времязатрат на уход за детьми и их воспитание, затем падение также продолжалось, но было не таким стремительным.

На наш взгляд, можно выделить следующие причины выявленной тенденции: возрастающая включенность женщин в продуктивный сектор экономики; усложнение социально-экономической жизни общества (особенно в крупных городах) и увеличение транзакционных издержек в мегаполисах (временных затрат на разного рода перемещения, связанные с работой,

учебой, покупками); бурное развитие информационно-компьютерных технологий. Изменение темпов падения исследуемого показателя во многом было связано с периодами кризиса и последующей стабилизации в экономической жизни страны.

Таблица 1

Затраты времени работающих женщин на уход за детьми и их воспитание (часов в неделю)¹

Годы	1965	1986	1998	2004	2008
Затраты времени	5,4	5,3	4,1	2,9	2,8

Таблица 2

Среднегодовые темпы падения затрат времени работающих женщин на уход за детьми и их воспитание

Период времени	1965–1986	1987–1998	1999–2004	2005–2008
Среднегодовые темпы падения, %	-0,1	-2,1	-5,6	-0,9

В целом исследование показало, что родительский труд (рассматриваемый в первом приближении как времязатраты на уход за детьми) представляет собой динамично развивающийся вид деятельности, в значительной степени подверженный влиянию внешних факторов экономической, социальной, информационно-технологической природы. Совокупное влияние перечисленных факторов в последние 40–45 лет детерминировало негативные тенденции в динамике бюджета времени, отведенного на воспитание детей.

Идентификация содержания родительского труда

Очевидно, что родительский труд не сводится только к фиксируемым в исследованиях бюджетов времени трудозатратам на уход за детьми и их воспитание. Практически каждая разновидность реализуемой родителями деятельности в большей или меньшей степени является проявлением родительского труда. Таким образом, содержание родительского труда

¹ Временной ряд построен на основании данных исследований:

Караханова Т.М., Бессокирная Г.П. Повседневное использование времени и жизненные ценности рабочих в годы реформ // Россия реформирующаяся: ежегодник. Вып. 7. М.: Институт социологии РАН, 2008.

Патрушев В.Д. Бюджет времени городского работающего населения США и России (1980–90-е годы) // Социологические исследования. 2003. № 12.

Последние данные были получены из пилотного обследования Росстата, проводимого в декабре 2008 г. в 7 субъектах РФ.

должно идентифицироваться с учетом возможности его проявления во многих видах деятельности родителей.

Для достижения более глубокого понимания содержательных аспектов родительского труда нами был проведен экспертный опрос женщин, имеющих детей и выполняющих родительские функции. Экспертам предлагалось оценить, в какой степени (на сколько процентов) тот или иной вид осуществляемой ими деятельности связан с заботой о детях и их воспитанием (по сути, с родительским трудом). Усредненные результаты опроса представлены в табл. 3.

Таблица 3

Доля родительского труда в видах деятельности женщин-родителей

<i>Вид деятельности</i>	<i>Доля родительского труда, %</i>
Личный уход	13
Рабочее время и время, связанное с работой	10
Обучение	8
Ведение домашнего хозяйства	62
Свободное время	80
Передвижение	51

Таблица 4

Расчет суммарных временных затрат на родительский труд²

<i>Вид деятельности</i>	<i>Затраты времени, мин³</i>	<i>Доля родительского труда, %</i>	<i>Затраты времени на родительский труд, мин</i>
Личный уход	645	13	83,9
Рабочее время и время, связанное с работой	344	10	34,4
Обучение	7	8	0,6
Ведение домашнего хозяйства	171	62	106,0
Свободное время	185	80	148,0
Передвижение	84	51	42,8
<i>Итого</i>			415,7 (6 час 56 мин)

² Расчет произведен для работающей женщины, проживающей в городской местности.

³ Рассчитано по: Итоги пилотного выборочного обследования использования (бюджета) времени населением. М.: Росстат, 2010, таблица 1.1.

Результаты экспертного опроса свидетельствуют о всепроникающем характере родительского труда. Те или иные родительские функции выполняются взрослыми членами домохозяйств в процессе реализации ими любого вида деятельности.

Проведенный анализ по идентификации содержания родительского труда в разрезе реализуемых взрослыми членами домохозяйств видов деятельности позволяет создать основу стоимостной оценки родительского труда и включения его в экономическое производство (в концепции СНС). Так, на основании имеющихся данных нами был проведен расчет суммарных временных затрат на родительский труд (табл. 4).

Как свидетельствуют результаты расчетов, родительский труд занимает около 7 часов (6 час 56 мин) суточного фонда времени работающей женщины. С позиций макроэкономического подхода это обстоятельство означает, что процесс взращивания необходимого для экономики страны человеческого капитала, осуществляемый в секторе домашней репродукции, составляет практически третью часть жизнедеятельности экономического субъекта. Безусловно, такие значительные трудозатраты на воспроизводство стратегического для государства ресурса нуждаются в грамотном учете (в рамках СНС), регулировании и эффективном стимулировании в соответствии с принципами формирования вознаграждения и заработной платы *в продуктивном секторе экономики*.

СЕССИЯ 3

Геополитические аспекты развития населения

Agnieszka Weinar
Italy, San Domenico di Fiesole

Migration policy learning – EU and CIS cooperation in perspective

Introduction

Migration policy has been a relatively novel topic in the political science realm. The idea of introducing the variable of state policy when looking at migrations had not really occurred to economists and sociologists for decades, until the late 1970s. The postulate of “bringing the State back in”¹ evolved into a quite lively field of study and brought to light several pertinent questions on the nature of migration policy development and its impact on migration trends on macro level, and individual choices on micro level. However, the field developed with an internal fault: it has created definitions, concepts and frameworks of analysis adjusted to its main subject of analysis: a receiving Western liberal democracy². This machinery has been later on sporadically applied to other countries of the world, establishing thus a hegemonic discourse of migration policy³. This has led to two main conceptual problems: firstly, the word “migration” is used differently in two scholarly traditions: in the so called immigration states (all of them Anglophone) the word “migration” is used mostly to indicate movement across borders (internal or international), whereas in the EU (but also recently in the European context) it is used as a synonym for “immigration”. This is obviously misleading: migration policy can be very broad, covering state answers to all types of movements to, from and across its territory⁴ as long as they take place across international borders⁵. This detail has important consequences for studying migration policy one level higher: in political regions.

Definition of migration on a state level has been quite difficult. When it comes to politically organized regions, defined here as geographical entities

¹ See Caroline B. Brettell. and James F. Hollifield eds. *Migration Theory: Talking Across Disciplines*. New York and London: Routledge, 2000.

² E.g. Christian Joppke, *Immigration and the Nation State: The United States, Germany, and Great Britain*. Oxford: Oxford University Press, 1999; Steffen Mau, Heike Brabandt, Lena Laube and Christof Roos, *Liberal States and the Freedom of Movement – Selective Borders, Unequal Mobility*, Palgrave Macmillan, 2012.

³ Cornelius, Wayne A. et al. eds., *Controlling Immigration: A Global Perspective*. Second ed. Stanford: Stanford University Press, 2004.

⁴ See Caroline B. Brettell. and James F. Hollifield eds. *op.cit.*

⁵ Internal mobility or internal migration is not covered at all by migration policy research, unless we deal with Internally Displaced Persons and fear potential of international spill-overs.

developing policies of economic and political integration, it becomes even more tricky. What is migration in the context of EU, MERCOSUR, ECOWAS or CIS? The issues addressed by a migration policy in all these instances will be different, not least because only the EU has started developing a policy actually called a common migration policy. In all instances the first and foremost issue as regards migration is intra-regional mobility, but it is treated differently. Throughout its history the European Union has developed a very unique framework of internal mobility that by now is one of the four freedoms of the EU common market. It has also become a key right of each of almost 500 million EU citizens. EU freedom of movement has developed from a simple notion of the mobility of workers and has been moulded into today's citizen right thanks to the European Commission proactive stance and the European Court of Justice's coherence in protecting the rights of EU nationals.

Freedom of movement of EU nationals is present in the hegemonic discourse as a non-migration policy. This is quite coherent throughout national policy measures and academic work⁶. But in fact, Freedom of Movement for EU nationals is a successful migration policy, it has all attributes of one: rules of entry, rules for stay, rules for employment and even rules for deportation. It is presented as an exclusive right of EU nationals, but it is often forgotten that it is also open to third country nationals, members of some other regional entities (e.g. EEA). However, such positioning of this very special policy rules out its further promotion as a model of migration framework worldwide.

The recent increase in migration policy cooperation between regions raises important questions about the definition of migration. What is the object of this cooperation between the regions that not necessarily share the same vision of migration and mobility? After all, in the constructivist realm of policy and politics, to which I subscribe, the definition gives life to an object/issue. This creation opens the door for related policy formulation and its implementation, often with substantial funding. Out of all the regions of the world that have created some sort of interregional economic cooperation, EU and CIS are those with a relatively active policies on migration and mobility and tend to cooperate with each other on these issues. When examining what is the object of cooperation and how migration is being framed in the interregional cooperation, I will focus on this case.

Defining migration policy: EU-ropean way

There is an ever growing field of study on the European migration policy. However, in vast majority of cases it is neither European nor really migration

⁶ E.g. Marco Martiniello, "Belgium's Immigration Policy," *International Migration Review*, Vol. 37, No. 1 (Spring, 2003), pp. 225–232; Christina Boswell and Andrew Geddes, *Migration and Mobility in the European Union*, Palgrave Macmillan, 200.

policy that is being analyzed or discussed: authors focus either on the EU-level of policy making, or on a few individual EU Member States (mostly three usual suspects: UK, Germany, France, sometimes also Italy, Sweden, Spain and the Netherlands). There are main two common traits of these analyses: first, intra-EU migrations are not analysed as migrations; second, emigration of own nationals is not studied. This observation on what is the object of policy papers and research in the EU allows to define migration policy EU way: this is a policy towards non-EU nationals on their way to (immigration), through (transit migration) and out of (return migration) the EU.

This narrow view of migrations has been inscribed in the actions of the EU Member States as well as EU itself. It is interesting to observe, however, that the policy promoted outside of the EU in the framework of the Global Approach to Migration and Mobility, is much broader.

The Global Approach to Migration and Mobility (GAMM)⁷ is rests on four pillars: curbing irregular flows; labour migration; migration and development and international protection. One should not be deceived and automatically assume that within that framework the policy tackles solely migrations towards the EU: when GAMM applied the concept of migration routes, it was clear that the partner countries could be as well treated as destination countries, and supported to develop relevant policies. And in fact, EU has developed its external collaboration on assumption that other countries might have both emigration and immigration problems that needed a response. Consequently, the EU support, both in terms of capacity building and practical cooperation, has been designed to meet two ends of the policy. In consequence, EU supports a much fuller and coherent migration policy abroad than it has at home.

Firstly, it pushes the partner countries to create emigration policy, but instead of focusing on exit bans (European invention practised in the recent history), EU proposed a policy built around the needs of an emigrant. There are several elements of such a policy:

- a) support for legal emigration of own nationals, including bilateral agreements on labour migration, recognition of qualifications or social security agreements;
- b) targeting diasporas and migrant communities abroad, with the aim of involving them in development of the country of origin, including special arrangements for remittances or investments by emigrants;
- c) fight with networks of smugglers and traffickers at home;
- d) information on possibilities of legal emigration and information on safe return and reintegration.

Secondly, the EU pays attention to the question of broadly defined mobility. The tools involved are mainly visa policy and agreements on social protection

⁷ Communication on The Global Approach to Migration and Mobility COM(2011) 743 final.

or recognition of qualifications. What is quite striking, none of the instruments developed in the framework of EU Freedom of Movement has been proposed as a model for cooperation on migration that could be used by the partner countries. This omission shows clearly the divide that exists in the EU-uropean mind between migration, defined as inter-regional flows, and mobility, defined as internal regional policy.

CIS freedom of movement

The Commonwealth of Independent States, the biggest economic area neighbouring the EU, has chosen an opposite path: from relatively easy mobility of nationals to putting more and more barriers to the movement of people, limiting rights, leaving small openings for workers only. This situation is a direct result of Soviet system of internal mobility control, but also dramatic political changes after 1991.

An important element of policies regulating migration in this region is the special treatment of CIS nationals who can move without visa and who can be employed more easily than non CIS workers. What is peculiar about it is that it is a migration regime based on a net of bilateral agreements. In consequence, each state shapes its own migration policy, taking into consideration CIS agreements (or not). The most important example here is the Russian Federation, the main destination in the region.

Migration policy of the Russian Federation follows the EU logic as regards its focus on immigration. Elements of emigration policy are a part of development strategy, e.g. the recent efforts to win back the highly skilled emigrants. The new Russian immigration policy proposes solutions that will increase immigration and mobility in the region (if implemented).

Cooperation with the EU could shape to a certain extent the understanding of what migration policy is in CIS, and especially in Eastern Europe and Russia. It is interesting to see however the difference in lessons learnt from this interaction. While the countries closer to the EU as Ukraine or Moldova try to negotiate the same agreements with destination countries in the CIS as they manage to have with the EU (e.g. on social protection of migrant workers), Russian Federation looks more into the best practice of border management and potentially integration. The policy transfer is thus performed on the state level and should affect the CIS internal mobility only to a very limited extent. But in fact the problem faced by the governments in the region is that the EU idea of migration policy (i.e. control of non-intraregional nationals) is *de facto* translated on the state level as a control of non-nationals. Looking to the EU for best practice, the states seem to develop more barriers for their intraregional movement (as the mobility and migration in CIS is almost in total intraregional). There have not been a case of looking at the best practice for intra-regional mobility, such as

EU FM. The main reasons for that are complex: political situation in CIS (lack of trust and low level of cooperation), emerging other forms of closer economic cooperation (EurAsEC, GUAM...) that can be more competitive and general lack of strong vision as of the future of CIS.

Conclusions

While in the EU the internal migration of EU nationals has been gradually and consequently re-coined as internal mobility and has been removed from the agenda of migration policy-makers, in the CIS internal mobility has been gradually re-coined as migration. The shift has had important consequences for conceptualisation of what a migrant is in both economic areas, what policies should be conceived to regulate the movements. The difference between mobility and migration has impact not only on individual level as civic or workers' rights, but it shapes the bigger picture: cohesion of societies, labour markets. While policies of "mobility" usually focus on bringing down the obstacles to movement, migration policies have been focusing on elevating them.

***Вишневский А. Г.,
Россия, г. Москва***

Глобальные демографические процессы в свете теории демографического перехода

Мировая демографическая ситуация уже давно определяется демографическим переходом, начавшимся в Европе в XIX в., но ставшим глобальным после того, как во второй половине XX в. он распространился на все развивающиеся страны.

Глобальные демографические изменения последних 50–60 лет свидетельствуют о том, что, несмотря на существенные региональные различия, эти изменения следуют основным предсказаниям теории демографического перехода. Все страны с той или иной скоростью проходят фазу снижения смертности, которая нарушает тысячелетнее равновесие высокой смертности и высокой рождаемости, а затем, стремясь к восстановлению нарушенного равновесия, вступают в фазу снижения рождаемости. Асинхронность этих двух фаз приводит к демографическому взрыву, который, по мере завершения перехода к новому равновесию, сходит на нет.

То, что в начале 1950-х годов могло казаться спорным прогнозом, в основном реализовалось. Ожидаемая продолжительность жизни во всех регионах мира, в том числе и самых отсталых, выросла и продолжает расти, и почти все страны ответили на снижение смертности снижением рождаемости, иногда очень значительным (рис. 1).

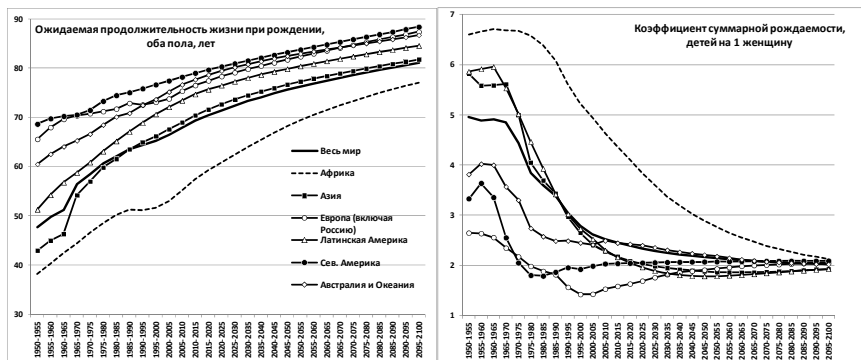

Рис. 1. Ожидаемая продолжительность жизни при рождении и коэффициент суммарной рождаемости в разных регионах мира, 1950–2100 (2010–2100 – средний варианта прогноза ООН)

Источник: *World Population Prospects: The 2010 Revision.*

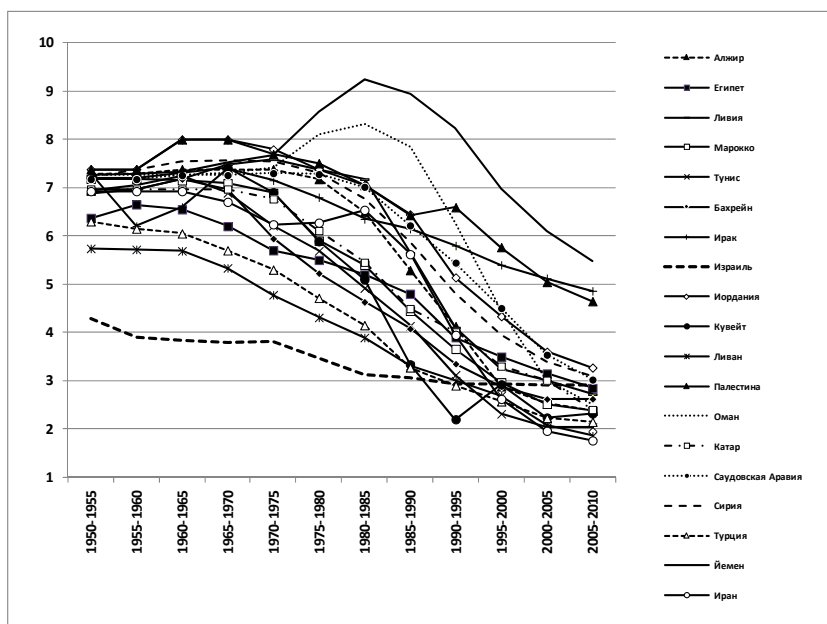

Рис. 2. Коэффициент суммарной рождаемости в некоторых арабских странах и странах Ближнего Востока

Источник: *World Population Prospects: The 2010 Revision.*

Это снижение можно проиллюстрировать характерным примером Ближнего Востока, который многим представляется цитаделью высокой рождаемости (рис. 2). В середине прошлого века в этом регионе лишь Израиль выделялся относительно низкой рождаемостью. С тех пор она снизилась в Израиле, но сейчас большинство стран региона имеют рождаемость, более низкую, чем Израиль. За 60 лет большинство стран переместилось из зоны значений коэффициента суммарной рождаемости 6–7 в зону значений 2–3 рождения на одну женщину. Самый низкий в этой группе стран уровень рождаемости – в Иране. Традиционного прокреативного поведения больше не существует ни в Иране, ни в большинстве арабских стран, его последним прибежищем в мире остается тропическая Африка, но и там оно едва ли долго удержится.

В итоге уже сейчас нетто-коэффициент воспроизводства опустился ниже уровня простого замещения поколений не только в Европе и Северной Америке, но даже в Азии в целом, хотя, конечно, пока не во всех азиатских странах. Рост численности населения этого наиболее многолюдного континента (60% мирового населения в 2010 г.) замедляется и, согласно среднему варианту прогноза ООН, во второй половине XXI в. оно начнет сокращаться (рис. 3).

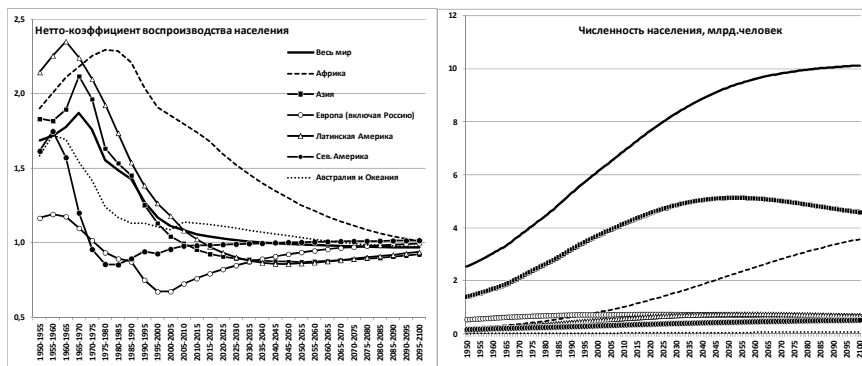

Рис. 3. Нетто-коэффициент воспроизводства и численность населения в разных регионах мира, 1950–2100 (2010–2100 – средний варианта прогноза ООН)

Источник: World Population Prospects: The 2010 Revision.

Разумеется, считать, что все проблемы, связанные с переходом от равновесия высокой смертности и высокой рождаемости к новому равновесию низкой смертности и низкой рождаемости, уже решены на практике в глобальном масштабе, пока рано. Но теоретически здесь особых неясностей нет. Реализуясь всякий раз в иных конкретно-исторических условиях разных стран и потому имея свои особенности, переход во всех случаях

неотвратим и безальтернативен. Современная цивилизация – это цивилизация низкой смертности и низкой рождаемости, иного ей не дано.

Есть, однако, нерешенные вопросы, связанные с завершающими стадиями демографического перехода. Более того, мне кажется, что эти вопросы не только не решены, но даже и не поставлены должным образом.

Как отмечал в 2005 г. в своем выступлении на открытии XXV Международного конгресса по народонаселению в Туре Ж. Валлен, «если теория демографического перехода позволила нам понять, если не принять, фазу чрезвычайного роста мирового населения, то дестабилизация фундаментальных параметров не оставляет камня на камне от радужного будущего, которое она нам обещала: очень похоже, что сегодня мы наблюдаем скорее не завершение демографического перехода, а смерть теории, которая его объясняла. Раз нет больше теории, значит, нет и ясного видения будущего, которое нас ожидает»⁸.

Я бы не стал столь поспешно хоронить теорию, дающую предельно ясное системное понимание многоплановых демографических изменений нашего времени и потому получившую весьма широкое признание научного сообщества. Мне кажется, что ее огромный объяснительный потенциал далеко не исчерпан.

О каком радужном будущем, обещанном теорией демографического перехода, говорит Ж. Валлен?

Согласно последнему прогнозу ООН, численность мирового населения в 2100 г. составит примерно 10 миллиардов человек, и этот прогноз отнюдь не противоречит теории – об этом говорит сам Ж. Валлен, признавая, что теория позволила понять фазу чрезвычайного роста мирового населения. Можно ли считать это будущее радужным?

Независимо от ответа на этот вопрос, вообще мало относящийся к области науки (если метеоролог предсказывает нам неприятное похолодание, самый ли это подходящий момент, чтобы объявить, что его теория никуда не годится?), остается еще более осмысленный вопрос о том, что будет дальше.

Некоторое время тому назад, в 2004 г., Отдел населения ООН опубликовал прогноз мирового населения до 2300 г.⁹, в котором рассматриваются три варианта динамики мирового населения на три столетия вперед. Разумеется, эксперты ООН – авторы этого прогноза, не рассматривали его как прогноз-предсказание, это лишь разумная попытка оценить возможные варианты изменений при разных исходных гипотезах изменений рождаемости и смертности. На рис. 4 представлены три варианта этого прогноза.

⁸ Речь г-на Жака Валлена, президента Международного союза по изучению населения, на открытии XXV Международного конгресса по народонаселению. «Этнопанорама», 2005, № 3–4, с. 96–100. См. также Демоскоп Weekly № 237–238, 6–19 марта 2006 г. <http://demoscope.ru/weekly/2006/0237/analit01.php>.

⁹ World population to 2300. UN, New York, 2004. ST/ESA/SER.A/236.

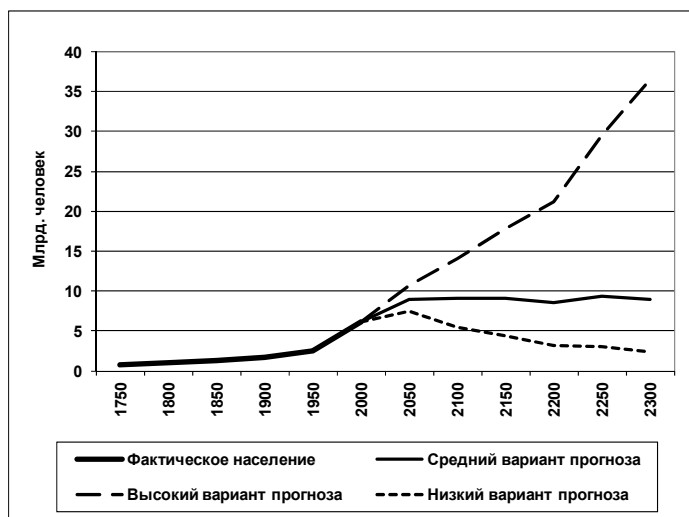

Рис. 4. Три варианта роста численности населения мира до 2300 г. по прогнозу ООН 2004 года

Источник: World Population in 2300. UN Population Division, 2004 (ESA/P/WP.187).

Высокий вариант прогноза можно, пожалуй, не рассматривать как реалистичный, потому, что он противоречит уже наметившейся тенденции замедления роста мирового населения, но также и потому, что ресурсы жизнеобеспечения нашей планеты едва ли смогут выдержать антропогенные нагрузки, связанные с гигантским ростом населения Земли. Этот вариант противоречит, кстати, и основной идее теории демографического перехода – возврату к долговременному равновесию рождаемости и смертности, что предполагает стабилизацию численности населения, а не его непрерывный рост.

Казалось бы, это последнее соображение требует – по крайней мере, от защитника теории демографического перехода – признать несостоятельным и низкий вариант прогноза, ибо он тоже не предполагает установления равновесия. Однако здесь дело обстоит несколько иначе. Демографическое равновесие – это нечто большее, чем просто достижение нулевого прироста населения в некоторый момент времени. Я позволю себе процитировать определение, данное мною много лет назад: демографическое равновесие «можно определить как равновесие между процессами рождаемости и смертности, с одной стороны, и всеми остальными протекающими в обществе процессами – с другой, в условиях, заданных взаимодействием этих процессов»¹⁰.

¹⁰ Вишневский А.Г. Воспроизводство населения и общество. История, современность, взгляд в будущее. М., 1982, с. 15–16.

Если 10 миллиардов жителей Земли в 2100 г. – результат нарушения тысячелетнего равновесия и неконтролируемого демографического взрыва – не будут испытывать дискомфорта, вызванного перенаселением, то это и будет означать, что демографическое равновесие совпадает с равновесием рождаемости и смертности, и наиболее вероятным становится средний, «стабилизационный» вариант долговременного прогноза.

Если же жители нашей планеты будут получать частые сигналы о глобальном неблагополучии – это могут быть и стихийные бедствия, и климатические аномалии, и военно-политические напряжения, и просто нехватка ресурсов – земельных, водных, энергетических, продовольственных и т.п., – то даже если большинство людей и не будет осознавать связи этих сигналов с нарушением мирового демографического равновесия, стихийные поиски его продолжатся. В ответ на неблагоприятные внешние сигналы глобальная демографическая система в целом будет порождать сигналы обратной связи, которые воспрепятствуют стабилизации численности населения на достигнутом уровне (например, 10 миллиардов), и будут подталкивать к ее сокращению.

В чисто демографических терминах это означает, что рождаемость ниже уровня замещения поколений, которая в настоящее время характерна для Европы, Северной Америки, а с недавних пор, как отмечалось, и Азии (см. рис. 3, левая панель), должна установиться на довольно долгое время во всем мире, к чему дело, судя по всему, и идет. Но если это действительно так, то нынешняя «очень низкая» европейская рождаемость – вовсе не показатель какого-то невероятного кризиса, нежизнеспособности европейских обществ, а напротив, свидетельство их высокой адаптивности и способности вырабатывать технологии, а самое главное, социокультурные механизмы, которые затем оказываются востребованными во всем мире, даже если он продолжает считать себя традиционным и антизападным.

С моей точки зрения, длительное существование на поздних этапах перехода рождаемости ниже уровня замещения поколений вовсе не противоречит теории, которую все-таки нельзя сводить к одной плоской фразе о смене одного типа равновесия другим, как будто речь идет о весах, на которых взвешивают картошку.

Мне кажется, что нужно переосмыслить и понятие равновесия, и представление о границах системы, в пределах которой вообще можно говорить об этом равновесии (может ли это быть отдельная страна? едва ли), и временные горизонты, достаточные для того, чтобы судить о его отсутствии или наличии, и т.д. Теория демографического перехода позволяет это сделать, и это должно быть сделано. Участвовавшие нападки на теорию не кажутся мне убедительными, но, видимо, какая-то часть вины есть и на стороне самой теории демографического перехода, она, несомненно, нуж-

дается в серьезном развитии, в раскрытии своего объяснительного и прогностического потенциала.

Теория должна быть не отвергнута, а переосмыслена. Едва ли углублению понимания перехода способствует его «дробление» на несколько переходов – эпидемиологический переход, «второй» и «третий» демографические переходы и т.п. Во всех этих случаях речь идет, по сути, о составных частях единого перехода, имеющего единую и очень глубокую природу, понимание которой позволяет осознать, что демографические изменения не только взаимосвязаны, но и первичны по отношению ко многим экономическим и культурным переменам, а не вытекают из них, как часто думают.

Рождаемость снижается во всем мире не потому, что женщины стали учиться, работать за зарплату, стремиться к самореализации, использовать современные противозачаточные средства или отказываться связать свою жизнь навеки с непроверенным партнером. Напротив, все это стало возможным, благодаря тому, что отпала прежняя необходимость в непрерывном рождении детей, огромная доля которых не выживала. Исполнение «демографического долга» теперь требует от человека затраты гораздо большего времени и сил, резко расширилась область индивидуальной свободы, не ограниченной объективными демографическими требованиями, и перед каждым открылись возможности выбора индивидуального жизненного пути, каких не существовало никогда прежде.

К этим изменениям привлекает внимание концепция «второго демографического перехода», и имеется множество попыток понять его детерминанты, исходя из экономических, социальных или культурных соображений, связать его с падением нравов, секуляризацией и ослаблением влияния религии, изменением экономической полезности детей, ростом индивидуализма, стремлением людей к самореализации и распространением «постматериалистических ценностей», и т.д. Все эти попытки сводятся к тому, чтобы объяснить, почему теперь люди трассируют свои индивидуальные жизненные траектории не так, как прежде. Но нужны ли такие объяснения, если из основного постулата теории демографического перехода о смене типа демографического равновесия естественным образом следует, что прежние жесткие социальные требования к таким траекториям утрачивают смысл, и мир должен теперь жить по каким-то иным правилам, которые, в лучшем случае, находятся в стадии становления?

То же относится и к концепции «третьего демографического перехода», которая делает акцент на последствиях глобальных миграций для принимающих стран, но не рассматривает сами эти миграции как неотвратимую фазу единого глобального демографического перехода.

По большому счету, увидеть многие, если не все, глобальные процессы в свете теории демографического перехода еще только предстоит. Это не-

обходимо государственным и религиозным деятелям, политикам и журналистам, всему мировому сообществу. Но сначала свою часть работы должны выполнить демографы, а они пока справились с этой задачей далеко не в полной мере.

**Абрамова И.О.,
Россия, г. Москва**

Народонаселение Африки в новой экономической модели мира

Предпосылки и цели исследования: на основе теоретического обобщения итогов полевых исследований, проведенных автором в ряде африканских и европейских государств в 1999–2012 гг., а также данных национальной африканской и международной статистики показать воздействие демографических изменений в мире в целом и на Африканском континенте в частности на трансформацию мировой экономической модели

Статистическая основа и методология исследования: исследование базируется на данных национальной статистики африканских государств, включая переписи населения, ежегодные статистические обзоры и выборочные обследования, а также на материалах международных организаций (ООН, Всемирный банк, МОТ, ВОЗ, ФАО, ЮНЕСКО, Международной организации по миграции и др.). Диалектика, конкретно-исторический подход, системность и междисциплинарность исследования, следование от частного к общему, анализ, синтез, межстрановые и межотраслевые сопоставления, кросс-проверки, моделирование процессов и их прогнозирование вошли в состав научного инструментария и методологической основы данного исследования.

Основные научные результаты

1. Развитие мировой экономики в начале XXI века ознаменовалось тектоническими подвижками в соотношении сил ведущих экономических центров силы. Многочисленные исследователи глобальных процессов почти безоговорочно согласны в том, что происходящие процессы означают смену эпох и назревающую смену *модели мирового экономического развития (ММЭР)*, под которой мы понимаем устойчивые и повторяющиеся парадигмы построения международных общественных отношений, связанные с производством, обменом, распределением и потреблением в мировом хозяйстве, сложившиеся на определенном историческом этапе развития человечества и в целом отражающие установившееся в мировой экономике соотношение сил при данном уровне и характере технологического и хозяйственного развития. Смена экономических моде-

лей – процесс более глубокий и менее подвижный, чем простая конъюнктурная перемена состояния рынка. Они знаменуют некие необратимые изменения, новые мирохозяйственные реалии, фиксируемые в новом контексте отношений между участниками международного разделения труда. Общая экономическая модель мира в каждый конкретный период времени состоит из ряда относительно самостоятельных, но взаимосвязанных и взаимозависимых отраслевых, секторальных и региональных субмоделей. Наиболее подвижными являются глобальная финансовая и торговая субмодели, в то время как субмодель глобального воспроизводства и мобильности народонаселения (трудовых ресурсов) – одна из самых консервативных. Это объясняется тем, что составляющие элементы системы сильно зависят от «поколенческих» стереотипов поведения, а сама смена данной субмодели – прямая функция от смены поколений.

2. Самым важным изменением в существовавшей экономической модели мира стало возвышение крупных развивающихся государств. Процесс перераспределения сил в мировой экономике многократно ускорился с нынешним кризисом. Больше всего от него пострадали финансово-индустриальные державы Запада, экономики которых оказались в недостаточной степени гибкими, в то время как РС стали своеобразными локомотивами мирового развития. Возвышение ряда развивающихся государств ведет к формированию новых правил игры на мировом экономическом пространстве, так как обуславливает постепенную смену территориального размещения мирового производства; изменение его структуры; трансформацию мировой торговли; эволюцию направленности, масштабов и характера мировых финансовых потоков; смену модели мирового потребления; изменение качества и структуры мирового рынка труда.

3. В чем же причины быстрого возвышения РС в мировой экономике? Прогнозы относительно экономического возвышения ряда развивающихся стран в первой половине текущего века строятся на положительной корреляции между быстрым ростом их населения и темпами роста их экономик. Другими словами, обращает на себя внимание то, что в экономические лидеры XXI века пророчат в первую очередь страны с особо крупным населением, т.е. развивающиеся страны.

4. Почему же именно демографический фактор играет такую существенную роль в мировом развитии? Главные демографические проблемы XXI века – старение населения в развитых странах, ускоренный экономический и демографический рост в развивающихся странах и расширение масштабов международной миграции рабочей силы. Именно разрыв между Севером и Югом по таким индикаторам, как возрастная структура, ОПЖ, темпы прироста населения, привел к интенсификации международной торговли, миграции и движения капитала. Ускоренный рост населения в Азии и Африке через одно-два десятилетия сместит вектор

международной торговли в сторону Востока и Юга. Одновременно рост экономически активного населения в развивающихся странах и его сокращение в странах ОЭСР с течением времени вызовет увеличение доли первых в производстве мировой промышленной продукции и, в конечном счете, будет способствовать росту экспорта товаров из стран Азии и Африки в западные государства, что сократит долю торговли между самими странами ОЭСР. Кризис 2007–2012 гг. годов показал, что внутренний спрос в РС становится фактором подъема мировой экономики в целом. Для осознания всей глубины перемен следует изучить долгосрочные тренды в воздействии крупных развивающихся экономик на мировое хозяйство и формирование соответствующих моделей глобального развития. Особенно значимым является исследование проекций будущих мировых демографических процессов в сравнении с прогнозируемыми тенденциями физического накопления капитала, роста производительности труда.

5. При этом мы являемся свидетелями интереснейшего экономического парадокса. С одной стороны, растет роль РС в мировой экономике, а с другой – разрыв между развитыми странами и мировой периферией по такому показателю, как доход на душу населения, продолжает расти. И здесь наступает важнейший качественный сдвиг в экономической модели мира. В ближайшие тридцать лет может случиться так, что впервые в новой и новейшей истории крупнейшие экономики мира не будут одновременно и самыми богатыми (с точки зрения подушевых показателей). Отсюда проистекают два ключевых императива времени:

1) мировому бизнесу придется во многом менять господствующие деловые стратегии и адаптироваться к потребностям менее зажиточных, но более многочисленных потребителей;

2) социальная и политическая нестабильность в мире будет постоянно возрастать.

6. Если раньше ускоренный рост населения развивающихся стран рассматривался как негативный фактор развития, то почему же сегодня вперед выдвинулись самые крупные по численности населения экономики мира? Сегодня на ведущие роли в мировой экономике выдвинулись крупные по численности развивающиеся страны, уже миновавшие стадию демографического перехода, т.е. существенно снизившие показатели рождаемости. Трудоспособное население этих РС увеличивается быстрее, чем все население в целом, а, значит, снижается такой показатель, как коэффициент демографической нагрузки (*dependency ratio*). Помимо увеличения рынка труда, сокращение данного показателя способствует росту внутренних накоплений как в стране в целом (за счет низкого удельного веса пенсионеров), так и в домашних хозяйствах (дети – дорогое удовольствие, меньше детей – больше вовлеченность женщин в процесс об-

шественного труда), и именно эти накопления служат источником экономического роста.

7. Развитие человечества в ближайшие десятилетия во многом будет зависеть от количественного и качественного роста народонаселения в развивающихся странах. Если это утверждение верно и в отношении Африки, то быстрый демографический рост на Черном континенте должен в условиях глобализации послужить толчком, как минимум, к ускорению экономического развития, а как максимум к экономическому возвышению континента в целом, но произойдет это примерно в районе 2040–2050 гг. Сейчас же Африка находится на стадии накопления человеческого потенциала и показывает самые высокие темпы прироста населения в мире (2,6%). Доля мирового населения, проживающая в Африке, составляет 14,7% против 6% в 1900 г. К 2050 г. по разным вариантам прогноза в Африке будет проживать от 21 до 30% мирового населения. Быстрый демографический рост в Африке пока еще служит источником многочисленных проблем, которые в условиях глобализации экспортируются за пределы континента. Африка – наиболее бедный регион мира. 65% населения Африки живет на 2 долл. в день, 290 млн. африканцев страдают от голода. При этом Африка обеспечивает 21% прироста мировых трудовых ресурсов. В ближайшие десятилетия этот показатель увеличится до 30% а после 2050 мировой рынок труда на 65% будет пополняться за счет африканского населения. Однако качество человеческого потенциала Африки одно из самых низких в мире. Уровень неграмотности среди африканцев – 40%. 43 млн. африканцев ВИЧ-инфицированы, около 4 млн. больны туберкулезом, более 90% случаев смерти от малярии в мире (1 млн.) также приходится на Африку. Средняя продолжительность жизни в Африке самая низкая в мире – 53 года. В Африке сохраняется и весьма высокий общий уровень безработицы (по официальным данным – 15% в странах Северной Африки и 9% – в АЮС). Невозможность найти работу в собственной стране стимулирует миграцию африканской рабочей силы. Уже сегодня 35 млн. мигрантов из 200 млн. в мире – африканцы. Наряду с трудовой миграцией растут объемы нелегальной миграции из африканских стран. Только в Европе, по оценкам экспертов, насчитывается 4–5 млн. нелегальных мигрантов из Африки. Быстрый рост африканского населения в условиях экономической отсталости большинства африканских государств, их социальной неустроенности, а также политической нестабильности самым прямым образом повлияет на развитие мировой экономики. Мировое сообщество в условиях глобализации просто не сможет отгородиться от африканских проблем, во многом стимулируемым ускоренным ростом африканского населения, поскольку они связаны с экономической, политической и социальной безопасностью мира в целом.

Однако рассматривать роль населения Африки в мировой экономике XXI века лишь в негативном ключе было бы неправильным. Через 30 лет более 90% прироста мирового населения и 65% прироста трудовых ресурсов мира будет приходиться на Африку, а это значит, что Черный континент в значительной степени будет формировать мировую структуру производства и потребления. Медленно, но неуклонно растет качество человеческого капитала в Африке, сокращается число инфекционных заболеваний, повышается уровень образования, увеличивается вовлеченность женщин в трудовой и образовательный процесс, в том числе и за счет использования возможностей интернета. По нашим подсчетам, оптимальных количественных и качественных показателей африканский рынок труда достигнет примерно к 2050 г. Станет ли последующий временной отрезок периодом «африканского экономического бума», покажет время.

***Клупт М.А.,
Россия, г. С.-Петербург***

Демографическое развитие как многоальтернативный процесс: роль регионов

В докладе представлен взгляд на современное демографическое развитие, альтернативный теориям перехода. Эти теории критикуются за излишне жесткий детерминизм и недооценку инновационной роли мирового Юга, прежде всего Китая и Индии, в сегодняшнем демографическом развитии. Эмпирические наблюдения подтверждают, что цивилизационные регионы, как на мировом Севере, так и на мировом Юге, продолжают генерировать новые феномены, оказывающие значительное воздействие на глобальное развитие. В рассмотренном контексте анализируется возникновение высокого и низкого аттракторов рождаемости на мировом Севере, возможность возникновения «нового мультикультурализма» в США и Европе, двусторонние знаниевые миграции между мировыми Севером и Югом. Непрерывное взаимодействие новых феноменов, возникающих в цивилизационных регионах, делает глобальное демографическое развитие более сложным и менее предсказуемым, чем утверждают теории перехода.

Введение

Данный доклад посвящен двум вопросам, находящимся на пересечении демографии и философии истории. Первый из них - об альтернативности исторического (в нашем, более частном случае – демографического) развития, второй о роли регионов в нем. Кроме того, в докладе рассматривается эпистемологический аспект этих вопросов. Мы попытаемся показать,

что при расширении предмета исследования и включении в него вопросов, граничащих с демографией, но не относящихся к демографии в узком смысле слова, возникает необходимость в теории, базирующейся на более широких по сравнению с теорией демографического перехода основаниях.

Теории перехода (первого и второго), доминирующие в современной демографии, исходят из того, что альтернативность глобального развития сводится к некоторой региональной вариации вокруг основного тренда. Регион в этих концепциях играет подчиненную роль – региональное демографическое развитие рассматривается как направляемое глобальными демографическими закономерностями, в некоторой степени корректируемыми локальной спецификой. Демографическая история предстает в таких теориях процессом с заранее известным (сторонникам теории) финалом. Указанный подход опирается на теории модернизации и вестернизации или тесно коррелирует с ними.

Данный доклад развивает альтернативный подход к данному вопросу (Клупт, 2005, 2008, 2010). Мы попытаемся показать роль, которую играют в демографическом развитии возникновение новых феноменов. Такие феномены, как правило, географически локализованы. Они становятся аттракторами, вначале только потенциальными, поскольку другие регионы могут последовать примеру региона, где возникла инновация, но могут и не последовать ему. Регионы, таким образом, оказываются источниками и носителями альтернативности истории. В историко-философском плане рассматриваемый подход опирается на цивилизационный анализ и теорию множественных современностей (Eisenstadt, 2000). Кроме того, он основан на версии детерминизма, трактующей историю как процесс с неизвестным финалом

В ходе последующего разворачивания альтернатив, свернутых в новом региональном демографическом феномене, возможны следующие варианты развития событий:

1. Региональная инновация превращается в общемировую практику.
2. Новый феномен возникает в результате взаимодействия нескольких цивилизационных регионов и ограничен их пределами. Тем не менее, данный феномен, в силу его геополитической значимости, оказывает влияние на весь мир. Примером является превращение миграционных связей между Индией и Китаем (с одной стороны) и мировым Севером (с другой) из односторонней «утечки мозгов» в двусторонние знаниевые миграции.
3. Региональная инновация остается процессом или практикой, наблюдаемой только в границах одного цивилизационного региона, но, в силу «демографического веса» региона и/или его геополитической значимости, оказывает существенное влияние на весь мир. Таковы, например, третий демографический переход (Коулмен, 2007) в Европе и США или «политика одного ребенка» в Китае.

4. Региональная инновация остается региональным (локальным) феноменом.

Возможность реализации каждого из названных вариантов придает демографическому развитию многоальтернативный характер, делает его процессом с открытым финалом.

Данный доклад не ставит целью охватить все новые региональные феномены (демографические или тесно связанные с ними), возникшие в последние десятилетия. Мы охарактеризуем лишь некоторые из таких феноменов и в заключение сформулируем обобщающие выводы об их роли в глобальном развитии.

Мировой Север: возникновение «высокого аттрактора» рождаемости

Приближение рождаемости к уровню простого замещения поколений является фактом, который плохо согласуется с доминирующими в демографии теориями. Неудивительно поэтому, что статья в одном из наиболее авторитетных научных журналов, зафиксировавшая прямую зависимость между индексом человеческого развития и уровнем рождаемости в развитых странах (Myrskylä et al., 2009), вызвала оживленную дискуссию в России. Одни авторы, видят в повышении рождаемости новую фазу второго демографического перехода (Коротаев и др., 2010; Панкратов, Турчин... 2010). Другие солидаризуются с позицией тех европейских демографов, по мнению которых рост рождаемости в развитых странах – иллюзия, созданная сдвигом в календаре рождений, обусловившим рост суммарного коэффициента рождаемости для условных поколений (Вишневский, 2011; Сobotка, 2011).

На наш взгляд, пока нет убедительных эмпирических свидетельств того, что рост рождаемости в ряде развитых стран следует трактовать как новую фазу второго демографического перехода. Однако, приближение рождаемости в ряде стран к уровню простого замещения поколений заслуживает серьезного внимания и подтверждается не только показателями для условного поколения, но и когортными показателями. Итоговое число рожденных детей в когорте женщин 1965 г. рождения в США (2,07), Норвегии (2,06) Австралии (2,03) и Франции (2,02), разительно контрастирует, например, с Италией (1,49) и Испанией (1,59). Гипотеза о том, что в современном развитом мире существуют не один, а два аттрактора рождаемости (Клупт, 2010а; Коротаев и др., 2010) опирается, таким образом, на достаточно очевидные эмпирические основания. При этом оба аттрактора географически локализованы – высокий в США, Франции и Северной Европе, тогда как низкий – в германоязычных странах, Южной Европе и странах, переживших в 1990-е гг. трансформационный шок.

Теории перехода склонны трактовать будущее демографическое развитие мирового Севера как конвергентное. На мой взгляд, продуктивнее рассматривать его как борьбу альтернатив, которая может иметь, по меньшей мере, три исхода – стягивание к высокому аттрактору, низкому аттрактору и сохранение нынешних различий.

Отметим, что последний вариант весьма вероятен, поскольку рождаемость обнаруживает существенную зависимость от предшествующего развития - «лидеры» и «аутсайдеры» редко меняются местами (рис. 1). Зависимость от предшествующего развития в данном случае, как и во многих других, определяется инерцией институциональной структуры. Рынок труда, как и господствующие практики совмещения родительских и профессиональных обязанностей формируются медленно и, во многом, спонтанно, инерционны и их целенаправленное изменение является достаточно сложной задачей.

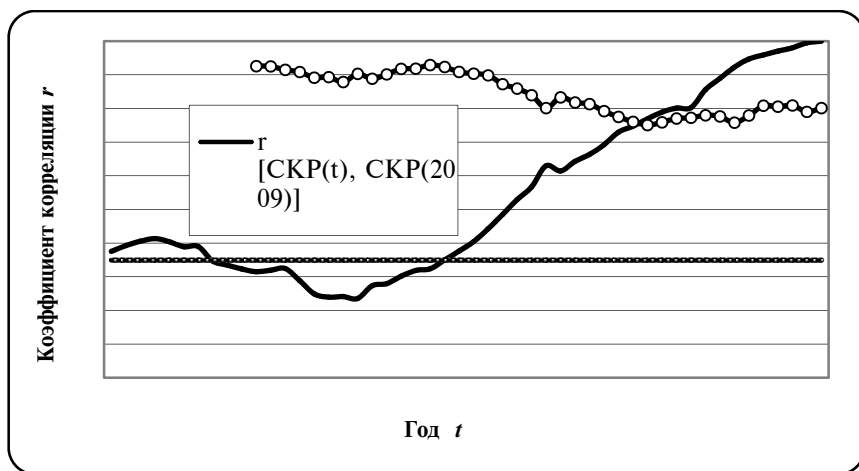

Рис. 1. Некоторые корреляции между суммарными коэффициентами рождаемости за 1960–2009 гг. для 32 стран ОЭСР

Азиатские гиганты и мировой Север: новый характер миграционного обмена

Традиционно Китай и Индия были поставщиками дешевой рабочей силы для мирового Севера¹¹. В последние десятилетия характер миграций между этими странами существенно изменился. В постиндустриальных

¹¹ Следует, впрочем, заметить, что врачи и юристы из Гуджарата, исповедовавшие зороастризм, прибывали в Великобританию начиная с XVIII века (Report...2001, p. 122), а Д. Наорджи, индийский бизнесмен и деятель в сфере образования, был избран в британский парламент в еще 1892 г.

странах мирового Севера сформировались процветающие китайское и индийское этнические сообщества, поддерживающие постоянные связи со странами происхождения. Движение капиталов и знаний между постиндустриальным Севером и азиатскими гигантами стало двусторонним.

Среди китайцев, эмигрирующих в развитые страны, становится все больше высококвалифицированных специалистов и студентов. По данным ЮНЕСКО, в 2008 г. за границей обучалось 441,2 тыс. студентов из КНР, в т.ч. 110,2 тыс. - в США (Global... 2010 p. 177). Далеко не все китайские студенты, обучающиеся за границей, возвращаются домой, но их число достаточно велико и имеет тенденцию к росту. По данным на конец 2006 г., из 1067 тыс. жителей КНР, обучавшихся за границей на родину, вернулись 275 тыс. (Ларин, 2008, с. 19). В настоящее время в США проживает примерно 3.8 млн. китайцев (включая лиц с двойной и более этнической самоидентификацией).

Хотя Индия по-прежнему в широких масштабах экспортирует неквалифицированную рабочую силу – прежде всего в страны Персидского Залива, представители индийской диаспоры в развитых странах глубоко интегрированы в их экономику и часто играют в ней авангардную роль. В Силиконовой долине, например, в конце XX века индийскими были четыре из каждых десяти стартапов, треть инженеров имело индийское происхождение, 7% топ-менеджеров высокотехнологичных фирм – были индийцами (Report...2001, p. 417).

Медианный доход индийских домохозяйств в США на 76.3% превышал значение этого показателя по США в целом (US...2009). В США в 2008 г. обучалось 94,7 тыс. индийских студентов, в Великобритании – 25,9 тыс. (Global... 2010 p. 180). В 2011 г. число индийских студентов, подавших документы на обучение в вузах США, возросло по сравнению с предыдущим годом на 7%¹².

В последней волне индийских иммигрантов значительную роль играют специалисты в области информационных технологий. Доля обладателей дипломов о высшем образовании (*degree*) среди британцев индийского происхождения (27.2% в 2006г.) выше, чем среди белых британцев (18.8%). В силу высокого образовательного уровня и успехов в сфере бизнеса доходы британских индийцев превышают среднюю величину доходов населения Великобритании.

Экономические успехи китайского и индийского меньшинств тесно связаны с усилением экономической мощи Китая и Индии, позволяющим китайским и индийским бизнесменам создавать этнические экономики на

¹² More Indians going to US universities: Survey. The Times of India Chennai, Apr. 16 2011. http://articles.timesofindia.indiatimes.com/2011-04-16/chennai/29425080_1_indian-students-international-students-united-states-india-educational-foundation

территории развитых стран. Ряд исследователей (Min Zhou, Mingang Lin, 2005) говорят в этой связи о китайском этническом капитале, который, наряду с финансовым, включает также человеческий и социальный капитал и позволяет китайским бизнесменам в США наладить глобальные логистические цепочки. Использование труда китайских иммигрантов в этнической экономике, наряду с их высоким образовательным уровнем, являются причинами того, что безработица среди китайцев в США опустилась ниже средней для этой страны отметки. Так, в 2009г. уровень безработицы среди китайцев в США был на 2.5 процентных пункта ниже, чем в целом по населению США (US... 2009).

Изменение характера миграционных связей между постиндустриальными странами и азиатскими гигантами подготавливает почву для нового мультикультурализма в странах Запада.

Мировой Север: контуры нового мультикультурализма

Контуры еще одного аттрактора – назовем его «новый мультикультурализм¹³» пока лишь намечаются. Разочарование «старым мультикультурализмом», зафиксированное в недавних заявлениях лидеров крупнейших европейских стран, очевидно. Традиционная критика мультикультурализма справа, замечает в этой связи К.Бантинг (Banting, 2010) дополнилась теперь атаками с левого фланга, представители которого опасаются, что иммиграция подорвет государство всеобщего благосостояния со свойственными ему значительными масштабами перераспределения. Сегодня мультикультурализм на Западе отстывает по всему фронту, его незабываемым бастионом остается лишь Канада¹⁴.

Это отступление, однако, представляется временным. Весьма вероятно, что на смену старому мультикультурализму, придет новый, менее идеологизированный и более прагматичный. В пользу этого вывода свидетельствует то, что темпы роста численности иммигрантских меньшинств (табл. 1) существенно опережают темпы их интеграции в принимающие общества. В более подробном изложении наблюдаемые тенденции состоят в следующем.

1. Среди меньшинств, занимающих неблагоприятное положение на рынке труда, уровень безработицы среди иммигрантов второго поколения

¹³ В данном докладе под мультикультурализмом понимается концепция, политика и практика, прославляющая многоцветие культур и отказывающая какой-либо из них, не исключая родной, в праве на доминирование, «центральность» не только в мире в целом, но и в отдельно взятой стране.

¹⁴ География Канады позволяет проводить иммиграционную политику, основанную на отборе кандидатов на переезд в странах их происхождения, что «сводит к минимуму социальную поддержку вновь прибывших, оставляя тем самым меньше места для обвинений иммигрантов в том, что они являются балластом для страны» (Banting, 2005).

во многих случаях даже выше, чем у иммигрантов первого поколения. Во Франции при переходе от первого ко второму поколению прогресс наблюдается лишь среди женщин, да и то не во всех меньшинствах (табл. 2). В Великобритании уровень безработицы среди представителей этнических меньшинств, рожденных в Великобритании (13,1%), в 2009 г. был даже чуть выше, чем у представителей меньшинств, рожденных за ее пределами (12,8%), и намного превышал уровень безработицы белых, родившихся в Соединенном Королевстве (7,1%)¹⁵.

Таблица 1

**Динамика численности населения и иммигрантских меньшинств
в некоторых развитых странах в 2000-х гг.**

Страны, иммигрантские меньшинства	Численность, тыс. человек		Прирост, %
	Начало 2000-х гг.	Конец 2000-х или начало 2010-х гг.	
США (2000, 2010 гг.)	281421.9	308745.5	9.7
Испаноговорящие американцы (<i>Hispanic or Latino origin</i>)	35305.8	50477.6	43.0
из них: мексиканцы	20640.	31798.3	54.1
Выходцы из стран Азии	10243.0	14674.3	43.3
Англия и Уэльс (2001, 2009 гг.)	52360.0	54809.1	4.7
Индийцы	1053.9	1434.2	36.1
Пакистанцы	728.4	1007.4	38.3
Бангладешцы	287.3	3922	36.5
Китайцы	233.3	454.5	94.8
Африканцы (<i>black African</i>)	494.9	798.8	61.4
Франция (1999, 2008гг.)	58518.7	64004.3	9.4
Иммигранты и дети иммигрантов из Алжира, Марокко, Туниса	2729.7	3441.8	26.1
Иммигранты и дети иммигрантов из др. стран Африки	679	963	41,8
Иммигранты из стран Азии	550.0	756.8	37.6
Италия (2001, 2010 гг.)	56977.2	60304.3	5.8
Граждане стран: Сев. Африки	267.7	646.6	141.5
др. стран Африки	118.8	285.2	140.1
стран Азии	214.7	688.4	220.6
в т.ч. Китая	46.9	188.4	301.7
Нидерланды (2001, 2010 гг.)	15925.5	16575.0	4.1
Иммигранты и дети иммигрантов из незападных стран	1409	2034	44.4

Источники: Демоскоп-Weekly <http://www.demoscope.ru/>; *The Hispanic Population: 2010/U.S. Census Bureau. Census 2010 Brief. Issued May 2011. P. 3; Immigrant population will reach 2 million within a decade/Statistics Netherlands. Press-release PR01-67;*

¹⁵ <http://data.london.gov.uk/datafiles/employment-skills/ea-rate-and-er-by-eg-and-nation.xls>.

Infos migration/Ministere de l'immigration..., №15, juillete 2010; Overview of Race and Hispanic.

Origin: 2010 Census Brief /U.S. Census Bureau. Issued March 2011.P. 4; Population Estimates by Ethnic Group 2002 – 2009/ Office for National Statistics Statistical Bulletin 18, May 2011; Population Estimates for UK, England and Wales, Scotland and Northern Ireland, Population Estimates Time series 1971 to Current Year. Released December 21, 2011. <http://www.ons.gov.uk/ons/rel/pop-estimate/population-estimates-for-uk--england-and-wales--scotland-and-northern-ireland/population-estimates-timeseries-1971-to-current-year/index.html>;

La popolazione straniera residente in Italia al 1 gennaio 2005/ISTAT Roma, 27 ottobre 2005; La popolazione straniera residente in Italia al 1 gennaio 2010.Roma, 12 ottobre 2010;OECD Database <http://stats.oecd.org>; Tribalat M. Une estimation des population d'origine étrangère en France en 1999//Population, V.59. 2004. №1. P. 68.

Таблица 2

Уровни безработицы (%) в первом и втором поколениях иммигрантов из развивающихся стран во Франции

Страна (регион) происхождения	Первое поколение иммигрантов		Второе поколение иммигрантов	
	мужчины	женщины	мужчины	женщины
Алжир	16	21	20	20
Марокко и Тунис	12	21	22	18
Турция	11	18	22	34
Африка Южнее Сахары	17	18	21	15
Юго-Восточная Азия	12	13	16	8

Источник: Trajectoires et Origines. Enquête sur la diversité des populations en France. Premiers résultats/INED, INSEE, Document de travail 168. Octobre 2010. P. 56.

2. Высокий уровень благосостояния китайского и индийского меньшинств не обязательно влечет за собой столь же высокий уровень их интеграции в принимающее общество. Напротив, занятость в китайской этнической экономике, как показывают эмпирические исследования, ограничивает жизнедеятельность пределами этнической общины и препятствует более широкому участию в жизни принимающего общества (Fong, Ooka, 2002).

3. Сохраняются существенные различия в структуре занятости меньшинств. Испаноговорящие американцы непропорционально широко представлены среди «голубых воротничков» - их доля среди рабочих промышленности и транспорта в 1,5 раза, а строительства и добывающей промышленности в 2,0 раза выше, чем во всем занятом населении. Азиатские иммигранты в США, напротив, наиболее широко представлены среди высоко-

коквалифицированных специалистов – их доля среди работников данной профессиональной группы в 3,4 раза выше, чем во всем занятом населении¹⁶.

4. С учетом сказанного наиболее реалистической представляется в настоящее время теория сегментарной ассимиляции (Portes, Min Zhou, 1993). Вопреки более ранним концепциям ассимиляции, эта теория исходит из того, что интеграция меньшинств Юга в принимающие общества вряд ли будет когда-нибудь полной. Интеграция различных меньшинств и различных слоев внутри меньшинств будет принимать различные формы и характеризоваться различной глубиной.

5. Суммарный коэффициент рождаемости у иммигрантских меньшинств обычно¹⁷ выше, чем у принимающих населений (таблица 3). С учетом более молодой возрастной структуры иммигрантов, это приводит к тому, что иммигрантские меньшинства вносят все больший вклад в общее число родившихся. Например, на долю испаноговорящих американцев, составлявших по данным переписи 2010 г. 16,3% населения США приходилось в 2009 г. 24,3% всех рождений (табл. 4). Это, в свою очередь, увеличивает долю иммигрантов среди молодежи.

Таблица 3

**Суммарный коэффициент рождаемости иммигрантских меньшинств
в некоторых странах Европы в первой половине 2000-х гг.**

Страна и период, для которого рассчитан коэф- фициент	Насе- ление страны в целом	Иммигрантские меньшинства			
		Тур- ки	Пакистан- цы	Бангла- дешцы	Выходцы из стран тропи- ческой Африки
Австрия (2000–2005)	1,38	2,96
Великобритания (2001–2005)	1,68	2,79	2,97	2,32
Нидерланды (2005)	1,71	2,22	4,4* (1999)
Швеция (2005)	1,77	2,62	3,82*

* Сомалийцы;

«...» – нет сведений.

Источники: (Sobotka... 2008), (Coleman, Dubuc...2010).

6. Доля представителей меньшинств в населении западных стран быстро растет. В США, по прогнозам Бюро переписей, численность белых неиспаноговорящих американцев, по-прежнему превышая численность

¹⁶ Рассчитано по: Bureau of Labor Statistics. Labor Force Statistics from the Current Population Survey <http://www.bls.gov/cps/cpsaat39.pdf>; <http://www.bls.gov/cps/cpsaat11.pdf>.

¹⁷ Из этого правила имеются исключения. Так, суммарный коэффициент рождаемости британских индийцев в указанном периоде составил 1,64, британских китайцев 1,24 (Coleman, Dubuc 2010, p. 8).

каждого из меньшинств в отдельности, начиная с 2040–2050 гг., начнет уступать их сумме (US 2009a). В Великобритании, по прогнозу исследователей из университета г. Лидс, доля белого населения британского происхождения снизится к 2051 г. до 67–78% (Ethnic...2010).

Таблица 4

Показатели рождаемости различных этнических групп США в 2009 г.

	Общий коэффициент рождаемости ‰	Суммарный коэффициент рождаемости	Доля в общем числе рождений, %
Все население	13,5	2,01	100,0
Неиспаноязычные белые (<i>Non-Hispanic white</i>)	11,0	1,78	53,6
Испаноязычное население (<i>Hispanic or Latino</i>)	20,6	2,73	24,3
Неиспаноязычные афроамериканцы (<i>Non-Hispanic black</i>)	15,8	2,03	14,8
Выходцы из стран Азии и Океании	16,2	1,96	6,1
Индейцы и народы Аляски	13,9	1,78	1,2

Источник: (*National...2010*).

Подобная этнодемографическая структура населения означает, что культурное наследование «западных ценностей» и паттернов поведения в рамках нескольких поколений семьи будет характерно лишь для половины населения в США и двух третей (или несколько большей доли) населения Великобритании. Для остальной части социума будет характерна сегментарная ассимиляция (Portes, Min Zhou, 1993; Portes et al., 2005), включающая широкий спектр вариантов поведения - от демонстративного отвержения «западных ценностей» до внутреннего принятия их в одних сферах жизнедеятельности и неприятия в других. Упорное навязывание столь многочисленной части социума единой государственной идентичности, основанной на западных ценностях, окажется сопряженным со слишком большими политическими издержками и рано или поздно сойдет на нет.

Возвращению мультикультурализма, парадоксальным образом, могут способствовать как мягкая либеральная, так и жесткая селективная иммиграционные политики. Либеральная политика приводит к быстрому увеличению числа иммигрантов, не успевающих адаптироваться к новым условиям. Рестриктивная селекция повышает «качество» иммигрантов и уменьшает их зависимость от социального государства, что способствует толерантному отношению к вновь прибывшим и их культуре.

Наконец, (в порядке перечисления, но не значимости) следует учитывать, что мультикультурализм, меняя западные общества, не нарушает их

функциональности. Он не посягает на их экономическую систему, поскольку иммигрантские меньшинства, сохраняя особость, находят в ней свои ниши, и легко вписывается в любые политические формы, будь то монархия, или демократия. Прежняя политическая элита, кооптировав в свой состав представителей меньшинств, и в условиях мультикультурализма вполне способна сохранять контроль над командными высотами, не позволяя мультикультурализму «выйти из берегов».

Возвращение мультикультурализма повлечет за собой серьезные изменения в структуре западных обществ. Весьма вероятно, что многие из них будут постепенно превращаться в конгломераты этносоциальных групп, скрепленных, скорее, экономической и экологической взаимозависимостями, нежели «западными ценностями», интериоризованными большинством населения.

Другим сценарием развития событий, отчасти дополняющим, а отчасти альтернативным рассмотренному, является «четвертый демографический переход» (Ионцев, Прохорова 2011) - быстрый рост числа браков между представителями мирового Севера и Юга. Здесь снова возможны варианты, наиболее реальным из которых является «сегментарная ассимиляция» (Portes, Min Zhou, 1993), от которой уже говорилось выше.

Заключительные замечания

Влияние «классической» теории демографического перехода на дальнейшее развитие демографической теории было не только позитивным, но и негативным. Имплицитным следствием этой теории стало представление о том, что диффузия демографических инноваций и в дальнейшем будет происходить таким же образом, как при первом демографическом переходе. Предполагалось, что такие инновации могут: (а) возникать только на мировом Севере и (б) непременно должны охватывать затем весь мир. Оба предположения не оправдались. Новые демографические феномены возникали не только на мировом Севере, но и на Юге, а механизм их влияния на остальной мир был иным, чем в случае демографического перехода.

Теория второго демографического перехода (Lesthaeghe, Van de Kaa, 1986) была создана по образу и подобию теории первого демографического перехода и унаследовала ее базовые предпосылки. Однако демографические инновации, возникшие в Европе в 1970-е годы, представляют собой феномен иного типа, чем первый демографический переход. Ученые, обратившие внимание на этот факт (Coleman, 2004), оказались в явном меньшинстве, однако они, на мой взгляд, были правы. Второму демографическому переходу не уготована судьба первого. По мере удаления от центра возникновения, европейский феномен трансформируется в явления иного типа. Кроме того, третий демографический исключает всеобщность

второго¹⁸. Прогностические возможности теории второго демографического перехода существенно ослабляются тем, что, обращаясь к иному по сравнению с теорией первого демографического перехода кругу процессов, она наследует базовые предпосылки последней.

Новые феномены, демографические *par excellence*, или тесно связанные с ними, возникали не только на мировом Севере, но и на мировом Юге. К их числу относится формирование мощного центра притяжения мигрантов в странах Персидского залива, беспрецедентно быстрое снижение рождаемости в Китае, возникновение крупномасштабного потока рабочей силы из внутренних районов КНР в быстро развивающиеся приморские провинции и т.д.¹⁹

Воздействие этих феноменов на остальной мир было иным, чем в случае первого демографического перехода. Феномены стран Персидского залива и Китая, не повлияли на демографическое поведение жителей мирового Севера. Тем не менее, эти феномены не были по отношению к нему нейтральными. Новые центры крупномасштабного спроса на неквалифицированную рабочую силу, возникшие на Юге, переключили на себя миграционные потоки, которые, в противном случае, хлынули бы на Север. «Новый мультикультурализм», если ему суждено состояться, также станет порождением импульсов Юга, преломленным в институциональной призме Севера.

Новые демографические или тесно связанные с ними феномены, возникающие в регионах, образуют гравитационные поля, пронизанные разнонаправленными политическими и идеологическими влияниями. Движение в этих полях происходит по значительно более сложным и менее предсказуемым траекториям, чем это утверждают теории, основанные на жестких версиях детерминизма.

Литература

1. Вишневецкий А.Г. Демография в Экономическом журнале // Экономический журнал Высшей школы экономики. 2011, том 15, №4, с. 405–408.
2. Ионцев В., Прохорова Ю. Глобальные перспективы миграции и брачности. Возможен ли четвертый демографический переход // Международная миграция населения: вызовы глобализации – М., 2011, с. 6–19.
3. Клупт М.А. Теория демографического развития: институциональная перспектива // Общественные науки и современность. 2005, № 2, с. 139–149.

¹⁸ Более подробная аргументация данных тезисов приведена в (Клупт, 2010).

¹⁹ По оценкам Всемирного банка, в динамично развивающиеся прибрежные районы КНР из западных и центральных провинций переселилось около 150 млн. китайцев (Новый..., 2009, с. 17). В странах Персидского залива работают около 15,1 млн. иностранцев (World... 2010, p. 209).

4. Клунт М.А. Демография регионов Земли. - СПб.: Питер, 2008 – 347 с.
5. Клунт М.А. Демографическая повестка XXI века: теории и реалии // Социологические исследования 2010. № 8, с. 60–71.
6. Клунт М.А. (2010а) Аттракторы демографического развития - один или несколько?// Санкт-Петербургский научный форум «Наука и общество. Экономика и социология XXI века» (V Петербургская встреча лауреатов Нобелевской премии 18–22 октября 2010 г.). Тезисы докладов. – СПб., 2010, с. 348–355.
7. Коротаев А.В., Халтурина Д.А., Малков А.С., Божевольнов Ю.В., Кобзева С.В., Зинькина Ю.В. Законы истории: Математическое моделирование и прогнозирование мирового и регионального развития. Изд. 3, сущ. перераб. и доп. М., 2010.
8. Коулмен Д. Иммиграции и этнические сдвиги в странах с низкой рождаемостью – третий демографический переход в действии//Миграции и развитие. – М., 2007, с. 12–48.
9. Ларин А.Г. Китай и зарубежные китайцы. М., 2008.
10. Новый взгляд на экономическую географию. Доклад о мировом развитии/Всемирный банк. – М., 2009.
11. Панкратов К., Турчин П. Детотрясение // Эксперт, 27 декабря 2010 г.
12. Сobotка Т., Луцц В. Коэффициент суммарной рождаемости дает политикам дезориентирующие сигналы: не следует ли отказаться от этого показателя? //Экономический журнал Высшей школы экономики. 2011, том 15, №4, с. 449–471.
13. Banting K. Is There a Progressive's Dilemma in Canada? Immigration, Multiculturalism and the Welfare State. Presidential Address to the Canadian Political Science Association, Montreal, June 2, 2010 // Canadian Journal of Political Science /Revue canadienne de science politique. 2010. V. 43. Issue 4. P. 797–820.
14. Coleman, D. Why we don't have to believe without doubting in the 'Second Demographic Transition' – some agnostic comments // Vienna Yearbook of Population Research, 2004, Vienna, Austrian Academy of Sciences.
15. Coleman, D. Immigration and the Ethnic Changes in the Low Fertility Countries – a third demographic transition in the progress? // Migration and Development. Moscow, 2007, p. 10–42.
16. Coleman D.A., Dubuc S. The fertility of ethnic minorities in the UK, 1960s – 2006. Population Studies, First Article, 2010, pp. 1–23.
17. Ethnic Population Projections for the UK and Local Areas, 2001–2051. School of Geography, University of Leeds, July 2010. Online Publication.
18. http://www.geog.leeds.ac.uk/fileadmin/downloads/school/research/projects/migrants/WP_ETH_POP_PROJECTIONS.pdf.
19. Fong E., Ooka E. The Social Consequences of Participating in the Ethnic Economy//International Migration Review. V36. №1 (Spring 2002). P. 125–146.
20. Global education digest 2010. Comparing Education Statistics Across the World/UNESCO. Institute for Statistics. 2010.
21. Eisenstadt S. Multiple modernities // Daedalus; Winter 2000. Vol.129. № 1.

22. *Lesthaeghe R. Van de Kaa D. J.* Twee demografische transitities//In Bevolking Groei in Krimp. Dirk J. Van de Kaa and Ron Lesthaeghe (eds.) Van Loghum Slaterus, Deventer. 1986.

23. *Min Zhou, Mingang Lin.* Community Transformation and the Formation of Ethnic Capital: Immigrant Chinese Communities in the United States//Journal of Chinese overseas. 2005. V. 1. № 2 P. 260–284.

24. *Myrskylä* <http://www.demoscope.ru/weekly/2009/0401/analit04.php> – *_FNR_1 M, Kohler H.-P., Billari* <http://www.demoscope.ru/weekly/2009/0401/analit04.php> – *_FNR_3 F.* Advances in development reverse fertility declines// Nature, Vol. 460, 6 August 2009, pp. 741–743.

25. National Vital Statistics Report 2009, Vol. 59, No3. Births: Preliminary Data for 2009. Dec. 21, 2010.

26. *Portes A., Min Zhou.* The New Second Generation: Segmented Assimilation and its Variants Among Post-1965 Immigrant Youth//The Annals of the American Academy of Political and Social Sciences, 1993. V. 530. P. 74–96.

27. *Portes A., Fernández-Kelly P., Haller W.* Segmented assimilation on the ground: The new second generation in early adulthood // Ethnic and Racial Studies 2005. V. 28. P. 1000–1040.

28. Report of the High Level Committee on the Indian Diaspora. New Delhi. 2001.

29. *Sobotka T.* Overview Chapter 7: The rising importance of migrants for child-bearing in Europe. Demographic Research. Vol. 19, article 9, pp. 225–248. Электронный журнал. <http://www.demographic-research.org/volumes/vol19/9/>.

30. US Census Bureau. S0201. Selected Population Profile in the United States Population Group: Asian Indian alone or in any combination. Chinese alone or in any combination 2009 American Community Survey 1-Year Estimates.

31. US Census Bureau. 2009a National Population Projections (Supplemental). Analytical Document. P. 17. <http://www.census.gov/population/www/projections/analytical-document09.pdf>.

Mikhail Klupt,
Russia, St.Petersburg

Demographic Changes as a Multi-Choice Process: Role of the Regions

Abstract

Paper challenges the theories of the first and second demographic transition and presents alternative view on the global demographic changes. Excessively rigid determinism of these theories as well as underestimation of the innovative role of the world South, especially China and India in the present-day global change are criticized. The empirical evidence verifies the fact that civilizational

regions, both in the North and in the South continue generating the new phenomena which strongly influence the global changes. In this context arising of high and low fertility attractors in the North, eventual “new multiculturalism” in U.S. and Europe, bidirectional North-South knowledge migrations are analyzed. Permanent interplay of the new phenomena which emerge in the civilizational regions make global demographic changes more complicated and less predictable than it is asserted by demographic transition theories.

Introduction

This paper deals with two questions which lie on the intersection of demography and philosophy of history. The first one concerns multi-choice character of a history or in more particular case the demographic change; the second one is about the role of the regions in it. In addition, epistemological aspect of these questions is considered. I try to show that expanding of research scope beyond the limits of the demography *per se* requires the theory which is based on more general fundamentals than demographic transition theory. The theories of the first and the second demographic transitions which dominate in present-day theorizing proceed from the assumption that multi-choice character of the global changes may be reduced to certain variability in the neighborhood of the general trend. In these conceptions a region plays an inferior role, since the demographic change is supposed to be directed by the global demographic regularities corrected in a way by local singularities. Such theories suppose a demographic history to be the process with the known (to the adherents of the theory) final. This approach is underlain modernization and westernization theories or closely coupled with them.

This paper develops alternative approach to the given issue (Klupt, 2005, 2008, 2010). I attempt to show the role of new phenomena in demographic change. Generally, such phenomena are spatially localized. They arose as the attractors, at first only the potential ones, since the other regions may follow the innovative region or may not. Thus, the regions become the sources and the bearers of multi-choice character of the demographic changes. The historical and philosophical fundamentals of given approach are civilizational analysis and multiple modernities theory (Eisenstadt, 2000). More generally, it is based on the version of determinism that treats a history as a process with the unknown final.

Unfolding the alternatives folded in the new demographic phenomenon may lead to the follows.

1. The regional innovation transforms to the worldwide practice.
2. New phenomenon emerges as a result of interaction of certain regions and is confined inside of their borders. Nevertheless, given phenomenon due to its geopolitical importance affects the rest of the world. This can be exemplified

by transforming of the migrations between India and China (on the one hand) and postindustrial North (on the other) from brain drain to bidirectional knowledge migration.

3. Regional innovation is still confined within the given civilizational region but due to demographic weight and/or geopolitical importance of this region affects the rest of the world. The examples are third demographic transition in postindustrial North (Coleman, 2007) or one child policy in China.

4. Regional policy remains to be a regional phenomenon.

Possibility of any alternatives mentioned above means that demographic change is multi-choice process with open final.

This paper does not pretend to cover all new regional phenomena, the demographic ones or closely coupled with them, which arose for the last decades. We shall only characterize only some new phenomena and formulate the general conclusions on their role in global changes.

Fertility in the North: emerging of the high attractor

Approaching of fertility to replacement level is in the poor agreement with the dominant demographic theories. Meanwhile the paper (Myrskylä et al., 2009) published in the world-known journal highlighted the direct correlation between human development index and fertility in developed countries. No wonder that it provoked the heated discussion in Russia. According to some authors (Korotaev et al., 2010; Pankratov, Turchin ... 2010) fertility growth evidences beginning of the new stage of second demographic transitions. The others, on the contrary, support those European demographers who suppose fertility growth to be illusion produced by tempo effect (Vishnevsky, 2011; Sobotka, Lutz 2011).

In my opinion, there are no convincing empirical evidences that allow to interpret fertility growth as the new phase of the second demographic transition. Nevertheless, fertility approaching to replacement level deserves attention and is confirmed both cohort and period indices. Total number of the births in the 1965 cohort in U.S. (2.07), Norway (2.07), Australia (2.03) and France (2.02) contrasts strongly for example with those in Italy (1.49) or Spain (1.59). Thus, the hypothesis of emerging two fertility attractors, the high and the low ones in the developed world (Klupt, 2010a, Korotaev et al., 2010) is based on the weighty empirical arguments. Both attractors are localized in the certain regions, the high in U.S., France, and Northern Europe, while the low in German-speaking countries, Southern Europe and the countries which experienced transformational shock in the 1990s.

Transition theories presume that the further demographic changes in the North will be convergent. In my opinion, it would be more productive to consider such changes as the competition which potentially may have at least three

different outcomes, (a) contraction to the high attractor, (b) contraction to the low one and (c) conservation of the present differentiation. The last scenario is highly probable because of path dependence; as data show the high and the low ranking countries rarely change over their position (figure 1). In this case as well as in many others path dependence is caused by inertia of institutional structure. Labour markets as well as the dominant practices of combining the professional and parent roles evolve slowly and in large extent spontaneously; their purposeful changing is highly complicated.

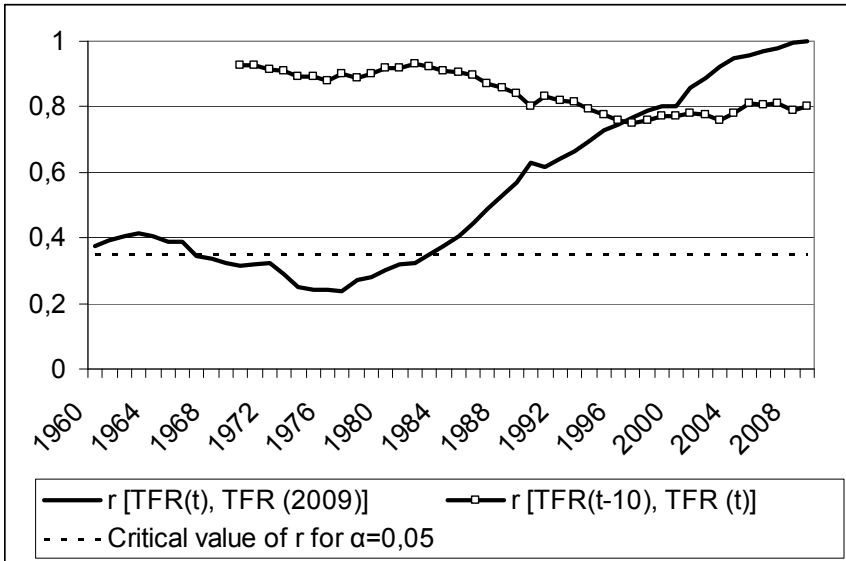

Fig. 1. Some correlations among total fertility rates (TFR) in 32 OECD countries in 1960–2009

Asian giants and the North: new character of migrations

Traditionally China and India were the providers of cheap labour force for the North²⁰. In the last decades this character of migrations changed significantly. Chinese and Indian communities thrive in the postindustrial North and communicate permanently with their countries of origin. Flows of capitals and knowledge between Asian giants and the postindustrial North became reciprocal.

The share of students and specialists among the Chinese immigrants in the developed countries is increasing. According UNESCO, the number of Chinese students abroad was 441.2 thousands including 110.2 thousands in U.S. в ЧИИА

²⁰ It should be mentioned though that Zoroastrian (Parsi) physicians and lawyers from Gudjarat arrived to England from the 18th century (Report...2001, p. 122), and D.Naorji, Indian Parsi businessman and educator was elected in British Parliament in 1892.

(Global... 2010 p. 177). Only some of them come home but return rate is large enough and tend to increase. By 2006 275 thousand from 1067 thousand Chinese educated abroad came back to China (Larin, 2008, p. 19). The number of Chinese (alone or in any combination) in U.S. is about 3.8 million.

While India continues large-scale export of unskilled workers mainly in the Gulf countries Indians communities in developed countries are deeply integrated in their economies and often play vanguard role. In Silicone Valley for example 4 out of 10 startups in the end of XX century were Indian, about one-third of engineers were of Indian descent, 7 per cent of the high-tech firms were led by Indian CEOs (Report...2001, p. 417). Median income of Indian households in U.S was 76.3 per cent higher U.S. average (US...2009). In 2008 94.7 thousand studied in U.S., 25.9 thousand in UK (Global... 2010 p. 180). In 2011 the number of Indian applicants to US graduate programmes has increased by 7% as compared with previous year²¹.

In the latest wave of Indian immigrants there are a lot of IT-specialists. Percentage of persons with degree among British Indians (27.2 in 2006) exceeds that of white British (18.8). Due to higher educational attainment and business advancement the incomes of British Indian exceed the UK average. Economic advancement of Chinese and Indian minorities is closely coupled with the economic strengthening of their countries of origin which contribute to developing ethnic economies in the developed countries. According to (Min Zhou, Mingang Lin, 2005), the fact that Chinese ethnic capital includes not only financial but also human and social capitals encourages Chinese businessmen in U.S. to set up new global logistic chains.

Both employment of American Chinese in ethnic economy and the high educational attainment are the reasons why unemployment rate among them is lower than U.S. national average. Changes in the character of migration flows between postindustrial countries and Asian giants pave the way for new multiculturalism in the Western countries.

The North: outline of a new multiculturalism

The contours of other attractor which may be defined as a new multiculturalism²² are looming yet. Disillusion of "old multiculturalism" fixed by recent statements made by the leaders of the biggest European countries is evident. As Banting (2010) noted, habitual criticism of multiculturalism from the right is

²¹ More Indians going to US universities: Survey. The Times of India Chennai, Apr. 16 2011. http://articles.timesofindia.indiatimes.com/2011-04-16/chennai/29425080_1_indian-students-international-students-united-states-india-educational-foundation

²² In this paper by the term "multiculturalism" are meant conception, policy and practice which glorify pluralism of the cultures and reject the right of any culture including native one to be "central" and dominant both in the world and in a given country.

added now by attacks from the left caused by concern of undermining a welfare state traditionally based on large-scale redistribution. Nowadays multiculturalism retreats everywhere except Canada, its unshakeable bastion²³.

However this retreat seems to be temporary. Most likely the old multiculturalism will be replaced by the new one, less ideational and more pragmatic. This is confirmed by fact that immigration minorities increasing in number (table 1) passes ahead of integration paces. At greater length the trends observed are as follows.

1. In many cases unemployment rate for the second generation of disadvantaged minorities is even higher than for the first one. In France the second generation performs better only among women and not in all minorities (table 2). In the UK unemployment rate for the members of minorities born in the UK (13.1 per cent) was in 2009 slightly higher than for members of the same minorities born abroad (12.8 per cent) and much higher than for white British born in the UK (7.1)²⁴.

2. Economic advancement of Chinese and Indian minorities is not always well matched with social integration. On the contrary, working in ethnic economies, as empirical research shown, hampers participation in the social activities in the wider society (Fong, Ooka, 2002).

3. Differences in the occupational distributions of minorities are persistent. Americans of Hispanics/Latino origin are overrepresented among blue collars; the share of Americans of Hispanics/Latino origin among workers in industry and transport is half as much again as among all employed Americans, in construction and extraction is twice as much. Americans of Asian origin, on the contrary, are overrepresented among the professionals with the share employed in professional occupations 3.4 times higher than among all employed Americans²⁵.

4. With a glance of aforeasaid, the segmented assimilation theory (Portes, Min Zhou, 1993) seems today to be the most realistic. In spite of the earlier assimilation conceptions this theory comes from the fact that the minorities from the South will scarcely be assimilated completely. The characters and the depth of integration will vary both among the different minorities and among the different strata within them.

²³ Canadian geography contributes to immigration policy based on selection of candidates in the countries of origin. The latter minimizes “the dependence of newcomers on social support, providing less room for attacks on immigrants as a burden on the country” (Banting, 2010, p. 814).

²⁴ <http://data.london.gov.uk/datafiles/employment-skills/ea-rate-and-er-by-eg-and-nation.xls>.

²⁵ Calculations on the basis: Bureau of Labor Statistics. Labor Force Statistics from the Current Population Survey <http://www.bls.gov/cps/cpsaat39.pdf> ; <http://www.bls.gov/cps/cpsaat11.pdf>.

5. Total fertility rate among immigrant minorities is commonly higher²⁶ than among receiving population in a whole (table 3). This fact as well as younger age composition results in increasing immigrants' contribution to the total number of the births. For example, Americans of Hispanics/Latino origin contributed 24.3 per cent of all births in U.S., although they made up only 16.3 percent of the population (table 4). This in turn increases the share of immigrants among youth.

6. Percentage of minorities in the population of Western countries rapidly increases. According to U.S. Bureau of Census, the number of Non-Hispanic White will be larger than any separate minority but less than their total sum from 2040s – 2050s onward (US 2009a). According to the forecast implemented in University of Leeds, the percentage of White British in the UK population will go down and will make up from 67 to 78 per cent in 2051 (Ethnic...2010).

Such ethnic composition means that intergenerational transmission of western values will comprehend circa a half of population in U.S. and two thirds or a little more in the UK. The rest will experience segmented assimilation (Portes, Min Zhou, 1993; Portes et al., 2005) which implies a wide range of behavioral patterns from the total rejection of the western values to the mixed models which imply acceptance these values in one domains and rejection in the others. Given these circumstances imposing to minorities the single national identity based on the western values will be coupled with the unacceptable political costs and earlier or later will be stopped.

Paradoxically, both liberal and restricted immigration policies may contribute to coming multiculturalism back. Liberal policy increases the number of immigrants who will have no enough time to integrate. Restrictive selection results in improving of immigrants' quality and minimizing their dependence on welfare state that in its turn contributes to the tolerance towards newcomers and their cultures.

Table 1

Increase in the number of immigrant minorities populations in some developed countries in 2000s

Countries and minorities	Number, thousand persons		Change, per cent
	Early 2000s	Late 2000s or early 2010s	
U.S. (2000, 2010)	281421.9	308745.5	9.7
Hispanic or Latino	35305.8	50477.6	43.0
Mexican	20640.	31798.3	54.1
Asian	10243.0	14674.3	43.3
England and Wales (2001, 2009)	52360.0	54809.1	4.7

²⁶ Among the exceptions are total fertility rates among British Indian and British Chinese), correspondingly 1,64 and 1,24 in 2001-2005 (Coleman and Dubuc... 2010, p. 8).

Countries and minorities	Number, thousand persons		Change, per cent
	Early 2000s	Late 2000s or early 2010s	
Indians	1053.9	1434.2	36.1
Pakistani	728.4	1007.4	38.3
Bangladeshi	287.3	3922	36.5
Chinese	233.3	454.5	94.8
Black African	494.9	798.8	61.4
France (1999, 2008)	58518.7	64004.3	9.4
Immigrants and the children of immigrants from Algeria, Morocco, Tunisia	2729.7	3441.8	26.1
Immigrants and the children of immigrants from other African countries	679	963	41,8
Immigrants from Asia	550.0	756.8	37.6
Italy (2001, 2010)	56977.2	60304.3	5.8
<i>Citizens of</i> : countries of Northern Africa	267.7	646.6	141.5
Other African countries	118.8	285.2	140.1
Asian countries	214.7	688.4	220.6
China	46.9	188.4	301.7
Netherlands(2001, 2010)	15925.5	16575.0	4.1
Immigrants and the children of immigrants from Non-Western countries	1409	2034	44.4

Sources: *Демоскоп-Weekly* <http://www.demoscope.ru>; *The Hispanic Population: 2010/U.S. Census Bureau. Census 2010 Brief. Issued May 2011. P. 3*; *Immigrant population will reach 2 million within a decade/Statistics Netherlands. Press-release PR01-67; Infos migration/Ministere de l'immigration..., №15, juillete 2010*; *Overview of Race and Hispanic.*

Origin: 2010 Census Brief /U.S. Census Bureau. Issued March 2011.P. 4; Population Estimates by Ethnic Group 2002 – 2009/ Office for National Statistics Statistical Bulletin 18, May 2011; Population Estimates for UK, England and Wales, Scotland and Northern Ireland, Population Estimates Time series 1971 to Current Year. Released December 21, 2011. <http://www.ons.gov.uk/ons/rel/pop-estimate/population-estimates-for-uk--england-and-wales--scotland-and-northern-ireland/population-estimates-timeseries-1971-to-current-year/index.html>;

La popolazione straniera residente in Italia al 1 gennaio 2005/ISTAT Roma, 27 ottobre 2005; La popolazione straniera residente in Italia al 1 gennaio 2010.Roma, 12 ottobre 2010; OECD Database <http://stats.oecd.org>; Tribalat M. Une estimation des population d'origine étrangère en France en 1999//Population, V. 59. 2004. №1. P. 68.

At last but not at least it should be taken into account that multiculturalism while changes western societies break no their functionality. It does not encroach on their economic system since the immigrant minorities commonly can find their specific economic niches. In addition, multiculturalism may easily be inscribed in any political forms of a state, from monarchy to democracy. Politi-

cal elites co-opt voluntarily the members of minorities to retain a control of the key points and to prevent multiculturalism from overflowing its banks.

Table 2

Unemployment rate for the first and the second generations of immigrants from the developing countries in France, percentages

Country/region of origin	First generation		Second generation	
	Males	Females	Males	Females
Algeria	16	21	20	20
Morocco and Tunisia	12	21	22	18
Turkey	11	18	22	34
Sub-Saharan Africa	17	18	21	15
South-East Asia	12	13	16	8

Source: *Trajectoires et Origines. Enquête sur la diversité des populations en France. Premiers résultats/INED, INSEE, Document de travail 168. Octobre 2010. P. 56.*

Table 3

Total fertility rates among immigrant minorities in some European countries in the first half of 2000s

Country and time period	Total fertility rate				
	Popula- tion in total	Immigrant minorities			
		Tur- keys	Pakistani	Bangladeshi	Black Africans
Австрия (2000–2005)	1,38	2,96
Великобритания (2001–2005)	1,68	2,79	2,97	2,32
Нидерланды (2005)	1,71	2,22	4,4* (1999)
Швеция (2005)	1,77	2,62	3,82*

* *Somalis* ; «...» -no data. Sources: (Sobotka 2008), (Coleman and Dubuc 2010)

Table 4

Fertility indices for the various ethnic groups in U.S. in 2009

Ethnic groups	Birth per 1000 population	Total fertility rate	Percentage in the total number of birth
Population in total	13,5	2,01	100,0
Non-Hispanic white	11,0	1,78	53,6
Hispanic or Latino	20,6	2,73	24,3
Non-Hispanic black	15,8	2,03	14,8
Asian and Oceanian	16,2	1,96	6,1
American Indian and Alaska Na- tives	13,9	1,78	1,2

Return of multiculturalism will result in the considerable structural changes of western societies. They may transmute into conglomerates of ethnosocial

groups which will co-operate rather on the basis of economic and environmental interdependencies than on the the western values interiorized by majority of population.

The other scenario, partly alternative and partly supplemental to examined above is the “forth demographic transition” (Iontsev, Prokhorova, 2011), the rapid growth in number of interethnic marriage between “northerners” and “southerners”. The wide range of alternatives are possible here; segmented assimilation (Portes, Min Zhou, 1993) seems to be the most realistic one.

Conclusive remarks

The influence of demographic transition theory on demographic theorizing was not only positive but also negative. The implicit conclusion arisen from this theory was that diffusion of the future demographic innovations will be similar to those in the first demographic transition. It was presumed that such innovations must arise in the North and then spread all over the world. Both assumptions proved to be wrong. New demographic phenomena emerged not only in the North but also in the South and the mechanisms of their influence on the rest of the world differed from the first demographic transition.

Second demographic transition theory (Lesthaeghe, Van de Kaa, 1986) was constructed by the image and likeness of the (first) demographic transition theory and inherited its basic premises. However, the demographic innovations that emerged in Europe in 1970s were the phenomenon of other type than the first transition. The scholars who pointed out this fact (Coleman, 2004) while found themselves in the evident minority were right though. The destinies of the first and the second demographic transitions are not the same. European phenomenon when moving away from its epicenter transforms in something other. In addition, the third demographic transition excludes the universality of the second one.²⁷ Prognostic power of the second demographic theory is substantially weakened by discrepancy between its new scope and old premises inherited from the first demographic transition theory.

New phenomena, demographic par excellence or coupled closely with demographic change, emerged not only in the North but also in the South. These phenomena included forming powerful center of migrants’ attraction in the Gulf countries, unprecedented fertility decline in China, emerging of large-scale labour migration from the inner regions of China to its rapidly developing maritime provinces and so on²⁸. The way by which these phenomena influenced the

²⁷ I argued it at greater length in (Klupt, 2010).

²⁸ According to World Bank estimations, about 150 millions Chinese migrated from the Western and Central Regions of China to rapidly developing maritime provinces (Reshaping...2009, p. 17). The number of foreign workers in the Gulf countries is about 15,1 millions (World... 2010, p. 209).

rest of the world was other than in the case of the first demographic transition. While Gulf and Chinese phenomena did not affect the demographic behaviour of the northerners the influence of these phenomena on the North was tangible. New centres of the large-scale labour demand in the South attracted migration flows which otherwise would have poured into the North. New multiculturalism if it would arise will be generated by impulses of the South refracted in the institutional prism of the North.

New demographic phenomena which arise in the regions generate the gravitation fields transpierced by the differently directed lines of the political and ideational forces. Motion paths in these fields are more complicated and less predictable than it is asserted by the theories based on the rigid versions of determinism.

References

1. *Banting K.* Is There a Progressive's Dilemma in Canada? Immigration, Multiculturalism and the Welfare State. Presidential Address to the Canadian Political Science Association, Montreal, June 2, 2010. Canadian Journal of Political Science/Revue canadienne de science politique. 2010. V. 43. Issue 4. p. 797–820.
2. *Coleman D. A., Dubuc S.* The fertility of ethnic minorities in the UK, 1960s – 2006. Population Studies, First Article, 2010, p. 1–23.
3. *Colema, D.* Immigration and the Ethnic Changes in the Low Fertility Countries – a third demographic transition in the progress? Migration and Development. Moscow, 2007, p. 10–42.
4. *Coleman D.* Why we don't have to believe without doubting in the 'Second Demographic Transition' – some agnostic comments/Vienna Yearbook of Population Research, 2004, Vienna, Austrian Academy of Sciences.
5. *Eisenstadt S.* Multiple modernities. Daedalus; Winter 2000. Vol. 129. №1.
6. Ethnic Population Projections for the UK and Local Areas, 2001–2051. School of Geography, University of Leeds, July 2010. Online Publication.
7. http://www.geog.leeds.ac.uk/fileadmin/downloads/school/research/projects/migrants/WP_ETH_POP_PROJECTIONS.pdf.
8. *Fong E., Ooka E.* The Social Consequences of Participating in the Ethnic Economy. International Migration Review. V36. №1 (Spring 2002). P. 125–146.
9. Global education digest 2010 Comparing Education Statistics Across the World/UNESCO. Institute for Statistics. 2010.
10. *Iontsev V., Prohorova Y.* Global perspective of International Migration and Nuptiality: Is the Forth Demographic Transition Possible? In: International Migration of population: Challenges of Globalization. Moscow, 2011, p. 6–17.
11. *Klupt M.* Theory of demographic development: institutional perspective. Obshchestvennye nauki I sovremennost . 2005, №2, p. 139–149 (in Russian).
12. *Klupt M.* Demography of the regions of the world. St.Petersburg, 2008, 347pp. (in Russian).
13. *Klupt M.* Demographic agenda of 21st century: theories and reality. Sociologicheskie issledovaniya. 2010. №8, p. 60–71 (in Russian).

14. Klupt M. (2010a) Attractors of demographic change: one or many? St.Petersburg scientific forum "Science and Society. Economics and Sociology of 21st age" (The fifth St.Petersburg meeting of Noble Prize Laureates). October 18–22. Theses of papers. St.Petersburg, 2010. p. 348–355 (in Russian).
15. Korotaev A., Khalturina D., Malkov A., Bozhevol'nov Yu., Kobzeva S., Zin'kina Yu. The laws of History. Mathematic Modelling and forecasting of the world and regional development. Moscow, 2010 (in Russian).
16. Larin A. China and Chinese abroad. Moscow, 2008 (in Russian).
17. Lesthaeghe R. Van de Kaa D.J. Twee demografische transitities. In Bevolking Groei in Krimp. Dirk J.Van de Kaa and Ron Lesthaeghe (eds.) Van Loghum Slaterus, Deventer. 1986.
18. Min Zhou, Mingang Lin. Community Transformation and the Formation of Ethnic Capital: Immigrant Chinese Communities in the United States. Journal of Chinese overseas. 2005. V.1. №2 P. 260–284.
19. Myrskylä <http://www.demoscope.ru/weekly/2009/0401/analit04.php> - _FNR_1 M, Kohler H.-P., Billari <http://www.demoscope.ru/weekly/2009/0401/analit04.php> - _FNR_3 F. Advances in development reverse fertility declines// Nature, Vol. 460, 6 August 2009, pp. 741–743.
20. National Vital Statistics Report 2009, Vol. 59, No3. Births: Preliminary Data for 2009. Dec. 21, 2010.
21. Pankratov K., Turchin P. Childquake. Expert. 27 Dec., 2010 (in Russian).
22. Portes A., Fernández-Kelly P., Haller W. Segmented assimilation on the ground: The new second generation in early adulthood. Ethnic and Racial Studies. 2005. V. 28. P. 1000–1040.
23. Portes A., Min Zhou. The New Second Generation: Segmented Assimilation and its Variants Among Post-1965 Immigrant Youth. The Annals of the American Academy of Political and Social Sciences, 1993. V. 530. P. 74–96.
24. Report of the High Level Committee on the Indian Diaspora. New Delhi. 2001.
25. Reshaping economic geography. World Development Report/World Bank, 2009 (in Russian).
26. Sobotka T. Overview Chapter 7: The rising importance of migrants for child-bearing in Europe. Demographic Research. Vol. 19, article 9, pp. 225–248. Электронный журнал. <http://www.demographic-research.org/volumes/vol19/9/>.
27. Sobotka T., Lutz W. Misleading Policy Message from Period TFR: Should we Stop Using it? HSE Economic Journal 2011, vol. 15, p. 449–471.
28. US Census Bureau. S0201. Selected Population Profile in the United States Population Group: Asian Indian alone or in any combination. Chinese alone or in any combination 2009 American Community Survey 1-Year Estimates.
29. US Census Bureau. 2009a National Population Projections (Supplemental). Analytical Document. P. 17. <http://www.census.gov/population/www/projections/analytical-document09.pdf>.
30. Vishnevsky A. Demography in HSE Economic Journal. HSE Economic Journal 2011, vol. 15, p. 405–408 (in Russian).

***Сахвадзе А.Ш.,
Грузия, г. Тбилиси***

Демографическая статистика, как орудие политической борьбы в постсоветской Грузии

1. Роль и значение демографической статистики, как важнейшего орудия познания социально-экономического положения страны, особенно возросла после восстановления независимости, когда вследствие отмены единого, централизованного советского планового хозяйства Грузия сама должна была решить как использовать и распределить природные и другие материальные ресурсы страны для обеспечения того населения, которое к моменту распада СССР оказалось на территории Грузии. Для этого же необходимо было наличие упорядоченной, точной и детальной демографической статистики, но разгоревшаяся сразу же после распада СССР внутривнутриполитическая междоусобица и гражданская война (на территории Тбилиси, Абхазии и бывшей Южно-Осетинской АО) полностью разрушила четкую систему сбора, обработки и публикации данных демографической статистики, сформированную в советском периоде. Вследствие этого стал невозможным учет тех многотысячных потоков эмигрантов, которые в результате тяжелейшего экономического положения, в начале 1990-ых годов, возвратились на свои исторические родины (преимущественно – не грузины), или в поисках лучших условий жизни оказались за границей (в том числе и грузины).

2. Активизировавшей на фоне острого социально-политического и экономического кризиса эмиграции сопровождало ухудшение и без того неблагоприятной демографической тенденции, но из-за неупорядоченности демографической статистики определение их масштабов и интенсивностей до сих пор является предметом спора.

Как доказывает исторический опыт в налаживании демографической статистики одно из важнейших ролей, как правило, играет проведение всеобщей переписи населения. По этому, с этой точки зрения, очень большое значение имело проведение очередной переписи следовавшей за последней советской переписью 1989 года, которую вместо 1999 года, из-за отсутствия финансовых ресурсов, несмотря на пятикратное перенесение, все же удалось провести в Грузии в январе 2002 года, и которая еще до проведения приняла политическую нагрузку.

Из-за вышеотмеченных причин, в условиях ненадежной демографической статистики, с целью уточнения списков избирателей большинство оппозиционных партий требовали, чтобы перепись провести перед назначенными на 1998 год парламентскими выборами, а в дальнейшем аналогичное требование и угроза бойкотирования выборов прозвучало и перед президентскими выборами 2000-го года.

Несмотря на то, что между проведением выборов и переписью населения не существует непосредственной и прямой взаимозависимости, эта тема политическую окраску приобрела и вследствие того, что из предыдущего опыта оппозиция не хотела дать возможность властям манипулировать списками избирателей и этим путем фальсифицировать результаты выборов.

3. Еще большую политическую нагрузку приобрела демографическая статистика в условиях диктатуры политической партии «национальное движение», пришедшего в результате т.н. «революции роз» в 2003 году и находящуюся до сих пор у власти.

В начале новая власть (условно новая, т.к. реально вся сегодняшняя политическая элита, часть предыдущей власти) старалась путем манипулирования демографической статистикой показать, что будто бы в результате проведенных ими псевдореформ улучшилось демографическое положение государства и в страну возвращаются не только уехавшее в 1990-х годах население, но и среди оставшихся, значительно возросла рождаемость и соответственно показатели роста населения, что ими считалось индикатором поступательного развития. Более того, часто в выступлениях первого лица государства слышны были и такие фразы: «по сравнению с предыдущим годом рождаемость возросла на 30%», что было очень далеко от реальности, что почти даже теоретически невозможно достижение такого темпа роста за один год. Хотя объективным возражениям высказанных в прессе специалистами всегда сопровождало молчание и поэтому они оставались пустым звоном. Но, несмотря на такие факты, президент Грузии вновь продолжал использование демографической статистики в политических целях. Например, за два месяца до проведения местных выборов 2010 года, он говорил, что: «в 2009 году в Грузии прибыло на 164 тысяч человек больше, чем отсюда уехало», что практически означало зеленый цвет для правящей команды которая неоднократно была замечена в фальсификации выборов, чтобы манипулировать списками избирателей и с помощью фальшивых удостоверений личности, напечатанных не без помощи власти, они смогли бы, чтобы их сторонники голосовали в нескольких местах, что к сожалению им удалось, и несмотря на массовое недовольство народа, и часто вопреки протесту, они вновь сохранили власть.

Уровень развала и абсурдность демографической статистики дошло и до того, что например, по данным на 2008 год, из 65 административных единиц в 5-ти общий коэффициент рождаемости был зафиксирован в пределах от 80 до 140 промилле, тогда как, теоретический и исторический максимум этого показателя не может превышать 60 промилле. Но после справедливой критики высказанной специалистами статистическая служба страны вовсе прекратила обработку региональных демографических показателей.

4. Особо следует отметить историю перенесения всеобщей переписи населения 2010 года назначенной еще в 2005 году, которая именно по политическим причинам была перенесена на неопределенный срок. До середины 2009 года проведению переписи ничего не препятствовало, но вследствие обострившегося в этот период политического протеста (в течение 4 месяцев проводились многотысячные митинги) власть вынуждена была назначить местные выборы на весну 2010 года. Но для того, чтобы не было определено точное число избирателей и не выпустить из рук важнейший рычаг фальсификации результатов выборов, правительство без всякой аргументации и юридического документа передумало проведение назначенной на январь 2010 года всеобщей переписи населения, для перенесения которой не финансовых и никаких других объективных причин, кроме политических, не существовало.

5. Нынешняя власть Грузии до того увлеклась в своих демографическо-статистических фантазиях, что совсем потеряла чувство реальности и утверждает, что в ближайшие 5–10 лет г. Батуми с его 120 тысячным населением увеличится до 300 тысяч, а население 200 тысячного г. Кутаиси достигнет полумиллиона. Что особенно важно, правительство намерено в ближайшие 10–15 лет, у границ Абхазии, построить совершенно новый полумиллионный город Лазику. Хотя никто не дает ответа, кто же будет жить в этом городе, переселенное из почти опустошенных регионов население, или это произойдет за счет естественного прироста, или же за счет иммигрантов из других государств. Так что с этой точки зрения для многочисленных сплетен существует благодатная почва. Тем более, что власть создает тепличные условия фермерам иммигрантам из далекой Южноафриканской республики, а местное население не может вырваться из крайней нищеты.

6. Из всего отмеченного и еще об очень многих демографическо-статистических ляпсусов (например, официальная статистика о миграции публикует данные только о сальдо миграции, которая в большинстве случаев совершенно не отражает реальное положение дел), до настоящего времени не удается установление точной численности и состава населения Грузии, что с одной стороны обуславливает очень большой разброс экспертных оценок и с другой стороны, осложняет объективную оценку существующей в стране реальной демографической обстановки и поиска путей для выхода из создавшегося тяжелейшего демографического положения (по прогнозам ООН население Грузии к 2025 году сократится до 3,9 млн. человек), что в конечном счете нанесет серьезный ущерб демографическому положению нашей страны. Хотя, как видно, сегодняшняя политическая власть рассматривает население, как массу избирателей, а не как главнейшее богатство страны. Нам кажется следствием именно такого хладнокровного отношения к демографическим процессам и тот факт, что в условиях нынешней власти произошло игнорирование демографии как науки практически на всех уровнях, например, ликвидирована кафедра

демографии в Тбилисском гос. университете сформированной еще при предыдущей власти; департамент демографии в составе министерства труда, здравоохранения и социальной защиты; из вузовских программ изъят предмет – демография; фактический закрыт институт демографии и социологии в системе АН Грузии; прекращен выпуск журнала «Демография», и без того малочисленные кадры демографов на пропитание зарабатывают другими видами деятельности и с нетерпением ждут, что пришедшая после парламентских выборов новая власть в октябре 2012 года может обратит внимание на жизненно важную отрасль для страны, а именно – демографическую статистику (и вообще всю демографическую науку), и не использует ее таким же политическим орудием, как это делает нынешняя власть.

***Афанасьев Д.А.,
Россия, г. Людиново***

Факторы роста. Миграционная привлекательность России

Миграционные процессы в мировых масштабах в настоящее время стали нормой. Каждое государство старается выстраивать свою модель миграционной привлекательности в зависимости от экономической и геополитической ситуации.

В настоящее время Россия находится в стадии фундаментальных преобразований, успех которых во многом определяет как экономическую ситуацию в стране в целом, так и благоприятность ее миграционного климата. С другой стороны, в условиях финансовой несостоятельности многих российских территорий (моногородов), различного положения социальной сферы, очевидно, не обойтись без доминирующей роли государства в регулировании миграционных процессов.

России требуется также более активно участвовать в управляемой миграционной деятельности, а также выработать меры по преодолению возможных негативных последствий.

Особое внимание следует обратить на следующие тренды, а именно, вступление России в ВТО и создание Единого экономического пространства России, Белоруссии и Казахстана. Безусловно, вступление в ВТО повлияет на приток мигрантов в отдельные отрасли российской экономики. С учетом этих трендов становится очень важным наличие миграционной привлекательности государства.

Миграционная привлекательность России представляет собой совокупность различных объективных признаков, средств, возможностей и ограничений, обуславливающих интенсивность привлечения мигрантов в экономику страны. Привлекательность состоит из двух компонентов – миграционного потенциала страны и уровня миграционных рисков. Для хорошей миграционной привлекательности необходимы соответственно высокий потенциал и низкие риски.

Мигрантов привлекает возможность стабильного заработка в России. Эти денежные потоки уже в настоящее время являются предметом политического аргументирования своей позиции. Конкуренентоспособная по стоимости рабочая сила мигрантов и развивающаяся сеть диаспор представляют собой существенные возможности для миграции. «Впереди идущие» инвесторы видят возможности для получения прибыли в России, в том числе, и благодаря трудовой миграции.

Степень прозрачности политической, законодательной и административной сферы продолжает вызывать беспокойство. Открытость для иностранной миграции, институциональные преобразования, ясная судебная система, стимулирование миграции и требования к мигрантам, прозрачность системы регулирования (контрактная система, защита мигрантов, налоговая система, страхование), уровень преступности и коррупции, двусторонние миграционные соглашения, динамика и структура по иностранной миграции за предыдущие периоды – необходимые условия успеха. Этот перечень факторов призван предоставить мигранту более подробную и всестороннюю информацию о благоприятности миграционного климата нашей страны для принятия решения о миграции.

В то же время следует признать, что заключение о миграционной привлекательности страны производится на основе, прежде всего, показателей миграционной активности, если создан благоприятный миграционный климат, способствующий привлечению требуемых мигрантов и страна пользуется доверием мигрантов. Таким образом, можно признать, что не миграционный климат является собирательным понятием миграционной привлекательности и миграционной активности, а, наоборот, миграционная привлекательность включает в себя две составляющие: миграционный климат и миграционную активность.

Рост экономики страны и возрастающая диверсификация миграционных потоков создали условия для более равномерного распределения миграционных возможностей. В дальнейшем будет наблюдаться и сближение уровней миграционной привлекательности регионов страны. Несомненно, положительным прогнозом в отношении миграционной привлекательности России является сбалансированная миграционная политика по управлению миграционной привлекательности.

В российских условиях миграционная политика призвана обеспечивать вовлечение в хозяйственный оборот новых территорий и ресурсов, сближение уровней развития регионов. Объективно одной из главных целей миграционной политики является привлечение и эффективное использование трудовой миграции. На деле же в разработке миграционной политики преобладает формальный подход, а сама она носит преимущественно декларативный характер. В результате региональные власти не оказывают серьезного влияния на протекание миграционных процессов и фактически не управляют ими.

Миграционная политика определяется не только внешними (политическая ситуация в стране, общеэкономическая ситуация, состояние национального миграционного рынка), но и внутренними (выбранная миграционная стратегия, обеспеченность миграционными ресурсами, квалификация кадров, существующая система управления) факторами, обуславливающими решение комплекса задач по стабилизации политической ситуации в регионе, снижению социальной напряженности.

В ходе формирования и реализации миграционной политики России представляется целесообразным соблюдение следующих принципов: доброжелательности во взаимоотношениях с иностранными мигрантами, сбалансированности публичных и частных интересов, информационной открытости для всех мигрантов, ясности и простоты миграционного процесса, равноправия мигрантов, объективности и здравого экономического смысла в принимаемых решениях, неизменности установленных правил и своевременного и четкого выполнения своих обязательств мигрантами. Грамотно сформированная информационная инфраструктура миграции способна значительно облегчить решение поставленных задач.

***Вильт М.В., Кирюшин П.А., Самичко Р. А.,
Россия, г. Москва***

**Геополитические и социально-эколого-экономические аспекты развития Калининградской области
(Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках
научного проекта № 12-06-33030а)**

Целью исследования является анализ некоторых геополитических и социально-эколого-экономических аспектов развития Калининградской области. Актуальность исследования определяется, с одной стороны, значимостью обозначенных аспектов для данного региона, а с другой – необходимостью рассмотрения вопросов социального, экологического и экономического развития в едином комплексе, в соответствии с концепцией устойчивого развития.

Калининградская область имеет уникальное географическое положение, являясь полуанклавом, отделенным от остальной части России. Область обладает одной из самых малых площадей среди субъектов РФ (75-е место), но имеет достаточно высокую плотность – 60 человек на кв. км. (10-ое место) и средний уровень численности – 941 тыс. человек (54-е место). В 2011 году Министерство регионального развития РФ включило Калининградскую область в список регионов, социально-экономическое положение которых является одним из наихудших в России. По показателям сводного индекса социально-экономического положения

сформированного Калининградская область заняла 11-е место с конца среди субъектов РФ. В то же время, область имеет хорошие показатели по темпам роста промышленного производства – 118%. Кроме того, в регионе отмечены одни из самых высоких в стране темпов роста бюджетных доходов, а также наименьшие показатели доли текущих расходов.

В настоящее время наблюдается достаточно сильная диспропорция между экономическим развитием в Калининградском регионе и соседними странами, членами Европейского Союза, что, в частности, отражено в показателях валового продукта. ВРП на душу населения в области составляет около 6 тыс. долл. США (по этому показателю Калининградская область находится на 45-ом месте среди остальных регионов России). В то время как ВВП на душу населения соседней Литвы составляет около 19,6 тыс. долл. США, а Польши – 20,3 тыс. долл. США.

Текущее экономическое развитие области связано с нарастанием негативного воздействия на окружающую среду, что ведет к обострению социальных проблем и ограничивает возможности развития в долгосрочном периоде. В частности, одним из проблемных вопросов является строительство в области атомной электростанции. Таким образом, возникают требования «экологизации» региональной экономики на основе приоритета – повышения ценности природы и ее ресурсов, а также человека, его жизни и здоровья.

Необходимо отметить, что область активно сотрудничает со странами-соседями в Балтийском регионе. Одним из приоритетов сотрудничества является улучшение состояния окружающей среды на Балтике, в частности, за счет внедрения т.н. «зеленых» инноваций. К «зеленым» инновациям относятся пять групп технологий: энергоэффективность и альтернативная энергетика, системы управления электроэнергией, экологичный транспорт, управление отходами, выбросами, воздушными и водными ресурсами.

Согласно Стратегии социально-экономического развития Калининградской области на средне- и долгосрочную перспективу область должна будет стать «регионом высокоэффективного производства и экологически чистого сельского хозяйства», «центром культурного и экономического обмена между Россией и ЕС» и «регионом, наиболее благоприятным для проживания». Также действующей Федеральной целевой программой развития Калининградской области на период до 2015 года в составе первоочередных задач определены улучшение экологической обстановки и выход на нормативный уровень состояния компонентов окружающей среды.

Устойчивое экономическое развитие Калининградской области может происходить в условиях ограниченной природно-сырьевой базы, за счет реализации принципов экономики знаний и высоких технологий, как это происходит, например, в Японии. При этом, важна реализация именно внутреннего потенциала региона, независимо от экспортно-сырьевой политики и конъюнктуры экспортных рынков.

***Дорошенко С.В.,
Россия, г. Екатеринбург***

Демографическая составляющая адаптивного потенциала региональной системы*

Хозяйственная структура, социально-трудовые возможности, предпринимательский климат каждой региональной социально-экономической системы уникальны. Более того, специфичны протекающие социально-экономические процессы, внутренние и внешние взаимодействия агентов региональной социально-экономической системы, вследствие чего различны реакции на средовые воздействия. В связи с этим возникает необходимость адаптации региона к внешним условиям.

Адаптация является междисциплинарным термином, активно используемым во многих областях знаний, как естественно научного, так и социально-гуманитарного направления. Интерес к понятию адаптации со стороны гуманитариев вполне оправдан: динамизм внешней среды предъявляет особые требования к динамизму системы (личности, социума, предприятия и т.п.), который определяется, в том числе, и способностью к адаптации. К нему обращаются всякий раз, когда описывают взаимодействие индивидуального или группового субъекта с новой для него обстановкой, средой, деятельностью.

Однако интеграция наук, прежде всего, социального профиля по степени взаимосвязанности в исследованиях адаптивной проблематики наблюдается не столько на базе комплексного подхода, координации разработок, создание общего понятийного аппарата и баз данных, сколько за счет внешнего фактора – общего предмета исследований. Более того, многие объекты адаптации сегодня относятся к группе мало исследованных. Одним из таких является региональные социально-экономические системы.

Результаты немногочисленных исследований по адаптации регионов, как правило, сводятся к анализу основных показателей социально-экономического развития. На основе полученных данных делаются выводы о различиях в степени адаптации территорий к новым условиям хозяйствования, выражающихся в росте дифференциации социально-экономического развития и ослаблении механизмов межрегионального экономического взаимодействия. Развитие основных положений теории адаптации регионов у российских авторов не встречается.

Зарубежные эксперты, анализирующие процессы адаптации регионов к внешним вызовам, выделяют три группы: регионы, способные мобилизо-

* Исследование проводится при финансовой поддержке Президиума УрО РАН, проект 12-И-7-2070 «Инструменты и механизмы реализации социально-экономической политики северных территорий».

вать свои лучшие ресурсы на преодоление системных проблем, радикально изменить всю систему принятия решений и выйти на качественно новый уровень своего развития; регионы, способные лишь на незначительные изменения, обновление формы без изменения содержания, иными словами, осуществлять развитие в рамках существующей системы принятия решений; регионы, неспособные адаптироваться к внешним или внутренним угрозам, испытывающие проблемы системного характера, но не осуществляющие необходимых изменений.

Нами под адаптацией региональной социально-экономической системы предлагается понимать процесс возникновения и развития уникальной совокупности свойств, обусловленной включением региона в систему средовых взаимодействий и направленной на погашение средового воздействия. К таким свойствам относятся как структура социально-экономической системы, формы ее существования, так и связи, обуславливающие процессы ее внутреннего и внешнего взаимодействия.

В определении указана цель адаптации – возникновение специальных характеристик, а также причина их появления – взаимодействия как внутри региона, так с внешней средой. Именно сложившиеся взаимодействия типа «природа–экономика», «экономика–население», «экономика–политика», «власть–население», «государство–частный бизнес», «центр–регион» и т.п. определяют уникальность совокупности общерегиональных характеристик. Данное определение исключает ориентацию исследователей только на благоприятный результат адаптации и позволяет оценивать ее в том числе, и с позиции негативных последствий.

Регионы должны обладать адаптивным потенциалом, под которым понимается совокупность мобилизационных возможностей региона, а также механизмы их вовлечения в процессы, обеспечивающие не только необходимое приспособление к средовым взаимодействиям, но и закладывающие определенную основу для дальнейшего развития региона. В узком смысле адаптивный потенциал по своей сути отражает степень мощности субъекта в отношении возможных адаптаций. Он определяет скорость адаптации, ее конечные результаты.

Адаптивный потенциал представляет собой сложную систему, поэтому ключевой характеристикой является его структура. Предлагается адаптивный потенциал структурно представить как совокупность двух составляющих: так называемой «консервативной» части, имеющей более низкую скорость изменений, и «переменной» части, не только в большей степени подверженной переменам, но и как следствие первого – рискам.

Во внутренней структуре каждой составляющей нами выделяются частные потенциалы или субпотенциалы. В состав консервативной части входят следующие субпотенциалы: ресурсно-сырьевой; производственный; экологический; трудовой; инфраструктурный; научно-образовательный; культурный; теневой. Переменная часть адаптивного потенциала состоит

из следующих потенциалов: предпринимательский; инновационный; инвестиционный; финансовый; внешнеэкономический, социальный, демографический и управленческий.

«Консервативная» часть по своему содержанию носит ресурсный характер, а «переменная» – процессный. Соотношение ресурсных и процессных возможностей, преобладание тех или иных оказывает непосредственное влияние на формирование стратегии развития системы. Изменение пропорций в структуре потенциала может являться основой общей концепции управления социально-экономическим развитием субъектов РФ.

Оценивая реализацию адаптивного потенциала, мы можем говорить об уровне адаптации региона к определенным условиям. Как и любой показатель, который используется для характеристики системы, а также для сопоставлений и сравнений, адаптивный потенциал региона должен быть оценен количественно. В нашем исследовании целью оценки выступает возможность выявить структурные изменения в адаптивном потенциале системы.

Проблема оценки разбивается на три аспекта: оценка потенциала как показателя, характеризующего уровень адаптации системы поставленным условиям развития; оценка эффективности использования имеющегося потенциала как показателя адекватности действий регионального управления; оценка изменения потенциала в ходе социально-экономического развития как показателя восприимчивости системы.

Концептуальная схема предлагаемого методического подхода к оценке адаптивного потенциала региона предусматривает следующие этапы: формирование массивов исходных показателей, достаточно комплексно раскрывающих адаптацию региональной социально-экономической системы и разработка процедур их агрегирования; разработка процедур корректных сопоставлений; разработка методик сравнения значимости полученных индикаторов между собой; собственно оценка адаптивного потенциала; разработка процедур межрегиональных сопоставлений полученных данных.

Оценка реализации адаптивного потенциала позволяет охарактеризовать, с одной стороны, уровень восприимчивости системой предпринимаемых действий к достижению поставленных целей, с другой – адекватность прилагаемых усилий и проводимой политики региональных властей поставленным целям развития.

Адаптивный потенциал региона является комплексной характеристикой, для оценки которой достаточно сложно подобрать единый показатель. Поэтому все выделенные частные потенциалы представляют собой результаты интегральной оценки по различным показателям. Уровень каждого частного потенциала с позиции адаптации должен соответствовать определенным критериям. Показатели представляют собой две группы – прямые (основные) и косвенные (вспомогательные). Учет взаимосвязей

косвенных показателей позволяет более полно представить тот или иной субпотенциал.

Сегодня важнейшими показателями уровня социально-экономического развития российских регионов являются демографические. Именно по изменению демографической ситуации в субъекте Федерации делаются выводы о результативности регионального управления и политики. В силу этого демографический потенциал выступает важнейшим элементом адаптивного потенциала региональной системы, располагаясь при этом в группе переменных или поисковых потенциалов, наиболее остро реагирующих на изменения условий среды.

Демографический потенциал отражает уровень демографической нагрузки. Критериями успешной адаптации социальной подсистемы с точки зрения демографии выступают: улучшение демографической ситуации, а также снижение уровня демографической нагрузки. Для оценки демографического субпотенциала в качестве прямых (основных) показателей использованы: коэффициент демографической нагрузки, изменение численности населения, коэффициенты естественного прироста населения, коэффициенты миграционного прироста, коэффициент интенсивности миграции. В качестве косвенных (вспомогательных) – прерывание беременности (аборты), заболеваемость на 1000 человек населения, индекс реальных денежных доходов населения, ввод в действие жилых домов на 1000 человек населения.

Рассматриваемые показатели имеют разные единицы измерения, отдельные из них по своему характеру являются комплексными. Для приведения показателей в сопоставимый между собой вид применяется метод сравнения с базовыми значениями. В качестве базы сравнения приняты аналогичные показатели по Российской Федерации как основной составляющей внешней среды, вызывающей изменения в регионе. В подходе учтено, что показатели могут иметь отклонения как в лучшую, так и в худшую сторону. Для принятия решений относительно значимости каждого показателя внутри рассматриваемых потенциалов, а также относительно значимости каждого из потенциала в целом в «консервативной» или «переменной» группе применяется метод анализа иерархий, позволяющий определить весомость каждого элемента посредством иерархической декомпозиции задачи и рейтингования альтернативных решений.

В качестве примера приведем результаты оценки общего адаптивного потенциала Свердловской области за предкризисный 2006–2007 гг. и кризисный 2008–2009 гг. периоды. Регион в период 2008–2009 гг. по сравнению с 2006–2007 гг. снизил свой адаптивный потенциал с 2,35 условных единиц до 1,64. При этом сохранилась повышенная адаптация за счет переменных потенциалов. Доля этой группы в общем адаптивном потенциале даже заметно увеличилась с 84,25 до 92%. Это доказывает не только тот факт, что в условиях неопределенности и риска возрастает роль иннова-

ций, поиска, предпринимательской активности. Но и то, что адаптация системы, ориентированной на активное взаимодействие со средой, в такие периоды как никогда обеспечивается именно инструментами поисковой группы. Хотя и в этой группе переменных потенциалов наблюдались заметные провалы. Так, существенно сократился финансовый потенциал. Безусловно, что решающим здесь оказался сохраняющийся дефицит бюджета, ухудшение ситуации в банковско-кредитной сфере. Ощутимо снижение инвестиционных ресурсов. Одновременно с этим наблюдался рост предпринимательской активности, инновационной и демографической составляющих. Безусловно, последнее явилось определенным следствием принятых мер и проводимой политики государства в сфере демографии, но отчасти и вступления в детородный возраст женщин, родившихся в «успешные для демографии» 1980-е годы.

Зылёва О.В.

Россия, г. Екатеринбург

Механизмы эффективного миграционного менеджмента

Миграционная политика многих стран отличается непоследовательностью, половинчатостью, зачастую не учитываются последствия ее проведения. Поэтому до сих пор продолжается поиск эффективных подходов и механизмов реализации миграционной политики, проведении грамотного миграционного менеджмента. Можно выделить три основные группы механизмов миграционного менеджмента в следующих областях: 1) диалог и кооперация между государствами; 2) межгосударственные партнерские отношения; 3) национальная миграционная политика. [1, с. 27–31]

Следует принимать во внимание, что миграционный жизненный цикл – это процесс, вовлекающий сложные взаимоотношения между мигрантами и различными общественными и частными участниками стран происхождения, назначения и транзитных государств. Эффективный менеджмент этого процесса требует кооперации между всеми заинтересованными сторонами миграции, включая государства, международные организации, неправительственные организации, частный сектор, гражданское общество и самих мигрантов. Только посредством таких усилий международное сообщество сможет эффективно подойти к вопросам регулирования вопросов, связанных с миграцией. Кооперация в области миграции может принимать различные формы, от проведения диалога, обмена информацией и опытом до сотрудничества при разработке миграционной политики и ее реализации. Кооперация на международном уровне содействует созданию более эффективной национальной миграционной политики, способствуя более грамотному использованию ресурсов на национальном, региональном и международном уровне.

Управление миграцией – суверенное право и ответственность государств, в результате чего миграционная политика традиционно разрабатывалась на национальном уровне. В силу транснационального характера миграции кооперация государств в сфере миграционной политике способна принести гораздо более эффективные и устойчивые результаты. Диалог и сотрудничество между государствами с сфере политики может привести к упорядоченному движению людей и сокращению нерегулярной миграции.

Эффективные механизмы диалога и кооперации между государствами.

- ✓ Регулярное проведение всестороннего и взвешенного политического действенного диалога между государствами, межправительственными и неправительственными организациями, включая частный сектор, с целью улучшения понимания и сотрудничества в области миграционного менеджмента.

- ✓ Выявление проблем и принятие своевременных решений, поиск эффективных механизмов в отношении всех сторон.

- ✓ Рассмотрение региональных и субрегиональных консультативных процессов по миграции в качестве эффективного средства повысить кооперацию среди государств в области миграции.

- ✓ Координирование мер с целью эффективного использования имеющихся в наличие ресурсов и избегания ненужных повторов.

Миграционный менеджмент – область для партнерства между заинтересованными сторонами. Необходим дальнейший поиск для выявления дополнительных средств с помощью которых правительства, межправительственные и неправительственные организации и частный сектор могут сотрудничать для выработки действенных совместных управленческих инструментов.

Эффективные механизмы партнерства в области миграции.

- ✓ Проведение прозрачного диалога и информационного обмена среди заинтересованных государств для определения возможных зон ответственности.

- ✓ Определение ролей различных сторон (межправительственные и неправительственные организации и частный сектор, члены гражданского общества, сами мигранты, средства массовой информации) для эффективного миграционного менеджмента посредством совместных усилий.

- ✓ Заключение двухсторонних и региональных соглашений для упрощения миграционного менеджмента в таких областях как взаимное признание временных въездных виз, перманентного статуса пребывания и др.

- ✓ Признание факта, что межгосударственная кооперация может подразумевать оказание помощи третьим государствам, например, в форме технического содействия.

Миграция непосредственно связана с политикой в сфере экономики, занятости, торговли, здравоохранения, культуры и др. Понимание этих взаимосвязей при определении важнейших компонентов всесторонней национальной миграционной политики является важным аспектом при разработке стратегий управления миграционными потоками.

Для ряда государств миграция – новое поле деятельности для правительства, они сталкиваются с необходимостью вводить законы или совершенствовать законодательство в этой сфере наряду с развитием административной инфраструктуры.

Национальная миграционная политика включает: 1) управление въездом, транзитом, отъездом и возвращением иностранцев в и из национальной территории; 2) определение, кому позволено остаться на территории, на какой период времени, с какой целью, обладая какими правами и обязанностями; 3) интегрирование мигрантов в принимающее общество (при этом сами мигранты должны законы и нормы принимающего общества); 4) предоставление равных возможностей мигрантам и коренным жителям; 5) уважение принципов защиты беженцев.

Все страны разделяют беспокойство относительно нерегулярной миграции, особенно торговлей людьми и незаконным въездом. Поскольку все больше и больше стран становятся одновременно странами происхождения, назначения и транзита, все суждения, изложенные выше, приобретают релевантность по отношению к национальной миграционной политике.

Эффективной национальной миграционной политике необходимо найти баланс мер, принимаемых в отношении миграции. Некоторые ключевые принципы на которых должна зиждиться миграционная политика включают: 1) отсутствие дискриминации по расовому, религиозному, гендерному и этническому принципу; 2) содействие национальным экономическим и социальным интересам; 3) достижение возможности управлять передвижениями людей через границы; 4) содействие восстановлению семей; 5) помощь в расселении нуждающимся в гуманитарной поддержке; 6) управление гуманитарными программами посредством участия релевантных правительственных министерств и агентств. Кроме того, всесторонняя, прозрачная, согласованная национальная миграционная политика ведет к более эффективному межправительственному сотрудничеству, что в свою очередь стимулирует реализацию национальной миграционной политики. Главным приоритетом является кооперация различных правительственных агентств, вовлеченных в миграционный менеджмент.

Эффективные механизмы в отношении национальной миграционной политики.

✓ Создание политики, не рассматривающей изолированно регулярную и нерегулярную миграцию. Политика должна в целом заниматься миграцией в полной мере, принимая во внимание ее причины, проявления, воздействия, учитывая связи между миграцией и другими близкими областями политики.

✓ Приведение национальной миграционной политики в соответствие с потребностями рынка труда, содействие восстановлению семей, выполнение гуманитарных обязательств и обеспечение национальной безопасности.

✓ Введение законов регулирующих въезд, проживание, депортацию и натурализацию иностранцев.

- ✓ Обеспечение прозрачности и гибкости политики, национального законодательства и институтов.
- ✓ Создание административных структур для миграционного менеджмента.
- ✓ Содействие координации среди ответственных полномочных органов на всех стадиях миграционного процесса.
- ✓ Принятие во внимание региональных и субрегиональных миграционных процессов при создании национальной миграционной политики.

В заключении можно отметить, что все механизмы перечисленные в данной работе представляют собой гибкий инструмент для создания национальной и интернациональной миграционной политики и могут помочь государствам их использовать в соответствии со своими потребностями, приоритетами и возможностями. Кроме того, реализация этих механизмов способствует межгосударственной кооперации при проведении международного миграционного менеджмента.

Литература

International agenda for migration management. International Organization for Migration (IOM) and the Federal Office for Migration (FOM). 2005. 227 p.

***Мамадалиева Х.Х.,
Узбекистан. г. Ташкент***

Развитие семейно-брачных отношений в современном Узбекистане

Семья является одним из важнейших объектов демографии. Она представляет собой основанное на браке или кровном родстве объединение людей, связанных общностью быта и взаимной ответственностью¹. В демографических исследованиях рассматриваются процессы образования и развития семей, формирование семейно-брачных отношений, репродуктивные функции семьи, режимы воспроизводства населения. Однако содержание и сущность этих процессов раздвигают чисто демографические границы семейно-брачных отношений. Рассматривая разнообразные общественные процессы, происходящие в обществе, трудно обнаружить такие, по отношению к которым семья оставалась бы полностью нейтральной. Формирование трудовых ресурсов и занятость, образование, миграция и урбанизация, состояние здоровья населения, уровень доходов, культура поведения, политическая деятельность – все эти стороны общественной жизни обусловлены, в том числе и типом, характером, структурой семьи,

¹ Демографический энциклопедический словарь. М., Советская энциклопедия, 1985, с. 395

культурно–бытовыми нормами внутрисемейного воспитания и поведения. Поэтому с самых первых лет независимого развития и реформирования социально-экономических процессов в Узбекистане были приняты основные принципы семейной политики, направленные на создание благоприятного пространства для функционирования семьи, придание приоритетности реформам «семейного аспекта», превращение семей в движущую силу проводимых преобразований. В Узбекистане 2012 год объявлен «Годом семьи». Особое выделение Года семьи нацелено на дальнейшее укрепление и развитие института семьи как основного звена общества. На реализацию Государственной Программы «Год семьи» за счет всех источников финансирования выделены огромные средства – 4,4 триллиона сумов и более 370 миллионов долларов.

Современный Узбекистан обладает огромным человеческим потенциалом, занимает 44-е место среди 226 стран мира по численности населения, составляет 45% всего Центральноазиатского региона и 0,4% населения мира. На 1 января 2012 года население Узбекистана составило 29 млн. человек, опережая по этому показателю Казахстан в 1,4 раза, Таджикистан в 3,9 раза, Киргизию в 5,1 раза и Туркмению в 5,2 раза. Узбекистан имеет надежную воспроизводственную базу населения. Его прирост продолжает оставаться на достаточно высоком уровне.

В Узбекистане ценность семьи традиционно высока. Недавние социологические обследования показали, что традиционного взгляда на брак, как на залог социального успеха, придерживается почти все население республики. Не случайно уровень брачности населения здесь значительно выше, чем во многих других странах. Только за 2000–2011 гг. в республике было зарегистрировано 2572,6 тысяч браков (в т.ч. в 2011 г. – 289,0 тыс.²), т.е. молодоженами стали более пяти миллионов человек. По данным переписей населения, Узбекистан отличается высокой долей граждан, живущих в семьях (93–95%). Так, в 1989 году в Узбекистане было более 3415,4 тыс. семей, а 95,3% населения республики проживало в семьях³. В 2007 году количество семей составляло 6,5 млн.⁴ По расчетам, в 2011 г. это число превысило 7 млн.

Высокий уровень брачности обусловлен целым рядом факторов: стабильно большая доля сельских жителей, относительно высокая рождаемость населения, устойчивые, веками сложившиеся традиции и обычаи. Население Узбекистана, несмотря на происходящую повсеместно в мире оценку и переоценку семейных и жизненных ценностей, предпочитает жить в официально зарегистрированном браке, нередко подкрепленном религиозными обрядами («никох».

² Социально-экономическое положение Республики Узбекистан за 2011 год. Государственный Комитет по статистике Республики Узбекистан, 2012, с. 19.

³ Буриева М.Р. Демография семьи в Узбекистане. Университет. Т.:1997. С. 30.

⁴ Каримов И.А. О поддержке молодых семей.// Правда Востока. 2007. 22 мая

По данным социологических опросов, проведенных в 2010 г. Институтом социальных исследований при Кабинете Министров Республики Узбекистан, в настоящее время в официальном браке состоят 90% опрошенных членов семей, в гражданском браке – 0,6%, разведены – 2%, вдовствуют – 5%⁵. При этом доля женщин, не вышедших замуж к 40 годам, незначительна.

В то же время в современном Узбекистане формирование и развитие семьи претерпевают немалые изменения, связанные с трансформацией социально-экономических и демографических процессов, с происходящими преобразованиями в обществе, в политической, экономической и культурной областях, а также с основным направлением эволюции семьи в мире.

Прежде всего, уменьшился средний размер семьи и изменилась структура семей. По данным переписи населения 1989 г., в Узбекистане значительную долю составляли большие и сложные семьи – 41,1% семей в сельской местности приходилось на сложные семьи (7 и более человек), 30,9% – на средние семьи (5–7 человек) и 28,0% составляли простые семьи (3–5 человек). В городских семьях 57,0% составляли простые семьи, 24,9% – средние и 18,1% – сложные. За последние двадцать лет значительно сократился удельный вес больших семей, а тенденция увеличения доли малых семей находится в стадии непрерывного роста. Развитие общества сопровождается разложением большой семьи, ростом масштабов нуклеаризации семей, что, несомненно, приводит к новому типу воспроизводства населения. Идеи современной семьи значительно отличаются от идей традиционной семьи. Сегодня молодожены в большинстве своем стремятся жить отдельно от родителей. Большая семья с традиционным механизмом воспроизводства населения, которая долгое время в узбекском обществе была синонимом семьи вообще, постепенно уходит в прошлое.

Под влиянием исторически сложившихся традиций, а также в результате проводимой государственной политики укрепления семейных отношений, уровень разводимости населения, состоящего в зарегистрированном браке, один из самых низких в СНГ и имеет тенденцию к снижению, и в городах, и в сельской местности. Так, в 1991 г. абсолютное число разводов в республике составило 33,3 тыс., а в 2011 г. – 22,2 тыс., т.е. коэффициент разводимости уменьшился с 1,6 до 0,5 промилле⁶.

Наивысшее число разведенных отмечается в наиболее молодых возрастных группах. Причем, разведенные мужчины быстрее вступают в новый брак. По данным статистики зарегистрированных браков, в течении

⁵ Ахмедов Т., Абдуллаев Б., Закиров Д. Социально-экономические аспекты развития семей в Узбекистане. В сб.: Демографическое развитие Республики Узбекистан за годы независимости. Ташкент, 2011, с. 109.

⁶ Там же.

года доля разведенных женщин, вступивших в повторный брак, составляет всего 0,4%, в то время как мужчин – 1%.

Условия современного развития поставили под вопрос существование многих традиционных форм социокультурной жизни населения, последние десятилетия во всем мире отмечены значительными изменениями в формировании семьи, рождаемости, трансформацией семейных отношений. В Узбекистане уходит в прошлое стойкая давняя традиция ранних браков, повышается средний возраст вступления в брак, для мужского населения он составляет 24,3 года, а для женского населения 21,5 года (84% вступающих в первый брак девушек – в возрасте 18–24 года)⁷. Это приводит к определенному сокращению репродуктивного периода у женского населения Узбекистана.

Повышение возраста вступления в брак связано с социально-экономическим развитием республики: развитием урбанизационных процессов, повышением уровня образования населения, в т.ч. женщин. Все это привело к изменению структуры брака в республике. Прежде всего, это вырожено в том, что от закрытой системы выбора супруга перешли к открытому, в отказе от выкупа за невесту при вступлении в брак, уменьшении числа разводов, происходящих по инициативе мужа из-за бездетности или разногласий с родственниками мужа, при увеличении числа разводов по причине несовместимости супругов.

За двадцать лет независимого развития в Узбекистане было принято более 70 юридических норм, направленных на улучшение благосостояния семьи, охрану материнства и детства, в том числе на совершенствование брачно-семейного права. В соответствии с законодательно – нормативными документами, в Узбекистане возраст вступления в брак установлен для женщин – 17, а для мужчин – 18 лет, при провозглашении равенства обоих полов в вопросах вступления в брак и расторжения брака.

В современном Узбекистане значительно сократилось число многодетных семей. Рождаемость становится все более регулируемой внутри семьи. Рождаемость, которая, по сути, является определяющим фактором современной динамики численности и структуры населения Узбекистана, значительно снизилась. В прошлые годы нельзя было предположить, что общий коэффициент рождаемости (ОКР) в Узбекистане, имеющем вековые традиции многодетности, может так резко уменьшиться – до 19–20 промилле против 33–35 промилле в прошлые годы. По данным Госкомитета Республики Узбекистан по статистике, за 1991–2011 гг. уровень рождаемости снизился по общему коэффициенту с 35,1 до 21,4 промилле⁸,

⁷ Демографический ежегодник Узбекистана. 2007. Статистический сборник. Ташкент, Госкомстат Узбекистана, 2008. С. 109.

⁸ Социально-экономическое положение Республики Узбекистан за 2011 год. Государственный Комитет по статистике Республики Узбекистан, 2012, с. 17.

т.е. в 1,6 раза, по суммарному коэффициенту – с 4,199 до 2,7 рождений на одну женщину. В настоящее время каждая семья имеет на 1–2 ребенка меньше, чем 20 лет назад. Такое резкое и устойчивое снижение рождаемости в значительной мере определило современную демографическую ситуацию и направление ее дальнейшего развития.

В настоящее время в республике постепенно сложились репродуктивные намерения населения на среднететную семью. Существенно изменились взгляды населения на оптимальное число детей в семье. По опросам в середине 80-х годов, 60% респондентов выразили желание иметь 5 или 6 детей, 22% – шестерых или семерых детей, 12% – до 10 детей и только 6% – не более 4 детей. Спустя 10 лет картина кардинально изменилась: 60% опрошенных пар планировали иметь от 1 до 4 детей, и только незначительная часть сельских женщин была традиционно ориентирована на большое число детей⁹. Причем, многие молодые женщины посчитали оптимальным иметь семью с двумя-тремя детьми.

Изменения в воспроизводственных процессах оказывают большое влияние на семейную структуру населения. Происходит ускоренный рост средних семей (4–6 человек) и уменьшение доли больших семей (7 и более человек), начавшееся еще в 80-х годах прошлого века. Эти структурные сдвиги обусловлены влиянием не только демографических, но и социальных процессов (относительное уменьшение сложных семей, стремление молодежи жить самостоятельно и т.д.). Окончательное решение о рождении ребенка, принимаемое семьей, выступает как результат переплетения многих микросоциальных процессов.

Важным направлением политики государства в отношении семьи является развитие здравоохранения, снижение уровня заболеваемости и смертности населения. В республике ведется целенаправленная и достаточно эффективная пропаганда здорового образа жизни и сохранения устоев семьи, прежде всего среди женщин, молодежи и учащихся в образовательных учреждениях. В последние годы в связи с проводимой разъяснительной и профилактической работой отношение населения к собственному здоровью как к ценности стало меняться.

Высокий уровень брачности при низкой разводимости населения выгодно отличает Узбекистан от большинства стран мира. Результатом поддержания наиболее оптимальных семейно-брачных отношений является достижение и сохранение достойного семейного уклада и более здорового образа жизни молодежи. Об этом свидетельствует тот факт, что в республике молодые люди потребляют значительно меньше алкоголя, наркотиков, а уровень заболеваемости ВИЧ/СПИД – один из самых низких в мире¹⁰.

⁹ Отчет по человеческому развитию. Узбекистан, 1995, с. 48.

¹⁰ World Population, Data Sheet. Population Reference Bureau, 2010.

***Руджинскене Р.,
Литва, г. Шауляй***

Государственная политика в области сокращения длительной безработицы в контексте демографических изменений

Занятость и безработица особенно важные качественные характеристики населения Литвы – от них более всего зависит благосостояние людей. Необходимо подчеркнуть, что хотя многие происходящие в Литве процессы в сфере занятости похожи на процессы, происходящие в Восточной и Центральной Европе, а также и в странах Евросоюза, но у них есть и различия. Хотя тенденции качественного выражения этих процессов сходны с тенденциями в странах Евросоюза, но их причины и последствия различны (например, снижение занятости в промышленности). В Литве, как и в других странах Евросоюза, вопросам занятости с каждым годом уделяется все больше внимания. Это заставляет делать постоянно обостряющаяся **проблема длительной безработицы в контексте демографических изменений** – усилия различных органов государственной власти по совершенствованию положения на рынке труда пока не дали результатов. Существует корреляция между долгосрочной безработицей и эмиграцией.

Проблемы длительной безработицы рассматривали Ранди (1995), Поцюс А., Окунявичюте-Невераускене Л. (2003), Пятраускас А. (2001), Гружевскис Б. (2002), Фредландер Ф., Гринберг С. (2010), Робертс А., Тапп Д. (2011) и др.

Основные положения, касающиеся формирования политики занятости, устанавливают следующие стратегические документы Литвы: Национальная программа по осуществлению Лиссабонской стратегии; Государственная стратегия долгосрочного развития; Долгосрочная стратегия развития хозяйства (экономики) Литвы до 2015 года; Стратегия Литвы по использованию структурной поддержки Европейского Союза на 2007–2013 гг. для осуществления конвергенции.

Цель исследования – проанализировать политические меры по сокращению длительной безработицы на рынке труда, в контексте демографических изменений. Сформулированы следующие задачи: 1) анализ политики в области обеспечения занятости; 2) анализ особенностей процесса интеграции длительно безработных в рынок труда; 3) анализ качественной характеристики трудовых ресурсов; 4) анализ активных политических мер в области рынка труда.

Проанализировав теоретические аспекты исследования, можно утверждать, что при осуществлении целенаправленной политики по интеграции длительно безработных в рынок труда, прежде всего изучаются существ-

вующие и потенциальные трудовые ресурсы, их квалификация, навыки. Обладая такой информацией, можно не только планировать соответствующие политические меры в сфере рынка труда, т.е. обеспечить наибольшую занятость длительно безработных, создавая условия для появления новых (особенно инновативных) рабочих мест, и инвестируя в людей, чтобы улучшить их способности адаптироваться к изменениям на рынке труда. Исследование применительно к организации работы биржи труда при проведении реформы в системе профессионального образования.

При подготовке данной работы были использованы следующие **методы исследования**: анализ научной литературы, контентный анализ документов.

Политические и социальные перемены в Литве, а также трансформирование рынка в сторону экономики оказали большое влияние на занятость и ситуацию на рынке труда. Что касается занятости в Литве, было отмечено, что во время трансформации изменились все характеризующие ее показатели (общее количество занятых, состав занятых, уровни занятости, оплата труда и т.п.), появились новые явления (безработица, скрытая безработица, скрытая занятость) и сформировалась система администрирования институций рынка труда.

Политика по обеспечению занятости

Р. Адамонене, А. Сакалас (2002) утверждают, что совокупность мер, используемых при регулировании рынка труда, создает государственную политику на рынке труда. Эффективность действий администрации муниципального (локального) уровня чаще всего определяет эффективность деятельности по занятости всей страны.

Можно выделить следующие стратегические положения политики по занятости и политики на рынке труда:

- высокий уровень занятости населения – одно из важнейших условий государственного социального экономического развития, обеспечивающих социальную защиту и защиту жизни людей, поэтому увеличение возможностей работать и сокращение безработицы является стратегической целью государственной политики по занятости и на рынке труда;

- проблему безработицы можно решить только с помощью экономических мер, создавая условия для появления новых рабочих мест, поэтому Правительство Литовской Республики всесторонне поощряет развитие экономики, создание новых рабочих мест, будет стремиться создать предпосылки для существенного улучшения условий бизнеса;

- для увеличения занятости будут более эффективно использоваться инвестиционные, фискальные, монетарные меры, меры по развитию таможенной региональной, зарубежной торговли и др.;

– будет увеличиваться и лучше использоваться профессиональный и творческий потенциал людей.

Важным условием рациональной занятости населения является то, чтобы профессиональная (квалификационная) структура работников соответствовала структуре рабочих мест, которая также рациональна (Navickas, 1999).

В настоящее время основные цели политики занятости Литвы, направленные на поощрение занятости и инвестиции в человеческий капитал, определены в Национальной программе по осуществлению Лиссабонской стратегии. В ней подчеркнуты следующие основные цели: привлечение и удержание на рынке труда большого числа людей (для обеспечения качественной и стабильной занятости, модернизируя системы рынка труда и социальной защиты); улучшение способностей работников и предприятий адаптироваться; сокращение структурной безработицы больше инвестируя в людей.

Данные стремления указывают и на основные вызовы рынка труда Литвы. Ситуация осложняется неблагоприятными демографическими тенденциями (снижение рождаемости, возросшая эмиграция, процесс старения населения). Не всегда представлены достаточные стимулы, чтобы остаться на работе или вернуться на работу определенным группам работников (лицам с ограниченными возможностями, лицам старшего возраста, лицам социального риска, длительно безработным).

Политические меры в сфере труда в контексте демографических изменений

Б. Мартинкус, А. Сакалас и А. Саванявичене (2006) утверждают, что преобладающее мнение о том, что из-за воздействия профсоюзов, правительственной политики рынок труда лишается характерных для совершенного рынка свойств. Он перестает быть местом, где предложения и спрос формируются ценой рабочей силы, и становится огромным информационным организующим механизмом, который пытается согласовать интересы работодателей и работников с тем, чтобы можно было максимально сократить безработицу и стимулировать развитие производственного процесса. Степень социализации в разных странах различается. Тем не менее применять конкретную политику в качестве всеобщего эталона на рынке труда социализации одной страны нельзя, поскольку меры борьбы с безработицей одного государства при разном уровне развития и традиций культуры могут совершенно не подходить для другого.

Государственную политику на рынке труда можно объяснить в широком и узком смысле. В широком смысле политика на рынке труда является

глобальной частью проблемы занятости. Определяя суть политики на рынке труда в узком смысле, можно выделить два разных ее аспекта: **пассивная** политика на рынке труда, когда с помощью государственных мер регулируется компенсационный механизм, в случае безработицы устанавливаются условия выплаты, формы, величина компенсаций, и гарантированное страхование от безработицы; **активная** политика на рынке труда, когда с помощью государственных мер, дифференцированных по социальным группам, регионам, хозяйственным отраслям, выборочно регулируется отношение предложений и спроса на рынке труда.

Необходимо упомянуть специальные политические меры по занятости, направленные на фрикционное (текущее) и структурное сокращение безработицы: системы перекавалификации взрослых, субсидии заработной платы, организация общественных работ, развитие сети учреждений по трудоустройству и совершенствование информационного его обеспечения.

Активная политика на рынке труда служб по трудоустройству осуществляется в следующих формах: поиск свободных новых мест и трудоустройство безработных; консультирование и профессиональное ориентирование граждан, ищущих работу; поддержка обучения и перекавалифирования безработных; сохранение существующих и поиск новых рабочих мест; поддержка общественных и других временных работ; поддержка индивидуального бизнеса безработных; превенция безработицы.

Рис. 1. Государственная политика на рынке труда

Источник: Martinkus, B., Sakalas, A., Savanevičienė, A. (2006). *Darbo išteklių ekonomika ir valdymas*. Kaunas: Technologija, p. 53.

В настоящее время политика на рынке труда становится активнее. Поиск решения проблем ведется как в контексте интеграционных процессов – формируя общий Европейский рынок (и рынок труда), так и совершенствуя национальную политику на рынке труда, с применением универсальных, в других странах проверенных моделей.

Меры по урегулированию рынка труда указаны на рис. 1.

Таким образом, цель активной политики на рынке труда – с помощью специальных институций (биржи труда, службы по занятости и т.п.) согласовать предложения и спрос на работу. Эта политика направлена на сокращение расходов по пособиям безработным, направляя их на создание новых рабочих мест и на другие активные меры, помогающие безработному стать более мобильным на рынке труда. Для этого необходимы старательно подготовленные и обдуманые программы и меры по профессиональному обучению и переквалификации, обеспечивающие перспективный рост спроса на работу.

Интеграция безработных в рынок труда может пониматься как использование мер по уменьшению причин безработицы. Лучше интеграция в рынок труда достигается при увеличении предложений и спроса на работу:

- совершенствуя услуги рынка труда. Некоторые лица безработными являются потому, что у них нет необходимой информации о свободных рабочих местах. Следовательно, лучшее информирование населения о возможностях трудоустройства, накопление компьютерного банка данных о свободных рабочих местах может помочь в сокращении безработицы;

- совершенствуя подготовку профессионалов дефицитных специальностей. Новые или свободные рабочие места чаще всего бывают предназначены специалистам, т.е. работникам таких профессий, функции которых могут выполнить немногие. Между тем большинство безработных являются неквалифицированными или попали в категорию безработных из потерявших значение хозяйственных отраслей. Поэтому подготовленные правительством учебные программы, предназначенные для подготовки работников недостающих специальностей, помогут безработным быстрее трудоустроиться, продуктивно жить и облегчат бремя правительственных выплат безработным;

- регулируя государственную помощь безработным. Пособия по безработице, выплачиваемые из государственного бюджета, компенсируют потерю доходов в случае безработицы, охраняют людей от бедности. Однако эти пособия имеют обратное влияние на уровень безработицы – они увеличивают добровольную безработицу и продлевают продолжительность поиска рабочего места. В результате, некоторые экономисты предлагают реформировать систему страхования от безработицы и платить безработным более низкие пособия по безработице;

- снижая налог на доходы. Эта зависимость проста: снижение налога на доходы эквивалентно увеличению оплаты реального труда, а более высокая оплата труда, при равных других условиях, увеличивает число людей, желающих работать.

Спрос на работу могут увеличить следующие меры: влияние правительства и профсоюза на приостановление структурных изменений в условиях роста экономики; общее увеличение спроса; создание дополнительных рабочих мест развивая малый бизнес; расширение работы на дому. К этим мерам можно было бы добавить и внедрение системы непрерывного образования.

Л. Домаркас (2005) считает, что одной из сфер, где необходимо большее взаимодействие государственного и частного секторов, является повышение социальной ответственности частного сектора, так как тогда можно увеличить продуктивность, а государство для этого создало бы благоприятные условия – разработало бы и осуществило политику и подготовило бы правовую базу, что побудило бы экономическую конкурентоспособность. Сотрудничество между государственными учреждениями и частным сектором возможно в различных формах: контрактов и концессионных договоров, создание совместных предприятий и т.п.

В Долгосрочной стратегии развития хозяйства (экономики) Литвы до 2015 года утверждается, что недостаточно развиваются человеческие ресурсы и возможности непрерывного обучения, неадекватно финансируется активная политика на рынке труда. Разобщенная и фрагментарная политика по занятости, недостаточное взаимодействие политики по занятости, социальному страхованию и социальной поддержки. Решение о миграции сознательное, целенаправленное выбор, с целью – изменить менее удовлетворительное состояние к лучшему. Исследователи выделяют три основные причины эмиграции – экономические, политические, психологические.

Особенности интеграции в рынок труда длительно безработных

Одной из основных проблем безработицы в Литве является длительная безработица. Длительно безработным считается безработный, более года зарегистрированный на бирже труда. Если лицу меньше 25 лет, длительно безработным он становится через полгода. Относительная часть длительно безработных среди всех безработных постепенно уменьшается. Длительная безработица в Литве широко не исследуется. При изучении длительной безработицы не столько важно оценить ее масштаб, сколько более глубоко исследовать это явление, оценив экономические, социальные и психологические последствия длительной безработицы. Это важно при подготовке и осуществлении интеграции длительно неработающих лиц в

рынок труда, а также при решении проблем минимизации длительной безработицы.

Существует категорическое мнение, что возможности длительно безработных закрепиться на рынке труда весьма ограничены из-за слабой их мотивации к работе (Petrauskas 2001). С продлением безработицы и ухудшением материального положения семьи деформируется и социальная функция семьи. Однако Поцюс, Окунявичюте-Невераускене (2003) отмечают, что успешно интегрировать в рынок труда можно 40–60% длительно безработных. Безработица поощряет замкнутость семьи, т.е. жизнь семьи все более концентрируется вокруг проблем своей квартиры (дома), поэтому увеличивается общественная изоляция семьи. Такая среда семьи отрицательно влияет на межличностные отношения в семье и формирование их мировосприятия. Он не способствует всестороннему развитию детей, не развивает его активной социальной позиции и потребностей совершенствоваться. Тутлис (2006) выделяет факторы образовательного и профессионального опыта, как важнейшие факторы конкурентоспособности индивида на рынке труда и величины его заработной платы.

А. Пятраускас (2005) выделяет четыре основных периода безработицы. В первый период преобладает экономический спад: снижаются доходы, снижается уровень жизни, ограничивается общение. Во второй период безработицы происходит деквалификация: снижаются квалификационные способности, навыки, профессиональные знания. В третий период наблюдается снижение мотивации поиска работы, нарушения физического здоровья. Позже появляется и четвертое последствие, возникшее под влиянием безработицы, – человек лишается привычных возможностей общения, чувствует сильные отрицательные эмоции, снижается его способность к адаптации. Андриюшайтене (2004) подчеркивает, что длительно безработные являются бременем для государства и экономики страны.

Неквалифицированные молодые люди являются потенциальными длительно безработными: около четверти их не имеют работы более года. Все же более распространена длительная безработица в группе безработных старше 50 лет (69,1 % безработных этого возраста). Занятость и доходы являются основными факторами, которые увеличивают эмиграцию.

Качественная характеристика трудовых ресурсов

Б. Мартинкус, А. Сакалас, А. Саванявичене (2006) качественную характеристику трудовых ресурсов (таких, как работоспособность человека, т.е. состояние здоровья, знания, навыки) применяют как к рабочей силе, так и к безработным, неработающим людям. Эти авторы считают, что все это является неотъемлемой частью каждого из этих

понятий, поэтому, в случае любой категории населения, ее всегда следует рассматривать в широком смысле:

- статистическом, отражающем количество и некоторые структурные показатели (возраст, пол и т.п.);
- экономическом, отражающем качественные характеристики категорий населения (образование, опыт, здоровье и т.п.);
- социальном, культурном, оценка которого является еще более сложной. В этой сфере отражаются неформальные, внутренние–духовные показатели, которые еще более не определяемы и обоснованное получение которых является значительно сложнее, чем обработка формальных статистических и экономических показателей.

Чем выше научно-технический уровень производства, тем больше потребность в группах трудовых ресурсов с более высоким образованием и квалификацией.

Многие авторы признают, что наибольшие инвестиции в образование, сделанные в начале карьеры, а их результаты ожидаются в далеком будущем. Обучение ремеслу является эффективным фактором в борьбе с молодежной безработицей. Получить первую работу в любой стране всегда легче, если знаешь какое-либо ремесло. Кроме того, качество первой работы, как правило, выше по сравнению с постоянным качеством работы. В долгосрочной перспективе преимущества людей, которые приобрели ремесло, снижаются и иногда даже совсем исчезают (Мокут, J. (2003)).

А. Сакалас (1999) утверждает, что значение повышения образования и квалификации увеличивается во всем мире. В Литве и в других постсоциалистических странах оно еще более значимо, чем в западном мире, так как надо не только адаптироваться в постоянно меняющихся, растущих требованиях среды, но и радикально переориентироваться в идеологической, социальной, экономической плоскости, отказаться от при «социализме» приобретенном опыте и ориентироваться на требования, выдвигаемые рыночной экономикой.

Система повышения образования и квалификации является сложной, ей свойственны все характеристики таких систем. Реализуя системный подход, в развитии персонала должны быть выделены отдельные подсистемы по категориям персонала и в дальнейшем необходимо дифференцировать их по уровням повышения образования, квалификации, месту и терминам. В настоящее время в этой системе акцентируется и новый – региональный аспект системы. Нужно учитывать, что даже в такой маленькой стране, как Литва, внутренняя среда является разной в отдельных сферах деятельности, в отдельных регионах, поэтому государственную политику необходимо согласовать со специфическими стремлениями отдельных регионов.

Л. Люкинявичене (2003) утверждает, что интегральную компетенцию современной карьеры составляет несколько компетенций – личная (спо-

способности самопознания и самопредставления), социальная (гармонизирующие способности и навыки отношений с другими людьми и с социальной средой), образовательные и профессиональные (специфические профессиональные способности и способности и навыки, связанные с трудовой деятельностью). Компетенция сегодня связывается с высокой квалификацией, авторитетностью в какой-либо области, способностью действовать, принимать решения. В конкуренции специалистов на рынке труда важнейшей является профессиональная компетенция.

В Долгосрочной стратегии развития хозяйства (экономики) Литвы до 2015 года подчеркивается, что достаточно образованная рабочая сила психологически уже приспособилась к экономическим требованиям рынка труда, увеличилось понимание личной ответственности за себя, создана по существу положительная установка по отношению к экономическому рынку. Однако там же подчеркивается, что хотя в рабочей силе и отмечается относительно высокая квалификация, в некоторых отраслях хозяйства уже сейчас чувствуется нехватка квалифицированной рабочей силы, ее дисциплинированность, мобильность и приспособленность к изменениям не являются удовлетворительными.

Обобщив вышеизложенное, можно утверждать, что для того, чтобы приспособиться к постоянно происходящим изменениям, учитывая региональные аспекты, необходимо всесторонне развивать потенциал людей: повышать их квалификацию, передавать знания, развивать навыки.

Анализ мер политики на рынке труда

В последние годы отмечается все возрастающее внимание к активным политическим мерам по рынку труда (АПРТ), поэтому очень важно оценить, насколько эффективно эти меры используются в Литве.

Опираясь на отчеты о деятельности Литвы за 2004–2010 г., можно утверждать, что в рассматриваемый период применялись различные активные политические меры по рынку труда.

Отмечается, что в Литве применяемые мероприятия АПРТ с 2006 года менялись. Начато применение следующих мер образования и программ: 1) профессиональное обучение безработных и предупрежденных об увольнении работников; 2) меры по восстановлению профессиональных знаний и практических навыков у длительно безработных; 3) меры по поддержке трудоустройства (общественные работы, поддержка приобретения рабочих навыков, трудоустройство с помощью субсидирования, ротация работы).

Анализ программы клуба труда (групповое консультирование) показал, что в этой программе консультирования в 2006 и 2007 гг. приняли участие соответственно 3450 и 2230 длительно безработных. В 2008 и 2009 гг. в

активных мероприятиях по рынку труда «Профессиональное обучение безработных и предупрежденных об увольнении работников» и «Меры по восстановлению профессиональных знаний и практических навыков у длительно безработных» не принял участие никто. В неформальном просвещении безработных и предупрежденных об увольнении работников в 2008 г. участвовали только 70 длительно безработных, а в 2009 г. в это образовательное мероприятие не был включен ни один длительно безработный. В программе по трудоустройству с помощью субсидирования в 2008 и в 2009 г.г. соответственно участвовали 321 и 290 длительно безработных. В программе поддержки приобретения рабочих навыков в 2008 г. приняли участие 230 длительно безработных, а в 2009 г. на это образовательное мероприятие не был послан ни один длительно безработный. В программе общественных работ в 2008 г. участвовали 880 длительно безработных, а в 2009 г. число длительно безработных, принявших участие в данной образовательной программе, очень уменьшилось (даже 103 лица). Следует отметить, что в 2008 и в 2009 гг. для длительно безработных не было представлено услуг консультирования, которые могли бы помочь приспособиться к изменениям рынка труда.

В 2010 г. в Литве на бирже труда применялись следующие основные мероприятия АПРТ: профессиональное обучение безработных и предупрежденных об увольнении работников, меры по поддержке трудоустройства (общественные работы, поддержка приобретения рабочих навыков, трудоустройство с помощью субсидирования, ротация работы).

Профессиональное обучение длительно безработных состоит из следующих частей: профессионального консультирования и ориентирования, а также профессионального обучения. В этой программе больше всего внимания уделялось профессиональному обучению. Основные ориентационные направления – помочь безработным приобрести востребованную профессию или квалификацию, которая соответствовала бы существующим потребностям рынка труда, и оперативно подготовить для работодателей работников нужной квалификации, которые могли бы приспособиться к постоянно меняющимся требованиям рынка труда. В отчете утверждается, что положение безработных (среди них и длительно безработных), участвовавших в данной программе образования, на рынке труда улучшилось благодаря увеличению возможностей занятости, поскольку была приобретена востребованная на рынке труда профессия, снизилась социальная изоляция.

По данным опроса лиц, закончивших курсы профессионального обучения, проведенного биржей труда Литвы (2010 г.), можно утверждать, что 53,6% безработных после программ профессионального обучения трудоустроились, начали свой бизнес или выполняли деятельность по свиде-

тельствам предпринимательства. По данным опроса можно утверждать, что каждый пятый опрошенный респондент (т.е. 40% всех респондентов) трудоустроился в течение месяца после окончания курсов. Большинство их (даже 70%) трудоустроились по приобретенной по программе образования профессии. Респонденты утверждали, что данная программа образования оказала влияние при трудоустройстве. Опираясь на данные этого опроса, можно предположить, что в 2010 г. меры АПРТ использовались эффективно.

В программе **поддержки трудоустройства** приняли участие 8 157 безработных, из них 48,6% составили длительно безработные. Мероприятия по поддержке трудоустройства составляют следующие части: трудоустройство при помощи субсидирования, поддержка приобретения рабочих навыков, общественные работы и ротация работы. Отчет биржи труда за деятельность в 2010 г. показал, что к длительно безработным применяются все упомянутые меры политики на рынке труда. В программе общественных работ в 2010 году участвовали 7284 длительно безработных (т.е. 56% участников образовательной программы). Лицам, принявшим участие в этой программе предоставлена возможность поддержать рабочие навыки, укрепляется их мотивация трудоустройства, уменьшается социальная изоляция. В программе поддержки трудоустройства «Поддержка приобретения рабочих навыков» участвовали 626 длительно безработных (т.е. 37,8% всех участников программы). Участникам программы предоставлена возможность укрепить рабочие навыки непосредственно на рабочем месте. В программе «Трудоустройство с помощью субсидирования» участвовали 925 длительно безработных (т.е. 46,4% всех участников программы). Участникам программы предоставлена возможность сохранить способности имеющейся квалификации, восстановить ее.

Выводы

1. Важнейшая цель государственной политики по занятости в контексте демографических изменений – стремиться и по возможности обеспечить рациональную, эффективную занятость населения, тем самым снижая эмиграцию.

Существует корреляция между долгосрочной безработицей и эмиграцией. Функция государственного регулирования рынка труда – поощрять рациональный спрос рабочей силы и поддерживать его эффективность, т.е. потребности рынка труда соответствующие предложению рабочей силы. Ситуацию затрудняют неблагоприятные демографические тенденции (снижение рождаемости, возросшая эмиграция, старение населения). Определяя суть политики на рынке труда выделяются два аспекта: **пассивная** политика на рынке труда, когда с помощью государственных мер регули-

руется компенсационный механизм, в случае безработицы устанавливаются условия выплаты компенсаций, формы, величина и гарантированное страхование от безработицы; **активная** политика на рынке труда, когда с помощью государственных мер, дифференцированных по социальным группам, регионам, хозяйственным отраслям, выборочно регулируется отношение предложений и спроса на рынке труда.

Длительно безработные – это социально уязвимый слой в Литве, мотивация их профессионального совершенствования особенно слабая. С продолжением безработицы ухудшается материальное положение семьи, деформируется и социальная функция семьи. Безработица поощряет замкнутость семьи, т.е. жизнь семьи все более концентрируется вокруг проблем своей квартиры (дома), поэтому увеличивается общественная изоляция семьи. Такая среда семьи отрицательно влияет на межличностные отношения в семье и формирование их мировосприятия.

2. Потребность в повышении образования и квалификации трудовых ресурсов зависит от величины и структуры капитала. На качество трудовых ресурсов и спрос на группы образования трудовых ресурсов и квалификации на рынке труда оказывает влияние объем и структура инвестиций в различные экономические области деятельности. Проекты инвестиций в экономику страны должны быть связаны с программами обучения, переобучения и переквалификации, так как это позволит рационально использовать государственные средства, предназначенные на улучшение ситуации занятости в стране.

3. Обобщив результаты проведенных научных исследований, можно утверждать, что для длительно безработных широко применялись активные меры политики на рынке труда, благодаря которым более половины длительно безработных трудоустроились или начали свой бизнес. Данные опроса лиц, закончивших курсы профессионального обучения, проведенного биржей труда Литвы (2010 г.), позволяют предположить, что активные меры политики на рынке труда используются эффективно. Активные меры политики на рынке труда и программы поддержки занятости являются инструментом социальной защиты, помогающим экономически неактивным и социально уязвимым лицам вернуться на рынок труда.

Применяя их, снижается эмиграция.

Литература

1. Adamonienė, R., Sakalas, A. (2002). Darbo išteklų pasiūlos ir paklausos derinimo būdai ir mechanizmai. *Inžinerinė ekonomika*, 3 (29), p. 67–71.
2. Andriušaitienė D. (2004). Ilgalaikio nedarbo mažinimo priemonių plėtra//Verslas, vadyba ir studijos. Mokslo darbai.

3. *Asmenų, baigusių profesinio mokymo kursų, vertinimas* (2010). Lietuvos darbo birža. <http://www.ldb.lt/TDB/Lietuva/DarboRinka/Apklausos/UserDispForm.aspx?ID=35>. Cm.: 2012-04-04.
4. Domarkas, L. (2005). Viešojo administravimo raidos aktualijos. *Viešoji politika ir administravimas*, 13, p. 7–14.
5. Friedlander F., Greenberg S. (2010). Effect of job attitudes, training, and organization climate on performance of the hard-core unemployed. *Journal of Applied Psychology*. Vol 55(4). 287–295.
6. Gruževskis, B. (2002). Žmogaus socialinė raida. Užimtumas. Vilnius.
7. *Human capital*. (2003). Mongolia, Vol. 3.
8. Lietuvos 2007–2013 metų Europos Sąjungos struktūrinės paramos panaudojimo strategija konvergencijos tikslui įgyvendinti.
9. http://www.esparama.lt/ES_Paramas/strukturines_paramos_2007_1013m._medis/titulinis/files/Strategija_2007-03-30.pdf Cm.: 2012-04-04.
10. *Lietuvos darbo biržos 2001–2010 metų veiklos ataskaitos* (2010). Rankraštis. Vilnius.
11. Lietuvos Respublikos Vyriausybės 2005 m. lapkričio 22 d. nutarimas Nr. 1270 „Nacionalinė Lisabonos strategijos įgyvendinimo programa“. Valstybės žinios, 2005, Nr. 92–3699.
12. Lietuvos ūkio (ekonomikos) plėtros iki 2015 metų ilgalaikė strategija. <http://www.ukmin.lt/uploads/documents/Valstybes%20ilgalaikes%20strategijos/LT%20Ukio%20strategija/galutine040121.doc> Cm.: 2012-04-04.
13. Liukinevičienė, L. (2003). *Regioninis universitetas: studijos ir karjera*. Šiauliai: VŠĮ Šiaulių universiteto leidykla.
14. Martinkus, B., Sakalas, A., Savanevičienė, A. (2006). *Darbo išteklių ekonomika ir valdymas*. Kaunas: Technologija.
15. Mokyř, J. (2003). The Oxford encyclopedia of economic history: Human capital to Mongolia. Vol. 3. Oxford and New York: Oxford University Press.
16. Navickas, V. (1999). *Lietuvos ekonomika. Dabartis ir perspektyvos*: mokymo priemonė aukštųjų mokyklų studentams. Vilnius: Valgra.
17. Petrauskas A. (2001). Ko ieško ilgalaikiai bedarbiai: darbo ar pažymų?// Darbo biržos naujienos, Nr. 12, p. 17
18. Petrauskas A. (2005). Nedarbo pasekmės. //Darbo biržos naujienos, Nr. 6, p. 17.
19. Pocius A., Okunevičiūtė–Neverauskienė L. (2003). Ilgalaikio nedarbo problema Lietuvoje // Filosofija, sociologija, Nr. 1, p. 43–48.
20. Randy, Ch. Epping. (1995). Pasaulio ekonomikos ABC: septyniadešimt viena ekonomikos sąvoka, galinti pakeisti jūsų požiūrį į pasaulį. Kaunas: Litterae Universitatis.
21. Roberts A., Tapp J. (2011). Hard core unemployment. *Humanities, Social Sciences And Law*. Number 11. 48–49.
22. Sakalas, A. (1999). Regioninis mokymo ir kvalifikacijos kėlimo aspektas. *Socialiniai mokslai*, 2(19), p. 39–46.
23. Tūtlys V. (2006). Darbo rinkos tyrimai. Modulio knyga. Kaunas: VDU. Valstybės ilgalaikės raidos strategija. Valstybės žinios, 2002, Nr. IX-1187.

**Фитуни Л.Л.,
Россия, г. Москва**

Предпосылки арабских революций: демографический аспект

Предпосылки и цели исследования: на основе теоретического обобщения итогов исследовательской работы, в том числе и в государствах Северной Африки, показать воздействие демографических изменений в североафриканском субрегионе на формирование социальных предпосылок арабских революций.

Статистическая основа и методология исследования: исследование базируется на данных национальной статистики государств Северной Африки, включая переписи населения, ежегодные статистические обзоры и выборочные обследования, а также на материалах международных организаций (ООН, Всемирный банк, МОТ, ВОЗ, ФАО, ЮНЕСКО, Международной организации по миграции и др.). В основе методик лежит критический анализ мирового опыта в данной сфере и компаративный анализ состояния и перспектив развития демографического потенциала в развитых и развивающихся странах. Помимо работы с исследовательской литературой и официальными материалами в основу исследования легли экспертные интервью с российскими и зарубежными специалистами по данной проблематике.

Основные научные результаты: большинство арабских стран вступают в так называемый третий этап демографического перехода. При этом реальна угроза, что они окажутся в демографической ловушке. Во многих процессах модернизации и привели к заметному падению рождаемости и замедлению темпов прироста населения. В Тунисе, Египте, Алжире, Ливане, Саудовской Аравии коэффициент фертильности снизился более чем на 40% по сравнению с показателями до начала перехода. Поскольку этим трендам всего 10–15 лет, а средняя ожидаемая продолжительность жизни в регионе увеличилась до 70 лет, в большинстве стран (но не во всех!) смертность почти не увеличилась. Начала сокращаться лишь доля детей примерно до 12 лет. При этом огромные массы молодых людей в возрасте 15–30 лет вступили в активную жизнь и количественно доминируют в обществе. Более 60% населения арабских стран моложе 30 лет. Среди молодежи крайне высока безработица, социальные перспективы у многих ограничены или в лучшем случае неопределенны, что ведет к политическому недовольству и протестным настроениям. Специфические конфигурации демографических трендов привели к социальной отчужденности и радикализации части молодежи, желанию изменить существующие социальные парадигмы.

К концу 1990-х гг. в американской внешней политике получают распространение подходы, придающие особое значение демографическим факторам при геополитическом прогнозировании, стратегическом планировании и реализации конкретных внешнеполитических задач. Применительно к «несостоявшимся государствам» и мусульманским регионам предлагаются подходы, основанные на теории «молодежного бугра» (*youth bulge*), согласно которой развивающиеся общества, переживающие демографический переход от высокой к низкой рождаемости и смертности, обладают повышенной конфликтностью в силу растущего недовольства молодежи. Взрывоопасный потенциал с одной стороны представляет угрозу интересам Запада (прежде всего с точки зрения радикализации мусульманской молодежи), но с другой, может быть использован для продвижения демократии. С конца 90-х годов главной целевой группой обработки становится молодежь.

В 2009 г. один только созданный Конгрессом США Национальный фонд демократии (*National Endowment for Democracy*) финансировал 23 египетских, 21 палестинскую, 13 йеменских, 10 иорданских, 8 ливанских, 3 тунисских, 3 ливийских, 3 сирийских, 3 алжирских и 1 кувейтскую неправительственные организации, в основном для целей работы с молодежной аудиторией по разным направлениям продвижения демократии и создания гражданского общества. Целевые гранты предполагали в частности обучение методам мобилизации масс, ведению разъяснительной и пропагандистской работы, созданию Интернет-СМИ и веб-сайтов, обучению методам обхода цензуры, защиты от противодействия распространению информации по Интернету. Суммы грантов варьировались от 19 до 385 тыс. долл. на организацию.

Как представляется, выбор молодежи в качестве инструмента и одновременно объекта управления социальными процессами объясняется следующими соображениями. Это единственная легко выделяемая не классовая, но возрастная социальная группа, способная превратиться в действенную движущую силу трансформации политических парадигм арабского общества. В первое десятилетие XXI в. устойчивый и динамичный экономический рост в арабских странах потенциально создавал условия для долгожданного прорыва в социально-экономическом положении старших групп молодежи. Однако этого не произошло. Возрастные парадигмы распределения доходов, социальных благ и влияния в обществе остались прежними. Более того, «возрастная планка» общественного признания постепенно повышалась по мере старения властей предрержащих. Из-за неподвижности социальных и политических парадигм получив образование, средняя (20–24 лет) и старшая (25–30 лет) группы молодых возрастов неизбежно оказывалась в состоянии вынужденной жизненной паузы почти по всем пяти ключевым для индивидуума сегментах общественной жизни:

образовании, работе/карьерном росте, доходах, возможности приобрести собственное жилье и создать семью. Мы назвали этот феномен «пентаграммой безысходности» у молодежи и схематически изобразили связи и зависимости на рис. 1.

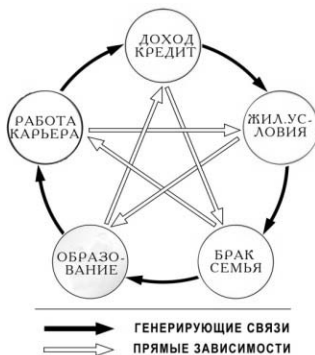

Рис. 1. «Пентаграмма безысходности» – замкнутый круг отсутствия социальных перспектив у арабской молодежи

В конкретных условиях арабских стран ситуация на практике выглядит следующим образом. Безработица среди молодежи в регионе выше среднемировых показателей вдвое (20–40% по сравнению с 10–20% среднемировыми). Избыточные доходы арабских стран от природной ренты (не только от нефти, но и, например, от международного туризма, т.е. от привлекательного климата, моря и т.п.) привели к сильному росту цен на городскую недвижимость. Это сузило для молодых людей возможности приобретения собственного жилья. Отсутствие денег и жилья сдвигает возраст создания семьи и появления первого ребенка. Описанная «печать безысходности» накладывается на арабскую молодежь в значительной степени еще на этапе получения образования, которое традиционно ориентировано прежде всего на конторскую работу в госсекторе. Это противоречит сегодняшним объективным потребностям арабских экономик. Ведь в последние два-три десятка лет вектор их развития направлен в противоположную сторону – на ускоренный рост частного сектора, реального производства и отраслей сервиса. В результате такого несоответствия дипломированные специалисты обречены по несколько лет ждать вакансий в госсекторе. Между тем в обществах, где все еще сильны традиционалистские оценки жизненного преуспевания, неуспех в перечисленных областях считается куда более страшной жизненной неудачей, чем, например, на Западе. Так, по нашему мнению, в рассматриваемых странах сформировалась критическая масса «взрывоопасного демографического материала» – движущей силы арабских революций.

Доклады участников круглого стола для студентов и аспирантов «Глобальные демографические вызовы глазами молодых исследователей»

*Гаращенко,
Украина, Г. Киев*

Аборты и планирование семьи в Украине: в плену архаики или в русле современных тенденций?

Предпосылки и цели исследования

Способность свободно принимать решение о рождении ребенка, регулирование интервалов между беременностями, определения количества детей в семье, возможность планирования семьи стало сегодня необходимым условием для всестороннего участия женщины в современной жизни. Эта, так называемая репродуктивная революция становится возможной сегодня, благодаря информированности и доступности современных методов планирования семьи. Среди методов регулирования деторождения могут быть как методы, позволяющие предупредить нежелательную беременность, так и методы прерывания незапланированной беременности (аборт). Достаточно длительное время в Украине широко применялся такой «варварский» метод планирования семьи, как искусственное прерывание беременности. За последнее десятилетие в Украине осуществлен широкий комплекс программ, который способствовал позитивным сдвигам в сфере улучшения и сохранения репродуктивного здоровья населения страны и доступности услуг планирования семьи. Однако, несмотря на целенаправленную политику государства в этой сфере, уровень искусственного прерывания беременности в Украине все еще занимает важное место в регулировании деторождения. Поэтому важно определить выполняет ли сегодня система планирования семьи возложенные на нее функции и отвечают ли они современным тенденциям.

Результаты исследования

За последние десятилетия в Украине произошли глубокие социально-экономические и демографические изменения. Демографическая ситуация, сложившаяся в Украине, характеризуется естественной убылью населения, низким уровнем рождаемости в сочетании с достаточно высокими показателями распространенности искусственных абортов. Женщины в Украине достаточно часто используют аборт как метод планирования семьи, и

именно аборт специалисты признают одним из основных факторов ухудшения репродуктивного здоровья женщин [2, 3 С. 73–89]. Хотя в стране, благодаря целенаправленной политике государства по профилактике абортов, внедрению мер планирования семьи за последнее десятилетие удалось достичь ощутимого снижения количества абортов, однако в развитых европейских странах показатель абортов на 100 родившихся живыми в 2–3 раза ниже украинского.

В последние годы в Украине наблюдается положительная динамика уровня абортов на фоне роста суммарного коэффициента рождаемости. Как видно из рис. 1 за последнее пятнадцатилетие количество абортов уменьшилось в 4,04 раза – с 57,1 абортов на 1000 женщин репродуктивного возраста в 1995 г. этот показатель снизился до 14,1 в 2010 г. Что касается суммарного показателя рождаемости, то в 90-х годах он характеризовался лавинообразным его падением, обусловленным социально-экономическим кризисом жизни населения Украины. Так, в конце XX века, по словам В.Стешенко, «в условиях массовой безработицы катастрофически сократилась материальная база практической реализации потребности в детях»¹. Ситуация начала меняться к лучшему в начале нового тысячелетия, о чем свидетельствует ежегодный рост коэффициента рождаемости. Увеличение численности родившихся исследователи связывают с так называемым «демографическим притоком», то есть со вступлением в детородный возраст более многочисленных контингентов женщин 1983–1988 годов рождения, а также с усилением социально-демографической политики.

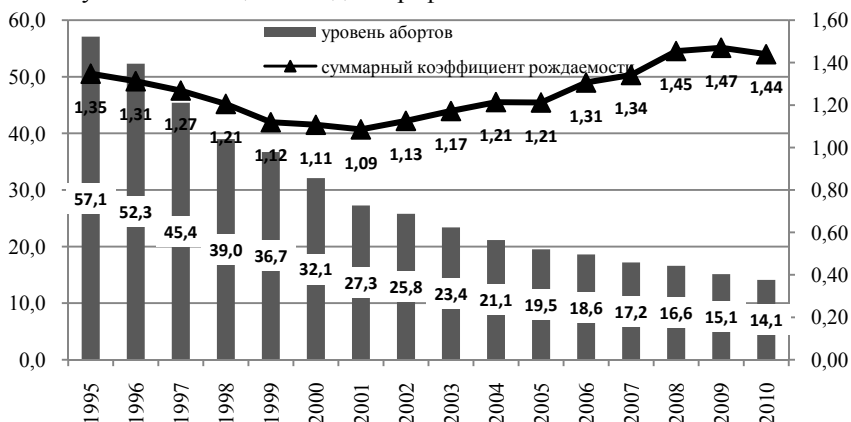

Рис. 1. Динамика уровня абортов в Украине в 1995–2010 гг.

Источник: по данным Центра медицинской статистики МЗ Украины.

¹ Демографічна криза в Україні. Проблеми дослідження, витоки, складові, напрямки протидії / За ред. В. С. Стешенко — К.: НАН України, Ін-т економіки, 2001. — С. 298.

Согласно результатам МДОУ-2007 18% случаев беременностей у подростков закончились аборт, у женщин в возрасте 25–34 года – 28% случаев беременностей, и около половины случаев беременности у женщин в возрасте 35–49 лет. Доля абортированных беременностей возрастает с повышением очередности беременности: от 6% в случае первой беременности до 59% в случаях пятой или беременности более высокого порядка. Относительно количества абортов, которые женщины делали за всю свою жизнь, почти 1/3 опрошенных женщин сообщили, что они когда-либо в течение жизни делали аборт (аборты). При этом среди женщин, которые когда-либо в течение жизни делали аборт, 54% делали это более одного раза, 45% женщин, которые сообщили о своем аборте, имели 2–3 аборты, а 9% – 4 или более абортов [4, С. 78–80].

На сегодня благодаря усовершенствованию служб по охране репродуктивного здоровья, образовательно-профилактической работы с будущими родителями, повышению осведомленности о мерах контрацепции и их доступности наблюдается благоприятная динамика – соотношение родов и абортов стало меньше (рис. 2).

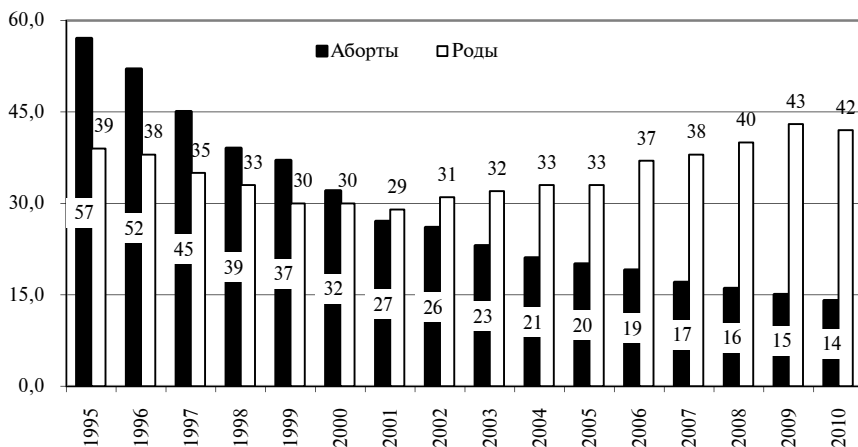

Рис. 2. Динамика частоты родов и абортов (на 1000 женщин репродуктивного возраста) в Украине в 1995–2010 гг.

Источник: по данным Центра медицинской статистики МЗ Украины

Тенденция к снижению количества абортов, что имеет место в последнее время, не снимает актуальность этого вопроса. Аборт имеет негативные последствия для рождаемости, т.е. потеря потенциальной жизни плода, что не родился, возможны случаи потери жизни женщины, которая в будущем могла бы родить в случае смерти от его осложнений. Также аборт, совершенный в современных медицинских учреждениях, является

опасным для здоровья женщины и может вызывать различного рода осложнения: вторичное бесплодие, невынашивание беременности, воспалительные заболевания гениталий, эндокринные нарушения, патологии беременности и родов [5, с. 57]. Однако, помимо физических последствий, аборт влияет и на психическое здоровье женщины. Он является одним из психотравмирующих факторов, которые при определенных обстоятельствах (особенности психологической структуры индивида, влияние субъективной оценки ситуации) могут стать одним из основных факторов в развитии неврозов, негативно влияет на внутрисемейные и межличностные отношения. Даже прямые потери рожденных через прерывание беременности (без учета возможных нежелательных последствий аборта у беременных) являются весомыми. Так, по данным Центра медицинской статистики МЗ Украины, в целом, в 2010 г. абортами завершились более чем 164 тыс. беременностей (в 2009 – 181 тыс., в 2008 – 201 тыс.), то есть ежегодно теряется более 150 тысяч потенциальных жизней.

Неутешительной является ситуация с распространенностью ранних беременностей и аборт. Как свидетельствуют данные, каждая десятая девочка начинает сексуальные отношения до 14 лет, а до 16 лет – 80% украинских подростков имеют определенный опыт интимной жизни. Беременность в подростковом возрасте приводит не только к гинекологической заболеваемости, бесплодия и патологии беременности и родов, но и имеет неблагоприятные социальные последствия, особенно это касается уровня образования женщин, поскольку женщины, которые становятся матерями в подростковом возрасте, преимущественно не заканчивают образовательные учреждения [3, с. 85]. Так, в 2009 г. зарегистрировано: 138 аборт у девочек до 14 лет, 9019 аборт у девушек в возрасте 15–17 лет.

Что же касается региональных особенностей распространения аборт, то по результатам проведенного демографического районирования [6, с. 393], более неблагоприятная ситуация с абортами возникла в Южном регионе Украины – тут показатель наибольший (15,9‰), что коррелирует с неудовлетворительным состоянием репродуктивного здоровья женщин и с низким уровнем рождаемости. Показатели аборт областей Центрального (15,8‰), и Юго-Восточного (14,7‰) регионов выше среднеукраинского уровня (14,1‰). Наименьше же аборт в областях Западного (9,8‰) и Северо-Восточного (13,4‰) регионов страны.

Необходимым профилактическим мероприятием в регионах с наихудшей абортивной ситуацией может стать продолжение просветительской работы среди женщин и девушек-подростков по поводу тяжких последствий аборта. При этом, учитывая наличие препятствий в рождении желаемого количества детей (состояние здоровья будущих родителей, недостаточная материальная обеспеченность семей в Украине, отсутствие надлежащих жилищных условий и т.п.), приоритетными задачами в дальнейшем

должны стать дальнейшее развитие служб планирования семьи в сфере профилактики нежелательной беременности, доступность целого спектра современных средств планирования семьи всех ценовых категорий, осведомленность молодежи по вопросам подготовки к отцовству, пропаганда здорового образа жизни. Проведение ряда образовательных компаний в области репродуктивного здоровья и расширения доступа к современным методам планирования семьи должны играть главенствующую роль в снижении искусственного прерывания беременности.

Литература

1. Heather D. Boonstra, Rachel Benson Gold, Cory L. Richards, Lawrence B. Finer Abortion in women's life. Guttmacher Institute, 2006 – P. 44. Режим доступа: <http://www.guttmacher.org/pubs/2006/05/04/AiWL.pdf>.
2. Singh S, Wulf D, Hussain R, et al. Abortion Worldwide: A Decade of Uneven Progress. New York: Guttmacher Institute, 2009.
3. Бурдули Г.М., Фролова О.Г., Серов В.Н. [и др.] / Репродуктивные потери (клинические и медико-социальные аспекты). – М.: Триада – X, 1997. – 188 с.
4. Дудіна О.О., Коломейчук В.М., Руденко Н.Г. Репродуктивне здоров'я населення України / Щорічна доповідь про стан здоров'я населення України та санітарно-епідеміологічну ситуацію. 2008 рік. – К., МОЗ, Укр. ін-т громадськ. здоров'я, 2009. – С. 73–89.
5. Україна. Медико-демографічне обстеження. – К.:УЦСР, Держкомстат України, МОЗ України, USAID, Macro International Inc., 2008. – С. 78–80.
6. Левчук Н.М., Перллі-Харріс Б. Аборти та народжуваність в Україні: «конкуренція» продовжується? // Демографія та соціальна економіка/Ін-т демографії та соціальних досліджень ім. М.В. Птухи НАН України. – К., № 2(14)2010. С. 64–73.
7. Демографічна криза в Україні. Проблеми дослідження, витоки, складові, напрямки протидії / За ред. В.С. Стешенко – К.: НАН України, Ін-т економіки, 2001. – 560 с.

Герасимова В.
Россия, г. Москва

Забота о пожилых: право или обязанность

Актуальность работы. Вопрос заботы о пожилых непременно возникает в условиях стремительного процесса старения населения, когда Россия уже совсем скоро приблизится по этому показателю ко многим развитым европейским странам. Так, согласно данным Экономической Комиссии Объединенных Наций Европы, к 2030 году возрастная пирамида в России примет практически прямоугольный вид, где все возрастные кате-

гории практически сравниваются по количеству представителей. При этом к 2050 г. доля пожилых людей в возрасте 60 лет и старше в нашей стране составит 32%, что примерно равно среднеевропейскому показателю в 33% (во всех развитых странах, доля пожилых превысит долю детей¹). В этих условиях возникает вопрос, кто должен заботиться о пожилых: их родственники (дети, а, возможно, даже внуки!), государство, общественные организации, социальные институты. Право пожилых на материальное обеспечение, физическую помощь, моральную поддержку никто не оспаривает, но можем ли мы утверждать с полной уверенностью, что дети, оказавшись в этой ситуации², окажутся рядом со своими престарелыми родителями в нужный момент и, вообще, считают ли они помощь родителям своей обязанностью.

Объектом исследования работы являются лица от 18 до 79 лет, имеющие живых родителей.

Предметом исследования выступает степень заботы детей о пожилых родителях.

Основная гипотеза. Если дети наиболее часто видятся с родителями, то вероятность того, что они будут заботиться в той или иной форме о своих пожилых родителях (материальной, физической, моральной), когда те будут в ней нуждаться, выше. Гипотезы: регулярные контакты между детьми и родителями увеличивают вероятность проявления заботы о пожилых родителях; регулярные контакты между детьми и родителями не влияют на вероятность проявления заботы детей о пожилых родителях.

Эмпирическую базу работы составляют данные обследования «Родители и дети, мужчины и женщины в семье и обществе» (1-ая волна, 2004 г.), Выборка случайная, совокупное число опрошенных в выборке более 11 тыс. человек. Кроме того, планируется использовать авторское пилотное обследование по теме «Кто должен заботиться о пожилых?»

Разработанность проблемы (обзор литературы).

Очень подробный анализ обследования РИДМИЖ проводился С.В. Захаровым, Т.М. Малевой и О.В. Синявской «Программа «Поколения и гендер»: вопросы методологии», в результате которого были получены весьма интересные выводы. Сегодня дети гораздо раньше покидают родительский дом, причем более тесные и родственные связи между детьми и родителями сохраняются у тех детей, которые позже покинули родительский дом. В свою очередь, именно эти дети чаще проявляют заботу о своих родителях.

¹ По состоянию на 2010 г. почти во всех странах Европы количество пожилых людей в возрасте 65 лет и старше превышает количество детей (от 0 до 15 лет). В Японии превышает более чем в 2 раза.

² Этот термин был употреблен M. Zal Sandwich Generation.

Однако понимание проявления заботы у всех разное, и часто детям очень сложно принять решение взять на себя заботу о своих пожилых родителях.

Несколько ранее об этом писал советский и российский исследователь В.Д.Шапиро, который в своих исследованиях выделял несколько групп пожилых людей, мнение которых относительно помощи и поддержки детей разделяются. У определенной группы пожилых людей основным мотивом продолжения трудовой деятельности служит нежелание зависеть от родственников материально (6,5 из 15 баллов). Такой же показатель, как материальная зависимость от родственников, отметили 5% мужчин пожилого возраста, в качестве нежелания ухода на пенсию. Это может быть одним из показателей страха пожилых людей, что дети не захотят или не смогут проявить о них достаточную заботу. Однако, согласно концепциям и Шапиро, и Захарова, Малевой, Синявской, и Красновой большинство детей сближаются с родителями в момент появления внуков, и тогда, в условиях, необходимости поддержки друг друга дети и родители сближаются. С процессом взросления внуков, отношения детей и родителей претерпевают изменения, от более теплых к более холодным. Наиболее остро вопрос заботы о пожилых родителях у детей возникает к моменту достижения внуками подросткового возраста.

В связи с концепциями вышеперечисленных исследователей, а также собственным проведенным анализом РидМиЖ и пилотным обследованием, докладчик считает интересным провести сравнительный анализ и получить выводы для написания статьи на предмет того, чьей обязанностью является забота о пожилых людях.

Библиография

1. Вишневский А.Г. Похвала старению//Отечественные записки, № 3 (23) 2005, с. 1.
2. Краснова О.В. Бабушки в семье, 2000, 9 с.
3. Синявская О.В., Гладникова Е.В. По матер. исследования сборник аналитических статей Родители и Дети, Мужчины и Женщины в семье и обществе// Взаимоотношения поколений в семье и обществе, НИСП, 2007, 640 с.
4. Хасин Г.А. Старость: Социальные вопросы. – Челябинск: Изд-во «Челябинский дом печати», 1995. – 111 с.
5. Шапиро В.Д. Социальная активность пожилых людей в СССР, Изд-во «Наука», Москва, 1983, 128 с.
6. Шапиро В.Д. Человек на пенсии, Издательство «Мысль», 1980, 205 с.
7. Яцемирская Р.С., Хохлова Л.Н. Проблемы старости: духовные, медицинские и социальные аспекты. Издательство «Свято-Димитриевское училище сестер милосердия», 2003

8. V.L. Bengston Beyond the nuclear family: The increasing importance of multigenerational bonds// Journal of Marriage and Family. Feb. 2001, № 63 (1): Research Library, p. 1–16.
9. V.L. Bengston, A. Lowenstein, Aldine de Gruyter Global Aging and Challenges to families, New York, 2003.
10. King, V. and G.H. Elder American Children View Their Grandparents, Linked Lives Across Three Rural Generations/Journal of Marriage & the Family, No 57(1), 1995, – pp. 165–178.
11. M.E. Kite & B.T. Johnson Attitudes toward older and younger adults: A meta-analysis. Psychology and Aging. No 3 (3), 1988, – pp. 233–244.
12. M.E. Kite, K. Deaux & M. Miele Stereotypes of young and old: Does age outweigh gender? Psychology and Aging, No. 6, 1991, – pp. 19–27.
13. T. Parsons and R.F. Bales. Family, Socialization and Interaction. – N.Y.: 1955.
14. D. Weisstub, D.C. Thomosma, S. Gauthier, G.F. Tomosy Aging: Caring for our Elders, Muwer academic Publishers, Dordrecht/Boston/London, 2001.
15. H.M. Zal, D.O., F.A.C.N. The Sandwich Generation// Caught between Growing Children and Aging Parent, Insight Books: Plenum Press, New York and London, 1992, – p. 251.

***Донец В.Д.,
Россия, Москва***

Родительская семья как фактор репродуктивного поведения

Снижение рождаемости уже во второй половине XX века практически превратилось во всеобщий глобальный процесс. Оно началось в европейских странах еще в XIX веке. В России, также как и в Европейских странах, тенденция снижения рождаемости наблюдалась на протяжении всего XX века. Эта проблема остается актуальной для нашей страны и в настоящее время. В настоящее время в репродуктивный возраст вступают малочисленные поколения женщин, рожденных в 90-е гг. Но необходимо обратить внимание на то, что не только структурный фактор в ближайшее время окажет отрицательное влияние на общий коэффициент рождаемости (или число родившихся). Важно принять во внимание то, что эти женщины воспитывались в однодетных семьях и могут воспроизвести число детей, рожденных в семьях их родителей.

Целью данного исследования стала проверка гипотезы, согласно которой и в современных условиях дети склонны усваивать модель репродуктивного поведения своих родителей, поэтому число детей в родительской семье является одним из факторов, определяющих число детей у молодого

поколения¹. Для этого мы обратимся к данным выборочного обследования, проведенного Росстатом в сентябре–октябре 2009 года, которое позволяет оценить демографические установки как женщин, так и мужчин. В ходе обследования «Семья и рождаемость» опрашивались жители 30 субъектов Российской Федерации, были представлены все федеральные округа. Было опрошено 1118 женщин и 881 мужчина (общее число опрошенных – 1999 человек). Количество опрошенных семей – 1118, при этом семейный статус опрашиваемых отличался – были опрошены супруги (881 супружеская пара) и незамужние матери (237 женщин). Были опрошены женщины в возрасте до 45 лет, для мужчин ограничений по возрасту не было.

Обратимся к репродуктивным ориентациям опрошенных мужчин и женщин. В настоящем исследовании для характеристики репродуктивного поведения будут использованы два показателя: желаемое и ожидаемое число детей.

В среднем у женщин желаемое число детей составило 2,28, ожидаемое – 1,72. У мужчин эти показатели в среднем выше: желаемое число детей – 2,38, ожидаемое – 1,9². С ростом числа детей в семье родителей растет среднее ожидаемое число детей у более молодого поколения (см. табл. 1).

Обратимся далее к ответам мужчин.

Таблица 1

Желаемое и ожидаемое число детей у женщин в зависимости от числа детей в родительской семье

Число детей в родительской семье	Желаемое число детей	Ожидаемое число детей
1	2,12	1,55
2	2,25	1,68
3	2,35	1,8
4	2,45	1,96
5 и более	2,7	2,06

¹ При исследовании репродуктивных ориентаций традиционно используются три показателя. Первый – идеальное число детей, характеризующий представления людей о социальной норме в отношении детей, но не планы родителей (скорее всего, именно поэтому он часто игнорируется и не включается в программы обследований). Второй – показатель желаемого числа детей. Под «желаемым» понимается то число детей, которое индивид хотел бы иметь при наличии всех необходимых условий. Еще один показатель – ожидаемое число детей, который, как правило, определяется существующей потребностью в детях и условиями ее реализации.

² Интересно, что такое сочетание величин по полу в принципе характерно и выявляется в ряде более ранних обследований. См., например: В. Бодрова, «Сколько детей хотят иметь россияне?». Режим доступа: <http://demoscope.ru/weekly/2002/081/tema01.php>.

Таблица 2

Желаемое и ожидаемое число детей у мужчин в зависимости от числа детей в родительской семье

Число детей в родительской семье	Желаемое число детей	Ожидаемое число детей
1	2,31	1,84
2	2,29	1,85
3	2,42	1,97
4	2,75	1,95
5 и более	2,64	2,12

Из данных, приведенных в таблице 2, видно, что такая зависимость хотя и прослеживается, но все же и желаемое, и ожидаемое число детей с ростом числа детей в родительской семье растет в меньшей степени, нежели у женщин. Кроме того, зависимость не такая прямая.

Существует мнение, что дочери лучше воспринимают демографическое поведение своих родителей, позиционируя его как модель для подражания во взрослой жизни, в то же время сыновья более независимы от родителей в принятии каких-либо решений. Приведённые выше данные подтверждают эту гипотезу.

В целом, принято считать, что образ жизни семьи в определенной степени предопределяет образ жизни ребенка в будущем. В ходе обследования женщинам и мужчинам задавался вопрос, развелись ли их родители. Проанализируем, отразилось ли это на показателях ожидаемого и желаемого числа детей (табл. 3).

Таблица 3

Желаемое и ожидаемое число детей в зависимости от семейного состояния родителей (женщины)

Развелись ли родители	Желаемое число детей	Ожидаемое число детей
да, они расторгли свой брак, от которого Вы родились	2,28	1,73
у одного из них или обоих был расторгнут предыдущий брак	2,54	1,81
никогда не развелись	2,27	1,71
родители вообще не состояли в зарегистрированном браке	2,4	1,56

Согласно результатам, приведенным в таблице 3, у женщин такая зависимость фактически отсутствует. Среднее желаемое и ожидаемое число детей у тех женщин, чьи родители развелись, практически совпадает с аналогичными показателями тех женщин, чьи родители никогда не развелись. А наибольшие показатели ожидаемого и желаемого числа у тех, у

кого кто-то из родителей расторг предыдущий брак. У мужчин ответы распределились несколько иначе (табл. 4).

Таблица 4

Желаемое и ожидаемое число детей в зависимости от семейного состояния родителей (мужчины)

Разводились ли родители	Желаемое число детей	Ожидаемое число детей
да, они расторгли свой брак, от которого Вы родились	2,22	1,87
у одного из них или обоих был расторгнут предыдущий брак	2,38	1,88
никогда не разводились	2,39	1,89
родители вообще не состояли в зарегистрированном браке	2,73	2,13

Среднее желаемое и ожидаемое число детей у тех мужчин, чьи родители развелись, все-таки ниже аналогичных показателей тех мужчин, чьи родители никогда не разводились. Однако можно заметить одну особенность – наибольшие показатели среднего желаемого и среднего ожидаемого числа детей (причем с большим разрывом) имеют место у тех, чьи родители вообще никогда не состояли в зарегистрированном браке. Можно предположить, что это свидетельствует о том, что мужчины, выросшие в неполных семьях или в семьях, где родители состояли в гражданском браке, в большей степени ориентированы на то, чтобы создать крепкую семью и иметь как минимум двоих детей. Оказывается, что для них наличие детей имеет несколько большую ценность, чем для остальных.

Интересная зависимость прослеживается между желаемым числом детей у женщин, их брачным состоянием и брачным состоянием их родителей (табл. 5).

Таблица 5

Желаемое число детей у женщин, в зависимости от их брачного состояния и брачного состояния родителей

Брачное состояние женщины	родители развелись	родители состоят в браке
состою в зарегистрированном браке	2,36	2,33
никогда не состояла в браке	2,17	1,94
официально разведена	2,11	2,28

Максимальное число детей хотят иметь женщины, состоящие в зарегистрированном браке, у которых родители разведены, и немного меньше – те, у которых родители состоят в браке. В целом, однако, если в семейной цепочке практика прочного брака имела место, желаемое число детей вы-

ше и оно выше у женщин, состоящих в зарегистрированном браке. В случае развода родителей семейная ситуация их развода могла в большей степени сказаться на девочках, которые хотели иметь больше детей и крепкую семью.

Проведенный анализ подтверждает тот факт, что родительская семья безусловно оказывает влияние на репродуктивное поведение детей в будущем. С ростом числа детей в семье родителей растет среднее желаемое и ожидаемое число детей у более молодого поколения. При этом у женщин эта зависимость прослеживается лучше, чем у мужчин, что свидетельствует о том, что мужчины все же более независимы от родительской семьи в принятии решений.

Данные обследования подтверждают тот факт, что институт брака остается достаточно важным критерием при принятии решения о количестве детей в семье. Респондентки, состоявшие в настоящее время или ранее в браке, более расположены к рождению детей.

Формирование репродуктивного поведения – происходит, прежде всего, в рамках семьи и не подвержен конъюнктурному влиянию. С одной стороны, это внушает определенный оптимизм, так как желаемое количество детей, хотя и не высоко, но практически не меняется даже в пределах нескольких десятилетий. Однако, это свидетельствует и о том, что изменение установок – задача, требующая серьезных комплексных долгосрочных усилий, которые должны обязательно включать и элементы внутрисемейного воспитания, а демографическая политика должна носить долгосрочный характер, рассчитанный на поколения вперед.

***Илимбетова А.А.,
Россия, г. Москва***

Активизация трудовой миграции женщин из стран СНГ в Россию

Миграционные процессы, происходящие в России, во многом аналогичны процессам и стадиям, которые проходят другие принимающие страны мира. Это касается и феминизации миграционных потоков, выражающееся в росте миграционной и трудовой активности женщин. Если конец 1990-х характеризовался их пассивной ролью мигрирующих вслед за мужьями и другими членами семьи, и на период нахождения в России сохранялась их традиционная роль домохозяек, то начало 2000-е гг. обнаруживают рост доли трудовых мигрантов женского пола, становящихся полноправными акторами миграционного процесса.

Целью данного исследования является анализ хода феминизации потоков трудовой миграции в Россию на основе официальных статистических данных и результатов обследований миграции, проведенных в России в 2009–2010 годах, а также выявление некоторых факторов, влияющих на участие женщин в трудовой миграции.

По данным выборочных обследований 30% трудовых мигрантов, а по официальной статистике 15–16% легальных трудовых мигрантов, работавших в России в период 2004–2008 гг. были женщины [Влияние экономического кризиса..., 2009].

Но, как предполагают авторы книги «Постсоветские трансформации: отражение в миграциях», особенности занятости женщин дают основания утверждать, что количество женщин не совсем точно отражается и в социологических обследованиях, и в официальной статистике [Зайончковская Ж.А., Тюрюканова Е.В., Мкртчян Н.В., 2009]. Это, прежде всего, следствие преимущественной занятости их в домашнем хозяйстве, в сфере развлечений и секс-услуг. Но так как с одной стороны, миграционные процессы в России развиваются в русле общемировых тенденций, с другой стороны, 2/3 рабочих мест в современной экономике находятся в сфере услуг, можно предположить, что доля женщин среди трудовых мигрантов России на порядок выше и в дальнейшем будет только увеличиваться. Особенно быстрыми темпами этот процесс идет в таких крупных городах, как Москва, Санкт-Петербург, Казань. Преимущество в сфере услуг отдается выходцам из Украины и Белоруссии. По оценке Е.В. Тюрюкановой, «в столице этот рынок уже структурировался, появились устойчивые расценки, агентства, занимающиеся поиском персонала, и другие услуги» [Зайончковская Ж.А., Тюрюканова Е.В., Мкртчян Н.В., 2009].

Степень феминизации трудовой миграции для разных стран исхода различна: в миграционном потоке из Узбекистана женщины составляют 8%, из Таджикистана – 7%, Азербайджана – 9%, из Армении – 10%, в то время как среди трудящихся-мигрантов из Молдовы женщины составляют 24%, из Кыргызстана – 28%, из Украины – 19%, из Вьетнама – 35% [Влияние экономического кризиса..., 2009]. Это данные официальной статистики Федеральной миграционной службы. Для сравнения, по данным выборочного обследования 2010 года среди женщин-мигрантов выходцы из Узбекистана составили 30,2% опрошенных, Таджикистана – 10%, Молдова – 9,3%, Киргизия – 13%, Азербайджана – 4,6%, Армении 7,4% [Женщины-мигранты..., 2011]. Такие весомые различия говорят о значительном количестве женщин, по тем или иным причинам остающихся вне правового поля.

Причины и факторы роста не только миграционной, но и трудовой активности женщин из республик СНГ многосторонни, они кроются как в странах исхода, так и в стране назначения – России.

На сегодняшний день рынок труда России переживает два противоречивых процесса: с одной стороны, развивается сфера услуг и сервиса, с другой – демографический кризис сокращает численность трудоспособного населения, способного занять эту нишу рынка труда. В свою очередь, несмотря на замедление темпов естественного прироста, «за период 1989–1999 годов население Средней Азии увеличилось на одну треть от своей численности 1989 года, в основном, за счет значительного превышения числа рождений над числом смертей» [Хауг В., 2004]. Таким образом, можно утверждать, что тенденция роста миграции, и особенно женской, в Россию из стран Центральной Азии будет долговременной.

Образование независимых республик с демократической формой правления и закреплением в Конституции прав женщин на труд, образование, самостоятельное принятие решений также можно считать одним из факторов роста территориальной мобильности женщин. После распада СССР в республиках СНГ был принят ряд законодательных актов в соответствии с Конвенциями ООН: о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин; Декларацией о ликвидации дискриминации в отношении женщин; Всеобщей декларацией прав человека; Международным пактом о гражданских и политических правах; Международным пактом об экономических, социальных и культурных правах; Конвенцией о правах ребенка [Права женщин..., 2010; Совершенствование организационно-правовых основ..., 2008; Национальный отчет..., 2010; Кыргызстан: успешная молодежь..., 2009–2010]. Конституции республик были приведены в соответствие с требованиями международных правовых актов по защите прав и свобод женщин.

Массовая трудовая миграция мужского населения также является одним из факторов роста активности женщин. Возрастная структура мужской миграции (на примере Таджикистана) характеризуется преобладанием молодых мужчин от 20 до 45 лет, 30% из которых обзаводятся семьями в стране трудоустройства, оставляя без экономической поддержки семьи на Родине [Национальный отчет..., 2010]. Это приводит к превращению женщины в кормильца семьи, вынуждает их к выходу на рынок труда без должной профессиональной подготовки. Миграция вслед за мужем является также путем сохранения семьи. Таким образом, женщин вынуждают к трудовой миграции несколько факторов: «Первый связан с необходимостью решить материальные проблемы своей семьи. Второй – желание самореализации. Ну, и третий – сохранить семью» [Фасхутдинов Г., 2010].

Государства – основные источники мигрантов в Россию – различаются по режиму воспроизводства. Если для Центральноазиатских стран характерна избыточная рабочая сила по причине высокой рождаемости, то, например, Украина и Молдавия испытывают те же демографические трудно-

сти, что и Россия, но из-за высокого уровня безработицы и низкого уровня зарплат, их население вынуждено также активно искать средства к существованию за пределами родного государства. В то время как экономика не в состоянии обеспечить рабочим местом всех трудоспособных граждан, женщины оказываются особенно уязвимыми перед риском безработицы. Например, в Кыргызстане в возрастной группе 20–24 летних женщин безработными являются до 30,4% против 21,4% среди мужчин того же возраста. К возрасту 30–34 лет разница в уровне безработицы мужчин и женщин достигает 10% (среди 20,6% женщин и 10,6% среди мужчин). Основной причиной предпочтения мужчин женщинам при прочих равных условиях работодатели называют стереотип, согласно которому «женщина фертильного возраста, имеющая детей, не может оставаться на рабочем месте после работы, выходить на работу в выходные дни, имеет ограничения по выездам в командировки» [Кыргызстан: успешная молодежь..., 2009–2010].

Благоприятную почву для роста количества женщин, желающих работать в России, создает развитие «инфраструктуры» миграции: развитие транспортных и информационных коммуникаций и формирование мигрантских социальных сетей – межличностные связи, которые соединяют узлами родства, дружбы, землячества мигрантов, бывших мигрантов и жителей сообществ, принимающих и посылающих мигрантов [Садовская Е., 2009]. Мигрантские сети открывают возможности для трудовой миграции тем слоям населения, для которых еще десятилетие назад путь в Россию и трудоустройство было слишком рискованно и дорого из-за нехватки средств и информации. Сейчас среди мигрантов растет количество жителей из отдаленных городков и сел, но имеющих информацию о соотечественниках, находящихся в России уже длительное время и имеющих возможность помочь и с жильем, и с трудоустройством. Как пишет Ариф Юнусов, исследователь миграции из Азербайджана, «мигрант никогда не отправится в Россию, если у него там нет родственников из земляков; без предварительной договоренности и помощи соотечественников поездка практически обречена на неудачу» [Юнусов А., 2009]. Мигрантские сети это не только, и не столько моральная поддержка, сколько правовая, жилищная, в трудоустройстве, в экстренных случаях (болезни, гибели).

Самостоятельность в принятии решений, в том числе о трудовой миграции, характерна для жительниц восточноевропейских государств СНГ, но традиционные гендерные представления еще сильны в Закавказских и Центральноазиатских республиках. Несмотря на законодательное закрепление прав и свобод женщин, общественное мнение продолжает оказывать давление на самостоятельность решений женщины. Например, ограничение территориальной мобильности контролируется общиной путем осуждения не только со стороны членов общины, но и натравливанием членов

семьи, под страхом негативного влияния трудовой миграции женщин на репутацию ее самой и ее детей. Поэтому различие в культурных традициях в разных странах, различная степень вовлеченности женщин в работу вне дома и по-разному понимаемая роль женщины в обществе продолжает оказывать влияние на степень их вовлеченности в трудовую миграцию [Влияние экономического кризиса..., 2009]. Но несмотря на все попытки сохранения традиционных моделей поведения женщины, во-первых социально-экономическая ситуация в странах СНГ будет и дальше вынуждать женщин к выездам на заработки, во-вторых, трудовая деятельность и проживание в обществе с иной культурой и нормами поведения в период миграции будут менять сознание самих мигрантов, транслируя новый формат гендерных отношений в общества стран исхода мигрантов.

Литература

1. Влияние экономического кризиса на миграционные тенденции и миграционную политику в Российской Федерации и регионе Восточной Европы и Центральной Азии. Аналитический доклад. МОМ., Москва, 2009. – 76 с.
2. Женщины-мигранты из стран СНГ в России / Под ред. Е.В. Тюрюкановой. – М.: МАКС-Пресс, 2011. – 184 с. (Серия: Миграционный барометр в Российской Федерации).
3. Зайончковская Ж.А., Тюрюканова Е.В., Мкртчян Н.В. Россия перед вызовами иммиграции//Постсоветские трансформации: отражение в миграциях / Под ред. Ж.А. Зайончковской и Г.С. Витковской / Центр миграционных исследований, Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН. – М.: ИТ «Адамант». – 2009. – с. 27.
4. Кыргызстан: успешная молодежь – успешная страна. Национальный доклад. ПРООН. 2009–2010. – 108 с. <http://hdr.undp.org/es/informes/nacional/europacei/kyrgyzstan/Kyrgyzstan-NHDR-2010-RU.pdf>.
5. Национальный отчет по человеческому развитию 2008–2009 гг. Занятость в контексте человеческого развития. Душанбе, 2010.
6. Поленина С.В. Права женщин в системе прав человека: международный и национальный аспект. Москва: Институт государства и права РАН, 2000, 256 с.
7. Права женщин в вопросах и ответах. К 30-летию Конвенции о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин и детей. Ташкент, 2010.
8. Садовская Е. Казахстан в центральноазиатской миграционной подсистеме// Постсоветские трансформации: отражение в миграциях/Под ред. Ж.А. Зайончковской и Г.С.Витковской/Центр мигр.исследований, Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН.-М.: ИТ «Адамант». – 2009. – сс. 279–321
9. Совершенствование организационно-правовых основ реализации прав женщин в Узбекистане, Ташкент, 2008.
10. Социально незащищенные группы населения: отдельные вопросы: анализ хода обеспечения гендерного равенства и социального развития: новые

тенденции и проблемы. Комитет ООН по социальным вопросам. Вторая сессия. 1–3 ноября 2005 г., Бангкок http://www.unescap.org/esid/committee2005/Russian/CESI2_4R.pdf.

11. Тюрюканова Е.В. Женская трудовая миграция// Россия: 10 лет реформ. Социально-демографическая ситуация. М.: РИЦ ИСЭПН, 2002, с. 64–80.

12. Фасхутдинов Галим. Трудовая миграция в Таджикистане обретает женское лицо// Официальный сайт медиа-компании Deutsche Welle в России www.dw-world.de.

13. Хауг В. Демографические тенденции, формирование наций и межэтнические отношения в Киргизии// Население Кыргызстана / Под ред. З. Кудабаева, М. Гийо, М. Денисенко. – Б.: 2004. С. 109–157, а также Демоскоп-Weekly, №№ 197–198, 4–17 апреля 2005 г. <http://demoscope.ru/weekly/2005/0197/analit04.php>.

14. Юнусов А. Трудовая миграция из Азербайджана: стратегии и риски интеграции в рынок труда// Постсоветские трансформации: отражение в миграциях/Под ред. Ж.А. Зайончковской и Г.С. Витковской / Центр мигр. исследований, Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН.-М.: ИТ «Адамантъ». – 2009. – сс. 227–263.

15. Trends in international migrant stock: The 2008 Revision. CD-ROM Documentation. POP/DB/MIG/Stock/Rev/2008 – July 2009/ http://www.un.org/esa/population/publications/migration/UN_MigStock_2008.pdf.

***Лончакова О.В.,
Россия, г. Чита***

***Лончаков С.А.,
Россия, г. Москва***

Население как пространственно-временное образование

В социально-экономических исследованиях категория «население» является важнейшим пространственно-временным образованием. Современное развитие междисциплинарного подхода позволяет устанавливать подобие свойств и поэтому перенос термина на явления окружающего мира (например «звездное население», «население морей и океанов»¹) представляется как закономерность. Вхождение в социум подобной доминанты способствует образованию межструктурных связей, обозначает процессы, свойственные глоболизирующему миру, а слово «население» воспринимается как обозначение существования жизни.

¹ Д.К. Шелестов. Народонаселение: история термина и современность. Сборник Население СССР сегодня, Серия «Народонаселение», вып. 38. С. 113.

При оценке доминирующего состояния термина «населения» авторы статьи применили модельный ряд Дага Ольги «Общность», который сформирован структурным наложением совокупностей, представленных в первично видами-циклами «Биостром», «Люди», «Предприятия», «Товары», имеющими как виды Дага² Ольги однотипную форму взаимодействия. При разработке «Общности» применен ассоциативный подход интегрального макропрогнозирования, объект исследования – интеграция глобализирующихся процессов как самовоспроизводящая структура социума. В моделях: 1) потребность «Общности» в экзогенном виде энергии определяет оптимальный способ «растекания жизни» по горизонтальным составляющим Дага. В относительно стабильные временные промежутки с длиной волны – λ , в пределах которых две проекции экзогенной энергии на ось времени (o_1, o_2, \dots, o_n) остаются неизменными, спираль Дага в осях YOZ замыкается. Мы связываем цикл в круг³ и позиционируем его относительно точки t_0 оси времени, которое в проекции YOZ является нулевой величиной⁴; 2) эндогенное растекание жизни представлено стадиями развития вида, в графической структуре Дага – идея, организация, дробление, структуризация; 3) для каждой из видовых совокупностей «Общности» существует системность отсчета, наиболее приближено описывающая его свойства. «Всеобщая гармония форм, проблема вопроса»⁵.

Распространение принципа подобия на все составляющие «Общность» циклы (фактически Даг Ольги представляется совокупностью T_0 -мерных пространств) дает возможность вывести ряд общих закономерностей для всего модельного ряда, объединить и при необходимости перевести отражение качественных характеристик с одного вида Дага на другой (выделяя наличие или отсутствие в порядках и ядрах как признака самоорганизации – воспроизводственную функцию). Авторы гносеологически выделили два наиболее оптимальных направления переноса свойств в «Общности» – с фазы-цикла «Биостром» на фазу-цикл «Люди» (первый переход) и с «Люди» на «Предприятия» (второй переход).

Перенесем исследование «Общности» на виды моделей «Биостром» (первый переход), «Люди», «Предприятия (второй переход)» (Рис 1, 2).

² Даг – слово, образованное от основы «Да», но имеющее более твердое смысловое звучание (придумал, но не записал Бельченков Г. (преподаватель Веб-Академии г. Москва).

³ Замкнутую форму Дага предложил С.А. Лончаков.

⁴ В.М. Бондаренко Новый методологический подход к формированию стратегии развития России//научный доклад./ Москва. Институт экономики, 2008. С. 37.

⁵ А. Гумбольдт. География растений под редакцией с вводной статьей проф. Е.В. Вульфа. – ОГИЗ – Сельхозгиз Москва – Ленинград, 1936. – С. 136.

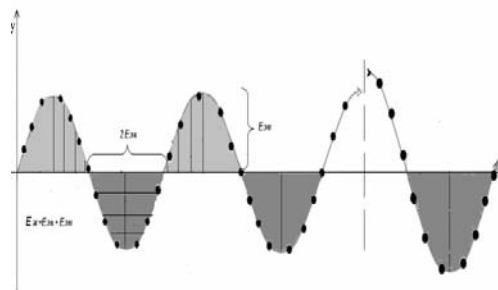

Рис. 1. Даг Ольги «Общность» в осях ХОУ

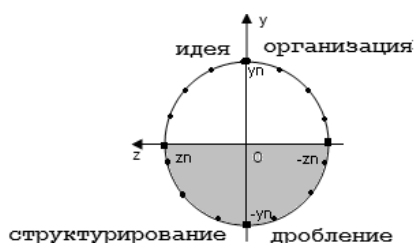

Рис. 2. Даг Ольги «Общность» в осях YOZ

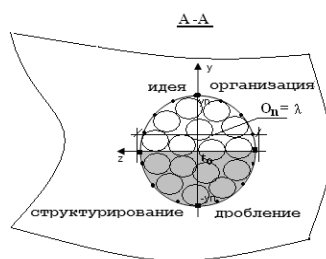

Рис. 3. Разрез А-А в осях YOZ

В Даге «Общность» – «Биостром» – фаза «Идея», является формой «населения биострома» как первичного субстрата. Живому покрову Земли, четвертой структурной части географической оболочки, присущи круговороты, как форма переноса вещества. Но здесь движение приобретает свои особенности. «Горизонтальный круговорот представляется триадой: рождение – размножение – гибель (разложение); вертикальный – процессом фотосинтеза»⁶. И тот и другой в формулировке А.И. Перельмана находят единство в малом биологическом круговороте: «...химические элементы в ландшафте совершают круговороты, в ходе которых многократно поступают в живые организмы («организуются») и выходят из них (минерализуются)»⁷.

«Согласно главному биохимическому принципу Вернадского, биогенная миграция атомов космических элементов в биосфере всегда стремится к своему максимальному проявлению; все живое вещество планеты служит источником свободной энергии и оказывает непосредственное воздей-

⁶ Ф.Н. Мильков. Общее Землеведение. Учеб. Для студ. географ. спец. вузов. М.: Высш. шк. 1990. С. 19.

⁷ А.И. Перельман. Геохимия ландшафта. М., 1975. С. 58.

ствии на социальные сферы. Это положение развил Л.Н. Гумилев. По его мнению, источником естественноисторического процесса этносов является энергия живого вещества Земли, которая воздействует на этносы по космически запрограммированным каналам»⁸. Мы предполагаем, что существует некоторая потребность (биогенная миграция атомов космических элементов в биосфере стремится к своему максимальному проявлению) в некоторых возможностях – в энергии. Таким образом, неоднородное размещение энергии во времени – есть то, что непосредственно влияет на фазы спада и подъема в модели социума Даг.

«Во всех структурных частях перемещение вещества протекает в двух направлениях: горизонтальном (экзогенном) и вертикальном (эндогенном), они не противостоят друг другу, а представляют разные отрезки одного и того же круговорота»⁹. Горизонтальное перемещение вещества осуществляется здесь путем размножения, вертикальное – в виде преобразования горных пород континентальной коры, осадочных толщ, живого вещества. «Растекание размножением», «растекание жизни» – население (от слова населить¹⁰) протекает с необычной скоростью. Энергию «растекания жизни» В.И. Вернадский называет геохимической энергией жизни, а сам процесс этот уподобляет процессу растекания газа»¹¹.

Можно сделать заключение, что все фазы Дага «Общность» – являются совокупностью, в которой население зависит от планетарного положения Земли и связанных с этим периодически повторяемых стадий развития годовых (весна, лето, осень, зима), суточных (утро, день, вечер, ночь) циклов. Так, географически формируются стабильные тепловые и световые режимы – состояния, периодически замедляющие или повышающие скорости естественного «растекания жизни» (экзогенный вид энергии) в зависимости от теплового (баланс тепла) и светового (баланс света) потоков.

Конечно, предполагается, что «растекание жизни» формируется множеством составляющих, но при большом приближении, для образования ареала экзогенной энергии, в фазах «Общности» возможно говорить о необходимости наличия определенного состава, расположения и связей элементов в пофазно (газообразные, жидкие, твердые среды) распределенном пространстве (баланс среды формы конфигурации, для систем с воспроизводственной функцией – баланс населения).

⁸ В.П. Сальников, В.Л. Обухов и др. *Философия и методология познания. Учебник для магистрантов и аспирантов.* СПб: Фонд поддержки науки и образования в области правоохранительной деятельности «Университет». 2003. С. 124.

⁹ Ф.Н. Мильков. *Общее Землеведение. Учеб. для студ. географ. спец. вузов.* М.: высш. шк. 1990. С. 28.

¹⁰ С.М. Преображенский. *Этимологический словарь русского языка.* М., 1958. С. 272–273.

¹¹ Ф.Н. Мильков. *Общее Землеведение. Учеб. для студ. географ. спец. вузов.* М.: высш. шк. 1990. С. 28.

Рассуждения подводят к мысли, что величина активной трудовой жизни населения, которая в Дагах «Люди и циклы», «Предприятие и циклы» является составляющей длины волны λ (демографический фактор) зависит от балансового равновесия тепла и света в циклично сконфигурированном пространстве, стремящемся к замкнутой форме для сбережения энергии. Что это обозначает? Потоки - тепловые и световые балансы, также как и период активной трудовой жизни (население вида Дага «Предприятие»), созданного людьми для сосуществования со средой естественного обитания) имеют определенную тенденцию – это работа в качестве длины волн. Длина волны λ , имеет чисто временное обозначение начала и конца значения временного цикла и отсекает в проекции осей УОZ площадь «растекания жизни» – населения. С другой стороны баланс среды формы конфигурации создает в этой плоскости, находящейся в состоянии неопределенности – в среде, разбивку на квантовые дыры – выпуклые или вогнутые полусферы – загоны. Форма дыры определяется наличием или отсутствием предполагаемого кванта, вмещающего одно событие с информацией, формируемой как вертикальная плотность событийного ресурса во «временном загоне» (Рис. 3.). Состояние третьего балансового показателя достаточно четко прослеживается при оценке активной трудовой жизни населения. Существующая в России оценка условий труда, прекрасно показывает несоответствия и различия между средами обитания - естественной и производственной и как следствие нарушение баланса среды формы конфигурации. «Изменения социального мира обусловили трансформацию и современной гуманитарной сферы знаний. В ней мир впервые воспринимается наиболее адекватно в своем неразрывном единстве, общности, целостности»¹².

Закончив статью очень трудно определить возможную реакцию на нее. Но работа проделана, что само по себе приятно. В.Л. Макаров отмечает: «Экономика знаний имеет три принципиальных особенности. Первая – дискретность знания как продукта... Вторая особенность состоит в том, что знания, подобно другим общественным (публичным) благам, будучи созданными, доступны всем без исключения и, наконец, третья особенность знания: по своей природе это информационный продукт, а информация после того, как ее потребили, не исчезает, как обычный материальный продукт»¹³.

¹² Абрамов В.А., Феоктистов В.М., Чашин В.В. Глобализация и регионализация в контексте проблем национальной безопасности // Вестник. Международная академия наук экологии и безопасности жизнедеятельности. т. 11, № 5. Санкт-Петербург – Чита. 2006. С. 26.

¹³ Экономика знаний: Коллективная монография / Отв. ред. д-р экон. наук, профессор В.П. Колесов. - М.: ИНФРА-М, 2008. С. 9.

Литература

1. Бондаренко В.М. Новый методологический подход к формированию стратегии развития России//научный доклад./ Москва. Институт экономики. 2008.
2. Гумбольдт А. География растений под редакцией с вводной статьей проф. Е.В. Вульфа. ОГИЗ Сельхозгиз Москва-Ленинград. 1936.
3. Мильков Ф.Н. Общее Землеведение. Учеб. Для студ. географ. спец. вузов. М.: высш. шк. 1990.
4. Перельман А.И. Геохимия ландшафта. М., 1975.
5. Преображенский С.М. Этимологический словарь русского языка. М. 1958.
6. Сальников В.П., Обухов В.Л. и др. Философия и методология познания. Учебник для магистрантов и аспирантов. СПб: Фонд поддержки науки и образования в области правоохранительной деятельности «Университет». 2003.
7. Абрамов В.А., Феоктистов В.М., Чащин В.В. Глобализация и регионализация в контексте проблем национальной безопасности // Вестник. Международная академия наук экологии и безопасности жизнедеятельности. Т. 11, №5. Санкт-Петербург – Чита. 2006.
8. Шелестов Д.К. Народонаселение: история термина и современность. Сборник Население СССР сегодня. Серия «Народонаселение», вып. 38.
9. Экономика знаний: Коллективная монография / Отв. ред. д-р экон. наук, профессор В.П. Колесов.- М.: ИНФРА-М, 2008.

***Магомедов С.Д.,
Россия, г. Москва***

Качество жизни населения на примере Республики Дагестан

Под качеством жизни населения следует понимать сложную социально-экономическую категорию, обладающую совокупностью характеристик состояния среды жизнедеятельности человека, его удовлетворенности политическим, социальным и экономическим функционированием общественной системы, получающую адекватное количественное и качественное выражение. В современных условиях качество жизни выступает, прежде всего, как эффективный инструмент осуществления социальной и экономической политики государства.

Большинство авторов считают, что отправной точкой при разработке методологии измерения и оценке качества жизни должно стать определение системы показателей, в полной мере соответствующей уровню развития и степени удовлетворения потребностей общества. Таким образом, экономическая категория «качество жизни» может быть определена как

сформировавшаяся в массовом сознании обобщенная оценка совокупности характеристик условий жизни населения и сведена к следующим интегральным свойствам, составляющим систему обеспечения жизнедеятельности населения.

Таблица

Интегральные свойства качества жизни населения

«Качество» населения	<ul style="list-style-type: none"> - <i>способность к воспроизводству</i> (рождаемость, смертность, заболеваемость, ожидаемая продолжительность жизни и т.п.); - <i>способность образовывать и сохранять семьи</i> (брачность, разводимость); - <i>уровень образования и квалификации</i> (доля населения, охваченного обучением в соответствующих возрастных группах, достигнутый уровень образования, уровень квалификации работников и т.п.)
Благосостояние	<ul style="list-style-type: none"> - <i>материальная составляющая благосостояния</i> (среднедушевые денежные доходы населения, структура доходов); - <i>текущее потребление и сбережения населения</i> (распределение доходов по направлениям использования и различным социально-экономическим группам населения, структура потребительских расходов населения, наличие в домашних хозяйствах потребительских товаров длительного пользования, накопление имущества и ценностей и др.); - <i>макроэкономические показатели благосостояния</i> (ВРП на душу населения, инвестиции в основной капитал на душу населения, фактическое потребление домашних хозяйств, индекс потребительских цен, уровень безработицы и бедности)
Условия жизни населения	<ul style="list-style-type: none"> - <i>показатели социальной инфраструктуры</i> (жилищные условия; обеспеченность населения мощностями здравоохранения, образования, культуры); - <i>социально-территориальная подвижность населения</i> (использование свободного времени, использование социальной и географической мобильности)
Качество управления обществом	<ul style="list-style-type: none"> - <i>состояние экономики и социальное устройство общества</i> (перспективы развития экономики и качество организации; соответствие и уровень развития институциональной и инфраструктурной среды потребностям общества); - <i>политическое устройство общества</i> (состояние политики и ее соответствие идеологическим установкам и ценностям общества; механизмы и формы смены одних институтов социальной и политической систем другими; степень доверия политическим институтам общества)
Качество среды жизнедеятельности	<ul style="list-style-type: none"> - <i>качество социальной сферы</i> (безопасность хозяйственной деятельности, условия труда, социальное обеспечение и социальная защита, физическая и имущественная безопасность); - <i>качество окружающей природной среды</i> (природно-климатические условия; загрязнение воздушного пространства, воды, качество почвы, уровень биоразнообразия территории и т.п.)

Основными характеристиками жизненного уровня населения Республики Дагестан являются:

А) Состояние жизненного уровня в контексте его изменения:

- денежные доходы населения в расчете на душу населения выросли на 26,6%, но их соотношение с ПМ даже несколько снизилось, составив 1,29 в 2009 г. против 1,33 в 2007 г.; почти весь рост доходов «съела» инфляция, а размер прожиточного минимума увеличился за два года на 29%;
- динамика бедности практически не изменилась: доля бедных домохозяйств составила 30,4% в 2009 г. против 29,8% в 2007 г.;
- доля питания как главный показатель материальных возможностей домохозяйств в среднем снизилась с 48,6% в 2007 г. до 44,1% в 2009 г., оставаясь почти равной значению его в «потребительской корзине» (43%ПМ); это свидетельствует о занижении ее стандарта против реальных соотношений и ведет к невозможности бедным группам удовлетворять свои потребности; – даже при учете всех материальных ресурсов домохозяйства доля бедных семей и малообеспеченных с высоким риском бедности (уровень доходов которых ниже 1,5 ПМ) составляет 54,5%; удельный вес питания в этих семьях выше 50%.

Б) Оплата труда и занятость – главное условие эффективной трудовой мотивации:

- более 50% бедных относятся к группе «трудоспособных» вследствие низкого уровня заработной платы и безработицы, что позволяет расценивать трудовой характер специфической особенностью региональной бедности;
- номинальная средняя заработная плата увеличилась на 29,2%, а ее соотношение с ПМ снизилось в 1,58 раза в 2007 г. до 1,43 ПМ в 2009 г., что также является свидетельством роста инфляции с более интенсивной динамикой, чем реальные сдвиги в оплате труда;
- практически каждый пятый (20%) имеет заработок ниже ПМ, а минимальная оплата труда составляет 22,6% от ПМ; при этом объем скрытой заработной платы снизился с 10,6% в 2007 г. до 7,9% в 2009 г.;
- процесс роста безработицы в республике Дагестан приостановился, достигнув значения 13,5% неработающих среди трудоспособного населения: для большинства из них неопределимо несоответствие образования спросу на рынке труда; основное требование ищущих работу – приемлемый уровень заработка, и лишь 7% – согласны на любую работу.

В) Государственные и частные трансферты, как метод социальной защиты, отличаются следующими особенностями:

- свыше 60% домохозяйств имеют в своем составе пенсионеров, но доля пенсий в структуре денежных доходов составляет лишь 19%. Уровень пенсий вырос на 1,41 раза, а в соотношении с ПМ – снизился до 1,15 раза, т.е. повышение пенсий не компенсировало рост потребительских

цен. У $\frac{1}{4}$ пенсионеров размер пенсии ниже ПМ и еще 27% – входят в группу малообеспеченных с высоким риском бедности;

- около 40% домохозяйств имеет тот или иной вид социальных выплат (пособие на детей, материнское пособие и др.), но их доля в составе доходов домохозяйств составляет лишь 2,4%;

- десятая часть семей получают жилищные субсидии, но их доля в располагаемых доходах получателей не превышает 6%;

- очень важно, что свыше 60% семей охвачены межсемейной солидарностью по обеспечению финансовой помощи, бесплатным предоставлением товаров и услуг. Пятая часть семей получают, таким образом, материальную помощь, которая составляет 35% в располагаемых ресурсах, и более значима, чем роль всех социальных пособий.

Г) Доступность социальных услуг:

- интенсивно расширяется, как в смысле оплаты услуг, так и относительно доли расходов на лекарства, сфера платной медицины. Доступность медицинских услуг приобретает не экономический, а социальный характер; остаются претензии к качеству обслуживания;

- детское дошкольное учреждение, как первая ступень социализации ребенка, из-за высокой оплаты оказывает дифференцирующее влияние на формирование образовательного потенциала; 25–30% семей отказываются от детских дошкольных учреждений;

- обучение в общеобразовательных школах можно считать всеобщим, если не учитывать непосещение по причине нездоровья;

- для получения высшего образования существуют две преграды перед семьями с низким уровнем доходов: оплата услуг репетиторов и платность высшего образования;

- жилищное обеспечение улучшается, прежде всего, в городах, но $\frac{1}{3}$ семей проживают в ветхих жилищах, а, кроме того – происходит рост отказов от оплаты ЖКУ.

Обобщающая роль государственных трансфертов, необходимо отметить:

- денежные трансферты сегодня фактически не способствуют преодолению бедности;

- платность социальных услуг в сфере образования и здравоохранения является косвенным усилителем бедности, т.к. не имея широкого доступа к образованию, семьи не могут конкурировать на рынке труда, а это – главный путь борьбы с бедностью;

- в том же направлении действует и отсутствие здоровья: $\frac{1}{4}$ семей рождаются в бедных семьях, около 20% – больными, прежде всего, по причине нездоровья матери; ведь беременные женщины образуют группу высокого риска; бедным детям труднее выйти из состояния нездоровья.

Обследование позволило получить следующие оценки факторов риска: экономический фактор – низкий уровень оплаты труда (35%) и безработица (13%); социальный фактор – распространяется на пенсионеров, включая инвалидов (21%) и традиционный – многодетные семьи (24%).

Таким образом, реальная модернизация экономики региона невозможна без трансформации структуры общества, а последнее – невозможно без преодоления бедности и неравенства, что по своему существу приносит дестабилизирующий характер, действующий практически на всех направлениях социальной жизни. Поскольку социальная политика формулируется преимущественно на федеральном уровне, она может недоучитывать особенности регионального развития. Для того, чтобы социальная политика была действительно эффективной, она должна быть ближе к конкретному человеку в конкретных социально-экономических условиях.

***Пасечник А.А.,
Украина, г. Хмельницкий***

Стадии миграции населения

Предпосылки и цели исследования. Миграция в наше время играет большую роль, влияя на многие сферы деятельности человека. В результате её одна страна теряет, другая получает ценные трудовые кадры, у одних сокращается, у других увеличивается население, изменяется материальное состояние членов семьи мигрантов и т.п.

Целью исследования есть попытка рассмотреть и оценить современные стадии миграции населения.

Исследованиями в сфере стадийности миграционного процесса занимаются много научных деятелей, в том числе Л.Л. Рыбаковский, Л.Л. Шамилева и др. В основном выделяют три стадии миграции населения. Так, Рыбаковский Л.Л. пишет, что любой завершённый миграционный процесс состоит из таких стадий:

- 1) исходной, или подготовительной стадии, представляющей процесс формирования территориальной подвижности населения;
- 2) основной стадии, или собственно переселения населения, миграционных потоков;
- 3) заключительной, или завершающей стадии, выступающей как приживаемость мигрантов на новом месте [1, с. 26].

На первой стадии у человека формируется мысль о возможном изменении места жительства. Он становится потенциальным мигрантом. Со временем у него уже формируется мысль о необходимости изменения места жительства. Он сам себя подготавливает психологически к будущим изменениям в своей жизни.

Вторая стадия – это уже сам акт перемещения. Это есть основная стадия миграционного процесса. Именно на этой стадии формируются миграционные потоки, которые и определяют общее количество выбывших и прибывших людей.

На третьей стадии происходит вселение прибывших мигрантов в новый для них район, регион, страну. Происходит период приживаемости новоселов. Человеку нужно влиться в новую социальную совокупность. Не всегда это происходит гладко. Здесь у людей происходит процесс адаптации к новым для них условиям. Они формируют связи с другими людьми, у них возникает круг общения, расширяются возможности для самореализации.

Мы делаем попытку выделить ещё одну стадию миграционного процесса – послемиграционный период возвращения мигрантов. Этот период наступает тоже после того, как миграция уже состоялась, то есть после второй стадии миграции. Перед мигрантом могут возникнуть разные варианты:

1. у мигранта возникнет желание вновь изменить место жительства, но не возвращаться на прежнее место – продолжение миграции;
2. у мигранта возникнет желание остаться на этом месте на некоторое время – долгосрочная миграция;
3. у мигранта возникнет желание остаться на постоянное место жительства – окончание миграции и переход на этап приживаемости новоселов;
4. у мигранта возникнет желание возвратиться обратно.

В последнем выделяемом нами случае ситуация возвращения мигранта возникает по нескольким причинам: если возникают проблемы обустройства, если ожидание улучшения благосостояния не оправдывается, если новые климатические условия не подходят для здоровья мигранта и др. Но учитывая современную экономическую ситуацию, можно с уверенностью сказать, что в данное время увеличивается количество трудовых миграций.

Трудовая миграция характеризуется длительностью времени пребывания на заработках за границей (от месяцев до нескольких лет) и необходимостью возвращения. Так вот именно возвращение мигрантов после зарубежного трудоустройства и рассматривается нами как этап послемиграционного периода. В этом периоде возвращение мигранта связано не только с психологической адаптацией в социуме, в отношениях с семьёй, но и с экономическими проблемами: целевое использование заработанных за границей финансовых средств, последующее трудоустройство дома и др.

В первом случае мигрант не получает то, чего ожидал от нового места жительства. У него возникает желание снова изменить местонахождение, но назад возвращаться он не желает, а ищет иные пути улучшения жизни. Иногда люди так по несколько раз переезжают, в итоге порой возвращаясь на прежние места пребывания.

Во втором случае мигранта устраивают условия пребывания и трудоустройства на новом месте жительства. Он находит хорошую работу, у

него улучшается материальное состояние. Но он мигрирует не навсегда, а на несколько месяцев, возможно, несколько лет. В основном, у него цель экономическая – улучшение своего материального состояния. При наличии семьи, она находится в его родной стране, получая денежные переводы от мигранта. В итоге, спустя какой-то период, ему нужно возвращаться домой. Если же этот человек не имеет семьи, то он просто хочет попробовать себя на новом месте, или же хочет заработать капитал (купить машину, квартиру или начать свое предпринимательское дело).

Чаще всего такие люди совершают миграцию не один раз, и между такими поездками на заработки могут проходить разные периоды времени.

В третьем случае, если начальной целью миграции все-таки был переезд на постоянное место жительства, мигрант находит подходящие для своего пребывания условия жизни. Эти условия позволяют ему обустроиться на новом месте и он не видит смысла в возвращении на прежнее место жительства. Иногда такими переселенцами становятся те, кого просто ничто не держит на прежнем месте. В ином случае, у таких людей остаются семьи, близкие люди, друзья. Зачастую со временем эти мигранты, обустроившись и прижившись на новом месте, забирают свои семьи, помогают переселиться своим близким или друзьям. Поэтому и появляются целые национальные районы в США, Германии и других странах. При планировании переезда на постоянное место жительства, здесь происходит окончание миграции и переход на стадию приживаемости новоселов.

В последнем случае мигрант чувствует, что на прошлом месте жительства ему было лучше, его там больше всё устраивало. Так как чаще всего люди меняют место проживания с целью улучшения материального состояния, то в этом случае оно возможно не улучшилось, а то и вовсе ухудшилось. Возможны и другие причины возвращения: при перемещениях между разными климатическими зонами, у многих происходят изменения состояния здоровья; у многих остаются семьи дома и они возвращаются к ним.

Таким образом третью стадию миграции населения можно дополнить послемиграционным периодом.

В результате можно сказать, что стадийность миграционного процесса нуждается в более расширенном изучении, так как со временем миграция отыграет все более важную роль в социально-экономическом состоянии государств. Хотелось бы привлечь внимание научных деятелей к особенностям поведения людей в послемиграционном периоде после возвращения с заработков.

Источники

Л.Л. Рыбаковский. Миграция населения. Вып. 5: Стадии миграционного процесса. Приложение к журналу «Миграция в России». М., 2001., – 160 с.

**Серова Е.И.,
Россия, г. Москва**

Региональные особенности мобильности рабочей силы и развития рынка труда США в кризисный и посткризисный периоды

Спад межштатных миграций населения в связи с коллапсом рынка недвижимости США, наряду с коренными структурными несоответствиями рынка труда, стал основой продолжительного роста уровня безработицы, сопровождавшего кризис 2008–2009 гг. и период после него.

Особенность современного американского рынка труда заключается в нарушении логической зависимости между предложением рабочей силы и спросом на нее и в затянувшейся реабилитации рынка труда, которые оказываются тесно связанными со снижением активности пространственных перемещений некогда самой мобильной нации мира.

Анализом количественных и качественных соотношений на рынке труда занимается отдел Бюро трудовой статистики под названием Исследование вакансий и текучести кадров (Job Openings and Labor Turnover Survey). Эксперты используют модель количественной структуры рынка труда – кривую Бевериджа, которая отражает соотношение между числом вакансий и показателями безработицы.

С конца 2008 года безработица остается на высоком уровне при увеличении спроса на рабочую силу (рост числа вакансий). На графике кривой Бевериджа обратная зависимость между уровнем безработицы и так называемым уровнем вакансий (vacancy rate – отношение числа вакансий к занятости населения) нарушается (Рис. 1).

Одной из ключевых причин такого положения, по мнению аналитиков, выступает спад мобильности трудоспособного населения.

Исследования демографа, сотрудника Бюро переписи США Уильяма Фрея доказывают тесную связь темпов и направлений развития рынка труда с миграционной ситуацией в стране. Произошедшее вследствие общей экономической рецессии ухудшение показателей состояния рынка труда стимулировалось также спадом мобильности рабочей силы. Это в большей степени коснулось тех регионов, которые серьезно затронуты ипотечным кризисом. В их число вошли прежние миграционные магниты – отдельные штаты и города Южного и Западного регионов США. Приток мигрантов сопровождался в них ростом сегмента субстандартного кредитования (subprime – кредиты без первоначального взноса для наименее платежеспособных заемщиков). Процветание этих регионов оказалось ярким, но недолгим: после того, как лопнул пузырь на рынке недвижимости, они погрузились в

состояние кризиса, выход из которого осложняется спадом мобильности трудоспособного населения (прежней панацеи от высокой безработицы).

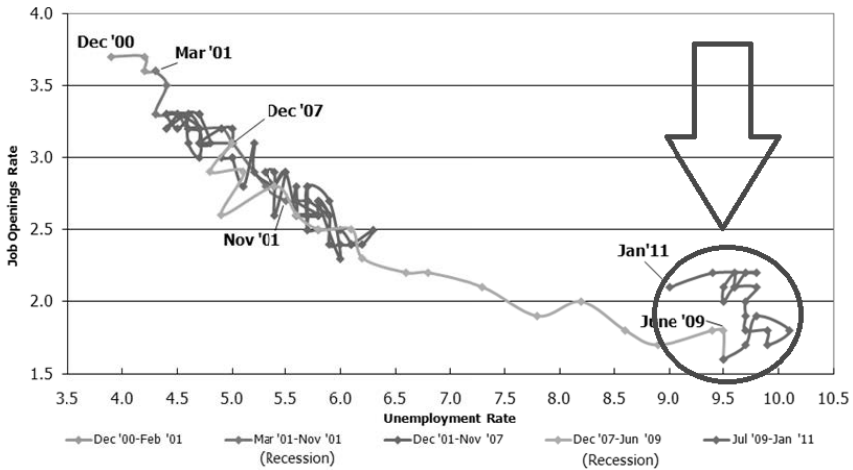

Рис. 1. Американский рынок труда: нарушение закономерностей

Составлен по: [4].

Наличие подобной цепи взаимосвязанных событий и факторов подтверждает экономист Стивен Хорвитц. Он объясняет механизм связи между тремя факторами кризиса безработицы: (рынок труда) + рынок недвижимости → мобильность рабочей силы → рынок труда. (Рис. 2) В результате резкого падения цен на недвижимость собственники, которые воспользовались ипотекой, оказались «заточенными» в местах своего проживания. При продаже дома они могли бы рассчитывать на такую сумму денег, которая не позволила бы им погасить свой кредит и тем более – приобрести новое жилье или взять кредит в банке другого региона¹. Потенциальные мигранты лишились своих перспектив, и это касается не только персональных стремлений к смене обстановки и переездам: в штатах, пораженных в результате кризиса рынка недвижимости, рецессия распространилась и в прочие сферы экономики, затронув, в частности, и рынок труда. Некогда легко решавшие проблемы трудоустройства мобильные безработные теперь не имеют такой возможности. А локальные рынки труда, неспособные уравновесить спрос на рабочие места и потребность в рабочей силе, погрузились в кризис.

¹ Среди прочих факторов, влияющих на мобильность американцев в период кризиса (помимо стоимости недвижимости) выделяются:

- Наличие второго работника в семье
- Социальное обеспечение (высокий welfare)
- Местные сообщества - community

Рис. 2. Механизм связи между тремя факторами кризиса на рынке труда: рынок недвижимости – мобильность населения – рынок труда

Многофакторная корреляционная цепь функционирует по-разному в различных регионах: каждый из компонентов испытывает воздействие региональных факторов. Если, например, одни штаты оказались в кризисном состоянии в большей степени в связи с коллапсом рынка недвижимости и миграционным спадом, то другие - по причине внутренних проблем локального рынка труда (в первую очередь, изначально высоких запросов на квалификацию рабочей силы со стороны работодателей и низкого качества трудовых ресурсов), лишь усугубляющихся в связи с миграционным спадом ввиду кризиса рынка недвижимости.

Региональные особенности видны при корреляционном анализе. На национальном уровне очевидные зависимости не подтверждаются эмпирически: в связи со значительными территориальными диспропорциями происходит компенсация одних тенденций другими.

На уровне штатов доказано, что нарушение хода кривой Бевериджа вызвано долгосрочной тенденцией существования качественных диспропорций на рынке труда США и стимулировано спадом мобильности во взаимосвязи с кризисом ипотечного рынка. Таким образом, изначально гипотеза подтверждается.

В качестве частных примеров изучены локальные рынки труда и миграционная обстановка штатов Калифорния и Вашингтон. Ситуация в штатах во многом различна, но, так или иначе, подтверждает существование трехфакторного взаимодействия.

Современный кризис безработицы США сформировали три явления: коллапс рынка недвижимости и сокращение мобильности населения, экономический кризис с ростом безработицы, а также структурная волна цикла Кондратьева. В течение экономического кризиса произошла радикальная перестройка структуры спроса на рабочую силу (резкий рост требований к квалификации работников). Локальный деловой цикл пересекся с длинной волной.

Цикличность развития рынка труда США в конце XX-начале XXI вв

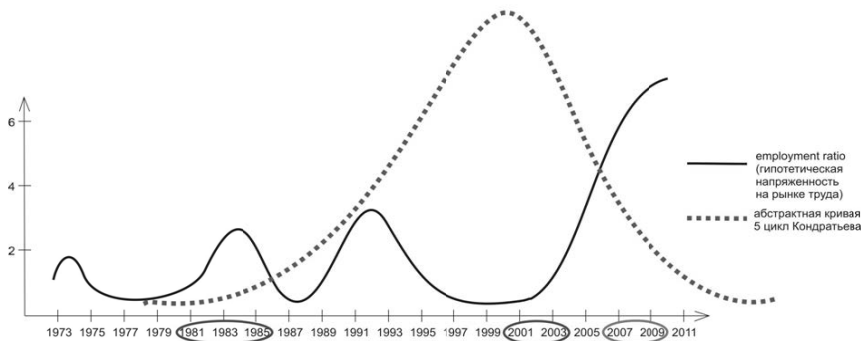

Рис. 8. Напряженность на рынке труда (гипотетическая кривая) и 5 цикл Кондратьева

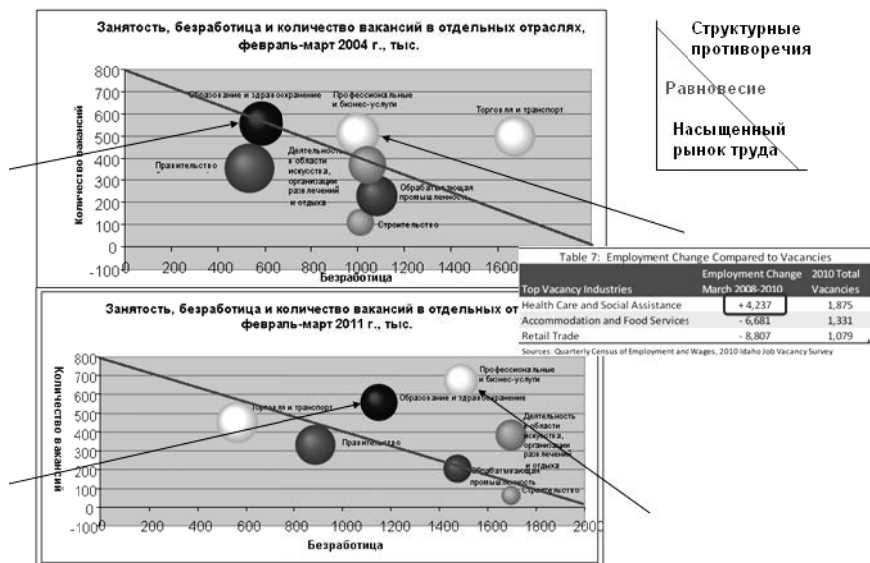

Рис. 9. Отрасли – драйверы структурных противоречий на американском рынке труда

Составлен по: [4].

В рамках локальных деловых циклов изменяются количественные показатели рынка труда, а в пределах длинных волн колеблются его качественные характеристики. При проведении аналогий с цикличностью Кондратьева (К-циклы экономики продолжительностью 45–60 лет, состоящие из чередующихся фаз относительно высоких и низких темпов экономического роста) видно, что кризис американского рынка труда был неизбежен, а его корни (структурные диспропорции) зародились еще в 2000-м г. (смена фаз 5 цикла Кондратьева) и только усугубились при наступлении кризиса. Качественные характеристики рынка труда начали изменяться вместе с длинной волной (1980–2010-е гг.), а его количественные показатели – в рамках последнего делового цикла (начало 2000-х гг. – настоящее время, Рис. 8). В настоящее время структура предложения рабочей силы отстает от динамики спроса, которая есть следствие мощной трансформации экономики в целом (Рис. 9).

Таким образом, современный кризис безработицы США сформирован комплексом факторов: с одной стороны, это локальные процессы снижения мобильности населения в связи с ипотечным кризисом, а с другой стороны, глобальные структурные преобразования экономики и рынка труда в рамках циклов Кондратьева. Глобальные трансформации сталкиваются с локальными изменениями, что приводит к долгосрочным проблемам и парадоксальным тенденциям.

Литература

1. Frey W. H. The Great American Migration Slowdown: Regional and Metropolitan Dimensions, The Brookings Institution, 2009.
2. Lewan T. Has economic twilight fallen on nation's Sun Belt?, The Guardian, May 2009
3. A Nation of Hunkered-Down Homebodies, The New York Times, January 2010.
4. Официальный сайт Бюро трудовой статистики США (US Bureau of Labor Statistics): <http://www.bls.gov/>.
5. Официальный сайт Бюро переписи США (US Census Bureau): <http://www.census.gov/>.
6. http://www.edd.ca.gov/About_EDD/pdf/qsjs-Job_Openings.pdf.
7. http://www.epi.org/economic_snapshots/entry/interactive_map_unemployment_then_and_now/.
8. Официальный сайт Внутренней налоговой службы США (Internal Revenue Service): <http://www.irs.gov/>.
9. <http://www.ofm.wa.gov/economy/longterm/2011/lt11ch1.pdf>.
10. <http://www.ofm.wa.gov/economy/longterm/2011/lt11ch3.pdf>.
www.workforceexplorer.com.

**Фуник Д.А.,
Россия, г. Краснодар**

Процессы адаптации вынужденных мигрантов: проблемы и результаты

Тема адаптации вынужденных мигрантов стала предметом для множества исследований в начале 90-х годов, но постепенно интерес к ней снизился. Это произошло в связи со спадом миграционной волны из стран Содружества в Россию, вызванной коллапсом социально-экономической системы, распадом Союза и развитием межнациональных конфликтов начала 90-х годов в постсоветских странах. Вместе с тем проблема социального обустройства вынужденных мигрантов остается весьма актуальной в современных условиях. Это обусловлено рядом специфических свойств данного вида миграции населения. Во-первых, негуманностью вынужденной миграции, во время которой ломаются многие человеческие судьбы. Во-вторых, поток вынужденных переселенцев на фоне разразившегося социально-экономического кризиса усиливает нагрузку на инфраструктуру региона и вызывает неприятие ее местным населением. В-третьих, массовая миграция приводит к изменению этноструктуры населения, укрепляя местные национальные диаспоры, что также создает дополнительные предпосылки к возникновению конфликтных ситуаций на бытовой и межнациональной почве.

В работе автор рассматривает особенности адаптации вынужденных мигрантов, учитывая при этом современную миграционную ситуацию, в условиях которой проблемы, обусловленные процессом вынужденного переселения, частью остались прежними, частью видоизменились. В связи с этим лейтмотив данной работы – выявление противоречий, обусловленных новым состоянием российского общества, испытавшим буквально миграционную интервенцию, и исследование в данном направлении нацелено на изучение процессов адаптации вынужденных мигрантов.

Сегодня в мире насчитывается свыше 20 млн. беженцев и около 24 млн. вынужденных переселенцев. Для многих из них социальные и правовые гарантии в разных странах и по различным причинам не могут быть соблюдены на уровне общепринятых стандартов, что является предметом постоянной обеспокоенности и нареканий со стороны Управления Верховного комиссара ООН по делам беженцев (УВКБ), а также других правозащитных организаций. В России находится свыше 1 млн. иностранных граждан и лиц без гражданства, чей статус на территории РФ еще не определен. По экспертной оценке, в современных условиях приток в Россию

иностранцев, ищущих убежище, может составлять более 100 тыс. человек в год. Сейчас массового потока вынужденных мигрантов нет. В I квартале 2010 г. в территориальных органах ФМС России статус вынужденного переселенца или беженца получили 853 человека (в I квартале 2009 г. — 2516 человек). Удельный вес зарегистрированных вынужденных иммигрантов в общей численности, прибывших из-за пределов Российской Федерации, составил 0,09%. По данным ФМС России, на 1 апреля 2010 г. в стране насчитывалось 56,7 тыс. вынужденных переселенцев и беженцев. Но эти данные нельзя назвать достоверными, так как в массе своей вынужденные мигранты нигде не регистрируются.

В докладе рассматриваются теоретические и эмпирические аспекты вынужденной миграции. Предпринята попытка проанализировать современное положение вынужденных мигрантов, живущих в различных регионах страны. Фактические материалы взяты из различных публикаций, интервью и проведенных ранее исследований. (Здесь и далее используются данные межрегионального исследовательского проекта «Совладающее поведение в современной России: экономические и социальные стратегии андеркласса», осуществляемого при финансовой поддержке «Института открытое общество» (Фонд Сороса). Научный руководитель проекта доктор экономических наук В.В. Радаев. Данные собраны в ходе двух этапов проекта: 1) ноябрь—декабрь 1998 г. Углубленные интервью. Всего опрошен 101 человек, в том числе 31 вынужденный мигрант в г. Москве, Нижнем Новгороде, Екатеринбурге, Краснодаре; 2) июнь 1999 г. массовый анкетный опрос (806 человек в четырех городах, в том числе 271 вынужденный мигрант).

Задачи исследования обусловили ограничения опроса: опрашивались мигранты, недавно прибывшие в города (год назад и менее), и остановившиеся в областных центрах). Анализ причин отъезда с прежнего места жительства выявил, что к основным выталкивающим факторам относятся национализм и тяжелое экономическое положение в странах СНГ и Балтии (66%). Все остальные причины, так или иначе, являются производными: отсутствие регулярной работы (48%); незнание местного национального языка (47%); трудности с образованием и будущей работой детей (47%); криминогенная обстановка, угроза личной безопасности (45%); нарушение прав граждан и собственников (44%).

Тяжелая ситуация с текущими доходами оставляет людям мало шансов для решения самой первоочередной проблемы — жилищной. В местах вселения семьи снимают жилье, живут вместе с родственниками, живут в помещениях, предоставленных Миграционной службой, небольшая доля мигрантов сумела купить жилье. В Краснодарском крае на сегодняшний день проходит реализация программы из средств федерального бюджета по ка-

тегориям «вынужденные переселенцы» и переселенцы Севера. В данной программе участвуют около 1200 семей, из федерального бюджета на улучшение жилищных условий переселенцев в 2011 году было выделено почти 146 млн. рублей, в 2012 году планируется выделить 67,5 млн. рублей.

Потери вынужденных мигрантов в связи с переездом не ограничиваются материальными ресурсами. Типичной для них становится фрустрация от потери имущества, несоответствия прошлого и современного социального статуса, невостребованности на новом месте жительства своей специальности (такой, как шахтер или горный инженер). Вынужденная миграция, безусловно, относится к разряду ненормативных жизненных событий. Она вызывает экстраординарные нагрузки на психологию людей, кризис жизненных ориентаций и предъявляет резко повышенные требования к их социальной компетентности. Трудности входа в новое социальное окружение обуславливаются потерями близких друзей (на прежнем месте жительства друзья были у 94% респондентов, а сейчас – у 49%), возможностей для любимых занятий они сократились с 72% до 49%, условий для поддержания в норме здоровья (64% против 47%). Множественные потери определяют и социально-психологические проблемы вынужденных мигрантов. К важнейшим из них респонденты отнесли: неуверенность в завтрашнем дне (57%); чувство зависимости от внешних обстоятельств (49%); чувство бесполезности для людей и общества (17%); неуверенность в себе, неумение себя подать (16%); неумение ориентироваться в ситуации (16%).

Также вынужденные мигранты столкнулись с проблемой, связанной с получением гражданства Российской Федерации, в основном это объясняется несовершенством миграционного законодательства. Не облегчают положение и принятые поправки к Закону «О гражданстве Российской Федерации». К тому же эти поправки коснулись лишь небольшой части переселенцев. Большинству из них в гражданстве отказывают. Ситуация совершенно нелепая: около 30 процентов вынужденных мигрантов, живущих в России более 5 лет, до сих пор не имеют гражданства. Часто без регистрации вынужденным переселенцам не предоставляют гражданство, а без гражданства не регистрируют, отказывают и в ссудах на жилье. Наиболее свежим примером нарушения прав мигрантов может служить ситуация, которая сложилась с обменом паспортов. Для многих соотечественников, уже прибывших или прибывающих в Россию, чисто техническая процедура превратилась в дополнительную повинность, в ходе которой необходимо еще раз доказывать свое право на гражданство Российской Федерации. Еще большее недоумение вызывает прописка «на всю жизнь», получив которую, человек не может никуда уехать, потому что нигде в другом месте его зарегистрировать не будут.

Таким образом, исследования проблем вынужденных переселенцев свидетельствуют о трудностях, с которыми им пришлось столкнуться в России, причем вне зависимости от места и региона нынешнего проживания. Большинство приехавших – люди энергичные, активные, образованные, но за время, прошедшее после переезда в Россию, лишь очень немногие сумели восстановить свой прежний уровень благосостояния, однако большинство никогда его не достигнет, слишком велика пропасть между жизнью «там» и «здесь» и слишком много потеряно в одночасье.

*Хасанова Р.Р.,
Россия, г. Москва*

Вклад внешних причин в изменение ожидаемой продолжительности жизни населения в трудоспособных возрастах в регионах Приволжского Федерального Округа

Россия – федеративная страна. Снижение уровня смертности в России в целом требует снижения смертности в каждом ее регионе. В России 84 субъекта, и в связи с этим, в России отмечается значительная региональная дифференциация смертности. В XXI веке ожидаемая продолжительность жизни увеличилась во всех регионах России. Несмотря на снижение смертности в России в целом и в ее регионах, в субъектах остается ее значительная региональная дифференциация. В 2009 году самая высокая ожидаемая продолжительность жизни отмечалась в Республике Ингушетия (78 лет) самая низкая – в Корякском автономном округе (55,1 год).

Основной причиной низкой ожидаемой продолжительности жизни в России является преждевременная смертность, что проявляется в высокой смертности населения в трудоспособном возрасте. Рост смертности увеличивает демографическую нагрузку на трудоспособное население, которая приводит к значительным экономическим потерям

Основная задача состоит в выявлении основных причин региональной дифференциации ожидаемой продолжительности жизни в интервале 15–60 лет для мужчин и 15–55 лет для женщин в регионах Приволжского Федерального Округа, с целью выявить особенности и возможности борьбы со смертностью с учетом возрастных и региональных особенностей. Для этого были рассчитаны потери в ожидаемой продолжительности жизни в трудоспособном возрасте от основных классов причин. Для анализа использовались статистические данные Федеральной службы государственной статистики России.

Анализ потерь в ожидаемой продолжительности жизни от основных причин смерти в Приволжском Федеральном Округе за 2009 год показывает,

что самые большие потери в ожидаемой продолжительности жизни мужчин и женщин трудоспособного возраста всех регионов от внешних причин. Самые большие потери мужского населения в трудоспособном возрасте от этих причин в 2009 году (Пермский край) составили 3,42 года, на втором месте Республика Марий Эл с потерями 3,17 года, на третьем месте Удмуртская Республика с потерями 3,09 года от внешних причин. Республика Татарстан является регионом с самыми низкими потерями от внешних причин (2,02 года).

Потери в ожидаемой продолжительности жизни среди женщин трудоспособного возраста от внешних причин ниже чем у мужчин. Но и здесь по этому показателю «лидирует» Пермский край (0,68 лет), на втором месте Республика Марий Эл (0,55 лет) и Чувашская Республика (0,52 года). Республика Татарстан является регионом с самыми низкими потерями от внешних причин (0,33 года).

При дальнейшем анализе с помощью метода компонент Е. Андреева было определено, за счет смертности в каком возрасте и от каких причин смерти происходило изменение ожидаемой продолжительности жизни в трудоспособном возрасте. Для сравнения были выбраны регионы Приволжского Федерального Округа с самыми высокими и с самыми низкими потерями от внешних причин за 2009 год: Пермский край (3,42 года и 0,68 лет) и Республика Татарстан (2,02 года и 0,33 лет).

Анализ показывает, что в 2009 году снижение ожидаемой продолжительности жизни в трудоспособном возрасте среди мужчин в Пермском крае за счет внешних причин начинается с 16 лет, наиболее большое количество потерь приходится с 22 лет до 37 лет. За весь период от 15 до 59 лет во всех возрастах среди других причин преобладают потери от внешних причин, кроме 57 и 59 лет, где «лидируют» потери от болезней системы кровообращения.

Анализ женского населения показывает, что потери от внешних причин в трудоспособном возрасте начались с 17 лет, наибольшие потери пришлись на возрасты 20–26 лет, 28–35 лет, 41, 44, 51–54 года. Во всех возрастах, кроме 39, 53 года (новообразования), 42 года (болезни системы кровообращения), 43–47, 50, 53 года (болезни органов пищеварения), преобладают потери в ожидаемой продолжительности жизни от внешних причин.

При сравнении структуры внешних причин смерти в 2009 году в Пермском крае и Республики Татарстан, можно увидеть, что они существенно отличаются. Если в Республике Татарстан преобладают смерть мужчин от самоубийств (26%), от повреждений с неопределенными намерениями (22%), от всех видов транспортных происшествий (14%), то в Пермском крае 23% смертей от внешних причин так же за самоубийствами, а 14% за нападениями (убийствами), 11,2% от случайных отравлений алкоголем.

Среди женщин Республики Татарстан 23% смертей от внешних причин пришлось на долю всех видов транспортных происшествий, 18% на долю повреждений с неопределенными намерениями и 13,3 и 13,9 % на долю убийств и самоубийств. В Пермском крае 17% умерших от внешних причин пришлось на долю убийств, 16,9 на долю несчастных случаев с огнем, по 14% на долю самоубийств и всех видов транспортных происшествий.

Стоит отметить, что класс внешних причин – это единственный класс, который обуславливает только предотвратимые смерти. Как мы видим, в 2009 году вклад внешних причин на изменение ожидаемой продолжительности жизни трудоспособного населения немалый. Результаты этого исследования свидетельствуют о том, что на новом этапе демографической политики в Приволжском Федеральном Округе борьба с внешними причинами должна быть приоритетной.

Конечно, на основе анализа одного года нельзя делать скоропостижные выводы. Но исследование показывает, что нужно изучить региональные особенности смертности населения в трудоспособном возрасте, их долговременные тенденции, и на основе этого разработать политику по снижению и профилактике смертности от разных причин смерти в регионах.

Литература

1. Андреев Е.М. Главная причина разрыва – высокая смертность мужчин от несчастных случаев, отравлений и травм, Электронная версия бюллетеня Население и Общество «Демоскоп Weekly» <http://demoscope.ru/weekly/035/tema03.php>.
2. Андреев Е.М. Метод компонент в анализе продолжительности жизни // Вестник статистики, 1982, № 9, 42–47.
3. Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики.

Именной указатель

Афанасьев Д.А.	617	Магомедов С.Д.	670	Тельнов В.И.	498
Ахметова А.А.	226	Макарова М.Н.	217	Ткаченко Л.Г.	69
Багирова А.П.	230	Мамадалиева Х.Х.	628	Тожиева З.Н.	504
Барашкова А.С.	234	Мамедова М.Б.	431	Третъяков Ф.Д.	498
Бирюкова С.С.	241	Михайлова О.Н.	139	Трубина А.В.	510
Бронштейн С.Б.	217	Мищук С.Н.	356	Тышкевич В.П.	521
Бучучану-Врабие М.	243	Моисеенко В.М.	361	Фаузер В.В.	525
Васильева Е.В.	251	Мосакова Е.А.	362	Фитуни Л.Л.	646
Вешкурова А.Б.	255	Назарова И.Г.	367	Фокеева Л.В.	529
Вильт М.В.	619	Неклюдова Н.П.	369	Фуник Д.А.	682
Вишневский А.Г.	578	Ноянзина О.Е.	271	Хавинсон М.Ю.	356
Волосовцова К.О.	258	Овчинникова Е.Р.	372	Хасанова Р.Р.	685
Гагауз О.Е.	261	Орлов А.Ю.	104	Чебанова Л.А.	536
Гарашенко Т.Н.	649	Орлова Е.А.	382	Чернов А.С.	540
Герасимова В.	653	Пасечник А.А.	674	Чернышева И.В.	546
Гончарова Н.П.	271	Пенина О.	386	Чистякова Н.Е.	552
Давиденко А.Н.	217	Петров В.Н.	174	Шахотько Л.П.	562
Донец В.Д.	656	Петрякова О.Л.	341	Шпенев А.П.	89
Дорошенко С.В.	621	Письменная Е.Е.	47	Шубат О.М.	569
Еремин А.А.	281	Поалелунжь О.	391	Эдиев Д.М.	137
Есимова А.Б.	288	Понелене Р.	108		
Зверева Н.В.	9	Попова Л.А.	403		
Злотников А.Г.	74	Потанина Ю.А.	413		
Зылёва О.В.	625	Прибыткова И.М.	142		
Игнатъева Л.Н.	292	Привалова Н.Н.	415		
Илимбетова А.А.	660	Прохорова Ю.А.	304		
Иногамов Ш.А.	297	Пшеничникова М.М.	569		
Ионцев В.А.	304	Рагимова З.Р.	431		
Ионцева С.В.	318	Ратнер А.В.	217		
Исламов С.И.	63	Романюк Т.М.	443		
	66	Ротова Р.С.	112		
Калабихина И.Е.	86	Рубинская Э.Д.	447		
Калмыкова Н.М.	89	Руджинскене Р.	633		
Кирюшин П.А.	619	Рыбаковский Л.Л.	36		
Клупт М.А.	589	Рынгач Н.А.	451		
Комбарова Т.В.	321	Рязанцев С.В.	47		
Коржов М.А.	52	Савеленко Д.	455		
Красинец Е.С.	190	Самичко Р.А.	619		
Кример Б.А.	97	Сафарова А.А.	139		
Кузнецов Н.Г.	324	Сафарова Г.Л.	139		
Кузьмин А.И.	327	Сафиуллин Р.Г.	457		
Кузьмина А.А.	327	Сафиуллина Р.М.	457		
Кумсков Г.В.	56	Сахвадзе А.Ш.	614		
Курило И.А.	337	Серова Е.	677		
Курманов А.М.	52	Синица А.	469		
Кучмаева О.В.	341	Слюсар Л.И.	474		
Ланченко Е.А.	101	Смильгене Ю.Р.	123		
Лифшиц М.Л.	343	Соловьев А.К.	52		
	348	Сороко Е.Л.	130		
Лончаков С.А.	665	Сухинин С.А.	131		
Лончакова О.В.	665	Тарасова Е.В.	491		

СОДЕРЖАНИЕ

Организационный комитет.....	5
Приветственное слово (оргкомитет конференции).....	6
Приветственное слово Исполнительного Представителя ЮНФПА в Российской Федерации <i>Лидии Бардаковой</i>	7
ПЛЕНАРНАЯ СЕССИЯ	9
Основные докладчики (в порядке их выступлений):	
<i>Зверева Н.В.</i> Научные идеи Д.И. Валентя и современная глобализация	9
<i>Коулмен Д.А.</i> The ethnic transformation of European societies by immigration	21
<i>Рыбаковский Л.Л.</i> Демографическое развитие России в условиях глобализации.....	36
СЕССИЯ 1. Демографическая наука и демографическое образование в условиях глобализации	47
Основные докладчики (в порядке их выступлений):	
<i>Рязанцев С.В., Письменная Е.Е.</i> Эмиграция российских ученых: «циркуляция» или «утечка» умов?	47
<i>Соловьев А.К., Коржов М.А., Курманов А.М.</i> Влияние глобального демографического кризиса на пенсионную систему и экономику России	52
<i>Кумсков Г.В.</i> Особенности реализации миграционных процессов и их влияние на социально-экономическое и демографическое развитие Кыргызстана.....	56
<i>Islamov S.I.</i> Environmental degradation and migration of the population of the Republic of Tajikistan	63
<i>Исламов С.И.</i> Деградация окружающей среды и миграция населения Республики Таджикистан	66
<i>Ткаченко Л.Г.</i> Демографические маркеры пенсионного возраста.....	69
Доклады участников сессии:	
<i>Злотников А.Г.</i> Экстернальность и интрональность демографических процессов	74
<i>Калабихина И.Е.</i> Демографическое образование в контексте интеграции в Болонский процесс.....	86
<i>Калмыкова Н.М., Шпенев А.П.</i> Анализ истории событий как учебная дисциплина в программе подготовки магистров-демографов	89

<i>Кример Б.А.</i> Семейная политика в странах Европы и в Украине в современных условиях.....	97
<i>Ланченко Е.А.</i> Демографические процессы на селе и развитие высшего аграрного образования в Украине.....	101
<i>Орлов А.Ю.</i> Идентификационное движение населения: демографическое осмысление и методика исследования.....	104
<i>Понелене Р.</i> Развитие детской сопротивляемости к потребительской культуре в условиях глобализации.....	108
<i>Ротова Р.С.</i> Актуальность развития экономики народонаселения.....	112
<i>Смильгене Ю.Р.</i> Неформальное образование педагогов дошкольного воспитания в Литве – одна из возможностей обучения при демографических изменениях в условиях глобализации.....	123
<i>Сороко Е.Л.</i> Критерии качества демографических баз данных.....	130
<i>Сухинин С.А.</i> Пропедевтика демографического анализа в школьной географии.....	131
<i>Frantsuz Y.</i> Teaching Population Theories: a Multidisciplinary Approach....	135
СЕССИЯ 2. Воспроизводство населения в условиях глобализации	137
Часть I: Естественное воспроизводство населения	137
Основные докладчики:	
<i>Эдиев Д.М.</i> Новые подходы к оценке ожидаемой продолжительности жизни: продолжительность жизни в развитых странах может быть выше, чем принято считать.....	137
<i>Сафарова Г.Л., Сафарова А.А., Михайлова О.Н.</i> Современное состояние и перспективы старения населения России.....	139
<i>Прибыткова И.М.</i> Демографическое развитие Украины в условиях глобализации и неопределенности ее геополитического выбора.....	142
<i>Pribytkova I.</i> Demographic Development of the Ukraine Under Challenges of Globalization and Uncertainty of its GEOPOLITICAL Choice.....	154
Часть II: Миграция населения	157
Основные докладчики:	
<i>Малачич Я., Самбт Й.</i> Modern Nature of Migration in Advanced Countries and Unemployment of Immigrants.....	157
<i>Петров В.Н.</i> Этнические миграционные процессы в современной России.....	174
<i>Красинец Е.С.</i> Трудовая миграция и миграционная политика в современной России.....	190
<i>Maksakova L.</i> Role of Emigration and Immigration in migration processes in Uzbekistan.....	192

<i>Максакова Л.П.</i> Эмиграционные и иммиграционные потоки в современных миграционных процессах в Узбекистане.....	196
Доклады участников сессии:	
<i>Алимова У.</i> Problems of Analyzing Regional Differentiation of Mortality in Kazakhstan	207
<i>Андреева Е.Л., Кузьмин А.И., Ратнер А.В., Давиденко А.Н., Макарова М.Н., Бронштейн С.Б.</i> Инструментарий социологического и демографического оценивания воспроизводства ценностных установок населения промышленных территорий в условиях модернизации.....	217
<i>Антипова Е.А.</i> Демографическое развитие городов Беларуси в условиях глобализации	220
<i>Ахметова А.А.</i> Демографическая ситуация в Казахстане	226
<i>Багирова А.П.</i> Родительский труд как инструмент воспроизводства человеческого капитала	230
<i>Барашкова А.С.</i> Устойчивые тенденции брачного поведения населения в Северном регионе.....	234
<i>Бирюкова С.С.</i> Вклад мигрантов в воспроизводство населения России: возможности оценки на основе существующей статистической информации	241
<i>Бучучану-Врабие М.</i> Гендерные аспекты занятости в Республике Молдова	243
<i>Васильева Е.В.</i> Проблема управляемости социально-демографическими процессами региона в условиях глобализации	251
<i>Вешкурова А.Б.</i> Влияние иммиграции на демографическую ситуацию принимающей страны	255
<i>Волосовцова К.О.</i> Настоящее и будущее политики интеграции мигрантов в российское общество (на примере СКФО).....	258
<i>Гагауз О.Е.</i> Молдова в процессе глобализации низкой рождаемости	261
<i>Гончарова Н.П., Ноянзина О.Е.</i> Влияние трудовой миграции на региональный рынок труда: методические основы исследования и результаты апробации.....	271
<i>Дизендорф Л.В.</i> Влияние глобализации на миграционное поведение международных мигрантов	279
<i>Еремин А.А.</i> Динамика рождаемости и возрастная структура населения в Алтайском крае.....	281
<i>Есимова А.Б.</i> Репродуктивное поведение русских женщин в Казахстане (по материалам социолого-демографического обследования).....	288
<i>Игнатьева Л.Н.</i> Современные тенденции внешней миграции в Казахстане (в этническом и региональном аспектах)	292

<i>Иногамов Ш.А.</i> Прогноз демографического развития Узбекистана	297
<i>Ионцев В.А., Прохорова Ю.А.</i> К вопросу о четвертом демографическом переходе	304
<i>Ионцева С.В.</i> Экологические беженцы как глобальная проблема настоящего и будущего.....	318
<i>Комбарова Т.В.</i> Причины смертности населения в Тюменском регионе.....	321
<i>Кузнецов Н.Г.</i> Иностранная трудовая миграция в России: проблемы и перспективы.....	324
<i>Кузьмин А.И., Кузьмина А.А.</i> Мотивация самосохранительного поведения населения Уральского района.....	327
<i>Курило И.А.</i> Естественное движение населения Украины: итоги последнего тридцатилетия	337
<i>Кучмаева О.В., Петрякова О.Л.</i> Динамика рождаемости и меры семейной политики в современной России.....	341
<i>Лифшиц М.Л.</i> Глобальные закономерности и перспективы России: может ли международная миграция восполнить естественные потери трудовых ресурсов в 2012–2028 гг.....	343
<i>Lifshits M.</i> Global regularities and Russia's prospects: Could natural loss of manpower be completely replenished by international migration in 2012–2028?	348
<i>Markowski S., Brunarska Z., Nestorowicz J.</i> Challenges of Globalization, Labour Migration and the Segmentation of the Russian Labour Market ..	352
<i>Мишук С.Н., Хавинсон М.Ю.</i> Прогнозирование динамики внешней трудовой миграции в приграничном регионе Дальнего Востока России	356
<i>Моисеенко В.М.</i> Внешняя миграция населения в России на рубеже XX в. (тенденции и подходы к анализу)	361
<i>Мосакова Е.А.</i> Повышение рождаемости в развитых странах мира и гендерное равенство.....	362
<i>Назарова И.Г.</i> Миграционные установки жителей городов Республики Коми	367
<i>Неклюдова Н.П.</i> Методические подходы к оценке качественных характеристик иностранной рабочей силы	369
<i>Овчинникова Е.Р.</i> Потенциальная миграция и ее факторы	372
<i>Орлова Е.А.</i> Прогнозирование демографических процессов периферийных муниципальных районов промышленного региона...382	
<i>Пенина О.</i> Продолжительность жизни и причины смерти в Молдове, Украине и Румынии	386
<i>Поалелунжъ О.</i> Миграционные процессы в Республике Молдова в контексте взаимодействия миграционных систем СНГ и ЕС	391

<i>Попова Л.А.</i> Особенности демографического старения в северных регионах России (на примере Республики Коми)	403
<i>Потанина Ю.А.</i> Перспективы старения населения в Российской Федерации на фоне международного опыта	413
<i>Привалова Н.Н.</i> Демографическое развитие Беларуси: современные тенденции, проблемы и пути решения	415
<i>Рагимова З., Мамедова М.</i> Демографическое старение населения Азербайджана в современных условиях	431
<i>Romanuk T.M.</i> External Labour Migration as a factor of influence on economic indicators of a country (region) as a donor of Labour Force	433
<i>Романюк Т.М.</i> Внешняя трудовая миграция как фактор влияния на экономические показатели страны (региона) донора рабочей силы	443
<i>Рубинская Э.Д.</i> Исследование процессов международной трудовой миграции как основы формирования региональной миграционной политики (на примере Южного федерального округа)	447
<i>Рынгач Н.А.</i> Смертность от болезней органов пищеварения в Украине: что изменилось?	451
<i>Савеленко Д.</i> Социально-экономические особенности модели трансфертного поведения трудовых мигрантов, работающих в России	455
<i>Сафиуллина Р.М., Сафиуллин Р.Г.</i> Миграционное движение населения Республики Башкортостан: эволюция, тренды и перспективы	457
<i>Синица А.Л.</i> Миграция: традиция и современность	469
<i>Слюсар Л.И.</i> Украинская семья в условиях глобализации	474
<i>Сукнёва С.А.</i> Проблемы демографического развития республики Саха (Якутия)	479
<i>Тарасова Е.В.</i> Алтайский край на пересечении миграционных потоков (конец XIX – начало XXI в.)	491
<i>Тельнов В.И., Третьяков Ф.Д.</i> Сравнительная динамика воспроизводства населения атомграда Озерска	498
<i>Тождиева З.Н.</i> Трансформация повозрастных коэффициентов рождаемости населения Узбекистана	504
<i>Tolesh F.</i> The future population of Kazakhstan: Prospects to 2060 by region and place of residence	508
<i>Трубина А.В.</i> Основные тенденции миграционных процессов северо-востока России	510
<i>Тышкевич В.П.</i> Изменение российской модели брачности в условиях глобализации	521
<i>Фаузер В.В.</i> Последствия миграционных потерь северных регионов России	525

<i>Фокеева Л.В.</i> Воспроизводство сельского населения Беларуси в контексте процесса демографической глобализации.....	529
<i>Чебанова Л.А.</i> Демографический кризис в Тверской области: состояние, причины, последствия, пути выхода	536
<i>Чернов А.С.</i> Статистическое моделирование миграционных процессов Мурманской области.....	540
<i>Чернышева И.В.</i> Государственная политика в отношении молодых семей в области решения жилищной проблемы.....	546
<i>Чистякова Н.Е.</i> Изменения в соотношении числа мужчин и женщин в Северо-Западном федеральном округе.....	552
<i>Shakhotska L.P.</i> Tendencies in Marriages and Divorces of Population in the Republic of Belarus	555
<i>Шахотько Л.П.</i> Тенденции брачности населения в республике Беларусь	562
<i>Шубат О.М., Пишеничникова М.М.</i> Содержание родительского труда в процессе воспроизводства человеческого капитала: опыт эмпирического исследования.....	569
СЕССИЯ 3. Геополитические аспекты развития населения.....	574
Основные докладчики:	
<i>Weinar A.</i> Migration policy learning – EU and CIS cooperation in perspective.....	574
<i>Вишневский А.Г.</i> Глобальные демографические процессы в свете теории демографического перехода	578
<i>Абрамова И.О.</i> Народонаселение Африки в новой экономической модели мира	585
<i>Клупт М.А.</i> Демографическое развитие как многоальтернативный процесс: роль регионов	589
<i>Klupt M.</i> Demographic Changes as a Multi-Choice Process: Role of the Regions	602
<i>Сахвадзе А.Ш.</i> Демографическая статистика, как орудие политической борьбы в постсоветской Грузии	614
Доклады участников сессии:	
<i>Афанасьев Д.А.</i> Факторы роста. Миграционная привлекательность России.....	617
<i>Вильт М.В., Кирюшин П.А., Самичко Р.А.</i> Геополитические и социально-эколого-экономические аспекты развития Калининградской области	619
<i>Дорошенко С.В.</i> Демографическая составляющая адаптивного потенциала региональной системы.....	621

<i>Зылёва О.В.</i> Механизмы эффективного миграционного менеджмента ...	625
<i>Мамадалиева Х.Х.</i> Развитие семейно-брачных отношений в современном Узбекистане	628
<i>Руджинскене Р.</i> Государственная политика в области сокращения длительной безработицы в контексте демографических изменений ..	633
<i>Фитуни Л.Л.</i> Предпосылки арабских революций: демографический аспект	646
Доклады участников круглого стола для студентов и аспирантов «Глобальные демографические вызовы глазами молодых исследователей»	649
<i>Гаращенко Т.Н.</i> Аборты и планирование семьи в Украине: в плену архаики или в русле современных тенденций?	649
<i>Герасимова В.</i> Забота о пожилых: право или обязанность	653
<i>Донец В.Д.</i> Родительская семья как фактор репродуктивного поведения	656
<i>Илимбетова А.А.</i> Активизация трудовой миграции женщин из стран СНГ в Россию	660
<i>Лончакова О.В., Лончаков С.А.</i> Население как пространственно-временное образование	665
<i>Магомедов С.Д.</i> Качество жизни населения на примере Республики Дагестан	670
<i>Пасечник А.А.</i> Стадии миграции населения	674
<i>Серова Е.И.</i> Региональные особенности мобильности рабочей силы и развития рынка труда США в кризисный и посткризисный периоды	677
<i>Фуник Д.А.</i> Процессы адаптации вынужденных мигрантов: проблемы и результаты	682
<i>Хасанова Р.Р.</i> Вклад внешних причин в изменение ожидаемой продолжительности жизни населения в трудоспособных возрастах в регионах Приволжского Федерального Округа	685

Научное издание

Материалы международной конференции
ДЕМОГРАФИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ:
ВЫЗОВЫ ГЛОБАЛИЗАЦИИ
Седьмые Валентеевские чтения

15–17 ноября 2012 г., Москва, Россия

Подготовка оригинал-макета:
Издательство «МАКС Пресс»
Компьютерная верстка: *Е.П. Крынина*
Дизайн обложки: *И.М. Секулич*

Подписано в печать 09.11.2012 г.
Формат 60х90 1/16. Усл.печ.л. 43,5. Тираж 200 экз. Изд. № 436.

Издательство ООО «МАКС Пресс»
Лицензия ИД N 00510 от 01.12.99 г.

119992, ГСП-2, Москва, Ленинские горы,
МГУ им. М.В. Ломоносова, 2-й учебный корпус, 527 к.
Тел. 8-495-939-3890, 8-495-939-3891. Тел./Факс 8-495-939-3891.

Отпечатано в ППП «Типография «Наука»
121099, Москва, Шубинский пер., 6
Заказ №